ПИСЬМА С ГОР

ПЕРЕПИСКА
ЕЛЕНЫ И НИКОЛАЯ РЕРИХ С
РИХАРДОМ РУДЗИТИСОМ

В двух томах

Том II

(1938-1940)

Минск
«Лотаць»
2000

Печатается по материалам из личного архива Гунты Рудзите
Вступительная статья, примечания и комментарии
Гунты Рудзите

ПИСЬМА С ГОР: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Т. II (1938–1940) / Вступ. ст., примеч. и коммент. Г.Рудзите. – Мн.: Лотаць, 2000. – 608 с.

Двухтомник переписки Елены и Николая Рерих с председателем Латвийского общества Рериха Рихардом Рудзитисом включает более 420 писем, телеграмм и других документов, охватывающих период с 1932 по 1940 годы.

В II том переписки вошли письма 1938–1940 гг. Большая часть материалов публикуется впервые.

Знак *Агни* помещён на обложке и титульном листе книги с разрешения президента Латвийского общества Рериха Гунты Рудзите.

© Г. Рудзите, 2000.
© ИП «ЛОТАЦЬ», 2000.

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
2-ЯНВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Поистине, каждое Ваше письмо приносит добрую весть. Так и в письме Вашем от 23 декабря приложено радостное сообщение Блюменталя о делах в Таллине. Он не пишет, удалось ли ему предотвратить злосчастное письмо в Р. Музей[1] в Нью-Йорк. А если не удалось, то узнал ли он, на чьё именно имя было это письмо послано. Кстати, по последним сведениям выходит, что всё же нельзя ожидать присылки клише из Америки для монографии. Итак, лучше обойдитесь местными средствами. Очень хорошо, что *Сегодня* поместило заметку о Праге, по-видимому, лёд растаял (как говорит Блюменталь) не в одном Таллине. Посылаю для *Сегодня* записной лист *Парапсихология.* Желательно, чтобы он прошёл без сокращений, которые часто меняют смысл. Также, по просьбе Святослава, прилагаю образчик холста. Не найдётся ли в Риге – ведь Латвия так богата льном – подобного холста, приблизительно такой же ткани, и в таком случае, пожалуйста, пришлите несколько образчиков, указывая ширину холста и его цену. Холст должен быть неподготовленный, и прилагаемый образчик закрашен лишь случайно. Совершенно согласны с Вами, что Асеев напрасно поместил в 9-м выпуске (этого выпуска мы ещё не имеем) сведения о едином фронте с Батуриным. Одно такое хотя бы краткое сведение уже отзовётся на всём положении журнала.

Действительно странно, что Асеев, несмотря и на Ваше предупреждение и на наши определённые советы, продолжает своё «единомыслие» с Батуриным. Для похвалы Батурина место находится, а для осуждения отвратительной книги *Враги Вселенной* место не нашлось. Всё это весьма печально. Пришла книга *Братство* и большой альбом фотографий. Спасибо Вам всем за такие ценные знаки. Добрые, хорошие лица у сочленов. Пусть растёт доброе древо. Очень хорошо, что Вы посоветовали Юлии Доминиковне составить в Каунасе Комитет Пакта не только из членов Общества, но и из местных выдающихся деятелей. Пример Таллина показывает, что местные культурные деятели отозвались. Итак, пусть общественное мнение утверждает идеи созидательства. Прекрасное письмо прислал Карл Оттонович с приложением фотографий и газетных заметок о аурора бореалис[2]. Если будете писать в Харбин, подчеркните, чтобы они интересовались феноменом северного сияния и вообще почаще смотрели бы к северу. Многие удивительные вещи сейчас происходят, но люди очень редко координируют даже самые поразительные явления, как космические, так и общественные. Конечно, мы вполне понимаем, что появление в Риге издания *Оккультизм и Йога* внесло бы новые осложнения, а сейчас так важно укрепить все достижения, получившиеся с Конгрессом. Да будет Вам всем светло. Е.И. и все мы шлём приветы. Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

---

[1] Музей Рериха.
[2] aurora borealis *(лат.)* – северное сияние.

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 4 января 1938 г.

Сердечно дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Хочу начать этот Новый год, посылая Вам, наши любимые Водители, мысли благодарности и духовной радости. Постоянно чувствую, как много незабвенного благословения Ваше Светлое Руководство даёт как в нашей, так и в моей собственной жизни. Сколько тончайших струн духа, какая ширь раскрывается перед нами.

Хотел бы Вам послать радость своего сердца, потому простите, что прилагаю здесь свой реферат, который я прочёл в нашем Обществе в четверг, 30 декабря, вместе с пожеланиями к Новому году.

Хочу Вам здесь привести также прочувствованное приветствие Гаральда нашему Обществу, которое он прислал мне из Зегевольда[3], куда уехал в «отпуск», но простудился и пролежал в Риге. В этом его приветствии отражались также другие его тогдашние переживания. Мы прочли его вместе с другими приветствиями членам 24 декабря у нашей традиционной ёлки.

«Дорогие Друзья, сижу в своей комнатке, и так сильно, так сильно болит сердце. А за что болит сердце – за несовершенство. Всё сижу, а сердце-то болит и болит. А покрыта боль радостью, той радостью, что есть боль, которая поможет продвинуться вперёд.

Дорогие Друзья, примем на следующий год – и со всей Торжественностью примем – боль в сердце своё. Да поможет она нам совместно продвинуться и всё сильнее и сильнее объединиться в мощное войско Света, которому не чужд путь Самоотверженности и Жертвы».

У Рождественской ёлки мы пережили много восторженных мгновений. На столике у ёлки мы выставили также Ваши портреты (работы Святослава Николаевича), которые доставили всем нам искреннюю радость. Но хочу Вам здесь поведать ещё о другой нежданной радости, которую я пережил в тот же вечер. Вернувшись с ёлки домой, я встретил в своей комнате, в углублении у окна, чудесный дорогой дар от членов Общества: синее кресло Владыки и столик с пурпуровой плисовой скатертью, большой серебряной чашей и книгой *Иерархия* на нём. Было также сопроводительное письмо с подписями всех членов. Всё было так сердечно продумано и прекрасно. Сердце горело в благодарности.

Я так признателен также многим членам за их бескорыстное сотрудничество и продвижение дел нашего Общества. Прежде всего – нашим «казначеям» Гаральду, Вайчулёнису и также Мисиню за непрестанную материальную (конечно, и духовную!) поддержку, далее, Валковскому за протоколы, прошения и прочие административные дела, г-же Пормалис, машинка которой оказала неоценимую услугу делу нашего Конгресса, она переводила также все приветствия по-латышски и наши письма по-английски, г-же Мисинь за многочисленные переписки, за все дела в связи с Музеем и за корректуру *Тайной Доктрины,* Клизовскому за книги на темы Учения, Абрамовичу за рассылку книг и содержание в порядке нашего храма, Бялковскому за продажу книг и за хранение нашей библиотеки, Стребейко за литографическое издание серии латышских переводов книг Учения (накануне Нового года вновь вышла по-латышски *Беспредельность,* I часть), г-же К.Драудзинь за переводы книг Учения и за добрые советы, Слётовой, Залькалну и другим за корректуру.

31 декабря, за полчаса до закрытия государственных учреждений, мы получили от цензуры разрешение на выпуск *Т. Д.,* II тома. Разрешение получили сразу. Задержка в последний момент произошла в типографии. Беспокоился я, что в прошлом году не успеют окончить, всё же подоспели к сроку. Один брошюрованный экземпляр тотчас послали Вам. Будут посланы также два экземпляра в переплёте, потом посылка задержится на 3–4 недели, пока переплётчик не справится со всеми экземплярами.

В тот же день пришла Ваша посылка от 21 декабря с приветом нашему Обществу и с портретом Е.И. – за этот радостный Дар членам приношу Вам нашу искреннюю благодарность. Привет Обществу (также в латышском переводе) мы прочтём в следующий четверг, 6 января.

---

[3] Ныне Сигулда.

7янв. 1938г.

Сегодня снова получили Ваше письмо от 28.XII и письмо Владимира Анатольевича от 27.XII, со всеми приложениями, – сердечное моё спасибо. На следующей неделе придётся начать печатать Сборник приветствий, мои соображения посылаю в письме Владимиру Анатольевичу.

Сегодня вечером получили телеграмму из Америки: «Cliches and books released sent yesterday»[4]. Радостная весть. Значит – на сей раз Победа. Наша монография будет весьма богатой, так как кроме этих репродукций туда войдут также пражские, о которых Вам уже писал Гаральд Феликсович.

Шлю Вам самые радостные и сердечные мысли моего сердца.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

8-1-38

Дорогой наш Рихард Яковлевич!

Сейчас получили Ваше письмо от 28–29 декабря и спешим поспеть на ближайшую же воздушную почту. Очень хороши сведения из Таллина. Странно лишь одно, что Кайгородов не усматривает поле деятельности для постоянных регулярных заседаний Общества. Казалось бы, деятельность на поле культуры настолько безгранична и постоянно даёт новые темы, что работы хоть отбавляй. Но, конечно, каждое общество должно работать самодеятельно по своему разумению, и потому пусть сами таллинцы решают, что и как им ближе. Хорошо также и то, что Беликов обнаруживает энергию и, по-видимому, находится вне влияния Гущика. Удалось ли Блюменталю остановить письмо в Америку, о котором Вы сообщали? Очень интересно, какие впечатления привезёт Гаральд Феликсович из Праги? Вот уж поистине стремительный дух, который так любит полёты. Каково впечатление от самого Булгакова?

Теперь по поводу репродукций. Вполне понимаю Ваши соображения, ибо иногда неудовлетворительная красочная репродукция даже хуже однотонной. Считаем удовлетворительными: *Приказ Учителя, Земля Всеславянская, Приказ Ригден Джапо.* В *Открываем Врата* сравнительно с американскими открытками очень черна даль и пятнисто небо, а также дорога не имеет коричнево-лиловатого тона. В *Зареве* нет обобщающего красного тона. Если его не усмотрели на открытках, то можно бы посмотреть тональность на большом красочном воспроизведении в монографии 1916 года. Теперь в отношении больших репродукций. Удовлетворительны *Стрела Сарахи* и *Сергии Строитель.* Остальные семь очень бледны в тоне, грязноваты по краскам, и, видимо, типография не сличала оттиски с воспроизведениями в американской монографии. Особенно пострадали: *Пророк, Жар-Цвет, Жемчуг исканий* и в особенности *Помни.* Пропали синие тона, т. е. как раз те, о которых столько раз подчеркивалось в литературе. Очень хорошо, что Вы привлекли Пранде к редакции монографии. Он сам художник и много участвовал в журнальных делах, и потому найдёт соответственный язык с типографией. Казалось бы, и сама типография, даже если заведующий ею человек занятой, должна бы видеть, насколько отличается сделанное ею же *Сострадание* от семи последних отпечатков. Если для *Сострадания* они могли найти более сильные краски, то откуда же получилась такая слабизна и грязноватость при оттисках больших американских клише? Ведь дело не в самих клише, а в разных красках. И при сличении с американской монографией эта разница каждому бросается в глаза. Мы уверены, что Пранде в данном случае сделает всё возможное. Именно большие красочные воспроизведения составят мнение публики о монографии. И гордость Государственной типографии должна ей подсказать желание сделать не хуже Америки. Кроме того, большие красочные воспроизведения пригодились бы для отдельной продажи как при Музее, так и в книжном магазине, если таковой осуществится. Хорошие репродукции можно иметь под

---

[4] Клише и новые книги выслали вчера *(англ.).*

стеклом в узеньких тёмно-коричневых матовых рамочках, и за такую картинку можно по местным условиям сообразить продажную цену. Так же точно могут продаваться и открытки – на тёмно-сером или коричневатом картоне. А большие воспроизведения с такими же полями будут вполне внушительны. Всегда вспоминаем, как широко действовало и имело крупный доход издательство Евгениевской Общины. Мы в этом деле были с самого его начала и убеждались, как в течение всего нескольких лет оборот издательства достиг двухсот тысяч рублей в год и на средства содержался целый госпиталь, кроме постоянно увеличивавшегося оборота издательства. Если это было возможно в пределах одного государства, то при некоторых международных связях, казалось бы, и теперь подобное издательство должно бы иметь успех. Часть дохода можно было бы дать в пользу какого-либо местного большого благотворительного учреждения, например Красного Креста, или другого широкого национального начинания. А может быть, этим можно сразу заинтересовать все три страны. Евгениевская Община, кроме начавшегося постепенно издательства открыток как современных, так и старых мастеров и исторических памятников, затем имела и издания монографий, издавала каталог Эрмитажа и готовилась к изданию обозрений и других музеев. Было большое культурное дело, которое приносило и большой доход. Мы, члены Комитета – художники, литераторы и др. культурные деятели, радостно приносили наш безвозмездный труд, видя, какое государственно полезное дело развивается. А началось дело всего с издания десяти открыток. За право воспроизведения картин платили от 10 до 25 рублей, ибо все отзывались на благотворительную цель. Красный Крест исхлопотал для этого издательства особое разрешение иметь киоски на железнодорожных станциях и при некоторых общественных учреждениях. В кратчайший срок появились коллекционеры открыток, ибо открытки составляли собою целые серии и каждый собиратель, начав от номера первого, естественно, имел необходимость и во всех последующих. Таким образом, мы были свидетелями, как многие учащиеся – и студенты, и гимназисты – становились систематическими собирателями, и даже в отдалённые деревни проникали легкокрылые вестники искусства. Главная же прелесть такого издательства заключалась в том, что оно началось поистине от зерна горчичного и на глазах росло, доказывая жизненность и насущность искусства. «Осознание красоты спасёт» – этот завет на наших глазах входил в толщу народную. Такие зёрна не теряют своей жизненности, временно они могут задержаться в течение холодных периодов народных, но затем они опять взойдут урожайно. Вы, может быть, спросите – почему в Америке нечто подобное не осуществилось? Не забудем к этому особые причины. Общественное мнение там довольно слабо выражено. Коллекционеры весьма специфичны. Чаще всего сами они не интересуются собирательством, а для них действуют торговцы со всеми коммерческими обычаями. Кроме того, не забудем и о глубоких апостатских поползновениях, которые были причиною многих замерзаний. Теперь выясняются любопытнейшие подробности. Так, например, когда ещё в 1922 году известный индусский деятель Дас-Гупта сказал очень хорошую речь по поводу наших культурных заданий, то апостат Хорш, отведя его в сторону, начал ему шептать, что нет надобности говорить так блестяще о Николае Рерихе. Только теперь Дас-Гупта рассказал нашим друзьям этот эпизод, доказывающий, как давно в тёмной душе апостата таились поползновения к вандализму и ниспровержению нами собранного. Передавая этот эпизод, Дас-Гупта добавил – «тогда же я понял, что передо мною предатель». И этот эпизод на протяжении всех лет был далеко не единственным. Уже в 1925 году Владыка сказал: «Смотрю, как горит хлеб, вами собранный». А затем, кроме многих Указаний, Вы можете прочесть в третьей части *Мира Огненного* § 59 – этим всё сказано. И лженаследник дел в Америке уже выявился в полном своём безобразии. Многое происходящее в Америке совершенно не укладывается в психологии честных людей, но и в этом отношении Америка и некоторые расы, в ней живущие, представляют собою феномен. Ведь сами американцы в печати называют свою страну парником для всяких гангстеров. Если собрать всё, что пишется и широко печатается самими же американцами, то и сейчас творимое апостатами делается вполне обиходным явлением. Эта маленькая, тесно спаянная преступлениями шайка присвоила шеры[5], принадлежащие нам и остальным трёсти[6], хочет обобрать все картины, присвоить результаты всех экспедиций, а притом ещё и попытаться взыскать с нас

[5] акции (от *англ,* share).

[6] попечителям (от *англ,* trustee). Здесь: членам Совета директоров Музея Рериха в Нью-Йорке.

же все средства, пожертвованные на экспедицию, устроенную учреждениями. При этом апостаты вламываются в чужие помещения, вскрывают замки, похищают документы, устраивают всевозможные вандализмы, например, английское издание Дювернуа было сожжено, о чём свидетельствовал служащий, получивший это приказание. Кроме того, на задней стороне картин Музея ставится вновь сфабрикованное резиновое клеймо о принадлежности картин г-же Хорш. Где же видано такое самоволие, попирание всех человеческих культурных основ и нагромождение всевозможных преступлений с подделкою документов?! При этом домодельные «копии» с несуществующих документов заслушиваются в суде. Мне, получившему юридическое образование, подобные эпизоды кошмарны, а Шклявер, согласно французским законам, полагает, что Хорш уже давно должен бы сидеть в тюрьме. Но, по словам самих американцев, тамошняя законность более чем странная.

Итак, от проектов культурного строительства письмо довело до бездн вандализма и преступности. Эти бездны лишь доказывают необходимость спешных и энергичных культурных созиданий.

Асеевского № 9[7] всё ещё не имеем.

Возвращаясь к воспроизведениям – обратите внимание на, по-видимому, новое издание *Твердыни Тибета.* Первое издание, сделанное в Риге, было гораздо лучше и тоньше по краскам, а ведь клише то же самое, и было оно сделано в Риге, значит, весь вопрос лишь в том, чтобы взять те же самые краски. Вы в полном праве требовать корректуру и делать соответственные указания. Пусть Пранде сравнит последние полученные нами оттиски *Твердыни Тибета с* первоначальным изданием.

Рады были слышать о Вашем Рождественском Собрании – ценно такое единение в Великие Памятные Дни. Пишем это письмо вместе и вместе шлём Вам наши лучшие мысли. Привет сердца всем.

Духом с Вами,

Н. Рерих

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
15-ЯНВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Посылаем для Вашего сведения копию письма нашего к Юлиане Доминиковне и копию письма, полученного нами от Н.Ф. Роота из Таллина. Как видите по содержанию письма Роота, мы сообщаем его Вам доверительно, но считаем, что Вам необходимо знать положение вещей в Таллине. Не будем останавливаться на некоторых выражениях, употреблённых по отношению к А.Д. К[айгородову], – очевидно, в местных кругах имеются разные таинственные подкладки. Не наше дело, хотя бы косвенно, вмешиваться в местные наслоения. Тем не менее полезно бы иметь в нашем музее пожертвованные вещи от Роота и К.Ф. Цейдлер. Оба они были преподавателями руководившейся мною школы и потому совершенно естественно, если они подарят нашему музею что-либо из своих вещей. Таким образом, если Вы непосредственно каждому из них, упоминая моё имя, напишете с просьбою пожертвовать для нашего музея что-либо из их произведений, то, во всяком случае, такой шаг будет вполне нормален.

Также можно бы спросить каким-либо способом устно Богданова-Вельского и Виноградова, не желают ли они пожертвовать что-либо из своих произведений. В случае этих последних двух я бы не делал это письменно, ибо если бы они захотели отказать, то не нужно, чтобы в их руках оказался отвергнутый ими документ. Но если бы кто-либо из членов Общества был с ними знаком и посетил бы их с этой целью, то такой шаг способствовал бы доброжелательству. Не будем закрывать глаза, что такие лица могут

[7] Девятый номер альманаха *Оккультизм и Йога.*

превратиться в очаги всяких наветов, а может быть, сие уже и происходит. В письме к Рооту Вы могли бы также упомянуть, что, может быть, через его посредство захотел бы что-то пожертвовать и Юрий Репин. Таким образом, это была бы первая ласточка из Финляндии. Вообще, как Вы убеждаетесь из копии письма Роота, необходимо пролить капли благодати всюду, где только возможно, ибо иначе с ростом деятельности могут вырасти и всякие вредящие обстоятельства. А в артистическом мире нет хуже обиды, как вследствие обойдённого самолюбия. Конечно, мы не можем наполнять музей плохими, нехудожественными вещами, но всё, что в пределах художественности, должно иметь доступ, и в этом смысле мы должны избежать какой бы то ни было намёк о партийности или сектантстве. Наша Школа Общества поощрения художеств прежде всего процветала потому, что была совершенно беспартийной школой с самым широким вмещением. Пожалуйста, сообщите нам со слов Блюменталя, каково положение Беликова в Таллине. Имеются соображения, по которым нам хочется это знать. Вообще будем надеяться, что Таллинское вновь родившееся Общество устоит и не усложнится всякими внутренними делениями и пересудами.

Сейчас получено письмо Шклявера, в котором он сообщает, что он был в аргентинском посольстве и там ни о каком Пакте не имеют никаких сведений. Получается нечто уродливое. Можно ли предположить, что какой-то циркуляр о Пакте попадает в портфель таллинского министра, а в Париже ни о каком Пакте представитель Аргентины не знает. Это положение вещей так же забавно, как и письмо от Писаревой о том, что Каменская нашла в Лиге Наций ещё один Пакт. Шклявер исследовал и это обстоятельство, и оказалось, что речь идёт о чём-то совсем другом, не нарушающем приоритет нашего Пакта. Настолько приходится твёрдо выяснять всякие обстоятельства. При случае сообщите в Таллин, что аргентинское посольство в Париже ни о каком Аргентинском Пакте ничего не знает.

Получили мы № 9 *Оккультизма и Йоги.* Мы совершенно согласны с Вашими замечаниями касательно пресловутого шанхайского издательства. Странно, какими способами Батурин настолько обошёл Асеева, несмотря на Ваши и наши предупреждения. Но ещё одно обстоятельство нас удивило. В журнале имеется под названием *Россия* как бы отдельная статья Всев. Иванова – за его подписью с указанием Шанхая и 1937 года. Спрашивается, когда же Всев. Иванов мог послать Асееву выдержку из его книги, изданной в Риге, в виде отдельной статьи? Если же Асеев самовольно извлёк (без ссылки на книгу) часть её под названием *Россия,* сделав из Всев. Иванова своего сотрудника, то этим он оказал последнему весьма плохую услугу, кто знает, может быть, вплоть до больших неприятностей. Вообще весьма странно, почему Асеев не сделал эту выдержку из книги в виде рецензии со ссылкой на рижское издательство *Угунс.* Если при случае Вы запросите Асеева, когда именно Всев. Иванов прислал ему эту статью, то такое установление обстоятельств будет весьма полезно. Конечно, заметки о книге Бонча-Томашевского и более чем курьёзная заметка о шанхайских «мертвяках», так же как и письмо доктора из Бангкока, лучше бы и не появлялись, ибо они лишь понижают значение остального отличного матерьяла. Очень хорошо, что журнал будет издаваться в Таллине и таким образом это осложнение минует Ригу. Ведь сейчас нужно избежать всяких несвоевременных осложнений, а, наоборот, нужно разумнейшим образом использовать все результаты Конгресса. Мы получили из того же учреждения, где Вавилов, запросы о семенах и пошлём их непосредственно. Нет ли у Вас новостей в этих направлениях, расписок и тому подобного? Е.И. и все мы шлём Вам всем всё светлое. Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

15.1.38

Сообщите, пожалуйста, сохранены ли за Е.И. авторские права на книги Учения, изданные в Латвии, и в таком случае, пожалуйста, пришлите нам копии этих удостоверений на следующие книги: *Мир Огненный,* ч. II и III, *Аум* и *Братство.* В случае, если по местным соображениям невозможно получить копирайт в Латвии, то тогда после Вашего сообщения мы предложим это сделать Шкляверу в Париже.

Теперь маленькое разъяснение ещё по поводу № 9 *Оккультизма и Йоги* – в рецензии о *Вратах в Будущее* сказано, что во время войны я писал мои так называемые пророческие картины *Дела Человеческие* и проч. Но смысл весь в том, что вся эта серия была написана до войны и последняя картина из неё была окончена в марте 1914 года, т. е. за четыре месяца

ДО войны. Ошибочное извещение журнала извращает факт, а кроме того, говорит о крушении, а Вы знаете, что о крушении я никогда не говорил, а всегда о новых построениях там. Пишу это Вам как биографу, а не для Асеева. Пословица говорит: «Что с воза упало, то пропало».

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, India
18-JAN-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Сердечно благодарим Вас за Ваши добрые сообщения от 4-го до 7-го января. Очень тронуты тем вниманием, которое так вдумчиво было оказано Вам членами Общества. Глубокая мысль, заложенная в такой памятке, показывает, что действительно живы основы, которыми живёт Общество, и жив дух человеческий. Спасибо и за копию Вашего новогоднего привета Обществу – именно такими словами укрепляется дух сочленов и искореняется всякая возможность вредных пересудов и разложения.

Посылаю Вам для сведения копию моего ответного письма Н.Ф.Рооту. Итак, повсюду будем сеять всё доброе и превозможем всякие попытки разделений. Посылаем также статью Сиривардхана, о которой Вы поминали в письме к Владимиру Анатольевичу. Вполне предоставляем Вам распределение содержания сборника. Название *Полвека творчества...* будет и короче, а всякая краткость в названиях всегда лучше. Конечно, статья Горного представляет из себя как бы привет, и таким образом, как статья Зенкевича и Хирьякова и Владимира Анатольевича из *Рассвета,* так же как и краткая статья Москова (в том виде, как она при сём прилагается), вполне отвечают назначению. Название газет, может быть, по некоторым соображениям, лучше не ставить, а ограничиться лишь городом, например, печатая статью В.А., можно опустить *Рассвет,* а оставить в скобках Чикаго. Конечно, всё будет печататься по новой орфографии, иначе много куда нельзя будет продвинуть сборник. Сборник можно сопроводить каким-либо новым портретом – например, тем, который был послан вместе с портретами Е.И., или, ещё лучше, прилагаемым тоже новым портретом.

О статье Шауб-Коха, конечно, мы не можем судить, не имея её, но если Вы чувствуете, что она тяжеловата, то, конечно, это нужно принять во внимание. Что касается Радосавлевича, то если её и помещать, то, во всяком случае, не только без библиографии, но и без всяких ссылок, которые могут её утяжелять. Относительно Сипавичюса – Вы, кажется, и предполагали помещать её не полностью. Статью о Латвии посылаем – этот экземпляр последний, и по использовании, пожалуйста, верните. О титулах мы уже писали.

Во всяком случае, Вам на месте виднее по разным местным соображениям, как лучше для общей пользы поступить. Так и сделайте, – мы знаем, что всё сделанное Вами имеет причину и направлено ко Благу.

Очень хорошо, что клише из Америки и книги, купленные Гаральдом Феликсовичем, придут. Таким образом, в Ваших руках будет ещё матерьял, а Пранде досмотрит, чтобы клише были звучно использованы. Конечно, если бы у наших друзей в Нью-Йорке были более отважные адвокаты, то многое совершилось бы гораздо скорее. Беда в том, что всё происходит как-то боязливо и скромно, чем ярые апостаты пользуются, изобретая всякие мерзкие попытки, как, например, было и с клише и с книгами, которые никоим образом, нормально рассуждая, не могли бы быть задерживаемы.

Посылаю Вам также копию моего сегодняшнего письма к Е.Ф.Писаревой. Жаль, что она, по-видимому, оканчивает свой земной путь, и тем более хочется отеплить её добрым словом, тем более, что её последняя книга о Е.П.Б. очень хороша и своевременна.

Вы пишете о выходе второго тома *Т. Д.* Будем ждать с радостью. Из Варшавы Янушкевич пишет, что отзыв в № 9 *Оккультизма и Йоги* о книге Бонча производит смущение умов. Со своей стороны, мы очень жалеем, что и такой отзыв усложняет книгу журнала. Надеемся, что читатели не примут всерьёз некоторые громогласные утверждения

книги г. Бонча. Вообще все шанхайские экскурсии Асеева малоудачны.

Очень трогательно обращение Гаральда Феликсовича к сотрудникам. Как сердечно и непосредственно выливаются его строки. Радуемся, что, вероятно, теперь обе посылки портрета Е.И. дошли сохранно. Очень интересно, как выйдет клише со второго отпечатка портрета Е.И., – пожалуйста, пришлите корректуру.

В здешней прессе продолжают появляться интересные статьи, как, например, в большом бенгальском журнале *Бхаратбарса* идут две статьи известного писателя Нарендра Нат Басу (от него было приветствие). От нашего Аллахабадского центра вышла книга об искусстве Анагарики Говинды с текстом Р.Тандана. Теперь все эти имена Вам уже знакомы, поистине Общество международно расширилось. Пусть все члены это обстоятельство вполне учитывают, и при случае применяют с пользою.

Е.И. и все мы ещё раз благодарим Вас за все добрые вести. Да будет Вам всем светло. Шлём Вам всем наши лучшие душевные мысли.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Спасибо за 3 тома книги о *Челюскине* и два экземпляра первого тома *Т. Д.*

———

Николай Рерих Елене Писаревой

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

NAGGAR,
Kulu, Punjab, India
18-JAN-1938

Добрый друг наш, дорогая Елена Фёдоровна!

Получили мы Вашу книгу о Е.П.Б.[8] и пять экземпляров от Раггиса, за которые согласно его счёту перевели деньги в Женеву на имя А.А.Каменской. Книга Ваша доставила нам огромную радость. Именно такое обоснованное сердечное слово о нашей великой соотечественнице сейчас так необходимо. Кроме бывших нападок на неё и на теософию, на днях мы, к прискорбию, увидели и ещё одно нападение. В сборнике, посвящённом памяти о. Георгия Спасского, артистка Германова клеветнула на теософию. При этом клевета получилась двойная. Было задето понятие теософии и оклеветан о. Георгий, который относился к теософии весьма вдумчиво и без всякой враждебности. Спрашивается, к чему артистка, которая должна бы быть более или менее просвещённою, без всякой нужды будет подражать злейшим мракобесам. Прискорбно видеть такое впадение в изуверство. Однажды мне пришлось быть свидетелем, как некий писатель тоже впал приблизительно в подобное же изуверство, а бывший при этом иерарх церковный, махнув рукою, улыбнувшись, только сказал: «Ну, кажется, скоро я Вам подрясник подарю». Таким образом, представитель церкви опять-таки оказался вместимее и просвещённее якобы культурного деятеля. Вот какие прискорбные эпизоды происходят. В последней почте мы слышали из Парижа, что М.И.Отман тоже весьма негодует на Германову за её злостную вылазку. Таким путём способная артистка сопричислилась ко всяким мракобесам вроде Васьки Иванова, Аристарха Понамарёва и тому подобным тёмным игнорантам[9]. Прискорбно наблюдать, насколько медленно оборачивается колесо эволюции. Надеемся, что матерьялы о Пакте дошли к Вам вовремя и сохранно. Тоже странно, что даже, казалось бы, неоспоримое понятие о сохранении культурных ценностей может встречать враждебность. Ох уж эти разрушители-невежды. Между прочим, мы узнали из Парижа, что Пакт, вращающийся в Женеве, вовсе не затрагивает смысл нашего Пакта. Кроме того, мы получили сведение, что будто бы аргентинское правительство представило ещё один Пакт. Когда же наш представитель в Париже лично запросил аргентинское посольство, то там ему ответили, что они ни о каком таком Пакте ничего не знают. Много удивительных эпизодов в мире. Здесь (хотя Арундель

[8] Писарева Е.Ф. *Елена Петровна Блаватская.* – Женева, 1937.

[9] невеждам (от *англ,* ignorant).

игнорировал наш Балтийский конгресс) милый д-р Казенс отозвался очень хорошо, а затем по поводу выставки в Траванкоре дал о моём искусстве несколько очень вдумчивых статей. Наш Аллахабадский центр выпустил хорошую книгу, а вернакулярная[10] пресса отозвалась таким количеством статей, что, даже по словам наших индусских корреспондентов, им даже не уследить. Часто мы думаем о Вас и шлём Вам наши самые душевные мысли. Да пребудет с Вами Благодать.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.К. Р.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[11]

26.1.1938

Н.Р.

1. Почему я не послал картины Рооту.

2. Конфликт Роота с Кайгородовым.

Я призывал Кайгородова, чтобы он пригласил в Общество и других друзей Рериха – художников.

3. Беликов. Молодой, энергичный, ещё малоопытный, может ошибаться. Более печальное обстоятельство, что в его группе А. Пеаль. Я предупредил Беликова о нём.

4. Надо объединять в Эстонии. Со своей стороны, мы будем делать, что в наших силах. Блюменталь скоро поедет в Таллин.

5. Сборник [материалов] Конгресса будет похож на *Sirds Gaisma*[12]. Какие репродукции с портретов поместить?

6. Женская секция. Мысль пригласить всех деятельниц культуры Латвии, чтобы писали о женской миссии.

7. Подпись брата Н. Р. о получении письма получена.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху

Рига, 30.1.1938

Дорогой Николай Константинович!

Посылаю Вам спешно копию письма Беликова, чтобы Вы могли познакомиться с состоянием в Таллине. В конце концов, в настоящее время там имеются *четыре* группы, симпатизирующие Вам и Вашему движению, но которые пока действуют порознь и которые непременно надо было бы объединить и сплотить. Прежде всего – ядро – комитет Общества, потом группа Беликова, далее – Роот, Цейдлер, Раннит и другие художники, не приглашённые ещё в комитет и, наконец, – группа Рудниковой-Милленда. С последней – самое трудное, ибо Вы знаете об отношении Кайгородова и др. к Рудниковой. Может быть, лучший исход, как предполагает и Беликов, что самые устремлённые поступят из Метапсихического общества в его группу, а вместе с ней во вновь образовавшееся Общество.

Не знаю, как благодарить Вас за все заботы о нашем музее и за Ваше обращение к Росту. Полагаю, что, когда Гаральд и Блюменталь поедут в Таллин, они повезут и наши письменные обращения к Росту и другим. Получил Ваше письмо от 18 января со всеми приложениями, сердечное спасибо.

Вчера у нас был разговор с Либертом относительно неудавшихся репродукций с американских клише. Гаральд расскажет Вам подробнее, потому ограничусь следующим. Прежде всего, радуемся, что Либерт идёт на уступки и обещал перепечатать *Помни,*

---

[10] местная (от *франц.* vernaculaire).

[11] План письма на латышском языке. Перевод Гунты Рудзите.

[12] *Свет Сердца (латыш.).*

Огненный цвет[13]*, Перлы достижения*[14]. Полагаем, что он так или иначе перепечатает также *Сокровище Мира* и *Ойрота.* Относительно остальных он высказывался, что ни в коем случае не ручается, выйдут ли они лучше, чем на предыдущих оттисках. Но вполне в этом не уверен также относительно пяти упомянутых репродукций. Окончательно условиться мы сможем лишь по выздоровлении печатника, печатавшего эти репродукции (теперь он в больнице). Либерт уверяет, что это лучший знаток своего дела в Латвии и что он отнёсся вполне добросовестно к своей задаче. (Но мне сказали, что печатание американских клише он передал своему помощнику!) Далее Либерт высказался, что, возможно, клише в течение 12 лет несколько попортились, что у нас другие тона красок, притом и другая, немного более грубая бумага, и пр. Итак, окончательно условиться сможем лишь после некоторого времени. И мы не уверены, согласятся ли в типографии перепечатать все неудавшиеся репродукции 7+2.

Р. Рудзитис

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
1-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Только что отправили Вам письмо Владимира Анатольевича, как уже ощущается нужность и следующего сообщения. Посылаем Вам ещё несколько названий картин для присоединения в конец списка картин. Надеюсь, что ещё не поздно, и хотелось бы запечатлеть в книге и последние богатырские картины, которые сейчас в работе. В силу некоторых соображений, если ещё не поздно, выпустите всюду местонахождение *Наггар.* Совсем не нужно подчеркивать, что здесь находятся многие картины, тем более что они всегда передвигаются. Ведь и все предыдущие местопребывания картин сейчас оказываются условными. Вот группа была в Белграде, а теперь переехала в Прагу. Вот Кайгородов сообщал о нахождении моей картины на острове Сааремаа. Кроме того, мы знаем и о вообще погибших картинах, и, может быть, число их гораздо больше, нежели кажется. Знаем из истории, что картины Тинторетто однажды служили для фильтрации воды, которую через них пропускали. Знаем, что были изрезаны картины Саржента, Милле, Репина, знаем и о такой же судьбе моих. Всё это – исторические факты. В 1906 году в Америке осталось 75 моих картин, а из них обнаружились всего сорок. Спрашивается, где же остались остальные 35. Были слухи, что они ушли в разные места, в Канаду, но следы так и затерялись. И даже запросами никто ничего не мог выяснить. Такова карма вещей. Ведь даже не знаем, под чьим именем путешествуют вещи, – иногда они меняют несколько имён. Не забудем также, по миру ходят и подделки моих картин. И это не только копии, но иногда и картины других художников подписывались моим именем. Так, я видел картину Вроблевского, на которой крупными буквами стояла подпись *Рерих* через «ять».

Также видел и огромную картину с подробностями, взятыми из нескольких моих картин, которую собиратель приобрёл за сравнительно большую цену. Это была целая драма. Сейчас мы не знаем местонахождения целого ряда картин: не знаем, где *Три радости, Волокут волоком* и многие другие. Несколько вещей, как, например, *Ункрада,* погибли во время войны в польских замках, а картину *Зовущий* мы видели в совершенно погибшем виде, сложенную, как платок. Словом, можно продолжать этот мартиролог бесконечно.

В Нью-Йорке происходят безобразия. Школа и *Пресс* временно переехали в другое помещение – ещё более центральное. Об этом помещении уже давно была речь, и оно предлагалось одним из почётных советников наших учреждений. Мало того, что происходит криминальный вандализм, но производится и фальсификация школы. Вандалы преподают фотографию, а руководительницей музыки является Эстер Лихтман, не имеющая никакой

---

[13] *Жар-Цвет.*
[14] *Жемчуг исканий.*

квалификации для этого и к тому же абсолютно музыкально бездарная. Вы понимаете, что подстановка того же имени производит смущение умов. Просто какая-то банда гангстеров – пусть эти вандализмы остаются в истории в укор надменной цивилизации. Нью-йоркская борьба затянется на долгое время, а пока нужно не покладая рук работать, строить, созидать. Вы понимаете, что фальсифицированной бездарной школе наши имена совсем не уместны. Удивительно наблюдать за своеобразным «правосудием», которое меняет в ту и другую сторону свои решения, недаром в газетах писали, что некоторые судебные дела продолжаются более полувека. Конечно, я пишу это для Вас как для биографа, а не для широкого осведомления. Пусть у Вас накопляется для далёкого будущего матерьял о современной «цивилизации», о подкупности судей, о вандализмах и о прочем сраме человеческом.

Итак, действуйте. Если нащупаете какие-либо клеветы апостатов, отвечайте весьма решительно. Надеемся, что эстонское письмо в Нью-Йорк не было написано, оно было бы, как Вы и поминали, крайне неуместно. Всего светлого всем Вам.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Статья Шауб-Коха для монографии хороша, она не очень длинна – восемь с половиной страниц.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

8-2-38

Дорогой Рихард Яковлевич!

С сердечным волнением ждём вестей, как прошло важное свидание Гаральда Феликсовича. От этого будет, вероятно, зависеть и всё дальнейшее развитие дела. Фёдор Антонович в своём письме от 25 января подал нам надежду на возможность более или менее благополучного исхода, но не знаем, на чём он базировался. Конечно, зная силу энергии Г.Ф., мы верим в благополучное разрешение. Приветствуем сплочённое сотрудничество всех сотрудников и энергичную и осмотрительную подготовку для выступления. Надеемся, что если дело дойдёт до суда, то будет приглашён достаточно культурный адвокат, умеющий находчиво пользоваться обстоятельствами и, главное, не боящийся новых путей и методов.

Также глубоко огорчает нас сообщение о вражеских нападениях на Клементия Станиславовича. Зависть человеческая не знает предела. Приходится привыкать к мысли, что живёшь среди злобных, диких зверей, готовых при малейшей вашей удаче растерзать вас на куски. По всему миру проходит волна неслыханного злобного натиска, усиленного космическими токами. Каждому следует вооружиться всеми доспехами и бороться с вредителями. Мы тоже переживаем самое трудное время. Натиск ужасен. Но победа будет одержана совершенно особыми путями. Чтобы не произошло преждевременного оповещения противников, Силы Света особо охраняют эти пути. Ждём Ваших вестей, но когда придут они? Телеграфные линии прерваны, а дорога во многих местах завалена обвалами. У нас стоит небывалая погода – снежные завалы и дожди, почти не прекращающиеся. Также вокруг нас не прекращаются землетрясения, но не затрагивают нашей долины.

Давно не имею писем от Александра Михайловича, вероятно, он обижен за то, что мы не поддержали его намерения передать журнал Латвийскому обществу. К сожалению, журнал принёс ему связи с некоторыми нежелательными группировками. Несмотря на многократные предупреждения, он не сумел достойно отмежеваться от них. Очень правильно Ваше замечание, что последний номер его журнала походит на почтовый ящик, в который можно бросить всё что угодно. Многое подлежит очистке, но Асеев не любит предупреждений и неохотно выслушивает советы. Тоже правильно и отношение к Планетарному Ультиматуму. Бонча-Томашевский, автор книжечки *Планетарная Доктрина,* встретился с Н.К. в Шанхае и передал ему своё произведение. Книжечка эта в своей первой части, состоящей из 38 страничек, очень неплоха, но вторая часть, озаглавленная *Планетарный Олимп* и включающая Планетарный Ультиматум, даже вредна. Опубликование

такого ультиматума, скреплённого печатями в Дели (!) и Шанхае (!), производит крайне несерьёзное впечатление, чтобы не сказать больше. Высококомично звучит и пункт 3-й, требующий, чтобы к 15 августа 1938 года все национальные правительства опубликовали в печати ноты, изъявляющие принятие первых двух пунктов!! Когда я просматривала главу, описывающую мощь этого Олимпа, или Шамбалы, мне казалось, что я читаю описание чёрной ложи, ибо автор перечисляет все разрушительные средства, находящиеся в распоряжении Шамбалы и которые будут ею использованы для вразумления непокорного человечества! Несомненно, все перечисленные средства известны Владыкам Шамбалы, но именно *НЕ* Они, но противники Их, чёрное братство пользуется этими смертоносными оружиями.

Тяжкая задача Белого Братства и заключается в том, чтобы противостать таким губительным средствам и предотвратить взрыв планеты и воспрепятствовать проникновению на Землю Луча Смерти, насылаемого чёрным братством. Автор этой книжечки почерпнул свои сведения частью из книг Оссендовского и Сент-Ив д'Альвейдера, причём заимствовал из них всё наименее отвечающее действительности, всё отрицательное. Конечно, не обошлось и без *Аморка,* он ведь член этого общества. Попутно он цитирует из *Сердца Азии* и *Шамбалы* и из *Криптограмм Востока* и книг Учения и приводит легенды о Китеж-Граде и т.д. Несомненно он слышал нечто и о существующем в Стране восходящего солнца обществе «Чрезвычайный Момент». Но ещё раз с грустью приходится убеждаться, как искажённо представляют себе Великих Учителей и Спасителей человечества даже очень интеллигентные и начитанные люди. Часто припоминается § 12 из книги *Иерархия.* Вот почему, родной Рихард Яковлевич, так нужна Ваша книга. И я очень жду её и знаю, как трудно Вам сейчас сосредоточиться на этом труде. Нужна будет передышка с изданиями.

Не помню, писала ли я Вам об обществе «Чрезвычайный Момент». Может быть, упоминание о нём пригодится для Вашей книги, ведь это общество основано тоже понаслышке о Шамбале. Члены его составляют священное воинство, которое готовится к «Чрезвычайному Моменту», понимая этот момент в самом широком и, главное, в духовном значении. По их учению, мир стоит перед кризисом, после которого произойдёт его духовное перерождение и светлое воцарение Божественного Императора. Перечисляются шесть стадий, которые ведут к этому моменту, – первая, конец великой войны и реформы, но мы находимся уже во второй стадии политических и экономических крахов интернациональной психологии. Третий период должен ознаменоваться небывалыми потрясениями во всём мире и четвёртый – выступлением на арену Небесных Сил, а пятый принесёт светлое воцарение Божественного Императора над миром, государственный строй, отмеченный монизмом религиозного культа и государственных дел. И, наконец, шестой период – появление Боговдохновенных правителей, представителей наук, техники и т. д. Новый мир представляется как царство Духа, при непосредственном общении людей с богами. Это будет жизнь, направляемая Божественным Императором на началах справедливости и осиянная светом истины, добра, красоты, радости и любви. Конечно, в японских мозгах Божественный Император принимает Облик, Покровительствующий японской гегемонии во всей Азии. В основе, несомненно, лежат пророчества о Владыке Шамбалы и Новой Эпохе, ибо там же говорится, что Великий План этот был удуман много тысячелетий тому назад, в срединной Ставке Мира, Великими Богами на священной Горе, где собираются Боги и земной проекцией которой является священная гора в области Японии... Интересно отметить, как каждый народ преломляет пророчество по-своему и неизменно приурочивает главную роль своей стране.

Также пошлём Вам, как только получим, копии журнала *Каизер-и-Хинд,* в котором сейчас помещается серия статей *Жил ли Иисус Христос на Земле* и *Индусские рекорды о жизни Христа.* Автор этих статей доктор философии Артур Р.С.Рой, председатель Общества веданты в Нью-Йорке. Статьи эти ещё тем интересны, что они подтверждают книгу Нотовича *О жизни Христа в Индии и Тибете,* которая является переводом манускрипта, найденного Нотовичем в Ладаке, в монастыре Хеми. Книга Нотовича, как Вы, вероятно, знаете, была запрещена и объявлена высшими духовными властями (папой) мошеннической подделкой. Нотович подвергся гонениям, и говорят, что будто бы на смертном одре его заставили отречься от этой книги. Теперь же Артур Рой сообщает, что доктор философии Саратх Кумар Саркар в своей статье в *Бомбейском еженедельнике* пишет, что Свами

Абхедананда (известный ученик Рамакришны) говорил ему, что он сам видел в тибетской копии книгу, с которой Нотович сделал свой перевод, и оригинал этой книги написан на пали и находится в Марбуре (местечке или же монастыре), в Тибете. И будто бы сам Абхедананда частично перевёл этот манускрипт. Затем Артур Рой приводит из статьи Кумар Саркара сжатый перевод 224 стихов из 14 глав книги, находящейся сейчас в монастыре Хеми, в Ладаке. Кроме того, он утверждает, что существует описание жизни Иисуса Христа в Индии в редком манускрипте, называемом *Натх Намавали,* который находится сейчас во владении секты садху, называемых Натх-Йоги, обитающих на холмах Виндхья (на север от Бомбея).

Вам будет особенно интересно прочесть эти статьи, ибо я уже выслала Вам страницы из жизни Великого Путника, или Иисуса Христа. С особым волнением прочла я в приведённой статье описание наружности Христа, сделанное Его современником римлянином Лентулом в его докладе римскому сенату. По существующим предположениям, этот Лентул мог быть Пилатом. Описание это так близко к тому, которое я ношу в сердце. Перечтите в *Криптограммах Востока «Приход Христа»,* начиная с тринадцатой строки.

Я не сомневаюсь, вернее, знаю, что Христос был в Индии, но учёные-востоковеды, поддержанные представителями церкви, яро отрицают эту возможность. Потому так интересны эти новые расследования. Но очень советую сохранить копию журнала для себя и *не* распространять её. Нужно сначала навести справки у самого Абхедананды, если только он ещё жив.

В том же журнале попался на глаза портрет Шри Свами Шивананда Сарасвати, упомянутого в журнале Асеева. Прилагаю Вам его. Реклама, как видите, почти американская.

Родной Рихард Яковлевич, ещё хочется мне Вам сказать, не беспокойтесь за Вашу девочку. Ни у Вас, ни у неё нет никакого недостатка, явление исключительно нервное. Вы знаете, что в Вашем состоянии наблюдается значительное улучшение. Великий Владыка посылает своё лечение, лучи, но оно требует времени. Также Владыка указывает, чтобы Вы не боролись, когда чувствуете затруднение, но лучше замолкали. Также сказано, что Ваша девочка очень чуткая.

Теперь другое. Очень нас тревожат большие расходы, которые несёт Общество. Как бы не перегрузить жертвователей. Что говорит Ваша финансовая комиссия? Александр Иванович писал мне, что и Мисинь понёс убытки. Проявите осторожность и, главное, храните единение и здоровье. Токи ужасны! Шлю Вам мужество и радость битве за Свет.

Сердцем с Вами,

Е.Р.

Привет сердца и Вашей супруге – придут лучшие дни.

Очень радуюсь началу женской секции. Приветствую от всего сердца Е.Я.Драудзинь. Люблю её фотографию в альбоме. Сейчас мысли около Г.Ф. и Клементия Станиславовича. Стремлюсь помочь им.

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Нам хотелось бы узнать Ваше мнение о г-же Шпак. Дело в том, что Александр Иванович, видимо, обеспокоен, что она, будучи шведкой[15] по происхождению, надеется получить службу в шведском консульстве. Это обстоятельство может многое осложнить. С одной стороны, не должно быть никаких неприязненных отношений, с другой – во многих отношениях желательна максимальная осторожность. Невозможно исключить её из Общества на этом основании, это значило бы создать опасного врага. Поэтому нужно проявить большую осмотрительность. Конечно, возможно, что всё это лишь разговоры и предположения, но не исключено, что её захотят использовать для осведомления. Очень хотелось бы иметь Ваше мнение, Вам лучше известны местные условия и всякие конъюнктуры.

Н.К. просит передать, что заставку для книги приветствий можно взять ту же, что и на каталоге Музея.

———

[15] Здесь и далее, за редким исключением, Швецией называют Россию, СССР. Шведский – русский, советский.

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
4-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Вчера вечером одновременно пришли три письма. Ваше от 25 января, Фёдора Антоновича Буцена от 24–25 января и Гаральда Феликсовича от 23 января. Не могу не послать Вам с ближайшей же сегодняшней почтой наш зов – крик сердца. Прискорбно слышать, что по доносам могут страдать такие хорошие люди. Конечно, в приписке от 25 января значится маленькое утешение о возможности ослабить эти нападения. Дай Бог, чтобы дружными усилиями всех друзей и сочленов тёмные попытки были отбиты. Ведь каждый доброжелательный порядочный человек может внести свою лепту благородной защиты. У каждого есть большая или меньшая какая-либо возможность и связи. Пусть применят их все друзья в настоящем случае. Когда происходит нечто поистине вопиющее, то каждое честное благородное сердце должно присоединить к защите свою энергию. Мы так и думали, что тёмные разрушители не оставят своих первых попыток, а будут всячески пытаться вредительствовать. Ведь тёмные сущности питаются своим вредительством. На то и должны существовать культурные общества и единения, чтобы противостоять тьме. Январь и февраль этого года космически являются наихудшими месяцами, именно такими сроками пользуются тёмные для вредительства. Конечно, семена этих месяцев будут и дальше произрастать, но главные зародыши были в эти два месяца. Как мы уже и писали, пусть будет особая заботливость и расчётливость в делах Общества и издательства в такие тяжкие времена. Никогда не следует творить врагов, но в такие времена особенно. Очень понимаем Ваши соображения о номере девятом *Оккультизма и Йоги.* Только что получили письмо от Калантаевского с выпиской из последнего номера батуринского *Огня,* где этот мракобес уже явно прошёлся против Агни-Йоги по поводу № 9. Неужели и это не вразумит Асеева и не докажет ещё раз, что невозможно иметь дело с мракобесами и провокаторами. Статью сестры Асеева Раисы Здор о монгольской экспедиции мы просили не печатать, но он писал, что было уже поздно, – эта статья совсем не уместна. Когда Асеев раньше писал, мы предполагали, что это будет статья Грамматчикова. Странно, что он ни о чём вовремя не спрашивает. Мы получили от Вас оригинал приветствия группы Живой Этики в Париже, конечно, имён помещать не нужно, как Вы и сделали в списке. Вероятно, Вы обратили внимание на более чем странную печать Тарасова. Во-первых, на групповом заявлении частная печать неуместна, а во-вторых, странно, что и другие подписавшиеся допустили эту печать. Кстати, Мирон Тарасов уже переехал в Румынию. Нет ли расписок оттуда? Нам писали из Гонконга, что корреспонденция оттуда у них тоже прекратилась. Итак, просим всех друзей и сочленов мужественно объединиться. Сердцем и Духом с Вами со всеми,

Н. Рерих

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
11-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Письма – Ваше от 30 января и Гаральда Феликсовича от 30 января только что получены – большое, большое спасибо. Очень хорошо, что теперь Вы советуетесь относительно монографии с Пранде. Только на месте можно уследить за многими условиями. Конечно, белого ободка НЕ нужно делать. Очень хорошо, что картины *Помни, Жемчуг исканий* и *Жар-Цвет* будут поправлены на новых отпечатках. Вообще, в тех случаях, когда нет оригинала,

следует сравнивать с американскими оттисками. Видно, что все дело не столько в качестве самих клише, как просто в неудачно выбранных красках. Относительно всех других положимся на компетентность Пранде. Ему на месте виднее, насколько можно достичь лучшего результата. Кроме того, прежде всего, приходится принимать во внимание и смету на монографию. Нас потрясли цифры за печатание по американским готовым клише. Во что же тогда выльется печатание всех репродукций с изготовлением местных клише, с набором, переплётом, брошюровкой и прочее. Уложено ли всё это в смету и прикинута ли цена книги, – чтобы не было сюрпризов. Ведь и Либерт, и Пранде, как опытные в этом деле, должны предусмотреть общую картину книги. Нам так хочется, чтобы всё вышло по возможности экономнее и не оказалось бы в тягость.

Нашли ли Вы посланные отсюда семь фотографий серии *Тибет.* По некоторым причинам очень важно, чтобы эти семь однотонных репродукций вошли в монографию. Последовательность их мы уже Вам писали. Во всём остальном мы полагаемся на Ваше и Пранде, и Гаральда Феликсовича, и Либерта общее суждение. Страничку набора для книги приветствий мы получили – там всё ладно, кроме небольших поправок, которые сделаны красным. Очень хорошо, что Вы выпустили из приветствий «соколов», если не поздно, то выпустите их также из списка имён. Привет «оборонцев»[16] печатайте – это очень хорошая молодая организация. Что касается воспроизведений в книге приветствий, то лучше помещать их боком, но ни в коем случае не обрезать. Любопытно, что в Таллине существуют несколько групп. Может быть, для начала не следует пытаться их сразу объединять, ибо по своему внутреннему строению они различны и даже до известной степени противоположны. Если Таска не имеет достаточного энтузиазма, не следует ли ближе привлечь Раннита? Вообще, дал ли Таска эстонскую статью для монографии – если его статья не состоялась, то, думается, Раннит мог бы дать ещё более звучную статью.

Выписка из письма Беликова, присланная Вами, звучит неплохо, но боюсь я одного – по одну сторону его был Гущик, а по другую Пеаль. Два таких привеска сразу усложняют положение вещей. Кроме того, мы не знаем и остальных, участвующих в его группе. Уже столько раз приходилось получать неприятные сюрпризы, что и в этом случае требуется осторожность. Пусть в Таллине всё кристаллизуется, а пока что Раннит, как поэт и писатель, имеющий уже около себя группу своих друзей, будучи при этом природным эстонцем, обращает на себя внимание. Уж очень свиреп Армагеддон повсюду. Все космические и мировые события сгущаются. В Ваших письмах не было упоминания о положении дел Гаральда Феликсовича и Клементия Станиславовича – будем надеяться, что дружными усилиями удаётся противостоять тьме.

Доверительно посылаю Вам копию моего письма к Александру Ивановичу. Конечно, упоминание о шведской особе (Вы знаете, о ком) вызывает опять-таки чувство большой осторожности, но никогда, а сейчас в особенности, делать врагов нельзя.

Е.И. ничего не имеет против, чтобы у Юлии Доминиковны был экземпляр *Напутствия Вождю,* но просите её, чтобы она сохранила его исключительно для себя. Надо думать, она выполнит эти условия. Вообще сейчас повсюду чувствуется такое напряжение, что все крайние меры осмотрительности должны быть применены. Да, именно пришёл Армагеддон, и теперь все служители добра должны показать, что они научились единению.

Е.И. и все мы шлём всем Вам наши лучшие мысли. Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Конечно, мы не имеем ничего против, если отдельные оттиски Вы хотите распространить для латышских изданий и для дешёвого распространения.

———

[16] В 30-х годах среди русской эмиграции в Париже произошло расслоение на два лагеря: «пораженцев», делавших ставку на поражение СССР в возможном военном конфликте с Западом, и «утвержденцев», собиравшихся защищать Родину. Некоторые группы «утвержденческого» движения называли себя «оборонцами».

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
18-ФЕВ-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Только что мы получили два письма от Гаральда Феликсовича от 30 января. Можете себе представить, как мы болеем сердцем за все чинимые тёмными несправедливости. Можем себе представить размер этих мерзостей. Ещё в 1930 г. в Париже покойный Феликс Денисович подробно рассказывал мне, каким гонениям он подвергался со стороны профессионалов за свои самые лучшие намерения и за свою высокую человеколюбивую деятельность. Увы, с тех пор человеческая совесть не улучшилась и ярость зависти лишь возросла. Если же тогда человек уже почтенного возраста должен был так страдать от клеветы и несправедливости, то можно себе представить, с какою усиленною радостью нападают невежды и криминалы[17] на молодого деятеля. Конечно, все силы и возможности сочленов должны быть мобилизованы. Против ярости тёмных нужно противопоставить всю драматичность и светлую несломимую энергию. Конечно, все дозоры должны быть удвоены, а во всех делах Общества утроена осмотрительность.

Сегодня утром мы послали Вам следующую телеграмму: «Telegraph whether Feliksons situation improving Stop We suggest for economy postpone greetings book and print one Swedish monograph sixhundred copies»[18] – действительно, экономизация и сил и средств должна быть применена. Книга приветствий вполне может быть отложена, дабы не вызывать излишних расходов. Ведь эта книга является чисто внутренним изданием, а теперь мы часто видим, что даже в старейших французских и других обществах учёные труды и юбилейные издания выходят через несколько лет. Важно то, что все матерьялы для этой книги хранятся в Обществе в порядке и сочлены могут знакомиться с ними.

Что касается монографии, то Вы видите, что мы предлагаем ограничиться сперва лишь шведским изданием в размере 600 экземпляров. Даже, может быть, и в числе 500 экз., ибо нам помнится, что в типографиях существуют свои машинные соображения о наиболее удобном для них количестве, бывало, это называлось заводом машины или полузаводом. Если иностранное издание будет отложено, то это, во всяком случае, нетрудно объяснять для посторонних тем, что издательство хотело бы включить и ещё какие-то новейшие произведения. Также может быть объяснено и тем, что издательство предполагает получить какие-то новые статьи и тем сделать издание новее. Словом, без всякого тревожного шума можно вполне спокойно объяснять тем, кто запросит, эти уважительные соображения.

Булгаков прислал очень доброе письмо, в котором прекрасно отзывается о посещении Г.Ф. и Блюменталем Праги, и лишь жалеет, что музей[19] был в периоде переустройства. Также сообщает, что к воспроизведению *Св. Сергия* ещё не приступали и он его остановил. Также сообщает, что художник Юпатов, живущий в Риге, издаёт каталог пражского Музея. Интересно знать, кто такой Юпатов, издающий в Риге этот каталог для Праги бесплатно. Надеемся, что Юпатов друг, иначе могут быть какие-то подвохи. Булгаков писал, что они хотят поместить две моих пражских картины в этот каталог из воспроизводимых сейчас. Думается, что если при этом будет указано, что они взяты из монографии *Угунса,* то такая кооперация допустима и часто применяется в различных художественных изданиях.

При сём посылаем семь фото с последних картин, может быть, Пранде пожелает чем-либо заменить высланные ранее. Также посылаем испанскую статью, может быть, она пригодится в будущем. Г.Ф. не так давно писал, что он имеет в виду заключить условие с каким-то гомеопатом-фармацевтом. Такая диверсия[20], вероятно, могла бы внести неожиданный для тёмных оборот дела. Кроме того, Г.Ф., наверное, пользуется иногда и общепринятыми аллопатическими средствами, получаемыми в обычных аптеках. Таким

---

[17] преступники (от *англ,* criminal).

[18] Телеграфируйте, улучшилось ли положение сына Феликса. Мы предлагаем для экономии отложить книгу приветствий и печатать лишь одну шведскую монографию в количестве 600 экземпляров *(англ.).*

[19] Русский культурно-исторический музей, открытый в 1934 году в г. Збраславе, вблизи Праги, по инициативе В.Булгакова. В 1948г. коллекции музея, в том числе 15 картин Н.К. Рериха, были отправлены в СССР.

[20] Здесь: отвлекающий манёвр.

образом можно получить диверсию в двух направлениях и тем обезоружить нападки. Ведь тёмные отступают при новой диверсии. Конечно, черти никогда не сделаются ангелами, но могут получить некоторую печать молчания. Зависть является самым всегда живым пороком. В недавно вышедшей в Англии книге врача Кронина[21] потрясающе описаны преступные нападения профессионалов. Книга, по-видимому, взята с натуры, и можно лишь изумляться, какое злобное актуальное невежество ещё гнездится в так называемых цивилизованных странах. Владимир Анатольевич предполагает послать через Вас перевод некоторых интересных мест этой книги. Такие книги должны бы быть широко переведены и распространяемы, чтобы пресекать жало тёмных ехидн. Зорко усмотрите, где могут скрываться подобные ехидны, ведь иногда их местопребывание оказывается весьма неожиданным. Пишу это письмо Вам, но, конечно, оно одинаково относится и к Г.Ф., с которым Вы ближайшим образом делите все переживания. Хорошо, если и генералы, и сенаторы, и другие почтенные деятели приложат свою добрую руку во имя справедливости. Кто именно из адвокатов может сказать слово драматическое и благородное и потрясающее своею убедительною правдою. В телеграмме Вы видите, как сокращённо мы назвали сына Феликса для телеграфного удобства. Шлём Вам всем бодрые мысли. Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Николай Рерих Валентину Булгакову
ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

21-ФЕВ-38

Дорогой мой Валентин Фёдорович!

Вчера вечером пришло Ваше доброе письмо от 31 января с приложением прекрасно выполненного Клодтом диплома и с листом *Зодчего.* Пожалуйста, передайте мой привет Клодту. Ведь эта фамилия так запечатлена в русском искусстве, а отец его для Художественного театра писал по моим эскизам к *Пер Гюнту.* Также передайте «зодчим» моё душевное пожелание об успехе их журнала. Первый воспроизведённый проект Брандта очень удачен. Если Вы хотите воспроизвести картину *Св. Преподобный Сергий,* то, конечно, это нужно сделать без надписи, как Вы и предполагаете. (Надпись вообще можно временно прикрыть. Но внутри будем знать твёрдо, что Преподобный дважды спасал Родину от врага внешнего, от него же спасёт и в третий раз.) А Вы знаете, какие вражеские подкопы ведутся из-за границы, и с запада, и с востока. Между прочим, имейте в виду, что японский наёмник мракобес Васька Иванов считает именно эту картину безбожной, ввиду того, что наверху изображено Всевидящее Око. Мракобесы до крайности невежественны и не хотят знать, что даже на древнейших фресках это изображение неоднократно может быть найдено. Вообще, мракобесные иуды потрясают своей мерзостью. Очень я рад, что Ваш вопрос о картине теперь же вызвал это письмо. Ваша книга *Духовный путь Толстого* прочтена здесь с великим воодушевлением и признательностью Вам за такое сердечное и справедливое изложение. Действительно чувствуется, как Вы полюбили эту глубочайшую сторону великого писателя и учителя. Мы все были не только обрадованы Вашей книгой, но и сердечно тронуты, ибо по нынешним временам так необходимо громко высказываться о самом драгоценном, чем жив дух человеческий. Нельзя ли в Праге найти *Путь жизни* Толстого – здесь хотели бы прочесть. Когда я читаю Ваши книги, всё время упорно возникает мысль: если бы довелось поработать близко вместе с Вами. Думается, скоро послужим ближайшим образом народу русскому. Принесём накопления, опыт и знания. Чувствую, что именно Вы поняли бы истинное значение прекраснейшего русского слова: подвиг. Мы хотели дать в здешнюю прессу Вашу призовую статью, но не знаем, хотите ли Вы этого и разрешается ли это по условиям общества, давшего приз. Шлю Вам душевный совет: спешите во всём, в чём можно поспешить. Не буду утяжелять письма объяснениями, но знаем, что нужно спешить во всём изо всех сил. Ещё раз спасибо Вам за книгу и за доброе слово.

---

[21] *Цитадель.*

Духом с Вами,

Н. Р.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[22]

22.11.38

Н.К.

1. Телеграмма Ваша. Положение Гаральда Феликсовича. Множество пациентов. Утром до 6 часов номера раздаёт.

2. Монография задерживается. На месяц отложили из-за государственных работ в типографии. Главный печатник болен. Как было с *Т. Д.* – заведующий, с которым заключили договор, умер, неимоверные трудности, надо было обучать печатников, ибо неаккуратно [работали].

3. Новый закон о перерегистрации обществ. Изменить статут – название и параграфы о филиалах.

4. Телеграмма Зинаиды Григорьевны, чтобы не печатали статью Москова.

5. Статья Шауб-Коха для монографии. Для сборника запросил сокращённую. В переписке с ним.

6. Статья Шклявера для сборника. Для монографии – другую, французский перевод. Шено прислал.

7. Статья Владимира Анатольевича – включить ли её вообще, по нашим обстоятельствам?

8. Раннит.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
l-МАРТА-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Посылаем Вам для зала Общества фотографию портрета Е.И. Может быть, если клише ещё не сделано для монографии, то эта фотография лучше пригодится и для книги. Очень беспокоимся, как у Вас протекали все общественные обстоятельства. Из телеграммы Гаральда видим: агрессии продолжаются. Мало ли какие злоумышления могут быть изобретаемы завистниками. Ведь они могут не одного, а несколько подставных пациентов подослать. Они могут выдумать всё что угодно, могут подменить лекарство, словом, методы злобы неисчислимы. Порадовало нас известие, что дружественные силы организованы. Это очень важно. И пусть каждый из сочленов принесёт к этому случаю все свои возможности. Излишне говорить, что во время такого напряжения нужно всячески охранить внутреннее единение. Не думаем, чтобы кто-то дерзнул вообще, а в такое время в особенности, проявиться в разъединительном смысле. После изучения стольких книг Этики невозможно предположить, чтобы где-то подпольно возникало бы разъединение и недоброжелательство. Учение Жизни, прежде всего, призывает к сотрудничеству и единению, а в такие драматические дни, как сейчас, эти основы должны быть особенно священно охранены. Е.А.Зильберсдорф прислал копию заявления Двинской группы, которое Вы, вероятно, уже получили; он пишет, что местное должностное лицо советовало им не делать отдельного общества, а считать себя филиалом Рижского. Конечно, эта группа и без того сотрудничала с Рижским обществом. Трудно предположить, в какой мере Рижское общество должно

[22] План письма.

отвечать за все действия Двинского филиала. Но ведь бывают и филиалы с предоставлением автономности, и в таких случаях может быть оговорено, что Рижское общество не берет на себя ответственности в денежном, а равно и в актуально-рутинном производстве. Эти основы следовало бы укрепить и за всеми прочими филиалами, буде таковые начнут образовываться. Такая централизация, без особой ответственности, может быть полезна, соблюдая основное направление всех сотрудничающих групп. Кстати, не пропало ли при пересылке Зильберсдорфу *Напутствие Вождю!* Из его письма можно понять, что он до сих пор её не получил. Всякие трудности в мире растут с каждым днём. Хотя февраль вчера и кончился, но, очевидно, много труднейших семян посеяно в течение двух последних месяцев, а в феврале особенно. Имеется ли хороший адвокат у Гаральда, ведь этот экстраординарный случай должен быть выявлен не только обычно процессуально, но именно с драматической стороны во имя утверждения полезных идей для оздоровления человечества. Надо надеяться, что и пациенты готовы дать убедительное показание. Всюду беспокойное время. Шлём Вам всем наши лучшие мысли, сердцем и духом с Вами,

H.P.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 1 марта 1938 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Хочу поделиться с Вами о положении нашего Гаральда Феликсовича. Вы уже знаете о том грустном факте, что ему запретили изготовление лекарств в своей квартире. Кабы силы противодействующие знали, какой вред они приносят Латвии и всему человечеству, ограничивая деятельность Гаральда. Я только что был у заведующего отделом туберкулёза при департаменте здравоохранения Dr. med.[23] Н.Вэтра, и хочу Вам рассказать подробнее о нашем разговоре. Мы оба когда-то участвовали в одной студенческой организации, он даже был идеалистом, писал стихи, а теперь встретил меня в облике грозного стража правосудия. Именно от него Гаральду грозит самая большая опасность, ибо справиться с туберкулёзом самое трудное и самое ответственное задание. На все мои аргументации д-р Вэтра просто не реагировал. Прежде всего он повторял, чтобы Гаральд Феликсович *доказал,* что он лечит научно (т. е. как обследуют больных и лечат все другие врачи, по методам, приобретённым в университетах). Если же он будет продолжать и впредь лечить «ненаучно» (т. е. без лабораторных анализов и пр.) и если увеличится число жалующихся на него (оказалось, что кто-то жаловался на Гаральда), то он, как страж здоровья, позаботится, чтобы ему совсем запретили практику.[24]

Я же ответил, что Лукин был бы весьма рад *доказать,* что он лечит научно и что его медикаменты имеют научное значение, но пусть ему разрешат применять свои лекарства в какой-нибудь из больниц, или же пусть образуют комиссию, которая исследовала бы

[23] доктора медицины *(лат.).*

[24] «Все болезни лечил водою и спиртом. Анна Жоголова из Митавы долгое время страдала от нагноения в левой ноге. Многократно она обращалась за помощью к врачам больничной кассы, но выздоровление шло медленно. Ж. была адвентисткой; посещая церковь, она о своей болезни рассказала другим; те ей посоветовали обратиться к какому-то врачу в Риге, который широко известен как «врач-чудотворец». Послушавшись совета, Ж. обратилась к Dr. Г. Лукину в Риге. Ж. у Л. лечилась 6 месяцев, платя за каждый визит 5 латов. Несмотря на это, положение её ухудшалось. Она не могла пошевелить ногой и должна была лечь в постель. Видя, что с её болезнью становится всё хуже, она заявила об этом в больничную кассу в Митаве. Больная тогда передавала также о приёмах врачевания Dr. Лукина. После «обследования» врач ей давал несколько белых бутылочек с «лекарствами». На пробках бутылочек химическим карандашом было отмечено, какие лекарства следует употреблять по порядку. Уездный врач Митавы и доверенный врач больничной кассы, исследуя больную, признали, что её лечили неумело. Dr. Л. допустил ошибки, из-за которых больная стала неизлечимой. А. Ж. поместили в больницу, где она и умерла. О происшедшем уполномоченный больничными кассами – присяжный поверенный Б. заявил в департамент здравоохранения. Фармацевтическое управление, исследуя лекарства Dr. Л., признало, что они содержат раствор алкоголя (исследовал д-р В., о котором я когда-то уже писал Вам!!!). Департамент здравоохранения просил прокурора Рижского окружного суда возбудить против Dr. Л. криминальное преследование». Далее описываются ещё два случая, где Dr. Л. как будто неправильно лечил. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

объективно метод и результаты его лечения. Он ответил, что в больницы Лукина не допустят, но сказал, чтобы Лукин научность своего метода доказал в своей практике, а также прочёл и защитил научный доклад. Д-р Вэтра полагает, что в лекарствах Гаральда не что иное, как вода и спирт, ибо он исследовал их в своей лаборатории и ничего другого в них не смог найти. Хотя я ему старался доказать противоположное, – что я сам и мои друзья собирали цветы и травы для его лекарств. По его мнению, это лишь массовое внушение. Я же ему ответил, что он не может отрицать, что каждый врач должен обладать известной способностью внушения, но также и лекарства Лукина оказывают безусловно сильное действие, и это я старался доказать по многочисленным примерам, хотя бы из моей личной жизни и жизни моих знакомых. Например, мы постоянно храним дома лекарство Лукина от гриппа, и при простудах сразу помогает. Я также напомнил, что Феликс Денисович незадолго до своего ухода серьёзно обсуждал вопрос о патентовании некоторых своих радикальных средств. Но, конечно, и все эти веские доводы как бы совсем не доходили до скептического ума. Наконец, д-р Вэтра высказал самое нелепое обвинение, которое, к сожалению, повторяет также Алкс и другие из его друзей, что Г.Л. думает лишь о своей наживе, но не о здоровье больных, поэтому так спешит с приёмом больных, принимая в час до 8 больных и т. д., в то время как он сам нормально в час принимает двоих или даже одного больного, что Лукин таким образом зарабатывает в день Ls 500 (!). Но Вэтра забывал, что Гаральд многих лечит даром, с другой стороны, он старается принимать *всех* больных, а число последних с каждым днём всё возрастало. Увы, кабы д-р Вэтра знал, что Лукин меньше всего думает о себе и своей пользе (я даже не знаю другого столь бескорыстного человека), что он и обедает и живёт, может быть, скромнее, чем все его порицатели! Но всё же здесь скрывается и некоторая правда и нужно отдать дань противнику. Правда, что в эту зиму приём больных превратился в нечто сверхнормальное и сверхчеловеческое. Ведь приём 100–120 больных в день, с одной стороны, истощал его силы, а с другой – в случае его усталости – мог вносить также некоторый механический элемент в обращении с больными. Ведь нередко бывало, что он вечером «валился с ног» и должен был преждевременно отпускать больных. В декабре месяце он даже заболел. Мы ему много раз советовали сократить число больных. Но, с другой стороны, иногда мы просто поражались, как не иссякает его запас психической энергии, как он может выдержать с 7 утра до 9 часов вечера.

Далее, если пациенты и были довольны результатами его лечения и популярность его неимоверно росла, то всё же могло быть немало больных, которые были недовольны методом его обследования, т. е. тем методом, который высшими кругами считается ненаучным: что Гаральд слишком спешит при обследованиях, не советует обращаться к анализам, рентгеновским лучам и прочее. Он мало считался с психологией больных, которые любят, чтобы их обследовали со всех сторон, не спеша, даже если подобное обследование не нужно. Помню, как и Феликса Денисовича кто-то упрекал, что он больше смотрит в глаза больного, чем вслушивается в его слова, но Ф.Д. был психолог, весь жизненный опыт был с ним, да и притом его всегда спасал его точный метод диагностики – установление болезни по глазам. Гаральд руководствуется лишь своей гениальной интуицией при установлении болезни. Гаральд мне рассказывал, что иногда при одном виде больного, когда тот входит в его кабинет, он уже чует болезнь пациента, но при усталости он мог и ошибиться, как ошибаются иногда все врачи. Но хотя возможно, что он ошибается даже меньше, чем другие, но вот – что прощается официально признанным врачам, то не прощается Гаральду, или quod licet Jovi[25]...

Я уже писал Вам, что в Латвии есть один пастор-старик, который обладает знанием глазной диагностики, я стремился познакомить Гаральда с ним, переписывался с ним, советовал поехать к нему (в провинцию), но до сих пор их встреча не состоялась. Этот пастор очень интересная духовная личность, он сам собирает травы и лечит больных. Я ему послал сборник, посвящённый Феликсу Денисовичу, и он мне ответил, что втайне уже всю свою жизнь мечтает о Гималаях, что в молодости собирался даже туда ехать, что он интересуется также теософией. Конечно, глазная диагностика оказала бы Гаральду неоценимую услугу.

Когда я заметил заведующему отделом туберкулёза, почему он уверен, что Г.Л. не обладает гениальной интуицией и не в состоянии исследовать больного в 10 минут, то тот

[25] что дозволено Юпитеру, [то не дозволено быку] *(лат.)*.

только усмехнулся. Да, как убедить скептика!

Далее, надо сказать, что, обладая большим темпераментом и огнём и будучи ещё так молод, может быть, иногда своим откровенным и необдуманным словом, резким намёком или даже критикой он мог навлечь и обиду. Он, может быть, иногда слишком категоричен в своих требованиях и, в то время как гомеопатическое лечение славится именно своими малыми дозами, в моральной гомеопатии Гаральд иногда требует принятия самых больших доз. Вы уже знаете о некоторых случаях в Обществе, но обида членов в конце концов угасла, так как все Гаральда любят. Но всё же его спасает чуткость и культурность и любовь к торжественности. Но среди больных он мог создать и неприятелей.

Наконец, «официально» вредило Гаральду также его стремление облегчить страдания больных, официальной медициной обречённых на смерть, например, в последней стадии туберкулёза и рака и пр. Случалось, что даже в этих тяжёлых случаях Гаральд излечивал, но если же больной уходил, то иногда этот уход ставился ему в вину – ведь он же лечил больного!! Но мы знаем многие примеры, как лекарства Гаральда облегчали страдания уходящих. Так, Гаральд лечил известного латышского поэта Акуратера, больного раком, незадолго до его ухода, самочувствие последнего сильно улучшилось.

Заведующий отделом туберкулёза передал мне также, что моя радиоречь о Николае Константиновиче 10 октября вызвала возмущение в департаменте здравоохранения, ибо оказалось, что я в ней сделал рекламу для Лукина. В моей речи было сказано, что основатель Общества им. Рериха в Риге Dr. Ф.Лукин являлся членом-корреспондентом Гималайского научного института в Индии, где есть отдел исследования рака, и что тибетская медицина успешно применяет свои средства в борьбе с раком и туберкулёзом. Только теперь мы поняли, почему на недавнем собрании комиссии здравоохранения, не называя Гаральда по имени, говорили о «тибетском капельщике», деятельность которому надо преградить.

Да, мы уже давно говорили, что Гаральду надо сократить число пациентов до минимума и в свободное время заняться также пополнением своего медицинского образования. О таком докладе или книге, где он мог бы отстаивать своё медицинское наследие, Гаральд уже и сам думал, но для этого нужен громадный теоретический труд.

Уже с начала прошлой недели Гаральд реорганизовал приём больных, не принимает больше 40–50 и вообще стал обследовать более «научно», отсылает больных к лабораториям и т. д. Возможно, что он даже откажется на время от лечения больных туберкулёзом, чтобы меньше могли к нему придираться.

2.III.38

Да, оказалось, что дело ещё хуже, что Алкс вообще ищет лишь повод, чтобы запретить Гаральду практику. Гаральд Вас обо всём этом уже подробно осведомил. Он прекратил также приём больных, пока не выяснит своё положение. Сегодня обратится к министру юстиции Апситу, которого считает более отзывчивым. Последнее – обратиться к президенту с меморандумом, который подписали бы культурные деятели.

Я недавно видел сон, что Гаральд избран Обществом эстонских врачей почётным членом. Возможно, что это и осуществится когда-нибудь, ибо своих пророков родина не любит.

Всё же мы уверены, что Гаральд выйдет победителем и что он, так или иначе, сможет продолжать свою практику.

В старшей группе мы теперь постоянно обсуждаем вопрос Гаральда и поддерживаем его всеми силами и возможностями. Кроме того, по предложению Александра Ивановича, мы решили в семь часов утра ежедневно посылать мысли помощи Гаральду, так объединяясь в духовной батарее. Нами уже давно решено всем членам мысленно объединяться в 7 утра и 9 вечера и посылать мысли блага всему миру.

Я уже писал также о предстоящей перерегистрации обществ в Латвии. И здесь положение серьёзное. Но с нами будут считаться, по крайней мере, как с Музеем. Но и как общекультурное общество мы слишком известны, чтобы с нами не считались. Одно лишь верно, что после перерегистрации мы будем включены в Камеру культуры, проект которой, по газетным сведениям, в скорейшем времени будет обсуждаться в кабинете министров.

Теперь о нашей женской секции. Несколько дней до её образования дочь Вайчулёниса, молодая г-жа Аншевиц имела ночью видение, которое я хочу Вам здесь передать дословно, по её записи:

«Это было мгновение. Я видела Матерь Мира, всю светящуюся мягким серебристо-белым светом. Вокруг Её головы были расположены такие же светящиеся излучения. Миг – и вместо неё появился герб Латвии в таком же ослепительном и вместе с тем мягком свете. Я не нашла сравнения этому свету ни с чем. Это видение было настолько мгновенно, что я уже начинала сомневаться в том, видела ли я Его. Но моё бодрствующее состояние, темнота комнаты, моё ясное сознание доказывали, что это было не сновидение, а явь».

Нужно заметить, что Аншевиц имела также видение Владыки, когда ещё не знала Учения.

Так деятельность нашей женской секции началась под самым прекрасным знамением. Руководительница секции – К.Драудзинь, одна из тех, которых я высоко ценю в нашем Обществе. Хотя она не в правлении, мы её постоянно приглашаем для советов. Феликс Денисович когда-то в одном видении видел её как «золотой ключ». Она также философский ум и рефераты читает чуткие. Она сперва отказывалась от руководства секцией, так как полагала, что руководительница должна быть женщина с широким даром слова и пр. Но, в конце концов, – главное ведь огонь сердца и чувствознание. В прошлое воскресенье произошло первое выступление нашей женской секции: с рефератами о миссии женщины выступили три известные культурные деятельницы Латвии, и сама Драудзинь в конце дала свой синтез в духе Учения.

Я получил уже *Братство,* II часть до 157-го параграфа, шлю Вам всю свою благодарность сердца. Чтение его для нас с Гаральдом – часы радости.

Сердечное спасибо также за Ваше письмо от 8 февраля. Книга Нотовича переведена также по-латышски, под названием *Тибетское Евангелие,* и вышла в довоенное время. Она хранится и в библиотеке нашего Общества, и славословие Христа женщине, которое я так люблю, мне приходилось несколько раз цитировать.

Вы говорите об Облике Христа. Мы Вам послали портрет Христа, популярный среди розенкрейцеров. Мы этот снимок увеличили, и на правлении была высказана мысль поместить его в комнате Владыки. Или не лучше ли образовать особую комнату Учителей, куда имел бы доступ в любое время каждый член, а в комнате Владыки концентрировать мысль лишь на Одном? В комнате Владыки у нас хранится также портрет К.Х. Мы не знаем, какой из снимков статуэток Будды был бы более подходящим для нашей комнаты Учителей?

Мы получили от Владимира Анатольевича уже две тетради с немецким переводом *Листов Сада Мории.* Когда получим всё целиком, как Вы посоветуете, можно ли труд печатать? Хотя и неизвестно, что творится в Австрии, но немецким языком ведь владеют и в Скандинавии и в других странах.

Я уже писал Вам о глубоко поразившем нас отступничестве Москова. Ведь он тот, кто написал статью *Друг человечества.* Придётся выпустить из Сборника его приветствие на конгресс и его статью, хотя я уже переписывался с ним о печатании его приветствия. Должно быть, Вы уже получили от Зинаиды Григорьевны подробное извещение о новом тяжком испытании для неё и её друзей, о выселении трёх учреждений из помещения Музея. Да, нечто неизречимо ужасное творится постоянно в Нью-Йоркском Музее. И какое сверхмерное мужество необходимо Зинаиде Григорьевне и её друзьям, чтобы бороться при таких обстоятельствах. Повторяю лишь, что З.Г. пишет о Москове: «В своей телеграмме я просила не печатать статьи Москова. Причина этому следующая: он показал, в самый тяжёлый для учреждений момент, себя предателем, предпочитая остаться в доме, из которого изгнали учреждения, и продолжать работу под эгидой г-жи Хорш, т. е. врагов наших. Сделано это было им вполне сознательно, ибо он был в курсе всех наших дел и всегда выражал нам сочувствие и, наружно, симпатию. Но, видимо, когда пришлось выбирать между принципами этики и своим личным удобством и выгодой, он выбрал последнее. Многие в эти тяжкие дни показали свои истинные лики: объявилась и пара предателей, но они ничтожны по сравнению с чудесными светлыми друзьями и сотрудниками, которые бьются вместе с нами и стоят несломимой стеной на пути служения».

Г.Ф. уже запросил Вас о продаже *Т. Д.* Если и не распространять за границу, может быть, в Латвии можно было бы продавать также нечленам? Намереваемся печатать каталог всех наших и сопричастных изданий, но не знаем, включить ли туда также *Т. Д.!* Если же включить, можно ли упомянуть в каталоге, что перевела Е. Рерих? Или же с рассылкой за границу ещё подождать несколько месяцев?

Я на днях говорил с Даугавинь относительно шведского консула. Она ответила мне, что у неё не было намерения получить службу в шведском консульстве. Правда, года полтора или два тому назад она собралась ехать в Швецию, где проживают её родные (она об этом мне сама когда-то рассказывала), но не получила визу. Она желала бы там получить признание и издать свои композиции.

Шлю Вам, Николаю Константиновичу и Владимиру Анатольевичу мои самые сердечные и радостные мысли.

Искренне преданный и благодарный Вам,

Р. Рудзитис

Елена и Николай Рерих Латвийскому обществу[26]

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
5-МАРТА-38

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

К памятному дню 24 Марта шлём Вам наш сердечный привет. Обернёмся на прошедший год и вспомним, сколько творческого продвижения за этот срок произошло. За год удачно состоялся Конгресс, на котором ещё раз было подчёркнуто Единение, Добротворчество и Дружелюбие. Появились новые издания, произошли художественные выступления. В объединённых собеседованиях Вы встречались, обсуждали полезные предметы и ещё более укрепляли культурное сотрудничество. Конечно, в течение этого года ощущались и немалые трудности. Каждый в своей области чувствовал напряжение, но иначе и быть не могло. Не только земные условия были трудны, но и космические знаки были в прошлом году нагнетены. Повсюду замечалось многое необычное, а северное сияние было наблюдаемо даже на юге Европы, даже в Португалии и в Греции. И в человеческих отношениях замечались как сияния, так и отемнения. В такие напряжённые дни особенно необходимо культурное сотрудничество наших обществ. Очаги добротворчества должны пылать добрым огнём. Если вьюга и вихрь бушуют вокруг жилья, то тем теснее и дружнее сойдутся путники к огню Благому. В бурю караваны бывают особенно дружны. Перед лицом грозовой опасности забываются и те маленькие трения и недоумения, которые превращают пути в тернистые тропинки. На опасных утёсах никто не будет думать о малых житейских недоразумениях. Даже животные в караванах идут в полной осмотрительности, когда тропа опасна. Во времена трудностей люди дружелюбнее относятся друг к другу, нежели во время сонного благополучия. Содружества наши и собирались не для того, чтобы подремать в тихом безмыслии. Каждое истинное содружество познаётся именно в дни трудные, в часы тревоги и исканий. Именно в такие часы драгоценно почувствовать присутствие друга, единомышленника, который готов протянуть руку помощи. Крепко и прочно взаимное рукопожатие. Пусть в разных странах, телесно разъединённые морями и материками, но крепко объединённые в духе друзья сойдутся 24 Марта в сердечной беседе и почуют всю теплоту души, осветятся лучшими огнями и выскажут благодарность Тому, Кто объединил их на светлый труд и славные достижения. Пошлём наши лучшие дружные мысли Тому, Кто незримо присутствует среди нас и знает тайники сердец наших. Побудем вместе, в помыслах добрых и будем знать, что если даже у кого-либо сегодня огорчение, то завтра будет радость. Воззовём всею силою духа, чтобы пришла она, эта светлая радость на пути добротворчества и труда.

Сердечный привет Вам от Гималаев.

Елена Рерих
Николай Рерих

---

[26] Из далёких Гималаев наши Духовные Водители посылают нам свой сердечный привет. Они просят нас сегодня, в этот великий день положить также фризии от них к Портрету Учителя. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

Николай Рерих Николаю Бушману

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ.
Николай Бушман (Janseni 9)
Tallinn, Eesti.

5-МАР-38

Дорогой Николай Александрович!

Благодарю Вас за письмо Ваше от 15 февраля с приложением доклада *Дворец Культуры, Мира и Труда.* Вы совершенно правы, поминая, что в прошлом моём письме я советовал Вам сосредоточиться на идее памятника Женщине. Теперь я вижу, что эта идея вошла как часть в другую огромнейшую идею дворцов культуры, мира и труда. Этот план настолько грандиозен, что по нынешнему состоянию мира даже трудно представить себе его осуществимость. В письме Вашем Вы спрашиваете у меня некоторые финансовые советы. Должен сказать совершенно определённо, что мои советы могут быть исключительно по художественной и культурной области, но я никогда не касаюсь вопросов финансирования. К тому же многие страны, и в том числе и Америка, сейчас переживают труднейший кризис, который складывает и совершенно необычные обстоятельства, отражающиеся на всех предприятиях. Так, например, во Франции правительство должно было уменьшить и без того скромные субсидии научным обществам. Вы пишете, что предполагаемые Вами члены почётного комитета говорили Вам о необходимости, прежде всего, озаботиться о финансовой стороне дела. Несомненно, Вы повсюду встретитесь с таким же предложением. А теперь, когда памятник Женщине разросся в план огромнейшего всемирного дворца культуры, то Вы особенно встретитесь с этими голосами. Что касается всемирной выставки в Америке, то, насколько можно заключить из газет, планы её уже закончены. Впрочем, я никогда не принимал участия в этих всемирных базарах и потому очень далёк от текущих дел таких выставок. Ваши грандиозные планы о дворцах человечества для претворения всех культурных продвижений звучат поистине трагично в дни всемирных военных приготовлений. Конечно, каждый сочувствующий культуре будет желать осуществления Ваших благих намерений, но как преодолеть бюджеты всяких правительств, в которых львиная доля отведена вооружениям? Очень хотел бы, чтобы всё в мире было иначе, но должен сказать то, что в реальности своей перед нами. Если лица, с которыми Вы уже говорили, предлагали Вам прежде всего озаботиться финансированием Вашего проекта, то, к сожалению, и мне приходится присоединиться к такому же мнению, чтобы какими-либо преждевременными обсуждениями не вводить Вас в заблуждение. Времена весьма трудны. Армагеддон – повсюду. Подумайте, насколько осуществим сейчас Ваш грандиознейший мировой проект. Говорю это совершенно откровенно, ибо мой долголетний опыт достаточно научил меня предусматривать реальность. Быть может, то, что невозможно сегодня, станет возможным завтра, и этому я шлю моё пожелание. Желаю Вам лучшего успеха,

искренно,

N. R.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
8-МАР-1938

Родной наш Рихард Яковлевич!

Письма Ваши от 22-го и 26-го февраля с приложениями и газетными вырезками получены. Из всего видим, насколько осмотрительно и дружелюбно нужно пережить настоящее бурное время. (Вполне понимаем Ваше соображение о статье Владимира Анатольевича – её можно не печатать.) Также вполне понимаем, если вместо Общества будет

Музей, с правом членства и собраний, – по местным условиям Вы сделаете так, как лучше. Мы Вам верим и знаем, что Вы сделаете всё возможное. Относительно статьи Москова мы полагаем, что её следует напечатать в книге приветствий. З.Г.Лихтман уже написала нам о резиновой совести Москова, перекачнувшегося к апостатам ради тридцати серебреников. Ох уж эти иудины серебреники. Они составили мировой символ на все века. Ещё совсем недавно Москов обнимался и целовался с З.Г.Л., радуясь некоторому успеху в деле против апостатов. Таким образом получилось не только 30 серебреников, но и лобзание. Полагаем, что посылать Москову книгу приветствий не следует, но напечатать его статью весьма пикантно, тем стыднее ему должно быть. Курьёзно, что и Вам и мне он написал совсем недавно самые сердечные письма, а на своей, присланной мне, диссертации сделал надпись: «Учителю и Другу». Свидетельствую, что предательству я его не учил.

Газетные вырезки, Вами присланные, показывают, что следует быть на особо зорком дозоре. Не забудьте, что во Франции наша Ассоциация вполне существует, тем страннее были бы какие-то поползновения в других странах. Если ещё не поздно, выпустите даже из списка имён Клопова и Сеплевенко. Ведь после списка будет стоять «и мн. др.». Дело в том, что в газетах мы только что читали об аресте одного болгарского министра, имя которого к нам пришло через Клопова, – итак, будем осмотрительнее. Конечно, если имена их уже напечатаны, то менять весь набор не следует.

Также очень хорошо, что будет помянуто лишь одно имя Свена Гедина. Дело в том, что, судя по газетам, он произнёс какую-то скверную антишведскую речь. Поэтому и ему книгу приветствий не посылайте. (Сейчас прочли приветствия, и Свена Гедина можно оставить – но книги посылать не надо ему.)

Во всех отношениях нужно быть осмотрительным. Мы были глубоко встревожены Вашей последней фразой в письме к В. А. о сгущающихся над Гаральдом тучах. Имеется ли хороший адвокат и накопляются ли дружеские отзывы пациентов. Мы были очень тронуты, читая, что Вы все собрались для обсуждения положения. В таких экстраординарных случаях именно нужно иметь общее суждение, при котором могут выявляться какие-либо местные возможности. Ведь не может же быть какое-то запрещение деятельности без основательного к тому повода. А ведь никакого действительного законного повода и не может быть. В последнем письме Гаральд писал, что у него появляются и лица, занимающие большие места. С одной стороны, это очень хорошо, и, наверное, эти лица могут дать и хороший отзыв. Но среди посетителей могут быть и подставные лица, и в этом отношении нужна необычайная осторожность. При таком чрезвычайном, можно сказать, неслыханном случае и защита должна быть особенная. И тем приятнее слышать, что все дружественные силы напряжены.

Ввиду сложности момента следует повременить и с выпуском *Т. Д.* Ведь злоумышленники могут привязываться к любому эпизоду. И потому пусть поуспокоится настроение и завершатся всякие уставы, а в особенности пусть пройдёт и дело Гаральда.

Было бы нежелательно чем-либо осложнить настоящий момент. Вообще будьте осмотрительны и весьма экономны во всём.

З.Г.Л. пишет, что она Вам посылает речь Брэгдона. Вы теперь уже получили эту речь и от нас. В параграфе, где говорится о книге *Алтай–Гималаи,* Вы увидите в нашей копии маленькое сокращение в одной фразе, выбитой на машинке. Пожалуйста, печатайте это место по копии, присланной от нас. Как мы уже писали Вам, вряд ли можно ожидать стенограмму речей Бринтона и Сторка, иначе мы бы уже их получили из Филадельфии. Присланную Вам фотографию медали Тарабильды, конечно, можно печатать, так же точно как *Pax Baltica.* Бхавани, вероятно, писатель, ближе не знаем. Статью Радосавлевича сократите, особенно же в пророчествах и об отношениях к Америке. Приветствие Тандана можно печатать также и по-английски, ибо он сам дал его на двух языках. То же относится к Виасе.

Дошла ли статья *Парапсихология* и какова её судьба? Хотелось бы иметь побольше газетных вырезок (целые газеты не стоит присылать) – около 20 достаточно. Не возвращаем Вам 2 страницы введения: они в порядке и пойдут по-английски и по-латышски. Что касается описания Конгресса, то лучше печатать только по-латышски. При теперешних тенденциях такое изложение на родном языке произведёт лучшее впечатление. Хочется наиболее осмотрительным образом ответить на современное положение вещей. Поэтому

возвращаем Вам лишь приветствия. Также и с вопросом о магазине, взвесьте наилучшее время и условия его открытия, чтобы не прибавилось для Гаральда ещё осложнений. Вчера Святослав получил письмо Гаральда от 26-го. Мы все радовались, но и болели сердцем о всех трудностях. Всего светлого.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.Р.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

17-3-38

Дорогие наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Всё, что Вы излагаете в письмах от 1 по 3 марта, подтверждает положение эволюции в наш Чёрный век. Снова и снова лучшие представители человечества должны переживать трагедию вековой борьбы всего прогрессивного и жизненного против отживающих и мертвящих понятий, которыми полно сознание большинства. Борьба эта приняла уже планетарные размеры и ведётся во всех областях и на всех поприщах жизни, но всё же сторонники Света множатся и каждая новая идея или открытие уже скорее находит признание, нежели раньше, когда наиболее насущные для человечества открытия из-за невежества откладывались иногда на сотни лет. Путь благодетелей человечества тернист, и это нельзя забывать. Потому так важно со школьной скамьи знакомить детей с голгофой всех мучеников науки и мысли и, главное, с теми *тяжкими последствиями,* которые пожинало человечество из-за отказа своевременно принять то или иное научное открытие, то или иное расширение умственного кругозора. Расширение сознания и широкий кругозор должны стать основою и целью воспитания, иначе человечество не выйдет из полосы губительных войн и революций.

Широкий, всеохватывающий ум следует ритму космической необходимости, иначе говоря, эволюции, потому он приветствует каждую новую веху, появляющуюся в той или иной области жизни страны. Он не пройдёт мимо, ибо знает, что каждая веха может открыть новые горизонты великого Знания, которое верховно главенствует во всей Вселенной. Эволюция есть постепенное раскрытие этого беспредельного Знания.

Грядущая эпоха будет под знаком Водолея, правитель её Уран. Утверждение силы лучей Урана всегда сопряжено с новыми течениями во всей жизни и необычайными открытиями в области науки. Год явного вступления в новый цикл отмечен как 1942-й. Потому многое должно выясниться к этому сроку. А пока запасёмся терпением и будем продолжать борьбу всеми научными и светлыми методами.

Жутко было читать описание некоторых бесед, приведённых в Ваших письмах. Как всегда, противниками прогресса руководит самое низкое чувство самости, вызывающее к жизни одно из самых страшных по силе чувств – зависть.

В этом отношении приведённые Вами слова одного лица о сумме ежедневного дохода Гаральда Феликсовича по сравнению с его заработком от двух или одного пациента в час прямо-таки классическое признание.

Одно не могу понять, неужели методы Гаральда Феликсовича считаются ненаучными только потому, что он не пользуется патентованными лекарствами?! Ведь он учился в ими же установленном медицинском университете и, следовательно, приобрёл всё, что там преподаётся, и пользуется при обследовании своих больных именно преподанными ему методами. Сейчас не помню где, но в одном из получаемых нами американских научных журналов или же в газетной статье мы читали, что Медицинский совет в Америке признал, что патентованные лекарства во многих случаях причиняли большие осложнения и даже смерть пользовавшимся ими. Так, недавно было констатировано несколько смертей от приёма пирамидона и аспирина, потому сейчас выпущено новое и якобы более безобидное средство. Но кто может гарантировать, что это новое и столь рекламированное средство – генаспирин не окажется через некоторое время ещё более вредным при некоторых скрытых заболеваниях? Кто может сказать, сколько смертей произошло от приёма патентованных лекарств? Просвещённые и опытные врачи говорят, что каждый случай должен быть

рассматриваем индивидуально, и потому если гомеопатия считается опасной для здоровья из-за её якобы недействительности, то кольми паче патентованные средства, содержащие зато лошадиные дозы. Конечно, лабораторные анализы выделений не только полезны, но необходимы при каждом мало-мальски серьёзном заболевании. Если бы можно было научиться снимать и читать ауру человека и при этом иметь ещё анализ его выделений, то, как сказано, болезни могли бы быть установлены безошибочно. Но и к этому наука придёт. Вспоминаются мне два наших домашних врача в России – один доктор Двукраев, занимавший во время войны высокий пост главноначальствующего всей Санитарной частью в стране, и доктор Грус по детским болезням. Оба они лишь в редчайших случаях прибегали к лекарствам и предпочитали самые простые, домашние средства, и оба говорили, что лучший врач тот, кто знает, как не мешать природе, а лишь помогать ей, но ни в коем случае не отравляет организм патентованными ядами. За это и посейчас храню в сердце великую благодарность к этим истинно просвещённым целителям, оградившим мою семью от отравления.

Между прочим, считаю, что книга доктора Кронина, из которой Владимир Анатольевич перевёл для Г.Ф. несколько интересных страниц, крайне своевременна. Читается она с большим интересом, и я понимаю её ошеломляющий успех. Именно в ней раскрываются некоторые профессиональные тайны, или, как говорится, «тайны мадридского двора».

В нашем письме к Гаральду Феликсовичу мы очень просили его беречь свои силы, ибо борьба предстоит не малая. Не думаете ли Вы также, что всё же было бы полезно иметь советы опытного и интеллигентного адвоката? Ведь невозможно знать всех законов и, главное, всех законных уловок, которые находятся в распоряжении противников. На опыте нашего дела в Америке видим, что если бы своевременно у нас был свой адвокат, то многое в делах не приняло бы такого безобразного положения. Подумайте об адвокате.

Несомненно, среди больных было и будет немало подосланных, потому каждому такому подозреваемому пациенту я предписала бы особо подробные лабораторные анализы и съёмки рентгеновскими лучами и т. д. По тому, как они исполняли бы это предписание, уже видно было бы их истинное намерение. Мне кажется, что врага нужно бить его же оружием, потому почему бы Г.Ф. не начать лечить также испытанными аллопатическими средствами? Нужно доказать врачам, что он может лечить и другим способом, но если число его больных уменьшится, то ведь это будет тоже доказательством от противного, именно что его лекарства были действительнее установленных патентованных средств. А пока он мог бы собирать и обдумывать научный труд в защиту своих взглядов и методов.

Также, родной Рихард Яковлевич, Вы совершенно правы, выказывая пожелание, чтобы Гаральд Феликсович изучил бы и диагностику по глазам. Но, может быть, и этот замечательный научный метод поставлен на чёрную доску наравне с гомеопатией? Но каким образом упомянутый Вами пастор может лечить травами, на каком научном основании дано ему это разрешение? Также мы недавно читали в ваших местных газетах о смерти одного человека, лечившего разными чаями и имевшего большую практику, каким образом и он получил эту возможность?

Да, Вы правы, дорогой Рихард Яковлевич, что некоторый тип людей невозможно переубедить, ибо они наполнены лишь одним убеждением – всеми силами охранять своё собственное благополучие и душить всё то, что может чем-то нарушить его. Скептицизм их большею частью подсказан именно этим соображением. Потому и думается, что, имея против себя врагов, принадлежащих именно к такому типу, лучше всего бороться против них их же оружием. Кроме того, и в Учении сказано, что ни в одной деятельности не следует быть односторонним. Избрав простые средства, при той замечательной врождённой силе целения, которой обладает Г.Ф., они будут действовать прекрасно. Также Вы правы, что со временем страна будет гордиться Гаральдом Феликсовичем.

Вы уже знаете, что Совет был дан довести борьбу до конца, являя самую большую осмотрительность к подосланным пациентам. Но, защищаясь, следует, в свою очередь, находить и слабые места противников, чтобы с успехом отражать их нападения.

Н.К. советует, если не поздно, не упоминать сейчас тибетские и индусские лекарства в Вашей радиопередаче. Примем все предосторожности.

Нам огромная радость слышать о том единодушии, которое проявлено всеми членами Общества. Именно в общественности залог успеха. Тяжкое положение в делах наших

сотрудников в Америке именно сложилось из-за разъединения среди ближайших членов и друзей. Разъединение это парализовало самые полезные действия. Также немало навредил и неумелый пессимист адвокат. И пессимизм главная причина его бездарности и неумения. Один крупный адвокат, ознакомившись недавно с нашим делом, сказал, что оно испорчено бездарностью защитника, который, имея в своих руках ценнейший материал, не сумел использовать его вовремя и занялся лишь бездарною защитою, вместо смелого обвинения и отстаивания своих прав, и тем дал возможность противникам укрепиться и окончательно обнаглеть. Единое условие, поставленное Великим Владыкой нашим сотрудникам для одержания победы, было ЕДИНЕНИЕ. Но так как условие это не было соблюдено и надежды на хотя бы частичное единение тоже мало, да и неудачник-пессимист остаётся защитником, то одна надежда на чудо, на Неисповедимые Пути Сил Света, которые в конечном результате и худшее обращают в лучшее. Но как болит душа за такое отягощение Великого Сердца, несущего бремя Кармы всего мира! Пока что квартиры оставлены за сотрудниками, третий судья снова решил в их пользу (!!). Относительно Москова мне кажется, что Зинаида Григорьевна немного строга. Бывают положения в жизни, когда нельзя судить людей лишь по своей мерке. Возможно, что он ждёт окончательного решения суда. Потому, если сам Москов не потребует, чтобы его статья не появлялась в сборнике, мы не видим причины не помещать её. Наоборот, именно хорошо, чтобы она появилась. Пока что мы имели от него прекрасное письмо без каких бы то ни было указаний об изъятии его статьи.

Теперь, относительно *Тайной Доктрины* дан Совет повременить с её распространением, пока не прояснятся тучи над Гаральдом Феликсовичем. Ведь в этом труде много и сильно говорится против установленной церковности. Потому не следует осложнять трудное положение. Также в предполагаемом Вами каталоге не советую помещать имени переводчика. Что же касается до напечатания книги *Листы Сада Марии* в немецком переводе, то, конечно, если именно на это имеется особое пожертвование, то почему нет, но обременять средства Общества сейчас не следует. Слишком много было сделано за этот год.

Очень-очень порадовалась началу женской секции и тому, что во главе её стоит такая достойная личность, как г-жа Драудзинь. Я уже писала Вам, как она мне симпатична, как нравится мне её облик на карточке в присланном нам альбоме членов Общества. Передайте ей, пожалуйста, мой самый горячий сердечный привет, ибо знаю, что под её достойным и просвещённым водительством это начинание даст действенные и полезные результаты. Мы не желаем творить суфражисток, но лишь полезных тружениц на всех жизненных поприщах в строительстве родины и культурного объединения всех стран.

Также прекрасно видение дочери Клементия Станиславовича, и Вы правы, что деятельность женской секции началась под лучшими знамениями. Прислушивайтесь к таким видениям, но просите установить возможно точнее все подробности не только видения, но и непосредственно предшествовавших ему обстоятельств и, главное, душевного настроения. Как обстоит дело у г. Мисиня и самого К.С.?

Прекрасны Ваши объединённые посылки, но я советовала бы в момент *острой нужды* сосредоточиться лишь на одной формуле, касающейся данного случая, чтобы не разбивать энергию. Так, если Вам надо отразить тёмное нападение, то следует сосредоточиться лишь на отражении его, избрав краткую формулу. Так, мною была избрана формула – «не тронь!». И как мне потом сказал Великий Владыка, именно эта формула употреблялась древними иерофантами Египта для отражения вражеских нападений, как заключающая в себе наименьшее кармическое следствие. Также полезно при этих посылках представлять себе заградительную стену из струящегося серебряного света или просто огненное заграждение вокруг защищаемого субъекта, это очень способствует сосредоточию. Конечно, каждый должен избрать то мысленное представление, которое ему ближе. Но не следует разбивать энергию на многие и разнообразные посылки, когда нужна их сила. В крайнем случае, если не ощущается усталости, можно допустить две посылки разных формул, и чем они кратче, тем лучше.

Сейчас, 18 марта, пришла радостная телеграмма о разрешении практики... Это большая победа! Сердце полно благодарности к Силам Света. Родные наши, несомненно, победа эта есть результат Ваших объединённых сил, Вашего единения, потому как *ВЫСШУЮ ДРАГОЦЕННОСТЬ ХРАНИТЕ ЭТО РЕДЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ* среди членов-сотрудников. Пусть «все за одного и один за всех» будет Вашим девизом, и тогда будут явлены истинные чудеса.

Сотрудничество, какое это прекрасное слово и понятие! Сколько в нём света и радости! Вы и представить себе не можете, родные наши, какая для нас радость сознавать, что Вы можете воплотить это понятие в жизни. В течение 15 лет я неустанно молила всех сотрудников понять всё великое и мощное значение этого слова. Всё творчество основано и возможно лишь на сотрудничестве. Потому радость живёт в сердце моём осуществлению такой возможности. Не знаю, как и передать Вам нашу радость такой победе. Но вместе с тем просим родного Гаральда Феликсовича сугубо обращать внимание на подсылаемых предателей и так же внимательно следить за настроениями некоторых лиц. Истинный победитель остаётся таким, если он не почиет на лаврах, но с удвоенной осмотрительностью продолжает своё светлое продвижение. Так ещё раз видим, как устремление сердца в доверии к Высшему, усиленное единением друзей, преодолевает трудности. Так радость великая пусть живёт в сердце каждого сотрудника.

Родной Гаральд Феликсович, пожалуйста, храните силы и не перегружайте себя пациентами. Дайте себе возможность иметь часы и для научного труда.

19 марта. Великий Владыка сказал: «Вы видите, что там, где проявлено единение и доверие к Учителю, там легче помогать. Не забудем, что единение было единственным условием удачи (в Америке). Мы ценим, когда соединённые мысли посылаются во благо. Велика энергия, рождающаяся при таких единениях. Растут события небывалые. Можно увидеть, насколько они сдвинут сознание людей во всех направлениях. Так будем в единении, это Наше условие». Ещё и ещё раз великое сердечное спасибо всем друзьям за душевное единение. Такое единение самый прочный щит и от заболеваний.

Все мы шлём Вам, родные, мужество, ибо это основа всякого достижения. Храните великую торжественность и несломимое доверие в Силу Света.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

Изображение Учителя Учителей я знаю, оно продавалось в Теософской ложе в Нью-Йорке и оно соответствует, вернее, оно и есть то, которое Вы прислали мне. В этом Изображении теософы видят Иисуса Христа. Думаю, что Ваше сердце давно подсказало Вам истину, тем более, что термин Христос в древности обозначал Посвящённого. Истинный Облик Великого Учителя Иисуса Христа не отвечает этому Изображению, как и вообще имеющиеся Изображения всех других Великих Учителей. Оригинальность лика Иисуса Христа не передаваема словами. Великий Учитель К.Х. поражает своим необычно высоким ростом. Он даже выше Великого Владыки М. Голова Его напоминает голову Зевса ваятеля Фидия. Величественное спокойствие лица освещается улыбкой, полной блага. Волосы и борода каштановые, глаза тёмно-синие и цвет кожи золотистый, темнее, нежели у Великого Владыки М. Вероятно, Вам будет интересно узнать, что Перикл и Великий Учитель К.Х. одна индивидуальность.

Думаю, что все Изображения Великих Учителей могут висеть в одном помещении, возглавляемые Учителем Учителей. Но если Вы чуете иначе, то поступите по велению сердца. Самым близким сердцам Вы, конечно, поделитесь Вашим знанием о Великом Учителе Учителей. Но будьте осторожны, ибо теософы связывают и Майтрейю с Иисусом Христом. Сейчас по этому поводу у меня переписка с Е.Ф.Писаревой. Пишу ей очень осторожно, ещё не имею её ответа по поводу разъяснения о синтезе Майтрейи.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
21-MAP-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Спасибо Вам сердечное за письмо от 11 марта с приложением Приветствия к 24-му. Как видите, привет дошёл вчера совсем вовремя. Также спасибо за копии писем от Беликова

и Раннита. Думается, что Раннит очень чисто устремлённый поэт – побольше бы таких. Из письма Вашего видим, каково у Вас всех напряжение и единение. Такое единение лишь показывает, что Вы все не напрасно приобщились к Учению и отлично познали, в чём мощь объединённого сознания. Такая степень единения всегда принесёт и добрые плоды.

Действительно, чудовищно подумать, чтобы, казалось бы, интеллигентный человек мог бы решаться на такие клеветнические выходки, как Вы писали. Вы также правы, что Гаральд сделается популярнейшим деятелем, ибо ничто так не способствует популярности, как несправедливое гонение. Очень хорошо, что добрая Драудзинь написала сильное письмо[27] – ведь всё это остаётся в истории культуры. Вообще, сохраните летопись обо всём этом деле. Эти записи будут истинным показателем действительности, и отрицательной и положительной. Посылаю для Вашего сведения копию письма Игоря Северянина и мой ответ ему. Очень печально видеть, как тяжко нуждается известный поэт. При нормальных обстоятельствах можно бы посоветовать *Угунсу* издать его маленькую книжечку (25 страниц) – *Солнечный дикарь.* Но сейчас всё стоит настолько уродливо и напряжённо, что об этом нельзя и думать. К тому же по положению вещей скорей бы думать о чём-то по-латышски, – Вы понимаете мои соображения. Во всяком случае, сохраните обе прилагаемые копии в делах, ведь Вам полезно быть в полном осведомлении обо всём, касающемся Таллина. Также было письмо от Н. Роота, в котором он выразил мысль о полезности, чтобы бывшие преподаватели и ученики Общества поощрения художеств, бывшие под моим директорством, написали свои воспоминания об этом периоде. Посылаю Вам копию моего ответа Н. Росту, чтобы Вы знали мою точку зрения и по этому вопросу. Одновременно с Вашим письмом пришли и прекрасно переплетённые ранние книги Учения – целая полка радости. В будущем для внешнего переплёта дайте переплётчику то же клише титула, как и на внутреннем листе, иначе они по-своему набирают каким-то суховатым шрифтом. Все дело Гаральда представляет яркий образец тактики Адверза. Теперь, если приложить всю осторожность, можно получить чрезвычайно полезные плоды.

22-МАРТ – Посылаем Вам коротенькую статью архитектора Боссома (Лондон), которая отлично может войти в монографию, тем более, что действительно второй испанской статьи и не нужно. Теперь Алфред Боссом член английского парламента. Хочется закончить это письмо ещё раз радостью и по поводу удачи Гаральда, и по поводу Вашего общего единения. Поистине, если хотя бы 10 человек соберутся во Имя Его и сольют свою добрую волю, то уже получается батарея огромной силы. А если таких благих единомышленников сотня, то можно себе представить создаваемую мощь. Но будьте на неустанном священном дозоре, ибо силы тьмы уж очень лукавы и изворотливы. Зоркостью и находчивостью их отразите. Всего светлого, шлём Вам лучшие мысли.

Сердцем и Духом,

Н. Рерих

———

Николай Рерих С. В. Тигерстедту

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

(Ему послан список изданий *Угунса* и несколько цветных репродукций.)

26-МАР-38

Многоуважаемый г. С.В.Тигерстедт!

С прошлою почтою получено Ваше письмо от 1 февраля, пересланное из Нью-Йорка. Шлю привет и Вам, и д-ру Сонк. Весьма интересно всё, что Вы сообщаете. Также интересно было бы получить список *Каменной Библии,* чтобы сверить его. Имеете ли Вы все книги Агни-Йоги? Если нет, то советую Вам выписать их из издательства *Угунс,* адрес которого прилагаю. Так же точно сообщаю Вам адрес председателя нашего Латвийского общества славного латышского поэта Рихарда Яковлевича Рудзитиса: Riga, Latvija, Mezaparks, Stokholmas 35. Не знаю, какие именно мои книги у Вас имеются, но в *Угунсе* Вы их найдёте. *Алтай – Гималаи* и *Шамбала* имеются лишь по-английски. Все же остальные – по-русски.

[27] Хотелось бы прочесть перевод письма Драудзинь. *Пометка Н.К. Рериха.*

Прошлым летом наши латвийские сотрудники ездили в Финляндию, но им не удалось найти моих друзей, ибо те трое, к кому они ездили, уже перешли в Тонкий Мир. О Финляндии я сохраняю всегда сердечное воспоминание и, как Вы знаете, не мало моих картин основано на финляндских мотивах. В своём письме Вы поминаете Шамбалу – это сокровенное слово Азии. Вы могли бы также ко времени помянуть и Армагеддон, который сейчас гремит по всему миру. Конечно, как Вы правильно замечаете, – случайности не бывает. Всё имеет причину и следствие. Но если замечается неслучайность, то это обстоятельство требует и заботливого отношения. Вот Вы поминаете мою выставку у Стриндберга, бывшую 19 лет тому назад. Для обстоятельств духовного содержания не существует времени, и значение бывшего встаёт тоже вне всяких случайностей. В своём письме Вы не сообщаете Вашего имени, и я надеюсь, что моё письмо дойдёт к Вам сохранно. Отсюда вся корреспонденция требует больших сроков, если даже на неё Вы и отвечаете немедленно. Вокруг нас снеговые Гималаи и пути к замечательным местам. Как всегда, много работаю, а в Риге сейчас находятся несколько моих последних картин.

Итак, сообщите о *Каменной Библии* и о Ваших ближайших трудах. Картина, которая у Вас на стене, называется *Твердыня Тибета* и оригинал её в нашем Рижском Музее.

Шлю Вам душевный привет,

Н.К. Р.

Как живёт в Атенеуме[28] моя картина? Имеется ли каталог? Когда-то я был членом Общества финских художников по рекомендации Стриндберга и Галлена. Очень жалею, что мой добрый друг Галлен уже не на земном плане.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
29-MAP-38

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Двадцать четвертого марта подумалось нам, что в этот знаменательный день будет благом послать Вам памятку. Пусть она напомнит Вам о той радости, которую испытали мы, слыша о Вашем сердечном единении в минуты самых ожесточённых тёмных нападений. Почтовым пакетом на имя Р.Я. посланы Вам 2 картины моих. На каждой из них на оборотной стороне имеется именная надпись. Так, пусть эти добрые вестники напоминают Вам о наших сердечных к Вам обращённых мыслях.

Пусть и все сотрудники пребывают в единении. Великая сила получится, когда группа самых разнообразных деятелей внесёт в общую чашу достижений свою добрую волю. Это единение потребуется во благо дел не однажды. Вы сами видите, что тёмные силы, завистники и клеветники способны бросаться на всё, в чём брезжит Свет. Для добрых тружеников Свет есть добропритягательная твердыня, но для злых и тёмных Свет есть как красный лоскут для разъярённого быка. Итак, будем на бессменном дозоре и сделаем так, как лучше по местным обстоятельствам.

Посылка семян отсюда в Швецию дошла благополучно, но пакет, ранее пересланный, по-видимому, вообще не дошёл. Не можем понять, в чём дело, во всяком случае, Вам следует справиться в транспортной конторе, требуя от них письменного удостоверения, когда, каким пароходом и кому препровождён пакет семян. Среди этого пакета ведь были и весьма трудно находимые. Пожалуйста, наведите все эти справки.

Получился пакет цветных воспроизведений пражских картин. *Гуга-Чохан* грубовато сделан по краскам, но остальные благополучны. Впрочем, и *Гуга-Чохана* не нужно перепечатывать – сойдёт вполне. Разве среди этих семи вещей не была *Мать Чингиз-хана!* Хорошо бы её иметь, если даже не в красках, то хотя бы в однотонном клише. Сейчас мы сняли четыре моих самых последних картины, а именно: *Микула Селянинович, Настасья*

[28] Крупнейший музей в Хельсинки.

Микулишна, Святогор и *Победа.* Думается, что ими можно бы заменить какие-либо небольшие горные пейзажи, ибо эти будут не только интересны как самые новые вещи, но и внесут новое содержание. Во всяком случае, у Вас времени ещё достаточно и, наверное, многие из горных небольших пейзажей ещё в клише не сделаны. Во всяком случае, следует сохранить нераздельно серию *Тибет* из семи картин, о чём мы уже и раньше писали. Кстати, наверно, Вы уже нашли эту серию фото.

Посылаю заметку, бывшую в Париже 8 марта. Полезно дать её в прессу. Ведь такие заметки Вам могут очень пригодиться, когда вопрос поднимется в связи с камерами. Наш Аллахабадский центр только что издал две новых монографии № 7 и 8. Прилагаем выписку с последней страницы этих монографий. Не знаем, могут ли эти издания по-английски иметь какое-либо распространение в Риге. Если могут, в связи с магазином, мы достали бы по одному экземпляру. Впрочем, может быть, время сейчас такое, что о магазине ли думать. Всё это Вам виднее на месте. Ведь все силы сейчас должны быть напряжены на самое неотложное.

Фёдор Антонович прислал нам перевод стихотворения, посвящённого мне, из студенческого журнала. Очень трогательная мысль – пожалуйста, передайте автору мой сердечный привет. Посылаю Вам письмо некоего Залцманиса, которое он прислал с приложением своей фотографии. Пожалуйста, переведите это письмо, а также выскажите своё суждение. Хочется, чтобы всё касаемое Балтики, а тем более Латвии, было бы Вам известно. Обычно от недостатка взаимного осведомления нагромождаются всякие неприятности. Давно не было писем от Надежды Павловны Серафининой, – беспокоимся, всё ли там ладно.

Конечно, наверное, не всё ладно, ибо и по газетам можно было судить о всяких панских поползновениях. Всюду накипают сложности.

Пожалуйста, обратите внимание, что в статье Радосавлевича, которая у Вас имеется, получилось несколько неполезных неточностей. Сказано, что в 1936 году я был в Америке и Японии, – между тем общеизвестно, что весь год я был безвыездно здесь. Кроме того, откуда-то раскрыт псевдоним Е.И. – Сент-Илер. Если бы эти места входили в какую-то перепечатку, то это нужно изъять. Курьёзно, каким образом могут просачиваться эти сведения. Курьёзно и сообщаемое Вами о Дикмане и о сборе денег Йоганандою. Действительно курьёзные дела творятся, и всё это нужно знать. Сейчас, к вечеру, пришло Ваше письмо от 19-го с отличной статьёй Раннита. Статью Москова во всяком случае включить, а приветствие его, если оно уже не вмещается в текст, то можно впереди статьи. Личные приветствия Клопова и Сеплевенко можно печатать, но их масонское приветствие нельзя. О празднестве по-английски печатайте только то, что мы Вам вернули, т. е. Вашу речь и тезисы. Конечно, английское предисловие к книге тоже остаётся.

Обстоятельства покажут, насколько распространять книгу приветствий. Но, конечно, участники Конгресса и авторы приветствий её прежде всего получат. А остальные получающие постепенно выяснятся. Хорошо, что с Хувером и так сошло, – всего не объяснить. Итак, будьте на зорком дозоре, – мы знаем, что Вы сделаете всё, как лучше.

Привет всем сотрудникам.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
2-АПР-38

№3

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Хочется нам добавить несколько строк по поводу открытия магазина и других своевременных предприятий. Если, как Вы пишете, содержание магазина ежемесячно будет

обходиться в 600 латов, то невозможно по нынешним временам думать, чтобы при некоторых продажах такое содержание могло бы оплатиться. А ведь магазин мыслим лишь при условии, что он принесёт доход, а не расход и убыток. При таких затратах на магазин выйдет, что каждое издание, хотя бы проданное из *Угунса* в двух или трёх экземплярах, уже будет выгоднее, нежели продажа того же издания в ста экземплярах через магазин, который своими расходами съест этот доход. К тому же сейчас все мировые обстоятельства принимают такой армагеддонный оборот, что следует принять все предосторожности к тому, чтобы продержаться. Вот уже и письмо от Надежды Павловны пришло с официальной наклейкой о вскрытии в Вирбалене. Ваши последние письма тоже носят следы некоего любопытства. Всё это следует принять во внимание. Конечно, никаких тайн ни отсюда, ни от Вас не пишется, но если бы хотелось широко оповещать письма, то, пожалуй, их лучше печатать в газетах. Конечно, Армагеддон не века протекает, и тем более нужно принимать в соображение его наиболее напряжённые дни. Кроме всех прочих обстоятельств, берегите сейчас здоровье. Напряжение и мировое и личное слишком велико. Насколько возможно, запаситесь силами в течение весны и лета. В этом сбережении сил поступите, как должны поступать опытные хозяева. Мы сердечно радовались Вашей недавней удаче. Но помните, как сказано в одной из моих поэм: «Победа была, а бой будет. Не смогут тебя победить, но выйдут биться с тобою». Итак, будем всегда на дозоре. А для успешного дозора нужны силы. Прекрасно, что у Вас обоих психическая энергия велика. Но не нужно и её перетрудить. Радостно слышать, что у Вас предполагаются в Обществе комиссии хозяйственная и прочая. Такой общественный распорядок должен быть очень жизненным. Общественное дело не должно ложиться на плечи одного или двух деятелей, оно должно быть проводимо в жизнь всеми участниками. А в многообразии культурных задач для всех найдётся применение, и для молодых, и для пожилых, – словом, для всех молодых духом. Пишу это Вам, а в то же время думаю, что все эти слова могли бы быть хоть бы в газете напечатаны. Если имеются люди любопытствующие, то ничего предосудительного не найдут они там, где люди живут лишь благом и задачами культуры. Мы знаем, что Вы поступите так, как нужно. Это и есть первая основа сотрудничества, когда все сотрудники уверены в качестве поступков каждого из них. Е.И. шлёт Вам и супругам Вашим и Вашим деткам сердечные мысли. Будем на дозоре во благо.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
4-АПР-1938

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Сейчас пришло письмо Г.Ф. от 24 марта. Спасибо за все душевные мысли, – поистине можно жить и преуспевать прекрасными устремлениями. Только в таком жизненном и деятельном применении высокоэтических принципов можно продвигать жизнь по пути настоящего прогресса. Всё понимаем написанное Вами и в строках, и между строк. Потому ещё и ещё раз передаём Вам совет об осторожности и принятии во внимание всех местных условий. Мы уже писали, что пражские воспроизведения хороши. Посылаем Вам 4 негатива, с которых можно увеличить снимок до любого размера – даже до размера имеющегося в Обществе *Армагеддона.* Вместе с Пранде Вы решите, какого именно размера для монографии подойдут эти картины, – так их и увеличите. Конечно, снимки должны быть для клише чёрные и глянцевитые. Посмотрите, чтобы снимки не вышли серыми или туманными – об этом всегда приходится предупреждать фотографа. Как видите, эти четыре картины внесут некоторое разнообразие в последний период, ими закончится монография, а эскиз *Победа* может быть хорошей концовкой. Пожалуйста, пришлите нам по два отпечатка каждой из них и по использовании верните негативы.

Весьма одобряю стремление Г.Ф., чтобы монография вышла возможно доступнее. Именно, назначение её не быть в исключительных закрытых библиотеках, но войти в жизнь, чтобы небогатый интеллигентный человек мог бы иметь её в своём семейном быту. Очень важно, чтобы типография точно вычислила смету.

Рады мы слышать, что и лекарственные обстоятельства Г.Ф. налаживаются, но дозор нужен будет во всех отношениях. Вчера же получили мы душевное письмо от Юлии Доминиковны и очень трогательную бронзовую медаль. Прискорбно звучала фраза, что Юлия Доминиковна надеется, что эта весточка её не будет последней ввиду напряжённости обстоятельств. По тем же причинам сейчас не пишу ей, но прошу Вас сообщить ей, как мы тронуты её письмом и медалью. Пусть и там все сотрудники будут на добром дозоре.

Пожалуйста, пошлите Булгакову 2–3 дюжины книги Всев. Иванова. Это ему потребуется для раздачи при открытии зала, которое предположено в конце мая. Д-р Асеев вчера прислал нам отвратительный выпад Батурина в Шанхае против книг Живой Этики. Всё это бумагомарание настолько мерзко, что отвечать, конечно, не приходится. Невольно вспоминается, что Васька Иванов в *Харбинском времени* задавал почти такие же вопросы, конечно, сфабрикованные под лучами Страны восходящего солнца. Это всё одна шайка сикофантов[29] и вредителей. Уже два года, как мы и Вы предупреждали д-ра Асеева о том, что Батурин является мерзким иудиным типом. К сожалению, Асеев не внял своевременно нашим и Вашим советам, и теперь тёмные семена всходят. Несомненно, батуринская мерзость сделана с какими-то глубокими целями и заданиями. Во всяком случае, человек, издавший *Враги Вселенной* и прокламации япогерского[30] содержания, является определённым наёмником.

К нашему изумлению, Асеев также сообщает, что предполагает печатать свой журнал в Нарве, а редактором просил быть Евгения Александровича – от которого ответа ещё не получил. Навряд ли Е.А. располагает средствами и может принять на себя всякие могущие возникнуть обстоятельства. Ведь ещё недавно Е.А. просил Вас об устройстве его группы в виде отдела Общества. По-видимому, в разных странах не отдают себе отчета в истинном положении вещей. Ведь обстоятельства настолько экстраординарны, что сейчас невозможно применять мерки обычного времени. Конечно, сообщаю это исключительно для Вашего сведения, ибо, может быть, это обстоятельство вообще не претворится в действительность.

Ещё одно соображение для монографии – сейчас Святослав закончил портрет мой для Праги, который отсылаем в ближайшие дни. Если рижский портрет ещё не сделан в красках, то не лучше ли иметь более новый, текущего года портрет, и сделать его в Праге. Тем более, что пражские клише вышли вполне удачно. Конечно, и это соображение вполне предоставляем Вам, но, может быть, портрет 1938 года ещё более сделает монографию новейшей. Ещё раз одобряем желание Ваше по возможности сделать монографию доступной; всегда, а теперь в особенности необходимы издания, могущие проникнуть в широкие массы.

Наверное, с каждым днём у Вас притекают новые сведения и соображения. Прекрасно, что на первом опыте общественного выступления сотрудники проявили такое единение и каждый принёс все свои возможности на пользу общую. Пусть так и будет.

5-АПР-38 – Польского перевода заметки Янушкевича не присылайте, ибо вчера вечером получили от него 2 книги и перевод. Итак, будем во благо на дозоре. Передайте наш сердечный привет всем сотрудникам, а также и в Литву, куда пока не пишу.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

---

[29] Сикофант – в древних Афинах профессиональный доносчик, клеветник и шантажист.

[30] японо-германского.

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 9. IV. 38

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Бесконечное Вам спасибо за все Ваши слова ободрения и помощи. Столько радости нам дали Ваши последние письма – Елены Ивановны от 17.III и Н.К. от 21 и 29 марта. Никогда не забудем Слова Владыки. Эти Слова, как и места о единении, были прочтены и в общей группе. Глубинами сердца воспринимаем всё значение Единения. Да, чувствуем среди членов теперь сердечное единение. Но, понятно, нередко бывают и мелкие недоразумения и обиды, но стараюсь всеми силами и во что бы то ни стало их тотчас же ликвидировать. Особенно теперь, когда в связи с предстоящей перерегистрацией Общества снова наступает как бы переходное время, сознаём, сколь нужна величайшая сплочённость и что даже незначительные щели опасны! Но мы вполне уверены, что все опасности в конце концов мы преодолеем и, может быть, уже скоро для нас наступит новый этап по возможности широкого культурного строительства.

Первый этап победы Гаральдом одержан, но, понятно, врачи не умолкли. Хорошо, что на время он отказался от приёма туберкулёзных, на этом основании на него больше всего нападали. Как много желающих лечиться у Гаральда, вчера (8. IV) в его приёмной новых очередных больных могли записать лишь на 2 мая! Теперь он принимает в день 50–60 больных, и работает совместно с супругой очень успешно. Понятно, это также означает победу в жизни Гаральда, что супруга стала его помощницей!

Вчера вечером Гаральд Феликсович и Блюменталь поехали в Таллин. У них множество поручений. Как Вы знаете, Таллинский Комитет 31 марта имел заседание, на котором обсуждал переведённые на эстонский язык статуты. Возникли некоторые новые вопросы, которые окончательно будут разрешены на заседании 12 апреля. Из Таллина обращались и к нам за советом, но лучше будет, когда вопросы будут разъяснены на месте.

Посылаю Вам обратно письмо сына члена нашей старшей группы Зальцмана. Сыну всего 15 лет, но, насколько мы уже раньше слышали от отца, представляет собою особенное явление по своим духовным интересам. Он также сам по себе уже давно решительно отказывается от мясной пищи. Его отец хотя и сохраняет некоторые индивидуальные отношения с нашей группой, т. е. является весьма нерегулярно, но мы ценим из-за его прямодушия. Он сделал также индекс тем из большинства книг Учения, конечно, этот индекс не представляет собой нечто вполне законченное.

Сборник юбилейный выйдет лишь после праздников. Статью Радосавлевича я наполовину сократил – выпустил всю биографию, библиографию, главу об Америке и большую часть последней страницы, которая очень несвязная.

Драудзинь послала Вам своё письмо президенту и своё мнение о деле в связи с Гаральдом.

Шлю всю свою сердечную Благодарность и преданность за то, что присылаете картины.

Р. Рудзитис

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
19-АПР-38

№7

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Пришли Ваши письма: Р.Я. – 9 апреля, и Г.Ф. от 9 апреля, и Блюменталя от 10 апреля, и одновременно письмо А. Раннита от 25 марта. Мы чрезвычайно встревожены положением Илоны[31]. Шлём душевные мысли. Хорошо, что Г.Ф. поспешил вернуться.

---

[31] Старшая дочь Г.Лукина. Она болела туберкулёзом и была вылечена своим отцом. – *Г. Р.*

Жаль, что в Таллине не застали Раннита. Мы полагаем, что в Таллине именно группа Раннита может быть особенно полезна. Мы вовсе не базировались на А.Д.[Кайгородове] и Н.Ф.[Рооте] – максимум, что было возможно, – не раздражать их, но надеяться на их деятельность, конечно, невозможно. Посылаю копию письма Раннита и мой ответ ему. Как Вы видите, он действует хорошо и, по-видимому, около него имеется хорошая эстонская группа. А ведь нужно строить, прежде всего, на местных силах, которые живут не прошлым, но будущим. Конечно, странно (как пишет Блюменталь), что Раннит ещё не заехал к Вам в Ригу, по пути в Литву, где он бывает. Но мало ли какие могут быть путевые условия, а кроме того, может быть, он ездит не один.

Раннит говорит, что не имеет воспроизведений с моих картин. Я ему напоминаю, что у Вас в Риге их имеется достаточное количество. Конечно, Вы не можете ему их вообще отдать, но если ему нужен некоторый набор для демонстрации на каком-либо собрании, то ведь это всегда можно одолжить. О К.Ф.Цейдлер я всегда был хорошего мнения, но сейчас ввиду её возраста, конечно, тоже трудно считать её очень деятельной. Она была хорошей преподавательницей, вела акварельный класс, выявившись успешной учительницей, и утверждала прочные устои. Конечно, и она, и Н.Ф., и А.Д. не читают Живой Этики, и Вы правы, не начиная с ними и говорить о ней.

Блюменталь правильно удивляется, что нельзя нащупать, кто именно читает в Таллине книги Учения. Нужно думать, что со временем и это обстоятельство выяснится. Письмо моё Блюменталю вкладываю вместе с Вашим, ибо не знаю его адреса, а к тому же, по-видимому, он часто бывает в разъездах. Очень ценим его сотрудничество.

Пожалуйста, передайте Зальцману прилагаемую открытку и скажите, что мы очень оценили добрые побуждения его письма. Пусть из него выработается полезный член нашего Общества. Может быть, около него имеется ещё кто-либо из молодёжи, открытый для духовной деятельности. Всегда приятно видеть, когда работа имеет представителей в нескольких поколениях. В письме Раннита Вы увидите удивившую нас фразу о моём национальном происхождении. Я даю ему краткий ответ, ибо в биографиях, казалось бы, этот вопрос был освещён достаточно. Конечно, я сейчас не вдавался в подробности времён крестовых походов, тамплиеров, мальтийских рыцарей, ибо тогда пришлось бы посвятить целое письмо генеалогии. Во всяком случае, любопытно, какие такие споры могут происходить по этим предметам. Ведь спор всегда предполагает несколько мнений. В моих записных листах, которые ещё не вошли в две последние книги, но, кажется, имеются у Вас, Вы найдёте любопытные подробности о Петровских временах и о сохранении церкви, за что прапрадед даже имел осложнение. Любопытно, что и тогда возникал вопрос об охранении памятников, который и сейчас нас всех так занимает и вырос в целый Пакт и Знамя.

Посылаю Вам маленькое фото нашего Знака, может быть, его можно репродуцировать без фона в виде концовки. (Клише нужно снять с этой фотографии, но потом, кажется, можно химически вытравить фон – тогда Знак останется на белом.) Если решите его помещать, то, во всяком случае, без объяснения, какой именно это Знак, а просто в виде концовки, после списка картин или библиографии. Спасибо за книги Всев. Иванова, вчера полученные. Наверное, и Всев. Иванов и сборник 1935 года пригодятся Булгакову. Портрет мой, посланный в Прагу, уже 25 апреля прибывает в Триест, и если решите воспроизводить его, то уже можно списаться с Булгаковым. Мы послали Шауб-Коху ещё набор печатного матерьяла. Судя по его письму к Р.Я., он продолжает действовать, и Ваша переписка с ним весьма полезна. Мы ему написали, что статьи его по-английски можно бы помещать в журналах Индии, но, к сожалению, нельзя рассчитывать на гонорар, ибо здесь это обстоятельство безнадёжно.

Кончу тем же, чем и начал, – пошлю добрую мысль Г.Ф., думаем, думаем о милой Илоне. Сколько сейчас трудностей и сложностей в мире. Ваше единение прекрасно, а в такие времена в особенности. Душевный привет всем.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.Р.

Нам пишут из Америки, что Вы получили 100 экз. оттиска статьи Радосавлевича. Навряд ли Вам по-английски нужно так много – не пришлёте ли нам из этого количества сколько можно, но не больше 30–40. У нас только один экземпляр.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[32]

21. IV. 38

Н.К.

1. Присоединяю копию письма Беликова. Я возмущён клеветой, что нас поддерживает дядя из Америки! Охарактеризую подробнее наши пожертвования.

2. В Литовском обществе новое правление. Тарабильды нет. Ему будет больно. Сейчас он в Париже. У него, кажется, мало уважения из-за несоизмеримости.

Жаль, его способности могли бы пригодиться для Общества. Также наши вкусы по вопросам искусства не совпадали. Тарабильда критиковал некоторые наши латышские картины, мы не выставили некоторые, которые они привезли (литовская коллекция). Он приобрёл картину Гудайтиса. Хотим обменять.

3. Монтвидене пишет о возможностях Пакта в Литве. Закон, который ограничивает возможности.

4. Я послал *Голосу Риги* статью *Чаша Неотпитая.*

5. Гаральд, наверно, написал ответ о состоянии его дочери. Убеждён, что скоротечный туберкулёз её чудесно излечили. Ещё другие случаи. Он думает, что картина Святослава на него хорошо влияет.

6. Прилагаю письмо Гребенщикова Блюменталю. До сих пор они не касались близко религиозных вопросов. Теперь Блюменталь послал свою «исповедь». Это поразило Гребенщикова.

7. Посылаю перевод стихотворения Раннита, оригинал которого в книге приветствий.

8. Раннит прочёл лекцию 10. IV и шире будет читать в начале мая, во время выставки.

9. Перевод статьи Муравина шлю медленной почтой, также *Слово.*

10. Ваши статьи *Парапсихология* и *Вандалы* в наборе, но ещё остаётся печатание.

11. Послал 40 метров холста.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

29-4-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Получили уже и письмо от Гаральда Феликсовича о благополучном исходе болезни его девочки. Не сомневаюсь, что у неё было огненное заболевание. Именно для огненного заболевания так характерна чрезвычайно высокая температура, которая иногда держится значительное время и также быстро падает. Несомненно, чуткие организмы подвержены подобным заболеваниям, но именно они будут переносить их, тогда как другие с малым запасом психической энергии не в состоянии бороться с ними. Мы слышали о случае в Америке, где 14-летняя девочка в течение трёх недель имела температуру, побившую все рекорды, температура её доходила до 114° по Фаренгейту (44° по Цельсию), а затем также внезапно спала, не оставив никаких следов, кроме временно большой слабости. При этом врачи не могли обнаружить никаких признаков какого-либо органического заболевания.

Мы тревожились за девочку Гаральда Феликсовича, ибо во время её болезни психическая энергия самого Г.Ф. была на убыли. Но сейчас девочка уже набирается сил и сам Г.Ф. тоже восстанавливает свой запас. Хорошо, что он сократил приём больных.

Хотелось бы, дорогой Рихард Яковлевич, чтобы летом Вы не утомляли себя чтением корректур. Сама знаю, как они утомляют, и, как ни стараешься, всё же происходят недосмотры. Из желания сделать лучше даёшь переписать исправленную страницу, старые ошибки уходят, но, увы, вкрадываются новые!

Так, перечитала второй том *Т. Д.* и нашла одну действительно важную ошибку. В этом

[32] План письма на латышском языке. Перевод Гунты Рудзите.

томе несравненно меньше опечаток, известная доля их, конечно, падает и на мой недосмотр. Посылаю Вам медленной почтой список опечаток. Важные опечатки подчёркнуты красным карандашом. Между прочим, их так мало, что можно было бы легко поправить от руки. Перечла и *Братство,* и в этой книге совсем мало опечаток, для Вас записываю их:

Страница	Напечатано	Строка	Следует читать
26	2 сн.	невмещающее	невмещающих
92	15 св.	противоядие	противоядием
97	11 св.	Не будем	Но будем
97	6 сн.	впадают	впадём
99	12 св.	делах	Дедах
248	6 св.	Но учили	Не учили

Как видите, ошибки крайне незначительны. Их легко исправить от руки. Не знаю, писала ли я Вам, что в *Общине* я нашла ещё одну опечатку, не вошедшую в список, – именно на странице 19-й на третьей строке напечатано понимать, тогда как следует – *поминать.* Конечно, есть опечатки и пропуски и в русском *Сердце,* и особенно их много во втором томе *Листов Сада Мории,* который печатался в Америке. Очень хотелось бы получить второй том *Т. Д.* к имеющимся у нас первым томам.

Вы, вероятно, уже ознакомились с моими ответами Екатерине Яковлевне. Знаю, что участницы женского дела найдут в Вас друга и мудрого советника. Читали ли Вы *Призыв к женщинам всего мира,* написанный Александром Ивановичем Клизовским, который он собирается напечатать и распространить среди членов женского конгресса? Он его прислал мне на просмотр, доклад хорош, но я не согласна с одним его разъяснением, о чём и написала ему. Дело в том, что А. И. называет формулу – «если хочешь мира, будь готов к войне» лицемерной, лживой и приравнивает её к изобретённым им формулам – «если хочешь добра, делай зло» и «если хочешь правды, то говори ложь» и т. д. Конечно, такое сопоставление совершенно неправильно и, как говорится, притянуто за уши. Для правильного сопоставления смысла следовало бы сказать: «если хочешь добра, будь готов отразить зло» и «если хочешь правды, будь готов пресечь ложь». Именно такое искажение формулы показывает, что А. И. не вдумался в основы Учения Живой Этики. *Прилагаю вам доверительно копию моего письма к нему,* но очень прошу Вас оставить её только для себя, ибо замечаю чрезвычайную повышенную чувствительность в некоторых моих сородичах. А.И. уже в обиде на меня. Люди любят, чтобы им всегда напевались одни дифирамбы, и малейшее неодобрение, даже со стороны того, кого они сами назвали своим гуру, вызывает в них возмущение и затаённую обиду. Вообще, за последнее время письма некоторых наших корреспондентов, особенно из Южной Европы и одной шанхайской группы, глубоко огорчают нас. Налицо полное непонимание Учения и искажённое толкование. При этом в некоторых случаях проявлена ещё духовная нечистоплотность и нечестность. Хотелось бы, чтобы они вообще перестали прикасаться к книгам Живой Этики. Все они члены *Аморка* и следуют программе, выработанной этим обществом для своих членов с разными заманчивыми названиями ступеней посвящения и ритуалами и т. д. Не понимаю, зачем им Учение Живой Этики? Также они засоряют своё воображение чтением случайных тантрических книг и, не понимая значения прочитанного, прилагают извращённо указанные в них методы и, конечно, тем самым приобщаются к чёрной магии. Тантрические методы возможны лишь среди самых чистых сознаний, именно людей, победивших всякие страсти в себе, но эти тантрические методы *НЕ* находят поощрения среди Великих Учителей Белого Братства. Имя руководителя одной шанхайской группы – Сальников. Невольно вспоминается наука о значении имён. Будьте с ними очень осторожны. Мы никого из них не знаем и лично никогда с ними не встречались. По получении докладов от этой группы и по прочтении их я ощутила физическую тошноту – указано было – «не полезно, чтобы невежды тащили Поучения по грязным дорогам». Истинно, грязны там руки и дороги.

Также не знаю, ознакомил ли Вас Александр Михайлович Асеев с теми вопросами, которые ставит г. Батурин в своём журнале? Мне он их переслал и просил помочь ему ответить на них. Конечно, я просила его воздержаться от каких-либо ответов и сношений с этим типом. Чем дальше от таких провокаторов и агентов, тем лучше. Прилагаю Вам и

вопросы, и мой ответ Асееву для Вашего осведомления.

Родной Рихард Яковлевич, буду очень просить Вас проверять и испытывать сознание приблизившихся к Учению Живой Этики именно на вмещении противоположений. Обычно такое вмещение особенно трудно усваивается. На пути многих оно является непреоборимым камнем преткновения. Владыка Будда прежде всего настаивал на таком вмещении, и, если замечал, что ученик не мог осилить эту основу, на которой держится всё построение, как космическое, так и жизненное, повседневное, Он не допускал такого ученика к дальнейшему познанию. Люди малого сознания никак не могут понять, что всю свою жизнь они только и делают, что, более или менее удачно для себя или истинно благотворно на общее благо, приспосабливаются к вмещению противоположений, и, если Вы укажете им на это, будут яростно отрицать и возмущаться. Вмещение пар противоположений в их сознании принимает личину лицемерия, и они даже в Учении находят противоречия и, в лучшем случае, непоследовательность. Они читают Учение мёртвым духом и каждое утверждение принимают в его *одном* исключительном приложении.

Мало кто понимает, что целесообразность, вытекающая, как следствие, из противоположений, главенствует во всей Вселенной. Есть и такие, которые видят в проведении целесообразности даже аналогию иезуитской формулы – цель оправдывает средства. Такие сознания самые опасные, и часто они почти безнадёжны. Они не могут понять, что во всём и всегда единое мерило – общее благо или чистота побуждения, лишь чистое сердце может подсказать и правильное понимание приложения космических законов и формул Учения. Немало и таких, которые, услыша завет о ненасилии, в мертвенном и однобоком понимании его допустят вторжение хаоса и тем станут погубителями множеств жизней. Интересно проверить, как понимается утверждение – джинны строят храмы? А как будет понято древнее изречение – «когда колесница направлена ко благу, то возница не отвечает за раздавленных червей»? Истинно, чистый дух *всё поймёт,* но затуманенный всё исказит. Конечно, изречение о колеснице оставьте для себя, иначе много соблазна может произойти. Также никто не подумает, что Самые Высокие Учения, которыми держится ещё равновесие мира, были причинами наибольшего пролития крови. Сколько крови на Христе! Самое высокое, в невежественных и злобных руках, становится орудием жестокого преследования и насилия.

Хорошо было бы подготавливать беседы о вмещении и применении целесообразности. Сначала, может быть, поодиночке, только с достаточно продвинутыми сознаниями, а затем постепенно можно расширить число участников. Пусть участники таких собеседований сами приводят примеры из самых разнообразных случаев в жизни, чтобы показать, насколько они понимают приложение руководящего закона целесообразности, который можно также назвать законом великого уравновесия.

Как видите, можно годами изучать книги Учения, можно писать книги на темы, затронутые в Учении, и всё же не вмещать основ.

Мне так хотелось бы прочесть вместе с Вами все книги Учения и указать, когда и при каком случае или переживании были даны те или иные намёки и речения.

Что Ваши детки? Для них наступает радостная летняя пора. Самый сердечный привет Вам, родной Рихард Яковлевич, и Элле Рейнгольдовне. Лучшие мысли летят к Вам.

Всего самого радостного.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

Прилагаю выдержку из только что полученного письма от г. Сальникова: «Да. Ещё. Всё как-то сложилось так, что мы подошли к уразумению, что нам необходимо знать «мистику русского языка». Ещё прошлое лето я просил д-ра Асеева послать мне значение славянской азбуки, значение букв и разных слов, т. к. мы узнали, что книги Учения гораздо лучше понимаются после знакомства с сокровенным смыслом наших русских слов...» Спрашивается, от кого узнал он это?!!! Всеми силами духа утверждаем, что книги Учения следует понимать так, как они написаны. Никакое значение букв и слов славянской азбуки никогда не имелось в виду. Да и мы сами не знаем этого мистического значения славянских букв и слов. Воображаю, какое калечение смысла Учения произойдёт от таких толкователей «сокровенного» смысла!!

Родной Рихард Яковлевич, имейте в виду таких исказителей и при случае можете

упомянуть об этом доверительно и А.М. Асееву. Мы тоже будем ему писать, но с г. Сальниковым мы прекращаем всякую переписку также по причине местных условий и военного положения в его стране.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
30-АПР-38

№8

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письмо Г.Ф. от 17 апреля, а также за письмо к Владимиру Анатольевичу с предварительным списком картин для монографии. Мы вставили года и английские названия, а также упомянули те 4 последних репродукции, негативы к которым Вы уже получили, – Г.Ф. их поминает в своём письме. Очень хорошо, что портрет мой ещё не сделан и, таким образом, Вы можете списаться с Булгаковым о воспроизведении пражского портрета. Впоследствии (после издания монографии) воспроизведения портрета и открытки могли бы продаваться и в Праге. Пожалуйста, обратите внимание, чтобы серия из семи картин *Тибет* 1926 года, для которой Вы имеете одинакового размера семь фотографий, была бы помещена вместе и ничем бы не разбивалась. В Ваших списках мы нашли лишь шесть: 135, 136, 137, 138, 140 и 141, должна быть у Вас ещё седьмая фотография, мы даже дослали Вам вырезанную из французского журнала вырезку этой картины *Майтрейя,* чтобы Вам легче было бы её установить. Тем более хочется, чтобы эти картины были все вместе, ибо они все находятся в Швеции и их не следует разбивать – они все одного размера и представляют одну серию.

Г.Ф. пишет, что его заботит обстоятельство относительно *Угунса.* Все мы совершенно согласны с Г.Ф., что абсолютно невозможно, чтобы монография появилась как частное издание одного лица. Ведь листовки о монографии появились уже в прошлом сентябре от *Угунса,* и, таким образом, во всех отношениях было бы разрушительно менять издательство и никто на свете не поймёт эти скоропостижные изменения. Можно бы даже привести довод, что такое изменение издательства после широко разошедшегося объявления вызвало бы потери подписчиков и убытки. Для Вас не скроем, что упоминание одного частного лица как издателя может причинять этому лицу всякие очередные сложности и нападения. Неужели же нельзя устроить, чтобы Общество, имеющее уже музей, могло бы издать книгу по искусству, имеющую ближайшее отношение к этому музею? В конце концов, монография является как бы музейным дополнением, своего рода пространным каталогом. Ведь решительно все музеи имеют какие-либо издания, относящиеся до содержимого в них. Может быть, все новые правила относятся до книг общего характера, но неужели же музей не может единовременно издать книгу, имеющую ближайшее исключительное отношение к своим картинам. Конгресс, бывший в октябре, был разрешён властями, и эта монография была широко объявлена именно во время этого общественного съезда, таким образом, эта книга не является чем-то новым, только сейчас задуманным. Наоборот, монография не только задумана, но и собрана уже давно, и сейчас она лишь заканчивается. Все эти соображения необходимо представить при обсуждении с теми чиновниками, которые выдают разрешение. Г.Ф. справедливо говорит, что враги лишь притихли, но не угомонились. Думается, нет ли у кого-нибудь тайного желания обнаружить и в этом случае имя Г.Лукина, чтобы из этого сделать повод к каким-либо новым нелепым и вредным атакам.

Всевозможные соображения нужно принять к сведению, чтобы не дать ни малейшего повода злоумышленникам возобновить вредительские попытки. Посылаю Вам копии моих ответных писем Ранниту и Беликову. Повторяю, что мы не думаем об особо деятельном участии А.Д.К[айгородова] и Н.Ф.Р[оота]. Было бы гораздо значительнее, если Таска, Раннит, Пяте и другие местные имена оказались бы в центре деятельности. Г.Ф. совершенно правильно замечает, что главное будет в утверждении самого Общества. А актуальная деятельность выразится по местным условиям.

Вы, может быть, уже осведомлены о выпаде Батурина на книги Учения. Е.И. посылает Вам копию этой беззубой, хотя и зловредной литературы. По всему видно, что Батурин имеет особые цели или, вернее, особое поручение произвести новую смуту. Очень жаль, что Асеев вовремя не принял во внимание Ваших и наших советов и не поспешил резко отгородиться от Батурина. Теперь же получается, что Асеев хвалил Батурина в своём последнем выпуске, а тот, несмотря на это, решился на мерзость. Было бы гораздо лучше, если бы Асеев уже успел выразиться осудительно о Батурине, и тогда проделка Батурина получила бы совсем другую окраску. Скажу только для Вас: остерегитесь всячески от таких типов, как Батурин, Сальников, и тому подобных.

Скоро лето. Насколько возможно, отдыхайте, запасайтесь силами, взгляните в природу, в эту вечную сокровищницу всех сил. Конечно, Природа пошлёт Вам и новые мысли. А ведь недаром писали мы в записном листе *Порадуемся,* что не успеешь порадоваться, как уже возникает новая забота. Эти заботы – не что иное, как сама жизнь. Ни в каких мирах никто не уйдёт от забот. А если кто-то впадает в беззаботность, значит, он тем самым впадает и в безмыслие, а что может быть ужаснее такого состояния. Вечный дозор во благо. Вечное устремление ввысь. В этих взлётах мысли заключена светлая победа. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Сейчас получены письма Р.Я. от 21 апреля с приложениями и письмо Г.Ф. от 20 апреля. Также получена вырезка из газеты германских наймитов от Блюменталя. Суворин и Вас. Иванов – одного поля ягоды. Батурин из той же клики. Конечно, было бы ужасно, если эти иуды-наймиты стали бы хвалить. Тогда была бы трагедия.

Посоветуйте Беликову не погружать Раннита в Учение – пусть каждый своим путём подходит. Раннит и в других областях весьма полезен.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

2-5-38

Дорогой Рихард Яковлевич!

Посылаю Вам листы замеченных мною опечаток и моих недосмотров. Как видите, они не так значительны. Если всё же будет решено отпечатать эти поправки, то ввиду того, что слово *апокалипсичный* многократно встречается во всех его склонениях в неправильной передаче, можно просто указать на это в конце листа, как было сделано со словом *Питри.* Считаю очень значительной опечатку на странице 327, строка 7 снизу, где напечатано *не* вместо *все.*

К огорчению, в первом томе нашла ещё немало опечаток и моих недосмотров, происшедших при переписывании начисто рукописи. Именно, уходят старые ошибки и вносятся новые. Потому в будущем не буду больше давать переписывать исправленные рукописи. Читая русские книги, замечаю много опечаток. Так, недавно получили от автора хорошую книгу, но и она пестрит его поправками от руки.

Е.Р.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[33]

4.V.38

Дорогой Николай Константинович!

Шлю Вам бесконечную благодарность своего сердца за чудесный Дар, который мы сегодня получили. В картине, предоставленной мне, раскрывается то, к чему мечта моей

[33] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

жизни всегда стремилась: белоснежные вершины гор и дали небесной лазури[34]. Всегда, когда я уезжал за границу, прежде всего я стремился навестить горы, хотя и не удавалось побыть там подольше. В последний раз, в 1932 году, осенью, я со своей супругой две недели бродил по горам Южного Тироля у Мерано, и никогда не забуду, что я тогда пережил. Также во Флоренции, помимо искусства, нас очаровала Фиэзоле, ибо с её высот раскрывается Италия в том облике, в каком её видели Данте и Леонардо. Понимал тогда психологию горных людей, ту несказуемую тоску, что таится в их взгляде.

Обе картины пришли в полной сохранности. Шлю Вам радость своего сердца.

В воскресенье, 1 мая, в нашем Обществе состоялось общее годовое собрание членов. По статутам из правления вновь переизбрались Гаральд Феликсович, Буцен и г-жа Мисинь, и так как другие кандидаты не были выставлены, то они и остались в правлении. Далее, как Вы знаете, в Латвии, как в государстве с авторитарной властью, этот автократический (или, по другой терминологии, иерархический) принцип теперь вводится также во всех учреждениях, обществах и т.д. По новому закону председатель правления Общества является и председателем Общества – хозяином его, и несёт сполна всю ответственность за него. Он теперь избирается не правлением, как до сих пор, но всем общим собранием. Увеличены также его права: если даже все члены правления выносят решение, но один председатель не согласен, то решение не может состояться (напоминает римское «veto»[35]). Итак, приноравливаемся к новому закону, общее собрание вновь избрало меня председателем.

Ради избежания недоразумения в протоколе общего собрания мы запротоколировали также отчёт о том, кто является собственниками картин, мы зафиксировали и собственность Вашу, Е.И., Святослава Николаевича, Владимира Анатольевича и Гаральда Феликсовича.

Наконец, на общем собрании мы обсуждали изменения статутов, ибо хотим перерегистрировать Общество по новым статутам. Прежде всего решили переменить название – вместо длинного «Общество друзей Музея Рериха в Латвии» просто – «Общество Музея Рериха». Прежде всего, ввиду длинного названия, редко кто знает нас по нашему настоящему названию, а называют просто «Общество Рериха» или «рериховцы». Было высказано сожаление, что приходится расставаться с благозвучным словом – *друзья.* Так-то и верно, но нам был дан ответ, что по новому закону требуется известная самостоятельность Общества, но прежнее название может породить мысль о нашей зависимости от Нью-Йоркского музея. С другой стороны, первое название при наших обстоятельствах может вызвать некоторое недоумение, но новое название – «О.М.Р.» – вполне конкретное и ясное. О причине, по какой мы сохраняем слово *музей,* я уже писал Вам. Полагаю, что при включении в предстоящие камеры нас причислят к художественным обществам и включат в Камеру искусства и литературы. Как Вы знаете, предполагается Камера культуры, расчленённая на две... Только неизвестно, куда войдут общеобразовательные и общекультурные общества. По этому поводу были дебаты в прессе. Также и цели нашего Общества столь широки, что не могут включиться в рамки обеих упомянутых камер.

На общем собрании мы наметили и цели нашего Общества. Теперь § 1 наших статутов гласит: «Цели Общества Музея Рериха – ознакомить общественные круги с художественными и научными трудами Рериха, воспитывать красоту сознания, укреплять этику жизни, поощрять развитие духовной культуры, так же как и усилить взаимную дружбу и сотрудничество народов на поприще искусства и других отраслей культуры, способствуя интеллектуальному и духовному сближению Латвии с Литвой, Эстонией и др. странами».

Между прочим, в устав мы ввели пункт о кружке молодых, о детском саде и пр. Наряду с категорией почётных членов мы ввели «почётных советников». Правление и председатель будут переизбираться каждый год. Спешно работаем над окончательной редакцией, чтобы скорее можно было бы приступить к перерегистрации, ибо хотя срок – 15 августа, но ради избежания осложнений желаем поспешить.

Книгу приветствий окончим на следующей неделе. Включим статью Д. Фосдика.

Брошюры разослал, послано Вам 50 экз.

Получил письма Роота и Икскюль. Кайгородов и Гринберг были в Риге. Послал приветствие Брюггскому собранию. Тюльпинк просил обратиться к правительству. Я

---

[34] Картину *Утро* выбрала Е.И.Рерих. На обороте имеется надпись: «Дорогому Рихарду Яковлевичу Рудзитису. Н.Рерих. 24марта 1938. Гималаи. Урусвати». – *Г. Р.*

[35] «вето» *(лат.).*

подробно изложил дело меморандума. Посылкой мы прикладываем материалы 4-х конспектов *Листов Сада Мории,* II.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 4 мая 1938 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Пишу Николаю Константиновичу подробнее о нашем годовом собрании 1 мая, на котором вновь были переизбраны Гаральд Феликсович, Буцен, г-жа Мисинь и я (по новому закону). Очень хотелось, чтобы и Драудзинь состояла в правлении, но тогда одному из членов правления пришлось бы отказаться. Думал, что Драудзинь гораздо необходимее в правлении, чем Буцен, который является нашим библиотекарем лишь формально, но не хотелось его огорчить. В сущности же само правление у нас существует «про форма»[36], собирается редко, но все вопросы обсуждаются и разрешаются в старшей группе или в нуклеусе, в который мы приглашаем и г-жу Драудзинь. В конце концов, изменяя статуты Общества, мы решили увеличить число членов правления ещё на одного (так что впредь будет всего 6 членов правления и 2 кандидата), потому на следующем собрании сможем выбрать и Драудзинь.

Член правления г-жа Мисинь много делает для нашей кассы и переписывает на машинке, читает корректуры; библиотека поручена не состоящему в правлении Бялковскому. Абрамович заведует рассылкой книг и прочим, но всю остальную деловую работу большей частью приходится делать мне. Гаральд хотя формально и секретарь, но его нельзя утруждать этим, ибо он делает неоценимую работу в другом направлении. Валковский два года тому назад взялся руководить издательским фондом, но последнюю зиму чувствовал какую-то усталость и депрессию, и в конце концов добрая часть работы осталась невыполненной и последние недели мы до поздней ночи совместно трудились над этой кропотливой работой. Конечно, есть несколько членов, которые желают работать на пользу Общества, но к административному делу Общества они неспособны и приходится подыскивать им труд по их способностям, но те члены, которые были бы способны, уклоняются или просто отказываются. Конечно, они все заняты на службе, но на службе состою и я. Потому и выходит, что нередко приходится ломать голову, кому поручить ту или иную задачу. Притом у нас мало людей с широким образованием. Потому до сих пор не мог найти члена, которому можно было бы поручить часть, по крайней мере, более деловой корреспонденции. Переводчицей моих писем является наш член г-жа Пормалис – она владеет английским, французским и немецким языками, но она очень болезненная, занята на службе и не много времени может уделить общей работе. В последнее время появилась возможность работу по издательскому фонду передать молодой чете Якобсон (из группы Валковского), которые поступили в Общество лишь осенью, но проявили такую устремлённость и понимание Учения, что мы их провели уже в активные члены и 24 Марта удостоили их Портрета. Оба они кончают университет, и такие люди нам очень необходимы для расширения жизни нашего Общества. Вообще, среди самых молодых членов немало милых и прекрасных лиц (Вы можете судить о них по их снимкам), и мы надеемся, что со временем найдём среди них прекрасных помощников. Особенно хотел бы вырастить также кого-нибудь, кому я мог бы передать часть своей корреспонденции, и надеюсь, что и это со временем удастся. У нас когда-то была мысль нанять секретаря-делопроизводителя даже за плату, но всё же трудно мыслимо, чтобы он не был членом Общества. Так или иначе, я уверен, что этим летом я окончательно освобожусь от той части работы, которую могут выполнить и другие, и смогу заняться более духовной стороной Общества и нашего движения. Теперь Вы видите, почему я не успевал окончить свою книгу. Но это самое дорогое для меня задание осталось в сердце моём как истинная моя радость и боль, но искренне верю, что в этом году его осуществлю.

Разделяю сердечно радость Драудзинь о получении Портрета и писем от Вас, она это

[36] «для вида» *(от лат.* pro forma).

вполне заслужила.

В последнее время много радости мне дали поиски по тропам легендарного Пресвитера Иоанна. Оказывается, что в древнегерманской эпике Пресвитер Иоанн связывается с личностью Парсифаля, что в конце концов сам Парсифаль, переезжая со всем Братством Св. Грааля на Восток, принимает имя Пресвитера Иоанна, имя, которое носят все потомки этого легендарного Короля всех королей. Вы когда-то писали Фёдору Антоновичу, что Юрий Николаевич намеревается написать основательный труд о Пресвитере Иоанне. Это являлось бы большим достоянием, именно для просветления нашего европейского скептического ума. Последние две книги о Пресвитере Иоанне вышли лет 70 тому назад на немецком языке (Zarncke и Oppert[37], с первой мне удалось познакомиться по экземпляру из Берлинской библиотеки), в то время известиями о нём переполнены были все энциклопедии и даже географические издания, но в новейших энциклопедиях о нём редко упоминается. Для основательного труда о Пресвитере Иоанне нужно использовать также восточные и латинские рукописи. (Например, сохранилось более ста рукописных вариаций одного лишь письма Пресвитера Иоанна к византийскому царю, большей частью на латинском языке, и возможно, что здесь можно найти многое то, что нашими европейскими учёными не замечено и не понято.) Было бы радостно, если бы Юрий Николаевич взялся за этот труд.

Моё же намерение использовать эту легенду в докладе, который хочу прочесть в нашем Обществе для избранных приглашённых гостей, – *О Гималайском Братстве по источникам, доступным европейской науке,* где, кроме легенды о Пресвитере Иоанне, хочу шире коснуться поездки Аполлония Тианского в Индию (интересно, что нечто подобное сохранилось и в древнерусской литературе: *Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, како ходи в Рахмани* – или в страну блаженных), далее – всех источников, где имя Парсифаля связывается с Пресвитером Иоанном, далее – представления о Беловодье и граде Китеже, и наконец – данные, которые дают Николай Константинович и Юрий Николаевич в своих трудах.

В русской богословской энциклопедии я ближе познакомился с русской сектой, возникшей во второй половине прошлого века, – «Беловодская Иерархия», основатель которой Аркадий утверждал, что он рукоположен в самом «Беловодье как архиепископ всей России и Сибири». Тут и передано фантастичное, по-церковному изложенное, представление Аркадия об этом легендарном индийском царстве.

Об Аполлонии Тианском, в связи с тем, что легенды о Нём собраны в *Криптограммах Востока,* во время Феликса Денисовича среди нас явилась мысль, не является ли Он воплощением Великого Владыки. Но Он ведь жил почти одновременно с Россулом М., и в биографии Филострата как сам Аполлоний Тианский, так и Глава Индусского Братства утверждают, что Он в своей прошлой жизни был простым кормчим на одном египетском судне.

Снова получил параграфы *Братства,* II части (до 170-й стр.). Великая радость была почуять, что Великий Путник был философом Анаксагором. Так его Прекрасный Облик обрисовывается с другой стороны. Одно лишь недоумение, – насколько помню, Анаксагор в своём Учении проводит нечто вроде геоцентрической точки зрения. Но возможно, что последователями его истинные воззрения неправильно или неточно переданы. Вообще, я очень люблю греческую философию, и всё, что осталось в моей памяти по окончании философского факультета, – это осталось от греческой философии.

О Сен-Жермене переданы самые баснословные легенды. Не раз он исчезал через закрытые двери и т. д. Нужно ли на это смотреть как на дематериализацию, или же он являлся в астральном теле? Некоторые даже полагают, что Сен-Жермен вообще в физическом теле совсем не жил. Интересно сопоставить с Аполлонием Тианским, который тоже исчез из тюрьмы и пронёсся к своим ученикам, совершив в несколько часов путь, который обыкновенно делали в три дня.

В Откровении, гл. 2, ст. 17, говорится о Белом Камне – уже св. Ефрем пишет, что это место не разъяснимо. Не имеет ли понятие Белого Камня здесь какой-либо связи с понятием Камня Драгого по Учению?

Теперь хочу поведать ещё раз о себе. Оказалось, что Гаральд писал Вам обо мне, что я

---

[37] Zarncke F. *Der Priester Johannes.* – Lpz., 1876-1879. Oppert G. *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte.* – B., 1870.

собираюсь со своей семьёй жить на даче Мисиня его гостем. Гаральд Феликсович очень заботится обо мне, и я очень благодарен ему. В конце концов я принял приглашение Мисиня поселиться в двух комнатах снятой им дачи на взморье, но отнюдь не его гостем, а квартирантом. Вообще, вопрос не лёгкий, так как у г-на Мисиня с некоторыми членами были недоразумения, которые не совсем ещё улажены. (Я так рад, что на днях мне удалось уладить одно из этих недоразумений: между Мисинем и другим членом, который работал у него как у предпринимателя по постройкам.) Г-н Мисинь человек преданный, готовый жертвовать, его к Учению привлекла его супруга, но у него некоторая склонность не считаться с состоянием своих средств и также несколько черт, которые надо преобразовать. Надеюсь, что моя жизнь на его даче послужит лишь к единению. Мисинь пригласит к себе на время и Александра Ивановича и других членов. Кроме того, тут будет проживать и чета Якобсон, о которых я уже писал Вам в начале письма.

С другой стороны, уже некоторое время я лелею мысль поехать в Вену к одному знаменитому профессору в связи с моим недостатком. Хотя моё положение и улучшилось, всё же некоторые практические приёмы при нервной усталости и пр. были бы хороши (также и ради своей дочери, хотя и её положение улучшилось, чтобы следить за нею). Конечно, это можно было бы осуществить лишь после перерегистрации Общества, не раньше начала осени. Единственно, что осложняет вопрос, это венское положение[38], а профессор – еврей и неизвестно, как к нему отнесутся в будущем.

Шлю Вам мои самые сердечные и радостные мысли. Моя радость искренняя и благодарность моего сердца за картину Н.К.

Сердечно преданный Вам,

Р. Рудзитис

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
7-МАЯ-38

№9

Родной наш Рихард Яковлевич!

Может быть, ещё сегодня, до отправки этого письма, придёт что-нибудь от Вас или от Гаральда Феликсовича, но начинаю писать и до получения. Представляем себе, насколько много у Вас соображений и о *Зелта Грамате*[39], о монографии и о магазине. Вначале мы были очень обеспокоены дороговизною магазина, но если удалось достать дешёвое и привлекательное помещение, то и такое ответвление может быть очень полезным. Ведь столько изданий сейчас накопилось, что необходимо найти пути для их сбыта и оборота капитала. Между прочим, оказалось, что в Америке в складах *Пресс* ещё имеются многие книги, например малая монография (синяя, в 63 репродукции), английские *Основы буддизма, Декада, Сердце Азии* и др. Можно бы для магазина иметь на продажу хотя бы по несколько экземпляров. Русский Дювернуа у Вас имеется, а английский Дювернуа приберегите, ибо получилось сведение, что апостаты сожгли эту книгу. Конечно, можно поставить также журнал *Урусвати* и *Тибетику.* Вообще, если удастся, как я уже писал раньше, сделать из магазина приветливый литературный уголок с репродукциями и открытыми письмами, а может быть, и с библиотекой, то это начинание может принести крупные результаты.

Для Вас и для Г.Ф. нужно знать, что Гребенщиков написал в Париж весьма двусмысленное письмо. Увы, приходится с ним быть очень осторожным, ибо к тому же и его узкий клерикализм мешает ему. Приведу одно место из его письма: «Но вот в Риге возникло хорошее общество имени Рериха и рядом прекрасный кружок молодёжи около моих книг. Недавно они устроили вечер, посвящённый моим сочинениям. Былина была представлена в живых картинах и декорациях. Василий Чураев (Алексей Буковский) в поддёвке читал

[38] Австрия была оккупирована немецкими войсками. – *Г. Р.*

[39] *Zelta Gramata (латыш.) – Золотая Книга.*

защитительную речь из III тома, а *Гонец* был изображён в скульптурной фигуре Львом Буковским и при снятии с него завесы был прочитан *Наказ Гонцу* из моей книги *Гонец.* Я получил письмо с 30-ю подписями участников вечера. Всё это трогательно. Конечно, Ты знаешь, что там состоялась конвенция обществ имени Н.К.Рериха...» В этом всё любопытно. В мае он пишет о конгрессе, бывшем в октябре, будто бы тот, кому он пишет, мог об этом и не знать. Кроме того, какой-то «прекрасный кружок» рядом с нашим Обществом. Сообщите, в чём дело. И вообще будьте с Гребенщиковым весьма осмотрительны. Ведь это уже не первое письмо, которое сами получатели называют двусмысленным. А сколько других подобных может где-то циркулировать.

Как я уже писал, портрет Святослава, может быть, уже прибыл в Прагу. Может быть, хорошо к открытию зала в конце этого месяца послать привет от наших Балтийских обществ, – наверное, Булгаков оценит этот дружеский жест. Как Вам удалось урегулировать вопрос с наименованием издательства для монографии? Конечно, Вы были согласны со всеми нашими доводами, о которых мы прошлый раз писали. Весьма интересуемся, как при существующих обстоятельствах разрешился этот вопрос.

Какие у Вас сведения из Таллина? Не приезжал ли к Вам Раннит? По-прежнему надеюсь, что именно его группа может оказаться наиболее живой. В прошлом письме Вы писали о том, что в *Сегодня* набраны две мои статьи: первая – *Парапсихология,* а название второй мы никак не могли разобрать, но, по-видимому, это не *Эстония,* а нечто другое. В Нью-Йорке происходит невероятное безобразие. Очевидно, всё это затянется на весьма долгое время. Поэтому Вы поступили совершенно правильно, дав в Таллин для переписки Ваш адрес и адрес Парижа. Не хочу отяжелять письмо некоторыми подробностями, но в беседе можно бы рассказать многое любопытное. Странно, но от Монтвид и Серафининой письма приходят с наклейками об официальном вскрытии на их границе. Говорят, такие же трудности и на румынской границе, и потому туда вообще лучше не писать. Впрочем, кажется, у Вас туда и не было переписки (с Тарасовым).

Пожалуйста, передайте И.Г. Блюменталю по поводу присланной им статьи Б.Суворина, что он и целая группа германских наймитов уже высланы из Франции правительством за их мерзкую разлагающую деятельность. Пусть живут по месту получения ими денег.

Опять обстоятельства повелительно требуют сердечного дозорного единения. И мировые обстоятельства находятся в ещё большем напряжении. Г.Г. Шклявер сообщает о солнечном пятне необычайной величины, производящем магнитные бури. Итак, принимайте во внимание все местные обстоятельства и действуйте во благо с полною осторожностью. Надеемся, транспортная контора дала данные, когда и каким пароходом доставлены были семена в Швецию – это была большая посылка, и Гаральд Феликсович знает подробности. Важные ответы зависят от её получения. Привет сердечный Вашей семье, Г. Ф. и всем сотрудникам от нас всех.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

15-5-38

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за Ваши письма от 7–8 мая. Радуемся, что картины дошли сохранно и дают Вам радость. В этой обоюдной радости и крепнут возможности. Также хорошо, что Вы находитесь на зорком дозоре, ибо, как Гаральд Феликсович правильно пишет, враги спать не будут. Хорошо, что Вы приводите в точную известность всё касаемое книгоиздательства. Иначе даже самое полезное дело может обратиться в обременительный хаос.

Огорчились мы стоимостью монографии. Почему такие большие цены? Помнится, что себестоимость монографии Брентано при 500 экземплярах была 10 долларов. Монография 1916 года поступила в продажу по 50 рублей – значит, себестоимость, вероятно, была 20–25 рублей. Неужели же цены так возросли? Мы совершенно согласны с Вами, что монография

должна быть доступной. Нельзя ли всё издание разбить на четыре категории? А именно: 1) По сто экземпляров каждого издания с подписью автора и нумерованных. За такие экземпляры всегда назначают значительно большую цену. Если мне пришлёте 200 листов, то я с удовольствием снабжу их подписью – сто по-русски и сто по-английски. Конечно, на этих листах уже должно стоять, что они из нумерованных экземпляров монографии, подобно тому, как сделано в монографии 1916 года. Такая надпись необходима и для того, чтобы не посылать подпись на пустом листе, ибо Вы сами знаете, какие путевые превратности могут быть и во время пути, и в типографии. 2) По триста экземпляров нумерованных. 3) Затем ненумерованные экземпляры в переплёте. 4) Экземпляры не в переплёте, а в папке, как делают во Франции, – они удешевятся на стоимость переплёта. Таким образом, в руках магазина будет некоторая вариация цен. Если в чём-либо можно произвести какие-либо удешевления, то это весьма желательно. Очень нехорошо, что Либерт является, как Вы пишете, близким другом Балодиса. Но не будет же он делать нечто даже во вред достоинства Государственной типографии. Вообще решительно не понимаю причину ненависти Балодиса. С моей стороны к нему всегда было самое лучшее отношение, и мы оба участвовали в Московском археологическом институте. Я был очень удивлён, что Балодис вообще не ответил на моё письмо, касавшееся исключительно научных предметов, – учёные так не поступают. Нельзя ли при случае разузнать причину всего этого, более чем странного, поведения. По Вашим первым сообщениям казалось, что Либерт был весьма дружествен и заинтересован в издании. Что же случилось потом? Передайте Пранде и Мисиню мои сердечные приветы за их милые строки. Все расчёты и сметы должны быть делаемы с чрезвычайной точностью. Лучше оставить некоторую сумму на непредвиденные расходы, нежели забыть что-либо неизбежное. В магазине отчётность должна быть с самого начала поставлена очень ясно, – необходимы хотя бы ежемесячные проверки. Заведующий магазином сам будет рад, если с самого начала установится такая кооперация. Как мы уже писали, вполне полагаемся на Вас в вопросах перерегистрации Общества и в изменениях устава. Вы сделаете так, как по местным условиям лучше. Магазин начнётся в тихое летнее время, и это даст возможность к осени уже освоиться с техническими обстоятельствами. Известность магазина и приближение покупателей требуют значительного времени. При продаже отдельных репродукций имейте в виду, чтобы они не помешали распространению монографии. Кроме продажи монографии по твёрдой цене, не будет ли допущена плата в рассрочку, если лицо хорошо известно?

Приятно слышать, что общее собрание с выборами прошло хорошо. Если же по новому уставу число членов правления будет увеличено, то участие Е.Я.Драудзинь всегда желательно. Очень хотим, чтобы нашлись молодые силы, которые могли бы освободить Вас хотя бы от части переписки. Очень жаль, что лишнее количество бумаги может быть продано лишь с таким трудом. Из писем Г.Ф. мы понимали, что бумага представляет из себя очень ходкий товар. Может быть, в магазине удастся продать бумагу для какого-либо местного издания. Вероятно, знак *Угунса* можно ставить на всех книгах, ибо он был и на издании Дидковского на книге А. И. Клизовского, и на книге Оригена в издании Буцена. Очень хотелось бы иметь экземпляры второго тома в том же количестве, как и первого. Второго тома мы имеем лишь два экземпляра.

Пусть лето принесёт Вам новый запас сил и для поступательной работы, и для отражения тёмных нападений. Приятно Ваше соображение о чете Якобсон. Мы знаем, как трудно находятся сотрудники активные и заслуживающие полного доверия. Будет ли в магазине малый отдел письменных принадлежностей? Вероятно, сделаете сношения с Булгаковым, – всё полезное магазину пригодится. Каждое Ваше письмо для нас истинная радость. Да будет светло всем Вам, всем сотрудникам.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

24-5-38

Дорогой Рихард Яковлевич, мы не сомневались, что весь состав правления будет переизбран и что члены Общества вполне оценили значение Вашего председательства, утверждённого Великим Владыкой. Потому шлём нашу радость и сердечные пожелания к началу нового цикла. Приветствуем от всего сердца и нового члена правления Екатерину Яковлевну Драудзинь. Но так как никакое общество не может процветать без двух лиц – председателя и секретаря, то считаю, что Вам совершенно необходимо будет найти помощника в лице деятельного секретаря. Это обстоятельство должно быть рассмотрено в первую очередь и найдено разумное решение. Совершенно недопустимо, чтобы Ваша ценная энергия разменивалась на мелочи.

Вашу радость и боль о любимом труде я так понимаю, ибо и у меня в глубине сердца живёт боль, что не успею выполнить всего порученного. Но такая боль ещё сильнее обостряет любовь и напрягает все способности к выполнению задания, потому я знаю, что задуманный Вами труд выльется в прекраснейшее произведение искусства. Мало кто подходил к этой теме в таком всеоружии, как Вы. Ваша любовь к Великому Облику, понимание даваемого Учения и чистота сердца при тонком поэтическом таланте создадут нечто совершенно неповторяемое.

Впервые будет дано правдивое и величавое представление о подвигах, превышающих наше воображение, с незапамятных времён самоотверженно несомых Великими Тружениками на благо человечества, и суровая красота их жизни и сокровища великого знания, хранимые в этой Твердыне, будут утверждены ярко и убедительно.

Несомненно, легенда о Св. Граале и Парсифале, как и большинство общенародных сказаний, пришла с Востока и напитала собою всю средневековую литературу Запада. Владыка Твердыни Света, Держатель Колеса Закона преобразился в Парсифаля и в дальнейшем приял имя Пресвитера Иоанна. В 14-ом веке в Монголии имя это было пристёгнуто к одному кераитскому хану из несториан. Такое пристёгивание или заимствование показывает, каким почётом и уважением пользовалось это имя на Востоке (книга Б.Я.Владимирцова *Чингиз-хан,* стр. 33–34). Думаю, что среди исследований германских учёных о Пресвитере Иоанне Вы найдёте богатый материал. Имеется ещё недурная книга английского автора Артура Уайта (Waite) *О Св. Граале, его легендах, и символизме.* В этой книге довольно исчерпывающе приведены источники, которыми пользовался автор при своих изысканиях, имеются и упоминания о Пресвитере Иоанне с титулом Царя Царей, Владыки среди Владык и т. д. В конечном результате все легенды и сказатели и исследователи их помещают царство Пресвитера Иоанна в Среднюю Азию, в область, называемую на карте «но ман'с лэнд»[40]. Также и сама чаша превращается иногда в священный камень, который, по одному преданию, находился однажды чуть ли не в венце самого Люцифера. Конечно, тот Люцифер вполне отвечал данному ему имени и, вероятно, весьма скорбит, что столь прекрасное имя в позднейшие времена стараниями невежественных священнослужителей было узурпировано ими для Его тени или Антипода.

Также отзвуки этой Таинственной Обители можно найти в старообрядческих преданиях о славянском (Индейском) Царстве, Китеж-Граде и Беловодье. В некоторых из них указан и путь к нему, причём в слегка искажённых названиях можно легко узнать среднеазиатские горные кряжи. Среди староверов немало было ходоков туда, и если они и не доходили, то всё же некоторые из них приносили много любопытных подробностей, странных встреч и знаний на пути, указующих, несомненно, на таинственность этих мест. (Книга Н.К. *Сердце Азии,* глава о Шамбале.) Даже в самом конце прошлого столетия в Беловодье была отправлена экспедиция из уральских казаков-староверов, но они пошли неправильным путём и не нашли Беловодского Царства, о чём упоминает Вс.Иванов в своей книге о Н.К. Так, и в Туркестане знают об Обители великих Азаров, и мы, во время нашего путешествия по Средней Азии, слышали немало рассказов о таинственных незнакомцах, появлявшихся на базарах и плативших невиданными старинными золотыми монетами, и также о высоких женщинах, непохожих на местных, внезапно появлявшихся и указывавших путь заблудившимся; говорили нам и о бесконечных подземных ходах и трудно достигаемых

[40] «no man's land» *(англ.)* –- никому не принадлежащая земля.

горных пещерах, у входа которых иногда показывались необычного вида люди. Имеется у нас и пророчество, данное одним из таких Азаров странствующим буддийским монахам. Постараюсь найти его.

Юрий не скоро сможет, если только вообще [сможет], приняться за исследования о Пресвитере Иоанне. Он сейчас поглощён своей *Историей Средней Азии* и другими научными работами, потому, родной Рихард Яковлевич, Вам следует использовать найденный Вами материал. В таком труде, как Ваш, нельзя обойти молчанием явление Пресвитера Иоанна. Насколько я помню, одна из задач Вашего труда собрать все сказания, все легенды о таинственном Убежище или о Царстве Праведности и его Царе, а также и о хранимых там талисманах в виде Чаши или Камня, которые, как символы или вехи, появляются перед началом каждой новой эпохи, и затем показать, как все эти легенды сплетаются в чудесный венок из лучших чаяний всех народов, во всех веках, вокруг единой Твердыни Света.

Ваша догадка об Аполлонии Тианском правильна. Самоотвержение Великого Владыки безгранично, и Он не раз перевоплощался в предельный кратчайший срок. Так было и после ухода А.Т., когда Он поспешил принять новую горчайшую чашу как мученик Ориген. Хронология жизни Христа очень неточна. Великие Учителя относят рождение Иисуса на более ранний период, нежели указанный в Евангелиях. Россул М. был уже в летах, когда Христос вышел на проповедь. Упоминание о том, что А. Т. в прежней жизни был кормчим на одном египетском судне, следует понимать аллегорически, ибо действительно Он много раз бывал Кормчим Царства Египетского. Кроме нескольких жизней как Иерофант, этот Мощный Дух проявлялся и в легендарном Царе Миносе, и в величайшем из фараонов Рамзесе II и т. д.

Понимаю и разделяю Вашу любовь к греческой философии. Не вспомнили ли Вы Филоктета – последователя Платона?

Вы правильно недоумеваете, каким образом Анаксагор мог проводить геоцентрическую теорию. Анаксагор был посвящён в мистерии и знал учение Пифагора, принесённое из Индии, о гелиоцентрическом построении Вселенной. Привожу страничку из новой книги: «Вы знаете, как иногда одно слово может извратить целую космогоническую теорию. Философ (Анаксагор) говорил, чтобы устыдить сограждан: «Вы должны чувствовать, что Земля является как бы средоточием Вселенной, тогда вы осознаете весь долг и всю ответственность, лежащие на человеке». Но последователи выпустили одно малое слово, и получилось совершенно иное мировоззрение. Можно привести много примеров, когда люди извращали смысл Учения, ибо в разных наречиях слова имели различное значение. Но наречий было много, иногда соседние роды употребляли свои выражения. Кроме того, были так называемые священные знаки, которыми пользовались жрецы и иерофанты, но отдельные слова проникали в народ и употреблялись без смысла. Впрочем, во всех веках происходила ломка языков...»

Сейчас мы наблюдаем поучительное явление, подтверждающее вышесказанное. Недели три тому назад в Пенджабе скончался весьма известный и уважаемый мусульманский поэт Икбал. Перед самым уходом он написал четверостишие, смысл которого был – «Рай существует для всех». После его смерти в печати сразу появилось несколько толкований этого четверостишия. Правоверные магометане, возмущённые тем, что рай, по словам такого авторитетного лица, оказался доступным для всех, т. е. и для иноверцев, начали утверждать, что слова эти на том наречии, на котором они были написаны, означают как раз обратное, именно – рай *не для* всех. Также были приведены ещё иные значения этих слов в их сочетаниях, и так до сих пор никто не может установить точного смысла последней мысли поэта. Судя по газетам, имеется уже пять различных толкований. Не то же ли самое происходило и ещё происходит со всеми учениями, философиями и даже с мыслями обыкновенных людей?

Доканчиваю страницу из новой книги; ибо данный в ней Совет может зазвучать в Вашем сердце.

«Не будем чрезмерно оправдывать недостойные поступки лишь недоразумением или разноязычием. К сожалению, постыдные действия имели в основании злую волю и зависть. Проследим, за что были преследуемы лучшие люди всех народов. Можно усмотреть, что ложные обвинения были почти одинаковы и поражали своим неправдоподобием. Сравним,

за что изгоняли Пифагора, Анаксагора, Сократа, Платона и других лучших людей. Почти те же обвинения бросались им, но в следующие века последовало признание, как бы и не было поношения! Можно сказать, что такие высокие деятели не умещались в людском сознании, и меч палача готов был снизить слишком высокую голову. Перикл был снова призван, когда люди довели его до слабоумия. Лишь в таком состоянии сограждане могли признать его равным им. Следует написать книгу о причинах гонения на великих людей. Только сопоставлением причин можно выявить путь злой воли. Советую, пусть кто-нибудь составит такую книгу. Можно будет установить, что преследования Конфуция или Сенеки походили по внутреннему смыслу. Наша память хранит много таких событий. Наши Братья и Сестры не однажды прошли через такие гонения. Можно назвать Жанну д'Арк и Аспазию, и целый ряд славных тружениц разных веков. Мы не сожалеем о таких испытаниях, но бывают нужные раздумия, ибо при каждом гонении затрудняется спешный план. Но и это Мы обращаем на пользу. Мыслитель говорил: “Не пойму, гоните меня или подгоняете?”»

Теперь о Сен-Жермене. Конечно, появления и исчезновения Сен-Жермена через закрытые двери производились или посредством психологирования, или гипноза присутствующих, или же были манифестациями в тонком теле. То же можно сказать и о чудесных появлениях Аполлония Тианского.

Камень Белый в Откровении, конечно, может относиться к основному телу Камня, находящемуся в Твердыне Света, а также означать и появление осколка, находящегося в миру и сопровождающего Новое Провозвестие.

Родной наш Рихард Яковлевич, надеюсь, что Вы будете иметь приятное лето и любящие Вас сердца сумеют так поставить летний общинный быт, чтобы никто не мешал друг другу, чтобы никто не посягал на чужое время.

Вы и не знаете, как мне хочется, чтобы Вы имели заслуженный отдых! От всей души сочувствую Вашему желанию посоветоваться с венским профессором. Во всяком случае, уверена, что в самом ближайшем времени будет найден метод излечивания этого нервного недомогания. В недавней газете был описан замечательный случай, как один человек, страдавший в течение десяти дней непрекращающейся икотой, был неожиданно совершенно излечен. В течение десяти дней были использованы без результата всевозможные средства, наконец, решили отвезти страдальца в больницу; по дороге вёзший его автомобиль наскочил на дерево, и больной получил сильное потрясение организма, после которого икота совершенно оставила его. Также здесь в Индии один мальчик с силою упражнялся в бросании мяча и попал случайно в проходившего слепого нищего, тот упал от такого удара, но тотчас же поднялся и в радости стал благодарить Бога; удар вернул ему зрение. Можно припомнить и удар палкой по голове ламы, страдавшего жестокими головными болями, после чего он исцелился.

Помните, как в Учении сказано, что египетские иерофанты для излечивания некоторых нервных заболеваний иногда подвергали своих пациентов потрясениям. Вообще в будущем медицина научится применять многие утерянные старинные методы и целебные средства. Конечно, сомневаюсь, чтобы в Вашем случае встряска была бы хороша, но сильное внушение было бы крайне полезно.

Дорогой Рихард Яковлевич, приносим Вам нашу глубокую благодарность за Ваше прекрасное водительство Обществом и просим Вас всячески беречь здоровье. Токи неслыханно тяжки. Шлём наш самый сердечный привет Элле Рейнгольдовне и желаем всей Вашей семье и близким друзьям всего самого светлого и самого радостного.

Было Сказано: «Одобряю книгу Рихарда. Пусть он охранит исторический характер, так получится полезная книга. Пусть не забудет указать на документы, найденные в Костроме». Документы эти упомянуты Н.К. в *Сердце Азии,* глава о Шамбале. Об этих документах мы слышали от человека, видевшего их. Имя его сейчас не может быть названо, ибо это было в Швеции. Также указано упомянуть о существовании книги *Красный Путь в Шамбалу,* написанной одним утайшаньским ламою. Следует не забыть и *Путь в Шамбалу* Грюнведеля. Также разрешено поместить и встречу с Махатмой, описанную Клодом Брэгдоном (архитектором и писателем) в его книжечке *Episodes from an Unwritten History*[41], page 37. Брэгдон приводит выдержки из письма одного индуса по имени Рамасвамир к своему другу, в котором он описывает свою встречу с Гималайским Махатмою. Индус этот решил идти в

[41] *Эпизоды из незаписанной истории (англ.).*

Тибет и найти Махатму или же погибнуть в поисках. Не сказав никому ни слова о своём намерении, имея лишь несколько рупий в кошельке и вместо оружия посох странника, один и пешком, он отправился в это опасное путешествие, ибо Тибет был и есть ещё «запретная страна». Но он преуспел. После многих трудностей и смертельных опасностей, недалеко от тибетской границы, он был встречен одиноким Всадником, который оказался Тем, Кого он искал. Так он описывает эту встречу: «Когда Он приблизился ко мне, Он остановил коня. Я взглянул на Него и тотчас же узнал. Я находился перед ликом Махатмы, моего высокопочитаемого Гуру, которого я раньше видел в Его тонком теле. В тот же миг я простёрся перед Ним. Я поднялся по Его приказу, и, смотря на Него, я совершенно забылся в созерцании Его лика, который я так хорошо знал... Я не мог ничего сказать, радость и благоговение лишили меня языка. Величавость Его Облика, который казался мне олицетворением мощи и мысли, внушала мне восторг и страх. Я находился лицом к лицу с Махатмою Гималаев, и Он не был мифом или же «созданием воображения медиума», как сказали бы скептики. Это не было ночным сновидением, ибо время было между девятью и десятью часами утра. Солнце сияло и было молчаливым свидетелем происходящего. Я вижу Его перед собою, и Он говорит со мною с добротою и мягкостью. Мог ли я ожидать большего? Избыток счастья сделал меня немым, и прошло некоторое время, прежде чем я смог произнести несколько слов, ободрённый Его благостными словами...»

«И теперь, когда я видел Махатму во плоти, – заключает он своё письмо, – и слышал Его голос, пусть никто не осмелится сказать мне, что Братья не существуют. Теперь будь что будет, никакая месть врагов, никакая смерть не могут меня устрашить, ибо я знаю то, что знаю» (стр. 37, 38).

Этот эпизод описан в *Пять лет теософии,* но подробнее. Много раз перечитывала я эту страницу и всё ещё не могу не только читать, но даже вспомнить её без сердечного трепета, граничащего с болью, ибо Облик Владыки встаёт живым перед моими глазами. Попрошу Владимира Анатольевича списать для Вас эту страницу из *Пять лет теософии.* Книгу эту невозможно уже достать. Если В.А. соберётся скоро списать, может быть, некоторые подробности можно будет добавить.

Теперь на всякий случай привожу Вам страничку из книги Владимирцова. «Кераиты были народом кочевым, говорили на монгольском наречии, но в культурном отношении стояли несколько выше монгольских племён, вроде татар, тайчуитов и других. Среди них было довольно распространено христианство несторианского толка, имели они сношения и с культурным народом тангутами – Си-ся, которые в ту пору владели северо-западными окраинами Китая, и с разными народами, населявшими Туркестан и Семиречье. Ван-хан совершенно незаслуженно сделался знаменитою личностью, в особенности в Европе, куда проникли и нашли себе горячий отклик легендарные сказания о царе-священнике Иоанне, который будто бы блистательно правит христианским народом где-то на отдалённом Востоке; титул «Ван-хан» (царь) дал повод отождествить легендарного пресвитера Иоанна с кераитским ханом...» (*Чингиз-хан* Б.Я. Владимирцова, страницы 33, 34).

Так как осталось ещё место, то не могу не привести страничку из новой книги:

«Можно замечать, как человек, говорящий с чувством, избавляется от природного недостатка. Но как только порыв прекрасной страсти потухает, человек опять подпадает земному недостатку. Мысленное горение может не потухать, и такие крылья немедленно донесут до Руководителя. Нам легко работать там, где есть мысленное горение. Потому так предупреждаем против страха, уныния и отчаяния. Такие свойства подобны отсыревшим углям. У такого костра не согреетесь. Последнее сравнение принадлежит Мыслителю. Он обладал замечательным даром рассеивать уныние. В Братстве такое качество нужно как для Земли, так и для Тонкого Мира. Всё, что говорим, имеет ближайшее отношение к Братству».

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович, именно Ваше горение приносит удачу, и там, где кто-то усмотрит лишь чудовища, порождённые их же страхом и сомнением, Вы идёте, прилагая лучшее уменье и огонь великого доверия к Руке Ведущей. Храните этот божественный огонь. Счастливы Вашей новой удачею. Ещё раз сердце шлёт Вам радость Вашей работе и прекрасному водительству. Берегите здоровье. Напряжение в мире всё усиливается, но суждённое свершится.

Всем сердцем с Вами,

Е. Рерих

Сейчас пришло Ваше письмо к Владимиру Анатольевичу со вложением перевода письма Рамасвамира. В переводе пропущена фраза, которую я подчеркнула в моём. Не думаете ли Вы, что всё же лучше поместить выдержку, сделанную Клодом Брэгдоном.

Описание трудностей, перенесённых Рамасвамиром, слишком длинно и не так уж интересно, в приведённой же Брэгдоном выдержке дана сама сущность. Кроме того, ещё одно свидетельство или признание известного и ещё живущего лица всегда придаёт большую авторитетность. Скоро выходит автобиография Брэгдона. Он друг Н.К.

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

3.VI.38

Дорогие и любимые наши Водители Елена Ивановна и Николай Константинович!

Литовские и латвийские друзья в этот светлый и радостный день собрались на праздник Единения. Воодушевлённые братской встречей и слитые сердцами, шлём Вам наши чистые мысли преданности и благодарной любви.

Р. Рудзитис

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
4-ИЮНЯ-1938

№ 11 (письмо от 15-5-38 было № 10).

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за Ваши добрые письма от Рихарда Яковлевича от 24 мая и 26 мая, от Гаральда Феликсовича. Вполне понимаем соображения Р.Я. по поводу заграничных посылок. Но опасаемся поручать это Беликову, всё-таки около него находится Гущик, и это обстоятельство осложняет всё положение. Допустим, что сам Беликов хотя и молодой сотрудник, но полон энтузиазма. Тем не менее соседство Гущика может вовлекать его в самые нежелательные обстоятельства. Что касается Юлии Доминиковны, то, конечно, она бы сделала всё с её стороны возможное, в этом не может быть сомнения, но каковы там сейчас общие настроения – это судить трудно. Впрочем, как Вы пишете, Вы только что побывали там и, вероятно, вынесли полное впечатление о настроениях. Но так как мы вполне понимаем и Ваши местные соображения и мы всегда советовали Вам чрезвычайную осмотрительность, то, может быть, сейчас обождать с посылками.

Очень порадовались Вашим сношениям с Янеком. Помните, уже давно указывалось, что подобные приглашения в Музей и душевная беседа создадут и лучшее понимание. Вы видите, что во всех делах элемент задушевности всегда актуален, и потому нужно стремиться найти именно эту сердечную струну.

Дай Бог, чтобы с магазином всё началось ясно и чётко, а летнее время помогло бы осмотреться и нащупать связи, полезные для осеннего сезона. Удачно, что разрешена и библиотека, ибо это, кроме дохода, даст приток посетителей. Комиссия магазина состоит из таких деятельных сотрудников, что можно лишь пожелать «в добрый путь».

Вам будет небезынтересно слышать, что Г.Г.Шклявер в своём последнем письме сообщает, что один хороший сотрудник, бывший прошлою зимою в Америке, ужасался мракобесием Гребенщикова, а этот говоривший вовсе не отличается чрезмерною левизною. Таким образом, многое, читаемое между строк, становится вполне понятным. Очень жаль видеть, когда талантливый человек впадает в мракобесие, но всё нужно знать.

Теперь к письму Г.Ф. Новое соображение о своей собственной печатне весьма интересно, но оно вызывает множество соображений. С одной стороны, печатни существуют и приносят доход. Иначе вообще не было бы типографии. Но с другой стороны, такое дело

требует постояннейшего надзора испытанных специалистов и огромную расчётливость. В печатне дело не только в качестве машин, не только в качестве красок, но и в способностях самих печатников. Вы уже видели, что одни и те же клише в разных руках могут давать разные результаты. Конечно, Пранде опытен в издательских делах, но может ли он посвятить этому делу достаточно времени? Оборудование печатни на первый взгляд кажется вполне достижимым, но ведь в самом процессе работы, наверное, потребуются многие добавления, и это обстоятельство может сложиться в тяготу. Конечно, Вам на месте виднее, но по нынешним трудным временам хочется ещё и ещё остеречь от излишних тягот.

Нельзя ли чем-либо удешевить само издание? Вот книга *Сирдс Гайсма* вышла очень привлекательно и, по-видимому, не доставила никаких чрезмерных отягощений. Нельзя ли и в случае монографии, пока не поздно, подумать о каких-либо новых удешевлениях. Хотя мы ни на чём не настаиваем и вполне предоставляем ведение дел Вам сообразно местным условиям, но может быть, в чём-то ещё не поздно сэкономить. Например, может быть, отказаться от библиографии, ограничившись лишь списком картин и книг. Затем, может быть, воспользоваться уже какими-либо имеющимися клише, чтобы не делать много новых. Вообще считайте и пересчитывайте всё много раз. Имейте на всё заблаговременно точные сметы. Мы так беспокоимся, как бы из самого доброго желания не произошла какая-то досадная тягота. Ведь время необычайно тяжкое.

Булгаков писал, что портрет уже прибывает и будет сделан. Попросите его, чтобы для нас было сделано 100–150 отпечатков, а то первые сделанные там картины были, по-видимому, напечатаны без лишних экземпляров. Имейте в виду, что Булгаков писал, что он находится и сейчас в сношениях с Толстовским обществом за границей. Не думаете ли Вы, что вместо Беликова и Юлии Доминиковны канал посылок можно бы устроить через Булгакова? По-видимому, там это обстоятельство воспринимается легче, а кроме того, кажется, даже имеются шведские магазины. К тому же книга Всев. Иванова Булгакову нравится, и он поймёт полезность её распространения. Итак, считайте и пересчитывайте всё на общую пользу. Перерегистрацию сделайте как лучше по местным условиям – нужно хранить самое главное и за деталями не нужно останавливаться. Второй том *Т. Д.* ещё не получен.

Е.И. и все мы шлём Вам наши сердечные мысли – будьте сильны!

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

———

Рихард Рудзитш Елене и Николаю Рерих

Рига, 8 июня 1938 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Мы только что вернулись из Литвы, где провели три дня в самом радушном единении и дружбе совместно с нашими литовскими друзьями. Из Латвии выехали 16 членов, в том числе из старшей группы Гаральд Феликсович, Александр Иванович, чета Мисинь, О.Крауклис и я. Мы всё ещё в восторге от самой чистой сердечности и гостеприимства литовских членов. Символ их Общества – сердце, сплотившее их всех в одну братскую семью. Об их горении можно судить уже по тому, что встретить нас приехали даже из провинции около 5 членов, некоторые издалека. Одна дама даже с трёхлетней дочкой. Надежда Павловна, хотя уже была в Ковно[42] 29 мая, приехала вторично, проведя в поезде от Скуодаса до Ковно около 8 часов. Юлия Доминиковна мечтает об образовании действительной общины сердца. Она задала работы своим членам – выписывание тем из книг Учения, и те, кто вполне выполнят возложенную задачу и сами осознают свою готовность и пригодность, те войдут в духовную общину. Из последней образуется и ядро – старшая группа. Юлия Доминиковна намеревается пойти и дальше – предложить всем «холостякам» или живущим одиноко нанять вместе одну квартиру и так осуществить нечто вроде общежития. Вообще, мы были также приятно поражены дисциплиной среди литовских

[42] Ныне Каунас.

членов и их глубоким уважением к своей председательнице. Собираются в Обществе 4 раза в неделю, кроме того, по 2 раза уроки английского языка. Юлия Доминиковна собирается поступить преподавательницей музыки в один детский сад, где учат по системе Монтессори. Полагает, что сможет внести дух Учения. Получает в месяц 200 литов пенсии, кроме того, весь полудень[43] у неё уходит на уроки (надо заметить, что дороговизна в Литве больше, чем в Риге). Всё ещё очень переутомляется, идёт спать часто в 11 – 12 часов и встаёт в три с восходом солнца. Мы с Г.Ф. столько раз просили её беречь свои силы и спать самое меньшее 7 часов, но она отвечает, что уже сама решила это делать, но – начиная с осени. Также с обедами обстоит далеко не идеально, хотя теперь у неё живёт старая мать и готовит обеды, но однообразные. Но всё же теперь гораздо лучше, чем в прошлом году, когда она, как она мне призналась, нередко обедала лишь раз в неделю. Поэтому она и так болезненна, постоянно слегка кашляет, один врач, кроме того, утверждал, что у неё язва в желудке, и т. д. Невзирая на это, она бодра и переносит всё с мужеством. Г.Ф. обещал ей прислать лекарства. 29 мая, как Вы знаете, у наших друзей было официальное выступление, к которому они готовились давно. В университетском зале собралось около 250 гостей, в том числе немало общественных деятелей. Все при входе получали брошюру о Пакте и два номера журнала на литовском языке. Юлия Доминиковна прочла реферат о духовной культуре, где использовала мысли Н.К. и Глямжи о Н.К. как культурном деятеле. Потом был концерт. Самого Пакта касались лишь кратко. Ю.Д. хотела прочесть специальный реферат о Знамени Мира, но при теперешнем напряжённом состоянии в Литве пришлось отложить – в связи с тем, что всё сознание народа направлено на увеличение средств для самообороны и т. д. Понятно, то и другое можно было бы совместить, и можно было бы говорить не столько о Знамени Мира, как о Пакте защиты культурных ценностей, но всё же Ю.Д. права. В связи с теперешним положением ей трудно также предпринимать конкретные шаги к образованию Комитета Пакта, хотя и по этому поводу совещалась с некоторыми культурными деятелями. С другой стороны, всё положение осложнилось после проступка Тарабильды, о котором Вы осведомлены через Александра Ивановича. Ю.Д. уверена, что после этого проступка отношение правительственных кругов к их Обществу изменилось. Прекрасно одно, что имя самой Ю.Д. не запятнано, и она пользуется большим уважением среди всей интеллигенции, знавшей о её прежней артистической деятельности. Вы уже знаете, что Тарабильда после интимной беседы с одним «докладчиком»[44] сразу почувствовал, что ошибся и поступил неправильно, и после этого мучился и считал себя предателем. Ю.Д. знала о его самоупрёках, но не знала почему, о всей действительной причине она узнала лишь теперь от Александра Ивановича. Я тоже не знал. Теперь Ю.Д. рассказала всё также и мне, и Гаральду и прочла нам письмо Елены Ивановны, и мы втроём долго совещались и беседовали по этому больному вопросу. Конечно, Ю.Д. успокоит Тарабильду, но лишь если он ей вполне доверится и её послушается. Тарабильда со своей супругой находятся ещё в Париже и, должно быть, возвратятся на днях. Он ни с кем не переписывается и, кажется, до сих пор не знает также о том, что не избран в правление. Конечно, также и известие об этом будет испытанием для него. Надеюсь, что и этот вопрос Ю.Д. сумеет разрешить. Понятно также, что от «докладчиков» в конце концов не ускользнёт и некоторая эзотерическая часть, только жаль, что доходит до их сознания в искажённом виде. Вы, должно быть, знаете также о другом случае в Литве, об одном ученике Надежды Павловны – офицере (в Скуодасе), который был ознакомлен со всеми книгами Учения, так сказать, вошёл во все глубины его, но оказался предателем и хотел поместить статью против Учения в одной литовской газете. К счастью, редактор оказался джентльменом и заранее сообщил об этом нашим друзьям, и по их просьбе статью не поместили. В Обществе страны Р.Я.[45] среди младших членов числится также полицейский, о котором полагают, что он является «докладчиком», но так как он человек очень устремлённый и объективный, то правление ему даже очень радо, так как Общество никаких политических вопросов совсем не касается и во всех философско-религиозных и культурных вопросах старается провести линию истинного культурного такта. Самое непростительное, что люди привыкли судить о том, чего совсем не знают. Если бы они потрудились подходить к явлениям без всякой задней мысли! Также и с нашим

[43] Так в тексте.
[44] доносчиком, т.е. человеком, который «докладывает» о происходящем в Обществе. – *Г. Р.*
[45] Латвии.– *Г.Р.*

Музеем – никто из приходящих не уходит без трепета восхищения. Но сколь многие из культурных деятелей ещё не видели его и не имеют даже понятия о нём.

Теперь о *Золотой Книге.* В цензуру я её передал в четверг, 2 июня, в три часа, и уже на следующий день утром получил разрешение. Я несколько беспокоился за введение, ибо было выдержано в стиле, в каком пишутся, например, книги о Вожде страны Р.Я.[46] Но и эти слова введения скромны, если сравнить с Заслугами... *Золотую Книгу* разошлём сперва за границу, потом и по Латвии, где, как и в Литве, будет разослана всем министрам, а также культурным деятелям, подписавшим меморандум. Мы разошлём всем приславшим нам свои приветствия, также в Индию по списку, напечатанному в конце книги. К каждой книге приложим карточку от Общества с «with best compliments»[47], на английском, французском, русском или латышском языках. Министрам, конечно, пошлём сопроводительное письмо. Если у Вас какие-нибудь соображения о рассылке книги, сообщите мне. На Ваше имя послан пока 31 экземпляр.

Мы хотели послать президенту нашего государства латышскую книгу *Иерархия,* но ещё не решились. Возможно, что когда-нибудь с Вашего согласия можно будет послать и другую Книгу[48].

Юлии Доминиковне я передал *Напутствие [Вождю],* кроме того, ей и Надежде Павловне – второй том *Т. Д.* Один комплект *Т. Д.,* тт. I и II, мы передали также для библиотеки Литовского общества, но с условием, чтобы Ю.Д. выдавала её самым продвинувшимся членам на чтение доверительно. Но нельзя ли *Т. Д.* продать некоторым литовским членам, также доверительно?

В последнее время меня два раза посетил Карл Иванович Стуре. Он передал мне две гарты[49]– знака Общества, один на имя нашего Общества, другой незаполненный, с подписью Н.К. Последний был предназначен для Эстонского общества. Но передать ли его Эстонскому обществу, когда оно осенью образуется? Гарта от имени «R. M. of America»[50], может быть, теперь не следует её передавать? Третья гарта передана Карлом Ивановичем Литовскому обществу, при открытии его.

Прилагаю Вам копию с письма-извещения Шанхайского Комитета. С одной стороны, стало радостно, с другой – как-то больно. В программе Пакт официально связывается с Живой Этикой. Будут ли правильно везде поняты сокровенные основы Учения? Вновь прочёл Ваш отзыв о книге Бонча-Томашевского. Кстати, получил сегодня от него также его книгу и 5-й кощунственный номер *Огня.* Бонча-Томашевский прилагает также письмо, где, между прочим, пишет: «В проведении идей Пакта мы обращаем главное внимание на иностранную колонию, и поэтому будем печатать наши брошюры на английском языке. Среди русских здесь за последнее время наблюдается не мало выпадов тёмных сил. Из пасквиля *Огонь* Вы увидите, почему Учитель Востока так часто употребляет слово *предательство.* В данном случае мы имеем дело с многолетней провокационной работой. Очень жаль, что д-р Асеев дал «рекламу» г. Батурину в *Оккультизме и Йоге.* Винить его нельзя, так как даже многие из нас, по неосторожности и доброте сердечной, тоже попадали впросак...» Б.-Т. прислал мне свою отповедь на кощунственную анкету, помещённую в пятом номере *Огня.* Так как полагаю, что Вы его уже имеете, то не посылаю Вам. Б.-Т. сказал не всё, что следовало бы сказать, притом можно было бы всё гораздо шире охватить. Но главное – как-то жутко и даже кощунственно кажется ответить на эти вопросы, и потому самое лучшее, как Вы советуете, воздержаться от всяких ответов. Я на письма Батурина никогда не отвечал, и он раз даже горячо пожаловался на меня Александру Ивановичу. Но и последний уже давно не отвечает ему. Не знаю, послал ли Б.-Т. свой ответ самому Батурину?

Зенкевич в своём письме пишет, что они решили «для ограждения Учения и дела Н.К. от атак этих тёмных сил принять некоторые меры. В Шанхае по инициативе А. П. Бонча-Томашевского будет организован местный Комитет по защите Пакта Рериха и организован двухмесячный сборник – журнал *Знамя Мира,* в котором примут участие дальневосточные

---

[46] Речь идёт о президенте Латвии К.Ульманисе. В письмах соблюдалась конспирация из-за военного положения в мире. – *Г. Р.*

[47] «с наилучшими пожеланиями» *(англ.).*

[48] *Напутствие Вождю. – Г. Р.*

[49] грамоты *(от латыш,* harta).

[50] Roerich Museum of America *(англ.)* – американский Музей Рериха.

последователи Учения. Лично я решил взять на себя ответственность по защите Пакта и имени Н.К. в Северном Китае»... Дал ли Н.К. своё согласие на такое название журнала и был ли он осведомлён о плане журнала? Хочу спешно написать как Зенкевичу, так и Бончу-Томашевскому. Было бы прекраснее, если бы руководство Комитетом и журналом взял в свои руки Зенкевич, так как его интуиции можно больше довериться, и чувствую, что он духовно развивается. Но он не живёт в Шанхае.

В середине июня в Риге ежегодно устраивается детский праздник, где участвуют все ученики начальных школ Риги и где организатором является особая городская просветительская комиссия. Наша женская секция получила от комиссии разрешение выступить на празднике со своим стендом, а именно со «стендом Этики». Наши дамы приготовлялись к выступлению: составляли книжечки из речей президента государства и из Живой Этики, пересматривали и обсуждали все главные этические основы Живой Этики для изложения в доступной детям форме и пр. Конечно, я был рад нашему выступлению, но как-то не верилось, так как этикой в школах заведует или духовенство, или доверенные их лица, имеющие учительский ценз. В конце концов и оказалось, что наш стенд совсем не был введён в программу празднеств. Сказали, что по «ошибке», и просили отложить наше участие на «следующий раз».

Кончая это письмо сегодня – 10 июня, – я прочёл ошеломляющую статью – нападение на Гаральда в нашей самой популярной газете *Jaunakas Zinas*[51]. Никогда ещё в истории нашей прессы не встречал, чтобы на врача нападали так грубо и преждевременно, до судебного расследования. Вы понимаете, что не редакция газеты эту статью поместила самовольно, но что она идёт из того же источника, что и все другие нападения. Гаральд утверждает, что в этой статье много неправды, и это должно выясниться на суде, если только таковой состоится. Но, кажется, теперь его не миновать. Прилагаю перевод статьи. Будем помогать нашему Доктору всеми помыслами нашими. Шлю мысли моего сердца.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Сердечное спасибо за письмо Е.И. от 24. V и за *Братство,* ч. II –до 212-го параграфа.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

21-ИЮНЯ-1938

№ 12

Родной наш Рихард Яковлевич!

Большое спасибо за Ваше письмо от 8 июня. Как всегда, жизнь выдвигает и добрые и недобрые знаки – всё нужно пройти, на всём нужно накоплять опытность. Прежде всего нас огорчает новый натиск завистников на Гаральда Феликсовича. Увы, мы и не сомневались, что эти тёмные силы не оставят своего преследования, ибо профессиональная зависть является самым непроходимым безумием. Наверное, у Г.Ф. имеется достаточный профессиональный довод, чтобы опрокинуть гнусный выпад. Но действуйте со всею осмотрительностью – советуйтесь сообща, чтобы тем внушительнее разбить происки завистников.

Ваши сообщения о Литве радуют чрезвычайно. Если найдено душевное единение, то сколько новой общей работы может быть проводимо в жизнь. Пожалуйста, с обратной почтой сообщите нам, в чём состоит опрометчивый поступок Тарабильды. От Александра Ивановича, от Юлии Доминиковны и Надежды Павловны мы слышали о каком-то вреднейшем проступке, который оставил многие печальные последствия, но никто не сказал нам, какой именно это проступок и что именно Тарабильда сказал какому-то лицу. Мы предполагаем, что именно было сказано, – даже больше знаем, но всё-таки подтвердите нам, в каких именно формах Вы слышали о подробностях и сущности этого печального деяния. Ю.Д. пишет, что ей уже пришлось столкнуться с самыми нежелательными последствиями, которые трудно будет преоборотъ. Весьма грустно, если по непозволительной

[51] *Новейшие известия (латыш.).*

неосмотрительности Тарабильда посеял такие семена, которые могут отразиться на очень многом. Ведь иногда одно слово, одна капля меняет весь состав. Недаром в книгах Учения столько говорится о вольном и невольном предательстве. Недаром мы всё время зовём к священному дозору.

За подписями Зенкевича, Томашевского и Данилевского мы получили известие об образовании в Шанхае Пактового Комитета. Там же сообщается о намерении периодически издавать сборник или журнал *Культура.* Вы совершенно правы, озабочиваясь, в каком соотношении пойдут сведения о Пакте со сведениями из книг Учения. Мы ответили им в общесимпатичных тонах, но вполне разделяем Ваши опасения, чтобы не было неосмотрительного смешения. У В. А. Шибаева имеется мысль, – не написать ли Вам в Шанхай, чтобы этот их русский журнал был бы как реплика[52] *Фламмы* и таким образом эти два издания покрыли бы все наши общества. Впрочем, вероятно, у Вас по этому предмету с Шанхаем будет дальнейшая переписка, а кроме того, зная их стеснённость в средствах, может быть, этот их журнал и вообще не осуществится. Может быть, они ограничатся лишь английской брошюрой о Пакте, о которой они поминали в своём письме. Вообще, посоветуйте им всевозможную осмотрительность. Ведь у них под боком японцы со всеми их злоухищрениями и вливанием в нос керосина. В моём письме к ним я ещё раз повторил, что не пишу в Шанхай лишь ради их собственной безопасности.

С Дальнего Востока по-прежнему выражают изумление, почему д-р Асеев в журнале своём так благоволит к Батурину. Между тем Латвийский Конгресс и всё прочее, с ним связанное, было игнорировано Асеевым. Впрочем, может быть, теперь, когда вышла *Зелта Грамота,* Асеев поймёт, что ему нужно сделать. С нетерпением будем ждать высланную Вами *Зелта Грамату.* С рассылкою в Ваших местах Вы поступите, как лучше по местным условиям. Конечно, эта книга может представить большой актив, но «не мечите бисер перед свиньями». Из Вашего письма понимаем, что в Индию Вы послали всем приславшим приветствия. Очень интересно, каковы будут отклики на эту рассылку. Также интересно бы заглянуть в душу Москова и Гребенщикова, когда они получат эту книгу.

Вы ведь уже знаете, на чём кульминировался вандализм Хорша. Он попросту спрятал все мои картины и на их место повесил 60 картин малоизвестных американских художников и 20 скульптур. В культурной стране, казалось бы, такое действие вообще недопустимо. Кроме того, Хорш разными преступными манипуляциями с меня же требует обратно экспедиционные суммы. Мы отлично понимаем, что это преступное действие им задумано также и потому, что мне с него причитается сумма гораздо большая. Неисчислимы преступления Хорша, его жены и Эстер Лихтман – три иуды. Вчера мы получили сведения, что с нашей стороны за дело берётся один из самых видных адвокатов. Это сведение очень радостное. Конечно, опять потребуется долгое время, а пока в Америке будут развиваться *Фламма, Арсуна* и, как вчера нам написали, новая «Roerich Academy of Arts»[53]. Таким образом, мрачный вандализм покрывается светлым строительством. Неисповедимы пути. Иногда тактика Адверза должна совершить полный круг, чтобы дать должные следствия. Во всяком случае, Вы можете справедливо сказать всем интересующимся, что в Америке растут новые дела. Экземпляры (10) второго тома *Т. Д.* ещё не получены. С продажей повремените до перерегистрации Общества.

Вполне понимаем, что приобретение тигля было бы обременительным. Сердечный привет всем друзьям на священном дозоре.

Сердцем и Духом с Вами,

Н. Рерих

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India

---

[52] Здесь: копия (от *англ,* replica).

[53] Академия искусств имени Рериха *(англ.).*

№ 13

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Посылаю Вам статьи *Вандалы* и *Александр Яковлев* – обе они пригодны для прессы и могут быть прочтены в собраниях Общества. Интересно знать, как начался магазин и какой актив книг для начала в нём оказался. Каждое дело, а в том числе и магазин, зарекомендовывает себя с начала деятельности, а потому чрезвычайно важно, как именно начались первые дни нового дела. Надеемся, что все члены Общества и их семьи будут пользоваться именно этим магазином. Если члены Общества любят какие-либо особые блокноты, перья и всякие другие писчебумажные принадлежности, то магазин может иметь именно эти предметы на продажу и, таким образом, все писчебумажные сношения наших сочленов и друзей пойдут именно через этот магазин. (Помнится, что Гаральд Феликсович в своё время жаловался, что члены Общества остались равнодушны к бывшей хлебопекарне. Пусть в данном случае не повторится такое же равнодушие.) Ведь магазин должен быть очень живым нервом всего Общества. Сношения по распространению изданий должны быть налажены с самого начала. Если бы магазин с первых дней (чего Боже сохрани) приобрёл репутацию инертности, то потом исправить это обстоятельство было бы вполне невозможно. Но зато если около магазина окажутся признаки жизненности, то их легко будет развивать. Очень ждём, когда совершится перерегистрация – это обстоятельство чрезвычайно важно. После неё можно будет подумать и о выпуске *Т. Д.* и вообще вздохнуть свободнее. Не слыхали ли Вы, какой именно музей приобрёл скульптуру Тарабильды – предполагаем, что это государственный литовский музей. Сегодня Вам отправляется *Фламма.* Получилось стараниями В.А. Шибаева прекрасное издание, и теперь очень важно, чтобы оно могло не только существовать, но и развиваться. Этот выпуск сделан такими домашними средствами, что следовало бы их запомнить как пример, что, как говорится, рожь можно молотить и на обухе. В конце концов, Комитет Пакта в Шанхае должен бы выписать несколько экземпляров *Фламмы,* ибо там имеются люди, знающие по-английски. Подписная цена так низка, что, между нами говоря, даже не покрывает себестоимости. (Ждём *Зелта Грамату – очень интересно.)* Беспокоимся, как у Вас решается монография.

28-июня-38. Сейчас получили 4 экземпляра *Т. Д.,* т. II, и 11 *Зелта Грамата.* Прекрасная вышла *Зелта Грамата.* Получился такой интеллигентный тип книги, которая, нужно надеяться, дойдёт до многих сердец человеческих. Вероятно, она будет на продаже в магазине. Сообщите, пожалуйста, по какой цене она будет продаваться, чтобы мы могли включить в наши списки книг. Будете ли её давать Пильскому для рецензии? Прилагаю три названия для включения в самый конец списка картин для монографии: *Тревога, Снежная Дева* и *Сто вершин Гималаев* (сюита). При втором томе *Т. Д.* ещё нет вкладного листа опечаток, вероятно, об этом Вы напишете Елене Ивановне. Если бы только перерегистрация состоялась скорее. Шлём бодрые мысли помощи Гаральду Феликсовичу и уверены, что опять все члены Общества и честные пациенты приложат все свои возможности и силы, чтобы дружно противостоять тёмным нападкам завистников. В этих битвах за правду куётся общественное единение. Во всём помните старое пожелание: все за одного, один за всех. Да будет Вам светло.

Сердцем и Духом,

Н. Рерих

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[54]

29. VI. 38

Н.К.

Нас навестила Монтвидене во время певческих праздников.

Тарабильда беседовал с правительственными чиновниками.

Рассылка *Золотой Книги* по Латвии, Литве и Эстонии. В Эстонии просил Кайгородов, в

[54] План письма.

начале июля обещал собрать комитет для рассылки книг.

Раннит поместил рецензию о *Золотой Книге* в *Paewalehf*[55]. Прочёл копию Вашего письма к Ранниту. Странно, что его интуиция осталась чуждой духу Вашего творчества. Другое его стихотворение в *Золотой Книге* более оптимистическое. Одну фразу просил переделать. Вместо *питров* он поставил *ламы.* Указал, что в Ваших картинах не встречается изображения питров, как символа негативного.

В Обществе собрания на лето раз в месяц. На взморье мы собираемся по воскресеньям. Совместно с Литовским обществом можем «молчать».

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
4-ИЮЛЯ-1938

№14

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Только что дошли два письма Гаральда Феликсовича от 24 и 26 июня. В них две темы – одна о деле Г.Ф. и другая о покупке тигля. Очень рады, если по делу Г.Ф. накопятся столько полезных свидетельских показаний, а адвокат, как пишет Г.Ф., производит хорошее впечатление. Действительно, нужно положить конец всяким подпольным интригам мрачных завистников. Пожалуйста, проверяйте каждый свой шаг, чтобы собрать поражающее количество неопровержимых показаний. Как мы уже и писали, злоба завистников весьма живуча и они не могут переварить заслуженный успех.

Теперь о тигле. Хотя мы всегда предоставляем поле для самодеятельности, но боюсь я покупки такой дорогой машины и всех связанных с нею будущих расходов. Ведь получается, что для стрижки волос нужно построить целую парикмахерскую. Конечно, могут сказать, что тигель по выполнении этой работы может быть продан. Может быть, это и так, но пример с бумагою (которую, как видно, трудно продать) напоминает о трудностях, бывающих при многих продажах. Купить-то легко, а продать трудно.

Кроме того, довольно значительное количество красочных воспроизведений уже отпечатано, а однотонные клише не могут же вызывать специальное приобретение дорогостоящей машины. В Праге уже готово восемь воспроизведений. И в Риге их отпечатано уже около пятнадцати. Пробные оттиски, присланные к Рождеству, тоже были вполне удачны. Таким образом, всё приобретение тигля явится нужным лишь для некоторого количества воспроизведений. Просим ещё раз сделать точный подсчёт, чтобы убедиться, не будет ли приобретение тигля со всеми прочими расходами чрезмерно обременительным.

В монографии предполагалось 150 воспроизведений. Может быть, лучше ограничить их ста воспроизведениями. По счастью, в предварительном анонсе цена не была указана, и потому издательство вправе делать некоторые видоизменения, особенно же направленные к удешевлению издания. Таким образом, в местной госпечатне могли бы быть сделаны лишь немногие новые красочные воспроизведения с больших новых картин, находящихся в Риге. Таких воспроизведений потребовалось бы, может быть, всего шесть, а именно: *На высотах, Кулута, Путь, Тибетский стан, Горное озеро* и *Гималаи.*

Между прочим, когда будете помещать *Мать Чингиз-хана,* то непременно напишите «Эскиз для картины», ибо это и есть эскиз. По прилагаемому списку Вы увидите красные пометки около номеров – это будет значить, что эти картины я предлагаю сократить, чтобы ограничиться обшим числом в 100 картин. Конечно, если Вы увидите, что некоторые из отмеченных уже отпечатаны, то, конечно, поступите так, как Вам удобнее. Делаю это лишь ради удешевления монографии. Никто не должен поставить в упрёк издательству, если оно стремится дать культурную, но более общедоступную книгу. Все мы – против роскоши, и потому важно соблюсти лишь культурный аспект. Если Пранде предлагает 500 экземпляров иностранных и 2.500 русских, то это соображение вполне приемлемо. Если госпечатня чрезмерно занята, то текст мог бы быть печатан и в другом месте, так же как и всё

[55] Эстонский журнал.

оформление книги. *Зелта Грамата* вышла вполне удачно и *Сирдс Гайсма* ведь тоже была печатана не в госпечатне, а сделана была очень хорошо. Таким образом, мне кажется, что многие удешевления могли бы быть достигнуты и без целой инсталляции[56] тигля со всеми неизбежными расходами.

Бумага уже имеется. Шрифт в *Сирдс Гайсма* вполне удачен, и, таким образом, в нескольких местах можно бы собрать всю книгу. Я уже писал о том, что переплёт и брошюровка могут быть делаемы лишь постепенно и таким образом и этот расход может значительно распределиться уже на само издание. Вы уже имеете и прочие мои соображения. Конечно, в магазине может быть принимаема подписка, как только установится окончательно смета и цена издания. На списке картин мы отметили синим кружком все те, которые, по нашему сведению, уже отпечатаны. Конечно, в этом смысле могут быть и пропуски.

Радовались слышать, что, по мнению Г.Ф., перерегистрация Общества пройдёт вполне удачно и без задержек. Тогда можно будет думать и о движении с *Т. Д.* Если Г. Ф. полагает, что Либерт находится под влиянием Балодиса и потому потерял интерес к монографии, то всё-таки интересно бы через кого-либо при случае выяснить, какие именно формулы произносит Балодис, о котором я всегда так исключительно хорошо отзывался.

5-ИЮЛЯ-1938. Только что получили ещё десять [экземпляров] *Зелта Граматы* и 2 *Т. Д.,* т. II – большое спасибо. Очень интересно, не было ли каких-либо отзвуков на *Зелта Грамату.* Ведь она уже дошла в Америку и Европу. В Индии Ман, вероятно, тоже вчера получил, но на всякий случай мы ему дадим один из наших для полезного использования. «Махатма Шмидт» отбыл, не покаявшись, вот бы он захватил с собою и ещё несколько клеветников. Шлём Вам всё светлое.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
11-ИЮЛЯ-1938

№15

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Большое спасибо за письмо Гаральда Феликсовича от 3 июля. Прочтя его, мы вздохнули свободно относительно пресловутого тигля. Уже в прошлом письме я писал, что мы боимся за эту покупку, а внутренне у нас были именно те соображения, которые Г.Ф. и высказывает сейчас. Итак, с тиглем кончено. Теперь подумаем, чем ещё можно облегчить и удешевить монографию. Прежде всего *НЕ торопитесь* с нею. Иногда книги бывают в процессе изготовления очень долгое время. Если монография выйдет не осенью, а к Рождеству или даже к Пасхе, то ничего от этого не испортится. Итак, не торопитесь. Кроме того, подумаем, чем бы можно было ещё сделать монографию общедоступною. Иногда, как, например, монография Яковлева, листы воспроизведений не брошюруются, а даются отдельными листами, как бы альбомом. При этом также отдельно и на другой бумаге даётся текст. Подумайте и прикиньте, не удешевит ли такой распорядок всё издание. При этом нельзя ли допустить даже такую комбинацию, чтобы при альбоме воспроизведений текст был дан за особую плату в виде книги (нечто вроде *Зелта Граматы).* Таким образом, некоторые захотят иметь лишь альбом, а другие один текст. Конечно, отдельный альбом и отдельный текст стоили бы соответственно гораздо дороже, нежели вместе. Высказываю это соображение как одно из решений. Вы поступаете правильно, делая всякие калькуляции и сравнивая цены. Очень странно, что Вы имеете затруднение с продажею лишней бумаги. Помнится, Вам говорили, что купить бумагу это всё равно, что купить золото, что цена на неё растёт и её всегда можно продать с прибылью даже. Казалось бы, сейчас, перед

[56] установки (от *англ,* installation).

празднованием 20-летия Латвии спрос на бумагу должен бы быть особенно велик. Очень жаль, что даже и в общественных делах, как Вы пишете, комиссионный процент играет такую существенную роль. Число посылаемых Вами репродукций вполне достаточно – спасибо. Очень странно происшествие с портретом в Праге. Вероятно, негатив был недоброкачествен. Не проще ли им было переснять новый, ибо чрезмерная ретушёвка не помогает качеству художественной репродукции. Если ретушёр должен был работать целую неделю, то, очевидно, было много пятен, и странно, что они не пересняли вновь, ибо стоимость негатива во много раз меньше, нежели недельная работа ретушёра. Будем надеяться, что эта оказия не отразится на качестве. Итак, слава Богу, что опасность с тиглем миновала. Будем думать, какими мерами можно достичь общедоступности монографии. Теперь Вы знаете наш совет *не торопиться,* и потому можно спокойно сопоставлять цены. К тому времени и магазин создаст себе добрую репутацию и окажется хорошим распространителем. Книга без распространения как камень на дне колодца. С этой почтой к Вам ушли негативы Г. Ф. и *Братство,* § 231 – 253 (по адресу Г. Ф.).

Какое хорошее нововведение печатать на почтовой бумаге – лучшее издание страны.

Всего светлого,

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

12-ИЮЛЯ-1938. Продолжаю. Спасибо за полученные сейчас книги: 20 [экземпляров] *Зелта Граматы,* 4 *Т. Д.* – II т. и от Блюменталя книгу Грабаря. Не забудем, что покойный П.Щербов никогда не говорил *Игорь Грабарь,* но всегда называл его *Ирод Грабер.* В этом Щербов давал свою характеристику. Удивительно, сколько вранья в этой книге. Мне приписываются слова, которые я никогда не говорил, рассказываются небылицы. Вообще, печатный лист сделался самым страдающим предметом. У Тагора, оказывается, своя яхта – чего у него никогда не было, в Америке Грабарь не мог видеть моих картин (а с другой стороны, мы знаем, что он и не желал видеть), уродливо и не отвечающе действительности описание сеанса с Яном Гузиком, враньё, что картины предлагались в шведский музей и не были приняты. Враньё, что Серов так не терпел меня, иначе зачем же он у нас бывал, охотно пользовался моими советами и покупал для Третьяковской галереи мои картины. А вот когда после Серова в Третьяковку был назначен Грабарь – именно тогда он-то и перестал покупать мои картины. Такое же враньё характеристика, которую я будто бы себе давал в Швеции. Забавно, что совершенно опущено, что я был первым председателем *Мира искусства,* как будто этого совсем и не было. Враньё и о моём богатстве, ибо богатеем я никогда и не был. В высшей степени безвкусно, чтобы не сказать кощунственно, упомянуто о «пещере в Индии». Всё это плохо прикрытая зависть. Друзья Грабаря всегда предупреждали, что когда у него делаются глаза круглыми, то, значит, он врёт. Вообще, с какою осторожностью нужно относиться к теперешнему печатному слову. Помните, что Бенуа писал о папском проклятии именно в то время, когда было благословение, – маленькая ошибка. Даже Британская Энциклопедия ухитрилась наврать в данных. Если можно усмотреть столько вранья о себе, то, вероятно, столько же вранья заключается и во всех других сообщениях. Очень благодарим Блюменталя за присылки Грабаря, ибо всё нужно знать. Вчера же получили доброе письмо из Праги от Булгакова. Открытие зала прошло очень удачно. Присутствовавшие прислали приветственный адрес со всеми подписями. Очень приятно, что можно кооперировать с таким культурным учреждением. Они выбрали Святослава членом-учредителем музея, и это внимание весьма ценно. Вообще, может быть, через Булгакова можно будет наладить отправку книг. Вчера же они прислали новый каталог, отпечатанный в Риге Юпатовым, – Булгаков пишет, что они надеются продвинуть этот каталог в России. Жаль, что для каталога они взяли *Гуга-Чохана,* а не взяли *Ашрам, с* бамбуками. Ведь деревья сравнительно редко участвуют в моих картинах. Сохраните добрые отношения с Булгаковым – таких людей нужно очень ценить. В Париже издана *Церковь Св. Духа в Талашкине* с моей фреской. Итак, действуйте во благо, обороняйтесь от сил тёмных и любите друг друга.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Елена Ивановна опять нездорова, имела очень тяжёлые дни. Даст Бог, опять

постепенно наладится здоровье, – июль и август самые трудные месяцы по жаре.

Рихард Рудзитис Николаю Рериху

Рига, 18 июля 1938 г.

Дорогой Николай Константинович!

Сердечно благодарю за Ваши письма, 13-е и 14-е. Копии Ваших статей я передал редакции *Сегодня* и их же прочли в четверг, вчера, на нашем общем собрании.

Раннит вчера был проездом через Ригу в Берлин, и я с ним встретился на 25 минут. Конечно, за эти минуты нельзя было познакомиться поближе, притом эстонцы вообще по своей натуре не сразу выявляют себя. Чувствую, что по своему духовному складу он «poete par excellence»[57], т.е. что идея для него нечто второстепенное. Притом, может быть, также и некоторая «богемная» черта в нём, как в большинстве писателей и художников, недаром он когда-то как второй адрес мне дал какую-то популярную таллинскую кофейную. К тому же он ещё молод, или, как Беликов признался, ещё «детское в нём» и его характер не вполне ещё установился. В связи с этим, может быть, и понятны некоторые его черты, о которых в своих последних письмах пишет нам Беликов, предостерегая нас. Боюсь лишь, не слишком ли резко он очертил Раннита, правильно ли во всём он сам его понял и не даёт ли некоторые черты его по слухам, ибо сам признаётся, что лично его мало знает. Притом значение нескольких проступков он сильно преувеличивает, ведь могут же быть у поэтов излюбленные фразы, как в данном случае у Раннита о «монгольских глазах» и т. д. Но Беликов приводит также много других. Полемику в *Сегодня* об одном эстонском писателе несколько лет тому назад я сам читал, но тогда не обратил внимания на имя писателя. Как бы то ни было, черты, приписываемые Ранниту Беликовым, в большинстве случаев такие, которые при духовном расширении могут быть легко преодолены. Безусловно, в нём есть своя духовная интуиция, которая с течением времени может помочь ему преодолеть и установить себя. Но здесь ему нужно было бы именно общение с духовными людьми, и Беликову надо было бы не избегать его, но чутко направлять. Прилагаю при письме Вам выписку из последних писем Беликова, чтобы Вы сами могли судить о мнении его, а также о самом Беликове, ведь Беликов сам ещё очень молод. Гаральд Феликсович также вынес от него впечатление, что в его суждениях из-за его молодости иногда может быть некоторая односторонность. В Беликове, помимо его устремлённости, привлекает его серьёзность и прямолинейность. M-lle Фрицберг, которая была в Таллине, слышала от знакомых Беликова самые лучшие отзывы о нём (даже от Гущика).

Теперь ещё о Тарабильде. Я запросил Александра Ивановича, и он пояснил. Тарабильда ему сообщил, что он как-то в Обществе прочёл реферат, когда были также посторонние (должно быть, говорил об их Обществе, но Монтвидене не помнит, чтобы он в Обществе читал в то время, как она там была). В этом реферате было пояснено, кто такой Учитель, Е.И., Н.К., Знаки Общества и пр., – одним словом, дал и нечто эзотерическое. Оказалось, что из этих «посторонних» некоторые обратились в противников. Потом, в связи с пропагандой Пакта, Тарабильда обратился к какому-то высшему чиновнику. В разгаре беседы он вынул из кармана свой реферат и прочёл ему. Лишь потом, когда почуял, что отношение в правительственных кругах к нему и к Обществу изменилось, он понял, что совершил проступок, который считает предательством, хотя отзывы были хорошие. Обо всём Александр Иванович уже писал Е.И. Да, такое отсутствие такта совсем даже непонятно.

22. VII. 38.

О распространении *Золотой Книги* пишу подробнее Владимиру Анатольевичу. Каждый день получаю по несколько благодарственных писем. Хочу заметить, что к изданию *Золотой Книги* привлекались все члены Общества и в пожертвовании участвовали все члены, которые могли внести хотя бы небольшую лепту. Наши главные жертвователи Гаральд и Вайчулёнис, конечно, пожертвовали меньше, чтобы и другие могли участвовать. Всё издание обошлось в 2000 латов. Издание, конечно, большей частью надо будет раздаривать. Сколько экземпляров

[57] «поэт по преимуществу» *(франц.).*

Вам ещё нужно – Вам послали 80 экземпляров. Также сообщите, кому ещё послать. Цена 4 лата (80 экз. даром).

Прилагаю письмо Е. Инге, которое она просила переслать Вам. Вы, должно быть, уже получили пакет с номером *Сегодня* о празднестве в Пражском Музее?

Знаю, как сильно Вы заняты, и так не хочется Вас обременять. Гаральд Феликсович часто Вам пишет подробности наших и своих мыслей о монографии, о тигле и пр., но также и это главным образом для информации, и потому, конечно, Вам отнюдь не надо жертвовать своё время на постоянные ответы, хотя и, понятно, нам каждая строка Ваша дорога. Я думаю, что монографию всё же придётся продолжать в той же Государственной типографии и что нам удастся найти какой-то компромисс. Как Г.Ф. уже писал Вам, были три причины, почему мы отыскиваем другую типографию: 1) По смете Государственной типографии надо печатать репродукции сразу в большом количестве, а мы желали бы лишь по 1–2. 2) Дороговизна. 3) Государственная типография обещала нам исполнить заказ лишь «в свободное от государственных заказов время».

Кончая письмо, получил 1 экземпляр Вашего прекрасно изданного журнала *Фламма.*

23. VII. Только что решили с Пранде продолжить работу в Государственной типографии. Во вторник в типографию перевезут Ваши картины для окончательной выработки клише.

Сердечное спасибо за Ваше 15-е письмо.

Р. Рудзитис

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 22 июля 1938 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Сердце моё с глубокой радостью и благодарностью вспоминает все Ваши драгоценные указания об источниках в связи с моим трудом, приведённые Вами в Вашем последнем письме. Как самая чудесная мелодия в сердце моём звучат Слова Великого Владыки. Лишь грустно, что при всей спешности ещё мало что успеваю. Приблизительно окончил главу об *Общине Св. Грааля по источникам, доступным европейской науке.* Хотелось эту главу прочесть в сентябре в нашем Обществе избранной публике. Но эту главу можно ещё расширить, пожалуй, даже до размера отдельной книги. Ибо постоянно являются и новые источники. Недавно в каталоге нашёл новую книгу E.G. Senary *In Search of the Mahatmas of Tibet.* London, 1937, with illustr[58]. Не знаю, что это за книга, но просил, чтобы её заказала наша государственная библиотека. Получил на днях из-за границы книгу, с которой не успел ещё познакомиться и о которой мне упомянул Владимир Анатольевич: Otto Rahn. *Kreuzzug gegen der Oral.* 1933[59].

Да, я всегда испытывал большую любовь к греческой философии, да и к духовной культуре Греции вообще. Уже в молодости я занялся переводом греческих стихотворений, и в 1927 году вышел сборник моих переводов греческих поэтов под названием *Мелодии пчёл.* Возможно, что когда-нибудь вспомню Филоктета.

Когда я Вам пишу эти строки, Вы, должно быть, уже получили письмо Гаральда Феликсовича с извещением о его неоценимой потере. Как Вы знаете, тут был и Портрет, и Знак, далее, письмо Н.К. (№ 12), последние медицинские записи Феликса Денисовича (хотя Г.Ф. полагает, что они ничего особенно важного не представляют, но он всё же с этими записями ещё не успел ознакомиться) и, наконец, некоторые частные письма, между прочим, письмо Монтвидене о её радости служению. Конечно, все ближайшие друзья Гаральда, кому он поведал о краже, все мы с глубочайшим чувством приложили все усилия, чтобы отыскать потерянное. Больше всего нас волнует участь Сокровенных Даров. Но как-то сердечно верится, что какая-нибудь «случайность» возвратит их Гаральду обратно.

В нашей небольшой «общине» у г-жи Мисинь неделю гостила г-жа О. Крауклис. Этому факту я был очень рад, ибо ради утверждения всеобщего единения в Обществе было важно,

---

[58] *В поисках Махатм Тибета.* Лондон, 1937, с иллюстр. *(англ.).*

[59] *Крестовый поход против Грааля.* 1933 *(нем.).*

чтобы О. Крауклис ближе подружилась с семьёй Мисинь.

Листок с опечатками для II тома *Т. Д.* начну печатать несколько позднее, ко времени, когда том поступит в продажу. Один экземпляр II тома я послал Зинаиде Григорьевне, кроме того, мы дали Монтвидене, Серафинене и Литовскому обществу.

Я должен был наспех перевести несколько философских статей Р.Тагора для латышского собрания его сочинений. Чудесное сочинение его *Sadhana.* Но хотя Тагор в конце этого сочинения и прикасается к Браме как к Личному Началу, но не в такой мере, как в своей статье о *Мире Личного,* где он является чуть ли не монотеистом. Здесь он пишет между прочим:

«Therefore the one cry of the personal man has been to know the Supreme Person...

...For the ultimate reality is in the Person and not in the law and substance. And man must feel that if this universe is not the manifestation of a Supreme Person, then it is a stupendous deception and a perpetual insult to him. He shoult know that under such enormous weight of estrangement his own personality would have been crushed out of its shape in the very beginning and have vanished in the meaninglessness of an abstraction that had not even the basis of a noind for its conception»[60].

В то же время в 4-й главе *Чаши Востока* говорится: «Наша доктрина не знает компромиссов... Потому мы отрицаем Бога, как философы и как буддисты. Мы знаем планетные и другие духовные существования, и мы знаем, что в нашей системе нет такого существа, как Бог личный, либо безличный. Parabrahman не есть Бог, но абсолютный, неизменный закон...»

Снова прочёл эту главу, о которой было столько споров, и снова почувствовал, как все сказанные в ней истины мне близки. Можно ли перевести статью, которая переводчику в каком-то месте не вполне приемлема? Хотя Тагор и выработал своеобразное представление о Личном Верховном Существе, возможно, что это более синтез между западным монотеизмом и восточным пантеизмом, он говорит о манифестации Высшего Существа. Притом мы, люди, привыкли ко всему подходить через призму личного. Когда Тагор в своей поэзии иногда поёт о Мировом Мастере, мне кажется – не говорит ли он о своём Учителе?

В другой своей статье *The Poet's Religion*[61] Тагор утверждает интуитивную свободу мышления поэта:

«In the poet's religion we find no doctrine or injection, but rather the attitude of our entire being towards a truth which is ever to be revealed in its own endless creation.

...In dogmatic religion all questions are definitely answered, all doubts are finally laid to rest. But the poet's religion fluid, like the atmosphere round the earth... It never undertakes to lead anybody anywhere to any solid conclusion; yet it reveals endless spheres of light, because it has no walls round itself. It acknowledges the facts of evil; ...yet it remembers that in spite of all there is the song of the nightingale...»[62]

Но что же тогда представляет знание, если нельзя прийти ни к каким твёрдым умозаключениям? Я начал переводить эту статью, потом забросил. Конечно, здесь Тагор отчасти полемизирует с догматической религией.

В своей статье об искусстве Тагор отстаивает воззрение «1'art pour Part»[63], с одной стороны, отчасти это верно, но с другой – ведь цель поэзии самого Тагора не просто лишь радовать нас или дать нам лишь «эстетическое наслаждение», но – служить человечеству, воспитать его. Также он исключает возможность абстрактной идеи в искусстве, но тут же защищает философскую идею в индусском искусстве. Конечно, провести здесь грань – это

---

[60] Поэтому единственным стремлением человеческой личности является познание Верховного Существа...

...Ибо высшая реальность заключена в Личности, но не в законе и не в субстанции. И человек ощущает, что если вселенная не является проявлением Верховного Существа, то она – колоссальный обман и вечный вызов для него. Он осознаёт, что под таким страшным гнётом отчуждения его собственная личность изначально была бы лишена формы и растворилась в бессмысленной абстракции, которую невозможно постичь *(англ.).*

[61] *Религия поэта (англ.).*

[62] В религии поэта нет ни догмы, ни предписания; она, скорее, – связь всего нашего существа с истиной, которая непрестанно раскрывается в своём собственном бесконечном творчестве.

...В догматической религии на все вопросы даны чёткие ответы, все сомнения окончательно рассеяны. Но флюиды религии поэта подобны атмосфере, окутывающей Землю... Она никогда не берёт на себя смелость вести кого-то к каким-либо твёрдым умозаключениям, но раскрывает беспредельные сферы света, ибо не ограничена никакими стенами. Она видит вокруг себя деяния порока, но, несмотря ни на что, помнит о песне соловья *(англ.).*

[63] «искусство ради искусства» *(франц.).*

дело интуиции художника, хотя эта грань иногда трудно проводима.

Желаю Вам всё благодатное и радостное.

Сердечно преданный Вам,

Р. Рудзитис

В письме, которое я только что получил, Н.К. пишет, что вы снова больны. Шлю Вам мои самые чистые мысли любви и преданности.

Ваш *Р. Р.*

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
23-ИЮЛЯ-1938

№16

Родной наш Рихард Яковлевич!

Может быть, это письмо придёт уже к самому дню Вашего отъезда за границу, и хочется ещё раз послать Вам наши сердечные пожелания, чтобы всё в Вашей поездке было успешно. Елена Ивановна не пишет сама, ибо уже с 11 июля опять болеет, и это очень нас печалит. Вообще токи сейчас необыкновенно тяжки, мы это не только чувствуем сами, но и получаем из разных концов упоминания о том же.

Очень хорошо, что предположения относительно тигля отставлены. Мы очень боялись, что такое предприятие может вовлечь в совершенно несоизмеримые затраты, а продать тигель потом будет, по обыкновению, невозможно. Ведь то же самое ощущается и с бумагою, которая первоначально считалась настолько ценною, что её всегда можно продать даже с выгодою, но когда дело дошло до актуальной продажи, то действительность оказалась совсем иною. Вот почему мы всегда так советуем предварительно сделать все подсчёты, не оставляя ничего в неясности.

Также очень интересуемся мы судьбами магазина. Каждое дело должно установить свою репутацию с самого начала. Поправлять репутацию гораздо труднее, нежели слагать новую. У нас сложилось впечатление, что магазин уже состоялся, но о движении его никаких весточек не было. Также Вы писали, что был произведён подсчёт всего книжного актива, хотелось бы слышать и о нём. Также хочется знать о том, какие сношения магазин предпринял с другими книжными торговлями и издательствами.

Постоянно могут получаться новые полезные сведения. Так, например, Беликов пишет о своей новой работе в представительстве *Международной книги.* Такое обстоятельство может быть очень полезным, – ведь можно будет этим каналом протолкнуть и Всев. Иванова и *Нерушимое* и вообще завести новые сношения.

С другой стороны, как уже мы и писали, Булгаков может тоже в этом смысле быть полезным, если у него имеются связи с Толстовскими обществами. Не было ли чего-либо в *Сегодня* о пражском открытии, ведь там бывали корреспонденции из Праги с добрыми упоминаниями? Давали ли Вы в *Сегодня* мою статью о Яковлеве? Происходят забавные вещи: мы считали *Последние новости* враждебными, а между тем там появилась моя статья о Яковлеве. Поистине никогда не знаешь, в какую сторону качнётся маятник.

Посылаю Вам копии двух моих писем к Беликову, а также копию письма от m-me де Во. Может быть, она Вам и сама писала по поводу *Зелта Граматы,* но на всякий случай посылаю и этот её благожелательный отзыв. Наверное, у Вас соберётся целая папка таких отзывов, и, вероятно, Вы пришлёте в свою очередь копии полученных Вами, конечно, по-латышски мы не сумеем вполне прочесть. Давно мы не слыхали о К.О.Банковском и даже не знаем, как он принял фотографию портрета Е.И., которую она для него послала. Поминаю это и потому, что иногда случаются пропажи писем. Так, например, недавно мы получили от З.Г.Лихтман конец моей статьи, там напечатанной, а начало, которое было, очевидно, послано предыдущей почтой, к нам и не дошло. Дозор необходим во всех направлениях.

Ладно ли всё обстоит с перерегистрацией? Гаральд Феликсович писал, что предположено повидать кого-то из официальных лиц по этому предмету. Даже самые

простые и обычные формальности иногда могут осложняться какими-либо недоброжелателями. Но, наверное, в этом смысле уже приняты все необходимые меры. Очень странно, что Кайгородов совершенно замолчал. В давнишнем последнем письме своём он писал, что в доме пограничной стражи на острове Эзеле[64] была найдена какая-то моя картина. Мы спросили, какая именно (ибо её предполагалось перевезти в Ревель[65]), но ответа уже не последовало.

Совсем доверительно скажем, что недавно от Сеплевенко при открытке на имя Е.И. был прислан для подписи адрес, подписанный Югославской группой Асееву по поводу пятилетия его журнальной деятельности. Имейте в виду, что Е.И. не подписала этого адреса и ответила Сеплевенко, что пятилетие не принято праздновать и менее десятилетия срок слишком невелик. Но, во всяком случае, лучше бы подождали хотя бы семилетия. Всё-таки число семь лучше, нежели число пять. Не знаем, получали ли Вы какие-либо письма об этом адресе, но, во всяком случае, пятилетний юбилей может вызвать новые вражеские подкопы, а ведь ещё до сих пор приходится получать с Дальнего Востока письма с выражением удивления и сожаления, что Асеев так благоволил к Батурину. Надо бы дать заглохнуть батуринской мерзости. От самого Асеева мы не имели сведений очень давно.

Итак, ещё раз шлём Вам все наши добрые пожелания. Всегда о Вас думаем и будем рады иметь и путевые краткие весточки. В добрый путь.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Получено ещё два тома *Т. Д.* – II.

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

август, 1938

Дорогой Рихард Яковлевич!

Досылаю ещё одну значительную опечатку во втором томе *Т. Д.* Так, на странице 72, семнадцатая строка снизу, напечатано – *воображения?* вместо *возражения?*

Также, просматривая путаную фразу на странице 703, вижу, что я не ладно исправила её, потому лучше оставить как было раньше, именно – *которые восприняли,* но зато изъять на седьмой строке снизу в той же фразе слова – *заимствованную ими...*

Так, вся фраза должна читаться: «Евреи – пророк которых Моисей был так сведущ в эзотерической мудрости Египта и которые восприняли свою систему чисел от финикиян и других язычников...» Вся эта фраза в английском издании передана очень путано.

Думаю, что не следует печатать все опечатки. Есть много незначительных. А сейчас почти невозможно найти книги, где не было бы опечаток.

Сейчас понемногу прихожу в себя и уже принялась за свою корреспонденцию, накопилось её порядочно. Надеюсь, что Вам удастся съездить в Вену. Что Ваш труд? Очень ли продвинулся за лето? Получила Ваше последнее письмо 22 июля, скоро отвечу на него. Что Ваши детки? События сгущаются, потому берегите здоровье, все токи особенно насыщены небывалым напряжением. Шлю Вам и милой семье Вашей сердечный привет.

Духом и сердцем,

Е.Р.

Прилагаю для Вашего сведения только что полученное письмо от А.Каменской. Как видите, она приняла совершившееся. Думаю, что в этом отношении на неё повлияла Е.Ф.Писарева. Но, несомненно, ещё услышим критику от её «друзей».

Мне кажется, что полезно было бы предложить ей несколько экземпляров *Т. Д.* безвозмездно для раздачи среди её ближайших сотрудников. Как полагаете? Как решено с печатанием листа опечаток?

Со следующей почтой пришлю и мой ответ на её письмо и разъяснения относительно орфографии. Ведь многие эмигранты не знают, что изменение в орфографии было проведено

---

[64] Ныне Сааремаа.

[65] Ныне Таллин.

Императорской Академией наук ещё задолго до революции и лишь военное время помешало провести эту реформу.

Многоуважаемая Елена Ивановна,

Позвольте Вас искренно и сердечно поблагодарить за присланный экземпляр Вашего большого и ценного труда, перевода «Т. Д.» Е.Блаватской. Он был у нас готов в России, когда разразилась революция и всё остановилось. Думаю, что рукопись эта погибла. Потому искренно радуюсь, что Вам удалось сделать то, что мы не могли, тем более, что перевод хороший и издание великолепно. Спасибо за Ваше внимание и привет.

Всего светлого!

С лучшими пожеланиями, (Подпись.)

P. S. Жаль, что орфография советская. В таком классическом труде – особенно поражает. Ещё раз всего светлого.

А. К.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
3-АВГ-38

№ 17

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Сердечное спасибо за все Ваши милые письма, которые нам доставили столько радости. К сожалению, Е.И. чувствует себя всё ещё нехорошо, и это печалит нас всех безмерно. Внимательно следим за борьбою Гаральда Феликсовича о правде и справедливости. Конечно, такая борьба очень тяжка, но, выражаясь грубо, она является наилучшей рекламой. Быть гонимым – это есть самый высокий паспорт. Конечно, как мы всегда и говорили, будьте на самом зорком дозоре и прилагайте ко всему, начиная от частной жизни до общественных проявлений, величайшую осмотрительность. Так, например, будьте весьма осторожны с Паскевичем и Кавкой, а ещё лучше прекратите с ними сношения. Их поступки чрезвычайно вредны. Так, например, они сейчас нам прислали копию их письма, уже отосланного 9 июля, к герцогу Виндзорскому. Более сумасшедшего (если не сказать больше) поступка и не придумать, тем более что в письме ясно сказано, что они действуют по моему уполномочию, и при этом перечислены все Высокие Понятия. Словом, поступок настолько безобразен, что перед ним бледнеет предательство Тарабильды. Вот в каких опаснейших положениях приходится жить. Надеюсь, что герцог бросит это письмо в корзину, но ведь может передать его и в совсем нежелательные учреждения. Только подумать, как безобразно и вредно люди пользуются именем. Хорошо ещё, если их признают за сумасшедших, но ведь могут подумать и гораздо хуже.

Посылаю Вам две копии моих писем Ранниту и Северянину, чтобы Вы были в курсе этих обстоятельств. Может быть, Беликов судит слишком сурово, но будем иметь на всё открытый глаз. Г.Ф. пишет, что после монографии существует мысль об издании книги о латышском искусстве. Сама по себе мысль очень хороша, ибо мы всегда любим все добрые выявления местных сил. Но напомню ещё раз о необходимости заблаговременно сделать полную калькуляцию – расчёт всех-всех предстоящих расходов и средств, имеющихся в наличности. Сохрани Бог, чтобы такое издание оказалось в несносную тягость. То же самое повторяю и о нашей монографии. Очень прошу сделать всё возможное, чтобы удешевить её. Мы не могли себе и представить, чтобы можно было приступить к изданию, не решив точнейшую смету. По-прежнему говорю, что если ради удешевления Вы хотели бы сделать какие-то сокращения, то прошу Вас поставить нас в известность, и мы с радостью пойдём навстречу. Будем надеяться, что магазин разовьёт свою деятельность и все сочлены приложат к тому свои возможности. В таком деле, как магазин, важен каждый добрый совет. А ведь у каждого грамотного человека имеются какие-либо соображения из его личной книжной и писчебумажной практики. Скажу откровенно, что если бы мы знали, что цены на

воспроизведения в Риге так высоки, мы воспротивились бы вообще идее монографии в предположенном размере. Опять же будем надеяться, что магазин уже разовьёт деятельность и будет полезным каналом для распространения всех книг. Прилагаем Вам для сведения выписку из письма Асеева нам. Не странно ли, что Гудков и Эстония вместо покупки от Вас выписывают через Асеева, который должен кружным путём получать из Парижа. Очень хорошо, что *Зелта Грамата* разослана; в Индию, по-видимому, она ещё не дошла. Прилагаем Вам адрес Эми Уельш, Бхавнани и Хирьякова. Адрес Георгиева мы не знаем, а что касается до остальных, то, если понадобится, мы в Индии вышлем из наших, а Вам потом напишем. Даём Вам адрес Данилевского в Шанхае. Вы пошлёте ему и, наверное, уже послали Калантаевским. Очень хорошо, что книга производит такое прекрасное впечатление, и цена её так недорога. Вчера получены нами перечисленные в письме Р.Я.Рудзитиса репродукции из Праги.

6-АВГ. Посылали ли Вы *Зелта Грамату* Р.Тагору? Если нет, сообщите, тогда мы пошлём. (Впрочем, он, кажется, очень ослаб и даже объявил через газету, что просит всех корреспондентов ему не писать.) Е.И. всё ещё чувствует себя нехорошо. Уже давно не было такого длительного нездоровья. Конечно, и космические условия её здоровью не помогают. Надеемся, у Вас всё ладно и нет недоразумений с перерегистрацией. Второй номер *Фламмы* выходит очень удачный – только бы были подписчики. Всего светлого,

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
9-АВГ-38

№ 18

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Посылаем Вам список лиц с адресами, которым просим сейчас же послать *Зелта Грамату,* а прежде всех пошлите Чарльзу Крейну. Очень интересно, какое впечатление продолжает производить *Зелта Грамата.* Мы получили очень душевное письмо от Биресвар Сена, который только что получил книгу. Также и полковник Махон уже получил её. Все беспокоимся о дороговизне монографии. Прямо не придумаем, каким путём удешевить её. Так, Святослав думал, что если бы она выходила отдельными небольшими выпусками, гораздо более дешёвыми, то, может быть, её легче было бы распространить. Святослав говорил это на основании немецких изданий, посылавшихся Вами из Риги. Эти книги вполне интеллигентно выглядят, а в то же время необыкновенно дёшевы. Целый том даётся за полтора-два доллара, остаётся лишь удивляться, какие могут быть калькуляции, ибо, конечно, торговые издательские фирмы издают эти книги ради крупного барыша, а вовсе не для благотворения. Да, напечатать книгу ещё не значит распространить её. Вот почему мы так заботимся и о преуспеянии нового магазина. Магазин с библиотекой должен быть тоже не только благотворением, но и источником дохода. Для этого заведующий магазином должен озаботиться, чтобы создать связи не только в своей стране, но и за границей. Каждому известно, сколько хороших книг гниют на складах, а в то же время совершенно сомнительные издания быстро расходятся. И это зависит не столько от того, что публика предпочитает плохие издания, но также от того, как они преподаны покупателю. Мы с Вами наблюдали следующее: *Врата в Будущее, Нерушимое, Знамя Преподобного Сергия, Сознание Красоты спасёт* не появились ни в каких каталогах, а в то же время *Священный Дозор* почему-то был объявлен повсюду. Как именно достиг этого Зайцев, мы не могли понять, но, очевидно, он действовал от своего магазина, и среди магазинов, наверно, существует какая-то внутренняя практика и этика. Теперь, когда существует наш магазин, то и дело обмена и распространения может значительно и немедленно расшириться. Так, например, для библиотеки можно бы прибегнуть к соответственному обмену с

издательствами, библиотеками и книжными магазинами, давая им наши издания в обмен на их. Вот теперь Беликов работает в *Международной книге.* Может быть, и эта ниточка связи будет полезна. Но прежде всего посоветуйте ему всеми силами удержаться на этом месте. Для него, да и вообще для дела, это очень необходимо. Вы видите, что мы очень беспокоимся и о магазине, и в частности, и о дороговизне монографии. Как хотелось бы найти возможности всё это удешевить, а из магазина сделать настоящее доходное дело. Ведь существуют же всякие и издательства, и магазины – их больше, чем мы можем себе представить, значит, «не Боги горшки обжигают». Всего светлого.

Сердцем и Духом,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
16-АВГ-1938

№20

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Не успели мы послать Вам письмо в субботу, 13-го, как на другой же день пришли письма Гаральда Феликсовича от 6-го – потому спешу ответить теперь же. О монографии не пишу, ибо в предыдущем письме мы послали наши общие предложения и по-прежнему остаёмся при мнении, что издание по частям обойдётся и дешевле вообще, а главное, не вызовет огромных расходов сразу, к тому же и скорей появится в свет. Число печатаемых экземпляров предоставляем Вам, ибо оно имеет значение лишь для удешевления. Теперь хочется написать о другом. Г.Ф. сообщает, что требуется новое издание книг *Мир Огненный,* ч. I, *Беспредельность* и *Сердце.* Вероятно, Вы не знаете, что в Париже у нас лежит ещё очень большое количество этих книг.

Перечислим имеющиеся там книги:

Французская:
Мир Огненный, ч. I – 227
Агни-Йога – 759
Беспредельность – 363
Иерархия – 253
Криптограммы – 150
Чаша Востока – 25
Сердце – 270

Как видите, книг ещё довольно много, а кроме того, некоторое количество пропадает за Поволоцким. Не лучше ли из Парижа переслать в магазин хотя бы по сотне всех этих книг. Но дело в том, что однажды Шклявер посылал в Ригу ящик книг и он был ему возвращён по причине, как он пишет, «что на имя одного лица нельзя посылать в Латвию больше одной книги». Следует выяснить, каков сейчас закон. Если же окажется, что посылка, а в особенности в магазин, вполне возможна, то напишите нам, и мы соответственно сообщим Шкляверу. Кстати, выясните, сколько бы стоила такая пересылка, чтобы Вам знать определённо, сколько именно за пересылку Вам придётся заплатить. Думается, что любая транспортная контора Вам даст эти сведения, а вес книг Вы можете установить по имеющимся у Вас экземплярам. Из Парижа до Гавра всего два часа, а затем имеются прямые пароходы. Таким образом, пока ещё преждевременно думать о втором издании.

Г.Ф. сообщает любопытные сведения касательно перерегистрации. То, что Вам пришлось выслушать, более чем прискорбно. Как бы в конце концов не было предложено даже подписать картины каким-либо другим именем. Если Общество зародилось вокруг определённого обстоятельства, то нельзя же сделать бывшее небывшим. Невозможно переименовать Пакт или сказать, что картины принадлежат кому-то другому. Например, если существует Общество Сведенборга, то каким же другим именем можно заменить его? Помянутые разговоры тем более странны, что только что вышла *Зелта Грамата,* которая

сама по себе уже говорит о чём-то совершенно определённом. Неужели же и моё отношение к Латвии, выраженное в моей статье, тоже никому ничего не говорит? Конечно, будем надеяться, что это всё останется где-то в пространстве без результата, но всё-таки странно, что Вам приходится слышать такие вещи от лица, которое, как кажется, Вам симпатизирует. Если это происходит в таких, самых лучших, кругах, то что же творится во вражеском стане? Странно видеть, что самые общечеловеческие идеи где-то подчиняются узким воззрениям, которые, как показывает история, никогда до добра не доводили. Ренессанс происходил всегда от широких мировоззрений. Во всяком случае, мы всё время пишем о необходимости дозора во всех направлениях. Вы очень хорошо делаете, что не оставляете дело до каких-то непоправимых решений, а действуете заблаговременно, чтобы показать обоснованность и непреклонность Ваших намерений. Увы, среди происходящих смятений нужно всегда предпосылать наихудшее и уже из него улучшать положение.

Очень рады, что Г.Ф. пишет благоприятно о первых шагах магазина. Такое дело, при издательстве, а может быть, и при библиотеке, может стать вполне доходным. Такая самодеятельность как нельзя более соответствовала бы всем нашим идеям. Вероятно, уже налажены связи с Литвой и Эстонией, а также и с заграницею. Несомненно, что книжные магазины и издательства имеют между собою какие-то особые условия.

Удивляемся, что до сих пор не было корректуры портрета из Праги. Ведь он был снят в первой половине июня, и теперь по крайней мере корректура уже должна быть готова. Опасаемся, не было ли каких-то затруднений с ретушёром и не пришлось ли снова переснять портрет. Слишком ретушированные вещи всегда теряют остроту. Посылаем выписку из письма Булгакова, может быть, она пригодится или *Для вас,* или в Литву, – Вам виднее. Как видите, положение в мире остаётся армагеддонным. Не успевает произойти удачное разрешение обстоятельств в одном месте, как сразу возникают осложнения в другом. Сегодня Владимир Анатольевич очень доволен – поступил заказ на 20 экземпляров конлановской монографии[66]. А сейчас каждая подписка уже является решающей для дальнейшей судьбы *Фламмы.*

Удалось ли Рихарду Яковлевичу уехать, как предполагалось, 15-го. Всею душою хочется, чтобы поездка дала и отдых, и удачное лечение. Воображаем, как сейчас изменилась Вена. Замолчала наша бедная фрау Мюллер. Имейте в виду, что мы пишем З.Г. Лихтман о том, что некоторые книги, изданные в Америке, в особенности же русские, могли бы быть посланы в магазин. Но опять-таки нужно установить, какой способ для этого наилучший, – Зинаида Григорьевна опасается, что пересылка будет дорого стоить, но для магазина она увеличит актив. Напишите, что Вы об этом думаете. Здоровьем всё ещё не можем похвастаться. Привет всем.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
24-АВГ-1938

№21

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Хочется добавить – и Иван Георгиевич, ибо то, что пишу, вызвано его вчерашним письмом. Пожалуйста, прочтите прилагаемое обращение к членам, чтобы все окрылились нашими добрыми пожеланиями роста магазина. Повторяю, что это дело должно быть поистине общим делом, и тогда каждому будет интересно внести и свою лепту в строение и в рост магазина. Книжный магазин – красивое дело – лучший вид торговли. Книговедение непростое дело, оно требует особенной преданности и широкого взгляда.

---

[66] Conlan B. D. *Nicholas Roerich: A Master of the Mountains.* – Liberty – Indiana – USA: *Flamma,* 1938. – *Николай Рерих. Мастер гор (англ.). – Г. Р.*

Мы получили проектированный каталог. Не думаете ли Вы, что его можно показать ещё более убедительно, так, например, можно бы всё разбить по языкам. Первый отдел будет латышский, второй – русский, затем английский и потом пойдут литовские, эстонские, болгарские, польские, французские и т. д. В таком случае каталог можно рассылать действительно повсюду, и он сразу произведёт гораздо более полное впечатление. Кроме того, в каталог ещё не внесены некоторые имеющиеся в распоряжении книги: например, *Фламма,* журнал *Урусвати* за три года, затем библиография 1936 года, все издания по прилагаемому списку. Кроме того, все издания по Пакту – и литовское, и польское, и теперь и шанхайское. В таком дополненном виде каталог выйдет в 8 страниц, и если он будет размеров *Фламмы,* то мы будем включать его в каждый наш номер. Размер *Фламмы* вполне удобен, ибо он может сворачиваться пополам для рассылки. Пожалуйста, пришлите нам воздушной почтой новый макет этого каталога, и мы его с удовольствием просмотрим и, если нужно, ещё дополним. В новом каталоге репродукции, конечно, составят отдельный параграф. Раз на первой странице имеется слово *Угунс,* то хорошо бы поставить и маленький знак. (Если почему-либо Вы не можете поставить знак на всех каталогах, то хотя бы на тех, которые пришлёте сюда.) На каждый номер *Фламмы* в будущем потребуется по 300 экземпляров. Чтобы не задержать, если Ваш второй макет будет хорош, то мы ответим телеграммой, одним словом: *approved* (хорошо). Для магазина хороший каталог будет иметь колоссальное значение. Вы попросите также и Булгакова и Шклявера, Писареву, Фельшоу, Данилевского, Томашевского, Калантаевскую, Инге, Фосдика, Янушкевича и, конечно, всех литовских и эстонских друзей распространять этот каталог. Попросите Роота послать каталог в Финляндию сыну Репина. Конечно, и по всем латвийским группам: Двинск[67], Лиепая, Вентспилс, Тукумс и т. д. Мы, конечно, только поминаем друзей, а рассылка должна пройти по издательствам всего мира и по всем магазинам, также и по культурным обществам (по *Минерв*[68] или по другим соответственным изданиям). Итак, поскорей пришлите нам новый макет каталога, чтобы это полезное для магазина и всех дело двинулось бы возможно скорее. Не думаете ли Вы, что на восьмой странице могло бы быть объявление о *Фламме,* – но для присылаемых сюда экземпляров пусть эта страница будет белая. Сюда нам пришлите хотя бы на два номера, то есть 600 экземпляров каталога. Сердечно хочется, чтобы издательские и книжно-магазинные основы стали твёрдо. Заведите очень точную отчётность. Не запускайте её, ибо в книжном деле всё состоит из копеек, из которых могут складываться огромные суммы.

Только вчера мы видели в американском журнале фотографию жены издателя газеты *Вашингтонская почта* – эта дама приобрела один из наибольших бриллиантов мира и на фотографии видно, что она действительно вся усыпана драгоценными камнями. А ведь каждое такое издательское дело в своё время начиналось буквально с копеек. Знакомясь с биографиями больших издателей, можно изумляться, как происходили эти накопления. Из русских издателей в этом смысле представляют удивительный пример Сытин и Маркс. Оба начали чуть ли не мальчиками-разносчиками и окончили большими миллионерами. При этом оба вовсе не потакали дурным вкусам толпы, а знакомили с произведениями лучших авторов.

Также, пожалуйста, сообщите нам о следующем: дело в том, что хранящиеся здесь у нас архивы переписки и прочие матерьялы постоянно подвергаются порче от местных насекомых. К сожалению, все архивы Индии очень быстро уничтожаются от этих маленьких вредителей. Является мысль послать наш архив в Общество, но прежде всего является вопрос, имеется ли у Вас какое-либо помещение и велико ли оно, а затем, каким образом можно посылать книги и переписку, чтобы избежать каких-либо таможенных затруднений и расходов. Пожалуйста, сообщите Ваши соображения по этому вопросу. Содержание архива и книг, как Вы знаете, исключительно философско-культурное на русском и английском языках.

27-АВГ. Спасибо за письмо Ваше от 16 августа с приложениями. Вполне понимаем Вашу осторожность во всех действиях – ведь и вы видите, как напряжено всё пространство. Согласны с Вами касательно Писаревой о сокращении её привета. О Паскевиче и Кавке мы

[67] Ныне Даугавпилс.
[68] Немецкий справочник.

Вам уже писали – воздержитесь от них. Не странно ли, что даже за лечение нельзя иметь валюту. Правильно поступаете, оберегая перерегистрацию. Адрес Томашевского тот же, как Данилевского, уже Вам сообщённый. В трудные дни шлём Вам бодрые мысли.

Сердцем и духом,

Н. Р.

Мы получили мартовское письмо от И. Мюллер, но не отвечали, чтобы не обременить её ввиду её сообщения Вам, что сейчас переписка трудна. Передайте ей при случае привет.

Пожалуйста, подтвердите Серафининой, что для образования Комитета Пакта никаких наших формальностей не нужно, просто заявят нам состав Комитета.

———

Николай Рерих Латвийскому обществу

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
24-АВГ-1938

Дорогие Друзья!

Вчера мы получили письмо от И.Г. Блюменталя (14 августа) о положении дел во вновь открытом магазине. Хочется обратиться ко всем Вам, ко всем членам Общества, чтобы все посмотрели на магазин как на самое близкое дело. Магазин может быть поистине золотым делом и по внутреннему значению, и по своей доходности. Магазин может положить начало международным сношениям с издательствами, магазинами и отдельными авторами. Каждый из нас знает, что одно дело напечатать книгу, а другое дело, не менее большое, её распространить. Весь этот опыт накопляется не сразу, но тем безотлагательнее его нужно начать. Магазин основывается не для того, чтобы просуществовать на ранее изданных книгах, но чтобы расти и дать настоящий доход, который может быть употреблён на просветительные цели. Мы очень рады слышать, что на улице, где находится магазин, помещаются три школы. Если эти школы женские, то руководительница нашей женской секции г-жа Драудзинь могла бы посетить заведующих этими школами и осведомиться, какие именно учебные пособия могли бы быть особенно полезны в этих школах. Какие именно нужны писчебумажные принадлежности, карандаши и всякое прочее школьное снаряжение. Вообще следует установить дружеские отношения со школами, чтобы и все учащиеся смотрели на магазин как на очаг, им близкий. Может быть, для начала добрых сношений можно бы предложить школам какие-либо обрамлённые воспроизведения, которые могут быть даваемы в виде премий за успехи. Сама жизнь может показать, как многообразно следует отзвучать на живые потребности и старшего, и младшего поколения. Жизнь заставит делать и внутренность магазина и оконную выставку привлекательной, чтобы каждому захотелось унести что-либо полезное в свою семью. Конечно, магазин может выставлять и афиши о разных концертах, представлениях и лекциях и прочих культурных проявлениях страны. Может быть, установится какой-то час перед окончанием [работы] магазина, когда, возвращаясь с работ, члены Общества и друзья будут заходить туда для взаимного обмена. Мало ли новых предложений и вполне выполнимых мыслей может быть выявлено во время таких встреч. Главное же – считайте магазин Вашим общим культурным достижением, полюбите это просветительное дело и внесите в него всё Ваше доброе желание и знание. Действуйте планомерно, не зарывайтесь, но оставайтесь на твёрдой почве. Храните в себе уверенность, что магазин при благоразумном и обдуманном ведении может вырасти в огромное полезнейшее дело.

В добрый час.

Н. Рерих

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

27-8-38

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Посылаю Вам по указанию Великого Владыки Беседу о радости бытия, которая так близка сердцу моему.

«Вы знаете, насколько существенна радость бытия. Она не только лучшее целебное средство, но и прекрасный пособник Общения с Нами. Откуда же возникает это бодрое чувство, которое зовём радостью бытия? Почему такая радость не обусловлена богатством или самодовольством? Она может возникать среди самых тяжких трудностей и гонений. Среди напряжений такая радость особенно ценна и целительна. Мы называем её радостью бытия, ибо она не зависит от личных обстоятельств, от удач и выгод. Она проявляется как предвестница наивысших токов, которые одухотворяют всю окружающую атмосферу, иначе не будет причины к такой радости.

Можно ли ожидать радость среди болезни, среди несправедливости, среди оскорблений, но и в таких обстоятельствах иногда могут загореться глаза, может подняться поникшая голова и нахлынуть новые силы. Человек начнёт радоваться жизни, может быть, не своей земной жизни, но реальному Бытию.

Какие сильные мысли придут к человеку, который восчувствовал радость бытия! Около него очистится атмосфера и даже окружающие почувствуют облегчение, и Мы улыбнёмся издалека и одобрим улучшенный провод. Мы даже будем признательны, ибо каждая бережливость энергии уже есть благо. Каждый, кто намеревается преуспеть, должен помнить о радости бытия. Каждый, кто хочет приобщиться к лучшим токам, пусть помнит, каким путём он приблизится к Нам.

Не нужно выдумывать особо научные причины к такой радости, она приходит через сердце, но останется вполне реальной. Среди неё и зовы скорее донесутся.

Мыслитель иногда собирал учеников на беседу, которую называл пиром радости, тогда подавались лишь ключевая вода и хлеб. Мыслитель говорил: “Не запятнаем радость вином и роскошью пищи, радость превыше всего”».

Да, радость бытия превыше всего. Как эти слова отзвучат в моём сердце! Ведь эта радость есть радость исполняемого земного подвига или порученного задания. Радость эта таится в глубинах существа нашего и ярко возгорается, когда тяжкие обстоятельства и жестокие несправедливости натягивают все струны сердца. В таком напряжении мы можем приобщиться к мощному звучанию сердец Великих Братьев, прошедших многовековые и тягчайшие земные пути. Именно каждый служащий общему благу в особо тяжкую минуту своего земного прохождения озаряется сознанием высшей радости исполняемого долга, и перед завершением радость эта сливается в торжественный аккорд великой радости Бытия, который звучит во Вселенной поверх всех преходящих проявлений.

Каждый жизненный подвиг на благо человечества безмерно усиляет мощь радости бытия. Приобщимся же к этой чистой и высшей радости. Она порождает и ту торжественность, которая так повышает всю атмосферу в окружении нашем.

Знаю, родные, что Беседа эта близка духу Вашему и Вы оцените всё значение её. Прочтите её друзьям и последователям Учения Живой Этики. Пусть сердца их зазвучат на эту великую реальность бытия.

От всего сердца шлю Вам лучшие посылки. Бодро и мужественно переживём трудное время, зная, что всё происходящее не может изменить конечного решения Благих Сил.

Духом с Вами,

Е. Рерих

Привожу ещё одну Беседу, которая как бы дополняет первую:

«Вы знаете, что герои и мученики слагают народ. Что же в этом нового, когда Пифагор и гораздо раньше его уже знали такую истину? Но все истины должны быть пересмотрены перед ликом науки – так говорят учёные, и они правы.

Что же представляют собою герои и мученики? В смысле энергетическом они составляют как бы живые вулканы, извергающие напряжённые энергии. Действительно, такие напряжения необходимы для эволюции. Таким образом, мы снова приходим к сочетанию этики с биологией. Учение Новой Жизни показывает, что энтузиазм и есть

благословенное напряжение. Люди не могут быть без этих ведущих вспышек. Если в Космосе взрывы будут созидательными импульсами, то и взрывы человеческие также нужны для эволюции.

Многие называют героев и мучеников фанатиками, но не любим это определение, оно лишь затемняет лучшую сторону героизма. Наоборот, истинный герой знает учение самоотвержения. Он идёт не для поражения чего-то, но для лучшего приложения своих сил.

Невозможно спорить против мнения, что мученики сейчас не существуют. Иные думают, что такие понятия принадлежат ветхой древности. Неправда, постоянно усиливаются как героизм, так и мученичество, но всё идёт в массы народа и потому трудно различимо. Нужно не раз повторить, что народы создают совершенно новый ритм жизни.

Мыслитель знал, что толпы обратятся в народы и тогда будет оценён труд самоотверженный и героизм».

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[69]

Таллин, 27. VIII. 38

Н.К.

Как видите, живу уже неделю в Таллине и завтра утром уеду обратно в Ригу. Уже приготовился ехать в Вену, но в последнюю минуту получил письмо из Таллина и решил поехать вместо юга на север. В Таллине живёт эстонец Пабсон, симпатичный человек, устремлённый на помощь ближнему, он лечит по методу внушения-самовнушения Куэ, он имел большие успехи, между прочим, когда-то вылечил Блюменталя и Беликова от курения и пр. Конечно, метод самовнушения всегда полезен, поэтому и я поучился у него. Он розенкрейцер, и мы много беседовали, его взгляды близки Живой Этике. Между прочим, свою брошюру о флетчеризме[70] и вегетарианстве он издаёт на русском языке. Чувствую в общем себя хорошо, хотя никогда не наблюдал ежедневно столько чёрных звёздочек, как здесь.

Теперь о наших друзьях в Таллине. Я всё время жил у Беликова в лесном парке (Nomme), и мы ещё больше подружились. Его простота и скромность, его глубокая серьёзность, чувствуется в нём даже какая-то измученность – результат бывшей чахотки. Учением он не только интересуется, но и старается его везде провести в жизнь. В свободное время читает также другие культурные книги, я только что застал на его столе книгу о Парацельсе, изданную в Швеции. Он собрал более 50 репродукций с Ваших картин, которые все поставил под стекло, большую часть послал в Нарву на выставку Ваших репродукций и книг, которая откроется, кажется, в октябре. Он любит и новейшую русскую поэзию, хотя в нём самом как-то хотелось бы больше поэтичной звучности и полёта, хотя на склад его существа, безусловно, свой отпечаток наложила и слабость здоровья. Но, конечно, дух его с течением времени расширится, ибо я вполне уверен в успешности его саморазвития.

Притом он ещё молод. Он всегда деловой. Говорит сжато, сравнительно медленно. 24-го вечером он собрал у себя свою небольшую группу – кроме него и его супруги, были ещё Иванова и Абрамов. Пеаль уехал в Ригу. Кроме того, присутствовал Блюменталь, по делам службы случайно приехавший в Таллин. К осени к группе Беликова присоединится, должно быть, ещё пара лиц. Молодая супруга Беликова, чуткая душа, для её молодых лет даже слишком серьёзная, оставляет впечатление как бы измученной, усталой. Она вскоре должна будет уехать в деревню учительницей, так как на средства мужа (всего 60 крон в месяц) три человека существовать не могут – мать Беликова всё ещё очень больна.

Теперь о Ранните. Хотелось объективнее войти в его душу, но пока до ключа его сердца не добрался, хотя встретился с ним уже три раза, он приехал лишь позавчера в Таллин. Сперва он приехал ко мне в Nomme, где мы два часа беседовали о литературе, второй раз я его встретил в кофейной, где он ежедневно бывает по утрам и вечерам. Эту кофейную

---

[69] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

[70] Речь идёт о системе американского врача-физиолога Флетчера (Horace Fletcher), рекомендовавшего, в частности, длительное пережёвывание пищи.

содержит его друг – молодой композитор Фейшнер, и здесь собираются художники и музыканты. Но у каждого человека есть своё святилище у себя дома, куда он приглашает своих редких гостей, но меня Раннит туда не пригласил, и получилось впечатление, что он больше времени проводит в кофейной. Психологически я это вполне понимаю, но не органически, ибо мне было душно в той дымной атмосфере. Он служит декоратором в одной фирме мануфактурных товаров. Секретарь Комитета Таллинского общества Тамм сердится на него за то, что он несколько раз не являлся на заседания Комитета, в то время как в кофейной он бывает регулярно. Раннит переменил свою фамилию, раньше назывался Долгашев – по отцу-русскому, мать его – эстонка. Конечно, он сердечен, но хотелось бы расслышать звучание его сердца. Возможно, что завесу приоткрою сегодня вечером, когда с ним встречусь на полчаса и вместе мы пойдём к художнице Карине Лугис (которой он посвятил стихотворение). Кайгородов тоже приедет лишь сегодня вечером в Таллин, и в половине пятого зайду к нему, потом и напишу Вам свои впечатления.

Вчера на минуту познакомился также с секретарём Комитета Таммом – деловой человек, долго проживал в Америке, журналист. Обещал ускорить издание эстонской книжки о Вас, где, как известно, будет помещена также его статья.

Далее, был очень рад, что гостил у председателя Комитета Э.Таски в его магазине (художественных изделий по коже, там же и его худ. переплётчик) и целый час с ним беседовал. Он всегда так занят, что нелегко его встретить. Первое, более внешнее, впечатление от него было вполне благоприятное, нравилось его простое добродушное эстонское лицо. Также его оценки и отношение к существующим обществам в общем были довольно правильны. Но он мало ещё вошёл в наше движение, отчасти из-за своей большой занятости, отчасти и оттого, что ещё не проявил весь свой интерес. Говорил, что он только временно председатель, что, когда Общество утвердится, место председателя придётся предоставить тому, кто менее занят. Я старался, сколько мог по его сознанию, пояснить направление, в каком он может действовать в своём Обществе, и цели нашего движения. Говорил, что ему нечего бояться, что членам Общества нечего будет делать (такое опасение было высказано на последнем заседании Комитета). Я советовал прежде всего по юридическом утверждении Общества пригласить в Общество лиц также других профессий, например, людей науки – профессоров, у них уже имеется проф. Старкопф (в Тарту), который предложил Комитету свои услуги. Потом я советовал привлечь молодёжь, например, Раннит привлечёт из литературно-музыкальной среды, Беликов – из своей. Тогда возможно будет создать различные кружки или секции, которые и смогут проявить активную деятельность, устраивая литературно-музыкальные вечера, рефераты, выставки и пр. Таска жаловался, что в Таллине ещё мало популярны как Общество, так и Ваши картины. Я советовал устроить небольшую выставку Ваших репродукций и книг, какая, например, теперь предвидится в Нарве, но, конечно, в той мере, как то разрешает художественный такт, лучше при каких-нибудь лекциях о Вас и т. д. Пожалуй, можно устроить даже небольшую выставку Ваших оригиналов, и возможно, что мы сможем для выставки дать из нашего музея, с Вашего согласия, 5–6 картин. Он согласился, что хорошо было бы для этой цели отвести небольшую комнату в Таллинском художественном музее или на выставке Культурного фонда, которая предвидится в конце октября или в мае следующего года. Идея эта ему очень понравилась. Он согласился, что в доме Kunsthaus, где они теперь собираются, надо было бы найти одну постоянную комнату и для Общества. Я сказал, что в случае надобности мы можем им одолжить на время нашу монографию *Гималаи,* как и другие книги. Далее, он сам предложил продавать в своём художественном магазине (в Kunsthaus) репродукции с Ваших картин, и я обещал прислать комплект через Беликова, который уже теперь распространяет наши репродукции. Наконец, говорили об издаваемой эстонской брошюре. Чувствуется, что есть некоторая боязливость и неуверенность, где взять средства (Беликов уверяет, что средства соберут с членов Комитета). Мы прислали для брошюры свои клише, но Таска намекнул, нельзя ли получить уже готовые репродукции из Нью-Йоркского Музея, ибо... «Вы же получаете оттуда какие-то пособия». Тогда я постарался его разубедить во всей нелепости о богатом «американском дедушке», который как будто даёт средства и другим обществам, в том числе и Рижскому обществу. Я также осторожно касался вопроса Нью-Йоркского Музея, чтобы туда не обращались и т.д. Он поразился также, что у нас минимальный членский взнос (исключая тех, кто по несостоятельности совсем не платит) –

один лат в месяц, тогда как в их обществах платили обычно 2–3 кроны в год. Вообще удивлялся нашей филантропии и энтузиазму в издании книг. Согласились, что в Балтийских странах филантропия не в моде, но что надо преобразить сознание. Под конец, когда я его увещевал об ускорении регистрации статутов, Таска совсем странно ответил: разве это так спешно, у нас ведь временный Комитет может собираться и выступать. Да, как говорят, Таска неплохой человек, но он долог на решение, он ещё не вполне вник в движение и его надо раскачивать, ибо он чисто эстонская натура.

Был я также у инженера Бушмана, он скоро едет снова во Францию, а возможно, и в Америку. Всё увеличивает число отзывов о своём плане, весною просил и меня, теперь обращается и к некоторым латвийским деятельницам и пр. Хотя и дух фантастичный, в нём нечто детское, но возможно, что свой проект когда-либо проведёт и на деле, ведь с неуклонной энергией он разъезжает и обращается к различным деятелям мира.

Далее был у художника Нимана, тоже члена Комитета, познакомился с его картинами. Помимо своего имени, он, должно быть, большой роли здесь не играет. Другого члена Комитета Гринберга, к сожалению, не удалось застать дома. Он был прислан как делегат Культурного фонда на наш конгресс. Он живёт на окраине города совсем одиноко и его считают каким-то чудаком, хотя при встрече произвёл впечатление общительного.

Роота и Милленда тоже не застал, ибо ещё не приехали из деревни.

Сегодня вечером, при последней встрече, почуял глубокий дух Раннита. Как метко о нём сегодня выразился Кайгородов: «Он ещё молод, он ещё богемист, но у него данные, он когда-нибудь пойдёт по другому пути». И я в это верю. Мы разговаривали о Ваших трудах, которые его увлекали, единственно его «меньше интересовал религиозный элемент». В общем, его поле знания – литература.

Как встретился с Кайгородовым? Я с ним познакомился уже в Риге. Он только что приехал из Печоры и привёз целую сюиту прекрасных эскизов, с которыми меня и познакомил. Рассказывал, что этим летом следовал по Вашим стопам, был в Печоре и Изборске, рисовал курганы и т. д., собирается Вам лично описать свои впечатления. В Печоре какой-то Конев, руководящий обществом местной молодёжи, сильно интересуется Вашими идеями, а в Изборске – Макаровский. Вашу картину в Аренсбурге[71] видел сам директор Таллинского художественного музея, он обещал её привезти в Таллин. Кайгородов ему снова напомнил. Мы также переговорили относительно небольшой выставки Ваших оригиналов в Таллине, которая должна вызвать большое внимание, и здесь возможно будет при одном [музее] открыть также выставку репродукций. Кайгородов обещал развить также музыкальную жизнь в Обществе, так как он старый скрипач. Я предложил обратиться к г-же Пяте, супруге вице-министра и постоянного члена Комитета, не пожелает ли она войти в правление Общества, так как она раньше интересовалась движением, притом, как передают, она культурная и энергичная дама. Кайгородов с радостью согласился. Общество собираются открыть 6 октября.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
6-СЕН-38

№23

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письмо Ваше из Таллина от 27 августа. Очень интересно, какое следствие вынесли Вы от системы Куэ. У меня всё время является мысль, что во время приближения приступа нужно иметь под руками стакан воды или чая и, не делая никаких дальнейших попыток к говору, сделать глоток или два, чтобы таким порядком прервать нервное напряжение. В конце концов, всё это – исключительно нервное и прерывать приступ можно лишь каким-то воздействием на нервы. Интересно знать – специалист, у которого Вы были,

[71] Ныне Кингисепп.

не указывал ли Вам тоже на полезность своевременного глотка? Мы лично наблюдали два случая – в одном И.Я.Билибин всегда пытался форсировать напряжение и тем лишь усугублял его. А в другом случае один наш родственник, чувствуя приближение напряжения, всегда замолкал и делал глоток, даже если не было под руками какой-либо влаги, то он как будто глотал слюну и тем перебивал напряжение. Сообщите нам, какое Вы вынесли впечатление от таллинского специалиста.

Очень интересны Ваши наблюдения над Беликовым и Раннитом и Таскою. В конце концов, их можно лишь поощрять, но так или иначе понуждать невозможно. Пусть в каждом городе местные силы сами осознают полезность культурного единения. Интересно, что в ответе на *Зелта Грамату* Гагемейстер пишет, что и она предполагает участвовать в нашем Обществе. Вообще, чем разнообразнее будет состав, тем лучше. А затем они могут разбиваться на группы и секции, погружаясь в области, им наиболее близкие.

Посылаю Вам письмо некоего Воронецкого из Бухареста и копию ответа ему. Мы его совершенно не знаем и предполагаем, что он имеет сношения с Тарасовым. Конечно, следует проявить крайнюю осмотрительность в таких сношениях. Но если предположить на минуту, что Воронецкий имеет какие-то средства и желает искренно распространять книги, то это всегда можно урегулировать, не входя в рискованные обязательства. Странно, что все они толкуют о дороговизне изданий, а ведь все мы только и стремимся к тому, чтобы дать эти книги в наиболее общедоступном виде. Конечно, если бы нашлась возможность давать книги ещё дешевле, то ведь и Вы и мы лишь радовались бы этому. Пожалуйста, держите нас в курсе переписки с Воронецким.

Получили три экземпляра латышской *Зелта Граматы.* А также копии благодарностей за эту книгу, но среди них ещё не было шведской. Не говорил ли Вам Беликов о налаживании сношений с Швецией? Я ему писал об этом, и, по-видимому, он должен был получить моё письмо ранее свидания с Вами. Конечно, если Раннит не звучит на религиозность, то, конечно, не следует «тащить за волоса в рай». Всё приходит в срок.

9-СЕН. Пришли письма от Рихарда Яковлевича от 29-го и три письма от Гаральда Феликсовича от 29–31 августа. От души желаем Р.Я. удачной поездки в Вену. Спешим ответить на все вопросы Г.Ф. касательно монографии. Со временем Вы все вполне оцените удобство издания по частям. На третьей странице статьи Голлербаха на второй строчке можно прибавить после слова «Америке» – «и в Европе». А затем ниже вместо слов «стране Советов» можно поставить «русскому сознанию». В остальном не видим ничего, подлежащего изменению. Если статья Всев. Иванова уже набирается, то пусть она и останется для первой части монографии, как прежде указано, на втором месте. Перевод статьи Конлана полезно сделать, ибо он пригодится для русского издания второй части монографии. Таким образом, в первую часть войдёт: предисловие, Голлербах и Иванов. А в английскую: предисловие, Бабенчиков и Конлан.

Во вторую часть русскую войдёт Конлан, а остальное для второй части мы укажем со временем. В третьей части (если она осуществится) будет библиографический матерьял и ещё какие-либо соответственные статьи. В списке у Вас имелось 150 воспроизведений – значит, для первой части, во всяком случае, не требуется никаких добавочных. В первую часть, таким образом, войдут последние картины, и это обстоятельство мы отметим в предисловии. Для первой части однотонные будут, кроме семи серии *Тибет* и четырёх указанных последних русских: № 255 *Река Жизни* (номера по Вашему последнему списку), 249 *Струны водопада,* 245 *Оттуда,* 243 *Армагеддон,* 237 *Цейлон,* 233 *Голоса Монголии,* 229 *Огненные мысли,* 225 *Лотос,* 219 *Генисаретское озеро,* 215 *Звенигород,* 207 *Путь на Кайлас* (не в Кайлас, как было раньше), 199 *Ранние звоны,* 173 *Лик Гималаев,* 171 *Монгольский лама,* 166 *Будда Дающий,* 163 *Тибетский лама,* 159 *Монгольский Тцам,* 157 *Мадонна Орифламма,* 129 *Купава,* 127 *Лель и Снегурочка,* 125 *Юн-Канг,* 119 *Кони счастья,* 115 *Белуха.* Таким образом, Вы имеете вполне достаточное количество для одноцветных и большинство из них имеют готовое клише. Ранее упомянутая серия *Тибет* (которую непременно нужно поместить не разбивая) по списку значится от 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142. Для верности пришлите нам корректурные оттиски. Английский текст предисловия Вы получите от Шклявера. Итак, бодро вперёд.

Сердцем и Духом с Вами,

Н.Р.

Мы тревожимся, отчего так затянулось воспроизведение пражского портрета. Вообще, хорошо бы получить все заказанные из Праги воспроизведения в Ригу по возможности скорее.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

10-9-38

Доверительно.

Дорогой Рихард Яковлевич!

Так радовались, прочтя в письме Гаральда Феликсовича, что Ваша поездка в Таллин оказалась столь удачной. Но, видимо, поездкой в Вену Вы желаете ещё лучше закрепить достигнутые результаты. От всего сердца посылаем Вам лучшие утверждения полного выздоровления.

Относительно Тагора должна сказать, что я очень люблю его облик и большинство его литературных произведений, но как отобразителя индусской религиозно-философской мысли я предпочитаю Вивекананду. В Тагоре нет той огненности, той динамичности, которая так характерна была для Вивекананды. Тагор воплощённая мягкость, и сам голос его – высокий тенор – представляет удивительный контраст с его патриархальной внешностью. Может быть, в этом следует искать ключ к некоторой двойственности, присущей ему.

Думаю, что Тагор отстаивает воззрение «искусство ради искусства» под влиянием Запада. Сама формула «искусство ради искусства» не лишена глубины, ибо, в конце концов, всё сводится к искусству. Искусство ведь есть искание и выражение высшего совершенства во всём. Потому каждое устремление, каждое действие человека, совершенствуясь в выражении своём, приближается уже тем самым к области искусства. Сама Природа есть выражение высшего искусства в постоянном творчестве. Потому эту формулу можно было бы перефразировать – совершенство ради совершенства. В конце прошлого столетия среди художников поднялся очередной протест против чрезмерно доминировавшего тогда значения сюжетности в картине. Сюжет картины ставился на первое место и чисто художественные задачи отходили на второй план. Тогда на Западе и возникла эта формула – «искусство ради искусства», и она оказала большую пользу. Но, как всегда, и эта полезная ступень с течением времени выродилась среди посредственностей в самые нелепые формы до изображения так называемых «абстрактных» картин, на которых ничего нельзя разобрать.

Но теперь подходит новая ступень, ступень синтеза, и нужно уметь сочетать чисто художественные задачи с творческою мыслью и прекрасною формою. Эстетическое наслаждение наше должно тоже соответственно расшириться, чтобы вместить искусство во всей его полноте. Все Музы должны быть призваны к участию над единым произведением искусства. Каждый творец должен впитать основы всех искусств, чтобы на них создавать своё произведение.

Именно искусство должно служить возвышению сознания человечества, но ставить ему какие-либо ограничения в способе выражения его – невозможно. Понятие искусства уже отвергает всякое безобразие, и потому *красота* остаётся единственным *мерилом его.*

Но, кажется, сам Тагор уже больше не исключает возможности выражения абстрактностей в картинах, ибо он занялся художеством и эти его попытки иначе, как «абстрактностями», назвать нельзя. Тагор чудеснейшая душа, и, прежде всего, душа тонкого поэта, потому принесём ему наше почитание.

Теперь относительно многоликости поэта в его представлениях Божества. Поэт, обращаясь к Высшему Существу, духом подымается к высшему образу красоты проявленной, и где же искать эту красоту, как не в высшем для нас символе, в облике венца Творения? Но Высшее Существо восточного сознания бесконечно разнится от Высшего Существа в представлении Запада: его Высшее Существо неотделимо от своего Творения. Его Творение и есть Он Сам. Восточное сознание, в противоположность западному, в основе своей синтетично и привыкло всё объединять и *вмещать.* Потому оно чтит Великое Начало под всеми Его Аспектами, ибо все Аспекты и все Пути принадлежат Ему.

В Упанишадах сказано: «Высшее Существо всё проникает собою, стало быть, оно

прирождённое достояние каждого». И каждый индус впитывал это понятие с молоком матери. Восточное сознание, привыкшее рассматривать себя как частицу единой беспредельной жизни, проявляющейся в бесконечной фантасмагории сменяющихся миров и тварей, легко вмещает все формы таких проявлений. Он знает, что сам он есть лишь отображение Высшего Существа, которое находится в постоянном процессе раскрывания своей беспредельной сущности.

Риши Индии, в глубокой мудрости своей, знали об эволюции или раскрывании единой беспредельной жизни и понимали, что человеческое сознание может восходить к Истине лишь привычными ему символами, потому, наряду с высшим представлением Несказуемой Тайны Бытия, они дали ему величественную шкалу прекраснейших Образов, чтобы вызвать и воспитать в нём всю гамму тончайших оттенков чувств, представлений и мыслей. Потому представление о Высшем Существе всегда вполне соответствует той ступени развития, на которой находится человек.

Великая красота заключается в осознании беспредельной жизни, беспредельной эволюции, в осознании единства в многообразии всего сущего и, следовательно, основного равенства. Но не меньшая красота и в представлении беспредельной мощи человеческого ума и его мыслетворчества. Высшая Жизнь проявляется в неисчислимом разнообразии проявлений Природы, и человек, её создание, в свою очередь, призван творить в доступных ему образах и представлениях. Потому поэт, музыкант и художник, эти выразители творческой мысли, должны находить в глубинах своего существа те символы, которые наиболее отвечают струнам сердца.

Умение отобразить в своём творчестве всю шкалу тончайших чувств, образов и мыслей будет великим вмещением. Потому не будем ограничивать творцов, пусть выливают свою песнь во всём многообразии открытых им звучаний и видений.

Восток говорит: «Не поклоняются Богу как человеку два рода людей: человек-зверь, не имеющий никакой религии, и освобождённая душа, поднявшаяся выше человеческих слабостей и перешедшая за пределы своей природы. Только она может поклоняться Богу как Он есть».

Высшее Существо в представлении Тагора вмещает в себе все любимейшие им, все наипрекраснейшие Облики, которые живут в его сердце поэта. Каждое прикасание вызывает огонь мыслетворчества и каждая струна сердца будет звучать по-своему на затронутые глубины сознания.

Судя по приведённой выдержке из статьи *Poet's Religion,* Тагор хочет подчеркнуть беспредельность эволюции и познания. Ведь в действительности существует лишь единая Истина – Истина Беспредельности Бытия, а следовательно, и Познания. В мире проявленном эта беспредельность Бытия выражается в вечном движении циклов или в сменах состояний. Каждая из этих смен или, как их называют иногда, манвантар (манвантара Вселенной, миров и человеческой жизни) имеет целью выявить и отшлифовать *новые грани* в Алмазе беспредельного Познания.

Вдумайтесь также, насколько разнообразно творчество Великих Хранителей Знания. Сколько *разных* аспектов истины Им приходится одновременно насаждать и утверждать, чтобы человечество могло продвигаться. Слишком большой Свет ослепляет, слишком малый отемняет, потому осторожными касаниями возводится человеческое сознание в суждённый ему Чертог Прекрасный под Куполом Всевмешающим. Но бывают периоды, когда сознание заходит как бы в тупик и без особой помощи не может выйти из него, тогда приходит очищение, выражающееся в революциях, в низвергании старых догм и ценностей. Тяжки эти периоды, но они приносят и оздоровление, и дальнейшее восхождение становится возможным. Великие Учителя человечества действовали как целители духа и тела, но последователи Их не понимали Их *бережных* касаний и, вместо луча врача, вбивали гробовой гвоздь.

Так примем все выражения истины и будем оценивать их лишь по их красоте. Конечно, нового я ничего не сказала, но просто хотела ещё раз запечатлеть своё кредо в свободу выражения творчества, устремлённого к красоте.

Теперь, *совершенно доверительно* пересылаю Вам копии писем Карла Ивановича, полученные мною *этим* летом, в июле месяце и при письме от 5 июня. Содержание этих писем явилось для меня *полною неожиданностью,* ибо в своё время Карл Иванович *НЕ*

сообщал мне их содержания, но лишь кратко извещал постфактум о своём обращении к упомянутым лицам. Так, его первое официальное обращение датировано 28 августа 34 года, меня же он известил о нём лишь 22 сентября в следующей краткой форме: «Соответствующее письмо о деятельности и значении нашего Общества я написал главе нашего правительства, приведя и Вашу характеристику переворота, напомнив о переданном ему в своё время письме Н.К. и о прежнем моём сотрудничестве с теперешним вождём латвийского народа...» Точно так же и о всех его последующих обращениях я узнавала лишь *постфактум* и *без ознакомления с их содержанием.* Теперь можете себе представить, как мы были поражены, получив в июле *сего* года копии этих обращений! Скажу откровенно, содержание их нас очень огорчило. Почему тогда винить Тарабильду или даже Паскевича и Кавку, когда такой, казалось бы, опытный педагог и чиновник допустил ту же нескромность. Может быть, некоторое странное отношение в чиновных кругах и явилось следствием такой нескромности. Конечно, мне и в голову не могло прийти, что в официальном обращении будет упомянуто Высшее Руководство. Есть, конечно, и другие странности, но перечислять их не буду, Вы сами увидите их. Настолько я не допускала мысли, что можно говорить с незнакомыми людьми о Высшем Руководстве, что даже книги серии Агни-Йоги предложила Карлу Ивановичу, чтобы не раздражать чей-то слух, называть Учением Живой Этики или Учением Новой Жизни. Мне казалось, что он вполне понимает, как священно нужно оберегать Высшие Понятия. Кроме того, я просила его не вступать ни в какие диспуты с представителями духовенства, ибо это вредно и абсолютно бесполезно.

По получении этих копий собиралась Вам тотчас же написать, но занемогла и пришлось отложить. Но сейчас пришло письмо от Александра Ивановича, в котором он пишет, что намеревается к 18 ноября преподнести президенту государства свои три книги с соответствующей надписью, и спрашивает меня: «Как Вы находите мой проект? Стоит ли приводить его в исполнение? У меня как-то недавно был Карл Иванович. Он мне рассказал, что писал письма президенту государства, посвящая его в наши идеи, и копии его писем имеются якобы у Вас. Если это так, в чём сомневаться я не имею никаких оснований, то, может быть, и мой подарок не будет неуместен?»

Теперь, дорогой Рихард Яковлевич, Вам будет ясно, почему Карл Иванович вдруг решил послать мне копии своих давнишних писем. Самому Карлу Ивановичу я ещё не писала, когда соберусь, пришлю Вам копию письма. Но не скрою, трудно будет ответить так, чтобы он не обиделся. Но А.И. я ответила следующее: «По-видимому, сообщение К.И. о том, что он писал упомянутому Вами лицу, посвящая его в наши идеи, и что копии его писем якобы находятся у меня, не было Вами вполне понято. Копии этих давнишних писем получены мною лишь *этим летом* в июле месяце при письме от 5 июня 38 года. В 34 году К. И. в своём письме от 22 сентября сообщил мне следующее: “Соответствующее письмо о деятельности и значении нашего Общества я написал главе нашего правительства, приведя и Вашу характеристику переворота, напомнив о переданном ему в своё время письме Н.К. и о прежнем моём сотрудничестве с теперешним вождём латвийского народа...” и это всё. Н.К. никогда не обращался к упомянутому лицу и, вероятно, имеется в виду письмо Н.К. к предшественнику в связи с передачей знака от культурных учреждений. Просматривая письма К. И., я нашла следующую фразу в письме от 23 апреля 35 года: “Не только лютеранское духовенство, но, кажется, вообще все местные христианские церкви видят в распространении Учения Живой Этики нежелательное соперничество и критику. Несколько тому способствовала и книга Клизовского[72], которую духовная цензура едва не запретила”.

Потому считаю, что сейчас, до перерегистрации, нужно проявить максимум бережности. Может быть, лучше не передавать сейчас и Ваших книг. Время покажет наиболее удачный момент...»

Как видите, я не комментировала инцидент с таким запоздалым ознакомлением нас с содержанием официального обращения, ибо, как я понимаю, Александр Иванович находится в дружественных отношениях с К.И. и, конечно, по дружбе не удержался бы и сообщил ему о нашем огорчении и тем самым, может быть, осложнил отношения К. И. к Обществу. Что сделано, то сделано, и теперь нужно постараться тактично обратить всё это на пользу. Хорошо, что хотя бы сейчас мы это узнали, и теперь нужно занять твердую позицию. Вся деятельность Общества есть общекультурная широкая работа и направлена к поддержанию

[72] *Основы миропонимания Новой Эпохи.*

высшего морального и культурного стандарта среди его членов в полной лояльности к государству и народу его.

Ввиду Вашего отъезда на лечение, решила послать это письмо простой почтой. Шлю Вам, дорогой Рихард Яковлевич, самые горячие пожелания полного успеха.

Духом с Вами,

Е.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих[73]

На пути от Кракова в Варшаву

28. IX. 38

Дорогие Е.И. и Н.К.!

Простите, что целый месяц я молчал. Хотел писать конкретно и реально, а не в символах, но в той стране это было невозможно. В том, что лучше не писать, я убедился также, беседуя с Вашей подругой[74]. Она послала письмо Вам 11 мая, как раз накануне переворота в Австрии, и так как ответа не получает, то полагает, что цензура это письмо задержала.

Чувствую себя теперь, как будто вырвался из какой-то неволи, неволи, прежде всего, духовной. Здесь, в польских вагонах, люди весело разговаривают, смеются, а в той стране была какая-то необычная серьёзность, даже известная резигнация[75], совсем необычная для жителей Вены, прежде всегда жизнерадостных, ведь весёлый и несколько мгновенный стиль – принадлежность не только серьёзной австрийской музыки, но и всей прочей культуры. Да, за месяц редко видал я в Вене весело смеющихся, даже среди арийцев, хотя часть их ведь теперь имеет право радоваться. Но эта часть (м. б., около 30%, которых я видел со значками на улице) большей частью рекрутируется из молодёжи, которая не испытала ещё войны и трудностей. Как Ваша подруга мне рассказывала, при перевороте, конечно, солидное множество увлеклось, недовольное прежним правительством и ждавшее теперь весьма многого. При всеобщем голосовании, конечно, редко кто имел мужество сказать своё *нет,* так как оно было полуоткрытое. Но потом пришло некоторое разочарование. Правда, безработица сильно уменьшается и вождь[76] сулит в скором времени её совсем уничтожить, ибо идёт строительство. Но рабочим вместо 8 часов приходится работать до 12 часов. Также и экономическая жизнь не удовлетворяет: с уничтожением шиллинга прежние цены на товары теперь, в сущности, приноравливаются к курсу марки, так что всё стало вдвое дороже – а это тоже играет некоторую роль в сознании народа. Для интеллигенции же самый больной – культурный вопрос. Закрыты почти все общества, которые не имеют чисто националистической или научной цели. Ваша подруга скорбит также о закрытии научно-христианского общества. Закрыты также все теософические и антропософические общества. Я познакомился с бывшим председателем антропософского общества, молодым симпатичным Dr. Л. При первой встрече он дал мне две антропософские книги о Граале, но скучные, с неприемлемой для меня символикой и толкованиями. Когда я через три дня посетил его вторично, он несколько грустно сообщил мне, что на днях уезжает в Дорнах – в Швейцарию, так как здесь должен унывать в безработице. Также, и не знаю почему, большинство театров закрыты, кроме главных – Оперы и Burgtheater. Кино завалены фильмами немецкой фабрикации, большинство лёгкого настроения. Популярен один фильм о «проблеме предков». Мне удалось увидеть фильм об экспедиции немецких учёных на гималайскую вершину Паранг. Муж Вашей знакомой жаловался, что как будто политика и церковная музыка [не] совмещаемы. Но Вена немыслима без музыки. Как приятно было наблюдать, что люди сидят в опере с партитурой в руках и отбивают рукой и взглядом такт. Далее – из новой школьной программы как будто не только выключается религия, но и этика

[73] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

[74] Идой Мюллер. – *Г. Р.*

[75] разочарованность, пессимизм (от *нем.* Resignation).

[76] Гитлер.

приноравливается к этике партии. Ваша знакомая передала также, что женщинам впредь закрывается доступ в университет, в какой мере, мне не удалось проверить. Напоминает царские времена. В университетской библиотеке среди посетителей было много и девушек. Как Вы знаете, также и в стране Гар[альда] всё больше ограничивался доступ женщин к общему среднему образованию, из педагогических институтов постепенно женщина совсем будет изгнана, но в общем там другой дух. Наконец, венцам не нравится, что новые прусские чиновники желают внести новый темп в жизнь несколько флегматичных венцев.

Теперь о еврейском вопросе. Когда я приехал в Вену, первое, что мне бросилось в глаза, были «гакенкрейцы»[77] – знаки, которыми были испещрены окна и двери почти всех магазинов. Берлин, должно быть, уже пережил эту первую горячку молодёжи, ибо, проезжая, я не видел их там. Но там и «устроили» еврейский вопрос. Многие магазины носили также этикетки «арийская торговля». Даже немало врачей прилепили к своей дощечке у дверей знак «гакенкрейц». До этого доходят даже люди, претендующие на научность. Газеты уже писали о многочисленных самоубийствах среди евреев в первые дни переворота. Слышал и я лично намёки о всех пережитых евреями ужасах. Конечно, преследования евреев всё продолжаются. Все еврейские врачи с 1 октября должны прекратить свою практику и оставить квартиру арийского хозяина. Также квартиры должны оставлять приехавшие евреи. Но новую квартиру получить евреям весьма трудно, хотя, я думаю, ни в одном городе во всём мире теперь нет столько свободных квартир, в более крупном размере, как в Вене, даже в одном доме по несколько. У евреев не могут служить также арийские служанки до 45 лет.

Теперь несколько слов о моём профессоре-еврее. Он – высокоэтическая личность, автор философских книг, религиозная натура. Мне особенно понравилось, когда он говорил, что именно в минуты самого тяжёлого настроения и усталости нужно думать о самодисциплине, ибо именно дни усталости даны для восхождения, для испытания своих сил. Он также говорил, что не имеет смысла знать то, что не прилагается к жизни. Каждое слово нужно говорить, как будто перед Богом. Во всех людях одна общая Всемирная Душа и т. д. Чтобы возобновить свою практику, которая должна у него прекратиться с 1 октября, он переписывался со многими университетами со всего света. Он ведь авторитет в своём вопросе. Ученики его рассеяны по многим странам. В минуту интимной беседы он показал пачку из 10 писем, притом даже слёзы показались на его глазах, – это ответы университетов, которые отказываются принять еврея. Единственно отозвался Вашингтон, но приглашает его на 1940 год! В самое последнее время он всё же поедет по приглашению в Данию прочесть цикл лекций. Две недели тому назад его постигло тяжёлое испытание. Он очень любил свою мать, которая проживала где-то в отдельном домике и которой было свыше 70 лет. Однажды я увидел на его руке траур и спросил, кто у него умер. Он ответил: моя мать покончила с собой. Я был просто ошеломлён. Ведь сын её религиозен, должно быть, и она. И притом это случилось в таком возрасте. Таково испытание еврейства теперь.

Днём я обычно засиживался в обеих больших библиотеках – Национальной, где свыше 1,5 миллиона томов, и в университетской, где также свыше 1 миллиона книг. Мне удалось за всё время прочесть или пересмотреть несколько десятков книг по вопросу Грааля. Я пересматривал также старые карты Азии и энциклопедии, но мне в последних удалось найти лишь в связи с бывшим названием Пекина – Cambalac или Chambala. Об этих своих поисках я напишу впоследствии. В «Schlagwort»[78] каталоге университетской библиотеки я насчитал 20 книг по вопросу о «камне мудрецов» – Stein der Weisen, большей частью на латинском и древненемецком языках XV–XVII столетий. Возможно, что здесь многое что можно бы разыскать. Читал я также о Пресвитере Иоанне.

Иногда заходил и в книжные антикварианты. В обеих библиотеках теософские книги ещё доступны читателю, но в книжных магазинах теософическая и антропософическая литература запрещена. Но самое странное явление: книги *Geheimlehre*[79] разрешаются. Так, в одном магазине, на который мне указали как на специально посвящённый оккультизму, Блаватской и Безант, конечно, я не нашёл, но – целую серию книг по спиритизму, магии, факиризму и т. д., и представьте – среди них немецкий перевод книги нашего Балодиса о Космогонии и 1-й номер *Оккультизма и Йоги,* о котором и продавец думал, что он написан

[77] «свастики» (от *нем.* Hakenkreuz).
[78] Здесь: предметном *(нем.).*
[79] *Тайная Доктрина (нем.).*

на болгарском языке. К таким же диковинкам принадлежит и то явление, что в национал-социалистской Вене, в центре, у оперы существует Reiseburo[80] *Интурист* со всеми видами России и пр. В многочисленных книготорговлях я разыскивал книгу Гильтона – Hilton – *Legenden in Tibet*[81], немецкий перевод с английской *Lost Horizon*[82]. Нигде не удалось её найти, хотя она издана в Вене в 1936–1937 годах. Наконец, я смекнул в чём дело – издатель этой книги, оказывается, еврей. Я заинтересовался этой книгой оттого, что Proll из Осло, Норвегия, два месяца тому назад мне писал, что в ней упоминается Белое Братство, но я не мог ему ответить, так как не имел этой книги. Оказывается, что, по последнему письму Гаральда, также и Гребенщиков в своей статье упоминает о книге Гильтона. Всё же в одном большом антиквариате я познакомился в его каталогах с отделом оккультизма, где была и теософская литература, и, к моей большой радости, я нашёл и приобрёл *Five Years of Theosophy*[83], на которую так часто ссылается Блаватская и в которой, несомненно, систематизированы статьи также о Махатмах и Братстве. Меня заинтересовала также статья о том, в каком направлении положить голову при спанье. Этим вопросом я уже давно интересовался. Но и эта статья в конце концов не дала мне убеждения, в каком направлении именно моя особа должна спать.

(Head to East – Accord in All. B. Head to North – discord – Head and Feet. Accord – Hands. C. Head to South – Accord – Head and Feet. Discord – Hands)[84].

Первая теория – что люди Северного полушария должны спать головой к северу, – об этом я читал уже раньше, но здесь автор излагает свою вторую версию – к востоку. Эту книгу я отыскивал в библиотеке, но её не было. Также нашёл книгу Ladje [?].

Ваша подруга Ида Мюллер живёт где-то в «пригороде», в дачном районе. У неё с мужем свой домик и садик, где они одни уютно проживают, кажется, со дня своей свадьбы. Она рисует тирольские пейзажи, муж её композитор, также написал большой труд для церкви, но пока не напечатал. Провёл целый вечер у них. Оба симпатичные люди, особенно Ида меня поразила своим глубокодуховным обликом, муж её, хотя тоже приятный человек, но реалист, более скептик. Её настроения и отчасти её мысли я уже передал Вам. Она также указала на осторожность, ибо совсем невинные люди могут быть под надзором. Но я это совсем не чувствовал, мне всё время в Вене казалось, что каждый живёт своей жизнью и жизнью других не интересуется. И я притом политикой не интересовался, чтобы мне было чего-то опасаться. Она указала на удручённость всей интеллигенции. Если раньше было трудно напечатать не только о мире и о подобных вопросах, но и статьи Н.К., то теперь это немыслимо. В своём письме к Вам от 11.III. она писала о своих тщетных попытках напечатать Ваши статьи, что даже швейцарские журналы отказали ей. Она перевела массу статей Н.К. и даже стихи, и теперь ей осталось их лишь прекрасно запаковать в футляр. Оба они живут одиноко и полагают, что теперешние «верхи» относятся к ним негативно. Мы условились, что она будет писать Вам через меня в Ригу, и так же и Вы можете делать, и я пошлю письма адресату. Может быть, так лучше. Она шлёт Вам свой привет.

Я проживал в самом центре города, но моя комната выходила окнами во двор, было совсем тихо. Приехав, пару недель чувствовал себя сравнительно хорошо, но потом десять дней чувствовал такие давления, иногда даже истощение психической энергии, сильнее стало и давление около гортани и прочее. Но последнюю неделю чувствовал себя снова хорошо. Иногда случалось днём чувствовать хорошо, но вечером – сильное давление, и наоборот. Долго гулять по улицам я избегал, дольше засиживался в библиотеках.

Прекрасен Kunstmuseum[85] – 20 картин одного Тициана. От Рафаэля – одна из самых чудных его Мадонн.

Теперь ещё раз о всеобщем настроении. Газеты – всё сплошь да рядом одна невообразимая травля Чехословакии. В газетах я почти не видел, чтобы писалось также о китайско-японской войне или арабском и испанском вопросе и т. д., если где и было, то

---

[80] Бюро путешествий *(нем.)*.

[81] *Легенды Тибета (нем.)*.

[82] *Потерянный горизонт (англ.)*.

[83] *Пять лет теософии (англ.)*.

[84] Голова на восток – всё согласуется. B. Голова на север – несогласованность головы и ног. Согласованность – с руками. C. Голова на юг – согласованность головы и ног. Несогласованность – с руками *(англ.)*.

[85] художественный музей *(нем.)*.

петитом и совсем случайно. Все прочие политические статьи посвящены только судетскому вопросу. Больше всего писалось о «негуманном» отношении чехов к немцам, о беженцах и т.д. Заглавия ежедневно самые ужасные. Вначале ещё не в такой мере, но с 12 сентября, когда, по немецким сведениям, в Чехословакии было убито 15 немцев, стали печататься громадными буквами заголовки: *Массовые убийства в Чехословакии, Варфоломеевская ночь, Krieghetzer Benesch*[86] и т. д. И странно, некоторые газеты напечатали с одними и теми же заголовками, как будто все сведения идут из одного источника. Понятно, что весь этот гипноз и влиял на настроение народа. Перешёптывались о войне. Я по горло ушёл в свою работу, но именно накануне моего отъезда события сгустились до того, что я узнал о закрытии чехословацкой границы. Я имел обратный билет через Чехословакию прямо в Варшаву, Каунас и Ригу. Теперь пришлось купить другой билет и ехать окольным путём через Лейпциг, Берлин, Бреслав[87] и снова через польско-чехословацкую границу в Варшаву. Уже две недели тому назад я видел во сне, что поеду домой через Берлин, но почему и как – не понимал. Выехал я вчера утром. Накануне моего отъезда я прослушал часть исторической речи. Да, это речь самая решительная – суббота может принести катастрофу. Хозяйка-немка, у которой я проживал, мне говорила об упрямстве чехов, что они не уступают. А немецкие газеты пишут о препятствиях, о том, что уже 750.000 беженцев. С большим интересом хочу познакомиться с прошлым изложением прессы. Посылал всё время свои капли миролюбивых мыслей, в своём письме-обращении к членам нашего Общества я также просил посылать каждый вечер мысли о мире. Да, самый напряжённый момент, но сердце как-то ещё надеется на счастливое взаимопонимание.

Переписывался всё время также с Гаральдом. Он в большой радости писал о продвижении дела монографии. Моё мнение также было, что единственный исход – Государственная типография, что прекрасно издавать в двух томах, но что часть надо издать вместе в одном томе. Не знаю лишь, как теперь с пражскими репродукциями, получил ли Гаральд их все и не придётся ли в конце концов портрет Н.К. отпечатать по рижскому оригиналу. Получил от Гаральда также два макета монографии. № 9 самый удачный. Просил Гаральда принять руководство художественной секцией в Обществе и наметил идеи, которые в связи с теперешним положением и настроением весьма спешно осуществимы – по воскресеньям в одиннадцать часов утра устраивать регулярный (два раза в месяц) цикл лекций по латышскому искусству и другим художественным проблемам. Первым можно было бы пригласить или Либерта, или кого-нибудь из директоров наших музеев и Академии. Конечно, на первых порах они могут прочесть уже раньше где-то читанные лекции.

Далее, циклы музыкальных утренников, также сначала посвящённых латышским композиторам. Весною этот вопрос уже стал осуществляться, но не успели довести до конца.

Далее, о небольших выставках художников в нашем музее. Особенно в то время, когда часть Ваших картин будет отправлена в типографию.

Развить далее вопрос о депонировании картин для музея.

Организация художественных экскурсий для членов для ознакомления с музеями и т. д.

Далее, я просил г-жу Драудзинь ускоренно организовать педагогическую секцию, о которой уже обсуждалось прошлой весной. Именно теперь, это самое грозное, самое напряжённое и величественное время – самое удобное для заложения новых основ мирного и творческого строительства.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
3-ОКТ-38

№25

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

[86] Поджигатель войны Бенеш *(нем.).*
[87] Ныне Вроцлав.

Опять пишу Вам обоим, ибо, наверное, Рихард Яковлевич уже вернулся. Действительно, в такие смутные дни лучше быть всем дома вместе. Даже странно, что мы сейчас обсуждаем мирные издания, когда целые страны сотрясаются. Спасибо Гаральду Феликсовичу за письмо от 24 сентября с приложением списка картин № 3. Из этого списка замените лишь один № 51 *Св. Франциск* и оставьте его для второй части. Затем № 60 вместо *Мадонна Орифламма* назовите просто *Орифламма.* При номере 25-м *Мать Чингиз-хана* непременно поставьте в скобках – эскиз. Если Вы вынете *Св. Франциска,* то у Вас останется 101 номер, поэтому лучше вынуть ещё один, чтобы получить круглое число сто. Предлагаю к переносу во вторую часть *Струны водопада.*

Прилагаем отрезок Вашего образчика переплёта. Мы написали, которая сторона прочнее и лучше. Как видите, светлая сторона чрезвычайно марка и каждое прикосновение оставляет на ней неприятный след, тогда как другая сторона прочнее, а может быть, и для золотого тиснения будет лучше.

Относительно пражского портрета Святослав просит передать, чтобы Вы пока его вообще отложили. Вообще странно, что портрет был отпечатан без корректурного оттиска, а между тем с начала июня вполне было достаточно времени у них прислать автору корректуру. Странно, что художественная печатня допустила такую нехудожественную ретушь, испортив художественность воспроизведения. Итак, пока отложите этот портрет, если, по несчастью, он Вам уже выслан без корректуры.

Большое спасибо Ивану Георгиевичу за его письмо с приложением статьи Г.Д.Гребенщикова. Пожалуйста, скажите И.Г., что печатать эту статью можно лишь со следующими двумя пропусками: на стр. 5, строка 11, от слов «Но тогда как...» до конца параграфа «и Аз воздам.» и стр. 10, строка 4, от слов «впрочем, нельзя...» до конца параграфа «жизни духовного подвижничества».

Сердечно рады были слышать об успехе магазина. Если в первые же летние месяцы магазин так успешен, то можно предположить, что при развитии дела и при установлении всяких полезных сношений магазин будет прекрасным распространителем. А такой орган для издательства совершенно необходим. Кстати, после начала учебных занятий и местные школьники, вероятно, окажутся друзьями магазина. Конечно, когда-то зашипят и конкуренты, но от этого соревнования и от зависти всё равно не избавиться. Человеческое – слишком человеческое.

Вы очень хорошо сделали, что написали в Америку, прося прислать ещё клише (для второй части). Со своей стороны мы тоже об этом же напишем Ф. Грант. У них имеются из бывшего бюллетеня хорошие клише триптиха *Жанна д'Арк* и некоторые другие. Кроме того, у них имеются мне принадлежащие все клише из зелёного каталога, где была статья Бринтона. Там Вы найдёте и *Экстаз* (писанный в Финляндии), и *Сокровище* (писанное там же), и некоторые другие, вполне подходящие картины. Вполне понятно, что несколько вещей можно взять и из монографии Ерёменко. Вероятно, оттуда Вы возьмёте *Подземный народ, Страж пустыни* и *Приданое китайской принцессы,* – они вполне поддадутся перевоспроизведению.

Я уже писал в одном из предыдущих писем, что для английского текста можно взять Бабенчикова и Конлана, для первой части. Если же Вы захотели бы дать и по-латышски, то, конечно, статья Р.Я. была бы отлична. Впрочем, последнее соображение о латышском тексте вполне предоставляем Вашему решению – ибо Вы лучше всего сами разберётесь в местных условиях.

Шклявер ещё не писал нам, как у него идёт перевод Конлана на русский (для второй части), но так как времени более чем достаточно, то мы его и не торопим. В последней почте Шклявер сообщил, что выслал Вам 125 книг Учения. Конечно, Вы не должны платить в Париж за самые книги. Вопрос может быть лишь о почтовых расходах.

Очень хорошо, что, как Вы пишете, и Пранде, и Либерт сейчас деятельны. Конечно, мы вполне предоставляем Вам напечатать в качестве художественного редактора одного Пранде. Упоминание о Либерте произошло вообще лишь по желанию Г.Ф. – вообще, с такими деталями поступите так, как лучше и полезнее. Кончу тем же, чем начал, – а именно, что странно говорить о мирных преуспеяниях, когда весь мир содрогается в судорогах ненависти и жажды взаимоистребления.

Е.И. (здоровье её всё ещё неважно) и все мы шлём Вам наши лучшие мысли и

надеемся, что поездка Р.Я. была вполне успешна. И в эти мрачные дни да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 5.X. 1938 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Вы, должно быть, уже получили моё письмо из Варшавы. Полагаю, что польская воздушная почта идет через Палестину. Хотя и невозможно, чтобы в Берлине раскрывались заграничные воздушные письма, всё-таки хотелось, чтобы именно это письмо шло другим путём. Лишь теперь по письму Н.К. узнал, что Вы всё-таки получили мартовское письмо Мюллер. Значит, её опасения были несколько преувеличены. В Каунасе одни сутки я провёл у Юлии Доминиковны. Я прямо удивился, встретив её физически обновлённой и бодрой. Ибо раньше, невзирая на её духовное мужество и бодрость, постоянно чувствовалось в ней какое-то физическое недомогание. Она мне и раскрыла тайну: её преобразило Сообщение Великого Владыки. Радостно было слышать об образовании ею старшей группы или, как она называет, – общины. Эта группа выросла чисто органически, в неё входят лучшие гармонические сердца, потому как духовно спаянная группа будет представлять в будущем большую силу. Есть в Литовском обществе, как Вы знаете, несколько секций, и всеми ими, даже медицинской, руководит лишь она. Она создала также группу по «воспитанию культурных деятелей». И в этом отношении ей приходится создавать всё сначала. Отношение к ней изменилось, и она даже уверена, что кто-то за углом её дома следит за нею. Да, можно сказать, почти во всех странах просто ошеломляюще наивна эта подозрительность по отношению к новым созидательным культурным ячейкам, к тем организациям, которыми каждая страна когда-нибудь будет гордиться как оплотом своей культуры и духовного продвижения. Юлия Доминиковна часто получает прекрасные отзывы о первом выступлении их Общества в университетском зале. Им полезно было бы чаще выступать, чтобы литовская интеллигенция могла бы ознакомиться с целями Общества, да у них преграда, что, исключая саму Ю.Д., совсем нет общественных деятелей. Поэтому и в своей программе она наметила «воспитание культурных деятелей».

Из Эстонии ничего не слышно, хотя и Таска, и Кайгородов обещали спешнее заняться регистрацией Общества. Единственно, кто понимает спешность, – это Беликов, но он не имеет влияния. В разговоре с Таской чувствовалось, что водительство Обществом Н. Р. для него обязанность среди сотни других обязанностей. Поэтому он и с такой лёгкостью подтверждал: я только *временный* председатель, и далее – зачем спешить с регистрацией? Но и для Эстонского общества придёт свой срок.

Приехал я в Ригу вечером 30 сентября. Уже в Каунасе все газеты были переполнены известиями о мире. В Вене, конечно, я не мог получить объективного представления о положении дел, так как немецкие газеты были переполнены исключительно лишь самой ужасной травлей Чехословакии. И так как я был убеждён, что немецкие газеты в 3–5 раз преувеличивают, то и старался внушать себе, что опасность не так велика. Конечно, я понимал, если началась бы война, из Германии так скоро я не выбрался бы. Настоящую опасность почувствовал раз в середине сентября, потом после ультиматума и закрытия чешских границ, но тогда я знал, что осталась ещё неделя до проведения ультиматума в жизнь. Оказалось, что заграничные газеты всё освещали в ещё более напряжённом и широком размере. Не знал я ни о мобилизации во Франции и Англии, об эвакуации жителей и пр. Не чувствовалось также в Вене приготовления к войне, исключая лишь три ночи затемнения против воздушных налётов. Думал: как легко Гитлер ставит на ставку всю культуру, ибо, в случае войны, что останется от одной лишь прекрасной Вены – лишь развалины. Да, международная операция совершилась, – но не кончится ведь на этом.

Дома набралась целая груда писем. Познакомился внимательно прежде всего с Вашими письмами. Гаральд Феликсович уже ответил Вам обо всём касательно монографии, а Иван

Георгиевич – касательно магазина и каталога. Корректуру каталога он получит на днях, так что сможет Вам его выслать в начале следующей недели. У Пранде явилась мысль поставить на титуле и на обложке вместо печатного «Рерих» автограф Н.К. – «Н.Рерих». В случае Вашего согласия, не пришлёт ли Н.К. свой автограф? Впрочем, на титуле, может быть, лучше было бы напечатать всё имя, отчество и фамилию? Далее, явилось желание репродуцировать Ваш рижский портрет в красках. Конечно, Вам пошлют корректуру. Все пражские репродукции уже получены Гаральдом.

На своей службе 3 октября я получил также письмо Е.И. от 10 сентября, сердечное спасибо. Карл Иванович также и нам сообщал лишь post factum[88] о своих обращениях к упомянутым лицам. В своих выступлениях в связи с Пактом он действовал вполне самостоятельно и один. Он обыкновенно писал быстро и в несколько странноватом стиле, некоторые фразы бывали у него в таком тоне, в каком обыкновенно не пишутся официальные обращения. К.И. меня ознакамливал с некоторыми из своих писем (т. е. post factum). Помню, что совсем неуместно (как-то «масонски») звучали слова «Augstana Vadiba» – Высшее Водительство и пр., но К. И. не любил считаться с советами других, и помню, как, например, над обращением в связи с Лигой Культуры мы работали параллельно, не сообща. Теперь я каждое официальное обращение вырабатываю совместно с Банковским и другими и помню, что раз как-то мы целый час трудились над одним лишь предложением. Мы ведь были совсем новички в этом деле. Конечно, неуместны были также в письмах К.И. часть цитаты из письма Е.И., упоминание об Учении и пр. Но возможно, что эти письма не собраны вместе, но лежат где-то в архивах министерств и к ним никто не прикоснётся. Вполне понятно, что подарок Александра Ивановича[89] не должен быть передан, прежде всего, уже по той причине, что он критикует церковь, и т. д. Правда, свои книги я послал упомянутому лицу, но это было два года тому назад, и притом в моих книгах нет критики...

С перерегистрацией Общества всё медлят, нам обещали разрешить этот вопрос на этой неделе.

У нас просьба – можно ли напечатать *Основы буддизма?* Формат – *Нерушимого.*

Хотел устроить лекции по художественным вопросам, но Пранде верно указал, что директора и профессора академии лекций не читают, а среди известных лекторов трудно будет найти кого-нибудь, кто бы не читал тенденциозно, т. е. – не хвалил своё направление и не критиковал другое. Ради избежания споров в музее можно там устраивать лекции лишь по чисто философским, этическим и общекультурным вопросам.

3 октября у нас было заседание руководителей групп Учения, решили собираться пока по вторникам и четвергам. Далее, учредили «Комиссию ведающих членами», куда входит и «суд чести». Эта комиссия будет следить также за вновь поступающими членами, и ей будет принадлежать также воспитательная роль. Моей мечтой постоянно было, чтобы группа не превратилась в сухой семинар, но – в содружество и семью. Я постоянно напоминал о воспитательной задаче руководителя группы, но я знал, что некоторые из руководителей хорошие учителя и прекрасные люди, но воспитывать не умеют. Потому вовремя теперь пришла идея о помощниках руководителя, которые займутся объединением членов группы, о чём Вам писала Драудзинь. Наконец, мы обсуждали вопрос создания секций – художественной, педагогической и научной. Явилась идея передать художественную секцию Пранде, но потом решили, что только у человека Учения будет достаточное горение.

Наконец, ещё раз о моей поездке. В Вену я поехал не только ради себя, но и ради своей дочери. Теперь я сам занимаюсь с нею дома. Чтобы осуществить поездку, пришлось спешно полтора месяца заниматься переводом философских трудов Тагора. Я спешил и потому, что с 1 октября всем еврейским врачам запрещается практика в Германии. Н.К. спрашивает о методе лечения. Метод венского профессора основывается на примитивном понимании «Atemessen» – «кушании воздуха», т. е. надо мыслить, что функциональность речи так же проста и та же, что и при еде. Но главная часть его лечения – психотерапия – логическое осознание нелепости затруднения речи и напряжения. Надо говорить с другим человеком как с самим собою или как с Богом. Венский профессор – этическая личность и философ, некоторые его мысли я уже упомянул в прошлом письме. В конце концов, его метод, хотя и по-иному, недалёк от метода Куэ, с которым я познакомился у Пабсона в Таллине. Между

[88] после сделанного *(лат.).*

[89] Книга *Основы миропонимания Новой Эпохи. – Г. Р.*

прочим, этот Пабсон проживал и в Риге, хотел даже поступить в наше Общество, во время Карла Ивановича, но получил искажённую информацию от одного члена, который потом сам отошёл, и так и не попал. Из Риги его выселила полиция, так как он обратился к официальным врачам с просьбой принять от него его услуги и его знания. Как в Риге, так в особенности и в Таллине он имел большой успех. Его первое условие пациенту: тот должен, по крайней мере во время лечения, отказаться от мяса и курения. Он лечит также магнетизмом. Лечит всевозможные болезни. В Таллине его оставляют в покое, так как он вылечил одну официальную персону и также других известных лиц. Там ему разрешается лечить без всякого диплома, в то время как у нас даже людей с дипломом ограждают. Куэ советует утром и вечером утверждать: с каждым днём в каждом отношении мне становится всё лучше и лучше. Венский профессор, напротив, советует осознать в себе: я совершенно здоров. Оба сходятся прежде всего в том, чтобы совсем исключить из своего сознания всякие мысли о недуге и о возможности его. Мыслить лишь положительное, лишь о здоровье. Понятно, такое постоянное самоувещевание приносит энергию сердца и спокойствие. В Обществе, когда читал рефераты, я чувствовал какое-то звучание в сердце, но и звон в ушах и во всей голове. Эта вибрация сердца, о которой говорит Великий Владыка, мне самый драгоценный Совет, и глубоко сознаю, что и всё внушение и самовнушение в конце концов сводится к этой вибрации и звучанию сердца.

6.X. 1938

Я сегодня был у директора департамента обществ Янсона. Он велел принести статуты нашего Общества, долго просматривал «отзывы», потом промолвил: «Да почему нужен был отзыв этого заведения... министерства здравоохранения?» Чиновник молчал. Я понял: должно быть, в связи с Гаральдом как секретарём. Должно быть, ходят слухи, что он много жертвует для целей Общества и т. д. Я уже говорил директору: если есть какие-либо слухи, то я рад был бы их честно и искренне разъяснить, ибо верю, что эти слухи нелепы. Говорил, что ещё нужен отзыв от Камеры искусств.

Великолепна статья Гребенщикова: не издать ли её брошюрою, тем более что Дювернуа и Сборник распроданы? *Сегодня* отказалась её поместить.

Шлю Вам мои самые сердечные и светлые мысли и пожелания.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Получил *Братство,* §§ 254–269.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
8-OKT-1938

№26

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

У Святослава явилась хорошая идея относительно переплёта монографии. Теперь очень приняты переплёты из натурального холста, как, например, на книге Грабаря и на монографии Репина. На этом холсте вполне хорошо легло бы и золото или же можно бы взять хороший коричневый тон краски. Особенно этот план приходит на ум, ибо присланный синий образчик всё равно пришлось бы ставить левой стороной наверх и, может быть, она оказалась бы неровной и пятнистой. Во всяком случае, идея натурального холста (а в Латвии его так много), может быть, оказалась бы даже и дешевле. Теперь опять обращаюсь к статье Гребенщикова. Елена Ивановна прочла её и находит, что по многим причинам её печатать не следует. Среди хороших выражений имеются и такие, которые могут принести большой вред. Если Иван Георгиевич будет писать автору статьи, он может объяснить невозможность печатания длиною. Пусть статья сохранится в архивах Общества. Думается, что она уже побывала в каких-то редакциях газет, ибо помечена она мартом, а прислана Вам лишь теперь. Не буду об этом сейчас распространяться, но можно бы задать автору несколько

очень внушительных вопросов. Пока просим И.Г. вообще не поминать о том, что статья нам была переслана. В последнем письме Шклявер сообщает, что в Париже был Мабиль из Риги и объявил о приезде в Париж в скором времени Ивара Лукина. Пожалуйста, напишите нам подробности. Вы уже сообщали нам, что в Обществе имеется место для нашего архива. Теперь хотелось бы знать, каким именно способом лучше пересылать эти бумаги и книги. Нужно ли посылать в архив Общества или в Музей, какие именно бумаги нужно при этом выправить, нужно ли объявлять какую-то цену и через какую именно контору это лучше всего можно сделать. Между прочим, полагаем, что, может быть, найдётся в Карачи какой-то корабль, идущий прямо в Ригу, но если выясним, что дешевле послать из Бомбея с перегрузкой в Лондоне, то именно так сделаем. Здесь очень трудно держать архив вследствие всяких вредительных насекомых. Ещё недавно нам рассказывали, что в одной здешней библиотеке развелись кобры и семь лет это помещение вообще не открывалось. Рихард Яковлевич как знаток библиотечного дела, вероятно, ужаснётся, услыхав о таком нашествии кобр. Впрочем, может быть, даже кобры оказались менее вредительны, чем Хорши.

8-ОКТ. Елена Ивановна послала Вам манускрипт *Основы буддизма* для осведомления, а не для того, чтобы его сейчас же печатать. Сейчас и без того много напряжения. В издательстве *Угунс* могут быть и готовые манускрипты, которые войдут в очередь. Мы и то беспокоимся, во что вылилась калькуляция по первой части монографии. Так хотелось бы, чтобы всё у Вас протекало благополучно, без экстраординарных напряжений. Радует, что магазин идет успешно, – пусть происходят новые связи, ибо в магазине всегда необходим новый оборот матерьяла. Вполне понимаем, как Вы беспокоитесь о перерегистрации. Нормально рассуждая, в этом не должно быть никаких затруднений, – но разве что-нибудь нормально сейчас в этом мире? Каждый час можно ожидать новых оборотов Армагеддона. Мнимый мир разве это есть тот мир, во имя которого нужно устремляться? Вероятно, в Ваших газетах так же точно, как и в здешних, оценивается мнимый мир. Всё-таки находятся смелые души, которые понимают положение вещей. Надеемся, что Вы уже получили посылки из Праги. Последний раз мы послали туда лишь открытку по-английски, ибо, наверное, местные пути сообщения находятся в совершенно ненормальном состоянии. Вы пишете, что Пранде и Либерт сейчас находятся в приливе деятельности. Воспользуйтесь этими настроениями, чтобы получить возможно больше практических результатов и советов. Сообщите нам, кто такой рижский художник Юпатов, который издаёт каталог для Праги. Интересно выяснить, каково его отношение к нашему Обществу, а если оно хорошее, то нельзя ли его привлечь поближе, – видимо, он деятельный человек, и Булгаков его постоянно упоминает. Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
12-ОКТ-1938

№26

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Путевое письмо Рихарда Яковлевича от 28 сентября является прямо историческим письмом. Только очевидец-путешественник может так ярко и правдиво описывать все явления человеческой природы. Относительно Иды Мюллер мы полагаем пока не писать ей, а если Вы будете писать, то при случае передайте наш привет. Вообще, в ту страну мы пока не пишем.

Очень благодарим Ивана Георгиевича за сообщение о том, что у него находятся матерьялы из архива Андреева. Очень просим с обратной пароходной почтой заказным письмом с обратной распиской прислать нам сюда эти мои письма. Пожалуйста, пришлите

неотложно. Очень интересно, что нашлась ненапечатанная статья Андреева о Толстом. Это ценная находка – где предполагается её печатать? Передали ли Вы в *Сегодня* посланную Вам заметку о талашкинской церкви и была ли она принята? Вообще странно, что и *Сегодня,* и Пильский как-то замолчали.

Очень одобряем все планы Р.Я. для будущей деятельности Общества. Одобряем предположенные лекции о латышском искусстве и все прочие культурные выступления. Будем рады слышать, как это всё реализуется. Врагов не нужно делать, а друзей следует всеми мерами накоплять.

Очень благодарим Гаральда Феликсовича за его письмо Святославу. Если Пранде не нравятся всадники на внутренней обложке, то сделайте, как лучше по совету художественного редактора. Если ему кажется, что медаль плохо выйдет на холсте, то можно её перенести куда-либо вовнутрь, а на переплёте оттиснуть лишь фамилию – вроде как на книге Грабаря или Репина. Вообще делайте не только как лучше, но и как удобнее по местным условиям.

Г.Ф. беспокоится об однотонных воспроизведениях для второй части. Хотя до второй части времени ещё очень много, но всё-таки прилагаю список, из которого видно, что совсем не трудно добрать нужное количество и даже ввести некоторые ранее не печатавшиеся вещи. Шклявер может устроить фотографические снимки с картин, находившихся в Париже в собрании Молло. Думается, что и из Брюгге можно получить снимок *Софии Премудрости.* Кроме того, как Вы видите из списка, вполне возможно переснять несколько вещей из ерёменковской монографии. Кроме того, у Вас в Риге имеется ещё несколько неиспользованных фотографий, присланных разновременно отсюда. Пожалуйста, пришлите полный список всего фотографического матерьяла, у Вас имеющегося. А за это время мы и ещё подумаем, откуда ещё что-нибудь достать, а кроме того, Вы видите из списка, что отсюда пойдёт целый ряд новых фотографий. Говорю всё это лишь для того, чтобы Вас успокоить в том, что недостатка матерьяла не будет. Времени же до второй части ещё более чем достаточно. Дай Бог, чтобы первая часть вышла ко времени. Мы ещё до сих пор не получили калькуляцию на первую часть, а в то же время слышим, что каталог уже будет печататься до 10-го и будет выслан 10-го. Значит, калькуляция уже имеется, и, будем надеяться, вполне благоприятная в общедоступном отношении.

Очень приятно было читать, что магазин производит на покупателей такое отрадное впечатление. Именно такое впечатление и должен производить хороший книжный очаг. От души желаем магазину расти и распространяться по всем направлениям. В каталоге не была включена *Тайная Доктрина.* Мы понимаем, что это потому, что перерегистрация всё ещё затягивается. Может быть, полезно будет после перерегистрации вложить в каталог отдельное объявление о *Т. Д.* Ведь всё должно оборачиваться, и всеми мерами нужно повышать доходность магазина. Очень отрадно, что заведующая магазином Аринь так любит своё дело, что даже неохотно уходит из магазина домой. Такое просветительное дело поистине должно быть тепло дающим очагом, от которого не хочется уйти.

Сейчас получили новое испанское издание *Агни-Йоги* – вышлем Вам для порядка один экземпляр – хотя вряд ли испанский язык в большом употреблении.

Ещё одна хорошая весть. Всеиндусский исторический конгресс единогласно присоединился к Пакту. Конгресс заседал 6–10 октября в Аллахабаде. Если хотите, можете дать это сведение в прессу и поделитесь им с Литвой и Эстонией. Как Вы видите из *Фламмы,* это уже является третьим значительным присоединением к Пакту. Одно было на Конгрессе Федерации (междунар[одной]) искусства, науки и литературы в Париже, второе на Конгрессе международных сношений в Париже. А теперь Всеиндусский исторический конгресс в Фесе дал опять-таки, как и в предыдущих двух, единодушную резолюцию. Думается, что из этих сведений можно бы сделать заметку. Тревожимся о нападках на Гаральда Феликсовича. Будьте на дозоре, отбивайтесь всеми силами во имя истины. Е.И. поправляется, и моё здоровье тоже, кажется, лучше. Много сил нужно. И Вам желаем и бодрость, и единение, и победу.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Отвечая на вопрос И. Г., нужно писать: *Ангел Последний.*

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
19-OKT-38

№28

(Письмо от 12 октября было № 27.)

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письмо Гаральда Феликсовича от 8 октября. Посылаю Вам мою монограмму, которую можете воспроизвести в качестве концовки, но с указанием, что это есть монограмма моя (можно в натуральную величину). О помещении ещё 10 картин в первую часть монографии мы сожалеем лишь с той точки зрения, что каждое такое увеличение должно неминуемо отозваться на стоимости этой книги. А так хочется, чтобы по возможности лишние расходы были бы избегнуты. В этом письме Вы ещё не сообщаете о калькуляции на первую часть, а между тем Ваше письмо означено числом накануне отсылки сюда каталога, в котором должна быть и цена монографии.

Хотел было спросить, какие именно картины Вы всё же хотели включить ещё в первую часть, но времени остаётся так мало и оборот письма взял бы около трёх недель, а сейчас каждая задержка может быть вредной для издания. Полагаем, что первая часть закончится всё-таки теми 4-мя картинами, которые и предполагались. Для упрощения у Вас имеются наши знаки и медаль (если она на переплёте не годится), которыми всегда можно заполнить какие-либо пустые места. Теперь для магазина наступает большое испытание, ибо монография может найти покупателей лишь при соответствующем распространении.

Очень интересно, что Вы передали сношения с *Сегодня* И.Г.Блюменталю. Кроме завалявшихся нескольких моих статей, была ещё заметка о парижском издании *Тенишевской церкви в Талашкине.* Не вижу причины, почему такая заметка могла бы задержаться. Вполне понимаем Ваши осторожные соображения и о нахождении некоторых книг у Клементия Станиславовича – пусть побудут там. Мы вполне понимаем всё, что направлено к пользе и преуспеянию. Владимир Анатольевич высылает в Бельгию сестре Гаральда Феликсовича № 1 и 2 и, когда выйдет, Рождественский. Думается, что и в самой Риге и в Таллине имеются хоть десятка два знающих английский язык и интересующихся. Ведь многие получали образование за границей или посещают английские курсы в самой Риге. Во всяком случае, и в этом деле поступите, как лучше, и скажите, на каком числе решили. Только что получена подписка от Калантаевской и Инге.

Сейчас получили хорошее письмо от Беликова. Кажется, он оказывается наиболее активным из всех таллинцев. Очень желаем, чтобы он удержался на нынешней своей работе и постепенно углублял полезные сношения. Может быть, и Ваш магазин может получить через него практичные советы. Хорошо, что послали приветствие в Академию в Нью-Йорке – интересно, что, кроме Москова, там собрались все прежние преподаватели. Желаем, чтобы и *Фламма* преуспевала, ибо братья Фосдики от души стараются утвердить деятельность. Радуемся каждому Вашему письму и шлём Вам наши сердечные пожелания успеха.

Сердцем и Духом,

Н.Р.

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[90]

19.X. 38

Н.К.

1. Переплёт монографии в синем тоне и в натуральном холсте.

[90] План письма.

2. Статью Гребенщикова не поместили в *Сегодня,* так как длинна и слишком серьёзна(!).

3. Печатание *Основ буддизма,* Вайчулёнис даёт средства.

4. Затруднение с издательствами, нельзя поместить название.

5. Каталог запрещают.

6. Вечер, посвящённый композитору А. Калныньшу. Вечер [Зенты] Мауринь.

7. Желающие поступить в Общество и не имеющие связи с Живой Этикой. Мадревич.

Доцент П.Леинь пишет о Вас как общественном деятеле для энциклопедии.

Юпатов. Гарепляков (?).

8. Подарки художников.

9. Архив Н.К. с радостью примем, лучше после перерегистрации Общества. На моё имя.

10. Серия брошюр-рефератов по темам Живой Этики. Специальное название. Под серией Живой Этики – выписки тем. Наподобие *Ясной Поляны.* В серию рефератов можно включить и рефераты других культурных деятелей – светлых индивидуальностей.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
22-OKT-1938

№29

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Благодарим Гаральда Феликсовича за его письмо с приложением каталога, который пришёл одновременно. Каталог выглядит очень хорошо, и мы надеемся, что он послан в Палгат[91] в необрезанном виде, иначе в длину он окажется коротким для *Фламмы.* Одно обстоятельство нас обеспокоило, а именно цена на монографию. Мы так и не знаем, какова была калькуляция и как именно распадается продажная цифра на внутренние статьи сметы. Мы не знаем, какова себестоимость, сколько отчисляется на прибыль, сколько даётся на скидку магазинам и комиссионерам, сколько принято во внимание на почтовые расходы – словом, все статьи, которые сопряжены с каждым изданием. Могут ли вместиться все эти статьи в цифру 28 латов, а если и вмещаются, то в какой пропорции? Это обстоятельство нас особенно беспокоит, ибо в письме есть намёк о том, что монографию с английским текстом нельзя же продавать себе в убыток. Из этого можно заключить, что русская монография будто бы исчислена в убыток, что было бы совершенно недопустимо. Каталог мы разошлём при *Фламме,* но все торговые связи и действия, конечно, должны исходить из магазина; как жаль, что вся Чехословакия сейчас выпадает для подобных сношений – ведь можно себе представить, какие беды и сумбур царят сейчас в этой несчастной стране. Вряд ли и Ида Мюллер сможет что-либо сделать, и даже Фельшоу сейчас, вероятно, уже ощущает опасную близость японского флота. Только подумать, каковы ненормальные, чудовищные соотношения стран в настоящее время. Целые государства или вообще исчезают, или же приходят в одурелое состояние. Очень хотелось бы знать, какая калькуляция положена в основу продажной цены. Вторая часть *Листов Сада Марии* находится у З.Г.Лихтман (новый адрес которой: 309 West 57th Street, New York City, U.S.A.), и от неё Вы легко можете выписать требуемое для магазина количество. Конечно, с Ф.Грант переписка всегда была гораздо труднее, и, во всяком случае, не ждите от неё скорого ответа. Адреса её сейчас не знаем, она только что переехала, и потому пишите через З.Г.Лихтман, впрочем, может быть, Вы уже знаете её новый адрес. Вообще, повсюду происходит такое смятение, что кризис, вместо того чтобы облегчить атмосферу, перешёл во внутреннюю опаснейшую гангрену. Пожалуйста, напишите нам совершенно точно, как лучше, вернее и дешевле пересылать Вам архив и книги для хранения. Везде так быстро меняются таможенные и прочие законы, что нужно знать совершенно точно, как лучше делать такую пересылку. Вряд ли можно

[91] В типографию, находящуюся в этом городе.

предположить, что архив или книги не для продажи, а равно и картины для выставки могут быть обложены пошлиной, но всё же, прежде чем посылать что-либо, нам нужно знать все условия. 24 октября к Вам идёт пароходной посылкой первый пакет «Писем Е.И.». Пожалуйста, подтверждайте получение всех пакетов, ибо их будет несколько. Не имели ли Вы за последнее время писем от Асеева? З.Г.Лихтман сообщает, что она имела дружественное письмо от Гребенщикова – может быть, его состояние опять улучшается. Мы уже писали, что его статью печатать не следует, кроме того, если бы он хотел её печатать отдельно, то ведь у него имеется домашний печатный станок, но, очевидно, он этого и не предполагал делать. Хотелось бы иметь консультацию с хорошими врачами, не только для Е.И., но и для Святослава, да и для меня не мешает. Но здесь это совершенно невозможно, ибо на этом континенте таковых врачей не имеется. Мы уже спрашивали Вас для сопоставления цифр, сколько именно стоило бы в Риге издание одного выпуска *Фламмы* (конечно, без иллюстраций). Пожалуйста, спросите об этом смету. То же самое мы спросили и из Америки – очень интересно сопоставлять цифры. Смету спросите на 250 или на 500 экземпляров. Конечно, спросите в наиболее дешёвой типографии. Неужели 8 страничек каталога стоили 1000 латов, как Г.Ф. писал. Здесь набор стоил бы 3 лата со страницы, то есть 24 лата, и бумага 6 латов за 1000 листов, то есть 96 латов, всего 120 латов за 4000 экземпляров. Эти цифры – на хорошей бумаге в сравнительно дорогой печатне в Лахоре.

От души радуемся окончанию дела Гаральда Феликсовича.

Сердцем и духом всегда с Вами,

Н. Р.

Просим прислать 100 оттисков пражского портрета в Наггар.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
26-OKT-38

№30

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Письма Гаральда Феликсовича к Е.И. и ко мне от 16-го принесли много сведений. Мы душевно рады, что дело Г.Ф. покончено. Мы глубоко изумлялись разным этого дела подробностям. Ведь не мог же кто-либо желать, чтобы ни в чём не повинный человек был осуждён, – это было бы уже поверх всех человекообразных рассуждений. Но что делать: сейчас Земля проходит через Армагеддон, и потому решительно всё становится возможным. Потому-то так и необходим не только Священный дозор, но и неусыпная бдительность во всех отношениях. Правильно, что очень часто Вы не различите, где враг и где друг.

Ваше сведение о судьбе каталога – прямо чудовищно. Ведь это является преднамеренным вредительством торговому делу. Ведь издательство и магазин являются торговыми делами и существуют с целью продажи соответственного матерьяла. В торговом деле достаточно известно, что иногда задержка всего на несколько дней уже наносит непоправимый вред. Власти могут запрещать нечто антиморальное, но искусство и культура никак не могут быть названы аморальными. Кроме того, в каталоге перечислялся матерьял, уже разрешённый властями, и потому никаких новых решающих обстоятельств и не могло бы быть. Статья Иванова давно разрешена цензурою, а книга Голлербаха о графике соседней страны преспокойно продаётся в магазине Эттингера, о чём мы прочли в *Сегодня.* Чуется, что существует нечто тайное, и следовало бы в эту тайну проникнуть, ибо какие же могут быть тайны в культуре, которой мы служим. Если у Вас имеются какие-либо осведомлённые знакомые, то нужно бы узнать, нет ли каких-то иноземных влияний. Нельзя же предположить, что всё дело в какой-то узкой местной зависти со стороны художников. Это как-то не вмещается в мышление, но, может быть, где-то имеется и ещё нечто особенное. Бывают различные директора, вроде тех, которые около Ивана Георгиевича, рассмотрите обстоятельства со всех сторон. Во всяком случае, запрещение каталога является

предумышленным вредительством, ибо каждый магазин и каждое издательство широко рассылает свои каталоги, так же точно, как все магазины по своей специальности. Поясните, в чём дело.

Мы очень озабочены, что, по-видимому, не имеется точной калькуляции на первую часть монографии. Нельзя понять, как сложилась эта цена и на какие статьи она распадается. Рано или поздно калькуляцию придётся установить. Прилагаю листок с некоторыми замечаниями относительно воспроизведений первой части. Конечно, если эти обстоятельства уже непоправимы или вызывали бы новые расходы, то лучше оставьте всё как есть. Книга производит очень хорошее впечатление, а на этом переплёте вполне можно печатать золотом, так как ткань не грубая. Главное же – во всём проявить экономность, сохраняя лишь культурность, без всякой роскоши. В связи с судьбой каталога очень тревожит вопрос разрешения на монографию и вообще вопрос перерегистрации. При нормальных условиях всё это должно быть совершенно просто, но, очевидно, условия более чем ненормальны.

Матерьял для второй части может быть подобран без торопливости. Мы уже писали, что Шклявер может содействовать снятию фотографий с картин из собрания Молло и Левинсона в Париже. Также следовало бы иметь хорошую фотографию с картины моей *Замки Майтрейи,* которая в музее Же-де-Пом. Здесь мы тоже постепенно подбираем матерьял, который и вышлем. Вполне понимаем, что Вы разочарованы в возможности получения ответа от мисс Грант. Трудно понять, что с ней происходит, но для корреспонденции она и всегда, а особенно сейчас, весьма трудна.

Свидетельства от *Фламмы* посылаются, и будем очень рады, если они помогут Вам сделать авионную[92] экономию. Кроме того, Вы или И.Г. могли бы для *Фламмы* написать небольшую статью о Ваших авионных впечатлениях. Ведь это те крылья, которые должны объединять человечество и служить не для убийства, но для распространения культуры. Ваши впечатления могут составить отличную тему для статьи. Конечно, сейчас трудно думать о Праге, вообще опасаемся, что сношения с нею затруднятся. Так же точно невозможны и сношения с Веною, можем себе представить, какое ужасное нервное потрясение царит там и влияет на всё окружающее. Нельзя думать, что из-за отложения войны могут сразу измениться и человеческие соотношения. Одна судьба каталога наводит на очень горькие размышления. Елена Ивановна не предполагала сейчас печатать *Основы буддизма* из-за экономии для издательства. Конечно, маленький размер книги даст ей больший объём, а кроме того, наличность бумаги является существенным обстоятельством. Как грустно, что вместо культурно поступательной работы нужно тратить силы и время на несменные дозоры. Не имеет человечество права препятствовать росту культуры. Ещё раз Вы видите, как необходимо единение. Да будет Вам всем светло – идите львами.

Сердцем и духом,

Н. Р.

Если будете издавать *Основы буддизма* по-латышски, то в издании нужно поместить прилагаемого Будду из Бенареса (Сарнат). Мы сообщим потом, если русское издание будет Одобрено Учителем.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 26 окт. 1938г.

Дорогая Елена Ивановна!

Получил с сердечной радостью и благодарностью Ваше письмо от 13 октября. Чувствую, что вибрация сердца – это самое существенное при каждом деле, при каждой мысли и каждом слове. Но надо ещё научиться и надо достигнуть способности даже во всех нагнетениях города сохранить эту чудотворную вибрацию сердца. Искренне благодарю Вас за приведённое упражнение сосредоточения.

Мысли о теперешнем положении произвели на нас глубочайшее впечатление, хотя многое что мы и сами старались осознать и понять. Да, весь мир теперь под печатью

[92] аэропланную (от *франц.* avion).

произвола. Чувствую, что Армагеддон нарастает и вокруг Общества, хотя внешне пока ничего и не видно. Но чую также, что явятся новые возможности и появятся новые неожиданные друзья. Так, например, в Либаве[93] устраиваются регулярные художественные вечера, где присутствуют около 40 художников, артистов и пр. На следующий понедельник пригласили нас приехать и прочесть доклады о Николае Константиновиче. Мы возьмём с собою также несколько оригиналов Н.К.

Теперь хочу Вам рассказать о Виндавской группе Учения, которой руководит Е.И.Бумбер. На днях получил от неё печальные известия, хочу поделиться с Вами некоторыми местами из её письма:

«В мае месяце мне пришлось принять тяжёлый духовный удар, от которого с таким трудом оправляюсь. И то, что я Вам пишу, что уже могу по-братски доверчиво обратиться к Вам, чего раньше не могла, уже показательно как поворот, как [знак того, что я всё] поборола и снова нахожу уверенность и бодрость на пути Служения. Вы знаете об организации мной литературных кружков, задачей которых было развитие сознания, толчки к новым мыслям, новым взглядам, пониманию и новому отношению к жизни. Видно, работа шла успешно, и её нужно было разрушить – вернее, постараться разрушить. Среди участвующих появились двое, которые решили убить начинание, прибегая к самым грубым способам. Несколько месяцев шло испытание моего терпения и выдержки – я его выдержала, но возмутились поголовно все другие члены и просто потребовали ухода из кружка двоих недовольных. В результате я имею двух ожесточённых врагов – внешне скрытых, ибо я никогда до ссоры не допускала, но их ядовитые стрелы совершенно лишали меня сил, съедая психическую энергию... Вот уже 5 месяцев прошло; 5 месяцев подавленности, угнетённости, разочарования в своей пользе Служению Общему Благу. Почему я раньше к Вам не обращалась – потому что не было сил. Вот сейчас – пишу Вам и сама радуюсь и ликую, что снова в душе есть лад звучать в унисон с Вами... Я нуждаюсь сейчас в Вашей поддержке, как никогда до сих пор, нуждаюсь в Вашем руководстве... Я пережила страшное разочарование в себе, в своей работе... Помогите мне снова стать активной и радостной... Я поделюсь с Вами планами, вникните в них и дайте советы, дайте задания и будьте требовательны к исполнению... Из моей группы друзья Стипрайс уехали в Ригу, с остальными (у меня их было ещё трое) слабо... Г-жа Фейзак-Смирнова и есть та, которая хотела разрушить работу кружка. Поверхностное знакомство с Учением было её орудием. (Она когда-то познакомилась также с Феликсом Денисовичем и с г-жой Крауклис.) За свою деятельность в Виндаве[94] я получаю удары, которые тяжело переживаю: случай с К. Принцем был тяжёлым и потребовал много сил. (Принц также когда-то состоял в её группе.) Должна сообщить, что Принц в начале июня 1938 г. умер – моё мнение, что отход от Учения сократил его жизнь... В конце лета мне пришлось встретиться с г. Стуре – другой, другой стал. В результате всех этих наблюдений боишься раскрывать свою душу, и замкнутость одиночества является тяжёлым испытанием... А подойти к людям боюсь – теряю веру в людей. Знаю, что могу зажечь, но ненадолго, и случайно позванные не сделались бы предателями...»

Даю Вам более подробную выписку – этот вопль сердца. Я с г-жой Бумбер переписываюсь уже давно, люблю её за большую преданность и за кротость сердца. Получал от неё изредка также культурные рефераты. Первый удар она получила с отходом Принца. Я ей послал выписку из Вашего письма о Радости бытия, которую я послал также г-же Инге и другим, и надеюсь, что она снова наберётся бодрости. Просил её подробнее описать все случаи с отошедшими, надеюсь, что они не станут активными врагами. Я просил её проявить чуткость и осторожность при встрече с ними, а с лицами, вновь поступающими в кружок, пока заняться индивидуально – по сознанию. Я ей писал также о методе, хотя теперь поздно, как она могла бы избежать враждебности со стороны ушедших: она могла бы распустить свою группу на лето, хотя бы на полгода, а потом вновь собрать тех, кого пожелала бы принять в группу. Ведь открытое исключение, понятно, может привести к ожесточению. Такой метод успешно применял Феликс Денисович до образования нашего Общества.

Так, в этом году почти одновременно ушли с физического плана К.Принц и проф. Шмидт.

Вы сообщаете радостную Весть, что Разрешено читать имеющуюся у меня копию

---

[93] Ныне Лиепая.

[94] Ныне Вентспилс.

второй части в старшей группе, пока под названием *Надземное.* Всё ли можно читать без пропусков?

С Зильберсдорфом переписываюсь редко, в Ригу он приезжает, может быть, два раза в году, везде действует самостоятельно, моего совета почти не спрашивая. Из своей новой книги нам прочёл последнюю главу, большая часть которой состояла из цитат. С ним переписывается Александр Иванович, прочёл также его манускрипт. Вполне понимаю, что такую книгу надо писать долго и тщательно ознакомиться с самым разнообразным материалом. Но Зильберсдорф пользуется главным образом (а может быть и исключительно) русскими источниками, ибо, сколько помню, немецким и английским языками не владеет, но в наш век учёный трудно мыслим без знания по крайней мере одного из этих языков. Далее, по моему убеждению, лица, которые не обладают поэтическим даром, должны были бы особенно тщательно и долго поработать над своим стилем, но часто получается наоборот. *Воспитание духа* читалось бегло, но нам местами не нравилась некоторая окраска фельетонности.

Вы нас очень обрадовали вестью, что высылаются нам Ваши письма. Будем читать их на наших общих собраниях по четвергам. Когда придёт срок для печатания этих писем, так же как и *Основ буддизма,* средства найдутся. У нас в манускрипте хранится латышский перевод с английского. Я просил теперь этот перевод приноравливать к русскому оригиналу, ибо теперь не мало изменений. Сравнивая несколько страниц в начале, на 2-й странице манускрипта я заметил, что выпущено также предложение: «Будда действенно выступил против собственности». Если латышский перевод будет окончательно разработан, его-то уже можно будет напечатать?

Гаральд Феликсович и Иван Георгиевич сегодня уехали за границу: маршрут – Прага, Париж, Брюссель и Брюгге, Осло, Стокгольм, Таллин. Они навестят также Георгия Гавриловича [Шклявера], Тюльпинка и также других, в Осло также Прелля. Одна из главных задач – получить снимки с картин Николая Константиновича для второго тома монографии. Уезжают на две недели. Письма Ваши или Н.К., которые прибудут на адрес Г.Ф. до его приезда, будут мне переданы.

Вы, должно быть, уже слышали о последней (1937г.) книге Принца, которая случайно как раз сегодня мне попалась в руки: *Цепи причин. Оккультный роман. Философия Востока в приложении её к современной жизни.* На 32-й странице здесь снова полемика с Учением. Если не имеете, могу послать экземпляр для ознакомления.

Могу сообщить, что сегодня приобрели для нашего музея картину Н.К. *Прокопий Праведный отводит тучи от Устюга.* Картина эта была репродуцирована для первой части монографии о Н.К. и была выставлена при открытии музея. Приобрели за 850 латов от еврея Элкана, у которого имеется также другая картина Н.К. *Озёрная страна.*

27 октября

Сегодня получил телеграмму, посланную на имя Гаральда Феликсовича в связи с монографией. Мы вместе с Пранде старались разобрать телеграмму и поняли, что макет монографии получен и одобряется, что картину *Мадонна Орифламма* надо назвать просто *Орифламма* (напечатано будет *Oriflamma).* Недоумение у нас вызвало лишь «Entire Painting not Part»[95] – о чём писал Вам Г.Ф., не знаем, но полагаем, что это относится к Вашему портрету (к *Орифламме* относиться не может, ибо немыслимо её сократить). Под Вашим портретом напечатан текст: Святослав Рерих – Портрет Елены Ивановны Рерих (не отмечая, что фрагмент). Клише сделано по небольшому фотографическому снимку части Вашего портрета, который получили и я, и Гаральд Феликсович. Если Вы думаете, что нужна вся картина, то это ещё в течение более чем месяца можно устроить, так как одноцветные репродукции ещё не отпечатаны и клише можно приготовить снова. Далее, мне лично кажется, что если печатать часть Вашего портрета, то не лучше ли будет сделать его немного меньше, чем размер текста (теперь он в размер текста). Н.К. может письменно прислать даже точный размер. Вообще, репродукции будут печататься лишь после 18 ноября, юбилейного дня Латвии, когда типография освободится от государственных заказов, так что Н.К. сможет ответить ещё письмом. Тон одноцветных репродукций будет, как в монографии 1916 года. Я очень советовал послать Николаю Константиновичу корректуру рижских картин, но вряд ли

[95] «Полная картина, не часть» *(англ.).*

успеем, так как клише окончательно ещё не готовы. Далее, относительно двух репродукций, отмеченных в телеграмме. Название *Лунная ночь,* оказывается, к сожалению, уже напечатано. В старых макетах Гаральдом было написано *Лунная песнь,* в последнем по ошибке – *Лунная ночь,* на обороте фотографического снимка два названия – *Лунная песнь* и *Сны Индии.* Единственно как можно поправить – если под репродукцией на белой кайме напечатать новое название – *Песнь утра.* Наконец – относительно *Коней счастья* (на 135-й странице макета) – не знаем, откуда Гаральд взял *Чаша нерасплёсканная,* на обороте снимка *Вестник* – та ли репродукция? В таком случае в первой будем печатать *Кони счастья.* Так как эта репродукция пойдёт в конце книги, то можете отвечать воздушным письмом.

Спешу сегодня же отправить письмо на почту. Желаем Вам и Николаю Константиновичу всё самое сердечное и светлое.

Искреннее преданный Вам,

Р. Рудзитис

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
28-OKT-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

Большое спасибо за Ваше письмо от 19 октября, в котором так много отличных сведений о культурной деятельности Общества. Вы намечаете целый ряд имён, заинтересовавшихся Обществом и желающих принять в нём участие. Ваш друг приват-доцент Университета и художница, которая писала для энциклопедии, будут чрезвычайно полезны в общекультурной группе. Также и Юпатов и Третьяков, каждый в своём роде, тоже могут усиливать эту группу. Скрипач Мадревич и все другие артисты – ведь это все те элементы, которых мы все должны приветствовать. О такой общекультурной группе мы уже писали давно, и вполне естественно, что она может быть довольно пестра по составу, а в случае надобности может делиться на подсекции, – например: музыканты или художники, или поэты – мало ли какие группировки могут быть в широкой общекультурной работе. Итак, действуйте в этом направлении. Если бы кто-то из вновь подошедших был далёк от Живой Этики, то и это не должно служить препятствием, ибо процесс совершенствования бывает очень индивидуален. Для начала главное избежать личностей с предательскими наклонностями.

От души порадовались, что Зента Мауринь читала у нас доклад. Участие таких одарённых известных лиц является оплотом, и нужно всячески поощрять такие объединения. Такая самодеятельность, привлекающая лучших национальных работников, будет тою степенью культуры, которая должна входить в широкие народные массы. Блажен тот, кто даст народу радость. А ведь такая радость всегда выразится в красоте звука, слова, формы – во всём, в чём выявляется творческая мысль. От души радуемся таким собраниям и верим, что под Вашим руководством вместо, увы, столь обычных столкновений произойдут лишь сердечные единения. С Вашею чуткостью Вы поймёте, что если кем-то что-то ещё не воспринято, то следует весьма осторожно освободить его от этой пока непосильной тяготы. Мы давно говорили, что за волосы в рай тащить нельзя, но, по счастью, пашня культуры настолько всеобъемлюща, что для каждого пахаря, и сеятеля, и жнеца найдётся прекрасная работа. Участие разнообразных элементов поможет, чтобы Общество не вызывало кривотолков и всяких ложных шептаний. Мы несём народу культуру, и ничто не может воспрепятствовать этому просветительному начинанию.

О печатании *Основ буддизма* Е.И. будет Вам писать. Уже отсылается вторая партия замечательных писем Е.И. – вероятно, будет третья, а может быть, и четвертая посылка. Многим членам Общества эти письма послужат ключом к пониманию принципов жизни. Лишь бы скорее прошла перерегистрация и Вы могли бы спокойно вести деятельность. Конечно, Вы совершенно правы, что до этого времени мы не будем посылать части архива. При нормальных обстоятельствах в хранении архива, корреспонденции и некоторых книг

нет ничего странного, но действительность заставляет озаботиться и такими простыми вопросами.

Мы были очень огорчены письмом из Гонконга, в котором извещалось о безвременной смерти нашего друга, члена и подписчика *Фламмы,* Василия Фёдоровича Фельшоу, архитектора. Очень жаль, когда такие хорошие люди переходят в Тонкий Мир. Вдова его нам писала о желании ликвидировать оставшиеся после мужа книги – философского и научного содержания. Между прочим, мы ей посоветовали дать эти книги в наш рижский магазин на комиссию. Если к Вам или в магазин будет об этом письмо, то имейте в виду об этом нашем совете. Также я посоветовал, что если после покойного остались архитектурные эскизы, то их можно бы пожертвовать в наш музей. Если бы в Праге опять всё пришло в нормальное состояние, то и там существует при музее, как Вы знаете, особый архитектурный зал. Как я уже писал, сейчас мы ни в Прагу, ни в Вену писем не посылаем, чтобы невольно не отяготить наших друзей. Письма Рынкевич к Вам тоже говорят о тягостном местном настроении. Вообще, и эта переписка становится трудной, ибо у них на границе вся корреспонденция вскрывается. Очень хорошо, если Рынкевич купит монографию, а может быть, и порекомендует её своим друзьям. Наверное, и Янушкевич постарается в этом же направлении. По конверту мы не могли установить, каким именно путём пришло Ваше письмо из Варшавы. Но на нём была жёлтая польская наклейка о вскрытии девизн. департаментом[96]. Человечество до того дожило, что каждый конверт приходится осматривать и иногда убеждаться в том, что частное письмо уже имело непрошеных читателей. Надеемся, что Томашевский, Калантаевские и Инге тоже помогут монографии. Удивительно, до чего повсюду осложнились всякие обстоятельства, – вот уж истинно Армагеддон.

31-ОКТ-1938. При второй части писем Е.И. посылаю Вам сегодня 21 страницу из моих воспоминаний. Может быть, по частям пригодятся для прессы. Вам виднее, когда их помещать. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Просим прислать, если есть, ещё английских марок Пакта.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

29-10-38

Дорогие наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Получили Ваши письма от 19 октября. Очень счастливы, что нападения тёмных завистников снова разбились о благоразумие и расположение, проявленные некоторыми лицами. Когда честность и благоразумие одерживают верх, значит, народ этой страны идёт путём эволюции. Хотим надеяться, что и по отношению к другим светлым начинаниям будет проявлено такое же справедливое суждение. Конечно, приходится всё время быть на дозоре и предупреждать, где возможно, злостную клевету, разбивая её неопровержимыми фактами. Полезно постоянно держать в памяти наготове все наши плюсы, все положительные результаты обширной деятельности.

Порадовало нас сообщение, что новые люди подходят к Вам. Давно советовала я Карлу Ивановичу учредить группу, в которой происходили бы беседы и лекции на общекультурные темы без определённого отношения к книгам Живой Этики. Для таких членов можно было бы устраивать, при их ближайшем участии, художественно-литературные и философские собрания, хотя бы раза два в месяц. Причём при дальнейшем ознакомлении с нравственными обликами членов такой группы можно было бы их постепенно знакомить и с Учением Жизни. При нашем Обществе поощрения художеств в Петрограде собирался такой кружок. На его вечера приезжали много выдающихся артистов, художников и литераторов. Все они очень любили бывать и даже выступать в такой исключительно интеллигентной среде.

[96] контрразведкой.

Конечно, бывали и приглашённые гости. Почему бы и в нашем Обществе не сорганизовать нечто подобное? Не полезно, чтобы за нашим Обществом установилась репутация чего-то исключительного или специфического. Именно, заветы Учения Жизни призывают к самому широкому приобщению ко всем проявлениям человеческого творчества во всех областях жизни. Лишь широко образованный и утончённый в своих вкусах человек может вполне усвоить заветы Живой Этики. Так хотелось бы охранить, защитить и в то же время расширить деятельность нашего Общества во благо милой страны. Ведь мы думаем только о самом прекрасном, о самом строительном, о самой широкой кооперации со всеми благими начинаниями.

Мы ещё не начали собирать для отправки наш архив, состоящий из частных писем и деловой переписки с Америкой. Само собой разумеется, что архив этот не имеет в себе *ничего,* что подлежало бы какому-либо сокрытию. Вероятно, вышлем его не ранее трёх-четырёх месяцев. Но следовало бы собрать сведения, как лучше его послать.

Прекрасна мысль издавать рефераты отдельными брошюрками. Если бы выдержки из книг Учения шли под общим титулом *Учение Жизни,* то брошюрки могли бы выходить под названием *Живая мысль,* или *Строительство жизни,* или *Цветы духа, Подвиг жизни.* Впрочем, Вы, как поэт, найдёте, конечно, лучшее название для таких вестников в широкие массы. Конечно, прекрасно включить в серию таких брошюрок и отдельные статьи и лекции выдающихся культурных деятелей. Именно, не следует замыкаться в тесный кружок. Всё светлое, всё прекрасное должно быть поощряемо и утверждаемо нами.

Приношу горячую признательность милому Клементию Станиславовичу за его дар сердца. Если это не отяготит, то, конечно, хотелось бы видеть *Основы буддизма* изданными и на русском языке, но не в большом количестве. Ваше предложение издать их в размере книги *Братство* мне очень нравится. Также мне хотелось бы поместить в этой книжке уже посланное Вам Изображение Будды, находящееся в Музее Сарната вблизи Бенареса, вместо Изображения с мечом, которое помещено в английском издании.

Теперь о письмах г-жи Рынкевич. К этой даме следует отнестись тоже с большой сдержанностью. Вообще, нам был повторён Совет прекратить переписку с Польшей, с Румынией и Болгарией, вероятно, скоро прекратится она и с А.М.Асеевым. Мне казалось, что я послала Вам копию моих двух писем к Паскевичу и Кавке, если нет, то могу переслать их Вам для ознакомления. О Паскевиче и Кавке никто нам ничего не писал до нашего запроса о них. Получив от них несколько писем по 30 страниц каждое, мы вполне могли составить себе представление о всей ауре, окружающей этих людей. Но также понимаем, что представляет собою и Лига Братства. Г.Ливский, о котором печётся г-жа Рынкевич, состоял со мною в краткой переписке, и должна сказать, что симпатии он мне не внушил. Что же касается до его перевода *Агни-Йоги,* то на днях мы получили письмо от одного польского писателя, в котором он жестоко критикует перевод Ливского. При этом предлагает свои услуги для перевода всех книг Учения и для этого собирается приехать с женою и поселиться в *Урусвати!* Предлагал переводить эти книги и некто Тарло-Мазинский. С ним у меня тоже была краткая переписка, закончившаяся после того, как я отказала ему переслать по почте формулу психической энергии и чертежи для собирания этой силы, а также сделать его единственным передатчиком Учения на Польшу!! Не знаешь, чему больше удивляться, получая такие просьбы, – наивности или же самомнению их. В Польше единственным настоящим сотрудником был ушедший Преображенский. Янушкевич большой добряк, но тяжкое семейное горе утраты всей семьи отразилось на его нервной системе, и потому он легко возбуждается. Он высокопорядочный человек, и, несмотря на некоторые, может быть, не совсем тактичные поступки, я уважаю его и мне тяжко чем-либо огорчить его. Должна признаться, что у меня не хватает сил отказать ему в праве перевода на ту или иную книгу Учения, зная, что это его единственная радость. Между прочим, он писал, что уже переводит первую часть *Мира Огненного.* Но ни одному из поляков не было дано исключительного права на перевод книг Учения. Положение в Польше настолько тёмное и смутное сейчас, что именно там неуместно издавать эти книги. Неоднократно я писала Янушкевичу и всем остальным польским корреспондентам, что мы не стремимся переводить и издавать по-польски книги Живой Этики. Также предупреждала всех ценящих эти книги не выносить их на базар, происходящий в Лиге Братства. Сама г-жа Рынкевич в своём письме от 22 августа с. г. из Венгрии сообщила нам, что результаты её майского доклада о книгах Живой Этики

ещё более укрепили её в убеждении, что почва для восприятия книг Живой Этики совершенно неблагоприятна в её стране и что такая книга, как *Зов,* может только оттолкнуть читателя своими упоминаниями о будущей роли России. Также она пишет: «У нас условия совершенно своеобразные и не могут быть сравнены даже с ирландскими. Не знаю, известны ли Вам преследования, каким подвергается православие, выражающиеся в разрушении десятков церквей и часовен, арестах священников, принудительном «обращении» целых деревень под угрозою выселения и разорения, лишения мест и т. п. Всё это факты, из которых слагается последовательная система уничтожения инаковерующих. К чести некоторых членов правительства надо сказать, что не все согласны с такой политикой, так, например, сам премьер и министр юстиции, но они бессильны перед натиском иезуитов, с которыми не могут бороться даже несогласные с ними члены духовенства. Где уже в такой обстановке говорить о таком возвышенном учении, как Учение Агни-Йоги...»

После всего вышесказанного, зачем там издавать книги Живой Этики? Думается мне, что с г-жою Рынкевич можно поддержать исключительно деловую переписку, не вдаваясь ни в какие обсуждения. Сама она, видимо, очень опасается, ибо пишет из другой страны.

Имеете ли Вы какие сведения от Асеева? Мы ждём его ответа на наши письма к нему от августа и сентября. Он проходит через новое испытание. Контакт с тёмными очень отяжелил его ауру. Как бы не пришлось мне переслать Вам ещё несколько любопытных человеческих документов в Ваш архив. Поучительно, но тяжко ознакомление с извивами человеческой души. Всё больше и больше видишь, как *сдержанность* нужна с людьми и особенно с так называемыми «оккультистами». Воображаю также, сколько ядовитых зёрен разбрасывается некоей председательницей на разных конгрессах! Е.Ф.Писарева что-то замолчала. Может быть, по нездоровью, а может быть, после посещения её председательницей. Ведь она всё ещё называет председательницу своим Аввою! Думается, правильнее было бы обратное. (Между прочим, Елена Фёдоровна просила прислать ей вторую часть книги *Братство,* но на это не имею ещё разрешения. Ответила, что ещё собираю эту книгу.)

Дорогой Рихард Яковлевич, сын мой Юрий ответит на все поставленные Вами ему вопросы. Радуюсь этому Вашему труду. Знаю, с какой чуткостью и душевной теплотой будут написаны некоторые возвышенные страницы. Мечтаю, что в будущем этот труд будет переведён и на русский язык. Удаётся ли Вам применять все указания венского врача? Мне так понравился метод абсолютного утверждения. Именно, нужно выработать в себе этот утверждающий ритм во всей жизни. Лишь утверждение сообщает равновесие всему нашему существу.

Очень понравился присланный макет монографии. Книга вышла очень симпатичная. Надеемся, что не в таком далёком будущем она найдёт широкое распространение в соседней стране. Как обошлось дело с каталогом магазина?

1-XI. Вчера получили от Великого Владыки следующее: *«Письма* могут быть изданы даже раньше *Основ буддизма.* Предоставьте им делать, как хотят и как легче». Также сказано написать, что скоро начнётся наш подвиг. «Скоро Учение с гор спустится в долины».

Думается, если явится возможность издания, то формат может быть избран тот, который выгоднее всего по имеющейся бумаге. Тысяча или даже шестьсот экземпляров вполне достаточно. Конечно, не вижу выхода этой книги раньше 40-го года. Пишу это, а сама мучаюсь, как бы не перегрузить Вас. Может быть, Клементий Станиславович согласится свой дар перенести на *Письма!*

Давно не имеем вестей от Фёдора Антоновича, как его здоровье? Пожалуйста, передайте ему моё сердечное приветствие. Дорогие Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович, шлём Вам всё наше сердечное доверие, знаем, что проведёте Ваш корабль через все подводные скалы. Мужество и твёрдость духа необходимы сейчас, когда зараза малодушия и страха распространяется на огромные пространства. Светлый Щит да хранит милую нам страну! Будем помнить, что всё свершается так, как нужно. Больше, чем когда-либо, нужно знать, что если человек предполагает, то Бог располагает. Поверх очевидности и всяких предположений существует уже предрешённая действительность. Карма утвердилась чётко. Малодушие лишь ускорит разложение. Ещё раз скажем: «Светлый щит да хранит милую Латвию».

Шлю самый сердечный привет Элле Рейнгольдовне и ласку всему молодому

поколению.

Сердцем с Вами,

E.P.

_____

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
7-НОЯБ-38

Родной наш Рихард Яковлевич,

Спасибо за Ваше письмо от 26 октября с приложением Вашей прекрасной статьи. Пошлём эту статью в Америку, а также и Булгакову, которому можете и от себя написать, что не найдёт ли он для этой статьи место в местной прессе, по-русски. Уж очень хорошая статья. И по содержанию очень новая, ибо о книгах ещё не было так сказано.

Очень рады слышать о собрании в Либаве. Пожалуйста, ведите хронику всех таких благих выступлений и сообщайте нам, чтобы можно было этим матерьялом воспользоваться для *Фламмы* – теперь хотя бы для весеннего номера. Но для своевременности сведения нужно иметь в январе. Вы пишете о нарастающем Армагеддоне – скажите, по какой периферии Общества он может нарастать. Скажите, какие к тому признаки и какие меры Вы полагаете заблаговременно предпринять. Значит, Принц и Шмидт за этот год перестали вредить. Наверное, в Тонком Мире они осознают, каким вредным делом они занимались.

Теперь перейдём к первой части монографии.

Если Пранде хочет включить и статью Андреева, то предоставляем ему это как редактору книги.

Если статья Голлербаха была утеряна, то посылаем Вам с этим же письмом последнюю находящуюся у нас копию. Между прочим, в этих утерях нет ли какого-то скрытого вредительства – всяко бывает.

Если *Лунная ночь* уже напечатано, то пусть так и останется. В конце концов, это неважно.

О печатании картины во весь рост фигуры, конечно, относилось к *Орифламме,* ибо на почтовой карточке лишь фрагмент картины. Вам уже давно была послана единственная имевшаяся у нас фотография *Орифламмы,* где изображена вся фигура, держащая знамя. Следует воспользоваться этой полной фотографией, ибо повторять ту же картину в полную величину во второй части монографии уже невозможно. Эта большая фотография была Вам послана в составе целого пакета фотографий уже несколько месяцев тому назад. Там же находились и некоторые фотографии, уже вошедшие в первую часть. Вообще, интересно выяснить, какой именно фотографический матерьял, ещё не использованный, имеется на руках.

Теперь самое важное, а именно о портрете Елены Ивановны. Мы полагали, что он будет во всю величину в полный размер ширины текста, ибо он почти квадратен. Уже давно Вам была послана фотография этого портрета, избранная для печати, на которой на левой стороне было написано «для печатания». Вот именно с этой полной фотографии и предполагается воспроизведение портрета. Если бы эта фотография каким-то непонятным образом исчезла (Вы знаете, как эти фотографии должны быть хранимы), то мы в этом же письме посылаем Вам ещё одну фотографию, с которой можно сделать воспроизведение. Конечно, Пранде досмотрит, чтобы воспроизведение было не слишком плоским и окружающие детали не заплыли бы в темноте. Впрочем, фотография хорошая и вполне может быть воспроизведена. Пожалуйста, обратите внимание, чтобы после воспроизведения фотография не осталась где-нибудь в печатне.

Итак, не стесняйтесь, напишите все Ваши соображения об Армагеддоне. А также и о новых друзьях, которые подходят. Поблагодарите Юпатова и от меня за картину, которую он даёт Музею. Кстати, когда будете писать хронику деятельности Общества для *Фламмы,* всякие такие расширения Музея, конечно, должны быть отмечены. Вообще, все добрые достижения членов Общества должны отмечаться, ибо *Фламма,* прежде всего, есть журнал

ВСЕХ наших обществ и, таким образом, насколько позволяют размеры, должна отображать все действия обществ и их сочленов. Очень жалеем о сведениях, полученных Вами из Виндавы. Конечно, мы не удивляемся, что Принц безобразил, но кто такая Смирнова и чем она могла так досаждать руководительнице Виндавской группы? Конечно, составы групп есть текучая вода, и потому постоянно возможны изменения. Руководителям Вы правильно рекомендуете не доводить дело до явных, а может быть, и грубых разрывов, но пользоваться всеми мерами для тихого расхождения, если умиротворение уже невозможно. Увы, жизнь не в одних песнопениях, но и в борьбе самой разнообразной, ибо тёмные силы всегда бывают и яры, и принимают всевозможные притворные облики. Не было ли вестей от Асеева, творящееся с ним весьма любопытно.

Итак, Вы уже скоро будете иметь все три пакета писем Е.И. Если бумага имеется, и как Вы пишете, и средства находятся, то и печатать их можно. Очень интересуемся впечатлениями Гаральда

Феликсовича и Ивана Георгиевича – даже запрашивали их об этом. Ведь теперь всюду такая неслыханная напряжённость. Е.И. и все мы шлём Вам всем сердечный привет.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
12-НОЯБ-1938

Родной наш Рихард Яковлевич!

Спасибо за письма Ваши от 1 ноября и 2 ноября, которые почему-то пришли в обратном порядке. Вполне понимаем Ваши соображения, вынесенные Вами после поездки в Лиепаю.

К.О.Валковский, как Вы пишете, удивлялся, отчего всё доброе на земном плане проходит так трудно. Происходит это по той простой причине, что добро более принадлежит к надземным понятиям, нежели к плотно-земным. Кроме того, все мы достаточно знаем, насколько сплочены и организованы тёмные силы, в то время как силы добра разрознены и взаимно ревнивы. Это соображение и является главною основою для существования культурных организаций, подобно нашей. Нужно же создавать очаги, где бы добрые люди во имя культуры и истинного просвещения могли бы сходиться для взаимного укрепления.

Для какой именно цели отпечатана на мультиграфе статья Гребенщикова? Хотя он своею вставною страницею, видимо, хотел ослабить несправедливое впечатление некоторых его выражений, но всё же в ней остались неприемлемые и неверные факты. Осталось «служение маммоне», что не отвечает действительности, а затем осталось неверное сообщение об американских обществах наших. Удивляемся мы этому сообщению, ибо Гребенщиков, живущий в Америке, может быть гораздо лучше осведомлён. Кроме того, если Гребенщиков получил *Зелта Грамату,* то он мог видеть приветствия Фелпс-Стокса, активного председателя нашего Общества в Нью-Йорке. Гребенщикову достаточно известно, что общества наши в Америке не были в зависимости от музея и Мастер Института. Общества всегда были самостоятельны и должны были быть самодеятельны. Когда началось апостатское дело, то Фелпс-Стокс предполагал инкорпорировать наше Общество, но по совету иных лиц оставил эту процедуру до времени, ибо Общество как таковое существовало без инкорпорации и могло продолжить такое же своё существование. Также и различные ветви этого Общества в Америке никогда не были распущены. Если они во время процессуальных затяжек остаются как бы неактивными, то это вовсе не значит, что они более не существуют. Это тем более так, ибо чета Хоршей не была во главе этих ветвей Общества, а предательница Эстер Лихтман была лишь в одной ветви, в то время как в остальных действовали: во всех южноамериканских – мисс Грант, в обществах Св.Франциска, Оригена, Китайском – З.Г.Лихтман, в Обществе Амоса и некоторых других – Морис Лихтман, а все Европейские и Дальневосточные всегда были в прямой связи с нами.

Гребенщиков был председателем Сибирской группы, и если она развалилась, то прежде всего об этом нужно спросить самого Гребенщикова, тем более что бездеятельность Сибирской группы обнаружилась уже до 1936 года. Впрочем, о закрытии даже этой группы нам ничего не известно. Таким образом, заявление Гребенщикова в статье о распаде решительно всего в Америке просто неверно. Кроме того, он почему-то не упоминает все новые общества, как Филадельфийский центр, *Арсуну, Фламму,* а теперь и Академию. Во всяком случае, хотя бы из *Зелта Граматы* Гребенщиков мог бы почерпнуть эти осведомления. Уже не говоря о журнале *Фламма.* Эти неверные факты сами по себе нас не тревожат, но всё-таки жаль, что где-то кто-нибудь ими будет введён в заблуждение.

Фотографию портрета Е.И. Вы уже теперь получили и, конечно, если ещё не поздно, сделайте с неё новое клише полностью в ширину текста. Во всяком случае, лучше иметь картину полностью, нежели фрагмент, тем более, что о фрагменте не помянуто в подписи под воспроизведением. Е.И. посылает Вам доверительно копию её письма к К.И.С(туре), как она обещала, для Вашего сведения. Напишите, пожалуйста, каким именно способом удалось получить разрешение на каталог, и вообще, какие именно новые нападения Вы ожидаете в своём последнем письме. Со своей стороны, мы предложили типографии в Палгате изменить всю цену монографии на 39 латов. Боюсь, что при прибавлении целых двух листов текста и целого ряда картин и при скидке в 33 процента и эта цена не будет достаточной. Как жаль, что типография не могла дать полной ясно выраженной сметы, без которой прямо невозможно не только выпускать книгу, но и приступать к печатанию. Что именно предпринял магазин для распространения монографии, ведь всё должно быть сделано заблаговременно. Очень интересуемся результатами полёта Гаральда Феликсовича и Ивана Георгиевича. Укрепляйтесь привхождением новых членов общекультурной группы.

Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Рихард Рудзитис Николаю Рерих[97]

Рига, 18 ноября 1938г.

Дорогой Н.К.!

Давно вспоминали мы Ваше обещание преподнести Латвии через Президента Государства одну из Ваших картин. Решение этого вопроса мы всё откладывали, ибо в наших обстоятельствах вопрос этот казался нам одним из самых труднейших. Раздумывали в последнее время, как нам достойно отозваться на празднества 20-летия независимости Латвии, которые происходят сегодня. И только в последний момент, 15 ноября, вечером, на заседании правления, мы окончательно разрешили этот вопрос: поднести на праздник президенту от Вашего имени Вашу картину *Гималаи,* присланную нам из Парижа (отпечаток её на 200-й странице *Sirds Gaisma,* посвященной Феликсу Денисовичу). Эта картина одна из тех, среди которых Е.И. нам указала выбрать для подарка. Эта картина большого размера и вид её величественный. Мы напечатали специально адрес, который вложили в красивую обложку из кожи, картину же взяли из типографии, где она в данный момент находилась в связи с репродуцированием её для 2-го тома монографии, и вчера утром мы её передали адъютанту президента, так как сам президент по случаю праздников не принимал. Но неизвестно, принял ли бы он и потом, потому что вообще частных организаций и лиц он редко принимает. Мы сделали всё, что было возможно; мы думаем, что мы пытались исполнить и в отношении Латвии наш долг, ждём теперь с великим интересом, как отзовётся президент на Ваш величественный Дар. Кабы он оценил вполне сокровенное величие, весь духовный магнит этого подарка. В адресе мы отметили, что Вы подносите [картину] Латвии, и не отметили «для Музея», ибо полагали, что так будет лучше, не ограничивая его точным указанием, ибо, полагаем, президент всё равно отдаст картину музею и вряд ли оставит во дворце, где вывешены картины почти лишь латышских художников.

---

[97] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

Далее, сегодня вечером в помещении нашего музея мы устроили вечер с гостями, посвящённый празднествам Латвии. Открыл вечер Валковский, прочитав отчёт о героическом созидании Латвии, и кончил его словами Е.И. «пусть Щит Света хранит милую Латвию». Потом последовал концерт, на котором выступили известные артисты: скрипачи, виолончелист, флейтист, пианист, которых всех взял с собою А. Мадревич из Радиофонда. Вечер кончился моим рефератом о пути совершенствования по древним латышским традициям (уже напечатанным когда-то в Ежемесячнике Министерства просвещения), который прочла бывшая актриса – наша Аринь. Вчерашний вечер был вполне удачный. Жаль, что не могли пригласить общественных деятелей, так как в связи с празднествами все были заняты. Сегодняшний вечер с гостями уже третий [этой осенью. – *Г.Р.*] – в начале ноября у нас выступал философ К.Раудиве с докладом *О человеческих взаимоотношениях,* потом последовала музыкальная часть. В этом году предвидится ещё несколько рефератов и один концерт.

Получил в сохранности первую посылку писем Е.И. – эту величайшую радость для нас всех. Избранные письма будем читать по нашим четвергам, когда у нас общая группа членов. Когда прибудут все три тома, тогда пошлём Вам наши соображения о печатании. Войдут ли все три посылки в одну книгу и не придётся ли издать в двух томах? Оставить ли как заглавие просто *Письма* или подыскать специальное название, например, одно из тех, которые Е.И. советовала для серии рефератов, – *Живая мысль, Строительство жизни, Подвиг жизни* и т. д. Средства на издание писем имеются (обещали Вайчулёнис и Мисинь), если Вы согласны, мы начнём печатать уже в конце декабря. Но если книга выйдет уже весной следующего года, как тогда быть с 1940 годом, не знаю, согласится ли цензура, что уже весной ставится число следующего года.

Мадревич – о впечатлении художников у нас на концерте 26 марта.

Портрет Е.И. и недоразумение.

21. XI, вечером.

Отложил отправку письма на завтра или завтрашнее утро, так как воздушная почта у нас теперь отходит лишь 3 раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам. Но ещё и потому, что хотел Вам рассказать о результатах сегодняшнего дня, который снова явился для нашего Общества своего рода историческим днём. На днях от отдела обществ меня навестила какая-то секретарша и передала мне указание заведующего отделом, чтобы мы приноравливали часть новых статутов (цель и права, т. е. первые два параграфа) к *названию* нашего Общества «Общество музея», т.е. чтобы мы сильно сократили их, и чтобы мы подали в министерство новые переработанные статуты в 4-х экземплярах. Я начал по телефону спорить, что наши статуты уже вполне согласуются с названием Общества, но ведь не от этой дамы зависит разрешение вопроса, потому сказал, что обращусь лично к заведующему. Я сразу понял уловку, что у заведующего есть намерение уничтожить нас как чисто культурное Общество, но оставить лишь как Общество, сохраняющее музей, т.е. с самыми узкими правами, в таком случае нас могли бы легко включить в Камеру искусства и совсем ограничить нашу культурную самостоятельность и вместе с тем и деятельность. Вот и сегодня мы с Валковским отправились к заведующему отделом обществ г-ну Лепиню. Он принял нас как-то нервозно, нетерпеливо, совсем не ласково, но даже как-то раздражённо – странная перемена, если вспомнить, как ласково он встретился с нами в последний раз. Он указал, чтобы мы приноравливали цель и права наших статутов к *теперешней* деятельности нашего Общества. Мы сказали, что у нас это уже вполне согласовано, ибо мы в статутах уже осуществляем предвиденные студии науки (у нас курсы английского языка и пр.). В конце концов, мы не знаем, что от нас требуется. Лепинь так и сказал, что название нашего Общества связано с понятием музея, т.е. с сохранением музея, и что занятие общекультурной деятельностью не подходит к нашему названию нашего Общества. На это ответил ему, что для нас более широкое понятие музея – музейона-храма и обители девяти муз и т. д., цель которого развивать и объединять все культурные факторы, и что в этом направлении до сих пор проявлялась наша деятельность. Далее он указал, что также не подобает, что в наших статутах указана цель – поощрение культурного сближения и сотрудничества народов, и в особенности Латвии с Литвой и Эстонией и другими странами, – что это задача Министерства иностранных дел. (Но существует у нас целый ряд различных обществ сближения между отдельными народами.) Просто возмутительно было всё это слушать.

Лепинь нервничал и спешил, и даже не внимал нам, и мы не поняли, как нам поступить, так как по закону мы имели право тут же на месте в статутах вычеркнуть ненужное и при свидетелях подтвердить это, и совсем не надо подавать снова особое письменное заявление. Мы сказали под конец просто, что не понимаем, что от нас требуют, и что идём к директору департамента Янсону. Янсон принял нас, как обычно, вежливо. Он сказал, что со стороны Лепиня, должно быть, и произошло какое-то недоразумение, так как он совсем не намеревался сузить или уничтожить нашу культурную деятельность. Он желал лишь спасти наше Общество от разных предрассудков и подозрений, потому советует формально несколько сузить нашу цель, т.е. ту часть, где говорится о нашем международном сотрудничестве. После такого сужения мы можем действовать в тех же рамках, как мы действовали до сих пор. Далее, зачем Вам указывать столь широкую программу – например, зачем Вам опера и экспедиции? На это ему сразу ответил, что на 26 марта у нас нанят зал оперы, где будем давать широкий концерт. (Между прочим, Янсон сильно заинтересовался нашим концертом.) Мы сказали, что вполне понимаем его желание и что согласны в первом параграфе наших статутов вычеркнуть вторую половину, где говорится о поощрениях культурного сближения и сотрудничества между народами. Тем более, что во втором параграфе, где говорится о правах, указано, что мы имеем право сблизиться с родственными нам по духу организациями. Далее, если уже желательно, во 2-м параграфе мы также вместо слова *конгресс* («право созывать конгресс») поставим латышское слово «sanaksme» (сходки), можем вычеркнуть слово *опера.* Но всё остальное намереваемся отстаивать, например – право открыть школы, театры, различные курсы, студии и пр. и пр.

Снова напомнил Янсону, что жаль, что те, которые писали «отзывы» о нашем Обществе, сами не побывали в нашей атмосфере, ибо он сам уже знает, какое светлое настроение у нас царит и что мы любим Латвию и стремимся ей служить гораздо больше тех, которые только словесно уверяют в любви. Янсон во всём согласился с нами. После ухода от Янсона он говорил с Лепинем, и тот теперь вежливее указал, что нам теперь следует просто обратиться в бюро перерегистрации и там на месте зачеркнуть те предложения, которые сочтём ненужными. Мы завтра обратимся туда, мы убеждены, что деятельность нашего Общества сможет развиваться в том же духе, как до сих пор. Итак, я снова охарактеризовал Вам подробнее одну армагеддонную страницу нашей жизни.

Сегодня получил 2-ую посылку с письмами.

Приехала Ведринская.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
21-НОЯБ-1938

Родные Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Сведение Г.Ф. об эпизоде с В.Ф. Булгаковым нас глубоко поразило. Именно такого оборота трудно было ожидать. Даже если мы представим себе крайнюю нужду, то и в таком случае он должен был поступить иначе. Он должен был тогда сказать, что когда получит ожидавшиеся деньги от своего богатого друга, то он возместит неправильно присвоенные деньги. Кроме того, пожалуйста, имейте в виду, что я никому не передавал исключительного права на воспроизведение моих картин, а тем более с музеем в Праге, об этом не было никаких договоров. Картины, как Вы знаете, все принадлежат Елене Ивановне, находятся там, оставаясь собственностью Е.И., а право воспроизведения решительно никому не было нами передано. Тем страннее разговоры о каких-то комиссиях. Конечно, теперь с Прагой всё покончено и никаких дальнейших заказов там делать не нужно. Очень жаль, что Прага выпала из возможностей для распространения монографии, ибо если дело там стоит так, то и за проданные монографии можно не получить денег. Г.Ф. очень хорошо сделал, написав нам подробно об этом печальном эпизоде, – осведомление всегда необходимо. Также просим сообщить нам и всякие другие впечатления. Ведь мы даже не знаем, как именно развешены картины и в других посещённых музеях. Знаем внешность этих домов, но внутренности

помещений не были сфотографированы. Если красочные воспроизведения в Париже и Бельгии стоят ещё дороже, чем в Риге, то, конечно, нужно по возможности этого избежать. Что касается до однотонных фотографий, то мы ещё пришлём Вам значительное число, когда это потребуется для обсуждения второго тома. Как я уже и писал, о втором томе начнём говорить, когда первый том значительно распространится. Без этого условия невозможно ввергаться в новые затраты. Впрочем, на втором томе должен стоять 1940 год и книга может выйти к концу года, иначе говоря, мы имеем значительный запас времени, а события повсюду идут стремительно. Вполне понимаем Вашу озабоченность о разных делах. Именно, нужно устремить всю осмотрительность, чтобы избежать лишних, ненужных осложнений. Радуемся, что магазин идёт хорошо, так и следовало ожидать. Беспокоит нас болезнь И. Г. Блюменталя и брата Гаральда Феликсовича. Будем надеяться, что и в том и в другом случае удастся найти наилучшее излечение. Если бы Вы нашли полезным какое-то моё письмо к главе, то напишите, когда именно и в каком характере оно было бы уместно. Следует принять все меры, чтобы принести наибольшую пользу культурному делу. Очень берегите здоровье, ибо токи чрезвычайно напряжены. Скажите привет всем ближайшим сотрудникам – да будет Вам всем светло.

Духом с Вами,

Н.Р.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

23-11-38

Родной наш Рихард Яковлевич!

И сказать не могу, как порадовали нас Ваши строки о готовности постоять за справедливость, за общее дело. Сказано – «если проявить устремление и твёрдость, то можно получить разрешение». Высокое культурное дело должно расти, и настанет день, когда милая нам страна будет гордиться светлым очагом, где живёт память о прекрасной деятельности и чудесной личности Феликса Денисовича, его основателя, где хранится высокое творчество и утверждаются самые высокие, самые прекрасные мысли о сотрудничестве и общем благе, и с самоотверженным бескорыстием широко распространяются и предлагаются ищущим сердцам. Придёт время, когда разоблачены будут наветы врагов и завистники и клеветники посрамлены.

Также и прогресс в области мысли и достижения науки придут этому на помощь, ибо наука уже вступила в сферу познавания тончайших энергий и этим самым приобщилась к области метафизики. Правда, существуют общественные слои, которые ещё не преодолели гипноза атавизма и пугаются слова *метафизика,* предполагая под ним нечто, граничащее с колдовством, и потому опасное для общественного благополучия! Но чем просвещённее человек, тем меньше поддаётся он всяким гипнозам, потому будем надеяться, что стоящие во главе проявят должное распознавание.

Родной Рихард Яковлевич, вполне сочувствую Вашему сердечному отношению к Е.И.Бумбер. В своё время Карл Иванович переслал мне два-три её письма к нему, и я очень отметила их. Хотелось бы сказать, чтобы она не огорчалась раскрытием истинных человеческих ликов. Для того, чтобы понять всю сложность построения жизни и эволюции, необходимо это распознавание. Именно, непременным условием каждого Учения Жизни и будет распознавание ликов. Мы должны познать на личном опыте всю бездну человеческой души, иначе говоря, должны в жизни испить, и не раз, чашу яда, только тогда мы сможем стать пособниками, водителями и, наконец, истинными сотрудниками Сил Света. В индусских легендах бог Шива испивает целое море яда, чтобы спасти человечество. И не сказано ли в книге *Агни-Йога:* «Когда спросили райскую птицу, откуда её блестящее оперение, она ответила: “Множество отравленных стрел скользило по мне, и сильнейший яд дал лучшую окраску”». Так будем благодарить стрелков и помнить, что высшее знание есть познание людей. Многие пренебрегают этим знанием, но лишь оно ускоряет эволюцию, как личную, так и всечеловеческую.

Также и ощущение одиночества на известной ступени почти неизбежно. При

утончении всех чувств всё труднее становится окружение людское, и редко, очень редко можно найти созвучие даже в сердцах ближайших. Полное созвучие возможно лишь с надземным Учителем, и этого счастья никто не может отнять от нас. Только от нас самих зависит степень этого единения. Здесь же, на Земле, мы должны выполнить как можно совершеннее наш долг и принятое на себя поручение и научиться радоваться радостью близких. Нельзя терять благожелательства к людям и даже известного доверия, иначе сердце наше окаменеет и путь продвижения пресечётся. Учение давалось и даётся широко, и много можно помочь людям в их исканиях без переполнения их сознания и нарушения сокровенных пределов. В изданных книгах Учения обозначен предел знания, которое может быть вмещено лучшими сознаниями, и из этого материала можно выбрать каждому по сознанию. Шлю мой самый сердечный привет родной душе в лице Е.И.Бумбер.

Правилен Ваш совет распускать временно группу, когда обстоятельства так слагаются, что приходится исключить нежелательный элемент. Мы должны быть осмотрительны и стараться не делать врагов, но если они создались, то меры ограждения должны быть приняты. Думается мне, что в окружении писателя К.Принца было не мало враждебного элемента ко всему, относящемуся до Учения Жизни. О расследовании этого окружения я писала своевременно Карлу Ивановичу, но он не хотел тогда обратить внимание на это указание Великого Владыки, так как К.Принц обещал ему тогда помочь продать его дачу. Вероятно, К.И. был тронут такой «незлобивостью» со стороны Принца, ибо, как Вы знаете, К.И. однажды отчитал его за кощунственное отношение к Учению. Так каждый по-своему толкует и прилагает Учение Жизни. Буду благодарна за присылку последней книги К.Принца, по прочтении вернём.

Большим огорчением было для нас узнать о болезни Ивана Георгиевича и случае с братом Гаральда Феликсовича. Что с Иваном Георгиевичем, не затронуто ли солнечное сплетение? Ведь боли при этом бывают ужасные, люди прямо катаются по земле. Очень часто эти заболевания смешивают с желудочной язвой. Но заболевание солнечного сплетения вполне поддаётся лечению. Надеемся, что всё обошлось благополучно и с братом Гаральда Феликсовича.

Также очень больно было узнать о некоторых недоразумениях, возникших при сношениях с В.Ф.Булгаковым. Хотя и в отношении нас с его стороны были некоторые странности, которые меня удивляли, но я старалась объяснить их его крайним рвением к устроению доверенного ему учреждения. Но, видимо, как пишет Г.Ф., такие случаи действительно являются эмигрантской чертой. Припоминается мне случай, тоже с одной обитательницей этого же города, опишу его, ибо лучше Вам знать, уж слишком много мерзкой клеветы посеяла эта особа. Дело в том, что Н.К. в свою бытность в 30-м году в Париже решил заказать Знамя Преподобного Сергия с вышитым на нём изображением видения Преподобному Сергию Богоматери. Наш друг княгиня Святополк-Четвертинская рекомендовала для этой работы дочь княгини Яшвиль, которая тогда приехала в Париж. Н.К. повидался с нею и сказал, что на эту работу он может ассигновать пять тысяч франков и готов заплатить за весь материал. Княжна Яшвиль согласилась на эту сумму, и Н.К. вместе с нею поехал закупить весь необходимый материал. Причём Н.К., ввиду своего отъезда в Индию, предложил ей получить всю сумму вперёд, на что она с радостью согласилась, и сумма в пять тысяч франков была тотчас же вручена ей при свидетелях.

Но по окончании работы княгиня Яшвиль потребовала добавочной уплаты в 80 американских долларов, и когда Н.К. напомнил ей, что уговоренная сумма была полностью уплачена ей, она продолжала настаивать на недоплате ей 80-ти американских долларов. Эту клевету о недоплате за работу дочери она продолжала сеять как в Париже, так и в Праге среди эмигрантских кругов. Приходится быть крайне осторожными при всех заказах и денежных расчётах. Видимо, в наше время шагу нельзя сделать без нотариуса и адвоката. Мы узнали это на горьком опыте, но всё же в жизни не всегда можно применять всю меру предосторожности. Так и Гаральду Феликсовичу придётся пройти науку самоограждения всякими законными бумажками и достаточным числом компетентных свидетелей, также своевременным оповещением, чтобы не расплачиваться потом за недосылку подарка от богатого друга или дядюшки. Принимая во внимание трудное материальное положение В.Ф.Булгакова, всё же очень, очень грустно, что такое произошло. Хочется думать, что в рассказанном им всё же имеется доля правды. Конечно, лучше прекратить дела с Прагой, тем

более, что их репродукции хуже латвийских.

Ещё и ещё раз очень просим родного нашего Г.Ф. подсчитать все предположенные расходы и *не* перетянуть возможности. Так и книга писем может ждать, и вторая часть монографии может собираться лишь после распространения первой части. Несказанно тревожат нас расходы, которые несёт Гаральд Феликсович. Ценим, очень ценим его самоотверженное бескорыстие, но во всём должна быть явлена *соизмеримость.*

Также не следует переоценивать Г.Г.Шклявера, о нём я писала Карлу Ивановичу в 34-м году. Привожу выдержку, к которой нечего прибавить. «Г.Г. очень ценный сотрудник для внешних и некоторых дипломатических сношений и всего, что касается до дела Пакта и Знамени Мира в Европе, также и для устройства разнообразных культурных выступлений при Парижском центре. Он имеет книги Учения, но духовно никогда не подходил и не знает вообще, что есть духовный подход. Нужно брать людей такими как они есть, и, не звуча на одно, они прекрасно работают в другом. Но есть люди, которые по характеру своему очень любят дать всем понять, что они обладают всеми и даже особыми полномочиями... этим они добиваются своих целей... К таким типам принадлежит Г.Г. и ещё некто М.Тарасов». Потому с Г.Г. нужна осторожность, и советую ни во что, кроме определённого и формального дела, его не посвящать. Также и при каких-либо денежных расчётах следует требовать полный отчёт и расписки. Он забывчив и неаккуратен. Тяжко писать о таких явлениях, но лучше знать, чтобы не подать повода к недоразумениям. Очень благодарны Г.Ф. за всё сообщённое им и приняли во внимание всё изложенное в письмах. Всё труднее становится сообщаться и переписываться с друзьями. Из-за введённой цензуры в некоторых странах получаются иногда такие филькины грамоты, что трудно что-либо разобрать. Люди настолько запуганы, что все начинают говорить и писать эзоповым языком. Вот вам и век просвещения и объявления всяких свобод! Недавно все письма, идущие из Америки, вскрывались на немецком пароходе. Если такое положение продолжится, то люди вынуждены будут обратиться к методам телепатии и передачи мыслей на расстояние, столь осмеянным некоторыми псевдоучёными, и, таким образом, можно будет ожидать скорейшего развития этого великого достижения. Так снова поносители и гонители будут способствовать продвижению осмеянного ими.

Имейте в виду, что встреченного в Праге англичанина мы совсем не знаем, и потому неизвестно, до какой степени он достоин доверия. В погоне за чистотою английского языка он иногда совершенно меняет смысл им переводимого. Так было и с переводом *Агни-Йоги,* английский перевод которой он взялся переработать, но, как мне говорили англичане, он во многих местах совершенно изменил смысл, так что они предпочитают перевод Франсис Грант. Вероятно, чрезмерный пуританизм в стиле языка иногда приводит к искажению смысла.

Дорогие Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович, шлём Вам лучшие мысли и чувства. Время очень серьёзно, но и оно пройдёт. Под Щитом Сил Света пройдём все препятствия. Трудности лишь приносят возможность и дают яркость жизни. Потому будем радоваться возможности усиления труда и напряжения всех способностей наших.

Сердечный привет Элле Рейнгольдовне. Очень хотела бы услышать два-три слова от неё.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
25-НОЯБ-38 №31

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письмо Г.Ф. от 13 ноября. Отвечая на Ваши запросы, мы сегодня Вам телеграфировали: «Печатайте фото, посланное 7 ноября, и парижский портрет». Понимаем, что будет воспроизведена последняя посланная фотография портрета Е.И., которая была

послана воздушной почтой с письмом от 7 ноября, и мой парижский портрет. Святослав останавливается именно на этом портрете, ибо помянутый Вами портрет с камнем был снят в незаконченном виде, а сейчас снимать новую фотографию взяло бы более двух лишних недель, не считая времени письма в Ригу. А ведь для того, чтобы монография закончилась к 15 декабря, уже не только каждый день, но и каждый час уже важен.

О ВТОРОЙ ЧАСТИ МОНОГРАФИИ ОЧЕНЬ ПРОСИМ СЕЙЧАС ВООБЩЕ НЕ ДУМАТЬ. Как я уже писал, пусть раньше распространится первая часть, и тогда мы подумаем о матерьяле для второй. А сейчас, пожалуйста, сложите в одну папку весь матерьял фотографический, который мог бы быть полезен для второй части, и пришлите нам полный список всего, что у Вас для второй части имеется. Не будем думать, пришлёт ли Америка клише или нет, или удастся ли их достать от Когана, – всё это вопросы далёкого будущего. Также в будущем решим, что именно фотографировать в Париже и в Брюгге. Сейчас столько спешных и серьёзнейших обстоятельств, что о второй части временно отложим попечение. Все письма Е.И. Вам уже высланы в трёх пакетах. О печатании их (особенно же если и бумага имеется) мы писали Вам в прошлых письмах.

Очень просим Вас сообщить о делах и о положении Общества. Какие меры Вы предполагаете предпринимать, и если, как я уже писал, было бы полезно какое-то моё письмо, то, пожалуйста, подробно об этом сообщите. Всегда помню, как мой дед любил Ригу и избрал её своим местожительством на последние полстолетия своей жизни, – ведь он умер 104 лет. А прадед 96 лет – вот какие сроки.

Очень рады слышать, что здоровье брата Г.Ф. улучшается. Г.Ф. совершенно прав, что при некоторых отравлениях алкоголь является распространителем. Этот печальный эпизод ещё раз доказывает, какая чрезвычайная осмотрительность должна быть применяема во всех случаях жизни. Вы иногда пишете на имя В.А.Шибаева, если это полезно, так и продолжайте, а не то ещё для упрощения можно писать:

The Proprietor, Hall Estate, P. O. NAGGAR, Kulu, Punjab, Br. India.

Чем проще – тем лучше.

Если Вы бываете заняты, то, может быть, поручите кому-либо из сочленов написать о положении вещей. Словом, делайте, как лучше, и всегда помните, что «единением и малые дела растут, а раздором и большие разрушаются». А ведь всякие раздоры могут быть и большими и малыми, и внешними и внутренними, а всякая капля яда повсюду вредна. Также будем очень рады получить описание музея в Париже и в Брюгге. Только живое впечатление может передать не только внешнюю расстановку вещей, не только размеры комнат, но и освещение, и общее настроение.

26-НОЯБ. Опишите нам, насколько письмо позволяет подробно, как стоит положение вещей и что именно Вы предполагаете предпринимать. С одной стороны, как будто нельзя уступать всем попыткам разрушения, но, с другой стороны, нужно смотреть в суть вещей и, может быть, найти такие формы, которые удовлетворят даже тех, кто, например, вообще даже совсем не слыхал о Ницше. Вообще, нужно проявить максимум мудрости, чтобы не повредить культурному делу. Не посоветует ли Дуцман?

Очень рады, что магазин, видимо, преуспевает. Пусть кто-нибудь из Вас напишет нам, какие именно распространительные меры принимаются магазином, какой устанавливается обмен и чем пополняется актив магазина. Вышла ли уже листовка монографии? В сущности, теперь она должна была бы быть уже широко разослана. Забочусь обо всём этом, чтобы издание, сопряжённое с такими большими расходами, не оказалось мёртвым грузом. Приходилось видеть превосходнейшие издания, которые в силу недостатка распространения оказывались лишь тюками в кладовых. Помню такое издание *Искусство Средней Азии* со множеством красочных воспроизведений, которое именно вследствие недостаточного распространения преждевременно превратилось в забытое антикварное издание. Повторяю, что если Вам самим писать некогда, то, может быть, Вы поручите описать некоторые вещи кому-либо из сотрудников. Впрочем, на месте Вам, конечно, виднее, мы же лишь желаем, чтобы Вам было удобнее и лучше. Вы понимаете наши побуждения. Чуем, что от Вас уже летят письма, и шлём Вам всю бодрость, которая так нужна во время армагеддонное. Всего светлого,

Сердцем и духом,

Н.Р.

В индусском журнале общества *Divine Life*[98] сообщается, что г-жа Плаудис основала в Риге отделение этого общества. Как у неё с перерегистрацией?

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
2-ДЕК-1938

№32

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письмо от 18–20 ноября. Вполне понимаем, что Вы поступили с картиною наилучшим способом по местным условиям. Очень интересно, каковы будут последствия. Наверное, такие факты отмечаются и в прессе.

Также Вы очень хорошо сделали, сократив текст устава. В конце концов, чем короче, тем лучше. Ведь культурное задание живёт не на бумажном листе, а в сердцах. Мы и сами посоветовали бы Вам не поминать такие вещи, как экспедиции или оперу.

Относительно портрета Е.И. Святослав полагает, что лучше поместить в полном размере портрет, посланный при письме 7-го ноября. Если бы помещать фрагмент, то так и пришлось бы написать в подписи под портретом, но раз подпись уже сделана, то лучше оставить портрет в полном виде. Чтобы избежать промежутка между портретом и подписью, может быть, его можно поместить не на самом верху страницы, а несколько ниже, чтобы таким порядком разбить получившийся промежуток.

Теперь Вы, вероятно, уже получили и третью (последнюю) посылку писем Е.И. Название лучше оставить «Из писем...», как сама Е.И. дала это название на обложке. Конечно, печатание такого большого тома или, может быть, двух томов займёт не мало времени, и потому год 1940 совсем не будет таким далёким.

Вы сами видите, что и монография взяла гораздо больше времени, нежели предполагалось. Из-за типографских задержек теперь пропадает самое лучшее предпраздничное время. Вообще, на каждую книгу значительного объёма всегда лучше прикинуть три-четыре месяца, кроме предположенных типографией. Во всей моей практике не было случая, чтобы книга не задержалась хотя бы на самый краткий срок. Всё-таки жаль, с точки зрения магазина, что предпраздничное время пропало.

Е.П.Инге пишет, что переводит (для удобства) нам сюда деньги на один экземпляр монографии. Между прочим, мы не знаем, какую именно цену Вы считаете для членов наших обществ. А теперь уже вполне можно этот вопрос установить, так как цена, наверное, уже прочно выяснена. Пожалуйста, сообщите об этом. Также, пожалуйста, сообщите, каким именно образом и на чьё имя перевести такие суммы, – ведь могут быть разные способы, как, например, почтовый перевод, деньги в заказном письме фунтами или долларами, и главное – на чьё имя. Вообще, если Вы считаете, что полезно дать новый адрес, то мы поймём.

Пожалуйста, при каждом письме Вашем на отдельной страничке помещайте те новости, которые, по Вашему мнению, могут быть интересны для хроники *Фламмы.* Так, например, такое выступление, как вечер Мадревича в зале оперы, или поднесение картины и все текущие лекции и рефераты могут быть отмечены в той форме, которую Вы по местным условиям считаете наилучшею. Имейте в виду, что следующий выпуск *Фламмы* (весенний) должен выйти в феврале, а для этого мы должны в начале января иметь все сведения. Иначе они останутся на летний выпуск, а ведь нет хуже «старых новостей». Уже начинает приходить подписка на 1939 год, а, например, из Мельбурна пришла подписка на 3 года, а из Южной Америки на два года. А этот вопрос для дальнейшего существования *Фламмы* чрезвычайно важен. Также пусть и наши друзья литовцы и эстонцы дадут Вам или прямо нам свои сведения без замедления.

Мы удивляемся, что Конлан нашёл в переводе статьи Бабенчикова будто бы такое множество ошибок. Статья эта в своё время была переведена Святославом и мистером

[98] *Божественная Жизнь (англ.).*

Лихтманом, была проработана мисс Грант и окончательно редактирована Уортоном Сторком. Всё-таки трудно предположить, чтобы такой известный писатель и поэт, как Уортон Сторк, не усмотрел бы ошибок. Впрочем, мы уже заметили, что Конлан из доброго желания улучшения переводов иногда совершенно меняет смысл сказанного, а это обстоятельство тоже нежелательное. Надеемся, что он не слишком удлинил отрывчатый стиль Бабенчикова. Для нас не новость, что даже самые известные авторы иногда обоюдно называют слог произведений несносным и отвратительным.

Итак, надеемся, что теперь с уставом всё будет ладно, и будем ждать от Вас подробных реляций, как всё вышло. Да будет Вам светло,

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

P.S. Была ли в *Сегодня* моя статья *Академия художеств* – ведь празднование было 17 ноября. Вообще, каковы отношения с прессой? Странно, что заметка о Талашкино, очевидно, не прошла. Что думает Иван Георгиевич по этим делам?

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих[99]

5.XII.38

Елена Ивановна и Николай Константинович!

1. Не слишком ли резко Гаральд Феликсович охарактеризовал поступок В.Ф.Булгакова, может быть, при углублении в обстоятельства можно найти хотя бы минимальное оправдание его поступку, по крайней мере, такое оправдание отчасти находит Иван Георгиевич, который и ведёт главную переписку с В.Ф.Булгаковым. Я и просил его описать Вам подробнее всё это дело, конечно, сообщаясь с Г.Ф.

2. Г.Ф. высказывает радость, что директор департамента обществ обещал ему постоянное издательство *Uguns,* а также уверял, что никаких препятствий при перерегистрации Общества не будет. С директором, по просьбе Гаральда, говорил также главный редактор газеты *Государственные ведомости.* Далее, наш Ф.А.Буцен был у государственного канцлера и министра Рудз[итиса], и тот обещал похлопотать об Обществе у министра общественных дел Берзиньша, от которого зависит перерегистрация Общества. Министр Р. когда-то состоял в Синоде, потому Ф.Буцен с ним знаком. Но удивился, что Р. был хорошо осведомлён об Обществе, также о *Доктрине,* знал различные слухи. Буцен обещал ему подарить оба тома *Тайной Доктрины.* Р. был хорошо осведомлён также о Гаральде Феликсовиче, так как последний когда-то лечил кого-то в его семье. Итак, верим, что перерегистрация уже больше не задержится. Вечера с лекторами. Атмосфера повлияет на гостей. Люди привыкнут к мысли, что где-то есть культурный центр, где регулярно, несколько раз в месяц, устраиваются культурные лекции. Будут выступать и наши члены на темы из Живой Этики. 9-го ноября выступил доцент и художник Я.Силиньш о латышском искусстве. 22.XII – мой реферат *О Братстве Св. Грааля по историческим данным.* На январь месяц лекции обещали лучшие латышские умы: проф. П.Дале (о Космическом Сознании) – читал о парапсихологии в университете, и проф. Кундзинь, теолог, либеральный, писал рецензию о моей книге о Н.К. Разовьём деятельность после перерегистрации.

3. Получил 3-й том писем Елены Ивановны. Исправил несколько случаев опечаток. Поправил в 44-м письме от 3.6.32 в начале. В 2-х томах, каждый 500 страниц. 1 том, кончая письмами июньскими и июльскими 1935 г. Введение к 1-му и 2. Название. Каждое письмо с новой страницы. По образцу *Т. Д.* в 1000 экземпляров. В случае, если широчайшее распространение ещё рано, можем не объявить в каталоге и распространить среди последователей Учения. 1939г. – на титуле. В каталоге также *Т. Д.* Члены подписались на *Письма* уже на 220 латов.

4. Вчера начал читать в старшей группе *Надземное.*

5. Как-то болеют теперь наши друзья. Иван Георгиевич сильно страдает от боли в груди, должно быть, как Е.И. пишет, в связи с солнечным сплетением. Лечит Г.Ф. В больнице Вайчулёнис, в субботу была операция пузыря, а в ночь на воскресенье ушла его

[99] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

жена, больная раком, в Обществе не состояла, но симпатичный человек. М.А.Ведринская приехала гастролировать и на репетиции сломала руку. Выступление отложили на месяц. Болели и Александр Иванович, Лицис и другие, но теперь здоровы. Я имел самые тяжёлые токи в ноябре, не смог даже творчески писать, теперь лучше. Самочувствие бодрое. Наш милый К.О.Валковский в этом году чувствует какую-то подавленность. Не только сильно чувствует давление токов и пр., но и часто страдает от нервности своей супруги, сын его – ученик, летом заболел туберкулёзом, теперь поправился и отправился в школу и т.д. Чувствую, что многим даются и испытания. Физически хрупка и Драудзинь. У Г.Ф. теперь меньше больных, чем в прошлом году в это время, но всё же число их больше нормального, и мы советуем и ему беречь силы.

6. Список опечаток ко 2-му тому *Т. Д.* ещё не напечатан.

7. Монографию закончат к Рождеству. Оттенок для одноцветных репродукций – тёмно-коричневый. Мало образцов. Я хотел на кремовой, но Пранде и Гаральд, ради контраста, печатали на белой бумаге. 2000 коричневых оттисков и 3000 чёрных. Грустно о затруднении в связи с портретом Е.И. Страница отпечатана, на верху значки, внизу текст. Решил я с обеих сторон снимок несколько сузить.

8. Письмо Н.К. № 31. Принимаем меры предосторожности о нашем Обществе. В случае, если бы всё же решили ограничить деятельность нашего Общества (хотя чувствуется, что этого не будет), то мы предпримем целый ряд новых обращений, вплоть до обращения к президенту. Хотя и резолюция о перерегистрации стала лишь обыденным делом, но всё же главное зависит от докладчика, директора департамента обществ [Янсона], моего школьного товарища, который хорошо знает мою деятельность как писателя. Главная наша задача – доказать всю нелепость всех этих отзывов и слухов, но это лучше всего доказать нашей бесспорной деятельностью на благо Латвии. Написать очерк о десятилетии Общества было бы прекрасно, спасибо. Только придётся справиться, разрешат ли печатать о 10-летии Общества, когда 2 года до официального открытия Общества была лишь группа Феликса Денисовича и др. Возможно, что можно было бы говорить о десятилетии движения «имени Р.» или нечто подобное. Трудный вопрос будет также с распространением брошюры. Я теперь почти уверен (и чего я опасался раньше), что лицам, давшим отзыв о «мессианстве» и пр., может быть, не понравился восторженный дух *Золотой Книги.* Даже такой весьма грустный силлогизм когда-то приходилось слышать от «компетентной» особы: если бы в вашем Обществе было меньше членов – деятельных учёных, то было бы больше шансов на перерегистрацию. Как будто всё, что мы делаем, мы не совершаем на продвижение культуры Латвии! Конечно, со временем мы это докажем фактами и переубедим неверующих.

Е.И. пишет об «эзоповом языке», он становится и для нас насущной необходимостью.

Переписываюсь на Дальнем Востоке с...

Статья Гребенщикова переписана для нескольких членов.

Прилагаю Вашу статью о радости.

Явилась мысль: как Вы посоветуете – не поместить ли к первому тому *Писем* портрет Елены Ивановны? Или же – пусть остаётся лишь в монографии?

Получил недавно приглашение написать «Message»[100] по случаю чествования Шри Васвани. Послал своё приветствие из Латвии. К сожалению, с идеями Васвани я ознакомился, и притом бегло, лишь по его журналу *Mira,* который и нам присылается, и по отзывам Н.К., книги его не читал, хотя нередко видал их в теософических каталогах. Единственно странно, что Васвани в последнем номере резко нападает на Галилея: он говорит, что йог бы так не поступил, как он, ибо йог умеет страдать за идею и т.д. Неизвестно, всё ли правда, что история передаёт о Галилее, и неизвестно также, как поступил бы на его месте Васвани. Йоги обыкновенно утверждают лишь доброе и проходят молча мимо ошибок своих друзей по духу. Понимаю риторическую суровость Востока. Идеи Васвани и его деятельность ведь так прекрасны.

Весною написал отзыв по просьбе Бушмана для его книжки о памятнике Женщине. Обещал ехать в Америку. Я советовал избрать для памятника какую-нибудь из Балтийских стран, например, саму Эстонию.

Раньше, как Вы знаете, День Владыки мы праздновали 24 декабря, но теперь, когда уже несколько лет мы празднуем День – 24 Марта, является мысль – не праздновать ли нам 24

[100] «Послание» *(англ.).*

декабря как День *учителей,* – кажется, другие веры тоже вспоминают в тот день рождение своих Учителей? В этот день мы могли бы читать изречения из Священных Писаний разных религий и т. д.

Сегодня похоронили супругу Вайчулёниса по католическому обряду. От нашего имени и имени самого Вайчулёниса, который в больнице, выступил Буцен. Из детей лишь одна его дочь держалась мужественно – Аншевиц, которая предана нашему Учению. Так же бодр и Вайчулёнис. В ночь ухода своей супруги он предвидел её уход. Долгие годы мучился своей болезнью, будучи малоречивым и уравновешенным, не жаловался. Завтра ему предстоит вторая операция. Но его сила большая и преданность велика, и мы глубоко убеждены, что он скоро поправится.

Каков точный перевод популярного Мантрама «Om mani padme hum»? Mani – драгой Камень?

Франческа Ла Дью.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

7-ДЕК-1938

Родные друзья!

Сейчас пришло Ваше письмо от 8 ноября – очень внимательно прочли его. В мире происходят престранные вещи. Можно встречаться с прямыми нападениями на культуру, и в таких местах, где менее всего это ожидать можно. Можно встречаться с нападениями на философию Востока. В то же время в журнале *Божественная Жизнь* появляются статьи г-жи Плаудис, а теперь ещё и Шри Харри Дикмана. Кто ему дал этот священный восточный титул «шри» – неизвестно. В статьях г-жи Плаудис повторно сообщается о том, насколько в Риге ценят Восток и восточную философию и как свободно можно мыслить на эти темы. Она учредила в Риге отделение общества *Божественной Жизни.* Хорошо бы узнать, в чём там дело и кто такая вообще г-жа Плаудис, ибо её сведения как бы идут вразрез с тем, что получается из других источников. Может быть, кто-нибудь из друзей узнает, кто она такая. Очень многозначительно сведение о последней строке в словаре. До сих пор мы никогда не слыхали, чтобы словарь делался критической статьёй. Неужели же в этом случае и при других именах выражаются критические определения. Если же этого нет, то помянутый случай является особенно многозначительным, ибо в нём можно видеть желание хоть в чём-нибудь умалить и подорвать. Хорошо бы и в этом направлении навести справки, чтобы разобраться, откуда происходит мразь. Также, может быть, Иван Георгиевич выяснит, что происходит в газете. Не придаём особого значения появлению там статей, но оно делается показательным, почему с прошлого года статьи вдруг перестали появляться. Может быть, И.Г. удастся при этом выяснить какие-либо особые причины. В культурной работе никакие злобные атаки не могут наводить панику. Борьба за культуру есть истинная борьба, со всеми её особенностями. Наверное, Вам приходилось встречаться с людьми, которые уверяют, что они являются деятелями культуры, а в то же время именно они и порабощают её. И не только порабощают, но и всячески вредят деятельно. Лицо, писавшее в словаре, наверное, выражало не только свои мысли, но и настроения целой группы. Хорошо бы и эту группу мысленно очертить, ибо, прежде всего, нужно знать, и только обоснованное знание поможет в дальнейшей деятельности. Каждому из нас приходилось видеть множество каталогов, выпускаемых издательствами и магазинами. И в самое последнее время мы видели такие новые выпуски. В каждом из них, по усмотрению издательства, уделяется то или иное место разным книгам. Книги, ранее изданные, ставшие уже антикварными, занимают рядовое место, а новые издания объявляются часто на целых страницах. Странно подумать, что кто-то стал бы вмешиваться в распорядок магазинов и издательств, которые выпускают каталоги ради своей пользы и выгоды. Если кто-то стал бы вмешиваться в такой рутинный распорядок магазинов, то тем самым он наносил бы ущерб просветительным и торговым делам. Во всём нужно знать истинное положение вещей. Постоянное вмешательство может не только вредить издательскому делу, но и патронировать какие-то, по особым соображениям кому-то близкие, комбинации. Каждое издательство рискует капиталом и трудом в каждой книге, им

выпускаемой. Кто же имеет право вредить культурному делу? Так же точно мы часто видели в книжных каталогах целые номера каталогов или отдельные листовки, посвященные новым изданиям и сопровождённые знаком и титулом издательства. Вполне естественно, что один номер каталога может быть посвящён одному издательству, а следующий номер сделает своим главным заданием какое-либо другое издательство или другую серию книг. Кроме того, в таких каталогах могут быть и платные объявления. Кто же может душить живое образовательное дело? Увы, сейчас во многих углах мира происходят вещи, которые не могут быть названы культурными. Каково настроение Пурвита, – может быть, и он так или иначе причастник к словарю. Существует особый тип людей, который занят лишь тем, чтобы хоть что-нибудь подорвать, если им не удаётся вообще это разрушить. Эти маленькие душители похожи на блох. Каждый укус безвреден, но говорят, что бывают такие селения, где блохи детей заедают. Впрочем, по счастью, существует и персидский порошок. Относительно транспортной конторы в Финляндию нужно отнестись с осторожностью, чтобы не создалось ещё разных осложнений. Вполне понимаем, что Вы считаете мелкие архивные посылки по почте неудобными. Очень интересуемся, как идёт магазин и какие требования на какие именно книги за всё это время. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом,

Н. Р.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

13 декабря 1938г.

Дорогая Елена Ивановна!

Снова извещаю Вас своим письмом, так как Ваши *Письма* уже спешно набираются (первый том, может быть, уже через полтора месяца будет готов), и хочу снова посоветоваться с Вами. В 66-м письме (от 8.8.34), в последнем абзаце, о местонахождении Твердыни и Портретах Учителей, дословно повторяются те же предложения, что и в 64-м письме (от 21.7.34); так как оба письма стоят так близко, то не лучше ли упомянутый абзац выпустить? Изредка встречаются повторения и в других местах (например, о Соборах и пр.), но, кажется, не так бросаются в глаза.

Письма в Европу распределены хронологически, исключая 4 письма (от 17.4.34, 15.9.34, 10.10.34, 12.9.34), если они поставлены в известное место не в связи с содержанием, но случайно, то вставлю их в общую хронологию.

В 80-м письме (от 12.12.34) в конце 2-й страницы сказано: «Все главы государств, все короли возглавляют масонство в своих странах» – не знаю, как это в настоящее время понравится некоторым главам, отчасти также страны Р.Я., потому не лучше ли было бы чуть-чуть смягчить?

Все другие мои соображения я послал Вам в своём письме от 5–7 декабря. Предисловие написано прекрасно и величаво, даст тон всей книге; так как в конце предисловия уже упоминается издательство, то, пожалуй, внизу особой подписи издательства ставить не надо. Успел прочесть Ваш манускрипт лишь до 400-й страницы, если возникнут новые вопросы, то снова обращусь к Вам.

В манускрипте письма 1935 года кончаются 573-й страницей, может быть, этим можно кончить и первую часть, в случае если Вы второй том дополните другими новейшими письмами. Но как я уже писал, к первой части можно присоединить и лишь первую половину 1935 г.

Ф.А.Буцен уже писал Вам о своей вторичной беседе с канцлером, которому министр Берзиньш сообщил, что с его стороны препятствий к перерегистрации не будет. Также и Гаральд Феликсович сообщил Вам радостную весть – слова директора департамента обществ, что в принципе перерегистрация Общества решена, надо лишь совершить формальную процедуру. Верю, что уже скоро мы станем полноправными гражданами Латвийской культурной общины, но всё же сердце моё будет совершенно спокойно лишь тогда, когда перерегистрация будет уже состоявшимся фактом, ибо не знаю, не будет ли каких-нибудь сюрпризов при упомянутой «формальной процедуре». Но всё же верю, что

никаких ограничений не будет, прежде всего уже потому, что министр-канцлер хорошего мнения о нашем Обществе. Сердце чует какую-то большую нечаянную удачу.

10 декабря мы открыли библиотеку в магазине – собрано уже 1 115 книг. Её привела в прекрасный порядок г-жа Якобсон, заведующая одной из городских библиотек в Риге, совместно с некоторыми другими членами Общества. Открытие библиотеки означает новый этап в жизни магазина. В тот же день в витрине магазина была выставлена *Тайная Доктрина.* Так мы отдали её широкому кругу читателей. Пусть с Благословением Гималаев пойдёт она в Мир! Ждём относительно её распространения также и Ваши советы.

По-латышски переведён первый том книги Александра Ивановича, издаёт её Стребейко своим литографическим способом, – возможно, что латышское издание несколько сократим, например, несколько полемических мест.

Желаем Вам всё самое Сердечно Светлое.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Прилагаю чудесное письмо Юлии Доминиковны.

Только что получил письмо Н.К. (№ 32).

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

14-ДЕК-1938

№34

Родные друзья!

Мы были очень рады получить письмо Гаральда [от] 18-го [ноября] с музейными описаниями. Из письма мы поняли, что сведения, полученные нами ранее от одной посетительницы, оказались правильными, и мы ещё раз благодарим за точные описания. Из письма Вашего мы поняли, что в комнате имени Е.И. висят также и какие-то посторонние воспроизведения. Не есть ли это репродукции картин Лукомского – архитектурные мотивы городов? Если припомните, напишите. Во всём и всегда нужно знать истину. Вы сами понимаете, что скрывать ничего не следует, и мы всегда признательны друзьям, которые говорят и извещают о всём действительном положении вещей. Пожалуйста, так и поступайте в будущем. Относительно положения вещей в Таллине интересно знать, каково отношение группы Раннита, ведь у него в группе было пять или шесть человек разных художественных профессий. Если Таска так занят, то это ещё не значит, что вся Эстония в такой же мере перегружена. На энтузиазм Кайгородова мы никогда не рассчитывали, и потому Ваше сообщение нас не удивило. В конце концов, складывается какое-то необъяснимое положение. У нас лежит бумага из Таллина об основании Общества. А теперь бывшее делается не бывшим. Ведь даже и Гагемейстер говорила о какой-то группе. Казалось бы, что даже помимо полицейски утверждённого общества могут быть симпатичные группы. В газете *Сегодня* читали статью *Завидное положение искусства в Латвии* и порадовались этому обстоятельству. Если положение искусства так хорошо, что можно даже завидовать, то, очевидно, это относится ко всем проявлениям искусства и культуры. Вы писали о существовании церкви Сведенборга и обществ Гёте, Канта и Данте, – всё это показывает, что нет мёртвого шовинизма. Там, где нет этого сужающего мертвенного начала, там действительно можно ожидать расцвета всех искусств. Пожалуйста, предупредите магазин Аншевиц, чтобы не адресовать мне посылки на имя В. де Р. (как приложено). Итак, рождественский сезон для монографии не состоялся. Приходит на ум ещё одно соображение. Если и русская монография выйдет в будущем году, то не подождать ли с выпуском английской монографии. Конечно, Вам на месте виднее, но даём Вам и такое соображение, особенно же ввиду (как Вы писали) дороговизны типографии. Г.Г.Шклявер в последнем письме пишет, что ему дан от Вас заказ на цветное клише для картины *Звенигород.* Мы предложили ему для верности переспросить Вас, прежде чем приступать к выполнению заказа. Ведь чёрное клише *Звенигорода* уже вошло в первую часть, а для второй части пока никаких планов вообще не делается. Пусть раньше выйдет и самоокупится первая часть.

Вообще, сейчас столько повсюду напряжений, что нужно собрать все силы для преоборения всяких препятствий. Может быть, опять придётся сделать сбор всех друзей, если где-нибудь проявятся какие-то несправедливости или несуразности. Как здоровье Ивана Георгиевича? Если у него язва в желудке, то ведь теперь довольно легко справляются с этим так болезненным заболеванием. Вполне понимаем, как ему трудно с его директорами. Если он найдёт возможным написать нам, то, конечно, всякие новости от него для нас весьма ценны. Может быть, он сносился и с газетою, ведь там, как видим, помещаются весьма разнообразные статьи, но мне сие интересно лишь с психологической точки зрения. Ведь нам газета ничего не платила, и потому особенного смысла помещаться в ней не имеется, но любопытно знать всякие обстоятельства и причины. Состоялась ли у Вас общекультурная группа, о которой Вы нам писали? Если бы она составилась хотя бы из пяти до семи членов разных художественных профессий, это было бы уже полезным началом. Если бы группа разрослась, тогда они могут делиться по специальностям, но для начала пусть была бы хоть одна такая группа. Можно представить, что вновь пришедшие не будут интересоваться духовно-философской стороной, – пусть каждый идёт к культуре своим путём. Всё время мы ожидали каких-либо известий о поднесённом Вами адресе, ибо невозможно предположить, чтобы это осталось без ответа. Ведь времени прошло уже слишком много. Беликов писал, что он надеется устроить некоторое распространение монографии. Это было бы отлично – но пусть он деятельно продолжает свои попытки. Сейчас мы отсылаем обратно посылку открыток и портрета из Праги, ибо одной пошлины с нас просили 10 долларов, так как они показали стоимость в 500 крон и послали не бандеролью. Невозможно давать такую огромную стоимость, когда посылаются авторские бесплатные экземпляры без коммерческой цели. Да будет Вам светло,

Сердцем и духом с Вами,

Н. Рерих

Инге прислала деньги. Пишет, что Рихард Яковлевич сообщил ей цену монографии в 5 долларов 50 центов. Также хочет *Т. Д.* – сколько она для неё стоит?

Проверяйте неповреждённость 4 углов конверта изнутри.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

16-ДЕК-1938

№35

Родные Друзья!

Очень благодарим Гаральда Феликсовича за его письмо от 4–5 декабря, вчера полученное. В нём много утешительных сведений, и дай Бог, чтобы всякие отложения и задержки скорее рассеялись. Из вопросов, которые слышал Г.Ф., ясно, что спрашивавший совершенно не читал никаких моих книг. Хорошо бы в таком случае давать или *Пути Благословения,* или *Врата в Будущее.* В целом ряде моих книг можно увидеть моё мировоззрение. Г.Ф. отвечал очень хорошо. Радуемся добрым вестям из Америки о клише и фотографиях. Думается, что не худо бы вообще выписать эти клише теперь же, а кстати и фотографии с картин *Гибель Атлантиды, Приданое китайской принцессы* и *Чаши Неотпитой.* Хотя сейчас и не следует думать о второй части, но лучше спасти вовремя, что можно, иначе могут «расхозяйничать». Также пришлите нам список всего фотографического матерьяла, который остался неиспользованным для первой части, – пусть всё будет в порядке. Было бы весьма любопытно получить соображения, высказанные Мабилем. В конце концов, мы совершенно не знаем, каков он человек, а с другой стороны, каждое такое суждение должно получить разъяснения. Нам кажется, что Мабиль не представляет себе или не хочет представить себе, что *Фламма* является органом наших обществ и потому, прежде всего, должна отмечать деятельность, связанную с обществами и с лицами, в них участвующими. Потому-то мы так и просим всех сочленов и сотрудников давать сведения об их достижениях и успехах, чтобы отмечать их в хронике. *Фламму* нельзя считать американским изданием, ибо она издаётся на средства ВСЕХ обществ. В конце концов, в каждом обществе и в каждой стране имеются лица, читающие по-английски и ценящие

воспроизведения с картин, а ведь годовая цена так мала, что даже не покрывает себестоимости. В конце концов, *Фламма* и не рассчитывает на многих посторонних подписчиков, лишь бы подписались сочлены и сотрудники. Со временем каждый будет ценить эту хронику-летопись общей деятельности всех обществ и групп, иначе многие культурные факты рассыпались бы в забвении. Итак, пусть Мабиль, если хочет, выскажется, и ему будет отвечено по всем пунктам. Спасибо за присылку *Сегодня* от 4 декабря. Забавно, что они вычеркнули цитату из Гоголя, точно бы слова великого писателя им показались чрезмерно хорошими. Интересно, появилась ли статья сама собою или потребовались какие-то воздействия. Очень тревожит нас болезнь Ивана Георгиевича и Клементия Станиславовича. Печалуемся глубоко об отходе супруги Клементия Станиславовича. Вообще, время армагеддонное. Если у И.Г. язва в желудке, то ведь рентгеновские лучи её покажут. Если же этого не видно, то, может быть, боли происходят от воспламенения солнечного сплетения. Наверное, И.Г. приходится не мало страдать от всяких директоров. При его доброжелательстве и добросовестности всякие такие сложности должны тяжко отзываться. Пожалуйста, пришлите нам текст устава в том виде, как он проходит сейчас. В конце концов, всегда можно обойти и не подчеркивать, если что-нибудь формально кого-то задевает. Ведь прежде всего – культурная сущность благого дела. Г.Ф. пишет, что операция у К.С. прошла благополучно, – дай-то Бог, чтобы болезнь была излечена радикально. Прямо удивительно, что рука Ивара так быстро зажила. Этот эпизод ещё раз показывает, насколько осторожным нужно быть во всём. Очень жалеем, что некоторые слова О. Н. Крауклис могли вызывать такие нежелательные суждения. И это лишь показывает, насколько дальнозорким и бдительным нужно быть.

19-ДЕК. Сегодня получены письма от Рихарда Яковлевича по 7-го декабря, Карла Оттоновича и Фёдора Антоновича – спасибо за все сведения. Печалимся, что так много горестных сведений о болезнях, – вот и Е.И. сейчас опять чувствует себя плохо – очень сильны перебои сердца. Вообще во всём мире человечество болеет, но ещё мало замечают это. В одной Англии сейчас протекает 100.000 раковых заболеваний. А сколько же ещё в зачатке или не зарегистрировано! Тяжкие времена всюду. Предисловие к письмам Е.И. пусть идёт от Р.Я., но, конечно, он может цитировать из моих статей. *Т. Д.* можно продавать, как только состоится перерегистрация. Однотонные воспроизведения для монографии нуждаются в отчётливости. Нужно думать, что Пранде как бывший редактор журнала понимает, какая именно краска даст наилучшую отчётливость. Портрет в *Зелта Грамате* был несколько бледноват, и это происходило от качества краски, ведь и все синие репродукции тоже были очень бледны, а местами даже трудноразличимы. Как хорошо, что в новом году начнутся общекультурные собрания – они, наверное, привлекут новые круги. Неужели до сих пор не получен ответ на Ваш адрес и картину? Брошюра о десятилетних трудах Общества уже может быть собрана, ибо когда в 1930 году Феликс Денисович приезжал ко мне в Париж, то Общество как таковое уже вполне существовало и Ф.Д. всё время говорил уже об Обществе как таковом. Значит, оно уже было в 1929 году – в каждой организации прежде всего важно, когда она духовно состоялась. Так или иначе, суммирование деятельности Общества будет полезно как для посторонних, так и для членов Общества. Васвани мы никогда не встречали лично. Их учебное начинание, по-видимому, очень хорошее и принадлежит к огромному числу ашрамов и школ, раскинувшихся по всему лицу Индии. Очень хорошо, что произошли совместные усилия, чтобы двинуть перерегистрацию, иначе уже целый год Общество лишено возможности принимать новых членов и вести нормальную работу. Но и в этом случае будем проницательны и, не слишком полагаясь на обещания, доведём общими усилиями дело к благополучному завершению. Уж этот эзопов язык, недаром он так запечатлелся во всей истории человечества. И радуемся и горюем вместе с Вами. Шлём и болящим и здравствующим сердечные мысли к Христову Празднику. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н. Р.

Название книги Е.И. «Из Писем...», и сохраните чёрточки, разделяющие письма на части.

Писаревой *Т. Д.* НЕ посылайте. Мы отсюда пошлём при письме.

Продолжаю 21-ДЕК. Спасибо Г.Ф. за его такое милое письмо от 10-го. Душевно чуем его добрые пожелания и обоюдно всем Вам шлём такие же наши добрые мысли. Всем трудно, и лишь глубоким взаимопониманием можно даже препятствия превращать в полезные достижения. Относительно монографии мы вполне согласны, что (хотя мы Мане ещё не получили) распорядок отдельного приложения репродукций и лучше и дешевле, нежели наклейки, разбивающие текст. Ерёменко так именно и сделал в своей монографии. Главная задача в том, чтобы, сохранив художественность, дать нечто общедоступное. Кроме английского текста, возможен ещё и французский, но итальянский или чешский сейчас не нужны. Скоро вышлем Вам для Ваших следующих матерьялов ещё несколько фотографий. Хорошо, что Вы получили письмо от мисс Грант, значит, братское обращение Г.Ф. на неё повлияло. Но не выписывайте слишком много фотографий, ибо и без того имеются многие однотонные клише разных периодов. Выписывая книги из Америки, имейте в виду, что книга *Озарение* по-русски была издана на деньги З.Г.Лихтман. Может быть, она хочет поступления за продажу обратить на печатание *Аума* по-английски в Америке или на какие-либо другие подобные цели там. В последнем письме от 4-го декабря Конлан опять поминает: «Dr. Lukins does not know English but heard the remark from English people in Riga and Dr. Chklaver also from others in Paris»[101]. Г.Ф. правильно пишет, что он не знает никаких таких людей в Риге, спрашивается, откуда же Конлан мог сложить такую сказку, не зависело ли это от переводчика? Очень прискорбно, если такой хороший старый художник, как Пурвит, погряз в клевете и во лжи. Как Вы знаете, я о нём всегда отзывался чрезвычайно сердечно и среди учеников Куинджи отводил ему первое место. Интересно бы знать, в каком именно отношении он клевещет. Также прискорбно, если молодёжь способна повторять какие-то измышления, даже не пытаясь их проверить на деле воочию. Мне всегда думалось, что даровитая молодёжь бывает очень отзывчива и среди неё можно находить больше огненности. Но какая же это будет огненность, если она начнёт во лжи чадить и дымить.

Рады слышать добрые сведения об успехах магазина. Действительно, как только пройдёт регистрация, можно будет и эту деятельность и расширить, и утвердить. Неужели в силу каких-то нелепостей приходится перепечатывать весь каталог или, может быть, лишь одну какую-либо страницу? Во всех отношениях нужно ускорить регистрацию, ведь тогда можно двинуть и *Т. Д.* Совершенно прав Г.Ф., говоря, что каждый капитал требует оборота, и очень жаль, если побочные обстоятельства этому препятствуют. Но при единении все трудности будут преоборены. Да будет Вам светло.

Н. Рерих

Сокращать Конлана неудобно, он очень обидчив.

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 24 дек. 1938г.
вечером

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Пишу Вам, и сердце полно-переполнено светом. Вечер у Рождественской ёлки у нас всегда был одним из наших вечеров священного напряжения и духовного единения. Чувствовал взаимное дружелюбие, чувствовал любовь, чувствовал горение сердец, всё это – моя радость. Вечер открыл Якобсон музыкальной пьесой, потом Драудзинь прочла молитвы из Учения, Аринь – места из Евангелия от Иоанна, Ведринская – *Звезду* и другие легенды из *Криптограмм Востока,* потом прочёл я свою *Весть Любви* («В начале была Любовь...»), Макаров прочёл стихотворение, посвящённое Владыке, и, наконец, Валковский – свой сердечный очерк о значении Праздника Света, прочёл также приветствия от Юлии Доминиковны и Надежды Павловны. В самом конце трём членам мы передали Портреты. Эта традиция, как я уже когда-то писал Елене Ивановне, у нас установлена Феликсом Денисовичем, но теперь эту, как и другие традиции, мы начинаем переносить главным

[101] Д-р Лукин не знает английского, но прислушивается к замечаниям англичан в Риге и д-ра Шклявера, а также от других в Париже *(англ.).*

образом на 24 Марта.

На пороге Нового года приношу Вам всю свою преданность, и любовь, и благодарность за всё-всё Великое, что Вы даёте нам и всем. Моё существенное желание, чтобы мы стали достойными Доверия, чтобы мы жили в сотрудничестве и единении сердец.

Много мы думали о том, что скоро Учение Жизни спустится с гор. Письма уже первый знак этого. Живая Этика станет также достоянием многих сердец. Раздумывали, если спросят официально об источнике книг Живой Этики, поймут ли. Если, например, придётся беседовать с Главой[102], возможно, что придётся коснуться и автора книг. Не знаю, не придётся ли сказать также об Урусвати[103]. Возможно, что придётся делать письменное обращение к Главе. Много думали о том, как примет и как поймёт. Вспоминали о Карле Ивановиче. Не легко будет найти «золотую середину».

Рад, что Н.К. готов написать письмо к Главе. Чую, что приходит это время. Если решим, то пошлю Вам телеграмму, пусть тогда напишет прямо и по-английски. Чую, что вопрос Общества считают столь важным, что будет обсуждаться и решаться свыше (в кабинете). 28 декабря пойдём снова к директору Янсону. Тогда и решим, как поступать. Чую, что вторично даны негативные отзывы об Обществе. Но знаю, что всё это основано лишь на недоразумении или непонимании. Ибо, с другой стороны, все шесть вице-председателей Камеры литературы и художеств, напротив, наши друзья и даже благожелательны. Четверо из них подписали меморандум. Заместитель председателя Рапа даже на днях выразился о нашем Обществе как об Обществе культурных идеалистов. Так, пришло время нам *доказать* и убедить, что мы поистине идеалисты и что мы мечтаем о продвижении духовной культуры Латвии и желаем ей и человечеству принести свои лучшие силы. Должны же мы сломить предрассудки, рассеять более чем странную фантазию – если бы пришли в музей и познакомились ближе с деятельностью Общества, многое бы само собою рассеялось.

Фёдор Антонович снова говорил с министром. Тот выслушал его доводы против «отзывов» и обещал говорить снова с министром общественных дел. Директор Янсон кого-то снова уверял, что, невзирая на отзывы, Общество будет перерегистрировано. Ведь он лучше других знает наше Общество. На этой неделе и многое разрешится.

Наш Стребейко послал Е.И. свои выписки из Учения о Матери Агни-Йоги. Выписки сделал в 3 экземплярах, остальные хранятся в архиве.

О группе г-жи Плаудис мне рассказала особа, состоящая в Обществе Дикмана, следующее. При Центре Йоги в Латвии существует кружок Свами Шивананда Сарасвати, в сущности, женская секция, одной из руководительниц которой является упомянутая г-жа Плаудис. Последняя славится тем, что у неё «тяжёлый котелок», но не обладает ни способностью выступления с речью, ни писания. Упомянутую статью вряд ли она сама написала. Статья эта – самореклама, моя знакомая тоже видела её. Также большая часть других дам секции невысокого уровня. Секция существует независимо от Центра. Таково мнение моей знакомой, которая вместе со мной служит в библиотеке. Сама она от Маздазданы перешла к Дикману. Каждое утро целый час занимается пранаямой и другими упражнениями. Я не мог её разубедить. Вегетарианство довела даже до культа. Она полагает, что титул «Шри» Дикману дал редактор журнала. Прямой учитель Дикмана Свами Йогананда. Он переписывается также с учеником Шри Рамани Махарши. На латышском языке вышла книга последнего *Upadesa Saram* (?). Центр Йогов как будто ещё не перерегистрирован, но Общество антропософов перерегистрировано, Общество же психических исследований ликвидировано.

Мадревичу в конце концов мы должны были отказать в нашем финансовом ручательстве за его концерт 26 марта, о котором мы Вам писали. Мы навели справки и разузнали о его небрежности к своим коллегам в финансовых вопросах и пр., так что всё это лишало нас доверия к успешности концерта. Всё же Мадревич человек хороший, и надеюсь, что как-нибудь удастся повлиять на него.

Ивану Георгиевичу удалось поместить в газету *Для всех* статью об иконах с репродукциями. Обещали поместить и в других номерах. Вам послан рождественский номер.

Я уже писал о статье в Словаре, что первую, умаляющую половину написала художница, представительница группы, относящейся негативно как к Н.К., так и к

---

[102] Президентом. – *Г. Р.*

[103] Е.И.Рерих. – *Г. Р.*

Обществу, хотя свою вражду нигде открыто не высказала. Лишь раз Скулме в одной статье подчеркнул, что Н.К. – «обрусевший латыш». Такие толки я слышал и от двух других художников. Вторую половину статьи в Словаре написал доцент Леинь, наш друг. Он недавно выразил удивление, что в конце своей статьи как в манускрипте, так и в корректуре он упомянул о моей латышской книге о Н.К., но оба раза редактор вычеркнул.

Первую посылку архива советую послать на имя Ивана Георгиевича на адрес фабрики.

Сердечный привет от моей супруги и её искренняя благодарность за присланные приветствия.

Шлю Вам мои самые светлые мысли.

Искренне Ваш,

Р. Рудзитис

Если Владимир Анатольевич ещё не выслал, то очень прошу выслать нам срочно запрошенную Карлом Оттоновичем бумагу на имя Гаральда Феликсовича.

———

Рихард Рудзитис Николаю Рериху[104]

Рига, 29 дек. 1938г.

Дорогой Николай Константинович!

Буду рад, если это моё письмо попадёт к Вам одновременно с последним моим письмом от 24 декабря, которое я послал 24 декабря утром воздушной почтой.

Последнее письмо я написал под впечатлением тревожных известий и после обсуждения с друзьями. Понятно, если пришлось бы обратиться выше, мы старались бы соблюдать весь свой такт и то, что совместимо с Учением. Но теперь радость, что чаша горчайшая пройдёт мимо. Мы только что с Гаральдом были у директора. Он снова успокоил нас. Невзирая на второй отзыв, он всё же решил перерегистрировать Общество и отдал дело чиновнику для оформления, после чего будет отдано министру на резолюцию. Я спросил: не могут ли явиться у министра какие-либо осложнения. «Будьте спокойны, Ваше Общество будет перерегистрировано, так что Вы спокойно можете ждать Новый год». Конечно, его ответ нас вполне удовлетворил, и с доверием будем ждать весь медленный ход оформления. Как известно, срок перерегистрации – 14 февраля, ещё много обществ не перерегистрировано, и у чиновников много работы. Директор ещё прибавил, что возможно, что в статутах придётся делать ещё некоторые сокращения. Вот почему желаю от всего сердца, чтобы это моё письмо самым быстрым темпом и самой прямой дорогой поспешило к Вам.

Профессор Дале о Космическом Сознании. Я дал материалы. Будем касаться и Н.К. Диплом прислали Инге (?) – подарок *Фламме* от *Угунса.*

С таллинцами не везёт.

Брак Фрицберг с Пеалем.

На адрес нет ответа.

Рождественский дедушка пришёл в таком виде, как это описывается в одной песенке, которую я услышал во время посещения здешнего немецкого детского сада: Moge mochte kommt der Weihnachtsmann![105]

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

31-12-38

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

---

[104] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

[105] Пусть пришёл бы Дед-Мороз *(нем.).*

Рада была узнать, что великие слова, сказанные вождём страны: «Латвия страна справедливости, и потому в ней не может быть притеснений», уже подтверждаются; ибо реорганизация Общества обещана, а клевета и зависть не смогли поколебать положения нашего молодого друга и того доверия, которое он приобрёл у своих многочисленных пациентов.

Эти слова вождя должны быть прочувствованы всеми сотрудниками его, ибо, истинно, нет более великой основы государства, как явление справедливости. Глава страны, стремящийся к осуществлению справедливости, истинно, достоин быть Вождём.

Очень, очень счастлива была узнать, что Клементий Станиславович поправляется. Много тревожилась о нём. Ему следует быть очень внимательным к своему здоровью. Также и Ивану Георгиевичу нужно придерживаться строжайшей диеты. При напряжении солнечного сплетения каждая излишняя пища отражается сильнейшими болями. Вообще всех очень просим следить за своим самочувствием и не упускать ни малейшего симптома переутомления или недомогания. Атмосфера насыщена тяжкими токами до переполнения.

Хочу сказать дорогому Гаральду Феликсовичу, что каждое сообщение о здоровье или о деятельности и прочих обстоятельствах, относящихся до сотрудников и семей их, близки сердцу моему и я всегда радуюсь, получая весточки и фотографии. Потому *нет* несоизмеримости в оповещении о всём происходящем с близкими нам и Вам по духу.

Теперь о делах. Все соображения о монографии Вы уже имеете от Н.К. Что же касается до сборника писем, то, конечно, предоставляю Рихарду Яковлевичу сделать все пропуски, замены и исправления, какие только он найдёт нужным. Так, если нужно, можно выпустить и целое письмо и все повторения. Упомянутую фразу в 80-м письме можно смягчить, выпустив начало и слегка изменив, например – «по-видимому, им даже неизвестно, что большинство аристократии Англии и некоторых других стран принадлежит к разным степеням ордена и имеет свои ложи».

Если хотите заменить какое-то письмо, то посылаю Вам копию письма, которое может пригодиться по сведениям, в нём заключающимся. Но и в нём встречается повторение, например, о космическом магните, потому, если найдёте нужным, исключите эти строки.

Относительно введения Н.К. уже писал свои соображения, и я к ним вполне присоединяюсь. Что же касается до заглавия, то можно оставить просто: *Письма Елены Рерих.* Конечно, я не хотела бы, чтобы сборник сдан был в продажу в 39-м году. И лучше, если на обоих томах будет стоять один год. Сказано: если первый том выйдет раньше, то он может быть выдан членам Общества, но в продажу книга не должна поступить раньше 40-го.

Относительно обложки предоставляю Вам решить, как дешевле. Синий цвет мне так же близок, как и пурпуровый.

Ещё раз прошу Вас передать мою сердечную признательность всем друзьям, участвующим в издании сборника.

Родные наши, тучи сгущаются, но всё могущее идти с эволюцией, со Светом, охранено будет. Полное доверие принесёт и полную победу. Пусть все, как никогда, напрягут связующую нить сердца. Пусть Облик Света ни на минуту не затуманивается в сознании.

Должна кончать, ибо после последнего сердечного недомогания за мною очень следят и мой старший сын через каждые полчаса заходит узнать, как я себя чувствую. Так и мне приходится подчиняться домашней тирании.

Шлю Вам самые сильные токи сердца. Храните мужество и поверх всего – торжественность. Грядущий год полон событий. Щит Света над Вами.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

Привет сердца всем членам Общества.

_____

1939

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

5-ЯНВ-1939

№36

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Сердечно порадовались мы сообщению Р.Я. о дружественном собрании 24 декабря. Всегда приятно слышать, когда сходитесь во имя великих идеалов добра, мира и единения. В такие моменты каждый приносит своё лучшее и могут выковываться самые прекрасные намерения. Единение всегда нужно, а сейчас в особенности. Устремлённость и спешность всегда нужны, а сейчас в особенности. Может быть, Вам потребуется совет от всех друзей для лучшего разрешения проблем. Если бы было полезно моё письмо, о котором Р. Я. поминает, то, пожалуйста, скажите, каково должно быть обращение и на что именно по местным обстоятельствам требуется обратить особое внимание. Кроме того, не знаю, следует ли упоминать о картине, тем более, что, по-видимому, Вы не имели никакого знака в этом направлении. Вы пишете об архиве на имя И.Г. Блюменталя. Кто знает, может быть, кроме некоторых директоров, там имеются и ещё какие-либо такие же люди, для которых всякое письмо и всякая книга уже удивительны. Впрочем, если Вы считаете, что такой адрес наилучший, то напишите очень подробно, на чьё имя нужно сделать коносамент[106] (может быть, на предъявителя) – вообще самым подробным образом опишите, как лучше сделать. О какой именно статье об иконах Р.Я. поминает? Не было ли это о храме в Талашкино – эта заметка была послана уже давно. Через Фёдора Антоновича послана статья *Радость* для *Сегодня.* Кроме того, можно бы составить туда же фельетон из следующих четырёх кратких статей, которые Вам уже давно были посланы. Они являются фрагментами из будущей книги *Жизнь*[107]. Статьи эти: *Блок и Врубель, Леонид Андреев, Дягилев* и *Кончина Куинджи* – это составит четыре обычных машинных страницы, иначе говоря, размер фельетона. При этом можно дать заметку, что это фрагменты из будущей книги *Жизнь.* Беликов прислал листовку, которую он продвигает. Конечно, она начинается по-эстонски, и не каждый поймёт, почему именно на этом языке. Пожелаем успеха. Хорошо бы переслать В.Н.Иванову два экземпляра монографии (можно через Калантаевских), чтобы он дал отзыв повсюду и по месту жительства, и в Швеции. При этом имейте в виду, что вчера мы получили от Калантаевских из Шанхая заказное письмо в грубо открытом виде. Странно видеть, что теперь не только у них вскрывают письма, но и оставляют их открытыми, даже не трудясь заклеить. Если бы в конверте был и чек, то можно себе представить, куда он попал бы. Очень интересно, что антропософы уже перерегистрированы. Тем более и теософские и философские общества не вызовут никаких сомнений. Какие же сомнения могут вызывать книги, написанные на основе тех же источников, как и теософия. Антропософия могла бы вызывать ещё большие недоумения, но, как видно, этого нет. Любопытно, что титул «Шри» будто бы дан Саданандой. В конце концов, теперь это наименование начинает означать нечто вроде «господин». Приходится иногда получать письма тоже от разных Свами с любопытными обращениями вроде «Благословенное Божество», а последний санскритский конгресс в Бенаресе адресовал мне своё обращение «Святому Индии». Так что постоянно приходится улыбаться на такие метафоры. Но по пословице «Славны бубны за горами» можно себе представить, что всякие такие обращения на дальних расстояниях могут вызывать заворот мозгов. Очень любопытно Ваше сообщение, что Плаудис по своей недостаточной образованности не могла бы вообще писать журнальных статей. Вот они занимаются какими-то пранаямами, а лучше были бы, попросту говоря, добрее. Помню одну мою беседу с неким епископом. Он начал уверять меня, что наше отношение к Христу отлично от их отношения, – я ему на это ответил: «Может быть, лишь в том, что Вы почитаете Христа и

---

[106] Документ, содержащий условия договора морской перевозки груза.

[107] Ныне издана под названием *Листы дневника.*

боитесь Его, а мы почитаем и любим Его». Он же говорил о книге, в которой сказано, что Бога не могли увидеть. На это я ответил ему: «А Вы разве видели Бога?» – ведь это бы противоречило Библии. Если бы собрать всякие такие диалоги, то получилось бы необычайное отражение современности. Очень любопытно, какие именно суждения Вы слышите из разных секторов, художественных, культурных и акультурных. Чуем, что Вы изо всех сил действуете во благо, применяясь к местным возможностям и нуждам. Поминаем великие слова «Латвия есть страна справедливости и в ней не может быть притеснений». Этот завет Главы Латвии должен быть вписан на фронтонах всех общественных зданий. Оказывается, Богданову-Вельскому уже 70 лет. Мы рады были видеть, что он вошёл в Камеру литературы и искусства. Вспоминаю прежние добрые встречи с ним. От К.О. Банковского ещё не имеем письма, но как только получим, сейчас же пошлём бумагу, которую Вы поминаете. Здоровье Е.И. всё ещё не ладно. Шлём Вам всем лучшие мысли.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Сейчас получили письмо Г.Ф. от 25-го. Действуйте всеми силами во Благо.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

10-ЯНВ-39

№37

Родные наши!

Получены письма от Рихарда Яковлевича от 29-го, от Гаральда Феликсовича от 30-го и от Ивана Георгиевича от 27-го. Мы очень тронуты Вашим стремлением послать к Новому году добрую весть. По нынешним временам это трудновыполнимо, а всё-таки Вам всем удалось сказать нечто хорошее и ценное. Не пишу И.Г. отдельно, ибо он сейчас на Валааме и мы не знаем, когда именно он вернётся. Вспоминаем Валаам, со всею его тишиною, и радуемся, что И.Г. побудет в этой атмосфере высоких настроений. Мы были там в летнее время, но слышали, что зимою там также прекрасно. Итак, Вы получили точное заверение, что препятствий к регистрации не имеется. Пусть будет так, и будем радоваться, что Латвия – страна справедливости. Любопытно сообщение И.Г. о священнике-поносителе. Вообще пастырю духовному, казалось бы, не к лицу заниматься клеветою. Можно бы спросить его, откуда он почерпнул своё утверждение о том, что я выдаю себя за перевоплощение Св. Сергия. Мы-то знаем, что сия клевета изобретена харбинскими мракобесами, которые живут, дышат и питаются лишь ложью и клеветою. А вот что касается до перевоплощения вообще, то можно бы сказать убогому пастырю, что в *Добротолюбии* из времён Антония Великого можно слышать о перевоплощении. Ведь эта истина была отменена лишь на Константинопольском Соборе в пятисотых годах нашей эры. Значит, все святые и подвижники, жившие в первой половине тысячелетия, будто бы ничего не понимали, а ведь именно среди этих основоположников и были самые замечательные деятели. Достаточно вспомнить об Антонии Великом. Очень хорошо, что какие-то друзья одёрнули клеветника-пастыря. Действительно, не мешало бы ему и многим его коллегам поучиться из жизнеописаний подвижников о том, что они клеветою не занимались. Как сердечно написана Р.Я. весть любви. Вот о добре и о любви нужно вспомнить перед Новым годом, который сулит много всяких событий. Пусть бы скорее совершилась регистрация, и тогда Вы можете образовать и общекультурную группу и привлечь новых членов. Если Ведринская ещё в Риге, то передайте ей наш душевный привет. Радуемся, если Клементию Станиславовичу хотя бы немного легче, но пусть зорко следит за здоровьем. Хорошо, что и магазин преуспевает. Мы были уверены, что при хорошем хозяйстве это дело не только будет самоокупающимся, но и весьма доходным. Главное же, нужно ткать новые связи и начинать сношения с заграничными магазинами.

Хорошо бы понемногу обзаводиться представителями в разных странах. Но пусть все члены Общества твёрдо поймут, что магазин есть их общее дело, и помогут всеми своими возможностями. Купить даже малый лист бумаги, даже карандаш лучше в своём магазине,

чем где-то в чужую пользу. Так при случае и скажите всем нашим дорогим сочленам и сотрудникам. Во всех делах теперь приходится спешить как никогда. Каждое законченное дело уже есть как камень основания. Пусть будет всюду таких камней побольше. Вероятно, первая часть русской монографии уже вышла теперь. Я уже писал Г. Г.Шкляверу, чтобы он побеседовал-посоветовался и с Румановым, и с Коганом, и с «оборонцами», как лучше протолкнуть монографию. Но и со своей стороны то же самое ему повторите. Думаю, что нужно подарить экземпляр в библиотеку «оборонцев», которые вряд ли найдут средства, чтобы купить, но зато они должны дать целый хороший фельетон о монографии. Пожалуйста, пошлите весь набор красочных воспроизведений Конлану (26 rue de la Gar, Chatillon/Bagneux, Seine, France), и сделайте это безотлагательно, ибо они ему нужны, чтобы показать в одном английском журнале, где он хочет написать статью. Очень хорошо, что при рассылке листовок (мы их ещё не получили) Вы прибавляете и письмо, вероятно, прося магазины включить монографию в их каталоги. Иначе десять листовок окажутся совершенно недостаточными для всей Франции. Посылаете ли также в Югославию, в Болгарию, в Швейцарию (Каменской) и на Дальний Восток?

14-ЯНВ – От К.О.Валковского за эти дни никакого письма не было, а между тем Р.Я. просил срочно выслать какую-то бумагу для Гаральда Феликсовича. Конечно, как только получим письмо К.О.В., мы с ближайшим же авионом[108] пошлём Вам. Если не слишком трудно, то пришлите нам, пожалуйста, смету, что стоило бы напечатать в Риге *Фламму* по-английски без репродукций. Г.Г.Шклявер пишет: «Картина висит на видном месте на первом этаже в конце большой залы. Всё же, чтобы вновь воочию удостовериться, я опять зайду в этот музей». Может быть, Г.Ф. и Иван Георгиевич были не в Же-де-Пом, а в Павильон Марсан, хотя и там есть четыре моих картины. Мы писали Г.Г.Ш., прося его всячески помочь монографии. Надеемся, что с регистрацией всё пройдёт приемлемо и скоро. По всем событиям нужна спешность. Прилагаемую записку, пожалуйста, передайте М.Стребейко. Е.И. всё ещё нездорова. Держитесь и бодро, и в единении, в такие времена доброе единение есть лучшая панацея. Неужели адрес и картины остались без ответа? Постепенно и это выясните. Пусть и в эти трудные дни Вам всем будет светло.

Духом и сердцем с Вами,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

18-ЯНВ-39

№38

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Пришли письма Г.Ф. от седьмого января, а также получены отлично исполненные листовки монографии. Теперь дело за магазином, чтобы он успел распространить книгу и завязать новые магазинные сношения. Ведь книга остаётся новой весьма недолгое время, а затем попадает в разряд антиквариата. И тогда темп уже замедляется. Так как по вине типографии были упущены лучшие предрождественские дни, то хотя бы теперь нужно наверстать.

Спасибо И. Г. за рождественский номер газеты *Для всех,* видимо, их бумага не годится для хороших воспроизведений и потому лучше не помещать. Но факт нашего доброго отношения обязывает редакцию дать добрый отзыв о монографии. Также и *Для вас* пусть вспомнит, как хорошо он отзывался, да и Пильский мог бы в этом случае не ограничиваться заметкой под псевдонимом. В Литве тоже есть какая-то русская газета. Сегодня же я писал Г.Г.Шкляверу, чтобы он всячески помог распространению монографии. Вероятно, и Вы ему об этом уже писали, так же как и З.Г.Лихтман. Между прочим, у З.Г.Л. имеется лишь одна книга Учения, изданная на их средства, а именно вторая часть *Листов Сада Марии. Чаша Востока* была оплачена нами, все же остальные книги Учения находятся у Г.Г.Шклявера,

[108] аэропланом (от *франц.* avion).

откуда Вы можете доставать, оплатив лишь провоз. Вполне понимаем умозаключения Г.Ф. о деятельности Г.Д.Гребенщикова – прибавить нечего, «комментарии излишни». Будем надеяться, что теперь уже не найдётся дальнейших затруднений для перерегистрации и Общество вступит в спокойное существование. Говорю *спокойное* в смысле нервности, которая неминуемо возникала вследствие висевшей неизвестности. Теперь Вам можно будет допустить несколько новых членов, уже заявлявших о своём желании. Пусть составится и общекультурная группа, которая могла бы собираться хотя бы один раз в месяц, чтобы поддерживать единение. Кроме того, через такую группу рассеется всякое глупое подозрение о каких-то несуществующих тайнах. Вы уже писали, что Юпатов и несколько художников и музыкантов и доцентов Университета хотели примкнуть, – всё это легко уложится в рамки общекультурной группы. Чуем, что Вам скоро нужны будут помощники по всем Вашим должностям и отраслям. Пристально оглядитесь кругом, нет ли каких-либо дельных молодых людей, которые постепенно могут войти в дело и тем облегчить Вашу работу. Вы пишете, что магазин процветает, именно на это мы и надеялись, более того, были уверены, что при твёрдом хозяйственном распорядке такое культурное дело может быть источником крупных доходов. Если Дидковский может успешно существовать целый ряд лет при его ограниченной программе, то Ваш магазин в соединении с издательством может проникнуть в новые широкие круги. В парижской газете мы читали о выходе в Риге книги Юпатова с моим предисловием, такое издание тоже могло бы быть в магазине. Также через Г.Г.Шклявера Вы могли бы достать новую книгу барона М.А.Таубе *Аграфа,* то есть сборник о незаписанных в Евангелиях Изречениях Христа. Если даже оставить в стороне пояснения самого автора, то сами апокрифы весьма замечательны. Только что мы получили третий том книги А.И.Клизовского, книга хороша. Наверное, в магазине могут быть и книги Балтрушайтиса, Раннита, Северянина и других авторов, живущих по соседству. Конечно, и современная беллетристика должна быть представлена в магазине, могут быть хотя бы и по одному экземпляру и издания на иностранных языках, ибо никогда не знаете, откуда какой покупатель зайдёт. Такие книги, как Алекса Карреля, биография Склодовской-Кюри, и др. такого же типа очень хороши. Главное же, чтобы все члены Общества прониклись искренним желанием поддержать магазин. Каждый из членов имеет какие-либо книжные устремления – пусть он осуществит их посредством именно этого магазина. Интересно, какие именно книги идут в магазине и каков вообще статут магазина? Вероятно, З.Г.Л. с удовольствием предоставит магазину книгу *Озарение* на обычных магазинных условиях, на каких продаются и прочие книги в магазине. Напишите ей об этом, тем более, что Вам не нужно выписывать всё сразу и сто экземпляров будет достаточно. Получили фотографии, которые вернём с соответствующими надписями. Но они могут пригодиться лишь для второй части, которая будет, вероятно, не ранее двух лет, а пока храните все матерьялы для неё в особой папке. Много фотографий из Америки не выписывайте, а если получите клише, то сохраните их в сухом месте. Вообще будьте экономны. Итак, будем ждать от Вас новых добрых вестей. Здоровье Е.И. всё ещё нехорошо – очень грустно, и Вы все берегите себя. Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
25-ЯНВ-1939

№39

Родные наши!

Спасибо за присланные открытки, каталоги монографии и магазина. Также спасибо за прекрасную новую книгу о Греко. Поразительно, что можно дать за два с половиной доллара 250 больших воспроизведений и из них 13 красочных. Положительно невозможно представить, как можно издать такую книгу, даже хотя бы и при большом тираже. В

отношении присланных открыток обратите внимание, что, вероятно благодаря свойству бумаги, многие из них очень дефектны. Так, например, *Терра Славоника*[109] гораздо хуже, нежели на тонких воспроизведениях для монографии. А некоторые в таких пятнах, что не следовало бы и принимать из типографии.

На каталоге магазина нет знака *Угунса* – вероятно, это и было официальное требование. В то же время на книге А.Клизовского, изданной Дидковским, знак *Угунса* имеется. Вот уж чудеса. Там, где имеется прямое отношение к *Угунсу,* там знак не разрешается, а на посторонних изданиях Дидковского знак благополучно процветает. Такую логику иногда понять совершенно невозможно.

Из Финляндии от некоего Тигерстедта мы получили сообщение, что он послал в магазин заказ о шести книгах, но ответа вообще не получил. Тогда он обратился в местный магазин в Гельсингфорсе[110], и там ему сказали, что и они имели несколько заказов, о которых писали в магазин Общества, но, к удивлению, ответа тоже не получили. Спрашивается, в чём же дело? Уж не пропадают ли в пути такие заказы? Это было бы чрезвычайно прискорбно, ибо заказчики могут разочаровываться и начать распространять вредные слухи о магазине, а может быть, будут говорить даже и о его закрытии. Иван Георгиевич писал, что были запросы на английские книги. Хотелось бы знать, на какие именно. Некоторые из этих книг могли найтись у нас, а другие, как, например, *Алтай–Гималаи* и *Шамбала,* могут быть найдены в издательстве Фред. Стокса, а английское *Сердце Азии* и английская *Держава Света* – из Нью-Йорка от З.Г.Лихтман. Английскую *Твердыню Пламенную* мы могли бы дать отсюда. Прилагаю для сведения магазина адреса Фред. Стокса и Стратфорда. Наверное, в магазине накопляется целый лист адресов издательств и магазинов.

В письме И.Г. имеется одно упоминание, которое вызывает тревогу. Он пишет, что отношение налажено с Беликовым, а что касается других магазинов, то отношения установить трудно. Это звучит прямо трагически. Конечно, мы все достаточно знаем, насколько часто магазины бывают жульническими. Но тем не менее, какой же другой канал для распространения остаётся помимо них? Сейчас на очереди распространение таких больших изданий, как *Тайная Доктрина* и монография. Рассылка сотни листовок ещё не может вполне помочь распространению. Мы видим, что каталоги магазинов рассылаются очень широко. Вспомним, что *Священный Дозор* какими-то способами был упомянут во всевозможных каталогах и магазинных объявлениях. Результатом этого было, что мы постоянно слышим из самых неожиданных источников именно о *Священном Дозоре,* а не о других книгах. Всё время меня беспокоит вопрос о распространении. Очень хорошо сделал Беликов, продвинув за границу маленькие листовки, и, кажется, намерен продвинуть и большие. Но это направление остаётся весьма проблематичным, хотя по существу своему чрезвычайно нужным. Но ведь теперь необходимо продвинуться и на Западную Европу и другие части света. Отсюда, из далёких Гималаев, невозможно усмотреть, какие ещё коммерческие каналы существуют, но особенную тревогу вызывают сообщения, подобные Тигерстедту и с Дальнего Востока, о неисполнении заказов; кажется, Асеев тоже намекал, что ему легче получать из Парижа, чем из Риги. Пожалуйста, просмотрите все эти обстоятельства, ибо если не выправить их безотлагательно, то может произойти опасная хроническая болезнь магазина. А ведь магазин – это золотое дело и должен стать доходным во всех отношениях. Но без развития сношения многое может быть потерянным. Даже если для оповещения пришлось бы рискнуть двумя парами экземпляров, то ведь и объявления не мало стоят. Иногда выгоднее заплатить книгою, нежели давать дорогостоящее объявление. Впрочем, хорошо бы дать через Г.Г.Шклявера хотя бы одно объявление в *Последних новостях.* Также запаситесь и добрыми отзывами, которые могут стоить дорогих объявлений. А если монография останется в библиотеке рецензентов, то и это всегда полезно. Вообще хочется, чтобы всё было лучше и чтобы Вам всем было светло. Конечно, вся жизнь есть борьба, и борьба за свет и культуру есть истинный подвиг.

Здоровье Е.И. нас продолжает тревожить. Ведь сердце вибрирует на все мировые и космические события. Как здоровье всех Ваших болящих? Шлём им и всем Вам наши самые устремлённые лучшие мысли.

---

[109] *Terra Slavonica (лат.) – Земля Славянская.*

[110] Ныне Хельсинки.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю[111]

28-ЯНВ-39

№40

Родные наши!

Спасибо большое за все Ваши добрые вести. Пришла телеграмма от Рихарда Яковлевича, получились письма от Гаральда Феликсовича от 15-го и Ивана Георгиевича от 16 января. Все сведения чрезвычайно хороши и значительны. Итак, Общество уже может начать свою новую эру, обогащаться новыми членами и запасаться несломимым оптимизмом, который преоборет все трудности нынешних времён. Посылаю Вам три копии письма и делаю это с особою радостью – чем ближе друг к другу коренной нуклеус, тем больше энергии совместно вырабатывается.

С той же почтой пришло и хорошее письмо от Е.Писаревой, копию которого Е.И. Вам перешлёт. Радостно было видеть, что известие об издании *Т. Д.* принято так сердечно, а для нас всех суждение Е.Ф.П. является самым значительным из всех членов Теософского общества. Что бы ни говорили другие сочлены, но у Вас будет светлое мнение самого ценного и старшего из них. Имейте в виду, что и А.А.Каменской тоже посланы оба тома и теперь ожидаем и её реакции. Жаль только, что силы Е.Ф.П., как она пишет, падают, – такое огорчение слышать о болезнях таких ценнейших деятелей. Об этом же горюем, слыша сведения о падении сил Клементия Станиславовича. Но, вероятно, дошло письмо Е.И., в котором она передавала нужные Советы. До чего хочется, чтобы у Вас всё было светло и ладно.

Славное письмо Ивана Георгиевича. Чувствуем все убеждения, которые так близки всем нам. Разделяем мнение И.Г. о беседе с Пильским. Может быть, по нынешним временам, эти ключи отпирают быстрее других. Но, во всяком случае, газета должна бы припомнить, что я давал туда бесплатно целый ряд фельетонов. Ведь другим сотрудникам газета платит, и потому такое даровое даяние газета должна бы отблагодарить добрым словом. В своё время Перов писал хорошо. Вероятно, и к этому случаю он отнесётся так же доброжелательно. Во всяком случае, нужно, чтобы во всей русской прессе мелькнуло доброе слово. Помните, в своё время и Хирьяков в Варшаве хорошо писал. Имеются русские газеты и в Южной Америке, но сейчас адресов их не знаем. Очень хорошо, если пошлёте для североамериканских газет через З.Г.Лихтман добрые отзывы. Следует послать экземпляр и Вс.Иванову с просьбой, чтобы он дал отзыв в прессе, где он работает. А если бы что-то удалось протолкнуть в Швеции, то тем лучше.

И.Г. пишет о собрании у А.Д.Кайгородова. Тревожусь, что у того бывают какие-то приезжие директора. Я никогда никому не высказывал сочувствия о таких директорах. Наоборот, я всегда предостерегаю, чтобы ехидна не пролезла в какую-то щель. И в случае собраний у А.Д.К. я несколько беспокоюсь, как бы А.Д.К. не начал влиять на группу П.Ф. Беликова. Вы отлично понимаете мои чувствования, а мы лишь радуемся узнавать такие же воззрения и во всех Ваших письмах. Конечно, нет повода противодействовать собраниям у А.Д.К. Но при случае осторожно поставьте в известность П.Ф.Б. о наших и Ваших опасениях. Теперь нужна зоркость повсюду как никогда.

Радуемся успешности магазина. Поистине, Общество должно иметь прямые источники дохода. А магазин как таковой может развиваться беспредельно. Если всё же существуют другие магазины, очевидно, приносящие огромный доход, то и такой магазин, при разнообразии его содержания, может постепенно развиться в прекраснейшее дело, так

[111] Все письма, адресованные Р.Рудзитису, Г.Лукину и И.Блюменталю, приходили на имя Р. Рудзитиса. – *Г. Р.*

полезное и Обществу, и издательству.

Только через магазин можно слагать такие сношения, которые весьма затруднительны из других источников. Итак, берегите магазин всеми силами и обогащайте его новыми книгами из разных стран, воспроизведениями и писчебумажными изделиями. Магазин может широко списываться со всеми странами, и никто не может поставить в вину это желание преуспеяния.

Постепенно Вы узнаете и судьбу картины. Наверное, хотя бы через то же лицо, которому её передали, Вы найдёте следы её местопребывания. Ведь это потребуется Вам и для отчёта Общества. Кстати, мы очень ждём сведений о деятельности для *Фламмы, для* всех её последующих номеров. Эти сведения должны приходить не позже как за два месяца до выхода номера, а сроки выхода Вы знаете. Наверное, Вы будете чрезвычайно удивлены письмом Мабиля и тоже почувствуете какое-то постороннее воздействие. Особенно характерна приписка к письму, подчёркнутая на полях чернилами другого цвета. Двое из Вас были на месте и можете судить, насколько такая приписка не отвечает действительности. Мы и без того понимаем, что по местным средствам и условиям Французская ассоциация не может иметь сейчас лучшего помещения, но во имя справедливости нельзя же называть это помещение превосходным. Посылаем Вам список, кому мы отсюда послали большую листовку, – Вам это нужно знать. Вообще рассудите, что ещё можно сделать в этом отношении полезного. Поразительно сведение, что Юлия Доминиковна не может получить *Т. Д.,* – какая инквизиция. Е.И. (здоровье её всё ещё нехорошо) и мы все шлём Вам сердечный привет.

Сердцем и духом,

Н.Р.

Рады слышать, что Р.Я. будет читать о Граале.

Из письма Г.Г.Шклявера Н.К.Рериху от 15 января 1939г.

По поводу *Фламмы* я прилагаю при сём адресованное Вам письмо от м. Пьера Мабиля, которое он просил меня Вам переслать. В этом письме меня огорчило – как, должно быть, огорчит и Вас – высказанное Мабилем мнение о *Фламме:* мнение это, которое я считаю необоснованным, является, по-видимому, отголоском рижских тенденций. Впрочем, я думаю, что этому критическому направлению не следует придавать слишком большого значения.

Из письма Н.К.Рериха Г.Г.Шкляверу от 26января 1939г.

Прошу Вас передать Пьеру Мабилю прилагаемое письмо. Как видите, его заявление о *Фламме* – о рекламности Агни-Йоги – для нас остаётся загадочным. Согласитесь сами, что перечисление имеющихся в продаже книг Агни-Йоги есть самое обычное оповещение. Помещение же изречений из Агни-Йоги в культурном журнале также никак не может быть сочтено за «русско-американскую рекламу». В самых серьёзных журналах мы постоянно видим изречения философов. О каких таких рижских тенденциях Вы поминаете в связи с этим? В каталоге рижского магазина также имеется перечень книг Агни-Йоги, и это вполне естественно для магазина, имеющего на складе эти издания. Впрочем, из моего письма к Мабилю Вы видите эти же соображения...

Итак, лучше быть вполне в курсе всего происходящего. В сообщении Мабиля кроется какая-то преднамеренная несправедливость, и даже недопустимые намёки. Нельзя же считать перечисление книг серии Агни-Йоги, имеющихся на складе, какой-то особой русско-американской рекламой, тем более, что отовсюду слышим, что люди не знают, где получить эти книги. Также нельзя считать рекламой изречения из Агни-Йоги, ибо тогда и всякое изречение из всех Учений кто-то сочтёт за рекламу. Во всём этом кроется нечто другое. Особенно характерна приписка Мабиля о прекрасном помещении в Париже. Мы все знаем, что Французская ассоциация не имеет средств на лучшее помещение, но это ещё не даёт возможности назвать настоящее помещение прекрасным. И в этом сообщении Мабиля чуется какая-то преднамеренность или влияние. Г.Ф. и И.Г. знают помещение и потому особенно могут оценить справедливость оценки Мабиля. Будем всё знать, ибо лишь в знании истина и сила.

Получили вчера копию письма И.Г. к Георгию Дмитриевичу [Гребенщикову] – превосходная и вполне заслуженная отповедь. Мы все сердечно оценили искреннее

суждение Ивана Георгиевича. Были рады слышать слова И.Г., которые так близки нашим воззрениям.

———

Пьер Мабиль Николаю Рериху
ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ ДЛЯ РИГИ.

10-го янв. 1939

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Прежде всего, прошу извинить недостаточность моего русского письма: хотя я и прожил в России довольно долгое время, но я француз, и если я ещё довольно свободно выражаюсь по-русски, то писать мне много труднее. Вы же, оказывается, не говорите по-французски, почему я и решился написать Вам на своём ломаном русском языке.

Интересуясь с молодости оккультными течениями, а с другой стороны, и искусством, я в России же ознакомился с восхищением с Вашей художественной деятельностью. В Учение же Агни-Йоги меня начал посвящать незабвенный д-р Ф.Лукин, я познакомился с ним в 1932 г. в первый свой приезд в Ригу, и благодаря общности взглядов между нами быстро установились дружеские отношения, чему способствовали мои частые наезды в Ригу. По смерти его я перенёс, если можно, так выразиться, дружеские чувства на его сына Гаральда, который держит меня в курсе новых выпусков и вообще издательства Агни-Йоги, с коим я теперь знакомлюсь по мере сил и возможности.

На эту тему я и собирался написать Вам. За последнее время во Франции наблюдается довольно сильное нравственное движение – не только на религиозной почве, но связанное с исканием Истины. Склонность к теософии и оккультизму несомненна: большой спрос на соответствующие книги. Что это ничего общего с простым любопытством не имеет, свидетельствует, с каким вниманием публика следит за многочисленными лекциями и докладами соответствующего характера и посещает их. Предполагаю, что книги Агни-Йоги выпускаются не для одной русской эмиграции, которой в ближайшие годы всё же суждено вымереть (я говорю про отцов). Живое же учение должно крепнуть: потому хорошо было бы приобщить эту нарастающую во Франции волну к Учению. Но для этого потребуется перевод большинства вышедших книг, а не одной *Агни-Йоги,* и выпуск по ценам, не превышающим соответствующие издания во Франции.

С другой стороны, желательно пока познакомить нашу ищущую публику с другими изданиями, хотя бы на английском языке, знакомом нашим интеллигентам. Но тут, ознакомившись благодаря любезности господина Шклявера с первым выпуском *Фламмы, я* должен признаться, что был крайне угнетён той коммерчески-рекламной формой, в кою облекают издание Агни-Йоги русские американцы. Для нас, западноевропейцев, к коим я причисляю и русских, этот способ годится только для фабрикантов, как мыло и т. п., но для Учения и для такой светлой Личности, как Вы, Николай Константинович, он нисколько не подобает!

Высказав Вам свой взгляд, я как бы облегчил свою совесть.

Буду очень счастлив, если Вы ответите своими соображениями.

А пока желаю всего светлого, дабы Мир обогащался Вашими произведениями, и прошу разделить с Еленой Ивановной мой душевный привет.

П. Мабилъ

Пользуюсь случаем, чтобы отметить, насколько удачно выбрано на Рю де Валуа новое помещение Музея и Комитета Вашего имени – удачно во всех отношениях.

П.М.

———

Николай Рерих Пьеру Мабилю

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ ДЛЯ РИГИ.

26-JAN-1939

Cher Monsieur Mabille!

Благодарю Вас за письмо Ваше. Вы совершенно напрасно стесняетесь Вашим русским языком, который вполне хорош. Мне как старому другу Франции было очень приятно читать Ваше сообщение о том, что на Вашей родине развивается интерес к духовно-культурным учениям. Вы пишете, что следовало бы иметь французские переводы не только *Агни-Йоги,* но и прочих книг этой же серии. Вполне с Вами согласен. Для этого, прежде всего, следовало бы распространить-распродать французскую *Агни-Йогу,* которая ещё лежит на складе в сотнях экземпляров. Может быть, Вы, как живущий сейчас в Париже, этому посодействуете. Вырученные суммы могли бы пойти на другие французские издания из этой же серии, переводом которых Вы, может быть, предполагаете заняться. В своё время, когда наш покойный друг Поль Шабас издал французскую *Агни-Йогу,* он был очень огорчён тем, что не нашёл достаточное сочувствие. Но может быть, за десять лет тенденции изменились, и Вам это лучше видно на месте. Будем очень рады слышать, если Вам что-либо удастся для[112] <...>

<...> Вы пишете о рекламности Агни-Йоги, что остаётся для нас энигматической[113]. Вы говорите, что угнетены «коммерчески-рекламной формой, в кою облекают издание Агни-Йоги русские американцы». Беру № 1 *Фламмы* и вижу обычные перечисления книг, имеющихся на складе для продажи, и это никак нельзя назвать какой-то особой коммерческой рекламой, ибо каждая напечатанная книга нуждается в распространении. А такое распространение может быть достигнуто лишь оповещением, иначе книга вместо принесения пользы останется в сотнях экземпляров, как мёртвое тело, в подвале. Кроме того, Вы же знаете, как самоотверженно и жертвенно члены Латвийского общества издают эти книги. Неужели же кто-либо будет осуждать такое прекрасное желание ознакомить человечество с Учением Живой Этики. Кроме того, во *Фламме* была страница изречений, почерпнутых из Агни-Йоги. Во многих самых серьёзных культурно-философских журналах мы видим постоянно помещаемые изречения различных философов. Делается это не только в Америке, но и в Индии, и в Англии, и в других странах. Это не есть реклама, а просто дружеское сообщение высокополезных заветов. Вы знаете, что *Фламма* является журналом наших обществ, издаётся людьми, преданными делу и самоотверженными, и потому по совести могу сказать, что такое осуждение мне кажется несправедливым. Впрочем, мы глубоко ценим каждое мнение и приветствуем самодеятельность.

Искренно,

Н.Р.

———

Латвийское общество Елене Рерих[114]

январь 1939г.

Дорогая наша Водительница Елена Ивановна!

В любви и в глубочайшей благодарности шлём Вам к 12-му февраля наши самые чистые и сокровенные мысли и самые сердечные пожелания. Мы счастливы, что сердцу нашему дано познать Учение Жизни и что можем быть соучастниками созидания Великой Эпохи, мы счастливы также, что являемся лицезрителями Подвига Жизни Вашей и Н.К., достойной подражания.

Искренне Ваши.

———

[112] На этом месте первая страница копии письма заканчивается.

[113] загадочной.

[114] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

Елена Рерих Элле Рудзите

1-2-39

Дорогая Элла Рейнгольдовна!

Рада была получить Ваше сердечное излияние по наболевшему вопросу[115]. Вполне разделяю Ваши заботы о Рихарде Яковлевиче, ибо и меня мучает, что он перегружен, и так хотелось бы снять с него большую часть нагрузки по делопроизводству в Обществе. Вы, конечно, знаете, что Екатерина Яковлевна предлагает учредить группу из членов Общества, которая приняла бы на себя значительную часть всех рутинных работ. Конечно, таков и наш совет, поддержанный Великим Владыкой, чтобы Рихард Яковлевич составил такой комитет, который под его руководством ведал бы всем делопроизводством. Но, конечно, это ещё не есть полное разрешение вопроса. Считаю, что Общество встанет на правильный путь развития, когда члены, несущие работы по делопроизводству, будут хотя бы частично оплачены. Именно, хотя бы за те месяцы, когда Общество функционирует. Ведь Общество может быть закрыто уже с половины мая до половины сентября. Конечно, кто-то дежурный будет оставаться, но такое дежурство могут принимать на себя, по очереди, члены Общества, и оно не должно быть обременительно, присутствие может быть ограничено одним, двумя днями в неделю.

Я весьма ценю творчество Рихарда Яковлевича, и потому, как и Вам, мне хотелось бы, чтобы Р.Я. имел больше свободного времени для выявления своего дара. Думаю, что если бы его освободили от секретарской работы, а также и что касается до устройства вечеров с гостями, которые могут свестись к трём или четырём выступлениям в год, то это уже явилось бы значительным облегчением. При семичасовой государственной службе, конечно, такое перегружение, которое Р.Я. несёт сейчас, чрезмерно. Но не скроем от себя, что даже при наличии секретаря всё же немало забот и времени потребуется от Р.Я., он ведь душа и пружина Общества. Мне казалось, что Банковский раньше помогал Рихарду Яковлевичу. Почему прекратил он эту помощь? Неужели из-за каких-то мелких недоразумений или соображений? Это было бы жаль. Впрочем, это мои лишь соображения, и просто у Карла Оттоновича тоже большая перегруженность своими делами.

Рихард Яковлевич незаменим как председатель Общества. Вы знаете, что после ухода Феликса Денисовича именно Р.Я. был назван Великим Владыкой «духовным наследником Ф.Д.». Если Р.Я. сложил бы с себя председательство, то я очень опасалась бы за существование Общества. Чудесная аура Р.Я. помогает объединению многих трудносоединимых элементов и насыщает стремления многих душ. Кроме того, как Вы пишете, и сам Р.Я. любит Общество, и я понимаю это, разве не есть это его великое служение? Нет такого служения, которое не требовало бы от нас самоотвержения. Потому будем стараться чем только возможно облегчить принятую им на себя ношу. Пусть истинные друзья постараются пояснить это и тем членам Общества, которые вполне могли бы принять на себя часть рутинной работы.

Вы пишете, что уже десять лет, как Рихард Яковлевич отошёл от латвийской литературы и литературного общества. Чем Вы объясняете это? Где причина? Не в том ли, что, как обычно, всё самое талантливое не подходит под существующий уровень таких обществ? Ведь во всех областях искусства и науки приходится наблюдать то же явление, а именно, всё самое молодое, самое устремлённое и талантливое всегда уходило от общепринятых группировок. И мне приходилось поддерживать Н.К. в его отходе от группы академических товарищей, когда развитие его таланта требовало совершенно другого окружения и горизонта, не ограниченного никакими рамками, будь то националистическими или же академически-принятыми и т. д. Много было битв, но я ни минуты не жалею, наоборот, я счастлива, что Н.К., несмотря ни на что, шёл туда, куда звал его дух. Только на этом пути он нашёл себя и своё истинное призвание. Потому, если Р.Я. любит Общество и всё связанное с Учением, то и не следует удерживать его от проявляемых им забот и устремлений. Именно его душевное горение к Учению и даст ему силу творчества. Н.К., в свою бытность директором Школы Императорского Общества поощрения художеств, был занят целыми днями, ибо школа была открыта от 9-ти утра до 10 часов вечера, да ещё полдня

[115] В дневнике от 12.1.39 Рихард Рудзитис пишет: «У Эллы сердце болит, что в Обществе люди восхищаются идеями, но мало кто помогает». – *Г. Р.*

по воскресеньям. А кроме того, в скольких других учреждениях Н.К. состоял председателем, или основателем, или членом комитета, и сколько вечеров уходило на такое добровольное служение! Зимою он имел очень мало времени для своего художества, иногда проходили целые недели, и он не мог взяться за кисть; только летом, в течение трёх месяцев, он работал от утра до ночи.

Так и книга, которую пишет сейчас Рихард Яковлевич, *не* может быть написана в спешности, ибо она требует изучения большего количества материала и проникновенного претворения его в огнях сердца. Потому спешить с такой работой невозможно.

Вы пишете, что, по-Вашему, – «единственное хорошее, что он может делать, это писать, и этим он гораздо лучше послужил бы Учению и Обществу». Согласна с Вами, что Р.Я. прекрасно может и служит Учению и Обществу своим литературным даром, но не согласна, что это единственный его путь и дар. Как можно ограничивать себя одним лишь проявлением? Синтез даётся широким приложением всех способностей. Общение на духовной основе именно даст Р.Я. и углубление, и новый подход к сердцам человеческим в его творчестве. Мы все должны стремиться к многообразным проявлениям в одной жизни. Все великие художники, во всех областях искусства, были крайне многосторонни в своих занятиях. Кого бы мы ни взяли, мы увидим, что все они, кроме своей главной специальности, имели ещё другую и даже третью, а также нередко несли и общественные и государственные обязанности.

Вы пишете, что вот уже 10 лет, как Р.Я. не прочёл ни одной книги, не имеющей связи с теософией или Обществом. Но думается мне, что то количество материала, которое пришлось Р.Я. прочесть хотя бы в связи с задуманной им книгою, потребовало немало времени и, несомненно, дало ему попутно много осведомления и нового освещения и других вопросов. Такой труд, как новая книга Р.Я., *НЕ* может считаться трудом односторонним. Подумайте, со скольких сторон ему приходится подходить и освещать самую высокую, самую сокровенную мечту человечества, которой жил и будет жить весь мир! Кто же дерзнёт назвать такой труд односторонним?

Вы пишете, что латышская интеллигенция считает Р.Я. односторонним и фанатиком. Но скажите откровенно, родная Элла Рейнгольдовна, – сам Р.Я. очень ли считается с мнением именно этой интеллигенции? Ведь есть интеллигенция в кавычках и интеллигенция настоящая, которая всегда крайне малочисленна. Думается мне, что Р.Я. считается лишь с последней, ибо сам принадлежит к аристократам духа. Поменьше обращайте внимания на мнения всяких умников. Они, как мыльные пузыри.

Также я должна сказать, что после основных книг по теософии и книг Учения Жизни мало книг могут дать истинную радость тем, кто не только прочёл, но продумал и сердцем воспринял их. Большинство современных книг очень нудно читать. Именно, можно пожалеть, что писатели сейчас идут позади читателей. Так, наблюдается замечательное явление, что вкусы даже кинематографической публики опередили предлагаемые ими постановки. В Америке кинематографы наполовину опустели, ибо публика требует более серьёзных, более нравственно содержательных тем. Так, нам пишут из разных источников, что и во Франции публика начинает интересоваться лекциями на духовные темы, именно на теософические; растут духовные запросы, и дешёвые романы и сенсационные темы любовных преступлений с участием тайной полиции уже в меньшем спросе. Это уже знамение нового века, грядущего в грозе и молнии.

Обратили ли Вы внимание, каким успехом пользовалась книга и постановка *Шангрила* на тему, уродливо напоминающую о Шамбале? Книга эта крайне бездарна, но даже в таком убогом изложении тема эта отзвучит в сердцах людей.

Также не огорчайтесь, если чьи-то глаза смотрят ввысь и внутрь, такие глаза и лучше, и дальше усмотрят. Самым великим заветом древности было – «познай самого себя». Этот завет таким и остался. Человек, умеющий смотреть внутрь, познает и внешнее. А устремление ввысь укажет ему и верный путь.

Также и абстрактных идей, в сущности говоря, не существует. Они лишь людьми считаются таковыми, по причине неподготовленности сознания к восприятию их. Так называемые абстрактные идеи часто имеют самое насущное, самое наипрактичнейшее применение в жизни. На что уж люди издевались над всякой метафизикой, а сейчас уже большие учёные и врачи начинают писать, что скоро люди будут излечиваться применением

метафизических понятий. Только что прочла об этом статью д-ра Эд. Питтвуда. Он пишет: «Метафизика скоро будет наиболее признанным методом врачевания для предотвращения и излечивания болезней, как душевных, так и физических. Более вдумчивые учёные уже говорят, что причины душевных и физических заболеваний, также и всех наших успехов или несчастий, зарождаются в уме и развиваются в нём, прежде чем они проявятся наружу. Когда начинаешь изучать метафизику, приходится изумляться, скольким бедствиям подвергает себя человек в силу неправильных убеждений и верований. Тысячи исцелений происходят ежедневно, их относят больше к случайностям, нежели к науке, и, таким образом, исцеления эти проходят почти незамеченными, и никто не укажет людям на истинную причину такого исцеления. Исцеления эти были произведены *ПРАВИЛЬНЫМ МЫШЛЕНИЕМ,* которое разрушило все страхи, порождённые неправильным мышлением». В этом много истины, наши мысли – наши лучшие друзья и наши враги.

Все остальные, перечисленные Вами, затруднения, как, например, некоторая застенчивость и т. д., – всё это уйдёт с приобретением навыка или опыта. Всему мы научаемся на опыте, и потому и это одоление придёт.

Родная Элла Рейнгольдовна, не тревожьтесь за Рихарда Яковлевича, за его творчество. Приобщившись к Учению и к служению, он нашёл себя, и ничто не даст ему такого внутреннего удовлетворения, как близость к Великому Владыке. Отымите это от него, и он станет несчастным. Р.Я. сердцем воспринял Учение, и он знает, что есть высшая радость. Он скажет словами Учения – «разве преодоление хаоса не есть радость? Разве внесение света во тьму не есть радость? Разве сознание служения не есть радость?» Потому, родная Элла Рейнгольдовна, полностью разделяя Вашу заботу о нагруженности Р.Я. рутинной работой, которая должна быть облегчена, я всё же думаю, что именно приобщение к Источнику и постоянный обмен духовными запросами дадут глубину и силу творчеству Р.Я.

Конечно, я мечтаю в тайне души о том времени, когда явится возможность увеличить и материальный заработок Р.Я., чтобы он получил некоторый внутренний покой. Знаю, как тяжки материальные заботы, как трудно в семье разрешать их. Потому сердце моё болит и за Вас, родная Элла Рейнгольдовна. Тяжек путь женщины, особенно когда уровень общества не на высоте и не понимает жертвенного подвига жены и матери.

Многие мечтают о подвиге и пытаются найти его где-то вне дома и часто даже вне жизненности, тогда как наибольший подвиг часто именно там и в тех условиях, в которые мы поставлены судьбою. Мы знаем многих подвижниц, и они тем более велики, что лишь в редчайших случаях люди скажут о них доброе слово. Люди всегда верны себе, и даже в оценке подвига они отдадут предпочтение блеску и шумихе. Потому, избрав путь семейной жизни, примите его лёгким сердцем, и многое облегчится. Кроме того, у Вас есть самое большое, Вы обладательница величайшего сокровища. Вы имеете любовь Рихарда Яковлевича и сами любите его. Это сокровище обоюдной любви труднее всего даётся, потому берегите его всею бережностью, всеми струнами сердца. Знаю, как трудно талантливому человеку отказаться отличных проявлений, Р. Я. писал мне о Вашей талантливости и как он скорбит, что Вам приходится столько времени отдавать домашним обязанностям. Но смотрите на этот период как на временный и найдите в себе силы применить эту Вашу талантливость к созданию душевной красоты вокруг Вашего очага. Хотелось бы мне, чтобы Вы прочли биографию Марии Склодовской-Кюри, этой поистине великой женщины и мученицы науки.

Также и о затруднении Р.Я. с речью не так уж печалуйтесь. Первое условие для всякого успеха – равновесие и гармония в окружении. Девочка Ваша очень чуткая, и чем меньше её будут тревожить, тем лучше. Старайтесь развить в ней силу воли, это во многом ей поможет. Пусть научится доводить каждое начатое занятие до конца. Давайте ей такие задания, которые она могла бы выполнить как можно добросовестнее. Дети так любят помогать взрослым в их работах, и я считаю ошибкою, что детей стараются занять всякими глупейшими игрушками и играми вместо настоящей работы, которую они могли бы легко выполнять.

Так будем думать и стремиться как бы облегчить труд нашего родного Рихарда Яковлевича, но не будем отрывать его от Общества. Помните *Книгу о Жертве* в первой части *Листов Сада Марии.* Лишь жертвою мы восходим. Поверьте, если бы труд Р.Я. на Общество был вреден ему в каком-либо отношении, то никогда Великий Владыка, который знает

самую глубину нашего существа, не поручил бы ему это задание. И применение указаний Учения в жизни есть наша наинасущная задача, но, конечно, не так легко это даётся, но всё же принятие их сердцем много облегчает наш земной путь. Внешнее выполнение ни к чему не приведёт.

Мне казалось, что как Рихарду Яковлевичу, так и Гаральду Феликсовичу необходимо общение с разными общественными кругами, и именно наше Общество могло бы облегчить эти сношения. Все возможности приходят от людей и через людей.

Жизнь земная не легка, и у всех свои тяготы. Полезно почитать биографии выдающихся людей. Какие препятствия приходилось им преодолевать, но лишь это преодоление и создавало сильные характеры.

Родная Элла Рейнгольдовна, обретите мужество в любви и в углублении в Учение Жизни. Вы имеете сокровища, не рассыпьте их. Сейчас неслыханно грозное время и миллионы страдают невыразимо.

Обнимаю Вас от всего сердца и постараюсь помочь, чем только могу.

Сердцем с Вами,

Елена Рерих

Если сегодня тяжело, то назавтра придёт радость.

———

Николай Рерих Павлу Беликову

2-ФЕВ-1939

Дорогой Павел Фёдорович!

Спасибо за Ваше доброе письмо от 22 января. Поистине, Ваши вести добрые. Одновременно с Вашим письмом пришло письмо от Кайгородова и тоже – доброе письмо. Итак, Ваши собрания начались и пусть себе благоприятно продолжаются. Я всегда утверждаю, что всякое содружество происходит не от полицейских предписаний, а рождается в сердцах, и потому совершенно неважен срок, когда общество будет регистрировано, если вообще это нужно. Вы, вероятно, слышали о нашем огромном обществе – Императорском Обществе поощрения художеств, которое владело пятью домами, имело музей, издательство, выставки и многолюднейшую школу – более 2000 учащихся ежегодно. А первоначально общество началось во времена Александра I и десять лет помещалось в одной комнате. Но зерно было живо и потому произросло в мощное древо. Удивился я словам Раггиса. Казалось бы. каждый хороший теософ (а доброжелательство входит в кодекс теософии) должен бы приветствовать издание *Т. Д.,* тем более, что в Женеве никогда не найдётся средств для такого издания. Замечание Раггиса тем более странно, что почти одновременно с Вашим письмом мы получили чудесное письмо от Елены Фёдоровны Писаревой, в котором она приветствует жертвенный труд Елены Ивановны и издателей. Колоссальную работу Елены Ивановны она называет подвигом и говорит: «Действительно, Россия может гордиться своими женщинами, ведь это настоящий подвиг». Вот какова оценка по существу из уст старейшей, преданнейшей делу русской теософки. Неужели же находятся чёрствые сердца, которые, вместо того чтобы порадоваться за всех русских, будут говорить о мёртвых формальностях. Тем более это странно, что со времени первого издания *Т. Д.* уже прошло более пятидесяти лет, а кроме того, как Вы понимаете, наши рижские друзья и не помышляют о каком-либо корыстном заработке, но жертвенно дают широким кругам ещё одну светлую возможность. К тому же книга прошла через латвийскую цензуру и издана по всем местным правилам. Но часто бывает, что иссохшие сердца даже вообще не умеют радоваться. А ведь эволюция совершается лишь в радости. Вот пишу это письмо Вам в дни труднейших мировых осложнений. Сейчас даже странно говорить о мире, а вот мы наперекор всему всё-таки произносим это священное слово. Также произносим мы и слово об обороне Родины. Мы будем ужасаться всяким агрессиям и поймём всё прекрасное глубокое значение обороны Родины. Не помню, получили ли Вы мою статью *Чаша Неотпитая.* На всякий случай приложу её, а Вы, может быть, найдёте случай протолкнуть её, так же, как Вы сделали и с листовками монографии. Спасибо, что помогаете нашим

латвийским друзьям в распространении и в отзывах о монографии. Сделайте всё, что возможно. Крепко держитесь за книжное уважаемое дело. Привет Вашей супруге и всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Р.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

4-2-39

Дорогой и родной наш Рихард Яковлевич!

Радовалась Вашему чудесному письму от 24 декабря, но отвечу на него подробнее немного позднее, а сейчас хочу лишь сказать Вам о нашей радости по поводу состоявшейся регистрации Общества. Конечно, с одной стороны, радостно сознавать, что ещё одна ступень завоёвана, с другой, понимаю, как именно это обстоятельство потребует ещё большей ответственности от Вас и членов правления. Понимаю всю Вашу перегруженность по делопроизводству Общества и сердцем болею и за ту работу по редактированию, которой и мне пришлось нагрузить Вас, потому я с радостью ухватилась за предложение Екатерины Яковлевны об избрании группы из членов Общества, между которыми возможно было бы распределить канцелярскую работу под Вашим руководством. Это предложение нашло и одобрение Великого Владыки. Вы знаете, как мы дорожим Вами, как Вы необходимы Обществу, и потому я решила написать и некоторым членам правления о предложении Е.Я., прося их поддержать и помочь такому проявлению истинного сотрудничества. Кстати, и Вы, кажется, хотели включить её в члены правления. Потому, родной Рихард Яковлевич, примите эту заботу о Вас членов правления как правильное понимание Основ Учения Живой Этики. Мы все обязаны оберегать друг друга, и как же не подумать прежде всего о тех, кто самоотверженно трудится на общую пользу. Мне хотелось бы освободить Вас от рутинной работы по переписке, отчетности и т.д. и тем дать Вам больше времени для Вашего творчества и духовного водительства.

Пересылаю Вам мой ответ Карлу Оттоновичу. Если найдёте нужным, можете этим письмом заменить какое-либо из имеющихся. Конечно, выпустив личное обращение. Не могу выразить, как я горюю, что мне пришлось обременить Вас ещё корректурой и редактированием моих писем. Но беда в том, что всегда и всюду истинных и умелых работников так мало, и я не знаю никого, кому я могла бы доверить эту работу.

Мы переслали Вам копию письма Е.Ф.Писаревой, как видите, оно очень дружественно. Теперь ждём письма от А.А.Каменской, ибо и ей была послана отсюда *Тайная Доктрина,* но на недели две позднее. Будем надеяться, что она проявит чувствознание. По получении её ответа немедленно пошлём Вам копию. Итак, родной Рихард Яковлевич, не сетуйте на моё вмешательство в дела Общества, оно подсказано самым лучшим чувством.

Также очень прошу Вас хранить *Надземное* в одних Ваших руках. Об этом получила новое Указание. Также пусть не делают никаких выписок. Шлю привет сердца.

Привет милому М. Стребейко за его дар сердца.

Е. Рерих

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

9-ФЕВ-1939

№41

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за Ваши письма – от Р.Я. от 29-го и от Г.Ф. от 28-го. Болеем душой за Ваших болящих. Так хотелось бы помочь, но в таких хирургических случаях прежде всего ловкость и знание самого врача. Да пошлют врачу Светлые силы лучшее умение. Также сейчас

получили Ваш трогательный адрес на имя Е.И. (к сожалению, её здоровье всё это время нехорошо). Шлём нашу общую сердечную признательность всем подписавшим адрес. Оба новых воспроизведения *Св. Сергий* и *Ашрам* даже лучше всех ранее сделанных в Праге. Но синяя краска *Матери Мира* грубит и, по-видимому, вместо кобальта взят ультрамарин.

Вместе с Вашим письмом пришло очень доброе письмо от Беликова. Как трогательно он старается о распространении книг – вот если бы и во всех других странах было бы в этом отношении такое же сотрудничество. Очень жаль, что А.Д.Кайгородов так склонен к национальности своей жены и антропософии. С одной стороны, он как будто готов помогать нашей группе, а с другой – не является ли это претекстом[116], чтобы найти аспирантов[117] и в его устремлениях. Конечно, Беликов это понимает, но, может быть, другие члены группы могут быть смущены.

Также тревожит нас сообщение Р.Я. о «братьях Гауризанкара»[118]. Ни о каких таких братьях мы и не слышали и никогда не утвердили бы такие воззвания. Этим путём лишь сеется смута, а золотые шпоры и прочие атрибуты никому из нас не по пути. Как видите, эти смутительные попытки уже вызвали совсем ненужные нападки. Спрашивается, к чему делать новых врагов. Кроме того, кто же дал им полномочие объединять под таким странным флагом все наши дальневосточные группы? Опять кто-нибудь будет введён в заблуждение и произойдёт новое смущение и разъединение. Всё это очень прискорбно, и мы понимаем, насколько и Вы поражены такими новинками. Вообще, со всякими эмблемами, символами, шпорами, плащами и прочим нужно быть чрезвычайно осторожным. Что общего может иметь здоровая Живая Этика, Учение о совершенствовании со всякими театральными парафернaлиями[119]? Вот Зильберсдорф пишет, что какой-то священник в Двинске говорил, что Е.И. принесла клятву на масонском собрании разрушить церкви и что это ему достоверно известно. Какая злостная невежественность! Вот такие лжецы сами себя разрушают.

Г.Г.Шклявер пишет, что он постарается об отзывах и распространении монографии в Париже. З.Г.Лихтман просит, чтобы Вы не посылали сразу много экземпляров монографии. И для таможни, и для всяких других обстоятельств лучше посылать отдельно по одному экземпляру, а пока вообще не больше десяти, ещё лучше – в разные дни. Вы сами видите, какие ненормальные условия повсюду. Вот Вы сообщаете, что из Риги до Каунаса адрес шёл целую неделю, – это действительно наводит на разные мысли.

152 лата от *Сегодня,* пожалуйста, обратите в пользу нашего издательства по Вашему усмотрению. Надо думать, что газета даст и о монографии добрый отзыв. Если бы, паче чаяния, Пильский не захотел писать, то ведь можно бы дать им готовую статью за инициалами в виде фельетона. Но будем надеяться, что на сей раз Пильский сделает как подобает. Я писал Булгакову, прося тоже посодействовать. Если Г.Ф. пишет мисс Грант, то пусть лучше эти письма идут непосредственно к ней, а не через З.Г.Л., – продолжайте посылать нам копии таких писем и ответов, Вами полученных. Зильберсдорф сообщает, что сенатор Дуцман назначен президентом Камеры культуры. Так ли это – а если это так, то можно лишь порадоваться за Камеру культуры. В таком случае, пожалуйста, передайте сенатору наш искренний привет, ибо мы глубоко уважаем его за всю его общеполезную деятельность. Иметь такого просвещённого человека и друга во главе Камеры культуры – это большое счастье для Латвии.

В.А. Шибаев получил письмо от К.О.Валковского с пропавшей копией и с ближайшей почтой посылает ему письмо. Скорости ради письмо для Г.Ф., как он просил, при сём приложено. Очень любопытен факт, что первое письмо от К.О.В. пропало, значит, нужно иметь в виду и такие возможности. Прилагаем, как Вы просили, адреса Рынкевич и Тигерстедта (последнего мы совсем не знаем, и, кажется, он со странностями). Имя-отчество Абрамова: Борис Николаевич, Томашевского – не знаем, Калантаевские: Григорий Матвеевич и Маргарита Иосифовна – оба они очень интересуются Учением и гораздо серьёзнее многих других дальневосточников. Русский манускрипт *Алтай–Гималаи* имеется, но ведь такое издание было бы очень дорогим, потому мы о нём и не думали. Из имеющихся

---

[116] предлогом *(от лат.* praetextum).
[117] Здесь: единомышленников *(отлат.* aspirans).
[118] Гауризанкар – вершина Гималаев, высотой около 23 000 футов.
[119] принадлежностями (от *англ,* paraphernalia).

у Вас моих коротких статей можно бы делать фельетоны газетного размера. При этом можно дать примечание, что это части новой автобиографии *Жизнь.*

Да будет Вам светло.

Сердцем и духом.

Н.Р.

Гроссе, Гриднев, Батурин, Понамарёв, Вас. Иванов и Юрий Лукин – эмиссары тьмы.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

13-ФЕВ-1939

Родной наш Рихард Яковлевич!

Посылаю Вам ещё несколько фрагментов из собираемой книги *Жизнь.* Их можно комбинировать с другими листами, которые уже у Вас имеются, в размере фельетона для газеты. Можно оставлять общее название *Жизнь* с подзаголовком («из готовящейся к печати книги-автобиографии академика Н.К.Рериха»). Как Вы видите, листы эти можно сочетать по содержанию. Не пишу сейчас ничего другого, ибо это письмо пойдёт медленной почтой и за это время, несомненно, обернутся несколько воздушных писем.

Да будет Вам светло.

Н.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих[120]

Рига, 14 февраля 1939г.

Дорогая, любимая наша Елена Ивановна!

Получил вчера Ваше письмо от 4 февраля, быть может, оно прибыло в Ригу уже в воскресенье – в Ваш День, в день нашей любимой Матери и Духовной Водительницы. В день этот, в 10 часов утра, собрались мы в Обществе, чтобы послать нашей Матери наши благоговейные мысли любви и благодарности. Это были одни из лучших торжественных минут в жизни нашего Общества. Присутствовали и наши малыши, которых их родители привезли с собою на детскую группу. Чую, что и Вы почувствовали чувства нашего сердца, и сами в духе были с нами. Прочёл я некоторые параграфы из Учения о Матери Агни-Йоги, потом И. Г. Блюменталь прочёл *Великий Облик, Западни* и *Ладу,* § 21 из *Надземного* и из Ваших Писем (стр. 33–35, 37). Потом свою речь сказали Фёдор Антонович и Александр Иванович, А.Вирк прочла своё посвящение в стихах, К.О.Валковский – из давней статьи Гребенщикова о Н.К. и М.Ведринская – два стихотворения Н.К. Наше сердечное желание было, чтобы Вы были здоровы и Вам было Благо.

О Ваших Письмах я подробнее уже писал Николаю Константиновичу в своих последних письмах. Как только получим Ваш отзыв, отпечатаем четыре ещё ненапечатанных печатных листа, в том числе и титул, и оглавление, и листик с опечатками, и пошлём книгу в цензуру. Конечно, в случае надобности мы можем перепечатать любую страницу, и т. д. Также, кажется, придётся ставить на титуле 39-й год, иначе цензура вряд ли пропустит.

Глубоко и сердечно тронула меня Ваша забота обо мне. Хотя Ваша забота обнимает стольких, всех нас, все общества, весь мир, Вы принимаете к сердцу и все наши мельчайшие заботы и даёте им своё благословение. Потому иногда печалуюсь, не встревожило ли Вас то или иное письмо моих сотрудников. Так и письмо моей супруги. Вполне понимаю её сердечную заботу обо мне, её желание, чтобы я отдался больше литературному труду, ибо уже столько лет она следит за моим литературным развитием и являлась и критиком, и поощрителем моих трудов, и очень любит литературу. Также понимаю её заботу о соизмеримости моего труда. Меня же больше тревожит мысль, умею ли и могу ли я

[120] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

использовать эволютивно[121] каждую минуту своего времени, ибо работа на пользу Общества в последнее время отнюдь не отнимает у меня столько времени, и я, собственно говоря, часто сожалею, что мало успеваю делать для пользы его. Понятно, редактирование и издание Ваших Писем и книг Учения и всех сопричастных представляло для меня лишь истинную радость, ведь что же может быть лучшим уделом и отрадой для духа, нежели соприкасание со Светом Учения? По интуитивному закону соизмеримости сердца я никогда даже в мысли не допускал, что дело издания могло бы в чём-либо меня обременять. Понятно, и моя супруга радуется о книгах Учения, и она первой прочла до конца весь манускрипт Ваших Писем. Лишь от мелкой бухгалтерии Литературного фонда я хотел освободиться и уже три года тому назад передал её сотруднику, но в конце концов большую часть кропотливого труда приходится доводить до конца мне самому, отчасти и потому, что я вёл деловую переписку с заграницей. Но и этот вопрос будет скоро разрешён. Теперь же распространение книг перешло к магазину и к И.Г.Блюменталю, так что в этом отношении облегчение. Надеюсь впредь на всё большую дифференциацию труда. Так или иначе, осенью подыщем активного секретаря, который вёл бы не только деловую переписку, но и мог бы выполнить то или иное более ответственное поручение. Распределение труда среди самих членов правления, как Вы знаете, труднее провести, потому что некоторые здесь лишь «pro forma». Например, наш библиотекарь Фёдор Антонович никогда и не видал библиотеки, ибо он уже в старых летах, когда к такому труду вообще не способен. Но библиотеку привела в чудный порядок комиссия из наших молодых членов. Фёдор Антонович теперь на пенсии, вполне свободен, вчера снова мы говорили с ним, за что он мог бы взяться, но так и не решили. Вообще сотрудников на практические отрасли впредь возможно будет подыскать из самых молодых членов, из самых образованных. Хотелось бы подыскать для каждой отрасли хотя бы одного человека, который исполнял бы своё дело и обязанность «стопроцентно» и также с известной самоинициативой. Наша эпоха, к сожалению, лучшие сердца воспитала к отвлечённости от практической жизни, потому среди идеалистов нередко труднее найти практических деятелей и организаторов.

Теперь, после утверждения Общества, постараемся обсудить и отыскать все возможности.

Собираемся образовать новую группу Учения, число участников выяснится на следующем собрании.

Последние месяцы прошлого года нередко чувствовал как будто давление, отчасти усталость, трудно было и писать. Но теперь уже с середины января чувствую себя хорошо и почти каждый день работаю над своим трудом и надеюсь уже больше не прервать его. Кончил уже главу о Братстве Св. Грааля по научным источникам, глава длинная, но надеюсь, что в сокращённом виде пригодится для реферата, который наконец-то мы назначили на 22 февраля. Следующая глава будет о Братстве с точки зрения эзотерического знания (Учения). Моя мечта – после окончательной обработки труда перевести его по-русски и послать Вам для отзыва.

Вы обрадовали и мою супругу письмом. Вчера получили и Гаральд Феликсович, и Фёдор Антонович, и К.Драудзинь. Г.Ф. и Ф.А. вечером приехали ко мне, и мы долго обсуждали все вопросы. Вернёмся к этим вопросам и на заседании правления.

Следуя традиции, могу ли я и в этом году 24 и 28 марта положить фризии от Вашего имени на сумму, которая у меня осталась из присланной Вами в прошлом году? Потому больше не присылайте.

Прилагаю весточку моей супруги.

Хочу добавить здесь и свою приписку.

Да, в молодости прочёл я бесчисленные книги. Среди всего культурного хаоса отыскивал чутьём лучшее, искры Учения, отблеск Света Калачакры, и радовался, найдя книгу для сердца. Но теперь всё реже удаётся соприкасаться с другими книгами, кроме книг Учения и сопричастных. Но всё надеюсь, что успею прочесть и то или иное общекультурное издание. Обыкновенно в последнее десятилетие я прочитывал главным образом книги в связи с моими трудами, иногда перерывал множества, нередко пробегая лишь отдельные места и главы. Большую помощь в этом отношении мне приносит моя библиотека, где я работаю и сразу получаю сведения обо всём лучшем. Отсюда даю материалы и своим

[121] эволюционно (от *англ,* evolutive).

друзьям. Так, и Гаральд Феликсович наконец-то обещал взяться за реферат о Парацельсе. Г-жа Мисинь пишет о Миларепе и пр. Просил одного члена отреферировать книгу A. W. Haslett *Ungeloste Probleme der Wissenschaf*[122], но получил в конце концов обратно, прочту когда-нибудь сам. Притом в моей книге предстоит глава о науке. Я всегда радовался, если в Обществе кто-нибудь выступал также с научными и общекультурными рефератами. В своих докладах я постоянно призывал членов к чтению культурных книг и т. д., но, к сожалению, у нас общий уровень образованности не особенно высок, и надо думать, как воспитать сознание и в направлении общекультурных проблем. В прошлом году осенью у нас на вечерах с гостями выступали три лектора не из членов, в этом году я хотел пригласить и других видных культурных деятелей и профессоров, но на одном из заседаний высказались против этого, возражая, что надо давать лекторов именно из нашей среды на темы, близкие к Учению. По этой причине в этом году до сих пор ещё не обращался к чужим. Но мало у нас членов, на рефераты которых можно было бы пригласить и культурного деятеля. 9 февраля у нас был в этом году первый вечер с гостями, наша учительница [Ирма] Данце прочла о Вивекананде, потом следовала музыкальная часть; получился неожиданный наплыв публики, привлечённой объявлением в газете. Данце прочтёт и о Рамакришне, реферат в связи с *Т. Д.* готовит К.Драудзинь. Вполне понимаю, что человек не может истинно следовать Учению, пренебрегая взлётами Культуры Духа.

Недавно кто-то в своей критике назвал меня самым субъективным писателем в латышской литературе. Понятно почему – ведь наша самая новейшая литература обеднела, редко затрагивает чисто духовные темы. (Знаменательное явление – пробуждение интереса к духовности больше наблюдается у самых новейших наших поэтесс.) Говорить о духовном, трансцендентном[123] обыденности – считается субъективным, но говорить о вещах и о самых обыденных мимолётных переживаниях – объективным, тогда как на самом деле должно быть наоборот.

Я, понятно, признаю всю важность формы в искусстве, но сердце моё не преклоняется там, где в формальном творении нет духовности. Раз лет семь тому назад одну свою статью об искусстве я построил на мысли: долговечность художественного произведения зависит от уровня сознания воспринимающего. Известная духовная ступень больше не удовлетворится, например, трудами Боккаччо, хотя это сознание и не будет отрицать их чисто художественно формальной ценности. Чем выше сознание, тем более оно жаждет синтеза духовности во всём, также и в художественном труде. Знаю, что моё мнение односторонне, но ведь вкус всему даёт сердце. Так и мои друзья всегда недоумевают, что, например, в нашем Городском музее как первую картину у самого входа в отдел латышского искусства вывесили портрет пьяницы с синим подбитым глазом и пр. и пр. Сколько помню, эту картину написал художник, который принадлежит к группе латышских художников, не признающих искусство Н.К. (Я уже писал Н.К. о художнице из этой группы, которая написала о Н.К. в латвийском энциклопедическом словаре!)

Разве не раздаётся иногда глубоко через сокровенные струны души мысль Платона: видимые вещи есть лишь отображение идей Мира Идей?

Чую, что и в прошлых жизнях было счастье прикоснуться к златым следам Калачакры, конечно, и в Индии, и в Греции. Через Учение – вся необъятная Беспредельность перед нами. Но знаю и задачу человека – погрузиться в материю как в очищающий водоворот, исполнить свою задачу долготерпения и любви, для того чтобы помочь и самому набраться опыта, вырастить крылья.

Да, «все возможности приходят от людей и через людей». Человек человеку даёт высшую красоту в мире – чуткую красоту взаимопонимания – слияния сердец. Моя первая школа – моя семья, вторая, широкая, – Общество. Моя мечта всегда была образовать храм труда, храм непрестанного сотрудничества и взаимной помощи, как в первой, так и во второй.

Чудно Вы говорите о жертвенном подвиге женщины-Матери, женщины, которая при всех обстоятельствах не забывает и Дали!

Моя старшая дочка Gunta (ей теперь пять с половиной лет) стала моим истинным другом: когда прихожу со службы, читаем вместе – она сама прочла множество книг! (сетую

---

[122] *Нерешённые проблемы науки (нем.).*

[123] Здесь: выходящем за пределы *(от лат.* transcendentis).

лишь, что так редки *хорошие* детские книги). Вечером читаем сочинённую мною на текст Учения молитву *Матери всех детей.* Она по характеру очень резвая, но впечатлительная и чуткая. Младшей – Ilze только что было два года. Она тоже у нас умница.

Простите за нашу исповедь.

Разрешите теперь спросить у Вас пояснение относительно мест из Учения.

В *Криптограммах Востока* на 47-й странице сказано: «Когда имя Христа произнесено будет». Не опечатка ли здесь, так как в *Листах Сада Мории,* ч. II, сказано – «имя Храма»? На днях снова прочёл с сердечным трепетом эту изумительную книгу. Хочу упомянуть в своём труде о хождении Будды, Христа и Аполлония Тианского в Обитель по *Криптограммам,* также коснуться существования Камня в связи с понятием Грааля, как и Н.К. упоминает в *Сердце Азии.* Биограф Аполлония – Филострат передаёт две версии ухода Аполлония. По одной, два года спустя своего чудесного спасения из тюрьмы, откуда он после своего заключения исчез, он как будто умер в Эфесе, *«если только он вообще умер»,* добавляет биограф. По другой – его арестовали жрецы в храме на острове Родос и заковали в цепи. Но Аполлоний внезапно исчез: двери храма отворились сами собою и слышен был хор молодых девушек, поющих: «Оставь землю, уходи в небо!» Но, конечно, самая достоверная версия, упомянутая в *Криптограммах.* Прекрасно было бы когда-нибудь труд Филострата издать также по-латышски и по-русски. Много прекрасных книг ждут перевода.

Беспредельность, § 201 – «три луча Владык» – нельзя ли понять как лучи трёх Владык?

Сердце, § 11. «Если сокровища энергии превышают сокровища сердца и чувствознания, то обычно для уравновесия посылается сотрудник-наставник». Прочёл недавно Владимирцова о Чингиз-хане, откуда явилась у него столь колоссальная воля, если он не старый дух? О его духовном уровне я много думал – при всей врождённой жестокости, некоторыми моральными качествами он поднимался выше среды.

Сердце, § 105. Электричество, энергия, заключённая умышленно, приносит много болезней, – потому ли, что не очищает пространство, как «живой огонь»?

Сердце, § 128. «Корень представления» – первоидея?

Сердце, § 500. Моисей опередил науку Египта десятью строками, т. е. заповедями. Но разве эти заповеди были настолько выше морального кодекса Египта?

Сердце, § 578. «В письмах переводимых (*Чаша Востока*) можно видеть, насколько Наше руководство было дальше от всех земных действий, совершавшихся по высшему плану». Так ли понять: где земные действия совершаются по высшему плану, там человеку уже дана полная самостоятельность действия?

Мир Огненный, ч. I, § 369 – «сожжённый Ур.» – Урукая?

Мир Огненный, ч. I, § 442. Пока никто из нас не узнал, о каком примере из жизни Эсхила здесь говорится.

Мир Огненный, ч. II, § 233. «Но Советую считать знаки тьмы, они лишь заведут во мрак». Некоторые в нашей группе выразились, что здесь может быть опечатка, – следует читать *не.* Но думаю, что именно надо обращать внимание на знаки тьмы, например, чёрные звёздочки, чтобы остерегаться.

Мир Огненный, ч. II, § 446. «Планеты говорят» – должно быть, опечатка – «горят»?

В Ваших Письмах на 305-й странице сказано: «Для пользы дел Махатмы переписывались с некоторыми из её сотрудников, но ни одного не допустили до ученичества. В письмах Е.П.Блаватской и в *Письмах Махатм* Вы можете найти это утверждение». Но Olcott, Damodar, Ramaswamier, Judge и даже Sinnett – все они говорят о *своём* Guru[124] и также, что они как будто являются chela'ми[125]. Но понимаю, что chela – это слово тогда было общепопулярным и под ним, может быть, понимался каждый устремлённый неофит теософии. Но понимаю и то, что никто из них не достиг той высоты духа, как Е. П. Блаватская, и что лишь она могла являться учеником в истинном и прямом смысле слова.

Всё это вопросы, которые накопились у меня за всё время. Но очень прошу, отвечайте лишь когда Вы будете совершенно здоровы.

Шлю Вам всю преданность моего сердца. Искренне Ваш,

Р. Рудзитис

---

[124] Гуру *(санскр.).*

[125] *чела (санскр.).*

Хотел приложить речи Фёдора Антоновича и Александра Ивановича и стихотворение Вирк, потому письмо отправляю лишь 18 февраля утром, когда отправляется воздушная почта.

Получил сегодня Вашу телеграмму. Относительно болезни Вам ответит Гаральд Феликсович. Клементию Станиславовичу теперь уже гораздо лучше. Он принимает теперь также воду лития, мускус, к сожалению, не может принимать. Когда выйдет из больницы, при других психических обстоятельствах положение его быстрее улучшится. О положении дочери Ивана Георгиевича после второй операции окончательно выяснится лишь на днях. Но есть надежда к лучшему.

Ваше письмо К.О.Валковского очень обрадовало и ободрило. Даже считает, что начнётся новый этап его жизни. Его советы в связи с деятельностью Общества я всегда ценил. Я просил его Вам выслать подробный отчёт обо всех изданных нами книгах (Н.К. запросил о *Т. Д.* – она издана в 2000 экз.).

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

16-ФЕВ-1939

№42

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Спасибо за письма от Р.Я. от 4-го и Г.Ф. от 4–5-го февраля. Сердечно благодарим и за трогательный адрес, и за прекрасно изданный первый том *Писем* Е.И. Сейчас Е.И. спешит просмотреть опечатки и пошлёт Вам, может быть, там, где были типографские недосмотры, можно ещё что-нибудь сделать.

Душевно болеем за болящих в Риге. Какое несчастье, что и вторая девочка Ивана Георгиевича заболела воспалением ушной перепонки. Всё это так волнительно. Радовались сведению Г.Ф. о том, что операция Клементия Станиславовича прошла благополучно. Пожелаем, чтобы и дальнейшие процессы завершились так же успешно.

Вполне присоединяемся к мнению Г.Ф. о Мабиле. Конечно, не следует делать врага, но просто нужно знать и такие человеческие особенности. Очень полезно, что Вы пересылаете копии некоторых писем, Вами получаемых, и как видите, и мы поступаем так же, ибо полная осведомлённость лучший залог успеха. Также хорошо, что Вы переслали нам копию письма З.Г.Лихтман. Как видите, и эту сторону нужно знать. В письме этом невольно выражена одна из причин всего происшедшего в Нью-Йорке. Кроме того, Вы могли почувствовать, что к Швеции нет и не было достаточного внимания. Конечно, кроме всего прочего, в Нью-Йорке продолжаются безобразнейшие дела с Хоршем, и потому всё внимание и все средства и возможности направлены по этому руслу. Вы знаете, что одни кучера могли управлять шестериком лошадей, другие могли править тройкою, а некоторым уже одна лошадь занимала всё их внимание. Но печальнее всего, что, видимо, растеряны шведские контакты. А между тем в Америке эта колония очень многочисленна, хотя и разнообразна. Ведь нельзя рассчитывать на духоборов, меннонитов и других сектантов. И на нас письмо З.Г.Л. произвело тягостное впечатление. Слов нет, там идёт ожесточённая борьба, и бандит Хорш, чтобы овладеть незаконно учреждениями и имуществом, пользуется самыми невероятно преступными средствами. Идут подкупы, клевета, подлоги, а так называемая юстиция завязывает себе глаза, чтобы не видеть. Но всё-таки, при всех обстоятельствах, кооперация должна держаться крепко, всем группам нужно понять, что деятельность каждой из них уже является радостью и успехом для всех прочих.

Г.Г.Шклявер вчера прислал письмо, в котором он говорит, что будет стараться об отзывах. Между прочим, он сообщает, что деньги (сумму их он не назвал) уже им переведены на имя мисс Грант, и он жалеет, что не мог это сделать на имя З.Г.Л., ибо Ваше указание пришло уже после перевода денег. В Париже монография так или иначе должна быть отмечена.

Очень хорошо, что Вы послали красочные репродукции Конлану; удивляемся, что разговор шёл также и о репродукциях величиною в один метр. Такие репродукции совершенно не под силу, и лишь огромные установившиеся издательства могут их давать.

Вероятно, Конлан имеет в виду одно издательство в Лондоне, но мы совершенно не можем угнаться за такими размерами. Кроме того, вероятно, это лондонское издательство имеет уже установившиеся пути распространения. Никогда не забуду, как доктор Бринтон – критик с совершенно американским пошибом – мне говорил: «Профессор, даже самую превосходную вещь можно показать и так, и этак, положительно или отрицательно». Увы, этот американский житель был недалёк от истины.

Очень радостно, что издательство *Агни-Йога* тоже оказалось разрешённым. Итак, теперь все издательства оказались разрешёнными и Общество утверждённым. С образованием общекультурной группы не спешите слишком, ибо не нужно надрывать силы. Но помнится, Вы писали, что Юпатов хотел вступить в него, а также музыканты, поэты и приват-доценты. Таким образом, и это обстоятельство вырешится без особых сложностей и тягостей. Вышла ли в свет книга *Русское искусство за рубежом,* издаваемая Юпатовым и Булгаковым? Если вышла, то, конечно, такие книги уместно иметь в магазине.

Г.Ф. спрашивает, не следует ли в будущем перевести магазин на имя Общества. Это соображение может быть решено Вами лишь на месте, ибо трудно сказать, какие обстоятельства будут за и против. С другой стороны, если магазин формально на имя одного из членов Общества, то ведь что же можно сказать против. При развитии деятельности могут быть всякие ответвления. Не горюйте о том, что филиальные отделения не разрешены. В конце концов, все сейчас живущие вне Риги могут быть членами Рижского общества, а где они живут в данное время, это никого не касается. Есть ли в новом уставе звание «почётных членов»? И вообще, какие там членские градации? Ваза ещё не дошла – как трогательно, что так горят Ваши сердца. Да будет Вам светло.

Сердцем и Духом,

H.P.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

18-2-39

Родные наши Рихард Яковлевич и Гаральд Феликсович!

Прошу Вас ещё раз передать милым сердцу друзьям мою самую горячую признательность за память и внимание. Глубоко тронута была превосходным изданием писем, и переплёт так красив! Спешно просмотрела весь том и отметила замеченные мною опечатки. Прилагаю список. Красным карандашом подчеркнула несколько опечаток, изменяющих смысл, а также выпуски целых фраз и перестановку их. Такие опечатки, как слово *корреспондент* с упущением второго *р,* казалось бы, вполне допустимы, принято же писать слово *оффициальный* через одно *ф,* но Владимир Анатольевич утверждает, что слово *кореспондент* через одно r на английском языке означает нечто совершенно неожиданное, а именно в судебной практике кореспондентом обозначается третье лицо в бракоразводных процессах! Потому придётся отметить на листке опечаток. Конечно, вряд ли кто знает такие тонкости правописания, но выпуски целых строчек искажают смысл написанного. Конечно, это вина типографии.

Между прочим, Великий Владыка указал написать ещё одно короткое письмо, которое можно будет вставить во второй том. Письмо это будет включать последнюю беседу о том, когда допускается употребление мясной пищи. Это должно быть ответом тем ханжам и фанатикам, которые будут опасаться проглотить кусок мяса, но в то же время не задумаются перед нанесением смертельного удара своему ближнему. Исказители Учения утверждают, что книги Живой Этики *советуют* употреблять мясо, этим они вносят большое смущение в ряды некоторых теософских групп, придерживающихся во всём лишь мёртвой буквы и не могущих понять сложности жизни.

Конечно, первый том можно распространять среди близких друзей. Оба тома могут поступить в продажу в конце 39-го года. На всём сочинении будет стоять год 40-й.

Теперь должна сказать, что очень огорчилась присланной Гаральдом Феликсовичем копией письма из Америки. Оно ещё раз подтвердило, как трудно изменить природу человека. И Вам, родные, должно быть, становится всё понятнее, почему дела в Америке не

могли продолжаться. Властолюбие, склонность к узурпаторству, исключительность и полное отсутствие сотрудничества привели к развалу. А возможности были совершенно необычные. По изданиям и отчетам Учреждений можно судить, какое множество лучших людей готовы были кооперировать, но никто не был допущен. Труднее всего усваивается великое значение единения среди ближайших деятелей, потому не могу не привести Беседы по этому наинасущнейшему вопросу. Хорошо читать и перечитывать эту Беседу среди всех групп.

«Вы знаете, насколько Мы настаиваем на единении. Люди думают, что это наставление имеет лишь нравственное значение, но они не понимают, что единение есть умножение энергии. Можно представить, насколько Нам легче помогать, когда имеется дружное единение, ведь тогда происходит сбережение энергии. Она направляется в одно место, и такая концентрация даёт яркое усиление энергии. Пусть люди приучаются понять, что *каждое нравственное УКАЗАНИЕ ЕСТЬ И НАУЧНЫЙ СОВЕТ.* ПОВТОРЯЮ эту ИСТИНУ, ибо вижу, что даже читающие Учение не применяют это к жизни.

Но кроме умножения Нашей помощи, единение есть как бы насос пространственной энергии. Люди забывают, что их энергия при сотрудничестве увеличивается в несколько раз. Такая профессия может быть вычислена, и люди ещё раз могут убедиться, что доверено им и в земной жизни. Убедить можно лишь научным путём. Пусть учёные покажут, как возрастают сложенные силы. Явно пусть убедятся, что сотрудничество есть лучшая магия. Но пусть даже не знающие о Нас подумают – может быть, где-то находится ценный Источник энергии, который можно приложить к жизни? Каждое такое допущение уже будет приближением к Нам. Мыслитель понимал, что сила человека не может быть исчерпана, если он помыслит о высших Источниках».

С часу на час ожидаем ответной телеграммы на наш запрос о болящих. Очень тревожимся за Наталочку. Также надеемся, что опухоль у Клементия Станиславовича не окажется злокачественной. Знаем, что вся возможная помощь оказывается Силами Света. Посылаем силы нашему Ивану Георгиевичу, можем представить себе, как тяжко отражается на его самочувствии длительное заболевание девочки.

Родные наши, всеми силами духа храните единение и оберегайте здоровье. Шлём нашим болящим постоянные мысли об улучшении их положения. Так хотелось бы спасти Наталочку! Счастливы были узнать, что операция К.С. была удачной, только бы проявить всю необходимую осторожность. И сказать не могу, как рвётся сердце на помощь близким, родные, храните друг друга.

Всем сердцем с Вами,

Е. Рерих

Елена Рерих Елене Писаревой

22-2-39

Родная Елена Фёдоровна!

Спасибо большое за все Ваши добрые слова об исполненном мною труде. Я выслала Вам два тома *Тайной Доктрины,* ибо третий ещё не закончен. Ввиду того, что он размерами меньше прочих, мы соединим его с индексом ко всем томам, как это сделано в последнем адьярском издании *Тайной Доктрины.* Кроме того, было Указано напечатать теперь два тома.

Перевод сделан мною, и единственной моей помощницей была русская девочка, которая живёт с нами, она переписала начисто весь манускрипт. Конечно, всё, что касается до тибетских и некоторых других восточных слов, я пользовалась советами моего старшего сына-востоковеда, который знает несколько восточных языков, в том числе санскрит, и вполне свободно владеет тибетским и монгольским языками.

Перевод был сделан очень быстро. В не очень занятые дни я успевала сделать до 15 страниц. Приступила я к этому переводу по Указанию в конце 31-го года, и первый том был закончен к марту 32-го года, но затем, конечно, следовала переписка начисто и новая корректура. Второй том был начат в конце 32-го г. и окончен в 33-м. Не думала я, что так скоро явится возможность напечатать такой большой труд, но мы привыкли исполнять

Указания, не откладывая их, тем более, что тут же было Сказано, что друзья помогут. И вот, действительно, наши рижские друзья, узнав, что труд закончен, поспешили издать его со всею любовью. Во что обошлось всё издание и в каком количестве напечатано, а также какая цена будет назначена ими для продажи, – я ещё не знаю. Но если эти подробности Вас интересуют, могу точнее узнать. Труд этот выпущен друзьями лишь в этом году, после того как была закончена перерегистрация их Общества.

В Латвии на всё свои законы. Книги продаются в книжном магазине, принадлежащем Обществу.

Теперь друзья принялись за издание моих писем, и первый том уже напечатан, но ещё в цензуре. В продажу поступит лишь когда будет напечатан второй. Думаем, что можно будет выпустить оба тома к 40-му году. Если явится возможность получить первый том немного раньше, немедленно вышлю его [Вам][126].

<*Нрзб.*> *С* живейшим интересом жду копию Вашего манускрипта. Ваша книга *О скрытом смысле жизни* стоит на полочке моего письменного стола, и я люблю заглядывать в неё. Любуюсь ясным изложением, красивым слогом и прекрасным знанием русского языка.

Родная Елена Фёдоровна, если бы Вы знали, как меня влечёт к Вам, как мне хочется встретиться с Вами. Очень прошу Вас и Вашу милую дочь держать нас *в курсе всего у вас происходящего.*

Время сейчас такое грозное, что все чуткие организмы особенно тяжко воспринимают колючие токи разбушевавшегося хаоса. Поэтому не удивляюсь, что Вы чувствуете как бы отлив сил. Вот и я только что оправляюсь от приступа сердечного недомогания. Невозможно не чуять мировую тоску! Но мы живём будущим, ибо знаем, как охраняется наша родина Силами Света. Всё новые и новые знаки указывают на приближение сроков. И все мои видения сбываются в строгой последовательности. Потому такая несломимая вера живёт в сердце в Высшую Справедливость и в светлое будущее. Так много хотелось бы поведать Вам, но условия таковы, что приходится постоянно помнить о бережности. Невозможно самое сокровенное, самое высокое, самое любимое доверять бумаге, которая на своём пути может пройти через недружественные руки.

Послала два тома *Тайной Доктрины* и А.А.Каменской. Хотела бы спросить её, сколько экземпляров прислать ей для раздачи друзьям, но пока что не имею от неё вести. Может быть, и Вы, дорогая Елена Фёдоровна, хотели бы иметь ещё один экземпляр, сообщите, и я с радостью перешлю.

Вторая часть книги *Братство* даётся вместе с другой книгой *Надземное,* и обе ещё не закончены. Трудно будет их расчленить. Конечно, Вы первая получите книгу, как только она будет закончена. Имеете ли Вы все книги этой серии? Если нет, с радостью дошлю.

Рады были узнать о дружественном отзыве о творчестве Н.К. со стороны президента Теософского общества. За последние годы неоднократно до нас доходили осуждения книгам даваемого нам Учения, якобы исходившие от президентов Русского и Адьярского Теософских обществ, потому прочесть благие слова, приведённые в Вашем сердечном письме, было для нас приятною неожиданностью. Так хотелось бы, чтобы служители Света наконец узнали друг друга и прекратили всякие осуждения. Казалось бы, они знают, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Тяжко пройти мимо посылаемого Великими Учителями, да ещё с осуждением! Наше правило прислушиваться и зорко вглядываться во всё посылаемое, во всё встречаемое нами по пути. Потому мы можем сказать, что приходится поражаться количеству знамений, посылаемых сейчас через всевозможные каналы, чтобы пробудить спящий дух человечества.

Между прочим, читали ли Вы чудесный том Писем Великого Учителя Иллариона? Труд этот озаглавлен *Тичингс оф тхе Тэмпль*[127]. Сейчас это издание, по-видимому, распродано, но у членов этого калифорнийского общества нет средств на второе издание. И подумать только, что так обстоит дело в богатой Америке! Не знак ли это того, что и в этой стране [суждено][128] скорое очищение. Тем более приходится удивляться самоотвержению наших рижских друзей, полагающих большую часть своего заработка на издание книг, связанных с Учением Великого Владыки М.

---

[126] Текст письма повреждён.

[127] *Teachings of the Temple (англ.) – Учение Храма.*

[128] Текст письма повреждён.

Сейчас в Германии вышла интересная книга *Resonans als Weltgesetz*[129] д-ра Буттерзака из Геттингена. Читала отзыв о ней и привожу вкратце, думаю, что Вам будет интересно. Книга эта имеет особое значение для всех изучающих психические и парапсихические феномены. Самые последние открытия в области физики (синтетическая энергия), в химии (катализ), в психологии и радиологии собраны в ней, и построено научное доказательство о существовании и поражающем воздействии высоконапряжённых психолучей. Автор доказывает, что резонанс, или ответная вибрация, имеет то же значение для психофизики, что и синтетическая энергия для физики и катализ для химии. Человек представляет собою психоэлектрическое поле, которое высылает лучи различного порядка и доступные измерению. Концентрацией эти лучи могут быть доведены до высокого напряжения (вольта). Поразительное воздействие этих лучей зависит от силы их концентрации, или вольта, и от резонанса (ответной вибрации) в объекте, на который они направлены. Психические лучи высокого вольта могут выявлять и контролировать огромные скрытые силы, заключённые в космических магнитных полях. Психолучи образуют волны, по которым мы можем сообщаться с иными сферами. Психолучи могут материализовать и дематериализовать материю. Возможности этих лучей превосходят человеческое воображение. Психоэлектрические волны пробегают быстрее всех прочих волн. Они возвращаются к своей точке отправления и следуют спиралями. По пути следования эти спирали поглощают однородные волны. Этим поясняется тот факт, по которому лучи эти, возвращаясь к своей отправной точке, усиливаются в своих излучениях. Вместо того, чтобы растратить силу, они собирают её по пути следования.

Мировое вещество представляет собою конгломерат подобных лучей. Оно образуется в силу материализации лучей и может снова быть радиировано в лучи. Душа и тело тоже представляют собою лишь различные агрегаты психоэлектрических полей. Сами по себе лучи безразличны. Воздействие их зависит, во-первых, от мысли посылающего и его объекта, во-вторых, от концентрации, с которой мысль была послана, т. е. от её вольта, и, в-третьих, от отзвучания, или ответной вибрации данного объекта.

Особое значение имеет связующая мощь этих лучей, их синтез. Человечество и материя включены в обширнейшее психоэлектрическое поле. Именно, вся Вселенная является таким психоэлектрическим полем. Индивидуальные магнитные поля посылают и принимают целые потоки лучей. Вселенная есть огромная область психических энергий, которые доступны каждому, кто может отзвучать им или настроить себя для получения их (интуиция, вдохновение). Итак, отзвучание управляет миром, резонанс есть мировой закон. Развитие этой электромагнитной волны должно следовать тому же закону, что и волны Герца и Маркони. Человеческая концентрация сама по себе может достичь необходимого вольта (напряжения) этих лучей лишь до ограниченного предела, но так как эти лучи той же природы, что и радиоволна, то наука не должна испытывать затруднений в развитии этой психоэлектрической волны. Несомненно, это открытие будет наивеличайшим из всех до сих пор сделанных человечеством. Думаю приобрести эту книгу, ибо всё изложенное в ней, как говорится, вода на нашу мельницу. Именно, знамение времени, когда наука вступила уже на порог преддверия метафизики.

Н.К. шлёт Вам, дорогая Елена Фёдоровна, самый сердечный привет. Он, как всегда, поглощён своей многообразной деятельностью. Творчество его с годами становится [всё][130] богаче, всё тоньше. Уже вышел в Риге первый том его первой русской монографии. Вышлем Вам экземпляр, как только получим. Очень хотелось бы знать больше подробностей о Вашей жизни, о Вашей милой дочери. Всё касающееся Вас нам очень близко. Пожалуйста, передайте наш сердечный привет и Вашему другу г-же Д.Комессати. Ваши друзья – наши друзья. Родная Елена Фёдоровна, обнимаю Вас от всего сердца и хочу вдохнуть Вам новые силы. Ведь и на бумаге наслаиваются благие посылки. Пусть они дойдут до Вас и укрепят Вас. Обычной почтой посылаю мой портрет, к сожалению, не имею меньшего размера.

———

[129] *Резонанс как всемирный закон (нем.).*
[130] Текст письма повреждён.

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

23-ФЕВ-1939

№43

Родные наши!

Спасибо за Ваши письма, Рихарда Яковлевича от 9-го, Гаральда Феликсовича от 11-го и 14-го и Ивана Георгиевича от 14 февраля. Прежде всего, сердечно волнуемся о судьбе наших дорогих болящих. Каждое, хотя бы малое, доброе сведение в письмах уже даёт надежду и радость. В то же время знаем всю серьёзность положения и мысленно вместе с Вами постоянно присутствуем у постелей страдающих. Каждый день ждём ответа на нашу телеграмму от 15 февраля, и каждый день неполучения уже даёт тревогу – всё ли ладно.

Видим из всех писем Ваших, как Вы мыслите о будущей деятельности Общества. Пусть всё протекает без особых напряжений. Многие обстоятельства вырешатся в зависимости от местных условий. Если удастся та внутренняя конференция, о которой думал И.Г., – можно прийти к решению и за городом, а если не удастся, то можно обсудить все дела и в какое-либо воскресенье или субботу в помещении музея. Главное во всём, чтобы всё делалось возможно проще и целесообразнее.

Спасибо Г.Ф. за присланные новые открытки, которые вышли очень удачно. Вообще все репродукции, сделанные в Риге с оригиналов, гораздо лучше пражской работы. Так, например, *Граница Тибета* по чистоте красок и опрятности выполнения оставляет самое лучшее впечатление. И бумага на этих открытках хороша и гораздо лучше, чем на первых *(Земля Славянская* и *И открываем).* Трудно понять, почему типография так задерживает выпуск книг. Иногда даже начинает казаться, что нет ли в этом какого-то умысла. Вспоминаем, что Вы писали о дружбе Либерта с Балодисом. Кто знает, иногда самые неожиданные обстоятельства получают особое значение.

Пожалуйста, скажите газете *Для всех,* чтобы они сделали соответствующую оговорку в следующем номере, ибо они поставили под анонимной заметкой мою фамилию. Пусть оговорят, что моё имя поставлено по ошибке, а вместо него можно поставить какие-либо инициалы по Вашему желанию. Очень хорошо, что и в других газетах Вами усмотрены благоприятные знаки.

Интересно знать, не участвует ли сейчас на Парижской выставке кто-либо из тех латвийских художников, картины которых имеются у нас в музее. Мы были бы рады отметить это во *Фламме.* Вообще каждое проявление деятелей, так или иначе связанных с нашим Обществом, должно быть дружелюбно отмечаемо. Таким путём можно развить ещё больший интерес и кооперацию.

Радовались мы слышать, что Р.Я. читал о Граале. Как многозначительна должна быть такая лекция. Сколько прекрасных мыслей она зародит в слушателях и откроет многие ещё дремавшие сердца. Нередко приходится слышать сожаление о том, что о Высших Предметах сказано и напечатано слишком мало. Так говорят люди по неведению. И сказано и написано вовсе не мало, но дремавший глаз читателя и спавшее ухо слушателя не сумели обратить внимание даже на очень важные сообщения. Теперь во всех газетах принято помещать фельетоны на злободневные научные темы, а кроме того, постоянно можно находить и отзвуки о каких-то «сверхъестественных» явлениях. Ничего сверхъестественного и не существует – а просто глаз человеческий иногда начал замечать многое, упущенное раньше.

А.Бенуа в *Последних новостях* симпатично написал о Юпатове и других рижских художниках. Это хорошо. Помнится, что Юпатов хотел дать свою картину для нашего музея. Может быть, и другие художники последовали бы его примеру. Если даже кто-либо не решится пожертвовать, то он мог бы дать для долговременной выставки. Очень часто после таких долговременных выставок вещи остаются как бы вросшие в насиженное место.

Мы приняли во внимание всё, что Вы сообщаете о Беликове и собраниях, происходящих у А.Д.Кайгородова. Мы уже писали Вам о наших опасениях, как бы эти собрания не превращались в рассуждения о нежелательных предметах. С одной стороны – симпатично, что А.Д.К. предоставил для собрания свою студию, а с другой – опасно, как бы не случилось чего-то нежелательного для собраний. Досмотрите. Во всяком случае, хорошо, что Беликов, видимо, отлично понимает всё происходящее.

Г.Г.Шклявер сообщает, что он посетил Же-де-Пом и картина находится на том же

месте, где она и была. Между тем Г.Ф. и И.Г. там были и в большом зале картины не видели. При случае, вероятно, выяснится, в чём там дело.

Радостно, что магазин действует хорошо. Конечно, кроме связей с местными магазинами, всё-таки придётся установить какие-то связи и с заграничными. Понимаем, какая осторожность нужна с этими заграничными магазинами, но, к сожалению, других каналов общения с публикой не имеется. Г.Г.Ш. сообщает, что он перевёл сумму денег на имя мисс Грант (какую именно сумму, он не сообщает). Вероятно, Вы имеете от него более точные сведения.

Если к Обществу подходят новые члены – пожалуйста, сообщайте нам их характеристики. Пусть среди них будут и молодые. Мы очень радовались сообщению Р.Я. о начале детского сада. Всё это отрадно. Лишь бы только сведения о болящих были добрые. Так хотелось бы послать всё доброе желание. Е.И. опять за работою – хотя состояние здоровья очень напряжённое. Но без работы она не может. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

_____

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

24-2-39

Доверительно.

Родной Рихард Яковлевич!

Спешу отправить Вам копию моего письма к Ф.Баруну. Из него Вы поймёте, что дочь его переживает тяжкое испытание. Её супруг занялся флиртом с г-жою Либерт. Мне переслана копия письма этой особы. Редко приходилось читать нечто более безобразно кощунственное. Описание чувств и переживаний этой особы напоминает бульварные романы. Но, конечно, самое безобразное и предательское то, что эта особа прикрывается щитом Учения. На страницах её похотливых излияний неоднократно упоминается священное нам Имя.

Оба эти «достойные» последователи Живой Этики занимаются сейчас составлением симфонии к книгам Учения и под прикрытием этих занятий разводят и свою какофонию. Тяжко видеть проявление таких нечистых чувств среди подошедших к Учению Живой Этики.

Недостойно во всей этой истории и то, что герой, видимо, очень горд внушёнными им чувствами и в то же время уверяет свою жену в своей исключительной к ней любви! Такая низкая степень сознания недопустима среди отмеченных доверием.

Родной наш Рихард Яковлевич, очень буду просить Вас в беседах с нуждающимися в просветлении чаще подчеркивать ту усугубленную ответственность, которую принимают на себя подошедшие и узнавшие основы Живой Этики. Пренебрегший нравственными основами не может считаться членом духовной семьи.

Скажите таким шатающимся сознаниям, что своим поведением они бросают тень на всё Учение. Недопустимо такое несерьёзное отношение к самому насущному и самому основному. Подобное легкомыслие приравнивается в Учении Живой Этики к предательству. Великие Учителя сурово осуждают каждый обман, каждое лицемерие и каждое надругание над истинным чувством. Честность есть редчайшее качество, но без него немыслимо духовное продвижение.

Понимаю, что Вам будет трудно говорить с г-жою Либерт, и потому не лучше ли побеседовать сначала с самим «героем»? Конечно, лучше не говорить ему, откуда Вам известны его похождения.

Как пишет г. Барун – «я знаю Рихарда Яковлевича как светлую личность и как поэта, имеющего высокое понятие о любви. Я надеюсь, что он найдёт способы для помощи молодым друзьям очиститься от нравственной неряшливости». Да, многим следует обратить внимание на такую неряшливость.

И я верю, что никто лучше Вас не сумеет поговорить с этим одураченным «героем».

Всё нет ответа на нашу телеграмму, начинаем опасаться, что это дурной знак. Вчера

пришли письма от Гаральда Феликсовича и Ивана Георгиевича, также и от Фёдора Антоновича от 11 по 14 февраля. Несказанно огорчились результатом анализа опухоли у Клементия Станиславовича. Этого мы и опасались. Если бы только явилась возможность поднять и усилить его психическую энергию, он мог бы если и не выздороветь, то всё же значительно продлить свои дни. Психическая энергия стимулирует деятельность внутренних гланд и может этим совершать чудеса.

Продолжаем тревожиться и за девочку. Письмо И.Г. полно мужества, но, бедняга, что ему приходится переживать! Конечно, большие духи в такие дни находят поддержку в Учении, потому нам радостно было читать его трогательное письмо о любви к книгам Учения. Посылаем все силы сердца на помощь нашим болящим.

Родной Рихард Яковлевич, храните здоровье. Не переутомляйтесь, не слишком тревожьтесь. Держите в сердце мысль, что если сегодня трудно, то завтра придёт радость. Тучи пройдут.

В *Письмах* нашли ещё две опечатки, на стр. 196, строка 5 сверху, напечатано – *честь, преданность,* следует читать – *честность, преданность.* На стр. 482, 17 строка снизу, напечатано – *не имея малейшего,* следует читать – *не имея ни малейшего.*

Также, корректируя английский перевод *Общины* и сравнивая его с оригиналом, нашла новые опечатки. Пожалуйста, пусть все имеющие эту книгу исправят их в своих экземплярах. Страница 90, строка 6 снизу, напечатано – *знание,* следует читать – *значение.*

Стр. 241, строка 3 снизу, напечатано – *овладение,* следует читать – *о владении.*

Стр. 35, строка 2 снизу, напечатано – *не другому,* следует читать – *но другому.*

Стр. 203, строка 12 сверху, напечатано – *тебя,* следует читать – *себя.*

Стр. 19, строка 3 сверху, напечатано – *понимать,* следует читать – *поминать.*

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие мысли.

Духом и сердцем с Вами,

Е. Рерих

———

Елена и Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

8-3-39

Родные наши!

Ко дню 24 Марта посылаем Вам наше сердечное приветствие с душевными пожеланиями.

Каждый день ждём новых добрых вестей о наших милых больных. И здесь наш лазарет всё увеличивается. Болен Владимир Анатольевич, слёг Н.К., а теперь очередь за мною. Все болеем разновидностями инфлуэнции, потому пишу кратко.

От всего сердца благодарю молодую художницу за отлично исполненную вазу, которая пришла вполне сохранно. Также тронута была присланным приветствием из детского уголка. Веночек очень мил. Спасибо Вам, родные, за все добрые мысли и память.

Хотелось бы знать, сколько будут стоить в продаже *Тайная Доктрина* и *Письма?* Есть ли возможность получить ещё три экземпляра *Писем* теперь же?

Нашли ещё опечатку в *Письмах,* на стр. 99 напечатано вместо *Беати – Ерати.*

Из Нью-Йорка сообщают, что именно получено 20 долларов и 50 долларов от Шклявера, всего 70 – вероятно, это совпадает с Вашими указаниями.

Очень ждём вестей, как прошёл реферат о Граале. Такие благие семена должны затронуть неокостеневшие сердца.

Наряду с ужасным разлагающим материализмом друзья во всех странах отмечают появление нового интереса к духовным ценностям. Потому пессимизм некоторых лиц не оправдается. Оптимизм всегда был и будет началом ведущим.

Вновь избранный папа в бытность свою кардиналом всегда доброжелательно относился к Пакту. Это сведение может быть интересно и Юлии Доминиковне.

Вот уже наступает пятилетие со времени ухода нашего незабвенного Феликса Денисовича, у нас этот день будет отмечен.

Посылаем Нашу лепту на фризии к памятным дням.

Храните здоровье, наши душевные мысли с Вами.

Духом и сердцем,

Е. Р. и Н. Р.

———

Елена и Николай Рерих Латвийскому обществу

24 марта 1939

Радоваться ко дню 24 Марта. Сойтись к этому дню с самыми добрыми взаимными пожеланиями. Отеплить друг друга прекрасными устремлениями – укрепиться в содружестве для будущей работы. Не в мирное время, не в лёгкие дни шлём эти пожелания, но ведь радость есть особая мудрость, а в памятные дни нужно принести все свои лучшие намерения. Если у кого – горе, то именно в такие дни нужно пытаться исцелить его от горести, и лучшим средством будет общее дружеское пожелание. Если у кого имеется особая радость, то именно в памятные дни он захочет поделиться ею с друзьями. Дружба, содружество – не пустой звук, не облачное, не пыльное рассеяние. Наоборот, содружество есть истинный цемент, на котором устоит даже самое массивное здание. Иногда может казаться, что понятие дружбы есть нечто врождённое – чему не надо учиться. Неправильно, и дружбе, и содружеству, и сотрудничеству нужно учиться. Все эти качества нужно воспитывать в себе в постоянном труде. Взаимное доверие, без которого не может быть и дружбы, тоже должно быть развиваемо. Всякие неискренние улыбки пусть будут уделом невежд, которые не знают об основах бытия. Но каждый приобщившийся к Живой Этике, понявший необходимость нравственных основ, отлично понимает, что искренность и сотрудничество будут теми прочными устоями, на которых складывается совершенствование. Дорогие друзья, в памятный день 24 Марта мы сойдёмся в разных частях света и пошлём наши лучшие мысли Тому, Кто в вечном труде и в вечной красоте слагает счастливое будущее. И это счастье не будет чем-то недвижным и закостенелым в самости и своекорыстии, – оно будет радостным напряжением всех светлых качеств. Пусть в этот день каждый просмотрит свои светлые качества. Если он найдёт в себе новое благодатное зерно, пусть порадуется. И придёт он к друзьям своим не на холодное бездушное совещание, но для огненного и прекрасного общения. Призовём все свои силы, чтобы служить человечеству. Не будем препинаться о человеческие заблуждения, но будем надеяться, что удастся по всей земле посеять те благостные семена, которые называются добром. Это семя добра нуждается в прекрасной оправе, и потому, призывая к добру, будем служить и красоте. Красота и добро – ключ к радости. Радоваться в день 24 Марта.

Е.Р. Н.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 12 марта 1939 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

В четверг, 9 марта, у нас было общее годовое членское собрание. Весь старый состав правления остаётся прежним (К.Валковский, Гаральд Феликсович, Фёдор Антонович, О.Мисинь и я). Как я уже писал, новые статуты предвидят ещё и 6-го члена в правлении, им мы выбрали, как и предвидели, г-жу Драудзинь. Александр Иванович и Клементий Станиславович остаются по-прежнему кандидатами. Из членов правления желаем избрать более тесный нуклеус, куда пригласим и Ивана Георгиевича. Встретимся почаще для обсуждения не только административных дел, но и моральных вопросов. Для выработки трудового плана мы раздали всем членам анкету (теперь у нас всего 119 членов, включая кандидатов). На следующих заседаниях обсудим полученные обратно анкеты, а также выработанный мною внутренний устав и пр. Изредка ко мне в библиотеку заходит и Карл Иванович, также пришёл и в день собрания, чтобы внести членскую плату. Также на

собрании увидели г-жу Иогансон, которую, кажется, несколько лет не видал. В новые статуты в министерстве ввели параграф, что члены, не внёсшие членскую плату за прошедший год, автоматически исключаются из Общества. Так что видно, что Карл Иванович и Иогансон всё же пожелали остаться в Обществе, хотя и не являются сюда.

22-е и 27-е февраля, когда был прочтён мой реферат о Братстве Св. Грааля по научным источникам, явились торжественными и важными днями для нашего Общества. Ведь в сущности это было первое открытое наше выступление, здесь был дан первый намёк о нашем сопричастии к эзотерическому знанию. Всё время сознавал также всю большую ответственность, ведь в первый раз говорилось и доказывалось существование Братства! Свой реферат я выстроил в логическую систему, особенно в первой половине, где упоминал европейские источники, начиная с легенд и кончая полуисторическими и историческими данными (Пресвитером Иоанном и Аполлонием Тианским). Во второй части, которая была прочитана 27 февраля, я приводил места из Библии, Рамаяны и Махабхараты, книг Н.К. и Юрия Николаевича, *Криптограмм Востока* и пр., и в самом конце реферата, после того, как привёл главные мотивы, почему Братство скрывало своё местопребывание, я упомянул, что первой, кому было разрешено поведать открыто о Братстве, была Блаватская и что её труд продолжает новое Учение Живой Этики. Конечно, я подробно об этом не говорил, но дал лишь намёки. Также слово *Шамбала* по возможности старался заменить словом *Братство,* ибо знаю: с теми понятиями, что можно упоминать в книгах, надо обращаться осторожно, когда на вечере могут быть и просто любопытствующие. В тот вечер думал: пусть Владыка простит мне, если где не сумел дать лучшую форму своему сердечному звучанию и если где не соблюдал также самого чуткого такта. Пошлю реферат Вам, если кто-нибудь из членов возьмётся перевести его по-русски. На каждом вечере присутствовало больше 150 гостей, в том числе и несколько общественных деятелей, присутствовал и директор Янсон, которому мы благодарны за перерегистрацию Общества. Читала наша г-жа Аринь, бывшая актриса, я очень рад, что она сумела прочесть реферат с убедительной простотой, ясной дикцией и вдохновением.

Теперь, после перерегистрации Общества, не убоимся иногда и открыто сказать о своих идеях, конечно, в рамках чутко культурных, избегая всякой сектантской узости и односторонности. Приготовляю следующий свой реферат о понятии Учителя и ученика – понятии, совсем чуждом западному пониманию. Через неделю, на вечере с гостями, у нас выступит писатель и бывший редактор *Jaunakas Zinas* Янис Карклинь с докладом об Атлантиде с научной и эзотерической точки зрения. Он недавно издал книгу стихов – *Беседы с Божественной Матерью* и *Легенды о Христе* – в эзотерическом духе, – лишь недавно я узнал о перевороте его миросозерцания в эзотерическую сторону. Он присутствовал также на моём докладе.

13 марта

Эти дни находился под впечатлением Вашего письма о Маркове, его проступок меня глубоко поразил. Наконец, сегодня вечером был у меня Марков, и целых три часа я слушал исповедь его души. Когда я впервые познакомился с ним, мне нравилась в нём его устремлённость, и прямолинейность, и искренность, и то, что он сознавался также в своей грубоватости и пороках, хотя мы на них и не останавливались. Прошлой весной мне удалось ликвидировать недоразумения между ним и Мисинем, Марков работал у последнего при постройке одной станции, и Мисинь осветил нам его в несколько негативном свете. Но оказалось, что его отзывы основывались главным образом на недоразумении. Потом Марков приезжал изредка ко мне в связи с составлением своей «симфонии». Он говорил, что использовал для составления её каждую свою свободную минуту, даже езду на трамвае. И эта «симфония» его наконец привела к г-же Либерт. Муж последней служит на пароходе, и она живёт одна со своей дочерью и, между прочим, занимается массажем. Она пишет на машинке, и Марков давал ей переписывать на машинке свои темы. Тогда постепенно и загорелись их взаимные чувства.

Пишу Вам всю эту историю, как мне передал её сам Марков, и я не мог не верить в его искренность. Хотя и тяжко и грустно касаться всех этих мелочей, но всё же хочу Вас познакомить также с точкой зрения Маркова. Притом то, что он мне открыл, как он меня уверял, не знает ни его супруга, ни кто-либо другой.

Марков уверял, что флирта у них не было, что он почувствовал лишь «истинную

любовь», так как «с сердцем совладать не был в состоянии». Это и является «первой его любовью», так как женился лишь по симпатии. Но он уже давно дал себе обещание исполнить свой долг по отношению к своей семье и отказаться от Либерт, хотя и чувствует, что «сердце его не потухнет». За ним следила один наш член Ши-я, которая и донесла его супруге. Кроме того, супруга его нашла в его портмоне письмо Либерт, которое в сущности было не письмо, но лист её дневника, он этот лист сам взял у неё. Письмо это привело его супругу в ужас и последовал открытый скандал (услышали даже соседи), она хотела тотчас же оставить семью и убежать к отцу. Тогда он стал уверять её в своей любви к ней, чтобы пощадить семью. Он признался, что это был обман, но в возбуждении думал, что это единственный выход, как успокоить взволнованную супругу, притом он сознавал, что и супругу свою любит, но «по-своему», как друга. Про свои истинные чувства к Либерт он так и не открыл супруге, так как был уверен, что она тотчас же уйдёт из семьи, ибо всё время ревнует. Она, между прочим, поставила ему «ультиматум» до Пасхи – сказать ей, любит ли он её или нет? Он мучился – если скажет правду, она оставит детей и его, но скрывать правду тоже нельзя. Сам Марков и посоветовал Баруну написать Вам, но он надеялся, что тот, перед посланием Вам своего письма, даст ему его прочесть, но Барун этого не сделал. Супруга, укоряя, прочла ему некоторые места из Вашего письма к Баруну (что я получил письмо от Вас, я, понятно, не упоминал). Таково свидетельство Маркова.

Понятно, самое гнусное и пошлое жить в неправде, и если супруга его друг, то кому же раскрыть свою душу, как не своему другу? С другой стороны, если это даже «чистая любовь», то он уже *в самом начале* должен был бы погасить её пламя, начиная уже с первых мысленных ассоциаций, ведь у него же семья. Поразило меня, когда он сказал, что само это его чувство к Либерт не вызывает в нём раскаяния, в то время как другой на его месте пережил бы адские муки. Мы много говорили о чувстве долга и ответственности, о категорическом императиве[131], о необходимости самопожертвования ради своих ближних, о величайшей ответственности тех, которые прикоснулись к Учению Огня и знают Учение почти «наизусть», и он во всём соглашался со мною. На его уверения «в любви» я возразил, что он ведь уже не первой молодости, что и это чувство со временем можно трансмутировать в самоотказе, в напряжённом труде на общее благо и в сознании своего долга. Он обещал не встречаться с Либерт и всеми силами стараться восстановить свою семейную гармонию и не забывать никогда о своём долге. Он порою даже плакал, и, конечно, у меня не было причины не верить в его искренность. Жаль его супруги, хотя и мало знаю её, но она показалась мне симпатичной, хрупкой, чистой, хотя и несколько детской душой. Я написал письмо Баруну и просил его прислать мне копию письма Либерт, чтобы получить представление о ней. После получения письма поговорю и с нею, ибо возможно, что она ещё меньше сознаёт свою ответственность. Она одна из самых младших наших членов, но у нас получилось приятное впечатление от неё, тем более, что она стремилась работать и на пользу Общества; к 24 декабря прошлого года мы даже решили, по предложению К.Валковского, в группе которого она состоит, выдать ей Портрет, который выдаётся обыкновенно лишь испытанным в устремлённости членам, и даже некоторые из более старших его не получили. Но теперь с сожалением вижу, что мы слишком поторопились, потому тем более хочу искренне поговорить с нею, и если она почувствует себя недостойной, пусть вернёт Портрет. Впредь будем осторожнее.

Мне очень, очень жаль, что Барун обратился к Вам и обременил Ваше сердце новой ношей. «Даугавпилцы»[132] ведь мало знают духовную традицию нашего Общества, так как приезжают к нам редко, а также редко обращаются. Но хочу установить с ними более тесное сотрудничество и вести более частую переписку, а порою посылать в Даугавпилс кого-нибудь из старших членов.

14 марта

Хотел сегодня окончить и отправить это письмо, как получил только что длинное письмо от г-жи Марковой. Она узнала от своего мужа, что я назначил с ним свидание, поняла, с какой целью, и написала мне. Был рад читать её чуткое письмо, многое что оно

---

[131] Речь идёт об основном законе этики Канта: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом».

[132] Члены отделения Общества в Даугавпилсе. – *Г. Р.*

осветило мне в ином свете. Теперь могу судить, что Марков умалчивал кое-что или даже несколько искажал правду для того, чтобы оправдаться. Мне очень не понравилось, что он, хотя и, может быть, того не хотел, несколько умалял свою супругу. Так, мне показалось непростимым, что у матери могла явиться мысль оставить своих детей, даже в возбуждении ревности. Но г-жа Маркова пишет, что она была готова уйти от Маркова с детьми к отцу, если он действительно любит Либерт, чтобы не воспрепятствовать его счастью, что именно из-за детей не может покинуть семью. Далее, были случаи, что «любовь» Маркова перешла границы «платонизма» («поцелуи»).

Тронуло меня, как г-жа Маркова в конце своего письма просит – «не судите очень строго моего мужа, я знаю, что он всем сердцем предан Учению. Но кто из нас, людей, не ошибается? Он очень больно переживает происшедшее... Не судите и г-жу Л. очень строго. Она, видно, очень несчастлива в своей личной жизни».

17 марта

На другой день получил письмо от Либерт. Было весьма мучительно и жутко читать каждую его строку. Простите, что посвящаю Вас во все эти подробности. Посылаю Вам копию этого письма – этого документа искажения основ Учения. Здесь упрёк и мне, что я поощрял торжество узкой самости, предложив Маркову не встречаться с Либерт, пособлял разрушить их мечту.

Вчера получил от Баруна копию злополучного письма Либерт, которое было послано и Вам (Вы, должно быть, поняли, что «гость» – это её муж), а также целую вереницу всех весьма длинных писем г-жи Марковой к своему отцу. Трагедия доброй души. Прочитав эти письма, я навестил саму Либерт. Чувствовалось в ней, что она пережила много душевной муки и страдания. Она утверждала, что её взаимоотношения с Марковым основываются на чистой любви и на мечте о самом лучшем, о сотрудничестве для общего блага, что люди их мечту и чувства не понимают и обливают грязью, что они сходились, влекомые инстинктивной симпатией, а отнюдь не похотью, их мечта была служить общему благу и т.д. Но всё же, сколько я ни говорил с нею, сколько ни углублялся, я не совсем мог понять её психологию, её подход ко всему переживаемому. Если они были бы в 20-летнем возрасте и без семьи, то я вполне понял бы их. «Я не считаю наши чувства преступлением, – сказала она мне, – ибо они чисты; разве любовь есть преступление?» – Не любовь как таковая, но разрушительное нерадение к страданиям другого, но забвение своей ответственности и своего долга, ответил я.[133] Она призналась, что чувство ответственности не оставляло их и мучило (ведь у неё самой тоже дочка), при встречах они постоянно анализировали свои чувства и положение и вопрос их семей. Но ведь самым простым было бы *прекратить* эти «мучения» сразу и в самом начале. Либерт спрашивает: разве это принесёт пользу, если мы теперь больше не будем встречаться, ведь гармонии в семье Марковых всё равно нет, притом его супруга относится грубовато к своему мужу и пр. Но была ли гармония в ней до Вашего знакомства с Марковым? – Ответа не последовало. Много говорил ей о самоотречении и жертве, что Учение возлагает совсем иные, более ригористические[134] мерила, чем обыденная «мораль». «Если скажете, я исполню и не буду встречаться с ним», – отвечала она. «Но разве *я* должен подсказать Вашему чувству долга, разве я должен даже приказывать? *Вы* сами должны осознать и сами решить, ведь это Ваша свободная воля и Ваша карма». Наконец спросил: при получении Портрета, считали ли Вы себя достойной? – «Моя совесть была чиста по отношению к моим чувствам, хотя мучило отношение к семье».

Сознаю, порою моё отношение было сурово, но уверен, что наша вчерашняя встреча послужит ко благу. Но жаль и её, хотя сердце болит.

Кончая об этом грустном эпизоде, обращаюсь к Вам с просьбой – не можете ли Вы для второго тома *Писем* написать хотя бы небольшое письмо о принципах брака, это явилось бы внушением тем, кто постоянно ссылается на Ваши письма и на Учение.

На днях ко мне явился Дергачёв из Даугавпилса и преподнёс Обществу полный Указатель к темам Учения. Я очень обрадовался, так как наши члены успели лишь частично исполнить этот труд. После некоторой проверки труда Дергачёва, возможно, дадим

---

[133] Потому мы и не могли вполне понять друг друга: я постоянно исходил из осознания своего долга, в то время как она больше всего возвращалась к анализу своего чувства. – *Пометка Р. Рудзитиса*

[134] суровые.

переписать литографически в нескольких десятках экземпляров для членов. Дергачёв представил темы в алфавитном порядке и отметил соответствующие параграфы или страницы. Он работал два года, до 8 часов ежедневно. Один экземпляр он обещал послать и Вам. Зильберсдорф сообщает о нём, что хотя он и увлекается Учением, но не изжил ещё догматическую церковность и из-за трений с женой избегает посещения собраний по Учению в Даугавпилсе.

Какие безумия совершаются в мире. Вчера на собрании прочли статью Н.К. о «продаже душ», как будто сочинённую именно вчера.

Монография наконец-то увидела свет – пошла в цензуру 8 марта. В тот день я собирался ответить г-же Рынкевич, которая прислала деньги за монографию, что ей придётся подождать ещё несколько дней, так как по техническим обстоятельствам книга задержалась, как вдруг мне сообщают, что пришла из цензуры монография! Пусть Гаральд Феликсович когда-нибудь напишет историю мученичества этой книги. Знаю, что она покорит многие сердца. Гаральд уже разослал 300 реклам по Латвии, но опасаюсь, принесёт ли пользу такое обращение к неизвестным лицам. Гаральд Феликсович уже послал Вам статью Пильского, намереваемся обратиться также к латышским критикам, но мало надежды, что и латышские газеты поместят отзывы, так как монография на чужом языке.

О картине Н.К. мы узнали, что она пока находится в кабинете президента. Понятно, картина эта будет постоянно вдохновлять президента к возвышенным мыслям и возвышенным действиям.

Вайчулёнис всё ещё страдает. Даже его великое терпение и сила воли как бы истощаются. Мы в старшей группе решили каждый вечер в 9 часов посылать ему наши благие мысли. Я советовал пить воду лития и соду, но дочь его говорила с врачом, который не советует это делать. Ещё сохранились порошки л., приготовленные Феликсом Денисовичем.

Получил письма Е.И. от 18 и 24 февраля, сегодня также от 8 марта. Также письма Н.К. до 43-го и его статьи.

Шлю Вам мои самые сердечные и преданные мысли.

Искренне Ваш,

Р. Рудзитис

По письму Е.И. от 8. III могу судить, что ещё не получили моё большое письмо от 14–18 февраля. Спасибо за присланные деньги, но в письме я упомянул, что имею ещё остаток от прошлого года. Сердечное спасибо за приветствие к 24-му. Разошлю адресатам. Недостающие листы *Писем* будут отпечатаны лишь на днях. А.Каменской послали 5 комплектов *Тайной Доктрины.* С.Рынкевич прочла реферат о Н.К. 15. III.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису и Гаральду Лукину

14-МАР-1939

Родные наши!

Вчера получилось славное письмо Рихарда Яковлевича пароходной почтой от 14–18 февраля с такими душевными приложениями от Ф.А.Буцена и А.И.Клизовского и стихотворением. Е.И. была также обрадована и письмецом от супруги Р.Я. Всё это так сердечно и радостно и ещё раз являет картину возможного сотрудничества вне расстояний и времени. Елена Ивановна читала Ваши вести в постели – ибо её инфлюэнца ещё не прошла. А я только недавно встал, ибо пришлось вылежать с температурою целый ряд дней. Да и Владимир Анатольевич всё ещё не совсем поправился. Очень злостная инфлюэнца ходила это время по всем здешним краям.

Итак, начались Ваши новые собрания, и мы представляем себе, какой интерес вызвал доклад Р.Я. о Граале. Пусть люди постепенно привыкают к широко-культурным сообщениям, которые покажут современному человечеству, как многое глубокое и замечательное происходило во всех веках, среди всех народов. Очень радостно нам сообщение Р.Я. о том, что младшее поколение латвийских поэтов и писателей опять

возвращается к идеализму. Те, кто ограничивал себя призраком материализма, лишь доказывали этим своё невежество. Идеализм и материализм так же точно нераздельны, как дух и материя. Ещё недавно было принято противопоставлять дух материи, но ведь вся материя есть не что иное, как различные состояния духа. Так же точно не прожить людям без идеализма, то есть без возвышенных мыслей о мироздании.

Портреты пьяницы с подбитыми глазами не поведут человечество на высоты.

Очень интересно, как двинулась продажа *Т. Д.* Теперь после таких хороших отзывов от Писаревой и Каменской не может быть никаких смущений в том, что отношение теософов к изданию может быть отрицательное. Жаль, что Писарева сейчас находится не только в болезненном, но прямо в бедственном состоянии. Её итальянские друзья, у которых она всё время живёт, сами находятся в тяжко болезненном состоянии, и из этого круто меняется всё положение вещей. Жаль слышать, когда такие замечательные деятельницы так страдают от земных условий.

Посылаю Вам копию моего письма к Беликову. Из неё Вы видите, что Беликов в своём письме ко мне горевал о том, что монография так задерживается типографией. Сетования Беликова вполне понятны, ибо он, работая в книжном деле, знает, как важен сезон для успеха книг. Мне продолжает казаться, что нет ли в типографии какого-то скрытого вредительства. Трудно распознать, откуда такое вредительство может существовать, но если Вы пишете о портретах пьяниц с подбитым глазом, то ведь такое направление ума может где-то гнездиться и ползать, а для тьмы каждый свет является укором и причиняет внутреннее возмущение. Невозможно предположить, чтобы типография не могла настолько рассчитать свои силы, чтобы не вызывать так вредных задержек. Не думаете ли Вы, что где-то скрывается вредительство?

Мы получили от Инге русский перевод первой части статьи Конлана. Конечно, чувствуется переводный язык, но его легко можно бы выправить. Если бы знать, что найдётся такая доброволица, то можно бы и не беспокоить Шклявера о переводе. Кстати, мы ничего не слышали о шкляверском переводе и даже не знаем, был ли он начат. Насколько мы поняли, Вы перевели Шкляверу для передачи мисс Грант сперва 20 и потом 80 американских долларов. Из них по письму З.Г.Лихтман мы видим, что в Нью-Йорк переведено 70 долларов, но, вероятно, у Вас имеется точный расчёт этих переводов, который, кажется, был сделан через Финляндию.

Шклявер писал о том, что полезно иметь несколько экземпляров монографии для раздачи, как, например, для отзыва «оборонцам» и другим, дающим отзывы. Но для Александра Бенуа, пожалуйста, пошлите прямо от издательства из Риги. Пожалуйста, сообщите нам совершенно точно, кому именно будут даны экземпляры монографии, когда именно они высылаются из Риги, чтобы мы были в полном курсе этого движения.

Конлан очень ждёт фотографий, которые были с моих картин у Вас. Пожалуйста, пошлите ему все фотографии, но с просьбою, чтобы он, по использовании их в Лондоне, немедленно возвратил их Вам. Пожалуйста, держите все фотографические и прочие матерьялы для монографии в особой папке, чтобы они как-нибудь не растерялись. Ведь многие из фотографий уже совершенно невозможно повторить.

Пожалуйста, имейте в виду, что письмо Р.Я. от 18-го, оплаченное марками для воздушной почты и с надписью чернилами «для воздушной почты», всё-таки пришло к нам лишь вчера пароходной почтой и было послано из Риги в Лондон и таким образом пробыло в пути 24 дня. На почте говорят, что это произошло из-за отсутствия синей воздушной наклейки. Вот уже и 24 марта наступает. За минувший год Вами были одержаны хорошие победы. Пусть будет так и впредь. Там, где истинное единение и сотрудничество, там будет и победа. Будем с Вами мысленно и 24 и 28 марта. Памятные дни пусть будут крепкими вехами на пути совершенствования. Продолжайте писать, как восстанавливается здоровье болящих. Да будет светло всем.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

———

Николай Рерих Павлу Беликову

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

13-МАР-1939

Дорогой Павел Фёдорович!

Большое спасибо за Ваши письма ко мне и к Юрию и за описание Ваших собраний. Очень радуемся не только тому, что собрания продолжаются, но и тому, что Вы принимаете во внимание всякие обстоятельства и делаете из них необходимые выводы. Надеемся, что и Ваша группа вся мыслит таким же порядком. Мы вполне понимаем Ваше сожаление о том, что рижская монография неожиданно так запаздывает. Вы совершенно правы, полагая, что определённый сезон является чрезвычайно нужным для успеха продажи книг. Этот сезон кульминируется перед Рождеством и затем продолжается до половины марта, а затем – уже весна со всеми весенними соображениями. Трудно понять, почему именно типография, несмотря на все усилия наших друзей, вдруг проявила такую непростительную медлительность. Ведь выход монографии предполагался к 10 декабря, а затем постепенно малыми сроками отложился и по сие время. Невольно даже является мысль о каком-то вредительстве со стороны типографии. Конечно, трудно представить себе причину такого вредительства, но по нынешним временам, к сожалению, можно допустить самые невероятные предположения, а между тем мы так понимаем Ваше соображение о том, что Вам нужно бы уже иметь на руках книгу. Были вопросы и из других стран, но Вы знаете, насколько изменчива человеческая память и добрые намерения. Если не прийти навстречу доброму намерению, то оно попадает в дальний ящик, а потом и в мусорную корзину. Всяко бывает. Интересно, какое впечатление Вы вынесете от знакомства с Гагемейстер и Рудниковой. Мы их совсем не знаем, но Гагемейстер даже хотела устраивать в их обществе группу или отдел моего имени. Тогда же мы написали, что к чему разбиваться, когда налаживалось в Таллине наше Общество. Неизвестно, что получилось из их добрых намерений. Хорошо, если бы Вам удалось послать большую листовку И.И.Бродскому, директору Академии художеств в Ленинграде. Адрес Всероссийской Академии художеств на Васильевском Острове Вы, конечно, найдёте. Шлём Вам, Вашей супруге и всем друзьям наши лучшие пожелания. Интересны Ваши сообщения о Нарве. Будьте на добром дозоре.

Духом с Вами,

Н. Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

17-МАР-1939

Родные наши!

Получились славные письма от Гаральда Феликсовича и И.Г.Блюменталя от 6-го. В каждом из этих писем так много сказано и в строках, и между строк. Радовались мы выздоровлению милой Наталки. Прискорбно, что здоровье Клементия Станиславовича находится в таком болезненном состоянии. Передайте ему наши самые сердечные пожелания.

Как сердечно Иван Георгиевич пишет о двух докладах Рихарда Яковлевича о Граале. Эти доклады можно считать истинным преуспеянием Общества. Настоящий подвиг заключён в таком посеве прекрасных и ведущих ввысь сведений. Пусть широкая публика знает об этих ведущих зовах. Вполне понимаем всё, что И.Г. пишет о лисьих письмах Г.Д.Гребенщикова. Действительно, вдруг выказался весь характер, так долго скрывавшийся. Нам очень понравилось, как И.Г. сопоставил наймитов и людей благородно мыслящих.

Относительно введения к статье Голлербаха, очевидно, произошло печальное недоразумение. Конечно, это введение могло быть интересно лишь для Вашего сведения, но в книгу помещать его не следовало. Отлично помню, что в том экземпляре, который был предназначен для монографии, это введение было изъято. Как жаль, что за всё это время типография не могла дать корректурных оттисков, которые мы с ближайшей почтой

возвратили бы. Нельзя ли выйти из положения тем, чтобы заклеить это введение фрагментом одной из моих картин, например, отрезком какого-либо пейзажа. Так как статья начинается с упоминания о космосе, то очертания каких-либо космических гор оказались бы уместны. И.Г. совершенно правильно досадует на это введение, которое не соответствует силе статьи и похоже на какую-то неуместную редакционную заметку.

Спасибо И.Г. за присланные вырезки из *Сегодня.* Очень интересно, что И.Г. встретил в редакции такое радушное отношение.

Всюду, где только можно, не нужно делать врагов. Забавно, что газета *Для всех* не додумалась сама, что под заметкой, в которой поминается моё имя, не может стоять подпись моя. Ну, ничего, пусть поправят.

Также любопытны замечания о Мабиле и о французском помещении. Пусть Шклявер Вам даст хорошую заметку о том, что мой портрет работы Святослава, который будет в монографии, теперь поднесён в дар французскому правительству и будет выставлен в Национальном музее. Но пусть Шклявер сам составит текст этой заметки. Во всяком случае, очень хорошо, что именно этот портрет, запёчатлённый в монографии, будет в Национальном музее Франции. Каждый такой факт заслуживает быть отмеченным. Любопытно, что именно написала З.Г.Лихтман, – будем ждать обещанную копию.

Очень трогательны копии писем Г.Ф. к мисс Грант, к Фосдику и к Конлану. Во всяком случае, Вы выказываете им братское отношение. У нас не имеется копии с предисловия, переведённого Шклявером и Конланом. Нужно надеяться, что у Шклявера или у Конлана найдётся ещё одна копия. Очень хорошо, что Г.Ф. просил Конлана вернуть все посланные ему из Риги фотографии после их использования. Пусть все матерьялы, как по первой части монографии, так и готовые, для будущего хранятся в одной папке. Не думаете ли Вы, что цены на открытки несколько высоки. Правда, с благотворительной целью можно брать и 10 центов, но без особо указанной цели цены высоковаты, сравнивая с теперешними заграничными изданиями. В своё время открытки несли на себе и ценность специально сделанных клише, а теперь они являются уже как бы вторым изданием после монографии. Цены следует регулировать по существующим на рынке ценам.

Так хочется, чтобы магазин широко развернулся и оказался действительно золотым дном. А ведь это вполне возможно, ибо сколько подобных магазинов превосходно существует. П.Ф.Беликов, работая сейчас в книжном деле, наверное, будет рад поделиться всем своим опытом. Ведь это книжное дело, являясь столь почётным, сопряжено со многими специальными действиями, которые нужно знать, чтобы дело могло неустанно расширяться. Магазин должен быть доходным делом.

Вы будете огорчены слышать, что Елена Ивановна всё ещё находится в постели с высокой температурой – такая инфлюэнца при её слабом сердце всех нас тревожит. Вообще, инфлюэнца, попавшая в эту долину, является какой-то свирепой, и я сам всё ещё не могу окончательно поправиться, также и Владимир Анатольевич всё ещё принужден находиться на положении больного. А сейчас и Святослав обнаруживает признаки недомогания. Конечно, сейчас по всему миру токи необычайно тяжкие. Вы можете убеждаться, какое особое значение имеет понятие Армагеддона. Передайте прилагаемый привет Богданову-Вельскому, а также скажите Юпатову мою радость о его даре и сотрудничестве. Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

22-МАР-1939

Родные наши!

Спасибо Гаральду Феликсовичу за его доброе письмо с приложением отличной статьи Пильского и за поздравление к 24 Марта от членов Общества. Пильский, надо отдать ему справедливость, написал прекрасно, – пожалуйста, передайте ему мой искренний привет.

Трогательно, что он миновал всякие ненужные детали и сосредоточился на главном. Красочное воспроизведение на приветствии к 24 Марта вышло очень хорошо. Вообще нужно сказать, что все сделанные в Риге теперь красочные воспроизведения много превосходят всё, сделанное в Праге. Рижские гораздо тоньше по краскам, а в пражских часто имеется какая-то олеографическая резкость. Очевидно, и Либерт, и Пранде хорошо знают своё дело. Прилагаю списочек, по которому непременно пошлите статью Пильского – пусть и в Париже, и в Америке видят, как пишут, и, может быть, устыдятся.

Большая радость была для нас слышать о выздоровлении милой Наталки. Но горестно узнать, что здоровье Клементия Станиславовича по-прежнему нехорошо. Неужели опять происходит разрастание раковой ткани. Какой это бич, и как сравнительно мало человечество заботится о профилактике и о способах пресечения этой страшной болезни. Когда наш Институт стремился поставить исследования местной медицины и мы именно подчёркивали, что особенно поучительно изучать способы лечения рака по древним индусским, китайским и тибетским методам, то наш призыв не встретил должного отклика. Богатая Америка тоже промолчала, а ведь там ежегодно умирают от рака более ста тысяч человек. Вот сейчас именно от рака скончались и Александр Яковлев, и Борис Григорьев, не из Америки ли они вывезли эту мучительную болезнь?

Елена Ивановна всё ещё в постели. Ещё не бывало такого длительного приступа болезни. Теперь как будто наступает улучшение, но всевозможную бережность нужно проявить, ибо период выздоровления, наверное, будет очень длительным.

Посылаем Вам копию с письма А.А.Каменской и мой ответ ей, чтобы Вы были в полном курсе происходящего. Елена Ивановна предлагает послать Каменской не семь, а десять экземпляров, из которых желательно, чтобы четыре были в переплёте, а лучше если и все будут. В конце концов, пожелания Каменской очень скромны, а эти находящиеся около неё теософы очень бедны и всё равно не смогли бы приобрести эту книгу. Таким образом обмен добрыми жестами будет закреплён. В Таллине Беликов встречается с Раггисом, и потому Вы и со своей стороны подтвердите Беликову, что и Каменская, и Писарева вполне одобрили и перевод, и само издание, а потому уже не может быть никаких трений и недоразумений. Теперь, наверное, будут и заметки, и отзывы, и объявления о продаже *Тайной Доктрины.* Таким образом, в дни мрачнейших мировых потрясений Общество выступает с такими капитальными действиями. Так и должно быть. Когда появляются агрессоры и разрушители, то тем ярче и интенсивнее должна проявляться и культурная работа.

Интересно, как проникнет монография на Дальний Восток и какие там появятся статьи. В конце концов, и Зенкевич, и Данилевский, и Бонна, все они обладают достаточно сильным слогом, а местные газеты всё-таки, по-видимому, пока существуют. Также напомните и Янушкевичу, а для Америки было бы лучше всего послать З.Г.Лихтман три готовых добрых отзыва с просьбою послать в *Рассвет,* в *Новую Зарю* и в *Свет.* Конечно, отзывы должны быть различны, так, например, *Свет* как газета церковная всегда захочет подчеркнуть эту сторону картин, а *Рассвет* как газета рабочая и более широкая и уже в новой орфографии предпочтёт более широкие мысли. Думается, что все эти три газеты могли бы помочь и с продажею, но, к сожалению, кажется, что З.Г.Л. недостаточно укрепляла сношения с русскими кругами Америки. В Америке около миллиона русских, из которых многие оседлые. Г.Г.Шклявер писал, что он «пристроил» несколько экземпляров монографии. Неужели в Париже среди «оборонцев» или в других кругах не имеется книжных комиссионеров, которые между делом на комиссионных основах заняты и продажею книг. Когда будете посылать Ремизову монографию, то, может быть, И.Г. написал бы ему – не даст ли он своего отзыва в газеты. Вообще, первая ласточка в виде статьи Пильского должна показать многим, в каких масштабах нужно действовать. Шклявер писал, что у них нашлась ещё копия переведённого на английский введения от издательства. Очень хорошо, если Конлан устроит продажу английской монографии в Лондоне. Обо всём этом мы говорим нормально, точно бы мировые условия тоже остаются нормальными, а между тем отовсюду идут самые невероятные сообщения. Между прочим, не узнаете ли Вы от Булгакова, каково сейчас положение тамошнего музея. Также теперь Вам уже вполне возможно навести справки, где находится моя картина *Гималаи,* поднесённая главе. Вы вполне можете справиться у того лица, через которого Вы картину передавали. Вы можете сказать, что это

сведение Вам нужно для английской монографии. Итак, действуйте во благо и пусть даже в самое мрачное время сверкают искры культуры. Елена Ивановна и мы все шлём Вам и всем друзьям наши лучшие мысли.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Анне Каменской

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

22-МАР-1939

Глубокоуважаемая Анна Алексеевна!

Очень благодарим Вас за письмо Ваше от 11 марта. Елена Ивановна сейчас больна и лежит в постели и просила меня Вам ответить. Со своей стороны, Елена Ивановна предлагает издательству послать Вам десять экземпляров *Тайной Доктрины.* Вы распределите их по Вашему усмотрению.

Я был очень рад слышать о движении Вашей статьи о Пакте. Считаю, что появление её именно в Женеве было бы чрезвычайно симптоматично, ибо с каждым днём можно убеждаться, насколько мир и все связанные с ним вопросы подвергаются опасности. В книгах, которые Вы получите из Риги, вероятно, ещё не будет вложен лист типографских опечаток, а потому кому-то придётся сделать поправочки на основании экземпляра, имеющегося у Вас, в котором Елена Ивановна сама сделала необходимые исправления. Очень жаль, что во всех последних изданиях замечается довольно много типографских опечаток. Может быть, это объясняется тем, что в типографиях служит немало иностранцев, не вполне знающих русский язык. К тому же исправления, сделанные в первой корректуре, часто влекут за собою новые неожиданные ошибки. Приходится брать вещи так, как они есть.

Буду рад слышать о результатах Вашей статьи. Только что мы получили прекрасный отзыв из Риги о монографии, посвящённой моему искусству, которая только что вышла.

Елена Фёдоровна писала нам, что к ней обращались теософы из Триеста, заинтересованные моим искусством после упоминания Арунделем в его речи. Видели ли и Вы картины мои в Загребском музее? Сейчас д-р Казенс во время нашей выставки в Хайдерабаде прочёл о моём искусстве две лекции, которые будут изданы Османия университетом. Елена Ивановна шлёт Вам душевный привет.

Искренно,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

25-МАР-1939

Родные наши!

Хочется написать по поводу милого письма от И.Г.Блюменталя от 13 марта и сказать, как мы были тронуты карточкой Наталки с её «спасибо». Дай Бог, чтобы всё у неё шло ладно, ведь в период выздоровления особенно необходима осмотрительность во всех отношениях. Валериан, особенно же для детей, нужно давать в очень малых дозах. В малых дозах он успокаивает, а в больших дозах может раздражать. Вообще форсировать дозы валериана не следует. Мы и сами пьём в очень разбавленном водою виде, хотя и самый чай валериановый тоже не крепок.

Сердечно печалимся о болезни Клементия Станиславовича. Очень трогательно писали И.Г.Б. и Ф.А.Буцен. Действительно, можно себе представить, как мучительна эта болезнь. Наши мысли летят к дорогому больному. Неужели опять происходит какое-то разрастание?

Очень хорошо делаете, что не говорите ему об этом. Передайте, что все наши добрые пожелания с ним.

Елена Ивановна всё ещё в постели. И всё ещё боремся с температурой, с сильной головной болью и прочими невралгическими центровыми болями. Никогда ещё не было столь длительного болезненного периода. Конечно, почти все кругом тоже переболели, но всё-таки не в такой сильной форме. Вы можете себе представить, как тяжко Е.И. быть прикованной к постели при её постоянной устремлённости к работе.

Конечно, все события лишь усиливают положение. Кончилась Чехословакия, кончился Мемель[135], а что ещё на пути агрессии. Интересно, каково настроение директоров, мы так понимаем мысли И.Г.Б. и вполне разделяем его окончательное решение о Г.Д. Гребенщикове. Вот Беликов, по-видимому, отлично понимает положение и этим становится нам ещё дороже и ближе.

Пожалуйста, скажите Бумбер и Ф.А.Б., что Е.И. напишет им, когда поправится. Но даже когда наступит период выздоровления, то мы всячески будем следить, чтобы Е.И. не утомлялась. Об этом же при случае скажите Юлии Доминиковне и Надежде Павловне – можно себе представить, какое у них сейчас печальное настроение.

Пожалуйста, передайте прилагаемые мои письма Н.П.Богданову-Вельскому и Юпатову. Думается, что вообще неплохо, если каждому жертвователю картин я напишу личное приветствие. Просим И.Г.Б. написать нам, за что именно Булгаков изругал Юпатова. Ведь книга издана очень хорошо, и со стороны выполнения можно только приветствовать Юпатова, который показал себя очень тщательным издателем и с большим вкусом. Может быть, там вышло что-либо денежное, – нам очень хотелось бы знать все эти причины. Вообще, И.Г.Б. поступил хорошо, успокоив Юпатова. Думается, что его следовало бы вообще приблизить к Обществу, и, может быть, он поможет усилить художественную секцию. По Вашим письмам видим, что Пранде, к сожалению, не всегда бывает одинаково деятелен, и потому художественную секцию следовало бы усилить ещё кем-либо. Кажется, около Юпатова существует небольшая группа, которая тоже, может быть, сделала бы пожертвования Музею.

Просим Рихарда Яковлевича с обратной почтой прислать нам описание для *Фламмы* собрания в честь Е.И., 12 февраля, собрания, где Р.Я. читал о Граале, о перевыборе правления и выборе Драудзинь и о 24 Марта, а может быть, и ещё какие-нибудь новости, например, о местонахождении картины, о пожертвовании картин, выступлениях членов Общества, лекциях и т. д.

В одной шанхайской газете Гроссе сделал выпад против Агни-Йоги. Написано очень глупо и, в конце концов, является лишь своеобразной рекламой, ибо автор говорит об огромном количестве последователей. Обычно бывает, что хулители в припадке ярости начинают своеобразно возвеличивать. Сам Гроссе чрезвычайно отрицательный тип, и нам писал Хейдок, что Гроссе и пьяница, и развратник, а ещё пытается как бы вставать на защиту Христа.

Спрашивается, кто же умаляет Христа. По обыкновению, газетка не поместила возражение, написанное Томашевским и Данилевским. Они прислали уже готовый устав их группы «Община Культуры». Пока что мы довольно мало знаем. У них выдуман знак с пчелой – не знаю, почему взят именно этот символ, – лишь бы кто-то не принял за осу или шершня.

Очень хорошо вышли цветные отпечатки, присланные в письме И.Г.Блюменталя. Беликов пишет о довольно хороших видах на распространение монографии. Вот если бы во всех соответственных странах нашёлся бы хотя один заинтересованный в этом деле человек. Статья Конлана для *Студио* совсем другая, нежели его монография. Очень интересно, какие именно места сокращены Конланом для английской монографии. Если будет лишний корректурный оттиск – пришлите нам. Итак, продолжайте в единении, во взаимной помощи и во взаимном совете. Шлём Вам всем наши душевные пожелания.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

[135] Ныне Клайпеда.

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 29 марта 1939 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Прошли наши высокоторжественные Дни... Знаю, как эти дни способствуют единению, как они укрепляют дух торжественности, как они вливают новое пламя в огонь сердца. 24 Марта выступали десять наших членов со своими приношениями из Учения и своих мечтаний. Я прочёл Ваш Привет и своё стихотворение о левитации, что в эволюции человека наконец наступает стадия, когда сердце его осознало Великого Владыку, когда духовный огонь так трансмутирует его сущность, что вместо закона тяготения в его жизни начинает властвовать другой закон – закон левитации. От Вашего имени мы положили и фризии. 28 марта главная часть программы была музыкально-вокальная и декламации.

Между прочим, д-р Леб., родом татарин, пропел молитву буддистов «Om mani padme hum». Кроме того, Драудзинь прочла небольшой реферате книге Бринтона *Духовный путь.*

Теперь несколько слов о нашем издательстве. Вы знаете, что на имя Общества снова разрешили издательство *Agni-Joga.* Так как два издательства на одно общество не разрешаются, то Гаральд Феликсович хлопотал о получении на своё имя *постоянного* издательства *Uguns* (до сих пор он получал разрешение лишь на отдельные издания). Это ему наконец-то и было принципиально разрешено, но при получении документа произошла задержка. Оказалось, что директор Янсон, знавший, что издательство Гаральда Феликсовича сопричастно Обществу, не знал, что Общество уже имеет своё издательство. Недовольный, он спросил Гаральда Феликсовича – для чего Вы желаете иметь два издательства? Гаральд, должно быть, смутившись, ответил: издательство *Agni-Joga* нужно нам для издания специальной серии религиозных книг (Г. сознался, что не поразмыслил, ведь наша серия – это серия книг этики или науки), а другое издательство – для издания прочих философских трудов. На это Янсон ответил: я вынужден сдержать данное Вам слово и дать Вам разрешение на отдельное издательство *Uguns,* но в таком случае буду считать вас сектантами. При этом хочу заметить, что Янсон присутствовал также на первом вечере моего реферата о Граале. На втором не мог быть и попросил манускрипт, который я ему и дал. Знал, что мой реферат для некоторых сознаний явится своего рода испытанием, потому интересно было слышать отзывы. Я впоследствии узнал, что Янсон, прослушав первую часть моего реферата, кому-то намекнул о «сектантской тенденции» в моём реферате. Но ведь в своём труде я старался каждый свой довод научно и логически обосновывать. Понятно, что для некоторых сознаний самое представление о реальности Грааля есть сектантство, так же как в средние века это являлось ересью.

Неоднократно мы обсуждали вопрос издательства. В связи с вышеупомянутым и по другим обстоятельствам и соображениям мы решили, что какое-то издательство нам придётся ликвидировать и остаться при одном. В таком случае лучше расстаться с *Agni-Joga,* как бы ни было больно, так как название это мы предвидели только для книг Учения и не знали, согласились бы Вы, например, на издание *Писем* Е.И. в издательстве *Agni-Joga.* Выход *Писем* оттого и задержался, что не получили ещё разрешения на издательство *Uguns.* Мы наконец решили объединить оба издательства и вместо *Agni-Joga* выпросить разрешение на издательство *Uguns.* Возможно, что при издании *Надземного* и других книг Учения в будущем получим особое разрешение на издательство *Agni-Joga.* Авторские права на перепечатывание изданий будет защищать теперь само Общество. О законе об авторских правах обещал Вам написать К.О.Валковский.

Наш член Гофмейстер по делам службы на днях был в Эстонии и Хельсинки. Между прочим, он установил связь с книжным магазином Стокмана в Хельсинки, который обещал распространять наши издания. Но самое главное – по моей просьбе он зашёл к Тигерстедту, подружился с ним, так подружился, что пробыл вместе с ним в интимной беседе целую ночь и несколько следующих дней, они, так сказать, открыли друг другу своё сердце и свою душу. Он теософ, принадлежит к эзотерической группе, понятно, знает и о Великом Владыке и К.Х. Высоко ценит Н.К., видит за ним высокую духовную мощь, большую, чем он успел раскрыть в своих трудах. Гофмейстер оставил ему книгу Учения. Считает его вполне человеком нашего духа, чутким, широкопонимающим. Сам Гофмейстер – чистая, устремлённая, сердечная «русская душа». Вы, должно быть, уже знаете, что Тигерстедт собирает и изучает камни, в царстве камней ему, может быть, будет присуща та же роль, как Боше в царстве

растительном. Он чувствует в камне жизнь, разные градации психической энергии, умеет разбираться в знаках, основываясь на знаках Арканов; без знания последних нельзя разобраться. Для него камни говорят, он приводит изречение из Библии, что придёт время, когда камни заговорят. Самое поразительное – это «Каменная Библия», камень, полученный К.Холмом «с неба», который жена последнего передала Тигерстедту. Тигерстедт написал Вам обширное письмо, присоединил также снимки этого камня, но боится, получили ли Вы, так как не имеет ещё ответа.

Меня очень заинтересовала газетная вырезка – длинная статья о ренессансе буддизма на шведском языке, которую привёз с собой Гофмейстер. С помощью одного знатока шведского языка я разобрался, что автор статьи эту «Каменную Библию» считает тем священным чёрным Камнем, который путешествует по свету и в 1800 году пропал из Монголии, а через 100 лет чудесным образом попал в руки упомянутому Холму в Ялте. Понятно, что «Каменная Библия» *не* Камень. Возможно, что все более подробные доводы приведены Холмом в его двухтомной книге о «Каменной Библии». Загадочны буквы на камне: М и Ч. (Вопроса чёрного Камня я касался также в своём реферате о Граале, потому для меня лично будет интересно ознакомиться и с представлением Холма.). Гофмейстер прочтёт на одном собрании наших членов реферат о «языке камней». Тигерстедт прислал и мне несколько своих «друзей» – камней, один камешек с магнетическим свойством, который он особенно ценит, найденный им на горе в Абиссинии. Супруга Тигерстедта – латышка. Чувствую, что у нас с ним установится самое близкое сотрудничество.

Дергачёв из Даугавпилса, о котором я писал Вам в своём последнем письме, должно быть, уже послал Вам свой подробный Указатель к темам Учения. Теперь, после ознакомления с его трудом, мы убедились, что в нём много неправильного понимания Учения. Например, неправильна большая часть указаний на синонимные понятия, например, такая старая нелепица, как *«Нирвана* см. *покой»,* и пр. Некоторые параграфы пропущены и т.д. При всём его большом интересе к Учению его понимание, должно быть, слабое, это и оттого, что Даугавпилсскую группу не посещает и не получал руководства.

Сердечное спасибо за письма Е.И. от 8.III и Н.К. от 14 и 17. III. Рад, что Г.Ф. согласился изъять введение к статье Голлербаха, и четыре страницы будут переменены на новые – порядок картин теперь: над вступлением *Чудо,* потом *Путь* на отдельной белой странице. При корректуре мы с Блюменталем советовали выбросить введение, но Пранде сетовал, что этого больше невозможно, если оставить намеченную композицию, так как второй лист уже отпечатан. Притом мы не были вполне уверены, что введение является лишним.

Юлия Доминиковна хлопочет, чтобы в «Балтийской культурной неделе», которая этим летом пройдёт в Каунасе и о которой я уже писал Вам, могли принять участие и наши общества. Председатель Комитета в Каунасе согласился включить наше участие, но неизвестно, что скажет представитель нашей страны, так как на последнем заседании он был против этого.

О распространении монографии у них Юлия Доминиковна пишет: «С передачей монографий для магазина надо несколько дней подождать, так будет лучше, ввиду исключительного времени».

Получил письмо Николая Константиновича от 22 марта. Несколько экземпляров *Т. Д.* Каменской уже послали. Пошлём все 10 экземпляров. Опечатки второго тома только теперь печатаются, одновременно с листиком опечаток *Писем.* В последней книге два печатных листа будут вторично отпечатаны, за счёт типографии.

Не знаете ли Вы адрес болгарского художника Б.Георгиева, ему не послали *Zelta Gramata,* так как не знали адреса. Он прислал приветствие из Рима.

Желаю Вам всем всё самое Сердечное и Радостное. Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

1 апреля. Сегодня, в половине первого утра, моя супруга родила дочь[136].

———

[136] Марию. – *Г. Р.*

Николай Рерих Павлу Беликову
ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОПИЯ.

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
31-МАР-1939

Дорогой Павел Фёдорович!

Очень порадовало нас Ваше письмо от 19 марта. Приятно слышать о Вашей деятельности, которая так развивается. Как я уже и писал Вам – крепко держитесь за это Ваше книжное дело. Такое дело стоит поверх всех человеческих делений, и Вы имеете возможность приносить столько пользы, кстати, и завязывать новые хорошие сношения.

Вы спрашиваете, рассылать ли монографию по незнакомым редакциям и журналам. Думается, что не стоит рисковать, а лучше двигать по тем направлениям, где уже имеются хотя бы предположительные добрые вехи. В своём объявлении Вы сообщаете, что статья Голлербаха была в журнале *Искусство.* Об этом у нас не было сведений, и хорошо бы знать, когда именно она была, а может быть, иметь и экземпляр этого номера. Радостно слышать, что и во время собрания у Кайгородова Вы охраняете основы. Хуже всего, когда могут вторгаться какие-то посторонние, если не сказать больше, элементы. Также Вы поступаете совершенно правильно, не делая лишних врагов. Вы уже знаете, что А.А.Каменская и Е.Ф.Писарева прекрасно отозвались о *Тайной Доктрине,* изданной в Риге. Таким образом, уже не может быть никаких недоразумений с Раггисом, который, очевидно, не знал, что это издание будет так сердечно принято председательницей Русского Т.О. Значит, теперь можно двинуть это издание по всем полезным направлениям. Вы сами видите, как своеобразно разрастается Армагеддон. Недальновидные люди полагают, что если где-то ещё не загремели пушки, это значит, что мир существует. Но ведь мирное дело не только нарушается громом пушечным, но главным образом ненавистью, которая одурманила сердца человеческие. Не видно никаких улучшений в мировых настроениях, наоборот, нарыв загоняется внутрь и, значит, есть опасность гангрены. Когда мы говорим о мире, мы имеем в виду истинный мир, а не только пушечный. Об этом истинном мире нужно говорить при каждом удобном случае, ибо война вовсе не заповедана человечеству. Очень интересны Ваши сведения о новом магазине в Нарве. Также приятно слышать о развитии библиотечного дела. Ищущих и стучащихся душ не мало, но, к сожалению, они так разрозненны и рассыпаны по белому свету, что очень трудно их собирать. Потому-то каждый культурный очаг, каждая библиотека, каждый книжный магазин уже являются прекраснейшими вехами на путях культуры. Книжное и художественное дело стоят особняком в мировой торговле. Обе эти области – уже не базар, но храм, где происходят обмен и познавание всего самого высокого. Обращайте особое внимание на молодёжь. Ведь для неё от самых молодых лет строятся все культурные очаги. Будем ждать Ваших добрых реляций.

Духом с Вами,

Н.Р.

Игорь Северянин говорит по радио – не скажет ли он о монографии?

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

4-АПР-1939

Родные наши!

Спасибо Рихарду Яковлевичу за его письмо от 12–17 марта. Мы были очень рады читать сведения о докладах Р.Я. на тему св. Грааля. При этом у нас явилась мысль, что если бы был возможен английский перевод, то, конечно, такая тема была бы прекрасна для *Фламмы.* Если бы даже перевод с литературной стороны был не вполне совершенен, то Конлан бы его поправил. Во всяком случае, появление этого замечательного доклада и по-английски было бы чрезвычайно знаменательно. Такие темы должны пройти широко.

Вы будете рады слышать, что Е.И. поправляется, уже встала с постели, а кстати и

погода улучшилась, и будем надеяться, скоро всё пройдёт – тогда она сама Вам напишет. Так хотелось бы слышать добрые вести и о Клементин Станиславовиче, но, судя по всему, увы, вряд ли можно ожидать их. Если страдания продолжаются, то надо бы облегчать их соответствующим наркозом.

По-видимому, пантопон недостаточно силён, в своё время он мало помогал матушке Е.И., когда у неё были сильные боли. Вероятно, теперь Наталка уже совсем оправилась, но будьте бережны и осторожны.

Очень советую Вам временно не посылать в Америку открыток и воспроизведений, а монографию сперва в очень малом количестве. Такие временные меры необходимы, ибо продолжаются всякие судоговорения и иногда даже малейшее обстоятельство может вызывать осложнения. К тому же одно отдельное дело происходит вокруг *Пресс,* а зная всё бандитство Хорша, можно ожидать, что он может привязываться положительно к любому обстоятельству. Вообще, пока временно лучше воздержаться от посылок в Америку. Даже самые, казалось бы, естественные сношения и посылки могут вызывать сложности. Если мисс Грант выслала клише, о которых была переписка, то и эту переписку лучше временно не углублять. Что касается обмена изданиями, то и это сейчас там затруднительно, ибо книги находятся взаперти в ящиках, вне Нью-Йорка. Вы знаете, что *Пресс* сейчас не имеет ни своего магазина, ни распределительного аппарата, потому Вы понимаете, насколько сейчас не нужно тревожить там, где и без того болит.

Г.Г.Шклявер пишет, что нужно спасать картины из Булгаковского места[137]. Опять-таки не знаем, насколько этот «аларм»[138] отвечает действительности. Может быть, Юпатов имеет какие-либо сведения оттуда, но мы теперь уже давно не получали от Булгакова никаких писем. Наверное, со следующей почтой от Вас придут всякие сведения о движении монографии, Г.Д. и о всех прочих событиях. Конлану я написал, что настойчивость *Студио* относительно размеров клише противоречит их собственной практике. Передо мной лежит номер *Студио,* в котором помещены клише буквально всевозможных размеров, начиная от размера визитной карточки и до целой страницы почти без полей. Конечно, очень важно, чтобы статья Конлана в *Студио* состоялась. Журнал имеет большое распространение, а с 1920 года там ничего не было, только в 1933 году был мой портрет работы Святослава. Кстати, прислал ли Вам Г.Г.Ш. заметку о портрете – в Национальном музее Франции? Я ему писал об этом сейчас же, как только передача состоялась.

Сегодня к вечеру мы были глубоко порадованы получить пять экземпляров монографии. Вышло очень внушительно, и, как я уже говорил, красочные воспроизведения, сделанные в Риге, весьма удачны. Итак, этот коллективный труд вышел прекрасно. Интересно, какие будут отзывы после первой ласточки Пильского. Итак, сейчас, несмотря на все наимрачнейшие мировые дни, культурная работа выразилась в таких капитальных предприятиях, как *Т. Д., Письма* Е.И. и монография, не говоря уже о *Зелта Грамате,* Памятной книге Ф.Лукина[139], и во всех прочих изданиях. Что бы ни говорили завистники, но такая работа говорит за себя сама. Нужно надеяться, что магазин уже настолько стал на ноги, что может содействовать распространению. Между прочим, укажите магазину на необходимость тщательной упаковки, иначе углы приходят оббитыми, и это очень жаль.

Спасибо И.Г.Блюменталю за присланные книги *Златоглав* и *Сказ о Кришне.* О *Златоглаве* останемся при мнении самого И.Г.Б. А вторая книга, о Кришне, чрезвычайно показательна, ибо даже начинается с глубокозначительного слова *Ом.* Мало кто может вместить, что в современных устремлениях народа могут вмещаться разнообразные настроения. Но чрезвычайно ценно следить, по каким различным руслам мощно течёт поток народного преуспеяния.

Вы спрашивали, сколько нам нужно прислать монографий. Если пришлёте ещё четыре номера, то это будет совершенно достаточно. Также потребуются и экземпляры английской монографии. Всё-таки, думаю, не мешает дать экземпляр Тагору, а затем мы полагаем, что для отзывов было бы полезно иметь. Также если пришлёте десять экземпляров английской для раздачи, это будет весьма полезно. Ведь потом издательство может сделать маленькую листовку, цитируя наиболее выразительные отзывы.

---

[137] Русский культурно-исторический музей в Праге.
[138] «переполох».
[139] *Sirds Gaisma.*

Такая листовка может также помочь распространению и обычно делается издательствами. Также, пожалуйста, сообщите нам, кому именно Вы со своей стороны послали экземпляры монографии, чтобы не было нежелательных повторений. Во Франции полезно дать английскую монографию в Музей Лувра. Обратите внимание, что на страницах 32–33 воспроизведения не соответствуют подписи. Итак, ждём Ваших дальнейших добрых вестей. Очень радостно, что Е.И. поправляется. Да будет и у Вас хорошо.

Сердцем и духом,

Н.Р.

6-АПР-1939

Почему Пранде предпочёл оставить фрагмент *Орифламмы,* когда была послана фотография всей картины? Пожалуйста, не затеряйте полную фотографию, ибо она единственная.

Отчего Пранде не включил все графические знаки учреждений и мою монограмму, которые были в своё время посланы.

Мне начал писать из Литвы некто А.Виолье, который когда-то посещал Школу Общества поощрения художеств. Теперь он написал, что хочет издавать открытки и с этим хочет обратиться к Ю.Д.Монтвид. Пожалуйста, предупредите Юлию Доминиковну, что я этого человека совсем не знаю, а судя по одному рисунку, им присланному, он очень слаб в рисунке, а может быть, попросту вообще забыл как рисовать. Пожалуйста, предупредите нашу милую Ю. Д., чтобы она не отягощалась с ним перепискою.

Спасибо за вырезки и газеты со статьёй о Щуко. Но вырезок статьи о Друге человечества Крейне не было, и просим прислать хоть несколько экземпляров (кажется, в газете № 61). Получен пакет с 5-тью пакетами открыток – спасибо. Вероятно, Вы уже прислали вырезки статьи Пильского.

Советую послать монографию А.Хирьякову в Варшаву для отзыва – полезно. Адрес его: Alexander (Modestovich) Hirjakow – Sloneczna ul. 50, m. 15 Warszava Poland.

Сейчас пришло письмо от Г.Ф. от 25 марта – спасибо.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

10-АПР-1939

Родные наши!

Очень медленно поправляется Елена Ивановна. Уже с февраля Вы знаете о её необычно тяжёлой болезни. Теперь она уже встала с постели, но всё ещё появляются признаки продолжающегося процесса. Приходится очень беречься, и мы все просим её не утомляться. Конечно, по природе своей Елена Ивановна не может жить в бездействии, и тем большая встаёт необходимость, чтобы избежать утомления и возможности простуды – ведь инфлюэнца, которая нас всех здесь сурово посетила, особенно тяжка в этом году по своим последствиям.

Очень прискорбно слышать о состоянии Клементия Станиславовича – неужели врачи не дают достаточных наркотиков, чтобы пресекать страдания. Конечно, если существует предположение о перевозке в соседнюю страну, то, может быть, перемена климата иногда даёт облегчение. Но ужасно подумать, если нужно везти больного при таких ужасающих страданиях. Если пантопон недостаточен, то ведь существуют же более сильные препараты. Я уже писал, что Борис Григорьев более месяца находился под полным наркозом. Если есть какая-либо возможность уменьшать страдания, то в некоторых тяжёлых случаях это необходимо сделать.

Удивительно слышать, что даже историческое исследование о Граале для кого-то является сектантством. После этого каждое исторически-философское исследование – о Конфуции, о Лао-цзы, о Кришне, о Египте, об Элладе для кого-то будет сектантством. Религиозных книг наше Общество никогда не печатало – ведь все изданные книги представляют научно-философские и этические изложения. Вообще нужно всячески

пресекать какие-то невежественные умозаключения о сектантстве. Каждое сектантство есть нечто ограниченное, а между тем свободная философская мысль именно не может быть ни предрассудочной, ни ограниченной. Конечно, если останется одно издательство *Угунс,* то это нисколько делу не помешает. Очень интересно, было ли регистрировано общество «Божественной Жизни», где участвует Плаудис. Именно там, ещё возможно, были бы какие-то недоумения о сектантстве.

Пожалуйста, будьте очень осторожны с Тигерстедтом. Письма его производят ненормальное впечатление. Он прислал нам фотографию каменного пресс-папье в виде книги с инициалами М. Ч. Такие пресс-папье (вероятно, из цветной яшмы) нередко делались на уральских заводах приблизительно в 60–70-х годах прошлого столетия. Не знаем, при каких обстоятельствах это пресс-папье было передано в Ялте г-ну К.Холму, но если даже допустить, что это был обычный аппорт[140] на спиритическом сеансе, то всё же это будет чрезвычайно далеко от того, о чём предполагает Тигерстедт. Во всяком случае, это пресс-папье ничего общего с тем камнем, о котором предполагает Тигерстедт, не имеет. А что касается до кажущихся рисунков на камне, то яшмовые многоцветной породы иногда бывают полны всякими очертаниями. Во всяком случае, советую считать Тигерстедта возможным покупателем книг, клиентом магазина, но во избежание компликаций[141] не усложняйте сношения с ним. В своём последнем письме он сообщил о каком-то журнале *Ари,* но, по-видимому, и это несерьёзно.

Г.Г.Шклявер пишет, что в каталоге латышской выставки в Париже несколько художников значатся учениками Школы Общества поощрения художеств. Интересно бы расследовать, как эти лица к нам относятся, до сих пор в разных странах мне приходилось встречать лишь симпатичное отношение наших бывших учащихся. Виолье из Литвы дал два адреса финских художников[142] – бывших учеников нашей школы, но я их не помню, – может быть, не мешает им послать листовку о монографии и вообще каталог магазина. Кстати говоря о каталоге – выслали ли Вы в Палгат 250 экземпляров каталога магазина для включения его в летний номер *Фламмы.* Каталог ведь был приложен в прошлом году, и потому его не мешает повторить и в этом году, ибо некоторые подписчики новые. Если бы оказалось, что каталог почему-либо не был выслан, то, пожалуйста, сейчас же пошлите в Палгат и скажите нам, в какой именно день он выслан.

Какие движения происходят около монографии? Мировые события идут настолько густо, что всякому культурному явлению приходится напрячь все силы, чтобы пробиться среди мировой сутолоки. Г.Г.Ш. писал о том, что Зеелер запинается о двух авторах монографии. В этом чувствуется какая-то отговорка, ибо и книга Иванова, и оттиск английского перевода Голлербаха он имел уже раньше и против них никогда не возражал. Также их знали и Руманов, и Ремизов, и все прочие, кому, вероятно, Шклявер их показывал, и никаких пререканий при этом не возникало. Спрашивается, почему же сейчас Г.Г.Ш. поминает о каких-то нелепостях. Да и вообще, наш путь ни в коем случае не зависит от старых предрассудков. И.Г.Блюменталь приблизительно по этому же поводу отлично намекал в своих письмах. Вполне присоединяемся к его мнению, что помянутый им *Златоглав* вызывает прискорбные размышления.

Рихард Яковлевич кончает своё письмо от 1 апреля радостной припиской о семейном событии – пожелаем, чтобы новопришедший дух следовал высокому учению жизни по стопам родительским. Новоприходящие спешат на земной план среди всех мировых смятений. Пожелаем, чтобы их поколение уже приобщилось к новому строительству.

Адреса Георгиева мы не имеем. Странно, что он, будучи доброжелателен, не сообщил его ни Вам, ни нам.

Да будет Вам всем светло.

Сердцем и Духом,

Н.Р.

---

[140] перемещение или вращение предметов на расстоянии (от *франц.* apport).

[141] осложнений.

[142] Herra taiteilija Aadolf Kilpelainen, Mechalnin Katu 27. as. A. 13. Helsinki. Suomi Herra Ilmari Kaki, Laivanva ristajan Katu 4-E, as. 43. Helsinki. Suomi. – *Пометка Н.К. Рериха.*

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

15-АПР-1939

Родные наши!

Спасибо Гаральду Феликсовичу за его письмо от 26 марта – 1 апреля. Очень рад, что Г.Ф. хвалит Юпатова. Именно Вы и должны окружаться такими молодыми энергичными интеллигентными деятелями. Постоянно мы указываем на необходимость обновляться молодыми, ибо и всё Общество существует для будущего, иначе говоря, для молодых. Может быть, через Юпатова Вы сделаете и ещё несколько полезных знакомств.

Необходимость сотрудничества молодых подчёркивается и совершенно неприличным поступком Пурвита, о котором сообщает Гаральд Феликсович. Прежде, ещё в Академии, он производил впечатление благовоспитанного человека, но сейчас, по-видимому, он впал в какое-то дряхлое окостенение. Ведь невозможно представить себе, чтобы человек до 11-ти часов валялся в постели, не желал принять целую делегацию и, по-видимому, даже не извинился письменно потом. Поступок неприличный, ибо, если бы это произошло по какому-то непонятному недоразумению, то Пурвит извинился бы перед Вами и сам к Вам заехал. Итак, Ваши двери к нему закрылись. И мне он в своё время не ответил, что было в полной мере неприлично. А между тем я повсюду отзывался о нём превосходно. Впрочем, теперь отнесёмся к нему по справедливости и более не будем иметь сношений с этим некультурным человеком.

Следы крючков мы рассмотрели. Первый их заметил Юрий. Обычно типография отвечает за такие свои ошибки. Вообще жаль, что типография не посылала нам корректур. Мы с удовольствием просмотрели бы всё. Вообще работа типографии шла какими-то скачками и урывками. То чрезвычайная медлительность, то неожиданная поспешность. Как жаль, что английская монография, а особенно английская листовка, не могла выйти до Пасхи. Повсюду после Пасхи начинается летний сезон, и Вы сами знаете, какие последствия это ведёт. С общечеловеческой точки зрения, казалось бы, сезон не должен иметь влияния на распространение книг, но обывательские привычки наполнили мир странными условностями. Конечно, и мировые события тому способствуют. Листовки должны распространяться заблаговременно до выхода самой книги. Ведь листовки должны распространяться по разным магазинам и издательствам. Совершенно согласен с Вами, что большинство магазинов – жулики, но что же делать и как обойти это зло? Вот видим, что в магазинных объявлениях уже оповещается *Златоглав.* Говорю это к тому, что в своё время *Священный Дозор* почему-то появился во всевозможных каталогах, а все наши книги были замолчаны. И так и нигде не появились. Ведь невозможно для каждой книги давать отдельные дорогостоящие газетные объявления. Значит, так или иначе приходится нащупать и магазинную почву. Конечно, они будут торговаться о комиссионных и, во всяком случае, с ними будут и добрые, и недобрые переговоры. Но всё-таки происходит какое-то движение воды, а эффектная листовка часто привлекает внимание.

Не знаю, существует ли в Обществе комиссия по издательству. Думается, что такая комиссия была бы чрезвычайно полезна. И Вы все теперь уже накопили большой опыт, а кроме того, в Обществе имеются и другие близкие книжному и издательскому делу. Также и по магазину такая комиссия могла бы дать добрые советы. По-прежнему полагаю, что магазин постепенно приобретёт большие связи международного свойства. Даже сравнительно небольшое книжное дело, в котором участвует Беликов, видимо, начинает расширяться и накапливать иностранные сношения. Конечно, для такого накапливания необходимо значительное время. В этом процессе происходит и распознавание людей. Вы сами постоянно убеждаетесь, что кто-то, поставленный направо, переходит налево, и наоборот. Некие златоглавы оказываются пустоглавами, и мало ли какие метаморфозы происходят.

В прошлом письме я предупреждал Вас о странностях Тигерстедта. Теперь прибавилась ещё одна маленькая. Он подписался через академический книжный магазин на *Фламму.* Магазин послал свой чек в Америку, а на чеке не значилось имя *Фламмы,* а просто Ассоциация для продвижения культуры. Теперь из Америки этот чек прислали сюда, и мы тоже не знаем, как с ним поступить, и, вероятно, придётся вернуть его в Финляндию. Маленький пример о большой внутренней путанице.

Думаю, что полезно дать монографию Северянину и Ранниту. Кстати, у них заваривается какой-то журнал *Витязь,* а если верить газете, Северянин говорит по радио. Очень интересно, как отзовётся Ремизов. Я всегда к нему относился настолько сердечно, что даже опасаюсь, как бы он не сделал чего худого. Некоторый тип людей удивительно склонен платить за добро злом. Помните, в моих статьях я упоминал известный эпизод с Куинджи.

Какие же вести о Клементин Станиславовиче? Советуйте, чтобы врачи утоляли его страдания.

Голос Безмолвия в оригинале был по-английски, и потому мы не понимаем, почему для этого перевода на латышский нужно разрешение Писаревой или Каменской, как бы вызывая этим соображения о *Т. Д.*

Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

19-АПР-1939

Родные наши!

Спасибо за письма от Гаральда Феликсовича и от Ивана Георгиевича от 7 апреля. Все Ваши приложения очень интересны. Интересно следить за ростом магазина. Хотелось бы знать, какие именно книги и в каком спросе. Когда будет свободная минута, пожалуйста, сообщите. А маленькой Марине[143] скажите, что мы и о ней так же хорошо думаем. Дай Бог, чтобы всё было ладно, но огорчают нас боли, которые испытывает Клементин Станиславович. Неужели врачи не дают что-нибудь утоляющее?

Порадовались сведениям о Юпатове и его поездке в Таллин. Теперь, вероятно, так же точно удастся расшевелить и Литву. Поездка в Париж, конечно, в принципе желательна, но найдутся ли для неё средства, ведь теперь у Общества и издательства так много задолженности.

Г.Ф. спрашивает о будущем музее в Риге. Идея хорошая, но пусть раньше набираются достаточные матерьялы. Когда же станет совсем тесно, тогда могут явиться и следующие мысли. Ведь для такой идеи, как здание музея, нужны будут большие средства, а чтобы реализовать их, потребуется и новое накопление связей. А всё это не так быстро совершается. Но, во всяком случае, пусть хорошие мысли формируются в пространстве, к тому же и мировые события, как видите, достигают кульминационных размеров. И. Г. отлично описывает директоров, так оно и есть.

Сейчас пришло письмо от Булгакова – пока всё у них обстоит по-прежнему с Музеем. Булгаков пишет, что он был очень недоволен Юпатовым, тем, что Юпатов самовольно нечто изменил в моём предисловии и в словах Булгакова. Мы непременно проверим, что именно изменено в моём предисловии, а Вы со своей стороны деликатно спросите Юпатова, были ли какие-либо изменения в моём тексте и почему именно. Гораздо лучше такие обстоятельства выяснять сразу. Прилагаю выписку из письма Булгакова и текст моего введения, как оно должно было быть. Сравните с юпатовской версией. Неладно.

Вообще, курьёзные вещи иногда приходится слышать. Так, например, из Шанхая сообщают, что будто бы А.И.Клизовский имеет корреспонденцию с Батуриным. С трудом можно поверить этому, ибо Клизовский знает, что Батурин издавал отвратительную книгу *Враги Вселенной.* После такого выступления Батурина, конечно, никакие отношения с ним невозможны. Впрочем, может быть, речь идёт о каком-то давнишнем письме, которое Клизовский мог писать давным-давно, ещё до появления отвратительной книги и журнала *Огонь*.

По поводу мысли о будущем специальном здании музея – сейчас вообще не нужно думать о ней. Кто знает, какие новые обстоятельства могут возникнуть. Может быть, какой-

[143] Младшая дочь И. Г. Блюменталя. – *Г. Р.*

то старинный дом подойдёт. А может быть, наметятся ещё какие-либо жертвователи и участники. Во всяком случае, сейчас лучше не отягощаться завлекательными, хотя и хорошими, идеями. Пусть сперва существующее помещение наполнится до краёв, также пусть и магазин станет совершенно твёрдо. Чувствую, что магазин при правильном хозяйстве должен оказаться золотым делом. Но Вы сами видите, что книжный опыт накопляется лишь постепенно и требует долгого времени. Кроме того, книжный магазин должен быть в состоянии следить за всеми хорошими новинками, а для этого тоже нужны доброжелательные связи.

Если Вы находите, что мои письма с выражением признательности всем, пожертвовавшим картины в музей, полезны, то, пожалуйста, присылайте точные фамилии, имена и отчества, а также, пожалуйста, указывайте, на каком языке кому лучше писать – на русском или на английском. Сообщайте также и адреса, но думаю, что будем посылать эти письма Вам для соответственной передачи. Ведь иногда Вы, может быть, найдёте более полезным передать лично, сопровождая и Вашим сердечным словом. Выписку из письма Булгакова и текст моего введения я посылаю только для Вас, чтобы Вы знали о некоторых особенностях Юпатова.

Получили мы вырезки статьи о Мусоргском, а также газету *Для всех* с отзывом о монографии. Кстати, кто этот Н.Н., который так таинственно подписался. Пожалуйста, пришлите ещё один экземпляр этой газеты, а также вырезку о Талашкинском Храме, также надеемся получить вырезки статьи *Друг человечества* и *Парапсихологию.*

Здоровье Елены Ивановны очень медленно восстанавливается, хотя она уже принялась за работу. Особенно дают себя знать последствия воспаления среднего уха – конечно, и сердце по-прежнему нуждается в особой бережности.

Опять-таки очень просим Вас, чтобы не предпринимать сейчас ничего дорогостоящего. Причины две: 1) задолженность издательства, 2) исключительные мировые условия. Мы ещё не получили новых статутов Общества и не знаем, какие именно подразделения членов существуют – имеются ли почётные члены, а также иностранные члены. Итак, будьте на священном дозоре и да будет Вам светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Елена Рерих Латвийскому обществу

NAGGAR,
Kulu, Punjab, Br. India
24-4-39

Дорогие Друзья!

Глубоко тронула меня Ваша память и задушевные слова к 12 февраля. От всего сердца обнимаю милую художницу за присланную очаровательную Мадонну.

Радуюсь, видя в присланных снимках с работ всё то же выражение непосредственного и искреннего чувства, которое является верным признаком истинного таланта. Именно путь искренности охраняет от всех безобразий надуманного оригинальничания.

Довольны ли Вы Вашим пребыванием в Париже? Вековые накопления сокровищ искусства и мысли создали неповторяемую атмосферу этому городу. Но думается, что современное художество, за малыми исключениями, не дало Вам вдохновения. Все эти так называемые «реализмы» и «сверхреализмы» или «сюрреализмы» являются лишь жалкими масками, надетыми на себя бездарностями. Именно современное искусство в своём обилии всяких выдумок и отсутствии истинного воображения, в утрате стиля явило свой упадочный лик. Но истинный художник усмотрит и уловит образы красоты в самых неожиданных сочетаниях и, прочувствовав их, сумеет претворить в своём неповторённом выражении.

Велико счастье, когда в переживаемое нами тяжкое время можно находить приток сил и радость в создании чудесных образов. Ведь искусство – живой огонь и творение художника есть мощный собиратель жизненной энергии. Так и радуйтесь приобщением к этому живительному огню и творите во всей искренности. Искусство развивает

воображение, а Вы знаете, что именно мощь воображения так необходима для продвижения во всех областях жизни. В Тонком же мире воображение или мощь мысли есть единственный рычаг и двигатель.

Глубже вникайте и в имеющиеся у Вас книги Учения. Они являются неисчерпаемым источником вдохновения для того, кто читает их сердцем. Если в прошлые эпохи связь искусства с религией дала ему такой расцвет, то связь искусства с устремлением к Синтезу учения Света даст ширь и мощь искусству будущего.

Шлю Вам привет сердца и пожелание всякого успеха на Пути и в Вашем прекрасном творчестве.

Всего светлого.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

P.S. Не могла раньше откликнуться на Ваш привет, ибо месяц пролежала в постели.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

27-АПР-1939

Родные наши!

Спасибо за прекрасные содержательные письма от Рихарда Яковлевича 9 апреля, Гаральда Феликсовича 2 апреля и Ивана Георгиевича от 10 апреля. Итак, Общество вступает на новую ступень в отношении пополнения музея. Если зал латышских художников уже был довольно хорошо представлен, то, конечно, залы Эстонский и Литовский нуждались в соответствующих пополнениях. Тем более отрадно, что Эстонский зал уже пополнился, а Литовский, будем надеяться, тоже не отстанет от двух своих сотоварищей.

При получении пожертвований от художников или от коллекционеров, особенно первое время, приходится допустить некоторую терпимость, иначе можно создать врагов и оттолкнуть такого человека, который в будущем прямо или косвенно мог бы оказаться полезным. Конечно, принцип музея, чтобы он пополнялся отличными произведениями хороших художников. Но, например, даже эскизный набросок Коровина вне зависимости от сюжета уже является ценным приобретением, ибо представляет художника, имя которого запечатлено в истории искусства. То же самое приходится сказать и о портретах, тем более, что никогда не знаете, какой именно портрет может вдруг быть предложен музею. Растущий музей является выражением «штурм унд дранг»[144] периода. Пусть благое дело доброжелательно нарастает, а впоследствии можно всегда разобраться в накопившемся матерьяле. Ведь даже от развески много зависит, чему именно дать особое внимание.

Тот же «штурм унд дранг» период должен испытывать и магазин. Если Вам представится какая-либо возможность войти в соглашения о новых книгах, то таких возможностей не нужно терять. По счастью, книга как таковая (если она не узкополитическая) является всемирным достоянием, и никто не может претендовать на расширение этого книжного оборота. Как я уже писал, магазин является или, вернее, должен быть постоянно растущим золотым делом. Ведь именно такой магазин будет настоящим подспорьем нашему издательству. Это тем более необходимо, что издательство пока что обременено долгами. Значит, нужно всеми мерами, ничтоже сумняшеся, прилагать все усилия, чтобы оборот магазина мог усилиться. Для привлечения широкого круга публики приходится давать и широкий по своему внутреннему значению книжный матерьял.

В прошлом письме я писал Вам булгаковские соображения об Юпатове. Конечно, Вы поняли, что сообщал я это не для того, чтобы Вы в какой-то мере оттолкнули Юпатова. Просто нужно быть обо всём осведомлённым и принимать во внимание особое свойство вновь подходящих сотрудников. И вообще следует быть осведомлённым, и потому и мы благодарим, и Вы будьте благодарны друг другу за каждое осведомление. Только таким образом можно воздержаться от новых врагов, а кстати, может быть, приобрести и новых

[144] «бури и натиска» (от *нем.* Sturm und Drang).

друзей-доброжелателей. Если Вам удастся делать новые полезные знакомства – делайте их. Ведь только таким порядком Вы расширите и всю многообразную культурную, философскую, духовную, художественную и научную деятельность.

Сейчас мы получили тоненькую брошюру – *Община Культуры,* бюллетень № 1. Между нами говоря, не вижу особой жизненности, но если в их местной группе и такая публикация может принести пользу, то пусть действуют. Главное, хотелось бы ничем не пресечь новые попытки. По местным условиям такие попытки могут быть стеснены чрезвычайно, и тем более было бы жестоко встречать их каким-либо суровым запретом – «да живёт всё живущее».

Беликов пишет о растущем интересе к монографии, к открыткам и ко всем нашим изданиям. Кстати, он получил из Швеции краткое уведомление о возможности заказов – и это хорошо. Ведь каждый книжный рынок уже будет полезнейшим дополнением к деятельности. Очень отрадно, что Беликов получает возможность иностранных сношений и тем увеличится и наш оборот. Будем надеяться, что настроение и в местожительстве Юлии Доминиковны успокоится и туда проникнет как монография, так и *Т. Д.* Ведь всё же там народонаселение больше, чем в стране П.Ф.Беликова. Г.Г.Шклявер прислал перевод статьи Конлана, и мы, к ужасу, увидели, что он написан по старой орфографии. Конечно, до использования этого перевода времени более чем достаточно, и мы, когда придёт срок, пришлём Вам некоторые исправления. Но всё же удивительно, откуда взялась старая орфография, когда Г.Г.Ш. отлично знает, что все рижские издания по новой. Очень горюем о тяжком положении Клементия Станиславовича. В той степени болезни, как у него, сода может даже вносить раздражение. Главное, как-нибудь уменьшить страдания. Неужели бедной Наталке предстоит ещё операция? Хотя такая операция и не опасна, но всё-таки нужно принять все меры предосторожности. Относительно сношений со Швецией не беспокойтесь, ибо всё на земле меняется, также меняется и отношение к некоторым странам со стороны соседей. Вместо насмешек начинают заискивать. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

4-МАЯ-1939

Родные наши!

Спасибо за письмо Рихарда Яковлевича от 9-го и 19–24 апреля и за письмо Гаральда Феликсовича к Святославу от 15 апреля. В письмах так много интересного. Конечно, поездка в Швецию не состоится, тем более в письме от 23 апреля Г.Г.Шклявер сообщает следующее: «Довольно прискорбный случай произошёл с художником Юпатовым, который приехал сюда из Риги с рекомендацией от д-ра Лукина. Я был предупреждён о его приезде Гаральдом Феликсовичем, и Юпатову было сказано тотчас по приезде явиться ко мне, дабы я мог его «пилотировать» в Париже. Вместо этого он отправился на Монпарнас с компанией любезных соотечественников и, пробыв там около суток, пришёл в такое состояние, что его замертво привезли на квартиру брата Гаральда Феликсовича, где он теперь и «отлёживается». Видеть его нельзя, т.к. он всё ещё в невменяемом состоянии, сопровождаемом всеми отвратительными, обычными в таких обстоятельствах явлениями. Между тем срок его визита истекает, и он должен теперь возвращаться в Ригу». После такого «представительства» можно себе вообразить, что в пьяном виде могло рассказываться. Если в Таллине Беликову говорилось о том, что Булгаков «набрал много хламу», то что же можно ожидать под винными парами. Может быть, и Вы уже слышали какие-либо отзвуки этого прискорбного происшествия. Напишите, что слышали. При таком неуравновешенном характере в Швецию ехать нельзя. Кстати, не слыхали ли, с какими именно художниками там сохраняются связи.

Удивительно извещение Р.Я. о том, что некий представитель, несмотря на доброжелательство литовских членов, протестовал и старается помешать культурному

единению. Р.Я. правильно восклицает, что чего же можно ожидать от такого некультурного человека, который, вероятно, по ошибке затесался в сообщество, служащее культуре. В таких случаях лучше всего кому-либо из Вас (а ещё лучше вдвоём) навестить такого представителя и спросить его совершенно ясно, какие именно у него причины и чем может он мотивировать свою клевету. Очень важно, чтобы во всех случаях, когда можно лично пресечь некультурность, невежество и недобросовестность, спросить прямо о доказательствах. При этом будет выяснено окончательно, может ли этот собеседник принять доводы правды или же его вообще нельзя считать за человека. Кроме того, казалось бы, что в данном случае литовские члены как хозяева места имеют полное преимущество. Пожалуйста, сообщите, чем и этот эпизод закончится.

Р.Я. радуется, что монография продвинется и что получено согласие устроить обмен. Вероятно, об этом последуют ещё какие-либо подробности, ибо, как говорят французы, «тон делает музыку». Вполне естественно, что магазин и издательство всячески должны принимать меры к соответственному распространению изданий. Очень интересно, как именно стоит денежная сторона магазина. Какой процент от проданных книг издательств остаётся за магазином и в какие сроки издательства получают причитающиеся им суммы. Если указанные в списке ежедневных получек суммы являются брутто[145], то какой же процент от них идёт магазину. Так хочется, чтобы магазин мог твёрдо стать на ноги и явиться деятельным распространителем книг издательства.

Вполне понимаю, что картины Роста не пригодятся музею, но акварели Цейдлер (у неё приобретало эстонское правительство) прежде были хороши. Не совсем понимаем, почему можно музею Цитроена (сам Цитроен умер) предложить взамен картины Яковлева картину латышского художника. Ведь в этом музее выставлены исключительно результаты цитроеновской азиатской экспедиции, и никаких посторонних произведений там мы не видали, когда были во время последнего посещения в Париже. Вообще, не отягощайтесь чрезмерно умножением экспонатов музея. Ведь издательство имеет большую задолженность, и потому нельзя сейчас допускать всё, что может быть сопряжено с новыми расходами. Время сейчас настолько смутное и трудное, что во всём нужно применить особую осторожность.

Очень ждём листовку английской монографии. Имели о ней несколько запросов и очень жалели, что листовка, видимо, не опередит само издание. А между тем надвинулось уже лето – иначе говоря, самое мёртвое для издания время. Интересно, как двигается *Т. Д.* Впрочем, ещё нигде этот труд не был объявлен, и даже в теософском *Вестнике* он не был упомянут среди книг, имеющихся на продажу. Хорошо бы иметь хотя бы маленькую листовку в размер страницы каталога, которую можно бы при удобных случаях распространять. Я просил А.А.Каменскую, чтобы этот труд был объявлен для продажи. Но, вероятно, они захотят знать не только обычную цену, но и уступку для членов Теософского общества. Ведь повсюду члены обществ пользуются какими-либо привилегиями. Например, мы имели несколько случаев при подписке на *Фламму,* что люди очень вспоминали о том, что они состоят членами того или иного нашего общества, а ведь в этом случае разница в цене была всего тридцать центов.

Здоровье Е.И. всё ещё не совсем наладилось. Что принесли последние дни для Клементия Станиславовича – лишь бы только не было чрезмерных страданий. Много о чём Вы имеете известить нас. Да будет светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Е.И. посылает копию своего письма к Зильберсдорфу для Вашего сведения.

P.S.

Е.П.Инге пишет: «Если только возможно, прошу прислать мне *Т. Д.* и *Письма* Е.И. Перевод сделан будет из дома М.И. Пожалуйста. Так хочется нам всем здесь это иметь. Монографию ещё не получила. Ждём также все» (4-апр-39). Конечно, вероятно, и монография, и *Т. Д.* уже находились в пути, когда писалось это письмо. Может быть, и *Т. Д.,* и монография найдут некоторый сбыт и на Дальнем Востоке. Инге, пожалуй, одна из самых энергичных в этом отношении.

---

[145] Валовой доход без вычета расходов.

Получили мы из Шанхая отвратительный номер батуринского *Огня* за март. Между прочим, там даются ответы, в которых поминается имя Е.И. Очень интересно, откуда произошли эти зловредные ответы. Сочинены ли они самой редакцией этого мерзкого журнала, или же (чего Боже сохрани) они кем-то даны в редакцию. Нельзя ли узнать, не были ли они даны Бонча-Томашевским, ибо никто из Риги не мог дать таких вредных интерпретаций. Кстати, кто послал им для рецензии книги Клизовского, Зильберсдорфа, Оригена и даже *Братство.* Каким образом издателю *Врагов Вселенной* могут попадать такие книги, к которым его грязная рука не должна бы вообще прикасаться?

P.P.S.[146] Когда именно посланы в Америку рецензии на монографию, написанные в Таллине? Из писем З.Г.Лихтман мы не видим, что они там получены, а между тем эти письма уже от 10 апреля и такая задержка отзывов, конечно, тормозит и всё движение монографии. Между прочим, помнится, Вы имели отличную статью Муракина. Хорошо бы и её использовать в виде отзыва по поводу монографии. Зачем пропадать такому хорошему матерьялу. Удивляемся странным задержкам отзывов из Парижа, ведь уже наступил летний сезон, а монография вышла 9 марта. Многие парижские обстоятельства очень странны, а теперь ещё с пресловутым юпатовским эпизодом, может быть, получаются особые скрытые компликации. Поторопите Шклявера. Странно, что председатель нашего Русского Комитета в Париже Н.К.Кульман – профессор и писатель, по-видимому, ничего не делает для продвижения издания. Право, странно, если даже, казалось бы, близкие деятели упускают все сроки. Очень ждём, в каких тонах разрешился вопрос об обмене изданиями и всё прочее. Спасибо за присылку 11 тонких цветных репродукций, из которых по 300 экземпляров будет использовано для *Фламмы.* Мы ещё не получили хотя бы два-три номера *Сегодня* с *Другом человечества.* Кстати, кто такой Н. Н. – автор рецензии в газете *Для всех.* Хороший отзыв.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

8-5-39

Дорогой Рихард Яковлевич!

Посылаю копию моего письма к Дергачёву. Увидим, насколько мои ответы его удовлетворят. Старалась отвечать по сознанию. Обратите внимание в письме на выписки из книги *Аграфа* барона М.Таубе. Советовала и Фёдору Антоновичу приобрести её. Много в ней интереснейших сведений и приведена богатая библиография. Всего самого прекрасного.

Е.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

10-МАЯ-1939

Родные наши!

Спасибо за письма от Ивана Георгиевича от 29 апреля и 2 мая и от Гаральда Феликсовича от 30 апреля со всеми многочисленными и поучительными приложениями. Теперь происходит такое чудо, что вырезку из парижской газеты мы получаем уже не из Парижа, а прежде всего из Риги. Вообще происходят какие-то тайны мадридского двора. Конечно, И.Г. совершенно правильно понял все побудительные мотивы Бенуа к написанию подобной клеветнической статьи. Конечно, мы-то знаем, что он обуян ужасною завистью, и имеем к тому не мало примеров. Но жаль, что он пытается вводить в заблуждение молодое поколение. Этот соблазн не прощается. Вполне понимаем, что Вы, так же как и мы в своё время, тревожились за поездку «представителя» в Париж. Те немногие картины, которые ему удалось достать, можно бы купить в пределах той же тысячи латов, в которую обойдётся

[146] Печатается по машинописной копии из архива Гунты Рудзите.

поездка. Беспокоит и то обстоятельство, что если он мог говорить Беликову о том, что Булгаков «набрал хламу», то какая же гарантия в том, что и в Париже где-то под сурдинку [не] могли делаться подобные же намёки. Во всяком случае, ясно, что эта молодая сила может быть употребляема в действии лишь под очень строгим контролем. Во всяком случае, писание Бенуа фатально совпало с этим посещением. Для нас всякая брехня несущественна, но в данном случае выказано и явное желание задеть и умалить самую книгу и тем нанести ущерб издательству. Также весьма опасно, что парижским художникам уже рассказывается о каком-то мифическом издании русского искусства. Бенуа был прошен дать текст для этого издания. Спрашивается, откуда всё сие и кто уполномочил так безапелляционно решать судьбы издания, которое даже с финансовой стороны сейчас вообще не может быть предпринято. К тому же и других сторон и причин очень много.

Нас не удивила гнусная заметка человека, который прикрывается рясой священника для того, чтобы сеять клевету. Увы, слишком много сейчас таких лжеслужителей, которые пользуются самыми тёмными средствами. Но странно, что газета допускает такие недосмотры. Даже как-то не верится, был ли это недосмотр, или кто-то сознательно подсунул с вредительскими намерениями. Конечно, я не буду пускаться в словопрение с этим лживым священником. Такой же эпизод произошёл в Харбине, и там, к сожалению, меня уговорили ответить. Но ответ мой лишь вызвал ещё более пространные клеветнические нападки. Единственно, что может сделать газета, это поторопиться поместить парочку моих статей и тем показать, что в газетных отношениях ничего не произошло. Кстати, когда газета собирается выдать гонорар за все статьи, бывшие в последнее время?

Очень, очень жаль, что английская монография выходит уже летом. Сейчас мы послали Вам телеграмму, прося не посылать нам 50 экземпляров пароходом, ибо в Карачи могут быть печальные недоразумения с таможней, как это случилось с одной монографией из Америки. Мы просим послать десять экземпляров почтою. Для распространения книги в Индии необходима будет листовка, ибо иначе как предложить издание. Вообще, без листовки никто не придумает, каким способом можно пробуждать интерес. Г.Ф. пишет, что *Орифламма* во весь рост, вероятно, была не хороша в фотографическом отношении. Между тем именно эта фотография, где фигура не только ниже колен, но во всю величину, была очень ясна и давала наиболее живописное впечатление от картины, нежели фрагмент, который вышел, кстати сказать, очень бледно. Спасибо за пакеты с 33 открытками. Некоторые вышли хорошо, а другие, по причине бумаги, не совсем удачно. Жаль, что *Купава* и *Лель* вышли так бледно, а между тем в монографии Ерёменко с тех же оригиналов они вышли гораздо колоритнее.

Чуем всем сердцем, как вы горюете о положении Клементия Станиславовича. Большое благо, если врачи нашли какое-либо средство, чтобы облегчить страдание. Конечно, если больной мысленно не приготовлен к переходу, то уже не следует осложнять его этими соображениями. Пусть всё совершается как можно безболезненнее во всех отношениях. Скажите ему, что наши мысли с ним и мы шлём ему наши самые сердечные пожелания. И все Вы берегите Ваше здоровье. Сейчас так много армагеддонных токов.

11-МАЯ. Сейчас получено письмо от Г.Г.Шклявера от 30 апреля. Он старается по возможности смягчить впечатление от статьи Бенуа, но, так же как и Вы, понимает источники её происхождения. По-видимому, Юпатов до тридцатого апреля не посетил Центр. Трудно объяснить, почему это происходит, ибо для большего осведомления ему, конечно, полезно было бы посмотреть картины и вообще получить разные сведения. Весьма характерно, что Бенуа за все эти годы не удосужился побывать в нашем Центре. Добросовестно ли со стороны писателя выражаться о картинах, даже не повидав ни одной из имеющихся в Париже? Всё это показывает своеобразную «этику». Жаль, что многие, не зная всех этих привходящих обстоятельств, могут сложить какое-то превратное суждение. Спасибо за копии писем Рихарда Яковлевича и Евгения Александровича. Вероятно, было какое-то второе письмо от Е.А. Всё это нужно знать.

Да будет мир всему сущему.

Сердцем и духом с Вами.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису[147]

12-5-39

Урусвати знает, что писатель, собирающий исторические сведения о Нашем Братстве, совершает неотложную задачу. Пусть он не спешит с завершением, ибо многие данные приходят неожиданно. Также пусть соберёт и поэтические вымыслы, которые наслоились вокруг Наших Башен, но такие вымыслы пусть будут собраны в отдельные главы. Но и такой легендарный материал должен быть записан. Люди будут рады знать, как претворялось это понятие среди разных культур. Также и песни различных народов дадут напоминание о Неведомом Месте, к которому устремляются путники в самых различных одеяниях.

Каждое начало, напитавшее многие века, должно быть исследовано научно. Конечно, кроме печатных источников, нужно собрать и устные предания. Поверх всего очень поучительно исследовать, как преломилось это понятие в представлении разных народов. Нередко народы желают видеть мировых деятелей в одеянии своей страны, и такое претворение даёт особый характер всему Облику.

Так Мы призываем учёных, чтобы они, каждый от себя, дали описание Братства. Будут и очень отрицательные описания, но не забудем, что в некоторых отрицаниях содержится особое утверждение. Эта истина пусть поможет исследователю собрать различные данные. Вы могли убедиться, что гонимая Истина расцветает прекрасно. Нельзя уничтожить её пустыми бранными словами. Каждую Истину люди приносят в подвиге. Так Мы зовём исследователей. Мыслитель также призывал исследовать предания.[148]

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

12-МАЯ-1939

Родной наш Рихард Яковлевич!

В телеграмме нашей к Гаральду Феликсовичу мы просили выслать 100 английских листовок об английской монографии. Думается, что их не трудно изготовить. На них можно напечатать текст издательского вступления к монографии и дать избранную цитату из самого Конлана и одну репродукцию, лучше не из русских сюжетов. Совершенно необходимо иметь такую листовку, ибо иначе как же оповестить отдельных выдающихся лиц. Так, например, нужно будет послать махарадже Траванкора, махарадже Майсора, низаму Хайдерабада и всяким таким персонажам, которым нельзя объяснять монографию в частном письме, а если послать сразу саму монографию, то они примут это за подарок. Как жаль, что монография выходит так поздно среди самого мертвого предлетнего сезона – неужели Конлан настолько задержал с корректурами. Если бы мы знали о таком отложении, то я попросил бы заменить *Орифламму* снимком полной картины во весь рост. Но теперь, вероятно, об этом говорить уже поздно. Прилагаю для Вашего общего внутреннего сведения (не для печати) лист дневника *Бвнуа.* Если этот тип после всех суперлативных[149] писем ко мне, которые он писал за последнее время, сделал такую гадость в газете, то это лишь показывает его неисправимо-завистливую природу. Впрочем, такое эмигрантское суждение, несомненно, имеет и хорошую сторону, ибо многие другие, не погрязшие в тине люди, не только поймут побудительные источники, но и ещё раз по достоинству оценят это болото. Ясно, что Бенуа не переваривает авторов статей монографии, и это вовсе не по литературным и художественным причинам, но опять-таки по болотному непониманию момента. Недавно бросилось в глаза, что Бенуа не отозвался на смерть Щуко и Петрова-Водкина, а хвалил лишь умерших за границею. Комментарии излишни. Полагаю, что мне не следует писать благодарственные письма художникам-жертвователям. Во-первых, я не хочу писать Бенуа и некоторым другим парижанам, а во-вторых, на мои письма к Богданову-Вельскому, Юпатову, Либерту, Пранде – отклика не последовало, значит, такие мои письма были не

[147] Фрагмент письма. Печатается по копии из архива Гунты Рудзите.

[148] Письмо получено 23. V. 1939 г. Е.И. сообщает параграф из *Надземного,* касающийся моего труда. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

[149] восторженных (от *англ,* superlative).

нужны. Поэтому воздержимся от дальнейших опытов. Помню, как Вы в своём письме тревожились за Юпатова. Мы также тревожились. Может быть, он сумел бы съездить в Литву, но каковы будут последствия его парижского пребывания, мы это распознаем лишь впоследствии. Но Боже упаси от поездок восточных. Всё-таки он говорил Беликову о том, что Булгаков набрал много хламу. Таким же образом мы не можем быть уверены в том, что шепчется за углом, хотя в глаза и очень суперлативно. Если бы только Вы видели письма Бенуа ко мне и сопоставили их с его статьёю. Поистине, «опасаюсь данайцев, и дары приносящих».

Да будет Вам всем светло – скажем себе: «per aspera ad astra»[150].

Сердцем и духом,

Н.Р.

Вы заметили, как корчится Бенуа от понятия мессианства? Тёмные не выносят высоких понятий.

13-МАЯ-1939

Сейчас пришло Ваше письмо от 1–2-го мая. Как всегда, мы согласны со всеми Вашими добрыми соображениями. Как я уже писал, о постройке особого здания музея сейчас невозможно и думать. Пусть такая идея растёт в пространстве, но не обременяет умы и не отвлекает их от насущной текущей работы. Также я уже писал, что невозможно думать о каких-либо новых расходных предприятиях, когда на издательстве ещё лежит большая задолженность. Вполне естественно, что Вы, так же как и мы, тревожитесь этим вопросом. Наше мнение о поездке Юпатова Вы тоже уже знаете, и мы видим, что Вас беспокоит то же соображение. Сейчас было бы совершенно непосильно отягощаться таким большим изданием, как книга, посвящённая всем русским художникам. И то уже нас беспокоит обращение Юпатова к Бенуа о написании этого текста. Ведь никто не уполномочивал Юпатова вести издания самочинно, не считаясь с мнением правления Общества. Каждая самочинность ведёт за собою весьма сложные и прискорбные следствия. Очень сложен вопрос касания А.И.Клизовского к Батурину, – мы очень понимаем Ваши соображения. Не думаете ли Вы, если А.И.К. уже так или иначе соприкоснулся с Батуриным, то пусть он напишет предлагаемую главу о Живой Этике, ибо Вы совершенно правы, что он сделает это лучше каких-либо местных писателей. К тому же он может это сделать или анонимно, или под какими-то им данными инициалами. Очень надеемся, что пресловутые ответы в мартовском номере пресловутого батуринского *Огня* не имеют ничего общего с нашими друзьями. И кто дал себе право утверждать, что Учение даётся автоматическим письмом. Ведь это – ложь. Понимаем, как был тягостен для Вас обмен письмами с Е.А.Зильберсдорфом. Неужели же он не может принять во внимание все существующие местные обстоятельства. Значит, в уставе Общества теперь имеются и почётные члены, и почётные советники. Вы совершенно правы, не торопясь с этим обстоятельством. Если у Вас на уме будут какие-либо кандидаты, то прежде всего, пожалуйста, запросите нас. С этим делом торопиться не следует – как говорится, «семь раз примерь, а один раз отрежь». Картин Тигерстедта я совершенно не знаю, но почему-то сомневаюсь в их качестве. Многие из вновь приближающихся могут быть полезны, каждый в своём размере. Так, например, Тигерстедт может быть полезен как покупатель, подписчик и распространитель изданий нашего издательства. Но это ещё не значит, что он вполне разумно может воспринять всю культурную основу нашего Общества. Чем больше внешних сношений, тем лучше, но из этого не значит, что все вновь объявившиеся корреспонденты могут сделаться и близкими сотрудниками. Всюду – по сознанию. Напишите, пожалуйста, Рынкевич, что я очень сожалею о смерти Вроблевского. Если бы в каком-то местном журнале хотели иметь мои сочувственные строки, я не отказался бы что-то недлинное написать. Да, много переходящих в Тонкий Мир. А в это время болотный дед Бенуа безумствует, клевещет и неприличествует. Прилагаю (не для печати) мой записной лист от 1 мая в предвидении выходки Бенуа. Да будет Вам светло.

Н.Р.

———

[150] «через тернии к звёздам» *(лат.)*.

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

20-МАЯ-1939

Родные наши!

Сейчас пришло письмо от Ивана Георгиевича от 9 мая со вложением копий писем от Булгакова и от Юпатова. Дай Бог, чтобы поездка Юпатова в Париж не дала ещё каких-либо неприятностей. Конечно, нам всем трудно судить, что именно происходит между Юпатовым и Булгаковым, ибо совершенно не знаем их договорённостей об издании *Русского искусства за рубежом.* Но всё-таки ясно, что со стороны Юпатова были допущены какие-то прискорбные вещи. Если Юпатов незнакомому для него человеку Беликову говорил, что Булгаков набрал хламу, то нечто подобное и о Праге, и о Риге он мог шепнуть и в других местах. Также более чем неудачно произошло с покупкою Коровина. Коровин – злой сплетник и болтун. Конечно, он расскажет художникам-жертвователям о том, как ему удалось перехитрить Юпатова и получить деньги, и Вы можете себе представить, какая глухая злоба начнёт ползать. Ведь Юпатов ехал не для покупки вещей, а теперь получилось, что все художники-жертвователи оказались как бы обойдёнными. Знаю я художественные нравы и знаю, что именно такой эпизод взбаламутит парижское болото. А по нынешним временам умножать число врагов не следует. Кроме того, Булгаков уже помянул, что Музей в Риге делается как бы русским музеем вроде пражского. Именно во избежание этих недоразумений я всё время и советовал прежде всего ограничиться художниками, живущими в Прибалтике. Признаться, больше всего мы опасались растревожить парижское болото. Мы уже давно между собою думаем о переводе картин из Парижа в Ригу, ибо теперешнее помещение справедливо вызывает удивление и нарекания. Но для такого решения надо избрать наиболее мирный момент, а потому всякие недоразумения в Париже крайне некстати. Вообще всеми силами прошу, не предпринимайте относительно Музея ничего спешного, не посоветовавшись с нами. Из прилагаемых копий писем мы с печалью увидели, что и в пражскую печатню ещё не заплачено. Поэтому сейчас совершенно невозможно предпринимать что-либо, вызывающее расходы. Наверное, Вы напишете нам ещё многие подробности и эпизоды юпатовской поездки. В моём записном листе *Головин* Вы читали характеристику Коровину, которую дал ему такой тонкий художник и человек, как Головин. Он называл его чёрным и страшно боялся его появления, ибо оно всегда несло за собою что-то ужасное. Очень просим И.Г. всеми силами поспешить с письмом. Во всех отношениях сейчас важен каждый день, если только не каждый час. Бывают такие обстоятельства, которые удаются лишь в определённое время и повторить которые уже невозможно. Мы не удивляемся, что появляются заказы из нескольких стран. Неудивительно, что такие заказы появляются медленно, ибо сама книга, кроме трёх рецензий и трёх десятков друзей, ещё и не была введена в жизнь.

Как ни странно, но книги покупаются не столько друзьями, сколько совсем неожиданными людьми. Поэтому оповещение имеет такое крупное значение в издательском деле. Вот, например, Фосдик предлагает в осеннем номере *Фламмы* поместить страницу о монографии. Сделать-то это можно, но не забудем, что большинство читателей *Фламмы* и без того знают о монографии. А кроме того, некоторые наши друзья, как, например, живущие на Дальнем Востоке, настолько неимущи, что затратить 10 долларов для них совершенно невозможно. Значит, остаётся лишь один путь, а именно, достичь новые каналы. Помню, когда монография 1916 года была моментально раскуплена и мне показали список лиц, выписавших её от издательства, то я нашёл в нём очень мало знакомых имён, а все остальные были совершенно неведомые и даже многие из них никогда не появлялись на горизонте. Потому-то мы всегда и советуем искать новые круги. Находятся они весьма неожиданно, и никакие возможности не должны быть потеряны в этом отношении. Вы уже знаете мои соображения, например, о Тигерстедте, но, может быть, для монографии такой человек окажется полезным. В Финляндии должны быть люди, которые могут заинтересоваться как русской, так и английской монографией. Мы уже писали, что для английской монографии совершенно необходима листовка, иначе невозможно предложить это издание. Наверное, и Конлан захочет иметь для рассылки около сотни листовок. Захотят их иметь и Фосдики, и Инге, и нам они потребуются и на Индию, и на Австралию, и на Новую Зеландию. Кроме того, пошлём и в Буэнос-Айрес. Очень ждём английскую листовку

и сразу пустим её в ход. Ведь для всего требуется долгое время, особенно же при таких дальних расстояниях. Возвращаюсь к Юпатову – проявите с ним величайшую осторожность. Если уже раз заметили, что он на стороне высказывает неудачные формулы, то такое же может повториться неоднократно, и Вы сами чувствуете, какие печальные последствия могут возникнуть. Пришлите, пожалуйста, несколько вырезок заметки о портрете, которая появилась в *Сегодня,* как мы слышали от Карла Оттоновича. Душевно радуемся облегчению страданий Клементия Станиславовича – да пошлют ему Светлые Силы крепость и духовную бодрость. Мы получили ещё 10 русских монографий – спасибо, русских больше не посылайте, – теперь будем ждать английскую. Уберегитесь от новых расходов, ибо задолженность издательства ещё так велика. Наверное, на этих днях у Вас будут интересные сведения – сообщайте о них нам немедленно. Прикладываю Вам для сведения копию моего письма к П.Ф.Беликову. Они там говорят об эстонской монографии, но откуда же деньги на неё? Нужна крайняя бережливость. Шлём Вам всем наши сердечные мысли.

Всегда духом с Вами,

Н.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 23 мая 1939 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Пришло сегодня Ваше письмо от 12 мая, истинно Радостное, – смею ли я и достоин ли я послать моё бесконечное Спасибо Великому Владыке! Моё сердце так нагнетено, полно звучания и благодарности, что трудно даже писать. В последние дни вновь чувствовал сильную волну напряжения и давления, чёрных звёздочек немало, но в такие дни где-то в глубинах сознания постоянно витала тайная уверенность – опасность усиливается перед приходом чего-то светлого и радостного и успешного, так, по опыту знаю, что нередко такие часы сильнейшего напряжения совпадают также с приходом Вашего письма или вестей от Н.К. и т. д.

Мой реферат о Граале только что переведён по-русски моими даугавпилсскими друзьями, но так как перевод качественно не везде одинаков, то я и сам должен некоторое время потрудиться, и дней так через десять надеюсь его послать Вам, со всеми более подробными моими соображениями. Конечно, этот свой труд я вновь и вновь буду поправлять, расширять и дополнять. Я раньше считал его лишь одной главой своей книги, но, может быть, он с течением времени и сам займёт размеры отдельной книги. Но обо всём этом напишу Вам в следующем письме.

Также сердечное спасибо Вам за Ваше письмо от 15 апреля, с доверительными строками о сотрудниках Е.П.Блаватской, которое мне невыразимо много дало. Вполне знаю, что путь ученичества – это путь по тончайшей струне через бездну. Я лицезрел абсолютную преданность и доверие своему Великому Владыке Феликса Денисовича, в дни перед смертью. Никогда не забуду об испытаниях, которые Учитель Миларепы Марпа накладывал на своего ученика, испытаниях столь ригористических, которые доводили Миларепу почти до отчаяния, но всё же он выдержал. И в конце Марпа ему сказал: «Восемь отчаяний ты выдержал, если бы ты выдержал и девятое, то был бы совершенен».

Да, из сотрудников Блаватской как-то прозрачней и милей и мне казался облик Дамодара. Ещё в последнее время прочёл труды Синнетта, но из-за многословия так трудно было читать. *Историю Теософского общества* Олькотта я прочёл в то время, когда только что познакомился с Учением, и только через несколько лет, познакомившись с другими авторами, писавшими о Е.П.Б., я получил понятие о её настоящем, самом возвышенном облике.

Вполне понимаю, что среди европейцев Махатмы не могли найти истинного ученика, что в одеянии европейской плоти чрезвычайно трудно вступить на высший путь ученичества. Не говоря уже о той мере устремления и преданности, которую знает Восток, – европеец не проходил с малых лет через школу медитации, не познал науки мышления. Притом в городской обстановке и в хаосе современной цивилизации, где преобладают

«переломленные ритмы», или диссонансы, порою так трудно или даже невозможно сконцентрироваться в истинной медитации, получить чёткость мысли.

Очень, очень нас обрадовало Указание, что можно поспешить с печатанием *Писем.* Я уже писал Николаю Константиновичу, что и средства найдутся. Первый том, как видите, ещё не пошёл в цензуру, хотя уже окончательно отпечатан, задержка в том, что надо вставить в печатные листы восемь листиков, которые типография перепечатала за свой счёт из-за ошибок, допущенных ею. Потом, заказали за границей пурпуровую холстовую бумагу для обложки. Но на следующей неделе книга будет уже окончательно готова.

Теперь хочу попросить Ваш совет в связи с печатанием второго тома (который уже набирается).

В Вашем письме от 4.XI.35, о Кришнамурти: не лучше ли выпустить или изменить прилагаемое мною место из этого письма? Или даже изъять всё письмо? Знаю, как Вы смотрите на Кришнамурти, но опасаюсь, чтобы обычный читатель не получил превратного впечатления. Я решился на это обращение к Вам, когда осенью в Ковно у Юлии Доминиковны прочёл в *Беседах* Кришнамурти одно место, которое и прилагаю Вам.

Вы как-то раз прислали мне для вставки в *Письма* извлечения из Вашего письма от 8.XII. 36 о карме, о применении наркотиков, литии, о Разуме и пр. Пожалуй, его можно было бы вставить во второй том. Должно быть, теперь не надо скрывать, что Л. – это литий? Понятно, чуткий читатель и сам это поймёт. Помню, как-то раз, лет восемь тому назад, Феликс Денисович пришёл в ужас, когда я упомянул название «лития», которое мне сказала m-lle Kesberg, ибо он был уверен, что не время, чтобы другие знали. Но понимаю, что теперь незачем его скрывать.

Далее, Вы указали вставить во второй том и Ваше письмо к К.О.Валковскому (от 26.1.39), которое я вставлю как одно из последних, может быть, и последним.

В-третьих – теперь полученное Ваше письмо о вегетарианстве. И наконец – из Вашего письма о браке. К Вашей статье я прикомбинировал ещё несколько строк из Ваших последних писем, в таком виде оно и было прочтено на общем собрании в нашем Обществе. Очень прошу, прочтите эту страницу, перекомбинируйте Вы сами, что считаете нужным для печатания, и пришлите мне обратно, но не спешно, так как это письмо пойдёт одним из последних.

Ваше письмо к К.О.Валковскому было прочитано на общем собрании и идея о непротивлении и противлении злу вызвала дебаты. Понятно, чуткость сердца подскажет, где бороться со злом в нашей личной жизни. Я также не раз указывал К.Валковскому победить дисгармонию в своей семье смирением и терпением. По получении Вашего письма он старается следовать Вашему совету. В своей жизни я много раздумывал над мыслью, которую Вы высказали в строке «Христос противился злу каждым словом своим, каждым действием, *когда это не касалось лично его».* Прочувствовал это глубинами сердца. Но всё же – где же граница между личным и общим достоянием во мне? Чем выше сознание, тем этого личного в нём всё меньше. И наступает время, когда оно каждым атомом своим принадлежит человечеству. Понятно, оскорбления и страдания от других следует переносить, но когда позорится честь, когда вместе с тем бросается тень на Учение или общину, к которым данная личность принадлежит, – тогда нередко приходится себя отстаивать, потому что здесь уже говорится не о личном, но об общественном. Сколько помню, после того, как чета Куломб оклеветала Е. П. Блаватскую, она наконец написала свой протест, но заявление следственной комиссии её друзья посоветовали не делать. Вообще мне кажется, что друзья её слишком мало боролись, чтобы смыть с неё клевету, – или, может быть, я ошибаюсь?

Каждый духовный учитель имеет свою особую миссию, и потому противление злу может принять в их жизни особую окраску.

И совершенно другую, если они воплощаются как вожди. Не имело ли учение Толстого о непротивлении злу для его времени и его народа какое-нибудь значение (хотя и его учение порою доходило до нелепости. Сам он был одним из величайших противленцев злу всех времён, его громогласное «Не могу молчать», а теоретически он проповедовал иногда совсем нелепое непротивление!), так же как учение Ганди для индусов? Без последнего было бы равновесие в его народе? В таком случае – это специфическая миссия.

Один из наших старших членов высказал пожелание, чтобы во время собрания группы

у стола оставляли один стул пустым для самого дорогого Гостя (помимо комнаты Учителя). Полагает, что это будет способствовать также торжественности. Несколько лет тому назад в одной группе это практиковалось. Во время Феликса Денисовича, когда ещё не было отдельной комнаты, кресло находилось в комнате Учения, также и с Портретами мы имели ежеминутное соприкосновение. Но не знаю, как это теперь будет практически, ведь у нас много групп.

Получил недавно от одного из младших членов упрёк – и вполне заслуженный, – что у нас на торжествах по большей части ставятся срезанные цветы. К сожалению, например, фризии никогда и нигде в магазинах не продавались в горшках, как и многие другие общедоступные цветы. Но так же как мы ввели «в моду» в Риге фризии, так же впредь придётся позаботиться, чтобы эти самые фризии продавались и в горшках.

У Клементия Станиславовича появилась бодрость духа, хотя боли и не утихают. Не раз он высказывал мне уверенность, что осенью снова будет с нами сотрудничать. Но, конечно, он готов и к уходу. Страдания озарили его и физически. Летом переезжали на взморье. Даю ему, в виде исключения, на дом *Надземное,* конечно, рукопись у него в сохранности, это его ободряет.

Сообщите, пожалуйста, кому послать первый том Ваших *Писем,* покамест, конечно, пошлём лишь ближайшим последователям Учения.

Получил *Mahatma Letters*[151], большое, большое спасибо, давно мечтал приобрести, раз даже заказал, но из Лондона ответили, что распродано.

Шлю Вам мою самую сердечную благодарность и лучшие пожелания.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Сегодня вечером я наконец увидел фильм по роману Hilton *Lost Horizon,* где описывается таинственная долина в Тибетских горах – *Shangri-La.* Конечно, настоящая американская *профанация,* всё же обычному зрителю придётся помыслить об этой «долине блаженных». Об этом фильме мне писал и запрашивал Proll из Осло, интересовались и другие.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 25 мая 1939г.

Дорогая Елена Ивановна!

Посылаю Вам письмо г-жи Либерт, к которому, оказывается, приложено и письмо Маркова. Как мне не неприятно и больно Вас снова обременять всем этим вопросом, но мне было трудно не исполнить её просьбы. Тем более, что они уверены, что никто их в действительности не понимает, что Барун дал о них неправильный отзыв и т. д. Вообще, они своё испытание переживают тяжко. Хотя я и не ознакомлен с содержанием писем, но могу понять, что именно пишется. Барун прочёл мне копию своего письма к Вам, и правда, пишет он мрачно, Марков не раскрыл ему своего истинного переживания. Но всё же каково бы ни было это чувство (даже если оно было «платоническим») и если и происходила известная внутренняя борьба в связи с мыслью о долге, всё же здесь налицо три фактора: 1) факт чувства, 2) отношение к гармонии и священности семьи и 3) сам Принцип. И этот Принцип относится сурово к чувствам, которые разрушают гармонию других. Этот Принцип заставляет выбирать между личным благом и благом других и отказаться отличного.

Спешу, ибо г-жа Либерт ждёт отправки этого письма.

Шлю Вам мои самые сердечные мысли.

Искренне, *Р. Рудзитис*

———

[151] *Письма Махатм (англ.).*

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

29-МАЯ-1939

Родные наши!

Спасибо Гаральду Феликсовичу за его письмо от 13 мая. Итак, английская монография вышла и один экземпляр находится уже на пути сюда. Это очень хорошо, ибо на днях к нам приезжает д-р Казенс, которому мы английскую монографию покажем и посоветуемся с ним, как лучше поступить для её распространения здесь. Конечно, прежде всего он от нас потребует листовку о монографии – несколько десятков, ибо иначе ему нечего будет разослать. Правда, у нас ещё имеется около десяти экземпляров русской листовки, но здесь их рассылать бесцельно. З.Г.Лихтман писала, что она запродала три английские монографии. Вообще, при достаточном оповещении, думается, эта монография в разных странах разойдётся. Беда лишь в том, что сейчас люди (помимо летнего времени) очень привыкли к дешёвым изданиям. Прямо удивляться можно, насколько дёшевы большие художественные издания. Если дешевизна от количества экземпляров, то, значит, где-то имеются множества потребителей. Как Вы знаете, Конлан находится уже в Англии, и очень хорошо, что мог с собою взять один экземпляр английской монографии, о чём он нам перед отъездом уже написал.

В письме Г.Ф. упоминается о предполагаемой командировке Юпатова в Варшаву. Конечно, за это время Вы уже получили мои письма, в которых я решительно предостерегал против таких командировок. Поездка Юпатова в Париж очень растревожила тамошние осиные гнёзда. А Варшава иногда называлась маленьким Парижем. Ещё не хватало растревожить польские гнёзда, а ведь выдающихся русских художников в Варшаве вообще не имеется. Вообще чрезвычайно жаль, что Юпатов так спешно поехал в Париж и мы не могли дать наших указаний. Мы бы посоветовали вообще не трогать Ларионова и Коровина, а к Бенуа отнестись весьма осмотрительно. Конечно, Юпатов, как человек очень молодой (хотя лет ему и не так мало), не понимал, что такому типу, как Бенуа, нельзя писать, прося его дать отзыв о монографии. Вполне понятно, что Юпатов не знает парижские болота и, попадая туда, оказывается в ложных положениях. Те десять вещей, которые он везёт из Парижа, не составят ничего особо замечательного для музея, а разговоров и шептаний будет достаточно. Кроме того, очень опасаемся, что Юпатов надавал каких-то туманных обещаний о книге, посвящённой русскому искусству, как тамошнему, так и зарубежному. Всё это очень сложно, и ни о какой такой книге сейчас не приходится мыслить, когда на издательстве ещё лежат большие долги. Боже сохрани сейчас ещё пускаться в какие-либо расходные предприятия. Ведь и *Т. Д.* ещё не объявлена и не появилась на рынке.

Сейчас пришло письмо Карла Оттоновича со статутами, а также письмо Г.Ф. от 21 мая. Итак, случилось то, чего мы все так опасались. Поездка Юпатова в Париж не только не дала удовлетворительных вещественных пожертвований, но Юпатов смутил на долгое время всё парижское болото, а кроме того, его поездка нарушила и задания Музея. Ведь мы полагали, что в Музее будут представлены три балтийские страны, и самое большое, что можно было добавить, – ещё Финляндию. Конечно, Париж ни в коем случае не мог входить в состав Музея. Создалось ложное впечатление, что мы подражаем пражскому музею, а кроме того, Юпатов совершил и ещё один недопустимый поступок. Он поехал в Париж как представитель Общества с совершенно определённою целью. Между тем, как пишет Г.Ф., Юпатов привёз с собою и какие-то вещи для продажи – акварели Бенуа, а может быть, и ещё что-либо. Таким образом, вкралась какая-то коммерческая сторона. А такие выходки складывают множество вреднейших легенд и сплетен. Кроме того, мы не знаем, что шептал Юпатов в Париже. Если он мог незнакомому ему человеку Беликову наговаривать, что «Булгаков набрал много хламу», то ведь и в Париже под пьяную руку могло быть говорено нечто подобное и о наших делах. Характерно, что Юпатов посетил Шклявера лишь за день до своего отъезда. Конечно, привезённые Юпатовым костюмчики и наброски придётся вывесить в Музее, иначе по отношению к дарам это было бы неудобно. Но, пожалуйста, воздержитесь от дальнейших посылок Юпатова. Мы знаем, что вследствие Парижа произошёл немалый вред. Если же с Вами будут говорить о Музее, то Вы можете твёрдо фактически ответить: в Брюгге – музей Брангвина, в Брюсселе – музей Виртса, в Париже и в Филадельфии – музеи Родена, в Швейцарии – музей Сегантини и музей Бёклина, в Германии

– музей Мареса, в Париже – музей Моро. Во Франции – музеи Бона и Моне, а теперь, как Вы писали, устраивается Пурвитский музей в Митаве[152]. Словом, на эту тему можно приводить бесконечное количество фактов и твёрдых доказательств. При этом ни музей Брангвина, ни всякие прочие не нуждаются в каких-либо прикрытиях. Ведь недаром сказано, что «коль слушать все людские речи, придётся и осла взвалить себе на плечи». [Юлия] Доминиковна сообщает престранные вещи о воздействиях директоров на их местный конгресс. Пожалуйста, сообщите нам подробно, как прошёл конгресс, каково было его содержание и вообще всё, что там было. Очень ждём английские листовки, ибо на днях у нас будет местный большой художественный критик, который, наверное, посоветовал бы, как двинуть здесь английскую монографию. Каменская пишет, что у них есть запросы на *Т. Д.,* но они не знают цену, – сообщите ей цену, а если имеются листовки в размере их *Вестника,* то можно бы просить их приложить к следующему номеру. Также спросите её, будет ли отзыв о монографии, – ведь для этого Вы ей послали экземпляр. Душевно болеем, слыша, что состояние Клементия Станиславовича не улучшается, лишь бы только врачи утолили боль. Да будет Вам всем светло, мысли наши с Вами.

Сердцем и духом,

Н.Р.

Сейчас получен № 1 *Вестника Гауризанкара* (Орган Движения Живой Этики и Агни-Йоги). Вероятно, и Вы его получили. Получается очень странное впечатление. С одной стороны, на этих нескольких страницах ничего дурного не сказано, а с другой стороны, ни мы и никто не давал права называться органом движения и на последней странице давать имя Шибаева и здешний адрес. Такое появление тоненького вестника может сделать вместо добра много осложнений. На этих страницах сообщаются выдержки из книг, но если это сделается мишенью всяких батуриных, то что хорошее получится? Кроме того, никто на свете не поймёт, почему существует какая-то община «Культура», а кроме этого появляется и *Вестник Гауризанкара.* Без ошибки можно предположить, что вестник этот будет считаться нашим, но ведь никто из нас в этой идее не участвовал, и вообще среди смятенного Китая такое повторное появление может лишь вносить смущение. Во всяком случае, мне хотелось известить Вас об этом, ибо, может быть, кто-то будет говорить, что всё произошло от нас. Ещё, чего доброго, Томашевский вступит в какие-то полемики и вызовет к жизни ещё какие-нибудь тёмные силы. Не было ли у Вас каких-либо дополнительных данных по поводу этого вестника? Сообщите Ваше впечатление и всё, что Вы по этому поводу знаете.

Сейчас получены пять экземпляров монографии по-английски и от И.Г.Блюменталя газета *Сегодня* со статьями. Из этих пяти экземпляров три уже проданы (один идёт в редакцию газеты *Хинду* в Мадрас для отзыва и пятый – д-ру Казенсу для отзыва). У нас остаётся один ранее посланный, и потому будем рады получить и следующие.

Между прочим, Гауризанкар вовсе не Эверест, а одна из гималайских вершин высотою 23.000 футов, тогда как Эверест почти 30.000 футов. Вероятно, какие-то старые учебники ввели Бонча-Томашевского в заблуждение.

Пожалуйста, сообщите, имеете ли сведения от мисс Грант и получили ли от неё клише.

Передали ли мою статью *Мир искусства* в *Сегодня?* Кстати, какой именно гонорар там набрался, и тогда мы можем эту сумму балансировать со здешними получениями за монографию, которые достигли сейчас 216 рупий. (Около 432 латов.)

Сейчас пришли письма от Рихарда Яковлевича от 20 мая и от Ивана Георгиевича от 22 мая. Спасибо за все сведения. О Рынкевич могу сказать, что лично я её не встречал, в Школе она была, по-видимому, до моего директорства, и потому работ её я не знаю. Она прислала сюда небольшой этюд карпатской церковки, но по нему судить невозможно. Если её рефераты в местных обществах удачны, то этому можно лишь порадоваться. Голлербах всё время живёт в Швеции и, кажется, очень одобрен как писатель. Иванов там же и имеет службу как представитель ТАССа[153] на Дальнем Востоке. Мы очень рады, что конгресс в Литве состоится, несмотря на попытки противодействия со стороны некоего представителя. Пожалуйста, пришлите для *Фламмы* пространную хронику об этом конгрессе. Также попросите Рынкевич дать для хроники описание всех её рефератов и сопутствовавших им

[152] Ныне Елгава.

[153] Телеграфное Агентство Советского Союза.

явлений.

Мы вполне согласны с мнением Р.Я. относительно Новосадова. В нём и сейчас замечается неуравновешенность, и, в конце концов, трудно сказать, почему он лучше Раннита. Со всеми встречающимися приходится быть крайне осторожными. Лишь со временем после обильных общений можно дать заключение о сущности человека. Потому мы всегда приветствуем Ваши терпеливые, но и осторожные отношения к вновь приходящим. Пожалуйста, описывайте всякие Ваши встречи, и характерные выражения ставьте в кавычках – ибо, как я уже говорил, «тон делает музыку». Не усугубляйте помещение статей в *Сегодня.* Одних эта газета может радовать, тем более, что она не эмигрантская, а другим она не по нутру. Итак, действуйте всеми силами во благо. У Вас, наверное, будут многие новости.

Сердцем и Духом с Вами,

H.P.

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю[154]

VI.1939 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Прочёл письмо Е.И. к К.Драудзинь; спасибо за письмо Н.К. от 15 и 24. V. Прискорбно, что всё ещё приходится возвращаться к больному юпатовскому вопросу.

Признаюсь, из-за этого прискорбного юпатовского вопроса этим летом и я несколько ночей не спал. Теперь исключительно от такта Гаральда Феликсовича зависит, как отмежеваться от Юпатова без боли. Но Юпатов получил обещание ещё от ряда художников, что они подарят картины, так что так скоро с ним порвать не сможем. Всё же я лично постоянно к тому поощряю Г.Ф., ибо чую, что ничего хорошего не может прийти от Юпатова. Рисованные им акварели совершенно без души, что-то жуткое в лицах. Лучший исход, как говорит Г.Ф., – подыскать ему какое-нибудь постоянное место за отдельное жалованье, тогда он не занялся бы сплетнями и пр., но это вопрос нелёгкий. Жаль, что мы раньше не подумали об одном полезном сотруднике, нашем члене, который живёт в провинции и работает учителем в гимназии – Микельсоне, окончившем когда-то художественную академию. Он активный член и человек, во всём разбирающийся. Он вполне мог бы заменить Юпатова, так как тоже имеет знакомства среди художников, и я с ним уже посвятил один день посещениям художников. Теперь мы должны продолжать собирать картины до конца по двум причинам: чтобы те, к кому не пришли, не обиделись. С другой стороны – чтобы не получилось впечатление, что лишь Юпатов собрал наш музей. Г.Ф. теперь со мною вполне согласен, что Юпатов раньше мог бы ходить с кем-нибудь из нас, чтобы думали, что он приглашён нами как специалист – «импресарио», но ни в коем случае не наш представитель, что я всё время и советовал Г.Ф., хотя часто и неудачно. Но больше всего хотел бы post factum сказать: мне особенно больно и потому, что уже с гимназических лет я интересуюсь искусством и у меня выработались свои взгляды на искусство, которые я когда-то изложил в целом ряде статей.

Мы ещё не послали благодарность заграничным художникам за получение картин. Г.Ф. на днях дал мне для подписи, но я просил пока приостановить посылку, чтобы узнать Ваше мнение, так как не пошлём Бенуа. Хотя уже многое что поздно, но тем не менее теперь придётся относиться к Парижу с наибольшей осторожностью. Решительно не хотелось бы посылать благодарность Бенуа (притом он выбрал свою худшую вещь).

Б. Георгиев подарил свой этюд.

Внутренний устав, чувствую, теперь особенно насущен, чтобы напомнить квинтэссенцию Учения. Это не для императивов[155], но для поощрения. Я лично ношу при себе книжку, где записываю всё для меня самое важное из Учения и Ваших писем, и перечитываю ежедневно. Так и эти Указания мы могли бы перепечатать на машинке

---

[154] Печатается по черновику из архива Гунты Рудзите.

[155] Императив – повеление, безусловное требование.

небольшим форматом и раздать всем членам.

Думаю не упоминать название Общества на случай, если попало бы в чужие руки. Также первый отдел об Иерархии я сократил по той же причине. Некоторые параграфы, например I часть, придётся ещё обдумать при совместном обсуждении в старшей группе.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

1-6-39

Родной Рихард Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше письмо от 23 мая. Конечно, ознакомиться с Вашим чудесным трудом будет для меня огромною радостью. Чую сердцем то внимание, которое оказывает Великий Владыка этой Вашей работе.

Что касается до моего письма от 4-11-35, то возможно, что лучше изъять имя Кришнамурти, потому я пересылаю его Вам в новой версии. Но фразу из Бхагавад-Гиты я хотела бы сохранить. Бояться, что кто-то получит превратное впечатление, не следует.

Почти невозможно предусмотреть, каким образом преломится в сознании различных читателей то или иное понятие или та или иная фраза.

В присланных Вами вопросах и ответах Кришнамурти повторяется наставление каждого истинного учения о ценности самодеятельности. Возможно, что, насмотревшись на лицемерное пустословие и полную бездеятельность многих своих последователей, большинство которых принадлежит к западным национальностям, привыкших возлагаться на Христа, якобы раз и навсегда Искупившего их грехи и Освободившего их от вечных мучений, Кришнамурти решил пробудить их от этой сладкой уверенности и заставить их понять, что лишь личным упорным и длительным трудом достигается та цель, то счастье, к которому стремится каждый человек.

Но его неуважительное отношение в приведённом ответе к самоотверженным трудам Великих Учителей не только недостойно, но жестоко и разрушительно. *ИМЕННО он, БОЛЬШЕ многих ДРУГИХ, ДОЛЖЕН БЫ ПОНИМАТЬ, ЧТО ТРУДЫ ЭТИХ СВЕТОЧЕЙ НАПИТАЛИ И ЕГО СОЗНАНИЕ И ЧТО ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЕСТЬ ОДНО ИЗ САМЫХ ВЫСОКИХ КАЧЕСТВ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ПРИОБРЕСТИ, ЕСЛИ МЫ желаем эволюционировать.* Чем был бы сам Кришнамурти, если бы не Учение, данное Великими Учителями, и все возможности, предоставленные ему Адьяром?! Много недостойного недомыслия в таком его заявлении. Неужели, говоря об эволюции, он забыл, что в Космосе всё держится и всё движется лишь взаимоутверждением и взаимодействием? Сотрудничество ярко выражено на всех планах Бытия, и чем выше сферы, тем полнее и выше сотрудничество. Потому как можем мы отвергать Великих Учителей, когда мы знаем, что Их эманации очищают и насыщают жизнью сферы нашей планеты! Правдивее, достойнее и полезнее было бы поведать своим последователям о великом значении Учителей Света в эволюции человечества и указать им, что мы не имеем права требовать помощи от Великих Учителей или возлагаться на Них, но должны сами приложить все усилия к самоусовершенствованию, в этом будет состоять и наше сотрудничество, и только когда все наши силы и возможности будут исчерпаны, только тогда придёт Их великая Помощь. Именно Великие Учителя охраняют во всём самодеятельность и индивидуальность достижений. Но лишать отягощённые и скорбящие сердца самой прекрасной страницы в жизни нашей планеты и отвергать несказуемую красоту, до которой поднимается человек в своих устремлениях к этому воплощённому Идеалу, – жестоко и разрушительно. Это равносильно убийству духа. Снова и снова приходится наблюдать, как трудно людям совмещать противоположения, из которых соткана вся наша жизнь. Так и тут, с одной стороны, нужна самодеятельность, но в то же время необходимо признание и полное доверие к мудрому Водительству, иначе как соткём серебряную нить, по которой приходят все лучшие советы и совершается раскрытие нашего сознания для осознания великого Сотрудничества, на котором покоится всё Мироздание. Так долог и труден указанный им путь, но возможно, что насильственно прикрытое пламя некоторых сердец, взойдя на новую ступень сознания, тем ярче загорится и осветит прошлые заблуждения. Может быть, кому-то

нужно пройти и такой путь.

Я так люблю приведённое мною речение из Бхагавад-Гиты. Истинно, все путники, устремляющиеся к Вершине, к Свету и собирающиеся со всех путей, от самых низких, несомненно, рано или поздно дойдут до ступени сознания, когда они увидят, что все символы, все формы, все идеалы вели их к восприятию единой великой истины всеобъемлющей ЛЮБВИ, воплощённой здесь, на Земле, в Твердыне Братства. И тогда какое же отрицание или разномыслие будет возможно?

Человек может устремляться к Высшему путём утончения и совершенствования своего труда, или через самоусовершенствование, или двигаться идеей общего блага, или возноситься путём осознания красоты Мироздания, или стремительно нестись в сердечном устремлении к Избранному Идеалу, – путей много, можно сказать, столько, сколько индивидуальных сознаний, но все они ведут к Единой Вершине.

Приведу Беседу, в которой говорится о сотрудничестве и самодеятельности.

«Ур<усвати> знает, что даже в Тонком Мире проявляется свободная воля. Лишь в Высших Сферах такая воля сгармонизирована с психической высшей энергией – так получается истинное сотрудничество. Но в средних и низших сферах часто чуется единоборство, существа не желают признавать целесообразности закона Бытия. Особенно плачевно наблюдать, как жители пытаются избежать воплощения. Они прекрасно знают, что при их кармических грузах они уже не могут продвинуться в Тонком Мире, но они предпочитают даже некоторое смущение, чтобы только не предпринять нового земного пути. Мы называем их состояние смущением, но можно было бы назвать явлением мучения. Никто не мучает их, но даже в низких слоях уже ощущается невозможность продвижения. Такое противодействие свободной воли доказывает, что во время земной жизни не расширялось сознание и не было влечения к познанию Космоса.

Конечно, кроме того, не было любви к Иерархии. Нужно очень понять это условие. Люди много говорят о любви и о преданности, но на деле не прилагают усилий соединить прочную связь. Мы не говорим, что люди должны возложиться на Учителя, наоборот, Мы советуем лучшую самодеятельность, но внутри сердца будет теплиться лампада любви. Только тогда засветится и ответный Огонь.

Объясняйте, как хотите, хотя бы электрическим током, но ток истинной любви будет проводом прочным. Также и настоящее доверие вырастает лишь из любви.

Мыслитель твёрдо верил, что любовь есть дар божественный».

«Ур<усвати> знает, что для высоких Общений нужно спокойствие. Возмущение вод требуется для некоторых проявлений, но если кто хочет изучать глубину колодца, он должен иметь спокойную поверхность и незагрязнённую воду. Часто люди недоумевают – какое спокойствие возможно при смятении мира? Но Мы имеем в виду спокойствие сознания, которое, если оно достигнуто, то уже не нарушимо. Человек может возмущаться внешними центрами, он может словесно негодовать, но его сознание остаётся ясным. Не легко достичь этого состояния, оно не придёт от механических приёмов. Можно ритмами затушить внешний пламень, но непоколебимость сознания рождается от связи с Высшим. Нужно беречь каждую искру сознания, вокруг него будут бушевать яростные вихри, придут такие искусители, которых даже не представить человеческому воображению. [Они не терпят ясности сознания.] Для них каждое расширенное сознание будет преткновением на их мрачном пути. Но можно ли пожалеть, что расширенное сознание является мишенью для тёмных сущностей, наоборот, можно лишь радоваться, что сущности мрака будут спотыкаться о ясное сознание.

Кто раз познал спокойствие расширенного сознания, тот может вообразить бури космические, которые всё же не нарушат Мироздания. Пусть эти слова напомнят о Нашем спокойствии, которое основано на долгом опыте, при этом насущным значением является и сотрудничество. Оно подкрепляет каждое продвижение.

Слышите ли, говорю о сотрудничестве. Каждое нарушение его будет служением тьме. Слышите ли, что каждое сослужение тьме будет разрушением? Так помните о Наших Башнях, где светится Очаг Сотрудничества.

Мыслитель говорил: “Каждый человек окружён сотрудничеством».

Очень хотелось бы мне встретиться с Кришнамурти. Возможно, что записывающие его ответы не всегда точно улавливают его мысль и придают ей иной оттенок. Кроме того, мне

кажется, что и его сознание несколько изменилось в последние годы.

Не успею просмотреть присланные Вами выдержки из моего последнего письма от 15 апреля, ибо почта уходит. Также и о Толстом в связи с непротивлением злу побеседую с Вами в следующем письме.

Также должна признаться, что мне трудно корректировать свои писания. Часто прочитанная мысль бежит и расширяется в сознании, и трудно уже чтение той же мысли в прежнем изложении, и тогда ошибки не замечаются или же, что случается, к прискорбию, поправки грамматически не согласуются с предыдущей версией. Особенно часто подобное случается с запятыми, которые я забываю при этом вычеркнуть, а моя маленькая переписчица, не смущаясь, вписывает. Есть ошибки и пропуски в посылаемом Вам манускрипте *Надземное, я* не имею возможности всегда прокорректировать вдвоём, а при моём усталом зрении при списывании с тетради получаются иногда пропуски и неточности. Проверить копию, посланную Юлии Доминиковне, помог мне Н.К., и потому я просила её сравнить эту копию с имеющейся у Вас. Думаю, что в Вашей копии есть ошибка в § 3, в фразе – «если удастся собрать ряд предметов, собранных в одно время...» вместо собранных следует читать – *созданных.* Должна кончать. Шлю мысли сердца, мысли спокойствия и несокрушимой радости чудесному труду.

Сердцем с Вами,

Е.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

10-ИЮНЯ-1939

Родные наши!

Спасибо Гаральду Феликсовичу за его семейную новость. Приветствуем новую латвийскую гражданку. Пожелаем, чтобы жизнь её была полна духовных радостей. Спасибо и за английскую монографию. Нужно сказать, что в ней произошли некоторые улучшения. Так, например, в ней гораздо лучше помещён триптих *Жанна д'Арк,* вместо того, что в русской две его части разбиты отдельно. Правда, что теперешнее клише триптиха бледно, но всё же оно даёт представление о всей картине. По несчастью, *Земля Славянская* и *Открываем врата* теперь оказались рядом, и эти две арки попадают в одно поле зрения – но, вероятно, у Пранде при этом была какая-то особая идея. Жаль, что *Орифламма* осталась в фрагментарном воспроизведении. Она много бы выиграла, если бы была помещена с фотографией во весь рост. Кстати, сообщите, были ли сделаны некоторые сокращения в конлановском тексте им самим или же по Вашему желанию. Мы нашли 12 сокращений, и некоторые из них сделаны без видимой причины. Пока что здесь продано два экземпляра английской монографии. Для возможности дальнейшей продажи необходима листовка. Вы совершенно правы, расходуя на листовку запас для французского издания: ведь это французское издание не осуществится, и с трудом представляем себе, чтобы какая-либо книга могла иметь во Франции покупателей. Конечно, для листовки совершенно достаточно иметь одно воспроизведение. Надеемся на будущей неделе получить десять экземпляров монографии, а затем – ещё десять английских монографий (для продажи). Для отзыва пока мы дадим полковнику Махону, доктору Казенсу, Биресвар Сену и двум-трём другим писателям. Таким образом, Вы из Риги не будете посылать прямо этим лицам, а все пакеты будут в Наггар на наше имя. Вероятно, книги уже в пути, ибо не успеем оглянуться, как уже будет половина июня. Конечно, время очень неблагоприятное, но оставить до осени тоже нельзя. Письма Ваши двум финским художникам нас несколько озаботили. Ведь, прежде всего, мы совершенно не знаем, хороши ли эти художники теперь. Мало ли какие метаморфозы происходят в течение десятилетий. Мы Вам сообщали адреса для начала книжных сношений. Что же касается музея, то лучше укрепить сношения с Финляндией при каком-либо будущем случае, когда кто-либо из Вас должен побывать в Гельсингфорсе. Только на месте можно нащупать, кто именно из финских художников теперь имеет значение. Ведь теперь подросло целое новое поколение, и его нужно изучить на месте.

Г.Г.Шклявер пишет, что Юпатов никак не выражался о картинах, когда он один раз был в нашем помещении. Эта подробность любопытна, ибо в конце концов мы так и не знаем, какие именно формулы Юпатов распространяет на стороне. Также Г.Г.Ш. пишет, что Юпатов был у него лишь за день до отъезда из Парижа, и то, по-видимому, с целью помочь ему кассировать финский чек в десять фунтов. Сам он этого не умел сделать. Очень интересно, какие новые сведения у Вас имеются о Юпатове, и, пожалуйста, сообщайте нам их, ибо, несомненно, будут какие-то ответвления в сношениях. Кроме того, раз Юпатов взял от Бенуа на продажу несколько картин, то, несомненно, он находится с Бенуа в переписке, и из этих конвертов могут вырастать новые чертополохи. Не поможет ли Рынкевич движению монографии в Польше – ведь там может идти и английская монография. Прилагаю мою заметку *Рущиц – Вроблевский,* пожалуйста, перешлите её Рынкевич, может быть, она ей пригодится. Чрезвычайно интересуемся, налаживаются ли книжные сношения со Швецией и прочими странами. Просим И.Г.Блюменталя оповещать нас о всех подробностях, которые пригодны для письма. Инге ещё писала, выражая восторг всего кружка о монографии. Добавляет, что *Т. Д.* она ещё не получила и все очень ждут эту книгу. Не напишете ли Инге, что, может быть, для русской или английской монографии может быть сделано в их местах что-нибудь полезное. Не может ли Инге, также через Калантаевскую, списаться с Шанхаем, ибо там имеется не мало иностранцев. Очень трогательно, что русская монография сейчас ходит «гостить по домам» и радует хороших людей. В том городе, где живёт Инге, вряд ли можно найти покупателей, ибо народ там больше неимущий, но Шанхай всё же имеет более состоятельную среду. Очень интересно, как прошёл конгресс в Каунасе. Ждём о нём детальных сведений. Запросите у Калантаевской адрес Всев. Иванова. Вы писали, что от него не было ответа на посланные ему три экземпляра монографии. Между тем чрезвычайно интересно, получены ли эти монографии, писал ли он в своих газетах и послал ли два экземпляра по назначению. Печально, что часто происходит невероятный разнобой. Благодаря длинным расстояниям и различным психологиям в разных странах получаются даже из одного лагеря самые противоположные суждения. И так трудно их свести к одному справедливому пониманию. Всё-таки тем или иным путём обе монографии должны появиться на рынке. Иначе они останутся каким-то сокровенным изданием, которое будет вращаться в самом ограниченном внутреннем кружке. Хотя бы листовки должны быть в книжных магазинах, чтобы оставался путь к нахождению самого издания. Так, например, из серии Агни-Йоги в книжных каталогах иногда упоминается *Агни-Йога, Иерархия, Сердце* и первый *Мир Огненный,* а всё остальное как будто и не существует. Конечно, все книги были переименованы в наших каталогах, но вопрос, насколько широко они разошлись и мировая публика могла их читать. Но теперь у Вас, вероятно, побывал Беликов и Вы имели с ним вообще обмен мнений о книжном деле. За эти годы у него составился соответственный опыт, и, по-видимому, их магазин существует неплохо. Пусть Беликов ещё порекомендует Вам кого-либо, с кем можно посоветоваться по книжному делу. Ведь так важно издательству выйти из задолженности. Этот вопрос нас сильно озабочивает. В связи с этим вопросом стоит также и вопрос о благосостоянии магазина, который может быть золотым дном для Общества. Как хорошо, что лето Вы проводите все вместе.

Сердечный привет всем,

Н.Р.

Сейчас получено письмо И.Г.Б. от 31 мая – ждём дальнейших сведений.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

14-ИЮНЯ-1939

Родные наши!

Итак, Вы все на взморье. Вспоминаю, как давным-давно мы искали янтари и очень радовались, когда море дарило нам сравнительно большие куски. И всё Ваше молодое поколение, вероятно, теперь занимается тою же ловлею янтарей.

Пожалуйста, скажите Беликову, чтобы он преподнёс русскую монографию местному шведскому представителю. Не знаем, какого именно он ранга, но кто-нибудь там должен быть. Также пусть время от времени Беликов посылает в Швецию листовки – русские. Хотя туда уже было послано, но повсюду, наверное, идёт всякая неразбериха и многое, даже очень нужное, разбрасывается без толку. Потому не мешает продолжать туда посылку листовок.

Было бы интересно знать, продолжает ли Юпатов переписку с Бенуа. Судя по тому, что тот ему поручил для продажи несколько вещей, можно предполагать, что какая-то переписка существует. Может быть, в разговоре случайно Вам удастся выяснить и этот пункт. Интересен он потому, что, без сомнения, Бенуа будет продолжать своё вредительство и по отношению к Риге. Существование Музея вовсе не по нутру злобному Бенуа – значит, могут быть очень хитрые подвохи, чтобы где сказать прямо против, а где лукаво прикрыться всякими доводами.

Помнится, что Вы как-то сетовали на мрачность некоторых картин Юпатова, потому сумеет ли он достойно изобразить светлый лик Феликса Денисовича. Также мы не понимаем, почему сейчас требуется новое издание каталога. В списке, Вами присланном, значатся две тысячи экземпляров прежнего, первого каталога. Неужели всё это количество уже разошлось? Обычно музеи выпускают новый каталог, когда первое издание израсходуется. Если же Вы хотите поскорее добавить и все новые поступления, то ведь это можно бы сделать отдельным листком, вложенным или вклеенным в прежний каталог. Это можно сделать с заголовком «новые поступления за ... годы». Таким образом можно избежать новых значительных расходов, ибо отдельный листок не может стоить много.

Вообще всеми силами советуем Вам избегать сейчас новых расходов. Издательство имеет большую задолженность, и её нужно суметь преодолеть. Магазин хотя по счастью и покрывает себя, но ещё не может давать доходов для покрытия задолженности издательства. Мы уже писали, спрашивая, сколько именно комиссионных получает магазин от издательства и поступают ли суммы за книги в издательство на покрытие. Конечно, магазин существует с комиссионных, а не с капитала.

Очень интересно, как продолжаются переговоры И.Г.Блюменталя о книгах. В течение этих переговоров могут возникать разные вопросы, и на них можно доброжелательно и исчерпывающе отвечать. Судя по многим признакам, люди пользуются неверными и нелепыми данными вроде грабаревских и бенуевских небылиц. Если бы только мы могли конкретно узнавать всякие такие недоумения и заблуждения – мы могли бы во имя истины дать самые фактические разъяснения.

Иногда по явному неведению нас считают эмигрантами, но ведь Вы знаете, что по болезни мы поехали в Финляндию в декабре 1916 года и никогда ниоткуда не бежали. В этом смысле Грабарь произнёс большую ложь. Казалось бы, что наше пребывание на родине в 1926 году должно эту ложь совершенно опрокидывать, но всякие злостные выдумщики способны извращать даже явные факты. Вообще можно диву даваться, читая и слыша всякие выдумки, выросшие из злобы и зависти. Вот уж никакой зависти ни к кому мы не питаем и радуемся всякому успеху. Ведь каждый культурный успех уже есть победа над тьмою.

Мы отлично понимаем, что Вы в разных книжных переговорах бываете очень осмотрительны. При том количестве всяких измышлений, и вольных и невольных, нужно иметь на каждое недоумение ясный и светлый ответ. Поистине, можно сказать, что вся деятельность направлена ко благу в самом широком значении. Некоторые по неведению будут говорить о чём-то идеалистическом, упуская из вида, что истинно идеалистическое будет и реально-материальным. Так же точно и настоящее материальное будет и в лучшем смысле идеалистическим.

Подчас жаль смотреть, как люди смешивают и разбивают прекрасные понятия. Но в культурном понимании всегда проявится и благодетельный синтез. Итак, при разных Ваших встречах Вы не будете прерывать собеседование, но, наоборот, постараетесь не только ответить на заданные вопросы, но и сказать об истинном положении вещей.

Странно было, когда некие люди не признавали своих же собственных служащих. Спрашивается, каким же образом они сами вверяли им ответственные дела. Кстати, всюду, где, по Вашему мнению, неуместна русская монография, Вы теперь можете давать английскую. С нетерпением ожидаем дальнейших экземпляров английской монографии и английских листовок. Несмотря на летнее время, безотлагательно будем действовать.

Впрочем, и для Вас не существует летнего или зимнего времени. Поистине, есть одно время – время рабочее. В нём и будни и праздники. Велика радость, что и так называемые праздники являются прекрасными часами работы. Да будет светло.

Сердцем и духом,

Н.Р.

Статьи Ионова в *Сегодня* всё-таки появляются.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

21-ИЮНЯ-1939

Родные наши!

Спасибо за письма от Рихарда Яковлевича от 5 июня, от Ивана Георгиевича от 8 июня и Гаральда Феликсовича от 10 июня. В каждом из них заключается множество интереснейших сведений. Именно такие конкретные данные и дают полное освещение. Именно так и действуйте.

Очень интересно, какие сведения Вы дадите после приезда из Каунаса. Наверное, кроме сведений общего характера, будут и всякие другие интереснейшие сообщения. Например, чрезвычайно показательно радио, которое сообщает Иван Георгиевич. Такие положительные сведения дают понятие о многом происходящем. Это сведение тем более интересно, что помянутый Фролов (мой товарищ по Академии) человек очень умный и никогда не стал бы делать что-либо такое, что могло бы вызывать для него осложнения. Пожалуйста, пошлите от моего имени проф. Владимиру Александровичу Фролову на адрес Академии художеств (Васильевский Остров) одну русскую монографию.

Продолжает быть совершенно непонятным, почему опять отрицательно поминалось имя Всеволода Иванова. Во всяком случае, он является их же служащим, и неужели они могут в таких выражениях говорить о своих же людях. Ведь и Алексей Толстой, и Билибин, и Куприн, и Прокофьев не будут же вызывать всяких таких же суждений. Но если они что-то говорят о русской монографии, то ведь сейчас имеется и английская монография. Они могли бы взять если и не две тысячи, то, может быть, хоть сто экземпляров английской. Конечно, было бы очень важно укрепить книжные отношения. Если всё это возможно для других, то почему же в Вашем случае произойдут задержки? Очень хорошо делаете, что продолжаете упорные переговоры, ибо поверх всего прочего можно предполагать и самую простую житейскую неразбериху. Кстати, я посылал и некоторые сведения, которые могли бы быть полезны, – ведь должны же они знать, что мы поехали в Финляндию в 1916 году, уже не говоря о поездке 1926 года. Письма Елены Ивановны не следует давать новым Вашим знакомым. Пусть, прежде всего, они циркулируют среди членов Общества и среди испытанных ближайших друзей. Радуемся сведениям от финских художников. Этот отдел хорошо входил бы в программу музея. Конечно, мы совершенно не знаем художественного положения упомянутых художников, но будем надеяться, что и с этой стороны всё обойдётся благополучно. Прежде поездки в Варшаву нужно бы подробно узнать от Рынкевич, о каких именно художниках она имеет свои добрые соображения. Если эти художники действительно хороши, то не проще ли ей самой узнать и получить от них вещи? Как-никак поездка в Варшаву вызвала бы опять несвоевременные расходы. Хорошо, что Вы узнали адрес Георгиева. Может быть, он бы дал какую-либо свою вещь для музея. Если будете писать ему, непременно передайте ему мой сердечный привет – всегда был бы рад с ним встретиться.

Увы, парижские безобразия продолжаются. Только что мы получили письмо, выдержку из которого прилагаю. Конечно, Бенуа, Ларионов и Гончарова всегда были завистливы и темны, но клевета, теперь ими распространяемая, уже превосходит всё ранее бывшее. Обратите внимание, что они говорят во множественном числе о каких-то правительствах и о каких-то мистификациях. При этом выходит, что точно бы именно посредством Пакта вымогаются какие-то суммы. Происходит исключительное безобразие, если при свидетелях

на завтраке распространяются такие мерзкие лживые выдумки. Я написал Шкляверу и автору письма, чтобы они обсудили, какие меры могут быть в данном случае приняты. Можно себе представить, что если в Париже эта клевета циркулирует, то она же в некоторой корреспонденции попадает и в Ригу. Конечно, Вам о ней говорить не будут, но где-то на задворках, очевидно, она будет процветать и наносить вред. Может быть, Бенуа и всякие Ларионовы специально будут поддерживать некоторую переписку с лицом, у них бывшим, чтобы вредительствовать. Пожалуйста, имейте это в виду.

Того, о чём пишет Г.Ф. касательно Парижа, Праги и Брюгге, мы пока совершенно не будем касаться. Но не забудем, что в Брюгге город дал дом, именно имея в виду мой зал, – иначе, кто знает, вообще это дело может развалиться. Что же касается Праги, то пока тамошний музей существует по первоначальной программе без всяких насилий – тоже нельзя ничего и думать. Скорей бы можно думать о Загребе, но и там, по сведениям от Писаревой, картины находятся в музее. Об этом Писарева имела сведения от своих знакомых, живущих в Триесте, которые весьма восхищаются картинами. Что же касается Парижа, то при взбаламученном местном болоте тоже сейчас нельзя думать ни о каких нововведениях, которые (Вы себе представляете как) будут истолкованы всякими Бенуа и прочими клеветниками. По-видимому, в Париже происходит нечто очень недоброе.

Нам прислали с Дальнего Востока вырезку моей статьи *Парапсихология,* которая была перепечатана без моей подписи. В данном случае это очень хорошо, что подпись опущена, ибо невозможно появляться в такой мерзкой газете. Но если бы Вам стали говорить, почему мои статьи появляются в различных газетах, то у Вас будет отличный пример, как самовольно иногда распоряжаются неведомые мне люди моими статьями. Спасибо за вырезки статей *Зарождение легенд* и *Париж* – какой теперь там накопился гонорар для *Фламмы.* Спасибо за сведения, что английские листовки уже в пути, – немедленно пустим их в оборот. Прискорбно, что сейчас самое глухое летнее время, когда люди большей частью в разъезде. Спасибо за присылку доброго письма Франсис Грант. Полагаю, что Вам следует согласиться, чтобы в Америке пока продавались лишь открытки новые, а не с американских клише. Книгу Грант можно продавать в Риге. Разрешаю Мабилю переводить книги на французский, но денег на это издание нет ни здесь, ни в Риге.

Сердцем,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

29-ИЮНЯ-1939

Родные наши!

Спасибо Ивану Георгиевичу за письмо от 21 июня. Видим из него, что переговоры о книжных сношениях не только продолжаются, но и делаются как бы благоприятнее. Необходимо их углублять, и, пожалуйста, сообщайте нам всевозможные подробности, ибо по ним можно судить и о многих прочих соображениях. И.Г. пишет, что он передал две заметки, думаем, что это две статьи Владимира Анатольевича, – такое осведомление вполне своевременно. Послана ли наконец книга В.П.Потёмкину? Удивительно, что даже такие личные посылки беспричинно задерживаются. Во всех этих отношениях поспешайте. Очень интересно заявление Г. Раппа.

То, что Вы сообщаете об Аншевиц, прискорбно во многих отношениях. С одной стороны, оно показывает как бы охлаждение её к культурным заданиям. А ведь ещё недавно Рихард Яковлевич писал о её больших духовных реализациях. Нужно ли понять, что её устремления и реализации были непрочны. Во-вторых, смена названия фирмы бывает весьма губительна для всего дела. Вы знаете, насколько во всём мире торговые предприятия дорожат установленной фирмой. Ради фирмы затрачиваются крупнейшие суммы на рекламу, и всякое нарушение фирмы было бы вредительно, а может быть, даже губительно для дела. Так и в этом случае. Первоначально магазин связывался со знаком *Угунс.* Затем этот знак оказался неуместным, и во всей переписке, и в каталогах, и в хрониках появился магазин

Аншевиц. И вот теперь почему-то опять нужно всё менять. И это где-то, несомненно, внесёт представление как о чём-то шатком и неустановившемся. И.Г. пишет, что заявление Аншевиц нужно уважить, ибо её причины резонные. Пожалуйста, поясните, какие именно её доводы и почему эти доводы не имели места раньше, когда обсуждался магазин. Ведь с самого начала Аншевиц, кажется, вообще не предполагала отдавать много личного труда магазину. Мы не знаем, где именно она служит и почему почтенное уважаемое книжное дело может мешать её работе. Всё это весьма печально и требует пояснений.

И.Г. совершенно прав, полагая, что связывать формально с музеем магазин не следует. Также мы вполне понимаем, что имя Гаральда Феликсовича тоже не должно быть при этом упоминаемо, ибо иначе это может повлечь за собою новые нападки коллег. Так же точно Рихард Яковлевич не может быть формально указан, ибо его служба в библиотеке могла бы создать для недоброжелателей всякие перетолкования. Значит, нужно найти имя нейтральное, преданное культурной работе. Вероятно, у Вас в этом отношении будут всякие соображения и Вы с нами ими своевременно поделитесь. Но, во всяком случае, такая смена фирмы есть факт прискорбный и всегда отражающийся на преуспеянии дела.

Кстати, много ли монографий продал Г. Раппа и имеет ли он и другие наши издания? Кажется, его магазин, в отличие от многих прочих, добросовестен в расчётах. Наверное, Вы ему теперь дали и английскую монографию – у него должны быть международные связи, которые он нам не скажет, но может ими для продажи книги воспользоваться. Вообще необходимо пользоваться всеми новыми возможностями и каналами. Было бы заблуждением полагать, что какие-то пути уже исчерпаны. Это была бы самая вредная иллюзия, потому что сама жизнь постоянно нас учит, как многообразны её обороты и возможности.

Посылаю для Вашего личного осведомления копии письма Гущика ко мне и моего ответа ему. Вы, а также и Беликов должны находиться в курсе этого, ибо при неуравновешенности Гущика нельзя знать, какие новые, а может быть, и вредные вспышки опять могут произойти. Как видите, в письме к нему я помянул магазин Аншевиц, и это было почти накануне Вашего известия о её желании отойти от дела. Всё это лишь показывает, что дальнейшие решения о магазине должны быть вполне прочны, чтобы опять не возникла необходимость менять фирму.

Кроме того, по нынешним временам нужно, чтобы каждое решение отвечало и вопросам экономии. Мы уже писали много раз, что сейчас ввиду задолженности издательства нужно быть крайне осмотрительными во всех прочих предприятиях. Ведь мы ещё не знаем, на какие средства существует магазин. Существует ли он на распродаже самих книг, то есть на средства издательства, – или же на доход от продажи книг, то есть на комиссионных. Если бы на минуту предположить первую версию, то ведь возможен такой день, когда книги издательства будут распроданы и магазин и издательство будут без средств. А между тем мы видим, что даже в самые трудные времена множество издательств существует, а книжные магазины успешно действуют с несомненной для себя выгодой. Интересно, какие совещания Вы имели с Беликовым касательно книжных дел.

Было очень хорошее письмо от Юлии Доминиковны – какая она замечательная и сердечная деятельница. Из газет мы узнали, что Балтрушайтис теперь переведён посланником в Париж. Мы поручили Г.Г.Шкляверу с ним снестись. Ведь он давным-давно был моим доброжелателем. Беликов пишет, что в Нарве туристы из Стокгольма купили две монографии. Не знаем, русские или английские, и неужели эти туристы русские? Пусть И.Г. укрепляет свои благоприятные книжные отношения. Ведь эти отношения имеют значение весьма глубокое. Вы сами поймёте смысл всего этого. Итак, действуйте во имя добра и культуры. Наш душевный привет Клементию Станиславовичу. Шлём ему добрые мысли и всем Вам и хотим добра, добра и добра.

Духом с Вами,

Н.Р.

_____

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

5-ИЮЛЯ-1939

Родные наши!

Спасибо Гаральду Феликсовичу за вести от 18-го – 25-го. Очень приятно иметь такие подробные изложения. Всё это ещё более уточняет картину всех местных положений. Среди сообщений Г.Ф. пишет, что некоторые из привезённых Юпатовым парижских произведений «не для Музея», – иначе говоря, не должны быть выставлены. Мы уже писали, что вещи, пожертвованные и принятые уполномоченным от Музея Юпатовым, должны быть выставлены. Можно одобрять их или не одобрять, но раз произведение пожертвовано и принято лицом, уполномоченным от Музея, то нет никакой причины его выбросить. Мало того, что будут новые враги и новые нарекания, но люди могут настолько оскорбиться, что дойдут даже до суда. И я, и Елена Ивановна определённо советуем Вам, во избежание новых неприятностей, выставить в Музее все вещи, привезённые Юпатовым из Парижа, из Эстонии и собранные в Латвии. Из письма Г.Ф. видим, что переписка Юпатова с Бенуа не только продолжается, но даже и углубляется на предмет каких-то новых юпатовских изданий. Значит, суждения Бенуа не только не отвратили Юпатова, но, по-видимому, пришлись ему даже по вкусу. Очень прискорбно, что Бенуа, хотя бы косвенно, прополз в Ригу, из этого произойдёт или прямое, или косвенное вредительство. Каким же образом Юпатов собирается издавать новые монографии, когда он даже не может послать в Прагу обещанные им экземпляры книги *Русское искусство за рубежом.* Булгаков в своём последнем письме чрезвычайно сетует и огорчается на последние поступки Юпатова. Посылаю Вам для ознакомления копию моего письма Булгакову. Ожидаем со следующей почтой английские листовки и сейчас же пустим их в ход. У нас уже распланировано сто листовок, но, по-видимому, потребуется ещё столько же. Очень печально слышать о задолженности издательства. По-видимому, Либерт посчитал какие-то высокие цены, а Пранде, вероятно, недостаточно сумел дать совет об экономических ценах. Вообще весьма любопытно, что ни Либерт, ни Пранде не отозвались на мои добрые приветы (конечно, не напоминайте им об этом). Почему разговоры с Пранде и Таской так могут влиять на здоровье Ивана Георгиевича – о чём же эти господа говорят? Вообще И.Г. должен очень беречь своё здоровье. Всякое напряжение отзывается и на центрах, которые, особенно по нынешним временам, не должны быть перегружены. Пусть и домашняя атмосфера способствует успокоению. Хотелось бы знать, послано ли наконец письмо вместе с монографией к В.П.Потёмкину. Совершенно непонятны эти проволочки. Казалось бы, представители должны оповещать центр решительно обо всём, но почему же тогда нужные посылки откладываются до бесконечности. Чрезвычайно прискорбно случившееся с Абрамовичем. Неужели люди не понимают, что точная отчётность необходима как в больших, так и в малых суммах. Хотелось бы видеть магазин уже дающим хоть некоторый доход и тем способствующим издательству. Иначе и книги будут проданы, и издательство останется в долгах. Пожалуйста, достаньте мне от Юпатова адрес Лагорио в Париже. Ведь Лагорио наша бывшая ученица и очень хороший человек. Непременно хочется иметь её адрес. Сейчас пришли английские листовки – очень хороши – спасибо, немедленно пустим в ход. Также спасибо И.Г. за его письмо от 25 июня с приложением копий письма Булгакова. Будем надеяться, что книжные переговоры увенчаются успехом, а также Вам удастся там протолкнуть и правдивые сведения о моей деятельности. Спасибо Третьякову за статью – это Вам не Бенуа, которого И.Г. правильно называет «завистливым чудовищем». И.Г. доверительно сообщает о боровиках, посланных А.М.Р[емизову]. Ввиду странной неотзывчивости А.М.Р. и мы можем сказать доверительно, что он обращался к нам за помощью и мы ему послали 12 английских фунтов. Когда же пришла в Париж монография и я попросил его хоть что-нибудь для этой книги сделать, то он ровно ничего не помог, а между тем за это время в *Последних новостях* прошло несколько его фельетонов. Да, в Париже живут престранные люди. Ничего с ними не сваришь, и нужно искать новых людей. Впрочем, об этих новых людях уже давно было СКАЗАНО. Таким образом, можно лишь убеждаться, какое колоссальное предвидение существует, и каждый СОВЕТ должен быть принимаем с величайшею бережностью и выполняем немедленно. Очень хорошо, что варшавская поездка отложена в дальний ящик. Будем надеяться, что из Финляндии придут хорошие картины. В своё время ко мне финские

художники относились очень хорошо. Также хорошо, что юпатовская идея о новом обширном каталоге надолго отложена. Вообще очень характерно, что он, как пишет И.Г., перестал делиться полным содержанием писем, получаемых им от Бенуа. Можно быть уверенным, что происходит какое-то очень хитро задуманное вредительство. А по этой части Бенуа гораздо больше мастер, нежели по искусству. Вам придётся иметь очень зоркий глазок за Юпатовым. В конце концов, мы не видим, какую именно дружбу он нам выказал. Несомненно, в Париже он вёл некие разговорчики и о музее, и о моём искусстве, и вообще о многих предметах. В каких отношениях находится Юпатов с Третьяковым и прочими художниками? Но поверх всего сейчас остаются Ваши книжные переговоры и выяснение правдивых сведений о моей деятельности там, где следует. По этой линии действуйте безотлагательно и с полной находчивостью. В летнем номере *Фламмы* в статье Конлана Вы видели, как хорошо он отозвался о Пурвите. Вот Вам и ещё поучительный пример. Мы все о нём отзывались так хорошо, а он старается вредить, где только может. Вы видите, что армагеддонные дни превращаются в архиармагеддонные. Не только нигде не видно просвета, но, наоборот, сгущаются тучи. Вдохните чистый свежий воздух на побережье, будьте в единении, ибо сейчас особенно нужна крепкая, непобедимая фаланга. Пусть и детишки Ваши наберутся свежего воздуха. Жалеем о семейной утрате Рихарда Яковлевича.[156] Шлём добрые мысли Клементию Станиславовичу – об умалении его страданий. Будьте все вместе и обсуждайте все дела в дружном прекрасном совете. Да будет Вам всем светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

7-ИЮЛЯ-1939

Родные наши!

Уже давно мы не сомневались в том, что Дикман и Плаудис наши враги. Теперь к этому явилось и ясное подтверждение. В июльском номере журнала *Дивайн Лайф (Божественная Жизнь)* Дикман разразился вовсе не божественной, а грубой статьёй, нападая на Живую Этику, на «Рерихиан» и затрагивая имя Е.И., что будто бы Е.И. «бросает грязью в высокое учение Хатха-Йоги». Можно только удивляться, что этот лахорский журнал, будто бы служащий йоге, допускает столь грубые, невежественные и лживые статьи, ибо всё сказанное есть не что иное, как передержка и злобная выдумка. Казалось бы, во всех учениях очень ясно сказано, что Хатха-Йога является самой низшей формой йог, и в этом никто не сомневается.

Особенно же забавно в статье Дикмана, что он пишет о председателе Болгарского отдела общества *Божественная Жизнь* (Сеплевенко) и об Арове, председателе Берлинского отдела (сотруднике Асеева), при этом сказано, что они уполномочили Дикмана написать эту статью. Конечно, мы знаем, что Сеплевенко болеет венерическими болезнями, но всё же странно было подумать, что человек, так долго отягощавший Е.И. своими письмами и запросами и получавший от неё благожелательные разъяснения, вдруг окажется инспиратором злобных выпадов. Хотелось бы знать, что из себя представляет рижское общество *Божественная Жизнь с* «именитым» председателем Дикманом, который теперь уже получил от журнала наименование «Шри». Забавно и ещё одно место в его статье, где он отрицает существование Великих Учителей и говорит, что теперь появился великий Парамахамса Шивананда (о котором мы Вам уже давно писали). Не странно ли, что такой выпад происходит именно из Риги? Спрашивается, нет ли каких-то шептунов, извращающих факты? Мы уже спрашивали, было ли перерегистрировано это пресловутое общество *Божественной Жизни.*

Может быть, Вы получили уже от Инге её статью, бывшую в газете *Заря.* Очень приятно, что она пробует свои силы в этой области. Таким образом, каждый где-то и как-то

[156] В июне 1939 г. в возрасте 69 лет умерла мать Эллы Рудзите Минна Зиедыня.

может вносить добрую лепту. Очень печально, что Вам приходится, кроме Юпатова, теперь также иметь глаз и за Дикманом, но что же делать, всё это входит в пределы общественной жизни.

Посылаю Вам две копии *Друзьям художникам,* конечно, не для газеты, но, может быть, И.Г.Блюменталь найдёт нужным дать представителю. Кстати, поясните, которого именно Вы имеете в виду, когда говорите о представителе. Имеете ли в виду торгового или З.[157] Вполне естественно, что И.Г.Б. может иметь торговые переговоры. Никто не может это ставить ему в вину. Очень интересно, какие именно шведские гости приехали на взморье. Нет ли среди них людей интересных и полезных для переговоров И.Г.Б. Но может быть, свидания с ними ещё труднее, нежели с торговым представителем. Ведь может оказываться множество мелких обстоятельств, которые можно разрешать лишь на месте.

Сейчас кончаем рассылку всех английских листовок. Когда получим от Вас следующую партию, придумаем, кому ещё послать. Конечно, в Америку мы не посылали и полагаем, что З.Г.Лихтман и Фосдики сделают это на месте, но десятка два адресов мы им дали. Конечно, всё это старые адреса, но хотелось бы распространить сведения и по совершенно новым кругам, где, без сомнения, могут быть открыты целые залежи друзей, и среди них молодых.

Мы достанем для Вас июльский номер *Божественной Жизни,* чтобы Вы убедились воочию, как действует «йог» Дикман и своеобразные йоги Сеплевенко и Аров. Кажется, Дикман достиг умения остановить сердце – уж не остановился ли заодно и ум его. Во всяком случае, можно изумляться тому, что изучение йоги повергает людей в злобу и клевету. Если йога способствует такому снижению, то лучше такой йогой и не заниматься. Хорошая йога есть связь с Высшим, но, очевидно, существуют и всякие тёмные йоги, ведущие связи с низшим.

Из Шанхая получили мы журнал *Гонг,* в котором действует Сальников. Хотя в этом номере ничего плохого нет и даже есть статья Зенкевича, но всё же лучше к этому журналу не приближаться. Вообще, судя по письмам Калантаевской, в Шанхае столько неразберихи, что лучше не погружаться в неё. Единственно, что в Шанхае могли бы быть проданы кое-какие наши издания и монография. Пожалуйста, и Вы напишите Калантаевским и просите их установить адрес Всев. Иванова. Совершенно неестественно, что он не ответил Вам и даже не уведомил о получении трёх экземпляров монографии. Всё ли у него благополучно, и Калантаевские могли бы незамедлительно установить, где он и что с ним. Недопустимо предположить, чтобы Вс. Иванов при нормальных условиях не уведомил о получении трёх монографий и о том, что он с ними сделал. Вообще, сейчас происходит много психологически важнейшего, и потому особенно нужно знать весь «тон, который делает музыку». Из писем И.Г.Б. можно было понять, что представитель скверно не высказался об авторе *Нерушимого,* а теперь у него ещё прибавились правильные сведения из двух статей Владимира Анатольевича, переданных И.Г.Б. На случай если спросят, кто В.А., скажите, писатель, дружественный к Швеции. Итак, это лето полно действий. Шлём Вам лучшие мысли и ждём Ваших дальнейших добрых сведений.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

15-ИЮЛЯ-1939

Родные наши!

Спасибо Рихарду Яковлевичу за его письмо от 21 июня по 3 июля. Видим, что он теперь вернулся в Ассерн[158], и потому опять пишу туда. Сам я эти дни болен – какая-то форма малярии, температура от 35-ти до сорока, с сильными головными болями,

[157] Неустановленное лицо.

[158] Ныне Асари.

продолжится ещё несколько дней. Относительно магазина Вы имеете столько основательных соображений, что сделайте на месте, как лучше и как крепче, чтобы опять не пришлось менять фирму, это было бы убийственно для успеха.

Из Парижа сообщают, что в шведских газетах была отличная статья о Всев. Иванове, просили передать выписку Вам и нам. Такое положительное сведение крайне полезно для книжных разговоров И.Г.Блюменталя. Вообще, странно, что Вы не получили ответа от Всев. Иванова на три посланные ему монографии. Не переменил ли он адрес или не хватают ли книги в японской цензуре? Это нужно выяснить через Калантаевских или Инге. Вы поступили правильно, посылая Георгиеву и английскую монографию. Кроме того, было бы любопытно, если бы он написал отзыв в теософском *Вестнике* Каменской. Ведь Вы послали Каменской монографию для отзыва, а между тем уже в двух номерах ничего не было. Конечно, по существу, нам тамошний отзыв вовсе не нужен, но психологически очень любопытно произвести и эту разведку. В последнем номере *Вестника* сообщается, что йога Каменской есть йога красоты. Вспоминая всю деятельность Каменской и все её особенности, как-то не вмещается указанная йога. В том же номере *Вестника* Соловская, которая сообщает, что у неё самой йога радости, в той же статье говорит, что «Сокровенное Учение» есть океан хаотических сведений. Вот как последовательница йоги радости бросает свой камень в Основоположницу. И это нужно знать, так же как и панегирики её Аруделю, которые после такого брошенного камня особенно трудно воспринимаются. Между прочим, не знает ли Георгиев случайно адреса тех любителей моего искусства в Триесте, которые видели мои картины в каком-то музее Загреба. Об этом писала Писарева, я спрашивал её об этом адресе, но, очевидно, она находится в таких неимоверных трудностях, что на такие подробности уже не может реагировать. А знать об этом нужно.

Очень хорошо, если Вы без всяких затруднений получите несколько картин с латвийской выставки для музея, лишь бы при этом не возникали расходы и всякие осложнения. Юпатову мы не верим, а теперь он, вероятно, сделался тайным агентом Бенуа и прочих, как И.Г.Б. называет, «завистливых чудовищ». Очень нужно знать, дошла ли наконец монография до В.П.П[отёмкина]. Если предположить, что простая передача книги берёт несколько месяцев, то сколько же времени взяли бы серьёзные переговоры?

В американском *Рассвете* была статья *Мир в маске.* Не было ли сведений о фроловской мозаике в *Сегодня!* Из Парижа пишут, что это сведение весьма положительное. Пожалуйста, сообщите, каким способом можно Вам переводить деньги за проданные здесь английские монографии. Продаются они за 30 рупий, десять идёт во *Фламму* за продажу, а двадцать должны идти в погашение издательских расходов. Мы знаем, что каждый лат в этом, отношении для Вас на счету.

На этот раз больше писать трудно. Будем ждать Ваших добрых вестей, надеемся, что со здоровьем у Вас благополучно. И ждём добрых вестей об утолении болей Клементия Станиславовича. Вероятно, Вы встречаете много интересных приезжих на взморье.

Привет сердечный Вам всем от всех нас – да будет Вам светло.

Духом с Вами,

Н.Р.

Прилагаем пять рупий и просим на них купить, приняв во внимание пересылку, семян русского укропа и послать почтовой посылкой, Paraugi bezvertiba – Registered sample post.

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Melluzi,
Rigas Jurmala, 18. VII. 1939 г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Гаральд Феликсович дал мне прочесть письмо Е.И. к нему от 14 июня. Радовался Совету. Совет является поддержкой и для меня, ибо я не раз уже говорил об осторожности и соизмеримости. Но не хочется и надоесть, чтобы не огорчить. Ибо рад я его огненному энтузиазму и жертвенности и, понятно, хочу поддерживать и его самодеятельность. Но и для самостоятельности есть своя граница – сотрудничество. Г.Ф., можно сказать,

индивидуальность, которая привыкла к более самостоятельным действиям. Но с другой стороны, именно при частом совместном обсуждении можно проявить и больший такт, и лучшую осмотрительность.

В последнее время мы занялись собиранием картин, прежде всего работ местных художников. Собраны уже картины 40 латвийских художников (вместе с раньше купленными). Сознаю всю чрезвычайную ответственность такого выбора картин для музея. Ведь это строительство для будущих поколений. Обычно таким делом заведует целая комиссия. Но понятно, в данном случае, если просить в дар, то гораздо удобнее это сделать одному-двум, так сказать, «по-дружески». «Импресарио» Г.Ф. служил Юпатов. Порою с ним отправлялся Г.Ф., изредка и я, двух художников я посетил вместе с Г.Ф. и т.д. Юпатов является к Г.Ф. почти ежедневно, советуются о художниках и пр., иногда Юпатов к художникам отправляется и один. Так как я проживаю на взморье, то не мог уследить за всем, но вновь и вновь лишь очень просил Гаральда не посылать Юпатова одного туда, где выбор картин нам заранее не известен. Ведь, в сущности, нелепо, если один человек, притом не духовный, совсем не понимающий наш дух, несёт всю ответственность за выбор картин. Притом я убедился, что и его художественная оценка порою странная, что если он отправляется один, то нередко, по моему пониманию, приносит и неудачные работы. И даже при отличном выборе никогда нельзя знать, не прошёл ли он мимо картины более подходящей для *нашей* коллекции. Потому не раз было больно, когда, приехав в Ригу, видел, что Юпатов снова куда-то пошёл один. Указывал Гаральду Феликсовичу в ответ на его возражение о неимении свободного времени, что не к чему спешить, ведь до осени мы уже и так успеем навестить всех художников, притом по мере возможности и я приму участие. Моё искреннее желание, чтобы наш музей не был холодным складом картин, но являлся сокровищницей культуры духа, чтобы в нём витала искра духа, которая встречала бы всех посетителей истинной радостью Прекрасного. Моя мечта дать хоть отражение Музея будущего, истинного Музейона – синтеза духовных ценностей, но как это возможно, когда сами художники являются людьми настоящего, если даже не прошлого времени. Редко можно встретить художника, у которого кроме художественного таланта имеется также духовная звучность и широкий культурный ум. Картины в нашем музее дадут также известный тон нашему трудовому ашраму. Ведь среди всех этих картин будут происходить собрания наших групп. Не знаю, которая из них порадовалась бы поселиться в комнате, где были бы вывешены, например, все привезённые из Парижа картины. *Я* когда-то спорил с Юпатовым об «искусстве для художников» и искусстве для нового сознания. Но моя радость та же, что и радость Г.Ф., и в общем наши «вкусы» совпадают.

Теперь, говоря о качестве собранных работ местных художников, можно сказать, что процентов на 80 они хороши, некоторые более посредственные работы возможно будет ещё обменять. Больше всего нас радует, что, по закрытии большой государственной выставки в июле, удалось получить с неё четыре лучших работы, которые нам с Гаральдом Феликсовичем больше всего нравились и которые не были проданы, – получить за сравнительно небольшую плату. Среди латышских художников большая часть пейзажистов, но у нас набралось также довольно много жанровых.

При магазине Государственной типографии в Риге открылась постоянная выставка графики (главным образом офорты), где выставляются в продажу за умеренную цену прекрасные небольшие работы. Это в наших обстоятельствах совсем новое и знаменательное явление. (Есть ещё постоянная выставка картин при правительственном магазине *Zemneka domas*[159], но она находится в квартире одного общества и потому не совсем доступна, и картины почти все пейзажи и – посредственные.) При открытии выставки советовалось для подарков выбрать хорошие художественные работы вместо часто совсем ненужных вещей, как хрустальные вазы и пр. Заведующая выставкой моя знакомая, так что я порою захожу туда, намечаю работу, которая мне особенно нравится, и веду переговоры с художником, так уже получил несколько прекрасных жанровых картин для музея. Со временем комнату в музее придётся посвятить графике. Также и сам Юпатов щедр, он желает подарить несколько своих вещей. В *Истории латвийского искусства* он отмечен как «церковный художник», но религиозных тем у него мало, нередко странным образом он любит рисовать Саломею[160] и

[159] *Крестьянские думы (латыш.). – Г. Р.*

[160] По библейскому преданию, Саломея – дочь Иродиады. См. Евангелие от Матфея, гл. 14, ст. 1 – 11.

пр. В Юпатове нам нравится его усердное, преданное отношение к делу, простота и необидчивость. Сколько его ни «бранили» за парижскую поездку и пр., критиковали некоторые из отобранных им картин, просили обменять, он никогда не высказывал своё огорчение, скорее – печаль. Но всё же есть некоторая скрытность в нём. Притом при трудном материальном положении (у него есть семья) он надеется на известную поддержку со стороны Гаральда Феликсовича. С некоторыми молодыми художниками он хорошо знаком. Также и те художники (из молодых), к кому мы обращались вместе с ним, относились к нему почтительно как к художнику.

Иван Георгиевич опечалился, что Бенуа запросил обратно те 4 картины, которые Юпатов привёз для продажи и которые И.Г. обещал купить. И.Г. даже поставил их на паспарту и в рамы. Он заподозривает тут отчасти Юпатова. Я же таким исходом дела даже доволен. Хорошо было бы лишь, если Бенуа согласился бы обменять подаренную картину на одну из четырёх, так как, по нашим соображениям, подаренная совсем не годится для нашего музея.

Собирание картин послужит и в том отношении нам на пользу, что те художники, которые дали нам свои картины, так или иначе почувствуют себя с нами связанными, и у нас установится со временем известная кооперация, особенно с молодыми художниками. Посещая музей, они пригласят и других с собой. Кроме того, они имеют монографию, и даже противники Н.К. почувствуют влияние его возвышающей творческой мощи.

Много, много думаю и о Г.Ф., именно из-за любви к своему другу хотелось бы, чтобы его развитие утверждалось всё скорее и всё шире. У него ведь такие способности и путь верховный перед ним. Знаю, как и Драудзинь с материнской любовью хотела бы во всём пособить. Г.Ф. – очень темпераментная, пламенисто-порывистая, порою нервная натура, и по отношению к нему в сотрудничестве я должен был выявить много-много терпения. Вы знаете, в своих суждениях о других он нередко забывает тональность: или хвалит кого, или же порицает, хотя иногда тотчас и сожалеет. Нередко приходилось в его характеристиках на 50% убавлять. Но члены именно ему скоро и прощают. С другой стороны, радуют его воодушевление и чувствознание. Хотелось бы, чтобы Г.Ф. «врос» больше и в наше правление. Из членов правления он ближе подружился лишь с четой Мисинь (а также с Клементием Станиславовичем). Понятно, нередко и «стихии не совпадают», но всё же... Например, я высоко ценю г-жу К. Драудзинь, как духовного человека и как воспитательницу своей группы. И К.О.Валковский может дать свой совет, хотя бы в административных делах.

Наш «нуклеус» (трёх) касался до сих пор главным образом лишь внешней деятельности нашего Общества. Но для внутренней жизни Живой Этики нужна и более широкая кооперация, более широкий нуклеус. Хотелось бы исключить именно из правления хоть малейшую искру разъединения. Надеюсь, что, например, и Ф.А.Буцен больше врастёт, он также растёт и гармонизируется. Потому хочу осенью снова предложить регулярные заседания правления, как было в позапрошлом году, скажем – два раза в месяц в определённые дни. Разные дела в связи с Обществом мы порою обсуждали также в старшей группе, но некоторые члены высказывали желание, чтобы старшая группа была посвящена главным образом Учению. Болею порою мыслью: как умножить в Обществе единение, сердечность и дружественность. Столько членов ещё не знают друг друга, встречаются как чужие. Многие молодые не познакомились ближе со старшими, и наоборот. Много идей и переживаний мне дали полученные от членов анкеты. Придётся ещё раз напомнить о нашей традиции руководства руководителями групп, а также подумать о более точном методе испытания вновь поступающих, ведь сразу же невозможно принять в Общество. Иных желающих поступить в группу мы даём некоторым членам на обучение и «испытание». О готовности некоторых можно уже сразу почувствовать, в то время как некоторые даже из многолетних членов до сих пор остались для меня загадкой. Всё же в долгом совместном сотрудничестве выявляются окончательно все склонности и навыки. Среди старших членов недостаточно помощников, приходится постоянно взор обращать к молодёжи. Но и там мало окончательно установившихся. «Сверкающих вечной молодостью духа», подвижных, широко культурных умов – сколько таких?

Хотя высоко ценю подвижность духа в сотруднике, всё же вижу, что для успешного и созвучного сотрудничества абсолютно необходимо также, чтобы в сердцах сотрудников был начертан канон «Господом твоим»: искренняя терпимость и внимание к мнению другого

человека, терпение даже к его мелким недостаткам, если он культурно полезное лицо и уже борется со своими недостатками. Так прекрасно пишет Е.И.: «Сотрудничать с людьми очень нелегко и к каждому нужно найти свой особый подход». Так и с одним приходится встречаться решительно, со вторым – мягко, с третьим – с улыбкою.

Теперь о последних письмах Н.К. (от 29.VI и 5.VII). Кто-то из наших друзей писал Вам об охлаждении Аншевиц к культурным заданиям. Но Аншевиц никогда и не проявляла интереса к магазину, потому и нельзя было видеть в ней охлаждение. По решению и просьбе её отца и других сотрудников, она дала магазину лишь своё имя, так как из-за семейных дел и уроков пения не могла всю себя посвятить магазину. После случайной ссоры Г.Ф. с ней, он предложил переменить название магазина, мы этот вопрос обсуждали уже весной, но решили отложить до осени. В то время мы и наводили справки о юридических основах кооперативов, акционерных обществ и пр. и находили, что все они пока нелегко осуществимы. Аншевиц вчера приехала ко мне и сообщила, что она потому решила предложить нам скорее переменить название, что знала, что мы принципиально уже обсуждали этот вопрос, притом она собиралась искать себе службу. Но теперь её семейные обстоятельства так устроились, что ей и не надо поступать на службу, она и сама понимает, что совсем неудобно менять название магазина и пр. Теперь о её духовном устремлении – я основывался главным образом на свидетельстве её отца, когда писал о ней Е.И., кажется, полтора года тому назад. (Не только я, но и Г.Ф. и И.Г. в своё время были прекрасного мнения о ней, иначе не согласились бы доверить ей магазин.) Отец восторгался, между прочим, и её видением Великого Владыки, когда она ещё не была в Обществе и совсем не видела Портрет, его ей лишь после видения показал отец. Я лично с ней довольно мало встречался, к Обществу, вне регулярных заседаний, она относится довольно пассивно, но такова и большая часть других наших членов. По крайней мере, я пока *ни в чём* не мог убедиться, чтобы она отходила или охладела к Обществу или Учению. В своём последнем письме, которое Вы получите через несколько дней, И.Г. занялся неблагоприятной задачей пророчества, но ведь неизвестно, что может случиться и со многими другими, когда они вступят на стезю радикального испытания. На меня она производит приятное впечатление как человек, но очень хочу узнать её поближе и наведу справки, прежде всего, у руководительницы её группы Ольги Николаевны Крауклис и др. Как я сообщил Вам, Абрамович уехал из Общества на свою частную квартиру, вместе с тем из Общества исчезнет и дух разлада, который был некоторое время между ним, его супругой (не членом Общества) и другим нашим членом г-жой Стрекаловой. Кто из них больше виноват, не хочу здесь разбирать, но по крайней мере атмосфера теперь очистилась. В своё время Абрамович не мало пользы принёс Обществу в распространении книг, а также содержал в опрятности помещение и пр. Он также рассылал все книги в Швецию, между прочим 50 экземпляров *Общины,* из которых ни один не вернулся, может быть, и потому, что не были посланы заказным. Он так увлекался, например, запаковкой книг и пр., что порою даже не являлся на общие собрания (странная несоизмеримость!). В его отчётности, с одной стороны, известная кропотливость, с другой – и наивность. Г.Ф., должно быть, упоминал и о небрежности в известном случае, об этом полнее судить можно будет, когда будут окончательно сведены его старые счета. В последнее время, когда дело распространения книг перешло в ведение магазина, он ничем не выявил себя.

Стрекалова, которая приютилась в Обществе в маленькой комнатке, старая, болезненная дама, старается услужить чем-либо, мы часто употребляем её в роли «посыльного», она переписывает и на машинке и пр. Но она не в состоянии постоянно чистить все комнаты, с другой стороны, нужен знаток латышского языка, который мог бы постоянно отвечать по телефону на разные запросы и пр. Мы раздумывали, не принять ли в Общество кого-нибудь из молодых устремлённых членов-мужчин, но теперь все комнаты будут заняты картинами, и просто не останется лишнего помещения. Но этот вопрос разрешим осенью.

Виктор Третьяков человек культурный, но И.Г. полагает, что у него «эмигрантское настроение». Кроме статьи о русской монографии, помещённой в журнале, он обещал написать также об английской монографии для *Сегодня;* так как английским языком не вполне владеет, я дал ему русский перевод Конлана; но прошло уже больше месяца, а он не сдержал слова! Я ещё не успел его в Риге отыскать. У него есть и художественная студия,

ученики хвалят его как педагога. Видали и его картины, неважны. Кроме того, он – художественный и литературный критик, поэт и переводчик латышских стихотворений и, наконец, являет особенную любовь к музыке, будучи и сам певцом. Он обращался ко мне несколько раз с предложением устроить в нашем музее вечера, посвящённые годовщине Мусоргского и Чайковского, предлагая свои услуги и знакомства. Мы решили вечер Мусоргского отложить на октябрь, так как не могли достать лектора, который прочёл бы о Мусоргском.

Теперь о нашем книжном деле. Всматриваюсь во всю широчайшую ширь Грядущего. Уже Феликс Денисович нередко беседовал со старшими, чую также по *Криптограммам [Востока]* и многому другому. Снова прочёл в *Чаше Востока:* «Новые идеи должны быть насаждены на новых местах» и пр. Это можно более чем кстати отнести и к теперешнему моменту. Потому радуюсь книжным делам. Совершается абсолютно необходимое. Вполне уверен, что монография найдёт свой широчайший путь, хотя и ответа пока нет. Также уверен, что в книжных отношениях наш друг даёт правильное, самое необходимое освещение.

О новых сознаниях и я всю жизнь мечтал. Но теперь наступает время магнитной встречи их. Теперь сдвиг сознания по всему миру идёт самым быстрым темпом. И мы должны быть в фокусе этого сдвига.

И.Г. мне сообщил, что неделю тому назад написал Вам о нашем разговоре относительно магазина. Я не был ещё во всех подробностях осведомлён о представительстве, потом выяснил. Хочу дополнить и своими строками. При нашем разговоре я, в сущности, имел лишь один совет: бережность и осмотрительность, этого не забыть и при представительстве. Я не мог согласиться с убеждением И.Г., что Общество и магазин – две совершенно различные вещи. Юридически да, но ведь каждый знает, и тем более те, которые пожелают узнать, что это магазин Общества. Странно так ссылаться на совершенную независимость, когда сам И.Г. цитировал мнение Раппа. Потому и не думаю, что магазин может вести совсем особую культурную линию, иную, чем Общество. Понятно, что книжный магазин – очаг культуры, потому в нём могут быть представлены всевозможные культурные книги. Если по договору о представительстве магазин будет обязан одну витрину (из двух) дать лишь изданиям представительства, думаю, что и с этим, хотя и в наших особых обстоятельствах, можно согласиться, если сюда прибавить и часть наших изданий, по крайней мере монографию и Ваши книги. Вообще полагаю, что представительство должно существовать без излишней рекламы.

Понятно, лишь радуюсь инициативе И.Г., потому что он как заведующий магазином берёт на себя ответственность и полон горения. Вернусь к этому вопросу в следующем моём письме.

И.Г. опечален, что на книге Евгения Александровича [Зильберсдорфа][161] тот поставил знак издательства, не спросив о мнении издательства, потому что там помещена цитата из книги парижского философа.

Также очень обрадовался в письме Е.И. её совету Гаральду Феликсовичу обратиться к новым завоеваниям медицинской науки и углубить свои познания. Он всё время полагается лишь на свои выдающиеся врождённые способности и на наследство отца. Но свои способности он должен был бы научно усовершенствовать. От кого же, если не от нашего доктора, мы все ждём новые открытия и научные обоснования? Если бы он выступал научно, понятно, его противники рано или поздно замолчали бы, а также возросла бы вера его пациентов в него. Понятно, у него много времени теперь отнимает переписка с заграницей, дело монографии и пр. Но и при всём этом, при большем желании, он мог бы отвести время и для своей научной деятельности. Тем более, что пациентов теперь у него меньше, и вечера, иногда даже с полудня, свободны (зимою же число пациентов увеличивается), а также по субботам и воскресеньям больных не принимает. Очень хотел бы, чтобы он стал выступать хотя бы на наших вечерах с гостями с научными докладами, чтобы сколько-нибудь поднять свой престиж в научных медицинских кругах или же завоевать себе друзей среди молодого медицинского поколения, где у него, кажется, тоже таких почти нет. Мог бы прочесть хотя бы о Парацельсе или, скорее, о роли психической энергии во врачевании, эта тема совсем уж не так трудна, но весьма убедительна. Просто нужны лишь терпение и большая усидчивость.

[161] *В поисках правды.* – Рига, 1939.

Также сердечно хотелось бы, чтобы он больше времени посвятил Учению. Систематически Учение под руководством он мало прошёл, ибо очень рано попал в старшую группу, где проходятся последние книги. Он когда-то перенял от Слётовой руководство её группой, но проходилась *Беспредельность,* и притом он порою был занят, так что я с его согласия передал группу г-же Мисинь.

Очень благодарен я Е.И. за её последнее письмо от 10 июня и за её совет «поставить точку» в вопросе о г-же Либерт и г-не Маркове, и потому я передал им её совет поступать согласно совести. Очень опечалило меня в последнее время заявление Либерт, что «все упрёки лишь сблизили их» и что они снова изредка встречаются. Мой совет уже в самом начале был единственный – прекратить встречи. Просто непонятно, что такое сознание может быть среди последователей Учения. Понятно, в тот момент, когда Марков решится уйти от своей семьи, он тем самым и исключит себя из Общества. Но как Вы пишете – «лишь время поставит вещи на своё место».

Всем нам понравились ответы Е.И. Дергачёву – образец чуткого понимания души другого! Разве не удивительно: как человек, два года потрудившийся над индексом Учения, мог ставить такие вопросы! Как можно интересоваться Учением и так мало понимать! Очень благодарен я особенно за меткое: «Обвиняющие Толстого в антихристианстве... сами были истинными антихристианами». Как может брать в руки книги Учения человек, который даже Толстого не в состоянии вместить! Когда-то в гимназии я очень увлекался Толстым, чтобы проверить его толкования, сам читал Евангелие на греческом языке, делал выписки и пр. После Толстого я затем сблизился с Востоком.

Мы получили от переплётчика первый том *Писем* и посылаем Вам.

Я очень рад, что продвигается и внешняя деятельность Общества, ибо Учение должно ведь проводиться в жизнь. Но я, по совести, должен постоянно нести мысль: как согласовать во всём и общественную, и чисто духовную нашу деятельность, чтобы и в нашей общественной жизни отражались во всём лучи Учения. С другой стороны, особенно в последнее время, сердце непрестанно болит и за цельность и единение в Обществе. Помню, с каким воодушевлением мы объединились, когда Гаральду Феликсовичу угрожала опасность, и – победили. Также объединились, когда Обществу угрожала опасность. Хочу, чтобы в Обществе было больше любви, больше взаимной симпатии и понимания, взаимного сотрудничества. Хочу священное пламя Общества сохранить неослабным до того дня, когда свершится преображение, когда Общество как целое, как единение войдёт в новую грядущую систему мира.

Летом мы в Обществе собираемся лишь раз в месяц. За это время хочется разрешить и многие проблемы. Встречаюсь часто с друзьями.

Простите за это моё «трудное» письмо. Шлю Вам мои самые сердечные мысли.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

21 июля

Отправляю письмо сегодня утром. Я просил Г.Ф. прекратить сотрудничество с Юпатовым. Но чтобы это произошло безболезненно. Ведь неизвестно ещё, как всё пойдёт. Притом мы и сами отлично можем собирать картины. Г.Ф. согласился.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису,
Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

24-ИЮЛЯ-1939

Родные наши!

За это время были письма от Гаральда Феликсовича и от И.Г.Блюменталя – оба со взморья. Между прочим, письмо И.Г.Б. от 15-го не только было получено, но я отметил его, говоря об обороне Родины. Очень хорошо, что книжные переговоры дружелюбно продолжаются. Нельзя ли узнать, когда именно была переслана монография В.П.П[отёмкину] с моим письмом? Очень важно следить, какие именно письма и когда

именно посылались. Также очень рад слышать, что Новосадов находится в местных добрых отношениях и, таким образом, вместе с П.Ф.Беликовым они могут оберегать добрые отношения. Интересно бы слышать, как именно Новосадов передал монографию и какие при этом были разговоры.

Здоровье моё постепенно налаживается, но, как Вы знаете, уходит оно фунтами, а возвращается оно золотниками. Очень нас тревожит здоровье И.Г.Б. Ведь боли, ощущаемые им, могут иметь несколько причин. Начавшись от одной причины, они могут развиваться и в другие стороны, и потому всякое исследование чрезвычайно полезно. По природе И.Г.Б. выдаёт много психической энергии, а ведь окружающие обстоятельства не всегда благоприятствуют восстановлению и возмещению этой выдачи. Вообще вопрос здоровья очень важен, и никогда не следует запускать его. Ведь, кроме всяких директорских причин, И.Г.Б. много вынес и за болезнь дочерей, а к тому же, вероятно, и все местные условия сейчас не благоприятствуют здоровью. Правда, свежий ветер взморья всегда полезен, но человечество напустило столько разных разрушающих ветров, что даже самые здоровые условия страдают от этих психологических воздействий.

Не забудьте сообщить нам, как именно переводить деньги за английскую монографию, ведь, кажется, у Вас были на это какие-то друзья в Финляндии. Также сообщите, сколько мне причитается за последние статьи в *Сегодня.* Тогда можно бы уравновесить эти переводы. Вы писали, что Пильский собирается написать и об английской монографии, но, очевидно, ещё не собрался. Г.Ф. писал, что Юпатов старается собирать вещи местных художников, чтобы загладить случившееся в Париже. Увы, если бы он даже собрал несколько сот местных вещей, то парижские дела от этого всё же не загладятся. Интересно, продолжает ли он получать письма от Бенуа и сообщает ли, как прежде, их содержание. Вообще, Юпатов может быть полезен для местных каких-либо технических сношений, но в существе его есть раздвоение, и потому для всего прочего с ним нужно быть до чрезвычайности осторожным.

И.Г.Б. удивляется, что на книге Зильберсдорфа имеется знак *Угунса,* тогда как на каталоге Аншевиц, где продаются издания *Угунса,* этот знак был не допущен. Вообще, как бы не вышло каких-то недоразумений с Дидковским из-за знака *Угунса.* Мы понимали, что этот знак может появляться и на изданиях членов Общества, когда они издают книгу от себя, как, например, было с книгою Оригена *О Началах.* Но правильно ли по отношению к издательству *Угунс,* если его знак будет появляться в других издательствах, как, например, Дидковского или Гудкова. Впрочем, сейчас, кажется, не предвидится издание таких книг, и потому вопрос этот можно иметь в соображении лишь на будущее время. Повторяю, что с магазином Вы решите вопрос на месте, ибо, как видно, имеются очень многие местные соображения, которые нужно принять во внимание. Хотелось бы только, чтобы фирма магазина установилась накрепко и не менялась, внося с этим всякие возможные недоразумения.

Очень хорошо, что у Вас не произойдёт лишнего расхода на издание нового каталога музея. Пока что все новые поступления можно поместить на вкладном листе в конце имеющегося ещё старого каталога. Пожалуйста, пошлите Конланудля временного осведомления монографию Ерёменко. Также не забудьте запросить Каменскую об отзыве и предложить, что Георгиев мог бы такой отзыв написать.

Посылаю Вам последние записные листы: *Крик пространства, Ошибки истории, Прочная работа* и *Врачи.*

Пожалуйста, составьте хорошую биографическую заметку о Рихарде Яковлевиче в размере одной страницы *Фламмы* и такую же страницу биографии Юлии Доминиковны и пошлите их незамедлительно Шкляверу для перевода на английский (который Конлан просмотрит и пришлёт нам сюда). Ввиду десятилетия Общества такая биография Р.Я. будет чрезвычайно ко времени, а также и председательница Литовского общества будет иметь свою страницу. Кроме того, предполагаются страницы З.Г.Лихтман и Пейроннэ, таким образом будут отмечаться деятели и главы обществ.

Сейчас пришло длинное хорошее письмо от П.Ф.Беликова. Мы очень радовались его описанию, как он передал две монографии представителям и какими добрыми словами о сущности моего творчества ему удалось сопроводить передачу. Будем надеяться, что ему удастся в этом направлении ещё углубить отношения и это послужит на общее благо. Также я вполне согласен с суждениями П.Ф.Б. о Гущике и Северянине. Именно не следует чем-

либо осложнять этих отношений, но, конечно, невозможно поверить, чтобы сущность Гущика изменилась. П.Ф.Б. правильно замечает, что от Гущика всегда можно ожидать нежданных и необоснованных выпадов. Приятно слышать, что беседа с представителями была в добрых тонах и, таким образом, правильные сведения будут просачиваться, вопреки всяким выдумкам. Ждём от Вас добрых сведений. Пусть повсюду правда берёт верх и происходит полезное строение. Да будет Вам всем светло.

Духом с Вами,

Н.Р.

Если бы для биографической страницы нашлось 300 оттисков портрета Р.Я. Р. и Юлии Доминиковны размера *Фламмы,* это было бы очень желательно получить для *Фламмы.*

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

5-АВГ-1939

Родные наши!

За это время были письма от Гаральда Феликсовича от 17-го и от Рихарда Яковлевича [от] 18–21 июля. Последнее письмо от И.Г.Блюменталя было от 10 июля. Ждём от него следующего, ибо, наверное, за это время у него произошли разные полезные встречи и беседы. Ведь мы до сих пор так и не знаем, была ли переслана монография с моим письмом В.П.П[отёмкину]. По некоторым соображениям, всё это чрезвычайно важно знать, чтобы составлять себе правильное представление о многом происходящем. Как я уже писал, П.Ф.Беликов передал две монографии и сопроводил их очень удачной беседой. Таким образом, в разных местах выявляются правильные сведения.

Не забудем, что такое выправление сведений очень нужно, ибо тёмные не теряют времени, чтобы сеять неправду. Так, мы получили с Дальнего Востока ещё одну книжонку, которая показывает, что существуют какие-то ничтожные писаки, не жалеющие средств или, вернее, получающие откуда-то средства на издание пасквилей, которые, вероятно, и остаются в складе под их кроватью. Также получили мы листовку со статьёю Зенкевича, которую, вероятно, и Вы получили. Конечно, намерения его добрые, но многое можно бы написать совершенно иначе и гораздо более выразительно. Не знаем, откуда средства на эту листовку и каким путём она распространяется. В ней забыто или нарочно опущено главное обстоятельство, что Батурин печатал директорские листовки.

Также нами получен № 2 *Культуры,* должно быть, и Вы его получили. Он лучше первого номера, а статья о Скрябине вообще очень интересна и могла бы быть прочтена на одном из Ваших собраний.

Посылаю Вам мою статью *Мир искусства* и прошу Вас постараться поместить её в *Сегодня* без сокращений или искажений. По некоторым обстоятельствам появление этой статьи нужно. Конечно, как всегда, пришлите нам 10 вырезок из газеты. Г.Г.Шклявер сообщает, что в последнем номере обор[онческой] газеты появилась статья Владимира Анатольевича. Должно быть, в лагере мракобесов она вызовет некоторое движение воды. Опасаться этого движения не нужно, ибо оно так же естественно, как и рецензия Вейдле – подпаска Бенуа. Мы совершенно не удивляемся, что эта шайка желает всё сущее уничтожить. Ведь разрушители питаются лишь тлением.

Вы нам ещё не сообщили, как и куда переводить деньги, получаемые за продаваемую здесь английскую монографию. Также Вы ещё не написали мне адрес Лагорио в Париже, который можно достать у Юпатова. Также мы не знаем, сколько набралось гонорара в *Сегодня.* Р.Я. добавляет в своей приписке к письму, что Вы решили прекратить постепенно работу с Юпатовым. Произошло ли это лишь в силу наших советов, или же бойкий молодой человек (хотя уж не очень молодой) что-то опять натворил. Конечно, Вы не будете делать из него явного врага, но постепенно под разными местными предлогами отойдёте. Ведь Вам по Вашему общественному положению приходится встречаться с самыми разными людьми, и эти встречи ещё ни к чему не обязывают.

Вчера было письмо от Янушкевича, в котором он пишет, что его посетил А.И.Клизовский и привёз ему монографию. Затем сообщается, что Янушкевич напишет в общество польских художников, предлагая им меняться картинами на монографию.

Думается, что такой деликатный предмет лучше бы сообщать при личной беседе, а такое циркулярное письмо не всегда может быть понято сердечно. Вообще хотелось бы нам иметь список всех новых поступлений в музей.

Сейчас пришли письма от Р.Я. и И.Г.Б. (от 22 июля и от 16 июля), и мы все от души обоим письмам порадовались. Конечно, очень мудра пословица: «На Бога надейся, а сам не плошай». Так и действуйте, избирая для всего лучшие обстоятельства. Главное же, нас радует это дружеское единение между Вами. Ведь каждый может внести своё соображение и привести свои доказательства, и всё это будет обсуждено и принято во внимание со всем дружелюбием. Вот в этом-то дружелюбии и заключается залог успеха.

Конечно, П.Ф.Б. может знать о записном листе *Друзьям художникам*. И.Г.Б. правильно указывает своим собеседникам, что в моих листах многократно помянуто то, о чём они хотели бы слышать. Сейчас посылаю в обор[онческую] газету ещё статью *Шведская Слава*[162]. К вопросу о магазине не буду сейчас возвращаться, ибо, как я уже писал, Вы сделаете на месте, как лучше. Вся жизнь является волнующимся морем, и каждый час несёт своё доброе решение.

Увы, Сеплевенко занял самую безобразную позицию. Особенно возмущает, что вследствие его участия поминается недопустимо имя Е.И. В следующем, только что полученном номере *Божественной Жизни* имеется фотография болгарской группы из восьми человек с Сеплевенкой в центре. При этом сообщается, что он издаёт по-болгарски журнал *Йога* и занимается спиритуалистическим исцелением, – это венерически-то больной! Как Вам нравятся подобные безобразные нагромождения?! Вы совершенно правы, удерживая легкомысленных людей от общений с Батуриным и Сеплевенко и т.п. Вообще не вяжутся с понятием какой бы то ни было светлой йоги статьи вроде писаний Дикмана по наущению Сеплевенки. Теперь, после листовки Зенкевича, можно ожидать новых наскоков со стороны Батурина – ведь этим наймитам терять нечего. Пожалуйста, сообщайте нам все подробности Ваших бесед с новыми знакомыми. И.Г.Б. правильно в беседах отмежёвывается от всяких сектантских обвинений. Да будет светло.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

Необходимо написать краткую записку к десятилетию Общества, которое, как Вы знаете, уже исполнилось. Ведь культурная группа считает свою деятельность не от полицейского свидетельства, а со дня своего фактического культурного образования. У Вас будет прекраснейший матерьял, чтобы очертить деятельность Общества. Даже без переименовывания авторов книг Вы можете сказать, сколько вообще книг и изданий за все эти годы было напечатано на общекультурные темы. Затем Вы припомните огромное количество лекций, рефератов и собеседований на такие же общекультурные темы. Затем в Вашем активе находится образование музея, в котором целый отдел посвящён латвийским и другим балтийским художникам. Эти произведения приобретались лишь в понимании существования музея. Кроме того, Общество имеет ряд пожертвований, которые делались лишь в понимании существования Общества и музея. Наконец, в Вашем активе находится Конгресс, который вызвал всеобщее одобрение и прекрасные отзывы. Затем (если это уместно) можно упомянуть и о поднесении знака музея бывшему президенту[163]. Вообще эта записка должна содержать неоспоримые положительные факты, которыми полна деятельность Общества и музея. Если бы последовало нечто отрицательное именно после десятилетней плодотворнейшей культурной деятельности, то это уже был бы такой скандал, который даже и в мышлении допустить невозможно. Во всяком случае, такая записка о десятилетии деятельности совершенно необходима. Кроме специальных причин, и сами члены Общества будут рады иметь такое точное и основательное изложение фактов. Ведь не скроем от себя, что в каждом обществе могут быть такие сочлены, которые просто по

---

[162] *Русская Слава.*

[163] Бывший президент Латвии Альберт Квиесис (1930–1936) был избран почётным советником Музея Рериха в Нью-Йорке.

неведению могут не знать истинных фактов. Когда в 1930 году я впервые лично встретился с покойным председателем Общества и основателем его в Латвии Ф.Д.Лукиным в Париже, то Общество уже существовало значительное время. Итак, во всяком случае, необходимо неотложно составить такую записку-брошюру, которая останется и для будущего, и для настоящего. Где-то в этой брошюре можно сделать выдержки из моей статьи *Латвия,* в которой я говорю так много доброго о латвийском президенте и других деятелях. К этому у Вас есть матерьял из *Зелта Граматы,* которая повсюду за границей и в Прибалтике вызвала прекрасные отзывы. Словом, соберите весь Ваш превосходный актив и покажите его наилучшим путём.

———

Елена и Николай Рерих Рихарду Рудзитису

12-8-39

Родной наш Рихард Яковлевич!

Только что получили четыре экземпляра моих *Писем.* Сердечное спасибо за чудесное издание, но неужели же все экземпляры будут в таком нарядном переплёте? Не слишком ли это щедро, и я этим немного смущена. Кроме шести, которые Вы пошлёте в Индию, мне очень хотелось бы, чтобы Вы от моего имени послали в Америку пять экземпляров по следующим адресам: две копии на имя Зинаиды Григорьевны Лихтман, одну для неё и другую для Мориса Моисеевича Лихтмана, одну на имя Miss Ingeborg Fritche, Box 2087, Danbury, Connecticut, USA, четвёртую Mister Gartner, Box 1765, lulsa, Okla, USA, и пятую Mrs Sona Mouromtseff, 219, Montclair Avenue, Montclair, New Jersey, USA.

Мы были так рады в последних письмах Гаральда и Ивана Георгиевича читать такие сердечные мысли о единении. Оно всегда ценно, а сейчас оно совершенно необходимо. Можно чаще перечитывать самые первые книги Учения, в них много указаний о будущем. Если бы от новых друзей в библиотеку Музея поступили в дар какие-либо художественные издания (у них их много), то это можно лишь приветствовать. Чем больше обогатится библиотека – тем лучше. К тому же всякий знак дружелюбия приносит свои плоды. А когда эти знаки в правильном направлении, то удача ещё более усугубляется. В свою очередь, можете спросить знакомых, какой бы сделать книжный дар и их библиотекам. Таким образом, несколько экземпляров монографии может протолкнуться через их канал. Теперь, когда отношения с друзьями ещё улучшились, то можно бы, при случае, опять поднять вопрос о монографии на выраженных ими вначале условиях.

Как трогательно, что наш милый Клементий Станиславович так прекрасно старается закрепить единение и постоянно напоминает о Щите. Радуемся, что он находится в таких высоких настроениях, они облегчат и его страдания. При свидании передайте ему нашу ласку и нашу радость о нём.

Большая для нас радость, что Вы так устремленно и с такой бережностью работаете над доверенным трудом. Книга эта будет иметь совершенно исключительное значение. Ни разу ничего подобного не было выполнено. Но, преследуя историческую основу, Вы, как поэт, сумеете сохранить и надземное очарование высокого Понятия. Привожу несколько бесед, которые ещё не так скоро дойдут до Вас:

«491. Вы знаете, что без надземных чувствований нельзя преобразить жизнь. Никакая работа не может быть возвышена без воображения. Обратите внимание на хорошее слово – *воображение,* оно не вымысел, не уловка лукавства, но нахождение высших образов, реализация высоких понятий. Воображение всегда реально и правдиво. Невозможно представить, где живёт эта правда, но она существует. Не думайте, что истинное воображение возможно во зле, нужно доброе устремление. Каждое зло сложит искажённые образы. Калейдоскоп нуждается в гармоническом движении, так и в созерцании высоких образов требуется открытое сердце. Каждое затемнение внесёт извращение представления. Так опять связаны законы физические с основами психическими. Но даже самые высокие достижения должны быть зачаты здесь, часто среди самой тяжкой нужды. Нередко богачи задумываются – почему их жертвы должны быть так облегчены? или полагают, что жертва может быть лишь денежная, но они забывают, что прекрасная задача им доверена – сочетать

монеты с высокими заданиями, но для этого нужно воображение. Многие ли стремятся повысить в себе это качество? Мыслитель поучал: “Каждому человеку дано заглянуть в Чертоги Божественные, но пусть приучит глаз смотреть в сияние Неба и распознавать всю жизнь пространства. Кому Небо пусто, тот имеет пустое сердце”».

Следующая беседа может относиться ко всем предающимся йогическим упражнениям и при этом не позаботившимся очистить своё мышление и расширить сознание.

«487. Вы знаете, что воспитание мысли должно происходить последовательно. Каждый может представить себе тот ужас, когда сила мысли достанется злонамеренному человеку. Потому нравственное образование должно предшествовать учению о мысли. Невозможно ограничиться внешними приёмами познания силы мысли, иначе мы будем творить злых колдунов. Давно учения предусматривали, чтобы злой человек не допускался до йогических упражнений. После, когда нравы огрубели, появились люди, овладевшие некоторыми внешними приёмами и не позаботившиеся прежде очистить своё сознание. Конечно, и для очищения сознания нужно сосредоточение мысли, но такая мысль будет внутренней, без внешних посылок.

Люди мало понимают, что нельзя грязными руками браться за чистое дело. Казалось бы, такое условие понятно каждому, но в жизни оно применяется редко. Люди не думают – чисты ли их руки, и тем могут создать самые вредные химизмы. Люди прикрываются самыми громкими названиями, но таят внутри себя низкие намерения. Сколько злоупотреблений происходит! Нужны самые разумные меры, чтобы не проникали приёмы мощи к злоумышленникам.

Подумайте, насколько и Наши труды затемняются, когда вмешиваются люди, овладевшие некоторыми приёмами йоги с дурными намерениями!

Мыслитель указывал: “Сперва поймём добро и тогда пошлём его [мысленно] в мир”».

Получили ли Вы последнюю посылку *Надземного* до параграфа 470? Как Ваше самочувствие? Что Ваша милая семья? Шлю ей мои лучшие мысли и ласку будущим воительницам духа. Привет сердца Элле Рейнгольдовне, очень, очень часто думаю о ней и так хотелось бы повидать её и обо многом переговорить, но и это придёт. По-прежнему все события послужат лишь на пользу Великому Космическому плану и потому все принявшие Щит Света спасены будут. Чудесные вести приходят издалека. Храмина Духа скоро утвердится. Ничто не должно устрашать. Растёт новая волна интереса к Швеции и многие директора могут очень ошибиться в своих лукавых расчётах. Щит хранит Вашу милую страну. Самый сердечный привет от всех нас. Знаем, как Вы ведёте Общество во благо.

Сердцем с Вами,

Е. и Н. Р.

Почему-то Н.К. и я тревожимся за второй том, не опоздал бы!

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

Рига, 18.VIII.39

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Вчера в нашей старшей группе было интимное заседание на тему: самодисциплина. К.Драудзинь по этой теме прочла небольшой доклад и из письма Е.И., я свой реферат отложил до следующего четверга, когда соберутся все члены нашей группы. Это заседание означает для нас новый и, надеемся, решительный поворот, так как мы решили собираться регулярно два раза в месяц и каждое заседание посвятить определённой теме. Таких актуальных тем, которые мы вновь и вновь должны осознать и углубить в своей жизни, ведь множество, например, ближайшие заседания будут посвящены почитанию Иерархии, сотрудничеству, единению и пр., и все вопросы будут обсуждаться не только теоретически, но и с точки зрения практической осуществимости их, иллюстрируя их примерами и т. д. Это даст не только новое углубление нашему сознанию, но и многое для нашего взаимного единения и сотрудничества. Помимо того, на этих заседаниях будут читаться фрагменты из Ваших писем, обсуждаться и решаться актуальные вопросы в связи с Обществом. Заседания

открою я, но каждый раз будет избираться новый председатель (по очереди), который и будет руководить дебатами и пр. Сюда будут допускаться лишь активные 14 членов старшей группы, которые и будут подчиняться более строгому порядку, должны будут заранее заявить, если не могут явиться на заседания, и пр. Те некоторые другие члены, которые по тем или иным обстоятельствам могли явиться лишь изредка в старшую группу, будут приноравливаться лишь к тем гостям (активным членам) из провинции, которые по традиции имели доступ в нашу группу. Но они не будут иметь право посещать наши интимные заседания, а лишь обыденные еженедельные, где будем разбирать лишь книги Учения. Понятно, и «гости», если проявят в достаточной мере свою активность на пользу Общества, могут быть переведены в старшую группу. Интересно, например, что г-жа Иогансон, которая со времени ухода Феликса Денисовича не являлась в Общество, недавно высказала желание вновь посетить Общество. Понятно, пока ей придётся назначить одну из младших групп, хотя она и была одной из основательниц Общества. Далее, вышеупомянутые темы мы порою повторим и на общих заседаниях по четвергам. Для того, чтобы устранить несколько «официальный» тон в нашем зале, так как уже многие годы рефераты читались с кафедры, мы с Драудзинь на следующем собрании решили устроить всем «сюрприз» и собрать всех членов в зале вокруг круглого стола, хотя бы всем и пришлось сидеть в двух рядах, это внесло бы некоторую интимность и помогло бы осуществить дебаты и собеседования, которые до сих пор на больших собраниях с кафедры были трудно осуществимы. На такие заседания обыкновенно являются около 30–40 членов, порою до 50-ти. Заседания групп у нас обыкновенно проходят в небольших смежных с залой комнатах. В следующее воскресенье наше Общество устраивает экскурсию, цель которой, в сущности, тоже взаимное сближение. На природе будут читаться письма и вестись беседы.

Осенью придётся перестроить и наш музей и разместить картины по комнатам. Часть работ латышских художников так прекрасны, что даже не хочется прикасаться к парижским и эстонским приобретениям. Не знаю, когда этот прискорбный юпатовский вопрос будет ликвидирован, и возможно ли будет это. Но всё ещё приходится возвращаться к нему. Как я уже писал, мы решили давно «расстаться» с Юпатовым, теперь исключительно от такта Гаральда Феликсовича зависит, как он это осуществит. Г.Ф. мне сообщил, что Юпатов получил обещания подарить музею картины ещё от ряда художников. Г.Ф. *теперь* вполне согласен со мною, что Юпатов должен был обращаться к художникам лишь в сопровождении кого-нибудь из нас, чтобы не получилось впечатление, что он наш представитель, но лишь приглашённый нами специалист – «импресарио». С другой стороны, наше присутствие, как я уже писал, важно при выборе картин. Вообще, надо подумать и о будущем, опасаюсь, что при каком-нибудь конфликте Юпатов мог бы говорить, что собрал для нас музей, что в сущности было бы неправдой, так как он собрал лишь часть картин. Всё же теперь поневоле приходится довести собирание картин до конца и к оставшимся художникам обратимся мы сами, с другой стороны, и потому, чтобы те художники, которых мы не посетили, не обиделись. Вообще, этот юпатовский вопрос принёс немало неприятностей, и, признаюсь, из-за него этим летом я даже несколько ночей не спал. Невзирая на всё усердие Юпатова, я предостерегал от него Г.Ф., так как сразу чуется, что он человек, который может одинаково служить противным силам, даже дугпа, хотя техника у него хороша, но все рисованные им портреты бездушны и жутки. Жаль, что мы раньше не подумали об одном полезном сотруднике, нашем активном члене Микельсоне, который кончил художественную академию и живёт как преподаватель в провинции. Он человек понимающий и знаком со многими художниками. На днях я вместе с ним уже посетил нескольких художников. Верю, что в будущем «post factum» и не будет, ибо выработаем новый план сотрудничества.

Г.Ф. высказал правильную мысль, что Юпатову надо было бы подыскать какое-нибудь занятие с определённым жалованьем, тогда он не занялся бы сплетничанием и пр.

Мы ещё не послали парижским художникам благодарственные письма за подаренные музею картины, но собираемся это сделать. Но как быть с Бенуа – очень не хотелось бы посылать ему (притом он дал нам совсем невзрачную вещь!). Также пока не отправили благодарность Серебряковой и Анненскому, адреса которых не знаем, так как теперь они уехали в деревню (?).

Прилагаю при сём копию нашего «внутреннего устава» – для Вашего просмотра и

одобрения. В сущности, это не устав, но квинтэссенция нравственных тезисов, основанных на Живой Этике. Устав назван «Обязанности истинного члена», но можно было бы дать и более краткое название. Он выдержан не в форме императивов, но поощряющих положений. Полагаю эти указания дать перепечатать на машинке (вроде книжки небольшого формата) и раздать всем членам. Считаю их необходимыми для ежедневного напоминания об обязанностях членов. Я постоянно ношу при себе книжку, где записываю всё лично для меня самое важное из Учения и Ваших писем, и часто перечитываю. Буду Вам очень благодарен за совет и указания. Полагаю не упоминать название Общества, на случай, если устав попал бы в чужие руки. По той же причине пришлось лаконично выражаться о Иерархии, вообще об этих параграфах много думал. Возможно, что кое-что придётся ещё продумать и переделать (например, параграфы 1, 4) и дополнить. Когда получу Ваш ответ, ещё раз совместно обсудим в старшей группе.

Второй том *Писем* уже весь набран и скоро приступят к печатанию. Полагаю дополнительное письмо о вегетарианстве отнести к 1938г., а закончить письмами 1939г. – о браке и к К.О.Валковскому. Или последнее совсем выбросить? Когда-то было прислано дополнительно письмо от 4.XI. 35, но мы его не поместили, потому что повторяется почти всё, что в следующем письме (Евгению Александровичу). Есть и в других письмах повторение цитат, например Холла, но это не так важно, можно оставить.

Получил очень сердечное письмо от Бориса Георгиева, пошлю Вам копию со следующей почтой. Он просит передать Вам привет. Обещает подарить музею один из своих этюдов.

Только что получил известие от Туркиной. Давно беспокоился, почему она не отвечает. О своей жизни, понятно, пишет лишь одну фразу: «Жизнь здесь в настоящее время несуразная. Изоляция и контрольные пункты не облегчают и без того тяжёлое положение». Очень обрадовалась английской вести от Вас. Полагаю, что Вы не получаете писем от неё, потому и сообщаю.

Официальное празднование десятилетия нашего Общества мы сможем устроить лишь следующей осенью, когда пройдёт «юридическое десятилетие»; Общество основано 17 октября 1930 года. К этому времени мы лучше подготовимся, а также соберём больше материалов. Желаем этой зимой устроить больше вечеров с гостями и пр., это возможно будет отметить и в нашей юбилейной брошюре. Только как тогда быть с *Фламмой?* Пожалуй, во *Фламме* можно отметить десятилетие и теперь, но сказать, что празднества произойдут в следующем году. Запрошенные биографические заметки и снимки постараюсь доставить.

Сердечное спасибо за последнюю посылку *Надземного,* а также за письма Н.К. от 15, 24 июля и 7 августа (Ивану Георгиевичу). По последнему видно, что Вы ещё одно письмо писали, не задержалось ли оно?

Буду жить в отпуске в Melluzi до начала сентября, но я нахожусь в постоянном контакте с членами, почти ежедневно кто-нибудь заезжает. Получаю также корреспонденцию из своей библиотеки, так что Вы можете адресовать уже туда.

Шлю Вам мои самые сердечные и светлые мысли. Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

19-8-39

Родные наши!

Большое спасибо за присылку пачки английских листовок. Разошлём их, и, конечно, будут и ещё ответы. Статистика утверждает, что на циркулярные обращения получается одна десятая ответов. Потому-то их и требуется рассылать в большом количестве. Пока что в Индии как раз подтвердилось статистическое соображение. Куплены десять экземпляров, но говорят, что ожидаются и ещё. Также, пожалуйста, пришлите нам ещё десять английских монографий. Дело в том, что осенью предполагаются выставки в трёх или четырёх городах,

при которых будут и продажи книг и прочих изданий. Мы уже получили от Конлана *Студио* и порадовались, что, кроме его статьи, был также добрый отзыв о монографии, а кроме того, было вначале интересное редакционное примечание. Вы, конечно, на всё это обратили внимание. Можно бы даже дать об этом заметочку в *Сегодня.* Кроме того, Вы, конечно, заметили, что воспроизведена картина, находящаяся в кабинете президента. Думается, что это обстоятельство даёт хороший повод поднести ему номер *Студио,* при соответственном письме, в котором будет указано воспроизведение этой картины. Каждым знаком во благо нужно пользоваться. Наверное, Вы ему поднесёте и английскую монографию. Очень ждём от Ивана Георгиевича дальнейших сведений о его друзьях. Поистине, нельзя потерять ни дня, ни часа.

Теперь же является особый спешный интерес узнать, будут ли напечатаны в шанхайской прессе посланные Вам для этого две статьи. Ведь Вы являетесь нашими представителями, и потому вполне естественно, что, вместо письма поверх Вас, именно Вам поручается эта передача. От В.П.П[отёмкина] никакого письма не последовало. Впрочем, как я уже писал, если бы он вздумал писать непосредственно, то такое письмо могло и не дойти. Кто знает, сколько писем может не доходить, а обнаружиться сие может лишь случайно через долгое время. Послали ли Вы для временного просмотра монографию Ерёменко Конлану? Он уже начал работать над биографией, но, конечно, она не помешает монографии, ибо возьмёт долгое время, а кроме того, переговоры с английскими издателями, наверное, тоже потребуют значительного времени. Мы получили прекраснейшее письмо от Клементия Станиславовича, сопровождённое добрым письмом от Аншевиц. Сколько замечательных возвышенных устремлений звучит в письме К.С.! Скажите ему, как мы глубоко радовались, видя его сердечное и правильное суждение о великом будущем. Как ценен такой человек, вносящий обобщение и единение! Дух, утончённый и возвышенный страданиями, особенно воспринимает грядущие вибрации. Радуемся, что ушиб Рихарда Яковлевича не оставил последствий. Бдительность нужна всюду. Вот уже вторую неделю Владимир Анатольевич в постели с бронхитом. В этом году он болеет уже третий раз. Вообще, как и Вы, наверное, замечаете, токи очень тяжёлые, а к тому же и всякие директорские настроения вносят смуту. Получили ли Вы *Надземное* до § 470? Не посылаем следующих страниц до получения Вашего уведомления. В смутные дни будьте особенно дружны. Очень ждём от И.Г. дальнейших сведений. Всё это так спешно. Да будет Вам светло.

Сердцем и Духом,

Н.Р.

Пожалуйста, пошлите английскую монографию ДЛЯ ОТЗЫВА по адресу ТАМПИ (K. P. Padmanabhan TAMPY, B. A. NEW LODGE, Chettikulamkara, TRIBANDRUM, Travancore, Brit. India).

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

24-АВГ-1939

Родные!

Письмо Ивана Георгиевича от 16 августа доставило всем нам много радости. Представляем себе, как Наталочка и Маринка посылают нам поклон. Очень горюем о тяжёлом болезненном положении Клементия Станиславовича. Сколько сил духа нужно иметь, чтобы стойко выносить все боли. Передайте ему наши лучшие мысли и восхищение его мужеством. Очень радуемся, что библиотека Музея может получить такой большой дар в тысячу книг. Вот это настоящая культурная кооперация. Рад, что друзья интересуются моею биографиею. Действительно, чем больше знать, тем лучше. Лишь среди истинного знания разрешаются все недоумения, тем более, что, как Вы знаете, мракобесы пользуются каждою минутою, чтобы затемнить и извратить факты. Вот эти-то искажения и нужно выяснять. Если бы мы знали, какие именно детали Вам ещё не знакомы, мы были бы так рады рассказать их Вам, насколько позволяют условия почты. Не удивляюсь, если конверт был

вскрыт, ибо по нынешним временам всё возможно. Потому-то иногда не хочется, чтобы непрошеные читатели вторгались в письма или статьи. Как были мы, так и остались, и в 1926 году во время нашего пребывания это было подтверждено. Тогда же была решена дальнейшая экспедиция. Вы, вероятно, будете очень смеяться, если скажу, что у нас был китайский паспорт длиною около трёх аршин. Но, так или иначе, проехали всюду без нансенского паспорта[164]. Во всех наших передвижениях особенно хорошо относились к нам французы. Вообще для биографии богатейший матерьял. Жаль, что в биографии, которая сейчас пишется, наверное, многое не будет включено – просто места не хватит. Но если бы Вас что-нибудь особенно интересовало, то хотя Вы и заняты, но всё же уместите в письмо. Очень хорошо, что Вы двинули возможность напечатания научных трудов Юрия. Ведь он сейчас очень признанный учёный и исследования в его области будут так нужны. Хорошо и то, что Вы чувствуете нужность поспешности. Ведь и научные труды, и мои статьи не должны залёживаться, ибо иначе теряется их свежесть. Так нужно поделиться научными и художественными знаниями и приобщиться к молодым поколениям. Случилось так, что от начала деятельности мне приходилось иметь дело с молодыми и иметь около себя ни много ни мало как 2500 учащихся ежегодно. Вы знаете, как разнообразна была по своему составу наша школа и в ней широко были представлены и прикладные ремёсла. Таким образом мне довелось познакомиться с народным творчеством, и когда говорю о нём высоко, я утверждаю это на личном опыте. Пора быть там, где народное творчество расцветает. Как никогда, культурные силы должны быть вместе. Очень хорошо, что Вы знакомите друзей с моими статьями. В конце концов, они могли бы напечатать и статью *Друзьям художникам.* Последняя статья *Русская Слава,* конечно, не для *Сегодня.* Здесь по-прежнему постоянно просят мои статьи для местных журналов. И почти всегда удаётся затронуть и любимые предметы. Очень хорошо, как Вы характеризовали Шри Дикмана; чтобы поставить точку над «i», я написал письмо редактору их журнала и перевод его для Вашего сведения посылаю. Всякое враньё должно получить по заслугам. Совершенно не понимаю, каким образом друзья Ваши не знают, где служит Ив[анов]. В Париже мы уже достаточно пострадали из-за авторов монографии. Было бы странно, если и противоположное мнение было бы тоже против авторов. Тогда уже действительно некуда деваться. Вы хорошо делаете, что выясняете и этот вопрос, ибо монография должна всюду продвинуться. Мы только что получили отличный отзыв, написанный известным индусским художником Сеном. Вот как пишут непредубеждённые и широко мыслящие люди. Между прочим, Конлан писал, что монография встряхнула художественный мир, это действительно так, ибо мы уже слышим добрые суждения о номере *Студио.* Особенно же удачно, что теперь и в октябрьском и в ноябрьском номерах будут упоминания. Один из здешних самых знаменитых художников Кумар Халдар жертвует для нашего рижского Музея свою картину, и взамен мы ему дали монографию. Может быть, здесь и ещё будут такие удачные обмены, а ведь Вы давно хотели иметь и несколько индусских вещей.

Надеюсь, что Вам уже удалось передать с моим приветом монографию Аст[165].

И Вашим друзьям передайте мой привет. Между прочим, не худо бы им дать и одну английскую монографию. Ведь она является как бы совсем отдельной книгой. Не посоветуют ли друзья послать английскую монографию, хотя бы один экземпляр, в центральную[166] библиотеку? Совсем ли замолчал Иудушка[167] или же где-то продолжает свою корреспонденцию? Вообще, вероятно, у Вас, несмотря на летнее время, очень много всяких впечатлений. Будет очень хорошо, если библиотека Музея обогатится большим книжным пожертвованием. Этот толчок повлечёт за собою и другие возможности. Конечно, в библиотеке Музея, кроме художественных изданий, могут быть и литературные, но главное – искусство. Да будет светло,

Н.Р.

Пожалуйста, сообщите, имеете ли сведения от мисс Грант и получили ли от неё клише?

---

[164] «Нансеновский паспорт» – временное удостоверение личности, введённое для лиц, не имеющих гражданства, и беженцев Лигой Наций по инициативе полярного исследователя Ф. Нансена, верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных в 1920–1921 гг.

[165] Неустановленное лицо.

[166] московскую.

[167] Вероятно, речь идёт об Александре Бенуа. – *Г. Р.*

Передали ли мою статью *Мир искусства* в *Сегодня?* Кстати, какой именно гонорар там набрался, и тогда мы можем эту сумму балансировать со здешними получениями за монографию, которая достигла сейчас 216 рупий. (Около 432 латов.)

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Melluzi, 28 августа 1939 г.

Дорогая Елена Ивановна!

24 августа я послал Вам свой реферат о Граале. За всё лето прочитал множество источников, но успел дополнить свой труд лишь десятью страницами. Конечно, данные и источники, как Сказано, приходят не сразу, но совсем неожиданно. Знаю, что немало нового материала явится и в будущем, при дальнейших поисках. Потому посланный Вам труд, в котором я использовал имеющиеся у меня в настоящее время данные, понятно, не считаю оконченным, но лишь первой ступенью созидания. Хочу ещё глубже поискать среди сказаний всех народов, особенно в русском фольклоре, хотя уже просматривал сборники былин, духовных песен и другие издания. С интересом ожидаю объёмистый том новейшего собрания песен народов России.

В своём реферате хотел сохранить лишь *исторический* («научный») характер, как было дважды Указано, старался писать по сознанию, чтобы факты говорили сами за себя, лишь в конце реферата, говоря об отношении Братства к миру, я прикасался также к Эзотеризму. Везде, по возможности, старался сохранить экзактность[168], потому простите, что слишком мало мог проявить чисто поэтического воображения. Это было бы более возможно в следующей главе – *Братство с точки зрения эзотерической науки* (или Эзотеризма). Много раздумывал над Указаниями и планом моего труда, потому буду очень рад получить Ваш совет, который Вы смогли бы мне дать после просмотра моего реферата:

1) Для того, чтобы сохранить строго исторический характер, ограничить ли мою книгу о Братстве Грааля лишь пределами плана моего реферата, который уже теперь будет иметь формат книжки *Сознание Красоты спасёт* и который со временем увеличится вновь поступающим материалом? В таком случае сюда можно было бы прибавить также несколько данных из *Т. Д.* Тогда эзотерическую сторону Грааля, используя шире Учение, я мог бы осветить в другом общем своём труде, план которого прилагаю. Много раздумывал я также над Советом собрать поэтические вымыслы, наслоившиеся вокруг Башен, в отдельные главы. Я старался собирать элементы из легенд и сказаний, которые более близки к Истине о самом Братстве, для цельного впечатления. Но эпические описания Братства, как они представляются в воображении поэтов, я более подробно не разбирал, если полёты воображения удалялись от Истины, как я её представляю. Но не следует ли посвятить, например, сказанию о Парсифале более подробный анализ?

2) Второй возможный план моего труда. К историческому моему труду о Братстве, который я ещё дополню, можно было бы присоединить ещё главу о Братстве с эзотерической стороны, основываясь на данных *Т. Д.,* Учения, Ваших писем и пр. Между этими главами можно было бы вставить небольшую главу о Понятии Иерархии и закончить книгу также небольшой главой о Братстве и Армагеддоне. Сюда можно было бы прибавить также главу о Посланниках Братства на земле и мечте народов о Владыке Мира. (Последнюю я когда-то уже прочёл на общей группе в Обществе. Но это очень деликатный вопрос, чтобы не получилось сектантского впечатления. Потому хочу здесь выражаться более сжато.)

Такой мой труд о Братстве был бы исчерпывающим, но не был бы строго историческим, т. е. с точки зрения теперешней науки. Оставшиеся главы (по плану) в таком случае я мог бы издать как отдельный труд. Отмечаю в приложенном мною плане зелёным карандашом главы, которые могли бы войти во второй мой проект. Вы когда-то уже ознакомились с моим планом, потому посылаю Вам теперь лишь в связи с моей теперешней проблемой. Можете его мне не возвращать. Также с реферата имею копию.

3) Труд о Братстве представлял бы лишь отдельные главы моего обширного труда, как

[168] точность (от *лат.* exacte).

я уже вначале предполагал. Но теперь опасаюсь, чтобы он не разрастался слишком широко, потому, может быть, мне лучше его разделить на два тома: первый – о Братстве, второй – об Учении. С радостью хочу по возможности охранить исторический характер моего труда, потому простите, что обращаюсь к Вам за советом. С сердечным трепетом подхожу к своему труду и бесконечно благодарен я Великому Владыке за Одобрение и Указания.

Русским переводом посланного мною реферата я, понятно, не вполне ещё удовлетворён, и перед изданием его ещё тщательно переработаю. Мой метод работы – у меня редко что удаётся сразу готовым, мне приходится несколько раз переделывать и отшлифовывать. Также и при издании я сокращу и некоторые «локальные» цитаты, например, из латышского фольклора, которые более пригодны для латышского издания.

Много думал о русском правописании слова «Грааль» или «Граль». Большинство древних источников пишут «Graal».

Цитировал из Оссендовского, но не знаю, стоит ли вообще упоминать имя барона Унгерна, что он отправлял дважды посла к Владыке Мира, потому что об Унгерне столько отрицательных сведений. Интересно было прочесть книгу Свена Гедина *Ossendowski und die Wahrheit*[169] (1925), где Гедин собрал весь свой полемический материал по поводу книги *Звери, люди и боги.* Пример, до какого абсурда и взаимных обвинений может в конце концов дойти полемика. Гедин резко и довольно нечутко обличает Оссендовского в неправде, что тот даже совсем не был в Тибете, что глава о Владыке Мира составлена по Сент-Иву и пр. Особенно нападает на последнюю главу, хотя сам признаётся, что у него нет способности к мистическому восприятию.

Прочёл вторично труд Сент-Ива, но мог уделить ему внимание лишь в примечании. Он даже в таком тоне говорит: «Что было бы, если бы я не взял на себя инициативу обнаружить вашу Синархию, вашу Мудрость!..»

Можно ли считать все высшие школы мистерий древности отделами Братства?

Прочёл интересную книгу Дионисия Ареопагита о Небесной Иерархии, где он дал систему «Ангельских чинов». Он говорит, что «цель всякой Иерархии состоит в неуклонном *подражании богу»* и «что богословие небесные и высшие Существа, равно как и боголюбивейших и священных мужей наших, называет даже *богами».* Он приводит из Библии, что сам Иисус назван «Ангелом великого совета»[170] (т. е. Братства?) (Ис. IX, 6). Мне интересно потому, что не вполне ещё представляю, в какой мере христианская «ангелология» относится к Братству в Высших Мирах.

С сердечной благодарностью читал Ваше письмо от 12 августа, с которым познакомил и старшую группу. Будем хранить в сердце все данные Указания. Чувствую, что наступает время, когда Учение с Гор спустится в долины. Вижу весь простор и все дали. Да, мы подступили к решительным событиям. Вся Европа в настоящее время переживает глубокую смуту. Уверены, если не сегодня, то завтра начнётся взрыв. Но я уже писал Н.К. о том, что мы в Обществе все сплочены самыми дружественными Узами единения. Какие бы ни предстояли переживания, мы во всё большем сердечном объединении будем созидать своё культурное дело и с глубокой верой в Щит Великого Владыки пойдём навстречу БУДУЩЕМУ.

Шлю Вам и Н.К. нашу самую сердечную благодарность и наши самые преданные мысли и лучшие пожелания. Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Элла Рейнгольдовна просит передать Вам свою самую сердечную благодарность за привет Вашего сердца. Ваши мысли о ней дают ей новую силу жизни.

———

[169] *Оссендовский и истина (нем.).*

[170] В русском переводе Библии – «Советником».

Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

30-АВГ-1939

Родные!

Спасибо за письма от Рихарда Яковлевича от 18 августа и Гаральда Феликсовича от 20 августа. Посылаю от Е.И. страницу, которая должна быть вставлена в письмо К. О. Валковскому, – там несколько изменённых выражений, как Вы увидите. Если Вы считаете, что статью *Мир искусства* не нужно давать в *Сегодня* (так же как и другие статьи), то, конечно, я вполне согласен с этим. В конце концов, и Вы, и мы никогда особенно к *Сегодня* не стремились. Также, наверное, и *Для вас,* и *Для всех* тоже с этой точки зрения не подходят. В этом совете друзей мы видим небезучастность, и это уже хорошо. Не будет ли правильно при случае спросить их, а где же именно лучшее пристанище для статей. Ведь если ради дружбы вообще перестать говорить о культуре (а я ни о чём другом никогда не печатаю), то это не будет плодотворно. Может быть, друзья сделают какие-то конкретные предложения, и таким образом культурная работа не только не будет урезана, а, наоборот, достигнет новые множества слушателей. Очень рад, что друзья внимательно следят за биографическими данными. Это лишь показывает известный интерес. Хочется, чтобы этот интерес не оставался в пределах бесед, но и давал бы и всякие прочие полезные следствия. Наверное, Иван Георгиевич дал и *Чашу Неотпитую,* и *Оборону,* и *Друзьям художникам,* и *Славу.* Все эти культурные очерки должны находить добрый отклик. Только подумать, что уже в 1896 году писалось о работах палехских мастеров, а ведь тогда они были совсем в загоне. Четыре английских фунта мы сегодня же авионом переводим Конлану. Кстати, покончите гонорарный вопрос с *Сегодня* и сообщите нам в следующем письме цифру, оттуда полученную; чтобы не было недоразумений, повторяю, что первая полученная цифра пожертвована мною на *Угунс,* а последующая (и последняя) пойдёт для *Фламмы.* Мы вполне согласны с правилами для старшей группы. Пусть эти добрые зовы ещё более объединят культурных работников. Всякие детали около распорядка Вы устроите по местным условиям. Вообще многое из житейских подробностей может быть решаемо лишь на месте. Всякие настроения и впечатления меняются очень быстро, а во всём, прежде всего, нужно иметь основу доброжелательности. Вчера мы получили отзыв о монографии от д-ра Казенса. Получилась целая статья, и мы спросим, можно ли её печатать так и во *Фламме* (в зимнем номере). Сначала она пойдёт в самой большой индусской газете (в Мадрасе), в *Хинду,* которая имеет огромное распространение, особенно на юге Индии. Таким образом соберётся целый ряд серьезных отзывов, и потом мы сделаем для [Вас] сводки отзывов. Вы замечаете, как многоразличен Армагеддон. Очень интересно, что И.Г. напишет о настроении директоров. Ведь колесо жизни оборачивается и оборачивает всё на пользу. Читаем в газетах о панике в Париже, и можем себе представить, какое столпотворение там происходит. Да придёт светлое будущее.

Сердцем и духом,

Н.Р.

Сейчас получили из Сан-Франциско от Е.П.Инге чек на 15 американских долларов, который нужно послать в Нью-Йорк, чтобы получить деньги. Вероятно, это за два тома писем и *Т. Д.* Пришли ещё листовки и 4 монографии.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 1сент. 1939 г.
Утром

Дорогая Елена Ивановна!

Пишу Вам в этот самый грустный день[171]. Взрыв человеческого сознания.

Вчера у нас в Обществе было общее интимное собрание, во время собеседований о

[171] В этот день, 1 сентября 1939 г., Германия вторглась в Польшу. Началась Вторая мировая война.

дисциплине и торжественности мы чувствовали себя объединёнными и сплочёнными как никогда. Эту сердечную нашу мысль о единении, наше глубочайшее переживание хочу Вам исповедовать и в этих строках.

Послал Вам позавчера письмо воздушной почтой. Но так как совсем не уверен, доберётся ли оно до Вас, так как уже тогда на несколько дней было прекращено воздушное сообщение через Берлин, то прилагаю здесь копию содержания прошлого письма. Ибо хочу, чтобы моё письмо непременно дошло до Вас, хотя бы медленной почтой.

Желаю Вам, Н.К., Вашим сыновьям, Владимиру Анатольевичу и всем сотрудникам всего самого сердечного. Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Последнее письмо, которое мы получили от Вас, было от 12. VIII. Может быть, почтовое сообщение с Англией теперь пойдёт через Стокгольм или Финляндию. Не знаю, действует ли также «Via Polognia»[172], вчера ещё шли аэропланы в Палестину.

Сегодня прочёл у Баженова о 23. XI. 39. Сердце порадовалось, Вы знаете, почему.

Елена и Николай Рерих Рихарду Рудзитису, Гаральду Лукину и Ивану Блюменталю

ДОВЕРИТЕЛЬНО.

9. XI. 39

Дорогие Друзья!

Получено письмо от Рихарда Яковлевича от 19 октября с соображениями о сборнике[173]. Сама идея сборника хороша. И если подберётся удачное содержание, то может быть полезный мост культуры. Из телеграммы Вы уже знаете о желании нашем, чтобы мои статьи, выбранные для сборника, были показаны и новым друзьям. Ведь нужно избегать всяких нареканий. Если бы какие-то статьи других авторов, по-вашему, не укладывались в первый сборник, то ведь их легко отложить, не обижая авторов, как бы для следующего выпуска.

Было бы жаль, если первый выпуск оказался бы дисгармоничным. Мы вполне понимаем, что статья Дуцмана [тяжела] своими нагромождениями. Не знаем, какая такая статья *Дворец,* есть ли это имя автора или же это название статьи? В тех случаях, когда самолюбие авторов не позволило бы статью сокращать, то лучше бы её отложить на будущее. Конечно, статьи о балтийском искусстве могут быть вполне консонансны[174] и с другими статьями об искусстве народов. Обращайте внимание на тех из новых друзей, которые хотя бы отчасти отзвучат на книги Живой Этики. Ведь среди них могут такие ищущие души оказаться. Родной Рихард Яковлевич, теперь очень доверительно только для Вас, Гаральда, Ивана Георгиевича и близких друзей, которым Вы найдёте нужным при надобности сообщить. Владимир Анатольевич едет на родину. Но не как наш вестник. Дело в следующем. Уже некоторое время мы замечали в нём резкую перемену, которая доходит до того, что после целого ряда лет принципиального вегетарианства он стал ярым мясоедом. Вместе с тем ярко процвели те черты, которые были у него в зачатках. Вы помните последнюю страницу в *Чаше Востока,* строка 10-я сверху[175], – так это и случилось. От книг Живой Этики отошёл. Появилась болезненная скрытность и невероятная подозрительность и даже, увы, привирание, и в больших размерах, так же как и поражающая изворотливость. Последние годы обнаружилось устремление к романтическим приключениям и к женитьбе. Началась переписка со многими особами в разных странах. Делалось это через какие-то клубы – мы были совершенно не в курсе происходящего. Кульминировалось всё это, когда в начале октября он неожиданно сообщил, что он женится, уже помолвлен год и невеста его из Америки приехала уже в Индию. Всё было сделано по переписке, никогда он её не видал и

---

[172] «Польская дорога» *(лат.).*

[173] Имеется в виду альманах *Мысль. – Г. Р.*

[174] созвучны (от *англ,* consonance).

[175] «И как вода развивает жар негашёной извести, так учение вызывает к ярому действию каждую неподозреваемую, дремлющую потенциальность в ученике».

до помолвки он переписывался с нею лишь в течение полугода. Мы узнали лишь, что она служила тайписткой[176] в Нью-Йорке и была иудейского вероисповедания. Хотя мы были весьма поражены такими неожиданностями, но, конечно, принимая во внимание странности его характера, выразившиеся за последнее время, мы не могли ничего посоветовать, ибо всё было бы принято за оскорбление и насилие. Он получил с сохранением жалованья трёхмесячный отпуск и 11 октября отбыл в ближайшее место, где мог бы быть оформлен брак. Затем мы узнали, что он снял недалеко от нас небольшой дом, несмотря на то, что у него был свой дом, выстроенный в то время, когда он собирался вступить в брак с г-жою Кесберг. На одну ночь он приехал с прибывшей особой в этот дом, а затем мы узнали к изумлению, что на следующее же утро эта особа отбыла обратно в Америку. Конечно, этот экстраординарный эпизод поразил всех жителей долины. Через несколько дней он пришёл к нам в крайне возбуждённом состоянии и заявил, что помолвка его остаётся в полной силе, но что его невеста так невзлюбила Индию, что сюда более не вернётся. Затем с его стороны, без всякого нашего повода, разговор принял непозволительный характер, и он стал обвинять нас в том, что мы его эксплуатировали, и тому подобные грубые и тяжкие нелепости сделали дальнейшее сотрудничество невозможным. Тем более, что он не нашёл нужным даже извиниться. Среди разных нелепостей мы узнали, что он создал мою художественную и литературную репутацию в Индии (?!). Прилагаю для Вашего личного сведения копию моего письма к нему, которая выяснит Вам наши последние формулы. Был получен совет от Великого Владыки, что ему нужно уехать, в силу его этой одержимости. Вчера он пришёл и заявил, что он поедет теперь повидать родителей и мы ему даём проезд. Всё это совпадает с самым трудным временем, и он знал о наших финансовых затруднениях. Он остаётся здесь ещё некоторое время, чтобы ликвидировать своё имущество, которое не малое. Среди прочих вещей более полутора тысяч книг, которые везти невозможно, и он будет ликвидировать их здесь. Сообщаем всё это Вам, ибо Вы должны быть в полном курсе дела. Особые черты его характера не позволяли во многом доверять ему. Так, например, некоторые Ваши письма ему не читались и в таких случаях передавались лишь общие места.

Вот какие дела происходят в армагеддонное время. Официальная версия отъезда будет, что он уезжает в долгий отпуск, чтобы посетить родителей. В каких настроениях он доедет, трудно себе представить, но злобы в нём сейчас не мало. Таинственная неудача в его женитьбе окрасила и все другие отношения в безобразные цвета. *Фламма* прерывается из-за невозможности посылать её за границу. Всё печатное не может быть посылаемо отсюда, хотя из других стран сюда мы получаем свободно. Но отсюда ни печатные матерьялы, ни деньги не могут быть посылаемы. При первой возможности мы перешлём все остающиеся номера и матерьялы *Фламмы* Фосдику. Может быть, там захотят напечатать зимний выпуск этого года, ибо деньги на него имеются. Только что мы имели сведения от Фосдика о новых подписчиках, тем более обидно прерывать дело растущее. Но по армагеддонным обстоятельствам и не то бывает. Пожалуйста, сообщите о причинах перерыва *Фламмы* как местным подписчикам, так и друзьям, с которыми Вы в переписке. Особенно сообщите Е.Инге, чтобы она сейчас не посылала денег для *Фламмы* и не писала на имя Владимира Анатольевича. Конечно, по нынешним обстоятельствам нельзя себе представить, когда явится возможность переслать все матерьялы *Фламмы* Фосдику, а без них не выйдет. Почтовые трудности настолько велики, что мне нужно было переслать в Европу две небольшие картины, но вот уже два месяца, как невозможно получить разрешение на отсылку двух небольших гималайских пейзажей. Конечно, такие же всякие трудности ощущаются сейчас в большинстве стран.

С какою радостью читали мы Ваше *Братство Св. Грааля.* Читали ли Вы книгу о Сен-Жермене Купер-Оклэй, в которой приводятся страницы из дневника маркизы д'Адемар, они очень интересны. Может быть, о них можно было бы включить. Пришло ещё 20 копий монографии. Сейчас пока больше не посылайте. Продолжаются очень хорошие отзывы. Можно видеть, как восторженно принимают монографию люди доброжелательные и совсем нам незнакомые лично. Надеемся, что книжные разговоры И.Г. протекают успешно. Так нужно, чтобы это дело было успешно. Всё будет ко благу. Щит Света охранит всех устремлённых к заветам Культуры. Сердечные мысли наши с Вами всеми. Храните в сердце мужество и самое крепкое доверие. Очень ценим каждую Вашу весточку.

---

[176] машинисткой (от *англ,* typist).

Сердцем и духом с Вами,

Е. и Н. Р.

———

Николай Рерих Владимиру Шибаеву

6-XI-39

Добрейший Владимир Анатольевич!

В письме Вашем от 4-го сего ноября Вы спрашиваете о подробностях возможного продолжения Вашей секретарской работы. К сожалению, то, что Вы высказали во время Вашего последнего с нами разговора, что мы эксплуатировали Вас и вообще хотели бы, чтобы все работали на нас даром, и все те недопустимые выражения, которые, к нашему великому изумлению, Вы допустили в отношении Елены Ивановны и меня, предрешили невозможность дальнейшего сотрудничества, как Вы, видимо, и сами это понимаете.

Также Вы сообщили нам, что Ваша помолвка остаётся в полной силе, но невеста Ваша так невзлюбила Индию, что более не вернётся в эту страну. Таким образом, это её решение накладывает на Вас, как мы это понимаем, обязательство найти ту страну, которая бы ей полюбилась, и мы в деле Вашей женитьбы никоим образом не желаем быть каким-либо затруднением. Потому мы вполне идём Вам навстречу в выборе Вами новых планов жизни, тем более что в нынешнее экстраординарное мировое положение и при особо затруднённом финансовом вопросе ни мы и никто вообще не может давать гарантий за будущее. Потому, например, если бы Вы решили избрать новую страну, которая более отвечала бы Вашей невесте, мы готовы оплатить Ваш личный билет до места, Вами избранного.

Мы знаем, что нет обычая оплачивать содержание во время отпусков частных служащих, и Вам был дан по Вашему желанию трёхмесячный отпуск с сохранением жалованья. Что же касается до разницы в десять дней от 1 октября до 11 октября, т. е. до дня Вашего отъезда в отпуск, то эта разница зачислилась бы в Ваше январское жалованье. Но так как Вы желаете теперь же получить эту разницу, то мы препровождаем её Вам при настоящем письме, что и будьте добры подтвердить.

Конечно, и вопрос о *Фламме,* которая, вследствие военных обстоятельств, прервалась, должен быть решён незамедлительно и денежный остаток и остающиеся №№ журналов должны быть отосланы президенту «Фламмы» Джину Фосдику на его усмотрение. Мы ожидаем Вас в любой день после двенадцати часов, чтобы привести всё в порядок.

Всего доброго.

Н.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

3 дек. 1939г.

Дорогая Елена Ивановна!

Великую радость мне принесло Ваше письмо от 9. XI. Сердечное спасибо также за карточку от 19.X. Читал я также письмо Юрия Николаевича. Так радостно, что переписка, хотя и замедлилась, всё же может продолжаться. Глубоко тронуло нас Вами переживаемое. Если Владимир Анатольевич, при теперешнем своём настроении, едет в Ригу, то и нам предстоит немалая задача и ответственность. Понятно, будем относиться деликатно, но осмотрительно. Большое спасибо за подробную информацию. Но скорее надо полагать, что он не направится сюда. Притом К О.Банковский уже писал ему, что его ждёт здесь налог за просроченный паспорт, с 1928 г. (около Ls 800). Если же он приедет, то могут возникнуть две проблемы: в нашем ведении (в магазине) имеются ещё его комиссионные книги *(Пути Благословения, Листы Сада Марии,* Селиванова и пр.), являются ли они его собственностью или отчасти и Вашей, брал ли он книги на комиссию от Г. Гребенщикова и пр.? Иван Георгиевич говорит, что у него, как представителя *Алатаса,* имеется ещё старое требование

к Владимиру Анатольевичу (около Ls 1500?). Далее, я получил когда-то через г-жу Кезберг его архив из сейфа. Там и письма Н.К., и его переписка, какие-то дневники и пр. Другую часть, вместе с книгами В.А., я получил от хозяйки квартиры г-жи Кезберг. Тут была и копия какого-то договора акционерного общества «Bel». Понятно, Вашу архивную собственность не вернём ему: как-нибудь уж сохраним. Далее, его собственностью считаются и две картины Н.К. – *Альпы* (этюд) и *Цзон-ка-па* и два рисунка Святослава Николаевича – *Портрет Н.К.* и *Тибетец.*

Как я уже предвидел, я только что узнал, что родители Владимира Анатольевича – как ни странно это звучит – *«репатриировались»,* т. е. уехали в Германию. Мать его немка, и отец поехал вместе с нею на новую родину. Мы думали, как помочь им, и этим летом Мисинь дал отцу работу на своей службе, в деревне – надзор над стройкой одного училища, работа, по словам Мисиня, была лёгкая, жалованье тоже довольно хорошее, но через месяц А. Шибаев отказался, жаловался на труд, потребовал почти вдвое большее жалованье и пр. Мисинь даже одолжил ему известную сумму денег, так они расстались. Я хотел Вам телеграфировать, но, без сомнения, родители уже известили своего сына, потому маловероятно, чтобы В.А. ехал сюда. Из Латвии уже уехали 44 тысячи немцев, среди них были и некоторые латыши и русские. Сами они не сознают, *куда* они едут. Также из Общества уехали семь членов, включая чету Иогансон, которые хотя и считались членами, но Общество уже три года не посещали. Среди молодых были и устремлённые члены, особенно жаль Гофмейстера, который хотя и был несколько наивен в своей сердечности (его восхищение Тигерстедтом!), но был огненный человек и чистое сердце. Он, без сомнения, и соберёт там всех друзей Учения. У нас он в руководстве помогал г-же О.Н.Крауклис. Но и с ним дело странное: сам он полудатчанин, полурусский, но едет туда, чтобы искупить свою карму, сознательно жертвенным путём, потому мы не могли его удержать. Далее, в Берлине уже проживают два друга Учения – г-жа Кезберг и М.[177]

Всеми силами стараюсь сохранить от приближения армагеддонской волны и Общество. Особенно теперь, когда динамика времени достигла своего апогея, когда кругозор открывается столь необъятный, когда приступаем к строительству Нового Мира. За эти три месяца и мы немало прочувствовали и пережили. Вполне сознаю, что лишь из единения каждый росток может получить свою незыблемую силу. Девизом хотелось бы поставить Ваш совет: «Храните в сердце мужество и самое крепкое доверие». Да, именно члены общины должны быть также и взаимно связаны самыми священными узами доверия. К нуклеусу присоединилась и Екатерина Яковлевна, и я особенно рад ей, так как она стопроцентно человек Учения и её советы мне самые близкие. Клементия Станиславовича не желаем часто волновать вопросами, хотя и его совет иногда необходим. Но всё же нельзя оградиться и от других старших, как это оба моих друга[178] желают, чтобы старшие группы не превратились *лишь* в заседания для теоретического изучения Живой Этики. Надо ввести и других постепенно во весь простор действительности, надо расширять сознание всего Общества. Так, мои друзья решительно настаивали, чтобы, например, о Книге даже старшие узнали лишь пост фактум. Но время меняется. И моё мнение, что священное дело, где выступает всё Общество, требует оповещения и опоры и других старших сотрудников. Можно представить, какая последовала бы обида! Потому и передали и беседовали об издании. Порою непонятно и даже мучительно, почему мои друзья привыкли относиться к некоторым членам правления пренебрежительно. Понятно, это чувствуется и может создать атмосферу недоверия. Ведь нет среди нас людей второстепенных, все мы братья и каждый должен исполнить свою ответственную обязанность наилучшим образом и по широте своего сознания. Например, сколько раз я слышал о К.О.Валковском: да он ничего не в состоянии понять. Но как я, так и Екатерина Яковлевна убедились, что его недостаток лишь в том, что он мыслит слишком медленно и осмотрительно, что получил меньше образования, но в общем понимает кругозор, хотя порою более индивидуально. Но в этом смысле оба наших друга, Г.Ф.Лукин и И.Г.Блюменталь, напротив, в своём направлении порою мыслят «слишком быстро», иногда забегают вперёд и устраивают даже «post faktum'bi», начиная с юпатовской поездки в Таллин, иногда и теперь, и это тоже порою является трудностью. Понимаю, что здесь, по отношению к К.О., выказывается также разница темпераментов. Далее, что получится, если

[177] Неустановленное лицо.

[178] Здесь и далее своими друзьями Р. Рудзитис называет И. Г. Блюменталя и Г.Ф.Лукина. – *Г. Р.*

нечто будет строиться лишь рядом с Обществом? Корень всего, даже самого внешнего, культурного строительства не должен ли зиждиться в единении и в духе Учения, хотя надо считаться и с сознаниями и условиями. Но знаю горение моих друзей, что они не забывают и Учение, понимаю также их особые условия. И я всегда искренне радовался большому огню моего друга в его великом деле, всегда ценил его за незаменимость и старался по возможности не прекословить ему и даже уступать, чтобы не ослабить его пыл и не повредить культурному делу, особенно когда увидел, что некоторые мои соображения приносят ему огорчение. Так было и в связи с изданием. Я полагал, что истинные друзья в состоянии спокойно разобрать и принять во внимание любое соображение. Но он мне теперь признался, что из-за своей болезни он даже чисто физически не может перенести противоречия... Он, можно сказать, занимает индивидуальное положение в Обществе. В группу приходит сравнительно нечасто, по болезненности или другим причинам. Я советовал ему познакомиться с большим числом членов. Он во многих видит ханжество. Он человек не теории, но практики – культурной деятельности, и по этой причине он принесёт ещё неоценимые услуги. Не знаю, почему посланный Вам устав Общества он считал столь возвышенным и почти недосягаемым, но здесь ведь изложены лишь самые популярные основы Этики. Из всех книг он больше любит *Общину.* Так он, как и Гаральд, уходит всецело в свою деятельность. Моей же обязанностью при этом остаётся сохранить единение в Обществе, устранить сомнения и конфликты, даже и в связи со старшими. Потому моя просьба, чтобы друзья помогали согласовать и сознание Общества с динамикой времени. Внутренняя жизнь, в конце концов, ведь должна согласоваться с внешней. Потому я в последнее время и выступал с некоторыми рефератами об Учении как отражении реальности и на всех четвергах старался соблюсти по возможности этот дух.

Далее, кабы и Гаральд больше думал о своих нервах. Прекрасен он при энтузиазме, мил в широко культурных мечтаниях, но при его раздражении – даже сутки чувствую усталость. Кабы он прислушивался к мнению и своего собеседника, терпел даже неприятное! О своей боли и Е.Я. писала Вам. Простите, что пишу Вам об этом.

Я много раздумывал о месте в Вашем письме от 1.X.37 г. – что «нужно всех щадить и избегать волнующих, вернее, раздражающих вопросов. Я крайне осторожно касаюсь каких-либо слабых сторон моих корреспондентов и избегаю, за редким исключением, так называемых личных наставлений. Люди сейчас стали особенно чувствительны, и потому не только малейшее неодобрение их проявлений или действий, но даже простой совет, если он не отвечает их желанию, вызывает обиду. Для яркого воздействия нужно личное присутствие». Но приходилось убеждаться, что и личные советы иногда ни к чему не приводили, особенно в связи с той или иной ошибкой, или оплошностью, или даже сознательно недостойным проступком со стороны членов. Да, в это время кульминации Армагеддона иные стали столь чувствительны, так скоро огорчаются, что приходится с каждым обращаться «по сознанию». Но если с людьми Учения нельзя говорить как с самим собою, то с кем же тогда? Ещё вчера я задал себе вопрос: принесли ли пользу наши многочисленные интимные заседания о самодисциплине? Кабы скорее в самих себе видели нарушение дисциплины, чем в других. Но понимаю, что никому теперь не легко, даже можно сказать – всем так или иначе трудно. У кого же нет своей боли? Так, я мог бы многое рассказать хотя бы из жизни каждого из старших членов. Понимаю все неприятности Гаральда в его личной жизни, также в денежном вопросе, с постройкой дома, также в связи с долгом за монографию. И.Г. из-за болезни печени собирается в конце месяца отправиться в санаторий. Александр Иванович выстроил новый дом, сильно задолжал, но в связи с «репатриацией» квартиранты ушли, он не в состоянии больше платить и пр. Так и другие члены или болеют, или у кого-то дома больной, или – семейная трагедия и т. д. Слышу порою жалобу о тоске и непереносимой тяжести на сердце. Но такова теперь вся жизнь. Указываю, – как другие народы страдают, мы ведь счастливы, тоска пройдёт. Потому я уверен, что если в Обществе и являются диссонансы, то это случайные тени, которые должны исчезнуть.

Много также думал о «мере сердца» (*Сердце,* § 573). Где то самое точное мерило, которое могло бы дать тотчас же самое правильное решение? Понятно – накопленное чувствознание и Иеровдохновение. Но, для того чтобы знать, у кого чувствознания больше и у кого суждение правильнее, для того также надо обладать истинным чувствознанием.

Теперь относительно издаваемой Книги, которой всё время живём и горим, радуемся и печалуемся. У нас теперь с другом самое тесное сотрудничество. Немало затруднений приходилось разрешать почти ежедневно. Всё же вначале дело шло не так, как я мечтал. Я был очень благодарен другу за его инициативу, лишь поощрял её, но, зная его малоопытность в издании, я не мог не просить о сотрудничестве во всех подробностях. Особенно когда увидел, что на двух коротких заседаниях так спешили, что не был выработан даже план, когда были заказаны статьи у нескольких лиц, которым потом пришлось отказать, и пр. Ведь в таком священном деле, где выступает всё Общество, лучшую меру можно выявить именно сообща. Я потом предложил расширить сборник, введя сюда художественное сотрудничество всех четырёх стран, поместить также Ваше письмо о Мысли и соответствующие репродукции. Теперь о случае с Александром Ивановичем. Меня поразило, что мой друг заказал также у него статью о мысли, хотя раньше говорил, что его участие нежелательно из-за того, что А.И. когда-то обратился к кому-то из советского полпредства с предложением распространить его книги. И когда раз на интимном заседании Иван Георгиевич, разгорячившись, стал упрекать А.И. по поводу его обращения и пр., последовал конфликт. А.И. написал ему самое резкое письмо, основанное на недоразумении, но и на огорчении. Понятно, А.И. когда-то совершил ошибку и это, как Ивану Георгиевичу казалось, может быть, мешало и книжным делам, но лучше было бы поговорить наедине. На мой совет немедленно пойти к А.И. и объясниться, так как все недоразумения, которые часто вытекают из недоговорённости и невежества, надо тотчас же ликвидировать (§171 из *Общины),* И.Г. ответил, что считает невозможным вообще на такое письмо ответить, особенно если один из самых старших членов так относится. И именно в день получения письма мне пришлось самому поехать к Ивану Георгиевичу, чтобы выяснить одно недоразумение, у нас было достигнуто полное взаимопонимание, и я очень просил его, если он что-либо не понимает в моих словах или мнении, пожертвовать часом и немедленно сообщить мне и быть всегда искренним. Также пока не удалось ликвидировать и другой конфликт – между четой Мисинь и Гаральдом Феликсовичем. Всё же не верю, чтобы метод, на который я не раз указывал в Обществе, – что смирением и великодушием можно устранить любой конфликт, если во взаимоотношения кладётся кристалл сердечности, – потерпел неудачу. Как я уже писал, это эпизоды случайные, которые со временем получат исцеление. Ибо знаю добродушие сердца моих сотрудников. Я запоздал со своим письмом к Вам, ибо передал здесь несколько трудных мыслей. И знаю, что когда мы подошли к решающим событиям, нет времени заниматься мелкими явлениями, что нужно направить «мысли на самое главное и оставить все мелкие действия», что именно теперь нужно самое широкое содружество и единодушие и сотрудничество. Но ради успешности дела и утверждения в единении хотелось бы знать и Ваше мнение и совет.

Положение Клементия Станиславовича, можно сказать, несколько ухудшилось. Хотя кровотечение прошло, но боли усилились. Даже его мысль порою насыщена этим страданием, хотя он мыслит чётко и держится мужественно! Ему трудно также в его семье, приходится постоянно успокаивать домашние неурядицы и т. д. Я ему советовал найти возможность жить отдельно от семьи, возможно, что он переедет в Межапарк, зелёный район Риги.

Пока кончаю письмо. Шлю свои преданные мысли и пожелания Вами Н.К.

Искренне Ваш,

Р.Р.

9 дек. 1939г.

Спасибо за письмо Н.К. от 17 ноября: в пути тоже было всего две недели.

Хочу Вам передать о следующем случае. В Риге существует группа «автоматических писателей» – из них два художника, один учитель и студентка, все образованные и устремлённые люди. Руководит ими художник Ап[ситис]. Сначала он три года занимался спиритизмом, порою чувствовал, что занимается тёмным делом, наконец им овладел ужас и он боялся одержания, пока после молитвенного обращения к Богу не получил спокойствия. В конце концов после непреклонного искания получил дар автоматического писания, которым занимается уже 4 года под руководством светлого гуру. Удивительно то, что это руководство его истинно преобразило: вначале у него не было никаких духовных интересов, даже понятия не имел о восточных проблемах, теперь через письма своего гуру получил

незыблемую веру в перевоплощение, карму, Белое Братство и пр. Тот предостерегал его также от хатха-йоги и других механических упражнений. Также указал быть осторожным с духами, ибо тёмные духи иногда прикидываются светлыми. Ап[ситис] уверяет, что он достиг теперь дисциплины мышления и чувств. Он был у меня, рассказал о своей жизни и показал свои писания и символические рисунки. В письмах постоянный лейтмотив: будь добр, делай добро, люби и служи Богу и пр., популярно, но светло. Интересно то, что его дух под конец советовал обращаться к новому Учению – к г-же Ренкуль и ко мне за некоторыми знаниями. Ап[ситис]у было указано остаться при своей вере, но уважать и новое Знание. Перед свиданием с ним я прочёл всё из *Писем* о медиумизме и был с ним осторожен. Во время беседы даже рассказал ему по его просьбе (конечно, осторожно) наше мнение о медиумизме. При уходе он впал в полутранс и «дух заговорил через него». И дух обратился ко мне в таком роде: «Всё, что ты утверждаешь относительно медиумизма и автоматического письма, верно, но лишь для тех, кто это делает из-за материальных благ. Но в данном случае, того, кто всеми силами духа, всем сердцем, всей любовью служит Богу и людям, – того мы, духи, направляем ко благу. Теперь, когда тьма так напряжена, когда эволюция так ускоряется, всем светлым духам надо объединиться. И тебя очень прошу, не покинь А. одного, дари ему своё доверие, которое он вполне заслужил, ибо он идёт путями правды и истины». При этом я почувствовал очень сильные, даже чисто физические токи и на другой день чувствовал свою голову как разбитую. После этого уже месяц как с ним не встречался. Понятно, в Общество его пока не допущу. Но так как у его группы сильное желание учиться, то г-жа Ренкуль недавно занялась с ними чтением Живой Этики у себя дома. Понятно, медиумизм они отбросят, когда дорастут до осознания всей вредности его. Как-нибудь помочь им надо, но к теперешней их батарее надо подходить очень осторожно. У них несколько раз бывал и Александр Иванович, раз даже Евгений Александрович.

Мы решили в магазине продавать всем *Письма* и *Листы Сада Марии* с введением. Уже наступает сороковой год.

Осенний номер женевского *Вестника* говорит об уходе дочери Е.Ф.Писаревой.

Единственные письма теперь получаю с Востока.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

19-ХП-39

Дорогой и родной наш Рихард Яковлевич!

Должна была воздержаться от перегружения почты ввиду того, что в сентябрьские и последующие дни большинство из посланного нами материала было возвращено местною цензурою. Но сейчас и в этом важном вопросе наблюдается уже некоторая налаженность. Так, явилась возможность посылать и печатные материалы в дружественные и некоторые нейтральные страны, хотя точно ещё не знаем, какие именно страны входят в число этих избранных; вероятно, и это скоро выяснится. Возможно, что получим разрешение и на вторичную и теперь более удачную посылку осеннего номера *Фламмы,* а то получилось совсем неладно. Часть подписчиков, скажем, в Америке, получила номер *Фламмы,* до других же, в той же Америке, он не дошёл. Также только на днях вернулся номер *Дивайн Лайф,* посланный Вам ещё в августе. Очень жалею, ибо там была статья Дикмана. Но Ваш труд о Граале я получила в полной исправности, также и два экземпляра общего плана. Можете себе представить мою радость при чтении столь близкого моему сердцу труда! Дорогой Рихард Яковлевич, считаю Вас современным бардом Великого Грааля во всей всеобъемлемости этого Понятия. Учёный и поэт – это совмещение не часто встречается, а у Вас оно налицо, и учёность Ваша именно настоящая. И труд этот явится великим пламенным, неугасимым Светочем. Пишите и ничем не смущайтесь, Щит Света покрывает Вас.

Конечно, основание книги должно быть заложено на исторических фактах, легендах, сказаниях, песнях и поэтических вымыслах всех стран и народов, эта историчность придаст и так называемую научность труду, но главы о внутреннем, сокровенном значении Братства Грааля от его начала и до наших дней могут быть захватывающе интересны. Вы правы

разделить труд на два тома. Но не знаю, следует ли главы, отмеченные Вами зелёным карандашом, помещать во второй том. Свидетельства таких учёных, как Томас Воган, Цома де Керёз и др., Вами названные, не менее историчны, нежели все данные о Пресвитере Иоанне, Аполлонии Тианском, Беловодье и т. д. Конечно, лишь к свидетельству китайца Лаодзина нужно отнестись с некоторой долей осторожности. Боюсь, что это лишь компиляция, составленная на основании одной книги Франца Гартмана. К сожалению, не помню сейчас её оглавления. В этой книге описывается, как один учёный в поисках Махатм таинственным образом достиг Их Обители, затем его встречи и беседы с Ними, демонстрации Их чудесных нахождений, там же приведено и описание Храма Жизни или Знания и даже встречи с двумя Сестрами Братства. Эти свидетельства о Внутренней Жизни Братства были записаны Францем Гартманом, несомненно, со слов Е. П.Блаватской, и с некоторыми изменениями переданы в литературной форме. Потому мой совет сделать краткое примечание, что лично Вы с этим китайским врачом не встречались и всю ответственность за сообщаемое возлагаете на газету, или что-нибудь в этом роде.

Теперь думаю, что легенду о Камне из *Криптограмм [Востока]* следовало бы поместить целиком, может быть, в отделе поэтических сказаний. Каждое напоминание о Камне не должно быть забыто, ибо Камень этот означает ручательство и особое покровительство Грааля. Он посылался некоторым вождям народа. По всей истории человечества проходит эта вера в священный Камень, охраняющий страну, в которой он находится. Братство Грааля хранит Камень, посланный с Ориона, и принят он был Великим Учителем Ясоном, который положил его в основание братской Общины. Сам Камень хранится в Общине, но осколок его снова и снова посылается в мир, чтобы сопутствовать великим событиям.

Пишите и помните, что и Ваше свидетельство станет историческим достоянием. Советую вставить и свидетельство Н.К. о Камне из его очерка *Камень* в книге *Врата в Будущее.* Это свидетельство тем интересно, что оно говорит о *современном* почитании и искании Камня. Ведь официальное лицо, монгольский чиновник приехал к Н.К. на стоянку, чтобы предупредить о Камне, который двигается и может появиться неожиданно, ибо он появляется около священных мест, а стоянка Наран Обо именно была таким местом. Вместо имени *Ясон* лучше просто сказать *древний учитель принял...*

Вы правы, что Парсифаль и Лоэнгрин заслуживают тонкого анализа и под их западным одеянием можно будет рассмотреть восточное обличье.

Меньше другого вижу главу о происхождении человеческих рас, как бы это не слишком осложнило Ваш труд. Но сказание об Атлантиде можно уже упоминать без страха быть обвинённым в ереси и в полном измышлении, ибо факт существования материка Атлантиды уже принимается образованною частью общества. Также такие страницы о Сен-Жермене, которые встречаются в дневнике маркизы д'Адемар, можно считать вполне достоверными, и они особенно ценны тонким изложением фактов, которые принято обходить презрительным молчанием или же сопровождать невежественной усмешкою. Не случайно она была поставлена свидетельницей их, также не случайно и Вы пишете Вашу книгу; великое Доверие и поручение даны Вам, и, конечно, Ваше проникновение в Учение Света помогает Вам вложить новую жизнь, полную значения, в запылённые и затемнённые невежественным толкованием облики Истины. Привожу Вам параграфы из книги *Надземное:* «Вы знаете о многих предупреждениях и наставлениях, посылавшихся человечеству. Сопоставьте смысл поучений Пифагора с письмами Пресвитера Иоанна, с деятельностью Сен-Жермена и письмами Махатм и везде найдёте заботу об оздоровлении человечества. Пусть наставления даны на различных языках и носят следы современной им эпохи, но поучительно следить за основами этих посланий. Люди иногда считали такие писания подложными, но разве не бросается в глаза, что в разные века жила *одна мысль!* Многие писания приписывались определённым лицам, но ещё больше существует писаний анонимных. Можно видеть, как они проникали в разные страны и имели своих последователей. Нужно изучить эту огромную литературу, ибо она не собрана и не сопоставлена по внутреннему смыслу. Люди часто жалуются, что они не имеют руководства, но возьмите с полок книгохранилищ рукописи и печатные труды, чтобы убедиться, какое множество неизвестных авторов трудилось над эволюцией человечества. Не забудем, что некоторые из этих деятелей имели несколько псевдонимов. Таким образом, невозможно

собирать труды по авторам, но лишь по их *внутреннему* смыслу. Мы не дорожим Нашими именами, ибо в долгой жизни слишком много имён сменяется. У Нас почитают смысл труда, но не придают значения – находится ли имя на первой или десятой полке. Также не забудем, сколько рукописей было уничтожено руками явных завистников. Мыслитель говорил: “Можем ли быть уверены, что наши писания сохранятся под нашими именами? Не будем думать об этом, ибо такие помыслы суть лишь трата времени”».

«Вы знаете, с каким трудом сопряжён разбор семейных архивов. Сведения, наиболее значительные, могут быть упомянуты небрежно, имена, самые известные, могут быть помянуты условно, или буквами, или прозвищами. [Наконец, всё изложение может быть составлено в условном стиле. Последнее случалось нередко из опасения, потому] некоторые архивы, которые считаются изученными, на самом деле содержат много незамеченного.

Такие архивы, как Шуазёля, Гёте, Строганова, содержат немало полезных сведений. Такие данные особенно показательны для Внутренней Жизни Братства. Нужно благодарить Адемар за оставленные записи, без них многие страницы деятельности Сен-Жермена не были бы освещены. И кто-то будет изумляться, к чему понадобились записи Адемар, когда Мы могли пояснить всё ещё полнее? Но люди ценят показания их современников, и такие записи будут в глазах человечества доказательством гораздо более действительным, нежели Наше анонимное извещение. Также нужно изучать записи арабские и [записи] Ирана, там можно найти свидетельства путешественников. Также можно понять, почему Мы так часто говорим о сотрудничестве. Повествование, повторённое в разных веках лицами историческими, даёт самое реальное свидетельство. Удивительно, как проникали сведения о Братстве в неожиданные страны! Можно найти их в Ирландии, в Норвегии, в Испании, туда несли сведения мореходы *с востока.* Пусть исследователи не пресекают пути свои. Нахождения могут быть неожиданны. Мыслитель поучал не отчаиваться: “Ищущие, не можете знать предела нахождений”».

«Много полезных записей можно найти вне государственных книгохранилищ, в семейных архивах. Большое заблуждение думать, что государственные книгохранилища могут исчерпать весь материал, оставшийся в рукописях. Такое же заблуждение полагать, что огромное количество напечатанных книг покрывает наиболее важные вопросы жизни. Наоборот, можно утверждать, что самые важные записи остались неизданными и погибают в семейных архивах и подвалах. Устрашающа мысль, что множество человеческих неповторяемых достижений гибнет. Следует начать охранять частные архивы, но это начинание не лёгкое. Невозможно предположить, что всегда будут особенно интересны архивы людей известных, могут быть самые замечательные записи среди неизвестных обывателей. Они могли быть свидетелями очень поучительных явлений, они могли слышать от старших поколений утверждения, которые даже не были повторены потомками. Никому не приходило на ум печатать такие записи. Также много хроник пропадает в монастырях и в разных конгрегациях. Очень велико количество уже пропавшего, но многое ещё зарыто в пыли. Не должны люди говорить, что они не имеют сведений по различным вопросам, они должны чувствовать, как многое заботливо записано и лежит в темницах. Пусть каждый отнесётся внимательно, когда он слышит о записях, кем-то хранимых. Многие блестящие мысли были погребены от скромности и от лености. Также и среди книгохранилищ найдутся неразобранные свёртки рукописи. Мыслитель поощрял в своих учениках желание охранить семейные записи».

У меня имеется статья из журнала *Либерешен*[179] *– Был ли Линкольн руководим Великими Учителями?,* также и *Эпизоды из американской истории.* Пробую переписать их для Вас. Вы можете сделать из них выписки для главы *Посланники.* Приведу по-английски для большей достоверности и пока что лишь частично. Остальное дошлю позднее.

«It was during the evening of July, 1776, that the second of these mysterious episodes occured. In the old State House in Philadelphia a group of men were gathered for the momentous task of severing the last tie between the old country and the new. It was a grave moment and not a few of those present feared that their lives would be the forfeit for their audacity. In the midst of the debate a fierce voice rang out. The debaters stopped and turned to look upon the stranger. Who was this man who had suddenly appeared in their midst and transfixed them with his oratory? They had never seen him before, none know when he entered, but his tall form and pale face filled them with

[179] *Liberation (англ.) – Освобождение.*

awe. His voice ringing with a holy zeal, the stranger stirred them to their very souls. His closing words rang through the building: “God has given America to be free! ” As the stranger sank into a chair exhausted, a wild enthusiasm burst forth. Name after name was placed upon the parchment, the Declaration of Independence was signed. But where was the man who had precipitated the accomplishment of this immortal task, who has lifted for a moment the veil from the eyes of the assemblage and reav-eled to them a part at least of the great purpose for which, the new nation was conceived. He had disappeared, nor was he ever seen again or his identity established. This episode parallels others of a similar kind recorded by ancient historians attendant upon the founding of every new nation. Are they coincidences, or do they demonstrate that the divine wisdom of the ancient Mysteries still is present in the world, serving mankind as it did of old?..

From Hall's Cyclopedia of Masonic
and Symbolical Philosophy.

...Mr. Lincoln entertained us by the relation of some peculiar mediumistic experiences he had enjoyed with a medium by the name Conkling. As the President paused, there was an instant of absolute silence.

Suddenly, a younger daughter of Mrs Laurie, who had been sitting in another part of the room, arose and slowly advanced to the place where we were all sitting. Her eyes were tightly closed. Stepping forward, she paused directly in front of the President and raising her right hand, dramatically, she pointed to Mr Lincoln and addressed him pointedly upon the subject of human freedom. She closed her remarks by declaring in a most impressive manner:

“There is in the spirit world a congress of wise spirits who hold the welfare of this nation in their keeping. You, sir, have been called to your present position to serve a great and mighty purpose. There are today thousands who are in physical bondage from whose neck the yoke of oppression must be lifted, that this republic may lead the world. Thou art the man!

Issue, we implore you, a proclamation of emancipation giving freedom to the slave and from that hour victory will crown the Union Army and heaven and humanity will be served”.

I wish you might visualize that young girl as she stood there in the dimly-lighted room, her hair falling to her waist, her face aglow with enthusiasm. She was the very personification of inspiration. Joan D'Arc in her most illumined moments could not have manifested more power. We listened spell-bound to her burning words and when they were ended there was not a dry eye in the room.

The young girl finally recovered consciousness and started back, abashed at having addressed the President. Mr Lincoln was greatly overcome by what he heard, which was in fact one of the most powerful pleas for human rights to which I ever listened. The controlling spirit was said to have been *seneca*, the great Roman philosopher.

On taking our departure the President turned to me and said: “I am deeply impressed at what I have heard”.

This was late in December, 1862. On January 1st 1863, the great Emancipation Proclamation was issued and from that time the twenty-six battles that followed were all successeful to the Union side. The exact prediction of the girl had been fulfilled.

How many great men at high-voltage situation in their lives when great issues depended on their actions, have been visited by similar counsellors and given concrete instructions for the benefit of humanity, will never be known. But the ignorant lay public, skeptical because of its general illiteracy in such matters, would be stupefied if it knew the numbers of men high in counsels of government and business even in the present time who seriously accredit and act upon advice which come to them clairaudently...»

(«Второй из этих таинственных эпизодов произошёл июльским вечером 1776 года. В старой ратуше в Филадельфии собралась группа людей, чтобы решить текущую задачу – оборвать последние связи между старой страной и новой. Это был трудный момент, и не один из присутствовавших опасался, что за смелость они могут поплатиться жизнью. В ходе дебатов вдруг зазвучал сильный голос. Диспутирующие замолкли и обернулись на незнакомца. Кто был этот человек, внезапно появившийся среди них и ошеломивший их своей речью? Они никогда раньше его не видели. Никто не заметил, когда он вошёл, но его высокий рост и бледное лицо наполнили их благоговейным страхом. Своим голосом, звучащим со святым усердием, незнакомец взволновал их до глубины души. Его заключительные слова зазвучали по всему зданию: “Бог предрешил Америке стать

свободной!” Когда незнакомец, уставший, погрузился в кресло, бурный восторг охватил всех. Подпись за подписью легли на пергамент, и Декларация о независимости была подписана. Но куда исчез человек, который ускорил завершение этой задачи, на мгновение поднял завесу с глаз собравшихся и частично открыл им великую цель, для которой новая нация зародилась? Он исчез, и никогда больше не появлялся, и его личность не была установлена. Этот эпизод соответствует другим подобным случаям, описанным историками и сопровождающим основание каждой новой нации. Являются ли они случайностью или показывают, что божественная мудрость древних Мистерий всё ещё существует на свете и служит человечеству, как и раньше?..»

Из Энциклопедии масонской и
символической философии Холла.

«...Мистер Линкольн развлекал нас рассказом об особом медиумистическом опыте с медиумом по имени Конклинг. Когда Президент замолк, воцарилось мгновение абсолютной тишины.

Вдруг младшая дочь миссис Лури, сидевшая в другой части комнаты, встала и начала медленно приближаться к нам. Её глаза были плотно закрыты. Ступая вперёд, она остановилась напротив Президента, подняла свою правую руку и драматически произнесла обращение к мистеру Линкольну о свободе человека. В заключение она заявила самым впечатляющим образом:

“В духовном мире существует конгресс мудрых духов, которые заботятся о благосостоянии нашей нации. Вы, сэр, были призваны в вашу настоящую должность, чтобы послужить великой цели. Сегодня тысячи находятся в порабощении, и с них это иго должно быть снято, чтобы республика могла вести мир. Вы есть этот человек!

В итоге мы просим вас провозгласить послание об эмансипации, дающее свободу рабам, и с того часа победа увенчает объединённую армию, и тем будет послужено небу и человечеству”.

Я хотел бы, чтобы вы представили себе эту молодую девушку, стоявшую там в тускло освещённой комнате, со спадающими до пояса волосами и вдохновенным лицом. Она была самим воплощением вдохновения. Жанна д'Арк в моменты своего высшего озарения не могла бы проявить большей силы. Мы, очарованные, слушали её пламенные слова, и, когда она закончила, в комнате не осталось сухих глаз.

Молодая девушка наконец обрела сознание и повернула назад, смущённая своим обращением к Президенту. Мистер Линкольн был под большим впечатлением того, что он услышал и что в действительности было одним из самых сильных доводов в пользу прав человека, которые я когда-либо слышал. Было сказано, что контролирующим духом был СЕНЕКА, великий римский философ.

Когда мы расходились, Президент повернулся ко мне и сказал: “То, что я услышал, оставило глубокое впечатление”.

Это происходило в самом конце декабря 1862 года, 1 января 1863 года великая Декларация об эмансипации была объявлена, и с того времени двадцать шесть последующих битв были для союзников успешны. Предсказание девушки точно исполнилось.

Как много великих людей в крайне напряжённых ситуациях, когда от их действий зависело завершение великих дел, были посещены подобными советниками и получали конкретные инструкции на пользу человечества, никто не узнает. Но невежественная светская публика, скептически настроенная из-за общей неосведомлённости в таких делах, была бы ошеломлена, если бы узнала, какое число людей в высоких государственных и деловых кругах даже в настоящее время серьёзно доверяют и действуют по советам, которые приходят путем яснослышания...»)

Эпизод из жизни Вашингтона и Профессора, который являлся его советником, перепишу к следующему моему письму.

Ещё и ещё раз хочу сказать, как я верю в Ваше тонкое чувство красоты, и потому я спокойна за Ваш чудесный труд. Знаю, что сумеете почуять границу сказуемого из Несказуемого для нашего времени. Каждое столетие допускает новый разрез в покрове Изиды. Вы прикоснулись к самому Высокому, Океан Учения вливается в сознание, и Вы знаете, что нет сейчас большей сказки на Земле, нежели жизнь, Вам и нам явленная. Истинно, только расширенное сознание вместит всю глубину и красоту её. Торжественность

указанная лишь приличествует времени небывалому. Придут новые друзья, привлечённые Светом Учения, их не упустите. Пусть облик их не будет отвечать ожиданию, но Вы усмотрите внутреннюю ценность.

Шлю Вам и Элле Рейнгольдовне наши самые сердечные пожелания. Что Ваши милые девочки? Что Ваш Огонёк? Каждая подробность из жизни молодого поколения нам дорога. Пройдут ядовитые времена. И Вы знаете, как особенно все ополчаются против суждённого, так было, так и есть, ибо только расширенное сознание может распознать, где оно, суждённое. Каждый сдвиг приносил человечеству страдания из-за неподготовленности большинства. Сейчас особенно нужно уметь разглядеть бревно в своём глазу и не упрекать другого за сучок. Эпидемия лицемерия разлилась по всему миру, но и это переживём. Всё послужит лишь на великую пользу. Наполняйте сердце великим доверием, этот щит самый прочный. Самый горячий привет всем близким, и радость родному Клементию Станиславовичу за его мужество и понимание. Храните здоровье. Держим в сознании всех Вас, родные наши. Пусть Вам будет светло.

Сердцем,

Е.Р.

Давно не слышим ничего от Гаральда Феликсовича. <*Нрзб.*>

Сейчас получили письма от родного Г.Ф., последнее помечено 4. XII, и очень встревожились. Он пишет: «Ариану[180] лучше, но всё-таки ещё очень реагирует на малейший шорох как во сне, так и днём». Что было с ним? Пожалуйста, пусть Г.Ф. напишет нам. Очень, очень грустно было узнать, что боли у Клементия Станиславовича снова усилились. Будем надеяться, что смена токов принесёт новое облегчение. Его влияние так благотворно и так нужно сейчас. Великий Владыка очень ценит его понимание смысла всего происходящего и прозрение в новое будущее. Помощь великая посылается этому верному воину и сотруднику блага. Мысли наши с ним.

Радовались вечеру, посвящённому памяти Мусоргского. Большой был талант и чудесная душа. Личное горе, смерть любимой невесты, надломило всю его жизнь. Между прочим, он приходится мне двоюродным дядей, но я никогда не встречала его.

Радуемся каждому сближению с новыми друзьями, это самое необходимое сейчас. Среди них могут оказаться, которые загорятся Учением Света, хотелось бы не оттолкнуть их. И Великий Владыка указывает на эту возможность. Жаль многих уехавших, но не все поехали на счастливую жизнь. Больше чем когда-либо следует помнить пословицу: «Человек предполагает, а Бог располагает». Очевидность бывает обманчива, при больших переустройствах она сугубо испытывает людей. Вдумчивее нужно относиться ко всему, ко всем заветам древним и всем Указаниям. Лишь планетарное мышление поможет разобраться во многом. Также знакомство с правдивой историей поможет многое разъяснить. Часы Судьбы скоро пробьют последний час конца Кали-юги, но сколько событий произойдёт среди этих ударов! Счастливы те, кто не выйдут из-под Щита Света.

Г.Ф. пишет, что кто-то хочет купить картину Н.К., и вот у нас явилась мысль – нельзя ли ему предложить одну из небольших картин, выставленных в Музее, мы могли бы позднее заменить её другой; сумму же полученную Вы могли бы употребить в счёт погашения долга по издательству. Так обидно, что и сумму в 600 латов за монографию мы не можем Вам выслать сейчас. Но должен же быть найден способ для перевода денег! Может быть, через латвийского консула? Нельзя ли, чтобы Вам выдали деньги в латах на месте за внесённые нами 300 рупий в здешнее латвийское консульство? Наведите, пожалуйста, справки.

Радуемся здоровью Наталочки. Спасибо Ивану Георгиевичу за его стремление всё сделать как можно лучше, его труды на объединение как старых, так и новых друзей принесут лучшие плоды. Очень по сердцу мне, что из каждого положения Г.Ф. умеет извлечь пользу. Подвижность мышления – большой дар и приобретается не легко. Итак, расширенным сознанием будем двигаться навстречу будущему. Пусть горизонты раздвигаются и просторы увеличиваются. При сотрудничестве и дружелюбии все границы исчезают. Будем истинными носителями культуры. Сердцем и мыслями с Вами,

Е.Р.

Будем очень благодарны, если продолжите присылку газеты *Сегодня* – старых номеров,

[180] Сын Гаральда Лукина. – *Г. Р.*

но на наше имя.

———

Елена и Николай Рерих Рихарду Рудзитису

30-ХП-39

Родной наш Рихард Яковлевич!

Спасибо за письмо Ваше от 3 декабря, которое дошло, хотя и с цензурной наклейкою, но чрезвычайно быстро. Большое счастье, что таким образом можно всё же сохранять переписку. Чуем всем сердцем, как Вам нелегко. Да и где теперь легко? Люди так мало понимают сотрудничество и не отдают себе отчёт, что значит Армагеддон, о котором они так много слышали. Эпидемия разъединения и раздоров и всякие другие эпидемии, до физических включительно, потрясают весь мир. Следовало бы, чтобы это было осознано членами Общества. *ИМЕННО КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ В ТАКИЕ ВРЕМЕНА НЕСУТ НА СЕБЕ БОЛЬШУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ИБО ОНИ, БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЯВЛЯЮТСЯ СПАСИТЕЛЬНЫМИ ЯКОРЯМИ ПЛАНЕТЫ.* Хотя и трудное, но великое время, когда лики выявляются и деятели, истинные деятели могут укрепляться сознанием, что они живут не среди мёртвого благополучия, но в живом потоке грандиозного переустройства. *ПРОСИТЕ ЧЛЕНОВ ОТ НАШЕГО ИМЕНИ, ЧТОБЫ ОНИ СВЕТЛО ДЕРЖАЛИ ОЧАГ ОБЩЕСТВА.* Ведь всё Учение и давалось для этого времени, чтобы люди нашли в себе силы противостать всему тёмному. Когда-то, в дни кажущегося благополучия, люди могли ДОПУСТИТЬ «РОСКОШЬ» ССОР, *НО СЕЙЧАС КАЖДЫЙ РАЗДОР УЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕСТУПНЫМ НАРУШЕНИЕМ РАВНОВЕСИЯ.* Знаем, сколько силы духа нужно сейчас напрячь, чтобы удерживать *равновесие,* но в дни Армагеддона другого пути нет. К числу таких многозначительных актов принадлежит и Ваше сообщение о репатриировании, о переезде на родину родителей В.А.Шибаева. Итак, они нашли свою родину, впрочем, мы уже давно удивлялись и его странной и чуждой для нас ориентации, которая время от времени проявлялась в неожиданных суждениях. В его последних проступках нужно иметь в виду и эту ориентацию. А к ней прибавилась ещё и его совершенно фантастическая эпопея женитьбы. Можно бы сказать и многое другое. Вы спрашиваете о книгах. Пожалуйста, имейте в виду, что *Пути Благословения* были оплачены нами и потому не могут являться его собственностью. Так же, как и книги *Зов* и *Озарение* не могут быть его собственностью, ибо оплачены нами и Зинаидой Григорьевной, и потому издательство может ими распоряжаться. Книга Селивановой тоже не является собственностью В.А.Ш. Крайне удивило нас, что В.А.Ш. должен *Алатасу* 1500 латов. Хотелось бы знать, откуда могла произойти такая большая сумма? Если им были взяты от *Алатаса* книги из Америки на продажу, то должны быть налицо или эти книги, или же должен быть отчет об их продаже. Об этом мы ничего и никогда от него не слышали. Вообще, во многом были странности. Как слышим, теперь он занимается распродажей своего имущества, которое, несмотря на его жалобы на малое жалованье, он накопил в большом количестве. Слышим, что, кажется, он скоро уезжает из долины, но точно куда – никто не знает, в этом сказывается его врождённая скрытность, которой даже посторонние люди изумляются. Вы думаете, что он до Вас не доедет, пожалуй, Вы правы, но, по некоторым признакам, он и не собирался, и, может быть, называя Ваш город, он лишь высчитывал билет наиболее дорогого пути. Впрочем, раз он оттуда приехал, то мы и должны были оплатить стоимость его возврата. Вы пишете, что у Вас имеются какие-то дневники, переданные от г-жи Кезберг. Пожалуйста, сообщите нам, не есть ли это дневник Кардашевского? Что же касается до договора о «Бел», то просто его сожгите. Если у него имелись какие-то наши письма, то, пожалуйста, соберите их в один пакет и сохраните. Но эпизод с *Алатасом* нас чрезвычайно удивляет, ибо Иван Георгиевич как представитель *Алатаса,* вероятно, обеспокоен. К *Алатасу* имел касание только Гребенщиков, но о нём вообще ничего не слышно. Зинаида Григорьевна очень волнуется, не получая от Гаральда Феликсовича консульского энвойса[181] на посланные в Америку монографии. Без энвойса

[181] счёта (от *англ,* invoice).

угрожает значительный штраф.

Горюем мы об усилении болей у Клементия Станиславовича. На некоторых органах рак неизлечим. Последние дни его должны быть окружены особым вниманием и бережностью со стороны его семьи и друзей. Такой человек, как он, вправе получить высшую любовную заботу. Конечно, мы понимаем, что общее ненормальное положение должно отзываться и на магазине, но опускать рук не следует. Могут быть использованы одни круги, а на их смену найдутся другие, а в особенности среди молодёжи. Не забывайте и быстроту многих перемен в армагеддонное время. О пишущем автоматически можно сказать, что всякая осторожность уместна. Ведь и в андр[еевском] кружке советовалось читать Учение, но Вы знаете, во что это превратилось. Из этого не следует, что Вашего знакомого нужно совершенно отогнать, может быть, он нуждается в укреплении, но Вы правы, не вводя его в Общество и не поощряя широкого приобщения к его ауре. Необходимо длительное и доброжелательное и очень зоркое наблюдение над жизнью этого человека. Вероятно, и г-жа Ренкуль будет осторожна и будет осведомлять Вас. Нам не очень нравится, что после визита и беседы с пишущим у Вас заболела голова. Это признак дисгармонии, и потому будьте зорки. Такая жестокая головная боль у нас всегда сопровождала посещение очень дисгармоничных людей. Допустим, что контроль его не так плох, но всё же, что же могут вынести члены Общества такого нового из этого общения, они, имеющие все книги Учения? Вместо молока они найдут воду. Храните мужество и доброжелательство с новыми друзьями, могут подойти и новейшие и более восприимчивые. Всего самого светлого.

Сердцем и духом с Вами,

Е. и Н. Р.

———

Предисловие к переписке 1940-го года

Ещё в 1938 году Н.К.Рерих вместе с семьёй хотел вернуться в Россию, однако в получении визы было отказано. Тогда Николай Константинович обратился в Латвийское общество Рериха с просьбой получить визу через советское полпредство в Латвии, причём любой ценой.

Выполнить эту просьбу взялись Гаральд Лукин и Иван Блюменталь, имевший связи в советском полпредстве. У них потребовали издать от имени Общества альманах, в котором были бы статьи о Сталине, о мощи Красной Армии, о событиях на озере Хасан и другие материалы подобного рода, – готовилась почва для ввода советских войск в Латвию. Г.Лукин и И.Блюменталь вынуждены были идти на компромисс: с одной стороны, Общество было вне политики, с другой, необходимо было решать вопрос с визой. Рихард Рудзитис и другие члены Общества в детали плана не посвящались.

В Обществе начались недоразумения. Решающим моментом во всех последовавших событиях 1940 года стал Рождественский вечер. Р.Рудзитис так описал произошедшее в своём Дневнике:

«Этот год в моей жизни самый трудный. Год великого испытания. Год величайшей ответственности. Этот год начался с Армагеддона. На Общество нахлынула волна смущения. Куда оба друга в своём фанатизме хотят завести Общество?

Вечер 24 декабря в Обществе! Вокруг этого вечера происходила такая борьба, но теперь уже не знаю, не была ли эта борьба величайшей мистификацией. Блюменталь когда-то подчеркнул, что его друзья [из советского полпредства] будто бы следят за нашими вечерами по четвергам, что один их товарищ даёт им свои отзывы, поэтому Иван посоветовал делать их «по сознанию», без эзотерики. Такими и были вечера прошедшей осенью, на темы Этики или Культуры. Но здесь и возникла неясность с этим Рождественским вечером. Мы с Драудзинь договорились, что вместо традиционной молитвы она начнёт с параграфа из Учения и т. д. Блюменталь за день позвонил и сказал, чтобы делали «без сентиментальности и причитаний». Но уже нельзя было всю программу изменить. Нельзя было и предвидеть, что каждый будет говорить. Где они были раньше, когда этот вечер мы обсуждали в старшей группе?! Уже до начала вечера я почувствовал в Гаральде большое возбуждение. Друзья не хотели, чтобы был поставлен Портрет Учителя,

но так как многие пришли с цветами, поскольку не были предупреждены об изменениях, то я всё-таки поставил. Я всё время волновался, поскольку чувствовал злость обоих друзей. И, наконец, через несколько дней пришлось выслушать от них самые тяжёлые упрёки: друг Блюменталя на второй день был у него и рассерженно сказал: «У вас тут всё старое, а раз так, то пусть ваш Рерих сидит в своих Гималаях». Значит, весь этот вечер будто бы скомпрометировал всё дело приезда Рериха, всю прогрессивную добрую славу в глазах друзей Блюменталя! Я тогда полностью понял огромное волнение Блюменталя и Гаральда, и сам опечалился. Оказалось, что мои стихи о молчании сердца посчитали выражением пацифизма, цитаты Валковского из *Надземного* –- совсем превратно – направленными против Р[оссии]. Самую большую бурю будто бы вызвала «гитлеровка» Ведринская, выступившая с молитвами сверх установленной программы. (Драудзинь, отвечавшая за вечер, утверждает, что она выступала с разрешения самого Блюменталя!) Также отрицательное впечатление оставили дети и т. д. Хотя Буцена, который в своей речи произнёс молитву, но в последнее время стал их другом, ни в чём не упрекнули. Праздники прожил спокойно, ничего не зная о вызванном волнении. В четверг, 28 декабря, в старшей группе я как раз читал *Надземное,* когда вошёл Гаральд, возбуждённый, встал у своей скамейки и остался стоять, хотя я просил его присесть. По всему его боевому виду я понял, что будет какой-то взрыв.

<...>

На другой день я говорил с Блюменталем по телефону, и 31 декабря, утром, пошёл к нему домой, в Межапарк, где у нас троих было заседание. Уже при входе в его дом я почувствовал что-то ужасное. Оба они были чрезвычайно раздражены, говорили на повышенных тонах. Блюменталь предъявил мне ультиматум. Так как для его переговоров с друзьями [из полпредства] Рождественский вечер – огромная ошибка, то ему остаётся использовать все средства, чтобы спасти положение. Теперь остаётся: или мне сейчас уйти с должности председателя и ликвидировать Общество, потому что уйти мне одному из-за разных обстоятельств было бы трудно. Или ликвидировать группы Валковского и Драудзинь, и сместить их с должности руководителей. Валковского за его противостояние. Единственная вина Драудзинь в том, что она когда-то шепнула на ухо Блюменталю вопрос о ф[инских] событиях: они чрезвычайно волнуются, как бы кто-нибудь не подумал, что Россия с этой войной хоть в малейшей степени сделала ошибку. И все обвинения против Валковского также основаны на недоразумениях. Я подробно описал это в своих письмах в Индию, посланных и непосланных, потому не хочу повторяться» (1.01.1940).

Рудзитис искренне верил, что речь идёт только о наведении культурных мостов в Россию, что нужно быть «вне политики», что Елена Ивановна и Николай Константинович «против политики». Не исключено, что Лукин и Блюменталь пытались как-то объяснить свои действия, но, очевидно, безуспешно. Рудзитис в жизни был настоящим идеалистом, он сильно страдал, но ничего не понимал. Из Индии приходили письма: «Гаральд прав». Елена Ивановна писала о мудрой целесообразности, что нужно быть не «вне», а «поверх» политики. Лишь через некоторое время Рудзитис смог понять, что руководило поступками друзей.

Как мы знаем, альманах был издан, но все старания оказались напрасными, визу для возвращения семьи Рерих в Россию получить не удалось. Впоследствии, 20 сентября 1940 года Рихард Рудзитис записал в своём Дневнике: «Но если Ветров [3-й секретарь полпредства. – *Ред.*] обманывал и до Сталина не дошла информация о Н.К. Рерихе. Гаральд и Блюменталь так думали, но боялись спросить, послано ли правительству. Так в руках маленького чиновника была судьба всей эволюции. Пусть и так, задание должно быть исполнено стопроцентно правильно, всё другое должно оставить в руках судьбы. Оба думают, что если бы Н.К.Рерих был в России, возможно, до войны бы не дошло. Но Гаральд сам несколько раз теперь говорил, что Н.К.Рерих сам попал бы в руки НКВД».

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

1-1-40

Родной и дорогой Рихард Яковлевич!

Чую Вашу сердечную заботу о благе Общества и всех сотрудников и понимаю, как возрастают сложности в связи с бурными днями. Но зная любовь и уважение, которые объединяют Вас с ближайшими друзьями, я спокойна за судьбу Общества. Ведь друзья понимают, что в единении крепость и спасение всех и каждого. Великий Владыка просит всех понять, что Армагеддон приблизился к напряжённейшему времени, истинно, такого времени не бывало! Потому каждый должен найти силу духа для охранения сотрудничества и спокойствия, ибо лишь тогда Высшая Помощь может быть воспринята без искажения. Истинно, идёт сороковой год.

Родные наши, помните о необходимости доброжелательства всегда и во всём. Настало время для просмотра всего накопленного и удержанного сознанием, настало время для приложения основ Живой Этики в жизни, на практике. Доброжелательно относитесь и к новым друзьям и отмечайте особенно тех среди них, которые с уважением отнесутся к Учению Живой Этики.

Суждённое свершится, ничто не может пресечь сложившиеся решения Высшей Справедливости. Трудность лишь в том, что люди в смятении не могут распознать, где логика событий, тем более что Логика Высшая так резко разнится от логики земной, да и очевидность ещё более затемняет действительность. Но книги Живой Этики ясно указывают путь. Потому как никогда нужно хранить полное Доверие к Силам Света, охраняющим то, что должно быть сохранено.

Творите Ваше прекрасное дело, объединяйте души ищущие и стремящиеся к Свету и как высшее сокровище Ваше храните преданность и доверие к Руке Водящей. Именно сейчас нужно доверие до конца. «Ядовитые времена пройдут, и Вы, сохранённые, войдёте новою дорогою в Новый Мир». Не уставайте повторять эту фразу ежедневно. Под «новою дорогою» следует понять новое, расширенное сознание, приобретённое через Учение Живой Этики.

Прошу Вас, родной Рихард Яковлевич, передать Екатерине Яковлевне, Александру Ивановичу и Фёдору Антоновичу, также и Евгению Александровичу, и Гаральду Феликсовичу, и Ивану Георгиевичу, что я очень огорчена, что из-за условий почты я не могу часто писать и потому ответы мои очень задерживаются. Нельзя перегружать цензоров. Ноябрьское письмо Г.Ф. получила позднее декабрьского. Одно письмо А.И., видимо, затерялось, а может быть, ещё дойдёт. Отнеситесь доброжелательно и к художнику Ап[ситису], но, конечно, разумное распознавание необходимо. Именно, следует очень внимательно взвешивать всё им сообщаемое. Выше того, что Вы имеете, получить невозможно. Но если хотите слышать одобрения и подтверждения, то почему нет? Доброжелательные духи могут подать успокоительную весточку в минуту уныния, но помните, они не всезнающие. Бедные добрые духи очень ошиблись, на многочисленных сеансах они твердили, что войны не будет! Сроки великих событий оберегаются Высшими Силами, иначе все попугаи прокричали бы их на всех перекрёстках, и можно себе представить, какое неслыханное смятение получилось бы!

В сердце держу родного Клементия Станиславовича, чудесный дух заслуживает радости, преуготовленной ему. И на земле, тем более и в Надземном Мире преданность его принесёт ему высшую радость, радость признательности Сил Света. Объединённые в общем труде, преданные сердца черпают новые силы и новую радость в непрекращающемся служении Благу. «Вы знаете глубокий смысл древнего речения: «Ищите Друзей Невидимых». Соявление Друзей Высших из Мира Надземного будет крепким ручательством. Иногда Вы знаете Их, но большею частью Они безымянны, только радость сознания указывает на близость Их. Не пытайтесь узнавать Их имён. Они давно отказались от земных прозвищ. Как время не существует для Них, так и земные отличия уже растворяются для Тел Славы. Пусть будет множество таких Покровителей. Они оценят каждое светлое устремление, и ничто не отклонит Их благоволения, когда Они убедятся в творимом подвиге. Они помогают там, где крепко доверие. Пусть будет с Вами благодать Друзей Невидимых. Путник получает указание и ждёт оповещённых знаков, но путь долог и знаки не походят на предуказанные, неужели ошибка? Неужели путник не на правильной тропе? Уже проникло сомнение. Оно уносит силы и убивает мужество. Но вот засиял знак предуказанный, и

путник изумлён – неужели срок наступил? Жаль, что мужество пострадало. Но не об одних Надземных Друзьях говорим. И на Земле имеются Невидимые Друзья. Нужно послать Им привет. Они бывают деятельнее, нежели [некоторые] знакомые друзья. Умейте улыбнуться этим земным Сотрудникам. Мыслитель говорил: “Не только зримые друзья помогают, но ещё больше незримые. Не будем заботиться о земных встречах с Ними, но пошлём Им привет сердца”».

Тела Славы принадлежат отказавшимся от Нирваны для помощи земным обитателям.

Храните мужество, бережность, доброжелательство и поверх всего спокойствие в высшем Доверии. Сроки бурных дней приблизились, но за ними придут и дни радости.

Итак, в великом Доверии переживём и это тяжкое время.

Шлём Вам, близким нам, всю нашу любовь и сердечную заботу о Вашем духовном преуспеянии. Лишь тяжёлые времена рождали героев и гигантов духа. Будем такими гигантами и поддержим всех нуждающихся в успокоении и просветлении.

Храните и здоровье. Твердите о торжественности часа и о радости часа будущего.

Шлю Вам любовь и веру в Вас.

Е. Рерих

Хочу дать ещё один совет – щит молчания мощен. Недаром все древние подвижники в разные периоды своей жизни давали обет молчания на более или менее продолжительный срок. Великий смысл был в этом действии и заключал много причин. Также и Ницше говорил – «трудно жить с людьми, ибо трудно хранить молчание». Но если можно этого достичь, то многое облегчится.

«Ложные ценности и слова безумия – это худшие чудовища для смертных, долго дремлет и ждёт в них судьба. Но, наконец, она наступает, пробуждается и пожирает всё, что строило в ней жилище себе» (Ницше).

———

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

1–7янв. 1940г.

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович!

Сколько писем уже полетело к Вам в связи с Рождественским вечером. Я откладывал своё письмо, желая проследить и последние события. После всех глубочайших переживаний последних дней могу сказать, что хотели внести нечто вроде Армагеддона и в Общество. Я не мог не верить, я доверял до последней возможности, хотя всё время сердце возмущалось. Хотя теперь волна и проходит, но хочу всё же Вас вкратце оповестить обо всём. Начало всему дал вечер 24 декабря. Уже столько лет этот день мы праздновали по торжественной традиции, введённой Феликсом Денисовичем. На сей раз мы с Екатериной Яковлевной хотели несколько приноровиться к условиям: вместо молитв Екатерина Яковлевна открыла вечер изречением из *Иерархии* и пр. Но трудно заранее контролировать каждое слово, произносилось и непредвиденное. Мы непременно дали бы другую программу или даже просто детский вечер, если б нас заблаговременно уведомили. На заседании группы, где касались и устройства вечера, наши друзья отсутствовали. Лишь в последний вечер Иван позвонил по телефону: чтобы не было «сентиментальности и жалоб». Не раз я ожидал помощи друзей и в Обществе. Уже всю осень собрания по четвергам мне приходилось устраивать одному, считаясь и с сознанием, посвящая вечера лишь чисто моральным и культурным вопросам, без эзотерики, читалось из *Писем,* Учения, были и рефераты, научные и музыкальные вечера с гостями и пр. До сих пор оба друга оказывались всегда довольными. Скорее, совсем не интересовались, ибо в последнее время являлись редко. Среди нас находятся лишь последователи Учения. И не наивно ли судить о нас по нашим общим вечерам, хотя, понятно, на них и обращается большее внимание, чем на занятия по группам и чтение книг Учения. Друзья даже рядом со сборником[182] рекламировали *Письма!* Кто эта мистическая особа, о которой говорит Иван? Он мне передавал отзывы о вечерах лишь два раза, и именно о тех вечерах, на которых и сам присутствовал. Притом, когда его

[182] Речь идёт об альманахе *Мысль. – Г. Р.*

расспрашивали, умел ли он как следует защитить выступающего, таким образом он мог бы уладить хотя бы часть рождественских недоразумений. Моё стихотворение о молчании сердца и посылании мыслей на благо человечества хотели истолковать совершенно превратно. Усмотрели пропаганду пацифизма. К.О.Валковский выбрал, может быть, неудачно параграфы из Учения, которые Иван, кажется, относил к себе и, совершенно зря, к одной стране[183]. М.А.Ведринская, относительно которой раздавались сильнейшие упрёки и которая прочла молитвы, выступала «вне программы» с согласия самого Ивана, как утверждает Е.Я., руководительница этого вечера, так что и он несёт долю ответственности. Несказанно больно было потом узнать, что этот вечер повлиял негативно. В этом винили лишь нас обоих. Оба друга говорили со мною в сильнейшем раздражении, сыпались такие упрёки, на которые любое возражение было немыслимо. Если совершена ошибка, надо совместно братскими усилиями её исправить. Нечто ужасное я пережил 31 декабря, когда друзья пригласили меня к себе. Иван сказал, что надо принять немедленные меры, чтобы изгладить отрицательное впечатление, надо ввести решительную перемену. Категорически требовали: или мне самому отказаться от водительства, но так как это трудно, то, по их мнению, ликвидировать Общество (теперь Иван уже отрицает, что такое требование было предъявлено). Или же – отстранить от руководства группами Екатерину Яковлевну и Карла Оттоновича. Особенно они раздражены на последнего. Отказываются даже беседовать с ним, как будто его тактика неправильная. Об этом Вам уже писала Е.Я., говоря о выступлении Карла Оттоновича. Но это совершенная неправда. Я разведал, что большинство фактов основываются на недоразумении. Так, в связи с музыкальным вечером К.О. убрал из передней картину, изображение собора, но то же самое непременно сделали бы и друзья. К.О. пару раз возражал им в группе, но отчасти и сами друзья вызвали в нём некоторое упорство своим презрительным тоном. Тогда что же сказать про резкие нападки Гаральда на К.О., которые тот часто переносил снисходительно. Но играло роль и личное: недоразумение с магазином. Раз на заседании, на котором отсутствовали друзья, член, которому не могли не верить, передал нам желание Клементия Станиславовича, чтобы Отилия Аринь, заведующая магазином, которая исполняла лишь указания друзей, взяла бы на себя ответственность за магазин и пр. Получилось впечатление, что К.С. желает, чтобы Аринь получила полноправие в комитете, и К.О. высказал предложение, не сделать ли её, так сказать, директором комитета, чтобы она могла урегулировать подарки, посылки и пр. Вопрос этот не обсудили глубже, но решили обсудить совместно с друзьями и ещё раз переспросить Клементия Станиславовича. Но, по передаче Фёдора Антоновича, друзья поняли, что их желают отстранить. Несколько превратно был понят и К.С., который мне сказал, что высказал лишь желание, чтобы Аринь взяла на себя моральную ответственность и возможность делиться с друзьями, но порою и контролировать. Друзьям не нравится также как будто «сентиментальность» и медлительность Карла Оттоновича. Но его разъяснения Учения всем нравятся, он пользуется уважением как в группе, так и в Обществе. В своё время многие годы он являлся администратором Общества, заместителем К.И.Стуре.

Далее – милая Екатерина Яковлевна! Феликс Денисович назвал её «золотым ключом». Её группа служит для нас образцом по своей сердечности, сплочённости и преуспеянии в познаниях. Её любят все за её такт, задушевность, ум. И она должна уйти лишь оттого, что раз в группе осмелилась на ухо спросить Ивана о некоторых событиях?! Когда я ей рассказал о требовании друзей, она сразу ответила: «Я готова уйти, если долг требует, но – почему?» Друзья даже не желали с ней говорить. Какая нелепость! Ведь я знаю, что в группах Е.Я. и К.О. не раз говорилось в связи с введением к *Листам Сада Мории* со всей широтой и любовью[184]. Уволить К.О. без его согласия – это значит опозорить его, но без решения правления я даже не в состоянии это сделать. И в чём же его вина? На мой ответ, что, если руководители будут сменены и распространятся слухи, возникнет возмущение и раскол в Обществе, мне ответили: пусть уходят негодные, пусть останутся хотя бы трое, нежели сто непонимающих. Но в чём же единение, в чём же сотрудничество и все культурные сердечные взаимоотношения, в чём же все великие основы Учения? Теперь всё это несущественно, существенно – другое. Не наивны ли такие меры, не нужны ли более разумные перемены, всё можно устроить, поговорив по-братски с ближайшими

[183] К СССР.

[184] Вероятно, имеются в виду строки: «В Новую Россию Моя первая весть».

сотрудниками. Понятно, если обстоятельства и долг требуют, я каждую минуту готов уйти. Но как могу это сделать, даже не уведомив Вас об этом, не услышав Ваш совет? Если нужно, я готов уступить своё место Екатерине Яковлевне или же учителю Стипрайсу, руководителю, культурному уму (хотя лишь в последнее время с ним познакомился ближе). Но только не кому-то из друзей, ибо тогда многие ушли бы. Ибо Гаральд не раз портил свои отношения с членами. В Иване же сердечность объединена со скрытностью. М.б., на него повлияла его коммерческая деятельность. Мне даже приходилось проверять его слова. Он раз признался, что ему иногда приходилось прибегать к неправдоподобностям и игре слов ради поощрения и внушения. Но для меня подобное отношение больно. В общем наши отношения были сердечными. У него «широкая душа», которая не особенно любит прикрепляться к мелочам, что иногда проявлялось и в магазине. В магазине появился особый бухгалтер – наш член. Получили ли Вы моё письмо от начала декабря?

Такого отношения к собратьям, как в эти мучительные три дня, я ещё не видал в своей жизни. Даже и такой раздражённости. Каждое слово било как ножом в сердце. Жуткие выражения бросались по адресу сотрудников, совершенно неповинных. Слушал я и немел. Каждое моё возражение или совет вызывали скорее лишь огорчение. Как можно совершенно не считаться с чужой душой? Я терпел до крайности, понимая, что на раздражённых надо смотреть иначе, и не мог не верить их искреннему переживанию об ошибке. Но почему они требуют исключения тех, кто так или иначе их задели, но воззрениями других водителей не интересуются?

Отношения друзей к Фёдору Антоновичу всегда были холодные, Гаральд был против того, что его приглашают на заседания, что дают ему группу и пр. Даже 24 декабря он советовал, чтоб лучше Ф.А. не выступал. Но теперь, когда они в одном пункте согласились, их отношения переменились. Хотя и Ф.А. в своей рождественской речи произнёс молитву, о нём я не слышал критики и т. д. Далее – Гаральд когда-то даже писал Вам, не предоставить ли г-ну Мисиню *Напутствие Вождю!* Теперь же его отношения с четой Мисинь обострились. С поразительной лёгкостью он меняет свои взгляды на членов! Ф.А. часто огорчался, что ему не дают руководство группой. Но никто из старших не соглашался, т. к. он когда-то руководил слишком «библейски»; даже Гаральд ушёл из его группы. В Рождественский вечер произошло недоразумение: ему показалось, что К.О. против его выступления; хотя это на нитках, но на таких нитках иногда нижутся отношения. Истинно больно. Люди так чувствительны, малейшее недоразумение влечёт за собою осложнение.

На наше заседание 1 января я пригласил с собою Екатерину Яковлевну, но утром она говорит устало: «Иди один. Моё сердце не выдержит, на прошлой неделе у меня уже было несколько припадков. Я не способна биться лбом о стену». На сей раз друзья дали мне прочесть письмо Гаральда от 31. XII, ещё не посланное Вам. Угрожали, что подпишутся без Валковского и Клементия Станиславовича (бедный наш друг, даже при смерти его беспокоят, он часто находится в полусознании), Фёдора Антоновича и Стуре. Понятно, последние никогда не подпишут. Я прочёл это ужасное письмо. Что сыпалось на голову Е.Я. и К.О.! Совершенный абсурд, что кого-нибудь из нас, тем более меня, можно обвинять в каких-либо недоверчивых настроениях. Разве я всё время не горел о Книге, разве не я беру ответственность за всё? Там даже больше настроений[185], чем возможно. Вполне понимаю и Гаральда, в его натуре всё стопроцентно переусердствовать, он может или любить или ненавидеть. Я пережил самое мучительное. Ради Н.К. и я готов был на всё, чтобы исправить ошибку. Но против их метода моя сущность восставала. Почему же с уходом К.О. будет изглажена ошибка? В конце концов мы остановились на временном закрытии групп для постепенной их реорганизации, так как я знал и мнение Екатерины Яковлевны. Гаральд, основываясь на письме Е.И. от 12.VII.39 к Е.Я., где говорилось о просеивании группы, сказал, что такое просеивание надо сделать и в Обществе. Но кто это сделает? Знал бы он, что Е.Я. в своём письме, говоря о нарушении дисциплины в Обществе, с болью, между прочим, думала о самом Гаральде, но, понятно, не сказала это. (И я несколько своих рефератов в Обществе и стихотворение о любви мысленно посвящал ему.) Значит, надо быть суровым прежде всего к самому себе. Друзья настаивали, что нуклеус трёх должен вести все дела, также и Учения. Но не знают ли некоторые другие ещё лучше Учение? Потом я понял, что при просеивании они хотели провести и другое мерило, чем Учение. Далее выяснилось,

[185] Просоветских. – *Г. Р.*

что К.О. решительно отказался бы ликвидировать свою группу, притом прервать занятия теперь, зимою, означало бы внести моральную дезорганизацию, особенно без веской мотивации. Притом я ни морально, ни юридически не мог действовать без согласия членов правления. Ввиду этого я окончательно решил, что я группы распускать не могу, что надо найти какой-нибудь другой, дружественный исход. Когда на третьем собрании, 2 января, я сказал это друзьям, произошёл взрыв: они встали, осыпали меня ужасными выражениями и, не простившись, ушли. Но разве не абсурд сообщить старшим о радикальных реформах, никому даже не сказав, почему, – как хотели друзья? Какое сознание не воспротивится? Такой вопрос можно разрешить лишь совместно. И разве мы все не друзья? Я убеждён, что какой бы непоправимой ни казалась ошибка, при самом сердечном огненном объединении можно исправить её, особенно при чистоте побуждения. Таким единением, самым сердечным, мы раз спасли самого Гаральда, когда ему угрожала опасность, мы посылали три раза в день ему молитвенные мысли, мы все боролись за него. Понятно, считаю Гаральда и теперь своим другом и посылаю ему самые светлые мысли. Он отчасти под влиянием Ивана. Хотя в этот вечер я пережил самое мучительное в своей жизни, опасался разрыва, ошеломлённый угрожающим тоном, но ради идеи Н.К. я и это перешёл. Уже несколько раз встречался с Гаральдом, и мы на пути к компромиссу. Мы с Екатериной Яковлевной обдумывали разные проекты перемены. Даже остановились на перевыборах правления и меня; друзья, в сущности, хотели, чтобы один К.О. ушёл из правления, но тогда уже лучше всех переизбрать. Мы думали, не образовать ли временное правление – из новых? Думали назначить перевыборы в конце января. Если мы решили бы, что я уйду от председательства, то непременно послал бы Вам телеграмму.

В четверг, 4 января, старшую группу мы начали мыслями о единении. Я призывал хранить единение как самое священное, как в те дни, когда мы спасли Гаральда. Было светлое настроение. Друзья отсутствовали. Мне передали, что они как будто решили прийти с требованиями, что в случае отказа выйдут из правления, но не пришли. Старшую группу в этом году случайно я начал чтением § 112 из *Надземного.* Мы раздумывали – где же мерило сознания правоты?

Утром 5 января я посетил нашего милого Клементия Станиславовича. Он немного бодрее, хотя и объят чрезмерной болью. Лицо его стало неземно прекрасным, озарённым, длинные седые волосы и борода и просветлённые умные глаза. Вчера врач делал впрыскивание, сегодня повторит два раза. Всё тело его мгновениями вздрагивает. Когда приветствую, он, взволнованный, говорит о своей вине и ответственности. Чуткая, светлая, прекрасная душа, невзирая на все неимоверные телесные страдания, и духовно болеет за нас. Всю ночь он мучался. Глубоко озадаченный, я успокаиваю его, что он наш мироносец, наше солнышко, даёт нам свет и единение, что в Обществе снова наступает единение. Затем, в другой комнате, я долго беседовал с его дочерью, г-жой Аншевиц. Мы с Е.Я. знали, что К.С. волнуется, когда в чём-либо критикуют деятельность друзей, и потому мы, понятно, избегали говорить в последнее время об Обществе. И.Г. всегда, как предлог, чтобы повлиять на меня, опирался на Клементия Станиславовича. Но теперь г-жа Аншевиц сказала: позавчера, проснувшись, отец как бы в предвидении произнёс: «Иван тоже виноват».

Неизвестно, что он [Гаральд. – *Г. Р.*] ночью пережил и что он пережил и сегодня, может быть, в связи с этим. Говорил вчера долго, хотя был ещё нервный, но уже во многом понял и меня. И сегодня, 6-го января, он пришёл ко мне сияющий – первый раз после долгого времени был снова старый Гаральд. Он говорил, что послал Вам карточку с извещением, что соглашение достигнуто и К.О. согласен выйти из правления. Последнее не совсем так: я ему вчера сказал, что К.О. теперь глубоко понял весь этот вопрос и может пойти на уступки. Гаральд сказал, что будто бы главный камень преткновения именно К.О., после Рождественского вечера. Просто не знаю, почему оба друга так настаивали на «изъятии К.О. из обращения», даже ценою единения Общества, когда все обвинения, как я вижу, основываются на недоразумении. И сегодня, после беседы, Иван мне сказал, что его друг[186] совсем не требует ухода К.О., что он даже не знает его конкретно, что он примирился, что новый энергичный дух в Обществе.

Думает о новом сборнике[187], с другой окраской. Совсем не знаю, как они впредь

[186] из советского полпредства. – *Г. Р.*
[187] *Литературные записки. – Г. Р.*

отнесутся к Карлу Оттоновичу. Чувствую, что придёт успокоение. Мы снова говорили о перевыборах, но пока оставили. Может быть, в решительную минуту впредь получим Ваш совет. Ведь мы все желаем найти лучший исход. Может быть, лучше уступить место – новым? Просто не понимаю друзей, какие мысли у них снова могут явиться. И сегодня, после всех переживаний, после бессонных ночей, после всех потрясающих мыслей и писем, я склоняюсь в безмолвии. Кажется – всё снова хорошо? Но зачем же тогда эта борьба и угрозы?! Всё-всё можно было бы устроить гораздо лучше, и проще, и удачнее в сердечной единодушной дружбе и сотрудничестве. Не дети же мы, чтобы играть в ужасы. Мы должны бороться совместно, плечом к плечу, с тьмою, но не ослаблять жизненные силы друг друга. Но понимаю, что теперь Армагеддон, и хорошо даже, если каждый проявляет своё устремление ко благу, хотя бы через призму своих индивидуальных наклонностей. Не могу не писать Вам, даже если друзья Вам об этом не писали. Вы ведь должны всё знать, хотя бы это принадлежало уже к прошлому. Ибо Вы далеко видите и дадите лучший совет. Мне передали, что Вам было послано упомянутое письмо Гаральда от 31.XII, а также телеграмма. Теперь Иван говорит, что он все письма задержал и телеграмму не послал. Но зачем всё это? Где Dichtung и Wahrheit[188]? Так и в других случаях. При таком методе сотрудничество самое трудное. Друзья привыкли действовать самостоятельно, не считаться ни с кем, во что бы то ни стадо провести своё. Раздумывал долго: читал, кажется, в *Письмах,* что со сменой эпох иногда хорошо, если сменяются и водители. Знаю, что при теперешних событиях другой повёл бы лучше. Не уйти ли мне, если разрешу вопрос, кто из членов мог бы повести дело вполне энергично и объективно.

Шлю Вам пока мои самые чистые мысли. Верю в новое сплочённое единение.

Сердечно и глубоко преданный Вам,

Р. Рудзитис

Рихард Рудзитис Елене Рерих

10 янв. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Ушёл наш дорогой, наш светлый, наш любимый Друг Клементий Станиславович. Какие телесные мучения он переживал всё время, и всё же находил мужество болеть и за нас всех. В последние дни страдания его были столь сверхчеловеческие, что он обращался к Владыке, чтобы тот принял его к себе, так как не в состоянии более страдать. Он просил, пусть Владыка оставшуюся долю его мук оставит ему на следующую жизнь. Жизнь его была истинно подвигом. Вспоминая его, мы всегда думали: вот человек, который истинно применяет Учение в жизни, который отдаёт всю свою сущность на высшее строительство. Смиренный, простой, благодушный к каждому, терпимый и доброжелательный, никого не умалял, – таким все знали нашего Клементия Станиславовича. Солнце его сердца сияло каждому. Страдания научили его также глубокой мудрости. Его чувствознание на всё давало свой ясный ответ.

Я был у него 5 января утром, когда встретил его столь просветлённым, каким его давно не видал. Об этой встрече я уже писал Вам в своём последнем письме. 7-го января днём я застал его очень усталым. Увидев меня, он спросил: «Не возьмёшь ли у меня обратно Знак?» Я его успокоил, пусть он хранит его. Значит, он уже предвидел свой уход. Потом он заснул. Долгое время я сидел у него, читал *Иерархию,* он просыпался, кидал на меня свой детски-добродушный взор, снова впадал в полузабытьё. 8-го января утром, приоткрыв дверь, я видел его спящим. Это и была наша последняя встреча. В тот же день, в половине седьмого, он ушёл с молитвой М.М., при нём были его дочь г-жа Аншевиц и другой член. Вечером мы, все друзья, собрались у его тела и читали главы Учения. Вчера у нас было торжественное собрание в старшей группе, поминая его, мы читали из *Надземного,* потом разрешали вопросы в связи с его уходом. Собрание в четверг мы посвятили ему, а в пятницу будут похороны. Его похоронят вблизи Феликса Денисовича. Знак и *Напутствие [Вождю]* его

---

[188] вымысел и правда *(нем.).*

дочь передаст мне и я буду хранить в Обществе. Г-жа Аншевиц мне обещала написать свои воспоминания о нём, в связи с его последними днями, и я пошлю Вам.

Получил сегодня Ваше письмо от 19.XII, сердечное спасибо за Радость. Но всё же больно теперь думать о величайшей этой задаче. Последнее время я не мог даже мыслить о писании своего труда. Был сборник, было и другое. Хотел Вам писать, что нашёл чудесную статью Короленко о том, как уральские казаки разыскивали Беловодье, и пр. Но пока должен отложить. Вы пишете также о новых друзьях Учения. Таких нет, ибо единственный друг И[вана] совсем не интересуется в этом направлении.

Послал Вам позавчера с сердечной болью своё последнее письмо (от 1–7.1), извлечение из другого, более длинного, непосланного, потому простите, если не всё ясно сказал, а также за совсем мелкий почерк. Я старался описать лишь ход моих переживаний, без своих окончательных выводов. Как бесконечно трудно иногда судить! Как я писал, оказывается, их друзья не требуют ухода Карла Оттоновича, не знают его, и всё же они сами всё ещё решительно против него. Но роль К.О. совсем не такая большая. Если бы они хоть раз поговорили с ним по-человечески, по душам, они нашли бы точку соприкасания. И, как он, думает всё большинство членов. Он по своей натуре лишь слишком осмотрителен и медлителен. Почему у него и у нас вдруг антипатичное настроение и в чём оно выявляется? Разве мы стали вдруг совсем другими, чем были полгода тому назад? Мы ведь взрослые, следовали по пути Учения уже столько лет, и миросозерцание так внезапно не меняется, и тональность во всём нам дал Феликс Денисович. Столь мучителен этот вопрос и потому, что оказывается, что рождественская ошибка совсем не была так велика, как они [Гаральд и Иван. – *Г. Р.*] хотели её представить, даже не понимаю теперь, зачем они подняли всё это ужасное смятение, но чувствую, что они по-прежнему весьма недовольны. Иногда так трудно и сказать, когда они постоянно говорят от имени Н.К. Гаральд упрекает, что ни я, ни кто-либо другой в Обществе не может вполне понять. Они хотят, чтобы я их слепо слушался, но как же я могу что-либо провести, если «не понимают». Я согласен на перевыборы всего правления, если нужно для обновления духа, но нельзя же это сделать без санкции самого правления. Но некоторые члены против этого. Хочу созвать на днях правление, не знаю лишь, придёт ли Гаральд, ибо уже в ноябре оно не состоялось из-за Гаральда. Хотелось бы узнать и Ваше мнение о перевыборах. Притом, если вести объективно дело, при перевыборах могут оказаться выбранными прежние члены, ведь это зависит и от воли избирателей.

В последнее время я много думал и о культурных вопросах, разбирал статьи Н.К. о Культуре, также статью его с прошлого года, раздумывал над вторым отрывком. Мои друзья теперь чувствуют противоположное. Здесь мне нужен непременно Ваш совет. Ибо могу и я вместить всю грядущую культуру. Думаю также об интересном культурном издании Георгия Георгиевича, где между прочим была *Чаша Неотпитая.* У нас другие культурные условия и такое издание трудно возможно. Следующую книгу они хотели бы издать в таком роде. Также желают, чтобы во всём действовал лишь нуклеус трёх, но не могу их убедить, что никакие перемены в Обществе невозможны без одобрения всего правления или старшей группы, за которыми стоят все. Они хотят, чтобы членов постоянно ставили как бы перед постфактумом. Но где же тогда сотрудничество и единение? Члены могут и уйти. Даже иная окраска книги невозможна, если все старшие против того. Друзья полагают: пусть и не понимают, будем действовать без них. Но ведь путь Учения – раскрытие сознания. Нужно и других вывести из незнания... Далее, они полагают, что лишь они истинно любят Родину. Но любовь многокрасочна...

Екатерина Яковлевна и я так ожидаем Ваши ответы на наши письма от начала декабря. Я когда-то Вам упомянул также об «автоматических» писателях. Понятно, я уже давно советовал членам к ним не ходить, ибо нас всё это совершенно не может интересовать. Единственно г-жа Ренкуль порою идёт к ним, когда они просят, ибо не можем совсем отказать, если просят о духовной пище. Притом все они люди культурные.

Так, год этот является для меня, и прежде всего для меня, годом величайшего испытания.

Воздушная почта идёт отсюда лишь два раза в неделю, по вторникам и четвергам. Отправлю письмо завтра утром. По некоторым вопросам ждём спешный Ваш совет.

Шлю Вам и Николаю Константиновичу мои самые сердечные и признательные мысли.

Глубоко преданный Вам,

Рихард Рудзитис Елене Рерих

17 янв. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Всё ещё живу под впечатлением от недавно происшедшего. Как нечто безрассудное было возможно со стороны старших! Или, может быть, я мало знал их? Или здесь выявлялось нечто «дремлющее»? Или всё произошло в возбуждении и смятении? Екатерина Яковлевна дала мне прочесть копию своего сильно впечатляющего письма. Хотя в общем и так, но я ещё опасаюсь подвести во всём свой итог, хотя сердце и полно боли. Моя черта – доверяться до крайней возможности, даже в случае, если где чувствую неправду, стараюсь анализировать и подыскивать факты. Ибо, если в чём-либо потерять веру в друга, можно ли тогда дышать по-прежнему? Всё больше в сердце убеждаюсь, что Иван со своим суждением об «уничтожающей» ошибке пересолил, для того чтобы повлиять на меня, устранить Карла Оттоновича и провести своё влияние в Обществе. Если и было плохое впечатление от Рождественского вечера, то скорее информация была дана через очки самого Ивана. Если впечатление было столь отрицательным, то как случилось, что лишь несколько дней спустя наконец-то получили великолепный дар – книги![189] Обо всём другом я писал в своём прошлом письме. Далее, на общих собраниях, по совету обоих друзей, мы не касались эзотерики, Гаральд даже советовал не произносить имени Великого Владыки (вспоминаю и его возбуждение по поводу выступления Марии Андреевны Ведринской на Рождественском вечере!). А теперь, на днях, Иван, желая прочесть всем из Вашего последнего письма ко мне, прочёл, между прочим, и предложение о самом необходимом, что это указывается Великим Владыкой, пропустив об Учении, так дав иной оттенок. И т. д. Именно тем, что в последнее время порою не вполне понимал тактику Ивана, отчасти и объясняется моя осмотрительность, которую друзья истолковывали как «нерешительность».

На днях я написал Гаральду самое сердечное и длинное письмо, в ответ на фризии, которые он принёс мне в то время, когда меня не было дома, услышав, что я будто бы заболел. Я был весьма тронут и тем, что моя жена передала мне, что он пришёл приветливый и сердечный. Я писал ему, что разные индивидуальные подходы неизбежны и даже необходимы: как К.О., так и Е.Я. не менее ценные и достойные труженики для Нового Мира. По отношению к ним у него столько недоразумений, но пытался ли он с ними сердечно побеседовать? Мы часто оцениваем других через призму своей стихии, отсюда и непонимание. Нельзя же о людях судить по той или иной черте характера, надо судить по сердцу. Надо уметь терпеть друг друга. Моя сущность мне говорит, что надо найти взаимопонимание, ибо, думая иначе, я чужд Учению. У нас всех общая цель, и разве тактика может нас разъединить? Ведь надо стремиться согласовать разные темпы. Мы ведь все желаем наилучше исполнить дело Учителя. Единственно наши Водители могут всегда разъяснить истину и правильность действия, к ним и надо обратиться. Когда я вчера спросил Гаральда о его мнении о моём письме, он ответил: «Нельзя же добиваться мира любой ценой!» Хорошо, я ответил, было бы другое дело, если бы некоторые ушли из Общества. Но если же противные стороны остаются, то надо же достичь взаимопонимания! Как хотел я, посылая это своё письмо, затронуть сокровенные струны его души!

Вчера у нас было заседание правления. Гаральд искренно хотел, чтобы общее годовое собрание, с перевыборами правления (срок которого 15. III), состоялось по возможности скорее, и «ради очищения воздуха», в принципе, можно было согласиться. Но намеченное в старшей группе число 1 февраля оказалось совсем неприемлемым, так как к этому числу никаким образом нельзя будет приготовить все годовые отчёты и пр. Потому мы вчера окончательно условились на 22 февраля. С другой стороны, очень ждём к тому времени Ваш совет, чем нам руководствоваться. Ответьте хотя бы карточкой, ибо карточка скорее

---

[189] Советское полпредство передало Обществу дар от ВОКСа – около четырёхсот книг, изданных в СССР. – *Г. Р.*

доходит. Полагаем, что этот день может оказаться для Общества решительным, если не будет достигнуто успокоение со стороны обоих друзей. Именно Вы могли бы повлиять. Они уже с Рождественского вечера внушили мысль, что К.О. должен отойти от деятельности Общества, и отстаивают это с яростным упрямством. Мы узнали даже об агитации одного члена против К.О. и за введение «нового духа». Опасаюсь конфликта, ибо К.О. говорит, что не даст опозорить себя и вместе с тем и других: если его считают вредителем, то он должен же знать, почему; каждое честное и человеколюбивое взаимное разъяснение может ведь всё уладить. Так, К.О. вчера после заседания предложил Гаральду сердечно и дружно примириться с ним. Пусть скажет, что он имеет против него. Но Гаральд ответил уклончиво. Вообще, во время заседания он вёл себя несколько вызывающе, как будто является единым судьёй и хозяином всего и всех, постоянно расспрашивал и резко критиковал правление, и в особенности Карла Оттоновича. Он повторял старые обвинения, уже раньше мною ему логически опровергнутые как нелепые недоразумения или незнание фактов, но оказалось, что эти мои опровержения совсем остались без внимания. Затем он не слышал и других, которые, например, утверждение, что К.О. культивирует «недоверчивое настроение» и пр., доказали как совершенный вымысел. Порою и строгие реплики К.О. приводили [Гаральда] в большое возбуждение. Наши дамы, глубоко переживая, молчали. Здесь, в нашем храме, где произносилось столько речей о культурности и чуткости взаимоотношений, ещё не чувствовалось ничего подобного. Что произошло с моим другом? Ведь не всё это – лишь в возбуждении! Всё же верю его сердцу. Поймёт и успокоится. Чувствую сегодня, что всё будет хорошо.

У нас пока «перемирие» до 22.11. Не знаю, что случится, если в правление будет вновь выбран К.О. вместе с обоими друзьями! Это может случиться, так как К.О. готов и уступить, только не желает дать себя отстранить без согласия собрания. А также, что будет, если друзья не будут вновь выбраны! А также если Иван будет выбран и станет руководить и всей духовной жизнью Общества. Гаральд и К.О. могли бы прекрасно найти точку взаимопонимания. Это вполне возможно. И будем сердечно надеяться. Совсем не понимаю такой метод. Почему, с другой стороны, не желают считаться и с условиями? Кто среди нас против нововведений? Сколько раз я уже раньше призывал к ним. Но мы должны идти культурно. Много думал о последней статье Н.К. *Культура,* особенно о втором отрывке. Как можно чувствовать противоположное? Также издание, подобное [сборнику] Г.Г.[Шклявера], где печаталась *Чаша Неотпитая,* по нашим обстоятельствам невозможно. Получили ли Вы мои письма от 8 и 10 января? Спасибо за статьи Н.К. Получил также Вашу телеграмму в связи с уходом Клементия Станиславовича в день высылки. Я переехал теперь на новую квартиру в город, вблизи Двины, в район садов – Ausekla iela 3 dz. 71, в городской «блокгауз», где живёт много латышской интеллигенции. Трудно было вместиться в двух комнатах в Лесном Парке. Живём теперь вблизи Общества. У моей жены теперь, с весны, хорошая помощница, служанка, любящая детей. Дети здоровы, старшая, Гунта (6'/$_2$ лет), уже второй год как посещает детский сад. Для её общительности это необходимо. Прочла и немало книг. Вторая дочь – Илзе – полна юмора, её многие любят за это. Третья – Мария – прозрачность – serenitas. Когда-нибудь порасскажу подробнее и пошлю карточки. Сердечное спасибо Вам также от моей жены за всё, за всё.

С сердечной благодарностью и признательностью шлю Вам мои самые лучшие мысли.

Истинно преданный Вам,

Р. Рудзитис

19 февраля у нас публичный вечер «восточной музыки и поэзии».

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

19 янв. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Послал Вам вчера утром письмо. Сердце вновь испытало мгновение «смертельной тоски». Ведь посылаю Вам столь печальное письмо, вместо того чтобы порадовать. И притом

вся ответственность лишь на мне. И вот через час я получаю Ваши письма от 30. XII и 1.I и вновь встречаю радость. Спасибо! Теперь я вновь уверен, что сердце моё чуяло правду. Буду охранять честь и единение Общества всеми силами своего духа.

В Обществе вчера читались выдержки из этих писем, в старшей и общей группах, – этот столь убедительный и решительный призыв к единению. Почуял радость: снова будет хорошо. Присутствовали и оба друга (Иван потом ушёл). Но вот Гаральд после заседания подходит ко мне и предлагает, как будто ничего не воспринял, как будто всё сказанное в письмах относилось *лишь* к другим: «Я составил следующий список нового правления, и ты должен помочь его провести». Из прежних были оставлены лишь я и Гаральд. Я ответил, что наш закон не насилие, но доброволие. Не могу предложить такой список ни в правлении, ни в старшей группе, когда знаю, что большинство будет против него, – при теперешнем настроении это было бы просто явным умалением. Да и я сам с ним не согласен. У нас список должен составляться единодушно. Если такого нет, то гораздо лучше и проще предоставить выбор самым активным членам. Я сам тоже не прочь видеть некоторую перемену, но культурнее, если другого исхода нет, предоставить закрытому голосованию. Ведь у нас со времён Феликса Денисовича среди активных выбираются те, которые понимают Учение и стараются его провести в жизнь. На это Гаральд угрожал выборной агитацией! Но почему он боится голосования членов, т. е. совести Общества? Когда-то и мы с Екатериной Яковлевной думали, не предложить ли в правление совершенно новый, приемлемый ему состав. Но теперь опасаюсь, при таком методе, будет ли «новый дух» духом Учения? И если друзья откажутся от пути взаимопонимания и начнут агитацию, и члены это почувствуют, может случиться, что обоих друзей совсем не выберут в правление. Каждое, даже малейшее, разрушительное действие теперь так недопустимо. Далее, и радикальные перемены теперь по разным причинам могут явить опасность для Общества. Кабы все из нас методику своих действий искали лишь в Живой Этике!

Одна из главных заноз в глазах Гаральда по-прежнему это Карл Оттонович. Всё сказанное нами в его защиту оказалось забытым. Какая слепая неприязнь или враждебность! И вместо него Гаральд наметил кандидатом в правление Якобсона, ещё не совсем уравновешенного члена, пока единственного, который признаёт его тактику. Гаральд под влиянием Ивана стал фанатичным, его порою ребяческие выходки вносят диссонанс. Что может стать с Обществом? Но верю, что успокоится и образумится. Ибо больше всего на него надеюсь. Во многом теперь не понимаю Ивана. Понятно, вскоре начнётся снова наше сотрудничество. Но в сердце что-то как будто оборвалось. Ведь от друга требуется во всём достойное отношение. Чувствую теперь и свою вину, что в жуткие дни начала января я сразу не послушался голоса сердца, но больше рассудку доверился. Всё время у меня была борьба между голосом сердца и доверием. Ведь как я мог допустить даже малейшую неискренность? Притом ещё, если они не выступали бы от имени самого священного и для меня, я мог бы гораздо легче разрешить вопрос. Всё же теперь на сердце у меня уверенность, что друг Ивана доволен и совсем не требует того, чего сам захотел.

Сколько я думал, даже читал доклады о культурности, чуткости взаимоотношений! Недавно К.О. мне сказал, что на нападки он намерен отвечать со строгостью, ссылаясь на *Надземное* (§ 326): «Грубость не излечивается вежливостью». Я ему советовал найти срединный путь.

Я писал Вам, что перевыборы произойдут 22 февраля. Надеюсь, что всё к лучшему. Сегодня вспомнил, что 22 февраля некогда являлось чуть ли не роковым для нашего Общества. Я уже писал Вам, в августе 1934 г., о своём сновидении[190], где мне было Вами указано на критическое для человечества (или Общества?) число 22 февраля, и я получил также Ваш ответ. В следующем году оказалось, что вечером 21 февраля на собрании в Обществе чуть ли не произошёл раскол в связи с К.И.Стуре. И теперь снова это число. Вообще, в последнее время я получил ряд предостережений.

Верю, что всё будет хорошо. Шлю Вам и Н.К. мои самые сердечные мысли.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

———

[190] См. письмо Р. Рудзитиса от 9.11.1934.

Рихард Рудзитис Елене Рерих

26 января 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Не хотелось бы Вас больше обременять повторением фактов, притом чувствую, что оба друга несколько успокоились, полагаясь на перевыборы, но в связи с тем, что и Фёдор Антонович и другие писали Вам, я должен Вам повторить своё резюме.

I. Ф.А. жалуется, что в последнее время не происходили заседания правления. 1) Последние годы все практические вопросы обсуждались главным образом в старшей группе (т. е. на расширенном правлении). В апреле прошлого года мы решили посвятить им, а также вопросам дисциплины специальные заседания, которые собирались 2 раза в месяц. Те члены, которые вначале воодушевлялись этой идеей, потом стали всё реже приходить, так и сам Ф.А., и оба друга совсем больше не являлись (потом Гаральд месяц и не мог), так что в конце года заседания пришлось отменить. 2) В самое последнее время пришлось отложить заседание правления ради избежания спора, зная отношение Гаральда к некоторым членам правления. 3) Все более спешные и другие вопросы решались и в нуклеусе, в котором в последнее время, как Вы знаете, главную роль играл именно Гаральд, но отнюдь не Карл Оттонович или кто-то другой, о которых Гаральд утверждает. 4) До сих пор все этим положением были более или менее довольны. Всё недовольство началось с осени, но причину этого я уже осветил в своём письме от 3.ХП. Как раз сегодня Александр Иванович подал заявление правлению о диктаторских стремлениях некоторых членов, подразумевая преимущественно обоих друзей. Он требовал всё перенести на правление, переорганизацию правления, далее – чтобы члены не забыли, что у нас Общество Учения и т. д., и я с ним согласился. 5) Вы уже знаете некоторые мотивы, почему мы не могли принять в нуклеус и Фёдора Антоновича, а главным образом из-за его небрежности, также несдержанности в словах и пр.

II. Гаральд, должно быть, Вам писал о том, что я поделился о всей «рождественской истории» и прочем с Карлом Оттоновичем и Екатериной Яковлевной. Считаю, что с моей стороны было бы крайне нечестно, если бы я уничтожающие требования отстранить их от деятельности Общества не передал бы и им и не посоветовался бы с ними. Да и сам Иван в старшей группе раньше два раза выступал по своему вопросу. Когда думаю обо всём этом, несказанно больно. Я чувствовал, что какая бы ни была ошибка, но вся тактика была безумна. Я в то время чувствовал, что они были столь раздражены, что «были готовы на всё», и, невзирая на моё спокойное отношение, в одно время даже произошёл взрыв, и я опасался не только за Общество, но мне жаль было также самого Гаральда. Теперь он уже успокаивается; хотя порою вновь говорит в совсем нервозном тоне. Я не понимаю и такого отношения, как будто некоторые из нас являются совсем недостойными сочленами. С другой стороны, на днях Гаральд написал мне длинное воодушевлённое письмо о концерте *Героика* Бетховена[1]! Кабы он помог утвердить *Героику* и в жизни нашей общины. Полагаю, что при перевыборах произойдёт реорганизация правления, но если будут выбраны Гаральд (Иван, может быть, нет) и К.О., как смогут они сотрудничать? До сих пор у нас было единодушие и перевыборы не играли роли. Вы пишете о новых друзьях Учения, но пока их ещё не знаем.

III. Ещё сегодня читал в Учении: «Утверждение жизни надо строить на применении местных условий». Особенно в последнее время приходится об этом вновь думать. Вы ведь знаете и теперешнюю психологию. Опасаюсь и нового испытания. Кабы и друзья с этим считались. Жаль, если сборник[191] не доберётся до Вас. Сколько огня вложили. Но теперь не знаю, какова его цель, если он не служит мостом[192]. Только для нашей страны он имеет совсем малое значение, в Эстонию и Литву вместе послано около 25 экземпляров. Я согласен, в принципе, на вторую книгу, но в этот момент подобное и психологически труднее, и я опасаюсь снова за уровень самого содержания. Например, мы оба с Иваном «забраковали» статью Новосадова об эстонской поэзии, предназначенную для первого издания, сам Иван нашёл её некультурной, для меня она была местами даже грубой, но всё же, невзирая на мою просьбу, он послал её обратно Новосадову для переделки. Но легко ли

---

[1] Имеется в виду Третья симфония Л. ван Бетховена, *Героическая (Eroica).*

[191] Альманах *Мысль. – Г. Р.*

[192] В Россию. *– Г. Р.*

переделать нечто некультурное в культурное?

IV. Конфликт Гаральда с Янисом Мисинем. Мисинь обещал дать для монографии 20 тысяч, но дал уже около 16 (кроме того, дал для *Писем* и пр.), и большую часть – в прошлом году. Хотя обороты у Мисиня не малые, но вполне понимаю его уверение, что он теперь, в связи со всеми местными затруднениями, дать больше не в состоянии и даст при первой возможности. Гаральд же не верит в его искренность и постоянно напирает, и из-за этого не раз бывали «натяжки»... Гаральд подписал для его построек большие гарантии, но теперь требует обратно (психологически-то понимаю и Гаральда), но в таком случае могут разлететься и начинания Мисиня. Понятно, морально Мисинь (из-за гарантий) и обязан субсидировать, и есть ошибки у Мисиня, но ведь насильно ничего нельзя добиться, притом у всех в последнее время денежные затруднения. Долг за монографию ещё почти 30 тысяч латов, третью часть можно покрыть стоимостью оставшейся бумаги.

Только что приходил Гаральд. Я ведь во многом согласен с ним. Знаю и всё великое дело. Но почему такая у него тактика? Например, он ставит немедленные предложения, и если я предлагаю подумать, сейчас же обижается. Между прочим, он предложил поступать в одно общество, но когда я сразу не отозвался, ибо хотел больше разузнать о нём, так как, сколько помню, он сам когда-то настроил против него, говоря, что общество пассивно и пр., то он снова разгорячился. Но убедился, что для культурного сотрудничества всё же придётся туда поступать. О новом правлении Гаральд сказал, что в него не вступит, если туда будет избран и Карл Оттонович. Предложил мне сказать К.О., чтобы он сам ушёл. Но как это мыслимо!! Притом я раньше уже не раз слышал мнение и самого К.О. об этом вопросе. Гаральд всё ещё всячески мыслит, как бы «изъять К.О. из обращения». Он сам всё время даже настаивал на перевыборах правления, возлагал всё на «демократию», теперь же высказывается, что перевыборы не будут иметь значения, что будет перевыбран и К.О. и пр. Я ему сказал, что моя цель согласовать обе стороны, мы ведь все последователи одного Учения. Как же мне поступить? Весь вопрос, в конце концов, совсем не в одном Карле Оттоновиче. С Екатериной Яковлевной, хотя и с трудом, Гаральд теперь согласен сотрудничать. Но есть ещё другие старшие члены, которых он также не вмещает и относится отрицательно. По всем письмам Вы теперь знаете единственное его мерило человеческого достоинства. И мерит, часто основываясь на недоразумениях. Знаю и природу К.О.: чем больше на него будут нападать, тем менее он уступит. Но в чём же ему уступать, если друзья даже говорить с ним не желают? Но кто из нас во всём не уступал бы ради общего блага! Какие самые трудные и различные письма Вы теперь получаете. Знаю, что решить должно наше сердце. Всё же так ждём Ваш Совет. Хочу сказать, как обрадовали меня Ваши письма от 30.XII и 1.I. В этом году я послал Вам 4 письма (кроме этого). Теперь вижу лучше и всё прошлое, и даже ошибки. Величайшая Радость была бы, если мы все дружно вновь могли бы во всём сотрудничать. Всё же глубоко в сердце чувствую, что скоро вновь наступит такое единение.

С сердечной благодарностью шлю Вам мои самые лучшие мысли.

Глубоко преданный Вам,

Р. Рудзитис

Сегодня вечером получил Вашу телеграмму о высылке статьи о деятельности Общества. Вышлю следующей почтой.

Рихард Рудзитис Елене Рерих

31 янв. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Сегодня у нас было заседание правления. Так жаль, что Гаральд отказался явиться, хотя и я, а сегодня и Мисинь с ним долго говорили. Он желает, чтобы вопросы обсуждались и решались в «новом правлении». В связи с предстоящим годовым собранием и приготовлением отчёта также об издательстве мы не могли не обсудить вообще и положение нашего издательского дела, которое, как Вы знаете, очень сложно. И есть ли теперь

надобность такое положение всё ещё сохранять? Если перевести магазин на имя Общества, то вместе с централизацией всё упростилось бы. Теперь магазин принадлежит г-же Аншевиц, но после ухода её отца нет никого рядом с нею, и хотя, конечно, мы ей доверяем, но всё же положение не совсем нормальное. Потому в принципе мы и решили магазин и всё перевести на имя Общества, конечно, реально это так скоро не может осуществиться, притом должно быть достигнуто и единодушие и одобрение и со стороны Гаральда, хотя он год тому назад сам скорее был согласен, но мы это не сделали из-за разных обстоятельств. Далее – положение монографии: издателем является Общество, но заказ Гаральд сделал на своё имя, теперь Гаральд даже грозил отказаться от ответственности. Наряду с Гаральдом главным субсидентом в деле монографии, как Вы знаете, является Мисинь, так что и он морально имеет право следить за судьбой монографии. В магазине имеются два прекрасных бухгалтера, члены, работающие даром, годовой отчёт магазина даже показывает доход в Ls 1200. Аринь проявила себя как весьма разумная деятельница в магазине, но заведующими являются оба друга, которые, понятно, в кассовую работу не входят. Но заведующий должен быть в курсе всего, потому понятно, что для процветания магазина было бы лучше, если всё централизовалось бы в одних руках. Но при теперешней психологической нагнетённости, понятно, заведование пока должно остаться по-прежнему, может быть, сам Гаральд предложит какое-нибудь изменение.

В последнее время Гаральд несколько раз являлся ко мне, и я долго с ним говорил. Просто больше не знаю, что с ним. Порою совсем больше не старый Гаральд. Такого отношения я нигде в своей жизни не встречал. Откуда порою такая грубость? Просто нет сил порою возразить ему на все насмешливые слова, в резко раздражительной тональности. Просто не знаю даже, как с ним говорить, ибо получаю обратно непонятое и искажённое. С одной стороны, всё это кажется каким-то ребяческим, а с другой – не могу все угрозы не брать и всерьёз, ведь я имею дело с взрослым человеком. Просто всё время не понимаю, что он от меня требует и в чём я согрешил? Единственное его желание, чтобы я отстранил Карла Оттоновича, но если следовать его предложениям, это явилось бы насилием или чем-то другим тоже против духа Учения. Я недавно обрадовался, что Гаральд наконец-то согласился пойти нормальным и легальным путём, что сам вначале настаивал на перевыборах правления, что он согласен на решение самого Общества. Но теперь он, должно быть, убедился, что легально К.О. отстранить не сможет, так как при всяких выборах К.О., должно быть, получит большинство голосов. Два дня тому назад он снова обратился ко мне – что положение в Обществе не разрешает ждать до 22. II (хотя сам согласился на это число!), что надо созвать старшую группу – выбрать новое временное правление. Но не явится ли это комедией, так как юридически старое правление должно будет подписать решения нового правления! Но, с другой стороны, знаю, что большая часть старших членов всё равно будет голосовать за К.О., что план Гаральда внесёт лишь суматоху и пр. Когда Гаральд говорит, он желает во что бы то ни стало сейчас же провести свою волю, совсем не считается с собеседником. Разве это сотрудничество? Но ни я, ни Екатерина Яковлевна, ни даже и другие не понимают, в чём вина Карла Оттоновича! Гаральд считает его «ограниченным». Но послушал бы он хотя бы сегодня, как широко и разумно он докладывал о всём издательском деле. Посмотрел бы, какое у нас сегодня на заседании было возвышенно-дружественное настроение. К.О. у нас, так сказать, почти единственный, который знает все юридически-административные вопросы, связанные с Обществом. Все эти годы он составлял и большую часть отчётов для годового собрания и пр. Он прекрасно поясняет Учение. Понятно, есть у него и ошибки, о которых Вы знаете, но таких не меньше и у Гаральда. Чувствую, что в последнее время Гаральд свою ненависть к К.О. начинает переносить и на меня. И за что! За то ли, что я всё время всеми мерами хотел с ним сговориться, переносил спокойно всё, лишь бы успокоить его. Но до сих пор всё оказывалось неуспешным. Я так долго шёл на компромисс, что, может быть, это было даже моей ошибкой. Всё дело лишь в Карле Оттоновиче! Но после всего сказанного, дорогая Елена Ивановна, решите Вы сами. Недавно ещё я предложил ему ждать Ваш совет, но он отклонил, т. к. время спешит. Но чувствую, что он наконец успокоится – до Вашего ответа. Знаю, что он человек крайности, и уверен, что он снова переменит своё отношение к нам. Уверен, что снова будет хорошо. Но всё же я должен Вам описать свои теперешние переживания. Ибо нагнетения сразу не пройдут. В Обществе, за исключением пары членов, совсем нет разъединения. В группах по-

прежнему единение. Спешу отправить письмо сегодняшней воздушной почтой.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Прилагаю обзор деятельности Общества. Должно быть, Вы предполагаете для *Фламмы.* Английский перевод пошлю следующей почтой. Конечно, можете сократить, я только хотел дать обзор сполна.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

6 февр. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Посылаю Вам своё седьмое письмо в этом году. Получили ли Вы моё первое (от 1–7.1), без него Вы не сможете вполне понять всю причину последних событий. Надеюсь, что теперь, до 22.11, будет «перемирие». Может быть, и время исцелит. В последнее время я писал реферат о радости как особой мудрости, тема столь необходимая ныне. Недавно я писал Вам подробнее о вопросе правления. В прошлый четверг, на заседании, с грустью думал – откуда у кого-то вдруг могло появиться тщеславие? Десять лет мало кто интересовался правлением, некоторые из членов правления делали свой, главным образом незримый, но немалый труд, другие считались pro forma. Почему же теперь «демократия» приобрела такое значение, почему стали даже торговаться, чтобы попасть в правление. Ведь до сих пор каждый, пожелавший дать свою максимальную энергию на благо, мог получить должность, какую он хотел бы, вплоть до председательства. Ведь трудимся лишь для блага всех.

Состав нового правления обсудим лишь за несколько дней до выборов. К этому времени подоспеет и Ваше письмо. Возможно, что уйдёт всё старое правление, выставим лишь из младших (надёжных), чтобы образовался совершенно «нейтральный кабинет», можно было бы привлечь и К.И.Стуре. Ведь кто же согласится, чтобы было правление с исключительным влиянием обоих друзей? Всё же в сердце верю, что в решительную минуту придёт и Помощь. Ибо человек предполагает, а Бог располагает. У меня всё время (с 22 января) дивное чувство, что Н.К. уже в пути.

Художник В.Стойлов высказал желание подарить музею свою картину.

Прилагаю при сём английский перевод отчёта. Русский послал в прошлый раз. Спеша с отправкой, я не усмотрел в нём несколько опечаток на машинке, а именно: на 2-й странице, 12-я строка сверху, надо читать «в мае 1936 г.», на 4-й странице, 7-я строка снизу, надо читать «светлый час». Там же в 10-й строке снизу пропущено: «Кроме того, педагогическая секция устроила несколько детских вечеров».

В надежде на всё самое лучшее посылаю Вам мои самые светлые мысли и пожелания.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

Мой домашний адрес: Auseklaiela 3. dz. 71.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

8-2-40

Дорогой и родной Рихард Яковлевич!

Ваши письма от 1-го по 10 января пришли позднее писем Карла Оттоновича и прочих друзей. Чую всю тоску, всю скорбь Вашего сердца и так хотелось бы успокоить Вас, дать радость. Но сейчас могу лишь ещё и ещё раз повторить, как мы доверяем Вам, как ценим и любим Вас. Вы избраны Великим Владыкой на Ваш пост, и Он хранит Вас и просит проявить особую твёрдость и мужество в трудное время. Водительство людьми, да ещё в

такие сложные дни, задание труднейшее. Ведь даже с ближайшими сотрудниками приходится проявлять неисчерпаемое терпение и твёрдость в опасных положениях. В создавшемся конфликте, истинно, много недоразумений, большинство которых основано на несгармонизированном усердии в проявляемых действиях. Несомненно, каждый поймёт, что, очутившись между двух огней, необходимо явить особую осторожность и также бережность друг к другу. Уже десять лет, как изучаются основы Живой Этики, неустанно твердится о необходимости единения, отсутствие которого пагубно не только для всего дела, но и для каждого участника. Щит Света может покрывать лишь собравшихся под ним, но не будет скакать за ежеминутно выскакивающими из-под него. Указана была и великая Целесообразность, царствующая во Вселенной, потому, лишь следуя этому закону, можно преуспевать. Неужели кому-то трудно приложить мерило целесообразности и к обычной человеческой жизни? Этому нужно научиться. Конечно, прекрасно иметь в основании каждого дела ядро хотя бы из трёх сплочённых сознаний, ибо тем легче будет привлечь сотрудников и объединить их. Но такое ведущее ядро должно всесторонне усвоить основы Живой Этики и следить за *правильным* толкованием Советов и Намёков. Пусть все сотрудники ещё раз перечтут параграфы из *Надземного,* где говорится о великом значении единения. Пусть участники групп выпишут из Книг Учения всё сказанное о пагубе разъединения. А сейчас хочу просить, вернее *молю,* всех близких, ввиду грозного времени, проникнуться чувством *великого доверия* к Великому Владыке, такого доверия, которое не допускает никаких уклонений, никаких мимолётных сомнений и устрашений. Кстати вспомнить и о подвиге Е.П.Блаватской, которая на своём трудном пути являла именно пример полного доверия и верности. Её львиное сердце не знало ни страха, ни сомнения. Она мужественно несла своё поручение, и там, где ей было нечто неясно, она шла так же твёрдо, ибо великая несломимая вера жила в её сердце. В *Надземном* в § 135 сказано: «Даже в самые трудные минуты она устремлялась к Нам. Такая сила воли создавала вибрацию мощную. Никто и ничто не могло заставить её хотя бы косвенно осудить Учителя. И прямое несчастье не могло заставить её забыть о Братстве. Даже при кораблекрушении она твёрдо держала мысль о Братстве, и такая решимость усиливала вибрацию священную...» Много ли таких учеников, которые ни разу не допустили в глубинах своего сознания шевеления маленькой змейки сомнения или осуждения? Даже прочитавшим все книги Учения трудно усвоить, что Стоящие на дозоре мира видят, куда несётся Колесо Необходимости. Трудно сознанию земному подняться на план высший, откуда видны следствия порождённых причин. Иным трудно даже выйти за пределы круга своего непосредственного окружения. Но Справедливость Высшая не считается с людскими вожделениями и разграничениями, а слагает целесообразно, движимая великим импульсом эволюции или гармонии. Сказано: «Урусвати знает, что Стоящий на Башне видит больше, нежели сидящий в подвале. Нужно ли твердить такой труизм? Но если говорю, значит, в этом есть нужда. Люди не различают между Башней и подвалом, они, вопреки очевидности, не обращают внимания на Голос с Башни. В самые напряжённые дни люди будут мыслить, как в обычное время, но такой образ мышления есть преступное попустительство. Неужели не придёт на ум, что каждое событие должно быть сопровождено и достойным образом мышления? Люди, бегущие из горящего дома, не заботятся, если кто-то толкнёт их, перед ними цель гораздо большая. Но люди редко представляют себе истинное положение вещей, потому их голоса звучат как бы из тёмного подвала. Они и пляшут в своём подвале, они и ссорятся, и раздражаются, точно бы к тому был час подходящий! У людей поразительная привычка видеть всё через свои очки, при этом они много говорят о суждении объективном. Пора пополнить цивилизацию умением оценивать события. Разумная оценка могла бы предотвратить некоторые мрачные события. Люди слышали об Армагеддоне, но не считаются с действительностью. Положительно нужно твердить труизмы, ибо даже простейшие Истины отвергаются, и с каким самомнением! Также нужно твердить о доверии – с Башни видней! Мыслитель говорил: “Если взойду на кровлю дома, то всё же Афина Паллада на Акрополе увидит несравнимо больше”». Путь эволюции был ясно указан, и никто и ничто не может пресечь пути Суждённого, которое уже чётко наметилось в мирах надземных. Именно, ноумены событий чётко обозначились, и не уйти человечеству от сложенного им. Черёд отдельных событий мелькает, как волны, но девятый вал возносит и обрушивает. Хорошо оказаться при наступлении девятого вала в ладье, сложенной и оснащённой из доверия и верности,

Незримый Кормчий пронесёт *невредимо* такую ладью по всем гребням до лучшего берега. Привожу беседу о доверии и верности. «Урусвати знает, как прекрасно излучение чувства доверия. Из скал доверия слагается гора верности, которая пребудет украшением Вселенной. В понятии верности сочетаются лучшие основы жизни, там и любовь, и красота, и преданность, и мужество, и мудрость. Верность есть следствие многих разумных существований. Антиподом верности будет вероломство и предательство, иначе говоря, самый позор человечества. Если такой противник у верности, то она, поистине, есть вершина горы. По антиподу можно представить того, кого преследуют. Верность оценивается, как великое сокровище. Космическая Справедливость воздаёт щедро за верность. Воздаяние приходит в срок. Лишь немногие могут понять это срочное воздаяние. *ЧТОБЫ ПОНЯТЬ СРОК, НУЖНО ПРОЯВИТЬ ВЫСОКУЮ СТЕПЕНЬ ДОВЕРИЯ. ЗА ТАКУЮ СТЕПЕНЬ ДОВЕРИЯ МЫ БЫВАЕМ ПРИЗНАТЕЛЬНЫ.* Обоюдная признательность есть ключ к гармонии. Это простое утверждение для многих покажется нелепым. В таких сердцах не живут признательность и верность. Урусвати знает силу этих качеств, даже в больших трудах они освещают путь жизни. Дико должно быть сердце, не знающее доверия и признательности.

Базарные мудрецы усмехаются и пересчитывают, сколько раз они обманули чьё-то доверие. Они наполнили свой кошель и возложили на себя тяжкий горб. Пусть лучше человек будет обманут, лишь бы не быть обманывающим. Качество доверия сложит многие преуспеяния. Но пусть это благословенное качество не ждёт каких-то необычайных случаев для своего проявления. Каждодневная жизнь даёт лучшие возможности явить это отличное качество. Так куётся прочная связь с Нами. В одно мгновение можно озариться прекрасным пурпуром излучения доверия. Какая мощная заградительная сеть получается! Мы нередко говорили о друзьях, но нужно иметь в виду верных друзей. Могут быть друзья легкомысленные и неосторожные, и то и другое происходит от недостатка верности. Когда мы что-то очень ценим, мы и бережём. Так пусть скала доверия и гора верности стоят прочно. Мыслитель говорил: “Пойду на базар, не обманет ли меня кто? Обманывающий не знает, что он мне даёт пропуск на лучший берег Стикса”». – Чувство доверия, чувство признательности – величайшие блага мира. Неиспытавший радость и мощь этих двигателей лишил себя счастья несказуемого. Родные, перечтите из *Иерархии* параграф о наполнении сердца Владыкою... В тяжкие дни чаще повторяйте великий Призыв из книги *Зов:* «Я – твоё благо; Я – твоя улыбка; Я – твоя радость; Я – твой покой; Я – твоя крепость; Я – твоя смелость; Я – твоё знание!» Так оно и есть, и кто не осознал этого, сердце того не проснулось ещё к радости надземной. Именно, всё счастье наше в прочувствовании этой великой и радостной зависимости ученика от его Гуру. Когда сердце откроется, оно восчувствует и великое притяжение Космического Магнита. Знаю, что Ваше сердце звучит на этот призыв и Вы, прочтя сотрудникам и членам Общества приведённые Беседы, найдёте и слова нужные и прекрасные, чтобы ещё больше запечатлеть их в сердцах друзей.

Но помнить нужно, что там, где есть страх, там призыв не зазвучит, минует его притяжение Великого Магнита. Испытавший хотя бы раз мощь и восторг этого притяжения никогда не забудет его.

Родной Рихард Яковлевич, Вы пишете, что, перечитывая статью Н.К. *Культура,* внимание Ваше остановилось на втором абзаце.

Я тоже очень люблю эту статью, рисующую современное положение вещей в мире, когда политика и культура в существе своём разошлись, тогда как именно по существу и то и другое должно служить улучшению жизни. Но, увы, никто больше не прислушивается к мудрым речениям мыслителей древности. «Несомненно, – как пишет Н.К., – платоновская общественность не укладывается в узкие рамки теперешней политики». Современная государственная политика опирается на ту или иную партию, но истинное водительство, опираясь на основы Культуры, должно стоять вне партийности или, вернее, *поверх* всякой партийности, ибо оно являет собою синтез. У Вас имеется книжечка[193]. Не сомневаюсь, что именно жажда по культурной общественности живёт в глубинах Вашего чуткого сердца, и потому именно Вы поймёте, как нужно строить добрые отношения на обмене культурными достижениями даже с трудными людьми. Знаю, как многие люди стараются уклониться от участия во всякой политике, но подумали ли они – возможно ли это в действительности? Существует мнение, и очень распространённое, что ведать и вести политику страны могут

[193] *Напутствие Вождю.*

лишь специалисты в ней, но на это можно было бы привести слова одного мудрого человека: «Беда в том, что невозможно отграничивать или определить, где начинаются и кончаются пределы политики. Каждый гражданин страны вольно или невольно только и делает, что творит политику». Потому самая лучшая мера для улучшения и оздоровления политики – это начать с правильного воспитания народа в духе дружелюбия и неограниченности познавания. Вдумайтесь в эти мудрые слова, и они объяснят причину всех бедствий, происходящих от человеконенавистничества, внедряемого с молоком матери. У многих народов недоброе чувство по отношению к тому или иному соседу уже стало атавизмом, и чтобы бороться с таким злом, нужна большая культурность и сила духа. Привожу Беседу, в которой указано, что основа международных конфликтов лежит в каждодневном быту народов.

«596. Урусвати знает, что каждое человеческое общение порождает следствия для всех участников. Следует повторять это всем людям, ибо большинство вообще не понимает, о чём идёт речь, и даже просвещённые люди думают, что предполагается какое-то важное действие, а привычный обиход не имеет касания к сказанному. Нужно подчеркнуть, что Мы говорим о каждом действии, независимо от его размера. Могут сказать – неужели домашний обиход может иметь глубокое значение? Именно может. Постоянно говорят о несчастных, безвинно страдающих, но посмотрим в корень бытия и найдём множество причин, порождающих несчастье. Могут быть прямые и косвенные причины. Может человек страдать по вине другого, но какая-то связь следствий должна быть. Простой семейный быт разве не порождает множества следствий? Семья забыта и часто служит злейшим рассадником вражды. Могут ли такие порождения проходить бесследно? К тому же они обычно прикреплены к одному месту, и тем усиливается размножение этих губительных бактерий. И такие людские рассадники являются опасными врагами счастья человеческого. Но также не забудем многолюдные учреждения, где гнездится человеконенавистничество. Так люди должны помнить свой долг и не заражать пространство. У Нас имеются аппараты, которые показывают заражение пространства. Правители зовут решать дела мира, но *ОСНОВА РАЗДОРОВ* вовсе не в неудачном приказе, но *В КАЖДОДНЕВНОМ БЫТЕ НАРОДОВ*. Мыслитель говорил: “*НЕ АРХОНТЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ, НО КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН ТАИТ ЕЁ В СВОЁМ ДОМЕ”*».

Итак, поскольку возможно будем следовать идеалу платоновской общественности и вносить культуру во все человеческие отношения, тем самым вступим на путь Служения Человечеству.

Вы – бард Великого Грааля, разыскивая в вековых памятниках следы проявления величественного примера такого Служения Человечеству, наверное, не раз задумывались над разносторонней деятельностью участников этого Братства. Именно, не рыцари, отшельники и молчальники собирались в этой Твердыне, но все самые самоотверженные, самые дерзновенные искатели Истины и самые деятельные строители жизни во всей её многогранности.

Даже скудное земное воображение запечатлело их подвиги в доступных для себя образах, но истинная сущность и мерило этой напряжённейшей, самоотверженной деятельности остались вне вместимости земного сознания. Неустанное Действие было Их девизом, действие на общее благо. Ибо Действие положено в основу Мироздания. Оно есть первейший закон Вселенной. Действие, Притяжение и Отталкивание – троица, которой держится весь Космос. Но именно действия люди и боятся больше всего. Учение говорит: «Даже ошибку в действии легче исправить, нежели построить нечто на мертвенном бездействии». Потому будем продолжать действовать и строить бережно добрые отношения *на основе культуры* со всеми указанными и подходящими к нам людьми. Положим в основу наших действий великое Доверие к Руке Ведущей и в тяжкие дни Армагеддона научимся днём и ночью повторять молитву: «Владыка, даруй разумение, дабы не пройти *мимо труда твоего!»* Перечтите § 57 в *Агни-Йоге.* Нам очень нужно будет установить добрые отношения и с новыми друзьями, потому пусть Иван Георгиевич со всею тактичностью продолжает начатое доброе дело. Очень люблю и § 55 из той же книги. Истинно, ничто не может преградить путь Суждённому. Возродится дух человеческий, и каждая ошибка, совершённая для Нового Мира, превратится в цветок смелости. Будем черпать силы в сознании творимой *мировой справедливости.* Дан «приказ – “будьте справедливы”. Но о какой справедливости говорим? Люди ухитряются сотворить много “справедливостей”. Они знают справедливость

личную, семейную, родовую, племенную и расовую. Они прикрываются справедливостью служебною, школьною, профессиональною, не перечислить всех людских справедливостей, но забыта справедливость человеческая. Люди судят со многих точек зрения, но главная – мировая справедливость – нигде не будет принята. Мы уже говорили о судьях несправедливых как о позоре человеческом, но следует сказать не только о судьях, но о всех двуногих, погрязших во лжи. Каждый человек каждый день произносит приговоры. Он берёт на себя ответственность бросить в пространство стрелу лжи, ибо обычно он судит условно и часто невежественно. К тому же человек преисполнен пристрастия и даже испытывает злорадство, посылая отраву. Много физических ядов, но ещё больше психических... Нужно приучаться к человеческой справедливости. Нужно проверять себя – не закралось ли суждение пристрастное? На обиходе нужно проверять себя...» Родной Рихард Яковлевич, мечтаю услышать о Вашем единении с Гаральдом и Иваном и Екатериной Яковлевной. Дайте Великому Владыке эту радость. Ваше сердце найдёт слова доходчивые, но проявим осторожность к Карлу Оттоновичу, сознание его ещё многое не вмещает. Шлю Вам всё моё доверие, всю веру в чуткость Вашего сердца. Действие в доверии – пусть будет девизом нашим в эти дни переустройства мира.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

18 февр. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

После последнего письма к Вам думал, что не буду больше возвращаться ко всему столь мелочному. Так мучительно писать. Ведь вся моя сущность против критики. Особенно как можно писать о друзьях и сотрудниках. Ибо стараюсь посмотреть и с их точки зрения, видеть и их правду. Я вполне понимаю Екатерину Яковлевну, которая раз сказала, что она после последних писем к Вам была совсем больная. То же переживаю и я. Притом хорошо знаю, что через некоторое время все наши переживания покажутся лишь жутким сном. Также знаю, что, помимо разных взглядов на тактику, есть немало и самых печальных недоразумений, которые мы должны бы прежде всего сами разрешить между собою. Но сегодня Гаральд снова напомнил о своих «аршинных» письмах к Вам, намекнул о некоторых просто поразительных недоразумениях, которых касался, потому не ради себя, но и ради других друзей я должен хотя бы совсем кратко осветить и своё мнение.

Ещё раз повторяю – в принципе, во многом, ведь мы все согласны, но почему же такая тактика? Ведь для нас метод – это Учение, дисциплина духа и любовь, а не всё то, что омрачает взаимоотношения. Не стремясь к этой дисциплине духа и взаимной симпатии, для чего же посещать группы Учения? И в чём же ответственность за каждую мысль и слово? Многого просто не постигаю. Можно ли вчера назвать кого-то предателем, а сегодня быть о нём уже противоположного мнения? Сегодня кому-то не хочет подать и руки, а когда-то думал, что ему надо предоставить даже дар доверия. И т.д. В отношениях к Карлу Оттоновичу и другим, можно сказать, выявляется и много упрямого самовнушения. Почему же я отстаивал Карла Оттоновича? Мне показалось, что здесь учиняется обида не лично К.О., но самому принципу справедливости; что хотели опозорить и оклеветать сотрудника, который десять лет отдавал свои сердечные устремления, притом я не мог увидеть той вины, которую ему приписывали, ибо обвинения эти, с моей точки зрения, не выдерживали критики. Не к нему одному, такое же отношение и к некоторым другим членам. В чём же его шовинизм? Правда, он несколько раз сильнее утверждал об условиях, также о соизмеримости и прочем. Но он думал о сохранении Общества. О его чертах характера я уже писал. Также и в старшей группе (в самых младших могут быть и некоторые исключения, но вполне не проверил) никогда я не чувствовал этого духа, который, кажется, оба друга приписывают. Совсем не знаю, кто мучился бы из-за очевидности, ибо знаю, что сотрудники принимали её как необходимое. И я сам постоянно чувствовал её как щит. Напротив, Вы знаете, какие упрёки нам посылаются. И мне это совершенно чуждо, и непонятно, как оба

друга могут кому-то такое приписывать. Напишу обо всём в других условиях. Так рад я, что Вы всё же получили Книгу. Она являлась и моей радостью, но вначале я просто ужаснулся поверхностности и спешке. Например, предвиделась статья, которая в паре мест даже противоречила Живой Этике. Если бы не Общество за всё отвечало, то Иван мог бы действовать по своему желанию. И я вложил в неё свою двухмесячную энергию, дал и свою тональность, собрал половину статей, следил за переводами, выбрал Ваше письмо и места о мысли. Правда, вначале я настаивал на сокращении одной статьи (м. б., и ошибся, но было и своё основание, об этом скажу потом), потому что она не для широкой публики, а отчасти и по «местным условиям», но потом согласился.

Какой ужас недоразумений! Например, Екатерина Яковлевна недавно мне хвалила супругу Гаральда Феликсовича за её великодушие, что она сама предложила взять на себя оплату монографии (что, понятно, не приняли бы), в случае если муж больше не смог бы. Гаральд же мне сказал, что как будто сама Е.Я. предлагала ей это, и в связи с тем он писал Вам о «пошлости» и пр. Не знаю подробностей разговора, но и здесь, должно быть, было просто недослышание, ибо кто не понимает, что супруге немыслимо же предлагать взять на себя дело Гаральда и всего Общества! Не знаю, что Гаральд Вам писал о монографии, и не хочу вдаваться в мелочи. Если кто-то напомнил ему об ответственности за монографию, то просто потому, что встревожились угрозой. После конфликта с Мисинем Гаральд говорит, что выплату берёт лишь на себя, конечно, ему поможет и Общество, хотя в данное время труднее со средствами. Вначале Гаральд был так уверен в своих ресурсах, что мало считался с мнением других. Теперь число его пациентов, м. б., вчетверо сократилось.

Новая струя хаоса хлынула в связи с гарантиями. Я всё время считал это дело частным, лишь в конце прошлого года получил осведомление. Подписавшим гарантии Мисинь обещал жертвовать на монографию, что он уже и делал. Теперь Гаральд вдруг стал бояться, что Мисинь может потерпеть крах, и потребовал гарантии обратно – под конец через адвоката. Раз в четверг Гаральд спешно потребовал, чтобы я в старшей группе предложил Мисиню подписать ему вексель взамен его гарантий, т. к. Мисинь отказывается это делать. Когда я не согласился перенести конфликт в Общество, это возбудило его ещё больше. Вечером он встретился в Обществе с Мисинем и Екатериной Яковлевной, долго слышался раздражённый голос, наконец условились, что Мисинь подпишет Гаральду векселя на сумму гарантий, но отдаст на хранение Екатерине Яковлевне, которая тоже подписала часть гарантий. Психологически, м. б., лучше было бы отдать Гаральду, но Мисинь устрашался, чтобы Гаральд в гневе не пустил векселя в обращение и это не вовлекло его дело в крах. При нашей встрече я, к сожалению, сказал Гаральду что-то ошибочное про срок гарантий, просто забыл, что возбудило его ещё больше. Удостоверившись в своей ошибке, я написал Гаральду сердечное письмо об этом, сказал также, что конфликты обычно основываются на недоговорённости и пр. Но на другой день на всё это Гаральд по телефону осыпал меня такими упрёками, что я долгое время чувствовал своё сознание в грязи. Мои возражения были бессильны перед стихийностью. Долго потом присматривался к своей совести. Просто не мог понять: в чём моя вина? Зачем всё это нелепое и необоснованное? Говоря с Гаральдом, всегда приходится думать, так ли понял каждое моё слово собеседник. Почему он считает, что поставлен единым судьёй над всеми? Порою просто изумляет, на что он обращает свою критику. Разве это сотрудничество? Сколько членов получили совсем незаслуженную боль. Именно те, которые также необходимы в великом строительстве. Ведь все стремятся к Новому Миру, все жаждут его и примут в нём участие. Всех нас должно скреплять уважение к человеческому достоинству и дружелюбие. Об «отзывах» [из советского полпредства. – *Г.Р.*] ничего не слышно, пока Иван не является на общие собрания. Почему они так уверены лишь в своей правоте?

Дни и бессонные ночи я думал, как найти выход из создавшегося положения. Я болел не только за Общество, я болел также за сердце самого Гаральда. В сущности, разлада в самом Обществе нет и не было, он лишь среди нескольких старших членов. Хотя младшие члены чувствуют, что в самой старшей группе что-то не в порядке, чувствуют и тактику обоих друзей, и это вызывает пересуды и некоторое волнение. За эти два месяца постоянно активным был Гаральд (и за ним Иван), и неизвестно было, что он снова выдумает и потребует, обсудив с Иваном. Но ведь ничего такого в Обществе не было, из-за чего стоило так тревожиться и чего нельзя исправить. Скорее, всё спокойствие и гармония Общества

зависят лишь от него и Ивана. В упомянутый день 10 февраля, после телефонного разговора и всех переживаний, я окончательно решил, что ради блага Общества я должен отказаться от председательства, и обратился к Е.Я., чтобы она при перевыборах взяла на себя водительство Обществом. Ибо был уверен, что в эту решительную минуту именно она лучше поведёт корабль. Был уверен, что Гаральд скорее примирится с ней и её *женское сердце* победит то, что мне не удалось. Притом у неё как у зубного врача есть и большой жизненный опыт. Притом я полагал, что лучше, чтобы ушло и всё старое правление и образовалось новое, нейтральное, но тогда должен быть избран и новый председатель. На другой день я получил наконец и согласие Е.Я., но в понедельник, 12 февраля, нежданно пришла Ваша телеграмма[194]. Это были часы моей мучительной тоски. Знал ли Великий Владыка мои глубочайшие переживания? С сердечным чувством приношу Вам свою благодарность за доверие. С нетерпением жду и писем. В четверг в старшей группе я кратко рассказал о моём решении отказаться и о телеграмме, которая изменяет теперь моё решение. Также сказал, что, какой бы ни был состав нового правления, оно должно основываться на взаимной любви и дружбе. Вечером написал Гаральду самое воодушевлённое письмо о сердце.

Сегодня я встретился с Гаральдом и Екатериной Яковлевной. Если было бы выбрано и совершенно новое правление, я всё же надеялся в нём увидеть и Гаральда. По теперешним событиям и условиям, м.б., даже лучше, если оставить старое правление. Наконец условились отложить выборы до середины марта (15 марта у нас последний срок), принимая во внимание также Ваше письмо к Фёдору Антоновичу.

Если содержание двух заседаний правления (декабрьского и январского), на которых отсутствовал Гаральд, не дошло бы до Гаральда так или иначе несколько перекрашенным, то не появилось бы столько лишней смуты и нелепых подозрений. Не понимаю и Фёдора Антоновича! Просто не понимаю также, зачем теперь так гонятся за попаданием в правление.

Скажу откровенно, так несказанно жутко сердцу за последние переживания. Как очистится наш ашрам от грязи? Именно сами старшие далеко не пример. В чём мы преуспели? В чём же мы последователи Живой Этики? Бесконечно стыдно за всех нас...

Наш вечер восточной поэзии и музыки, к сожалению, должны отменить: не разрешают. (Исправьте, пожалуйста, и в нашем отчёте.)

Мы прочли некоторые параграфы из *Надземного,* касающиеся более чисто моральных вопросов, также на наших четверговых собраниях, можно ли? Можно ли выписать некоторые более популярные параграфы? Далее, Евгений Александрович уже вторично обратился ко мне, чтобы я написал Вам о его просьбе разрешить ему взять с собою в Двинск *Надземное* для прочтения ближайшим друзьям (или снять копию). Я ему сказал, что Указано держать лишь в одних руках и пр., но так как он всё повторял свою просьбу, то я должен Вам писать о ней. Всё же опасаюсь отдавать в провинцию и сомневаюсь, чтобы его можно было бы читать всей его группе, хотя он и уверен (ведь он не знает сокровенность содержания). Я ему советовал остаться на несколько дней в Риге и прочесть в Обществе или приехать специально для этого. Так можно было бы дать и отдельным другим ближайшим сотрудникам прочесть в Обществе. Также сообщите, можно ли один экземпляр *Напутствия Вождю* предоставить Ивану Георгиевичу?

Приближается наш великий День 24 Марта, не знаем, с каким чувством мы встретим этот день.

У меня остались посланные Вами в прошлом году деньги. Могу ли от Вашего имени поставить фризии?

23 февр.

Хотя собрание отложили, всё же с некоторым волнением ждал 22-ое, особенно заседание старшей группы. И.Г. прочёл Ваше письмо от 23-го и Н.К. от 22 января. Некоторые члены стали ставить и вопросы, не все из которых удалось разрешить. Решили на следующий раз начать *Листы Сада Мории.* На общей группе Евгений Александрович прочёл свои статьи о Единении и Сердце и из Учения *(Надземное).* Чувствую, что этот вечер всё же был поворотом к *лучшему.*

Шлю Вам и Н.К. в эти наши дни испытаний мои самые сердечные и самые преданные

---

[194] Richard reaffirmed president society. Appreciate greatly unity among friends. Roerich (Рихард вновь подтверждён президентом Общества. Крепите единение среди друзей. Рерих). – *Г. Р.*

мысли.

Искренне преданный Вам,

Р. Рудзитис

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 26 февр. 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Послал Вам своё письмо от 18–23 февраля. Письмо это пришлось переписать несколько раз, и всё же в глубине сердца осталось глубокое беспокойство. Передал ли я сущность вещей? Ведь правда не во внешнем, не в словах, но в духе. Потому и шлю ежедневно свои мысли любви к Гаральду. В минуты самые смущающие я себя успокаивал: он теперь вошёл в период нервного раздражения, усталости, всё это пройдёт и вновь вернётся мой милый Гаральд, как год тому назад. Притом знаю, что теперь Армагеддон, люди впадают иногда в совершенный тупик. Ведь горит сердце Гаральда. С этой мыслью я пережил и прошёл многое. С этой мыслью всё надеюсь и на сотрудничество. Знаю, что и Гаральд руководится преданностью. Но знаю и преданность Екатерины Яковлевны, Карла Оттоновича, Мисиня и других, тех, на которых бросается тень. Все они чувствуют истинную преданность Великому Владыке, все служат Единому, но почему же тогда нет взаимопонимания? Все призваны к строительству, потому не должно быть нетерпимости, и притом ещё – во имя Нового Мира!

Я писал Вам, что собрание отложили на середину марта. Но опасаюсь за выборы, если всё же случится, что даже Гаральд не попадёт в правление, что подумают о нас его друзья[195]! Исключительное мерило обоих друзей, направленное совсем необоснованно против ряда членов, понятно, чувствуется, и это причиняет боль. Вы знаете также о местных условиях, которые особенно в последнее время напряжены. За иностранными культурными обществами следят и, если не понравится что-либо, могут и закрыть. Если будут большие перемены в правлении, нежелательное лицо и пр., могут даже назначить кого-либо извне. Потому и отсрочили выборы. Самое непонятное, как оба друга могут приписывать то, что сердцу каждого просто противно. Ведь для чего же мы воспитаны на основах Живой Этики? Ведь первый тон нам дал уже Феликс Денисович. Если кто истинно любит Учение, как же не полюбит то, к чему направлена весть Учения[196]. Гаральд меня назвал националистом. Даже стыдно было возражать. Никогда в жизни не думал, что и такое искажение придётся с друзьями обсуждать. Пусть спросят каждого культурного человека нашей страны, и он скажет обратное. Если бы друзья прочли хоть одну мою книгу, одну мою статью! Просто не знаю, где логика! Также известны причины, почему не хотели перерегистрировать. Хотя большинство членов (а также всё правление) латыши, в Обществе главный язык (на 90%) другой, не знаю, в какой стране В *НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ* ЭТО ДОПУСКАЛОСЬ бы!

Во втором сборнике[197] Иван желает печатать также статьи, противоположные ранее упомянутой статье Н.К. о Культуре, например, договор-очевидность[198], речь главы[199] и пр. Я сказал, что необходимо Ваше мнение и разрешение на такое направление. Моё мнение, что покажется весьма странным, что случайная книга занимается подобными вопросами, и при теперешних условиях даже вряд ли пропустят. Также возможно, что и первый сборник не прошёл бы так скоро или совсем задержали бы, если бы в отдел[200] вместе со мной с книгой не ходил один из близких к нему видных чиновников. Можно ли выйти из рамок первого сборника?

Иван теперь собирает статьи один, на первый сборник он дал средства, горит этим делом, но всё же ведь я являюсь ответственным представителем издательства, и что касается Общества, я хочу сотрудничества во всём. Было больно теперь слышать, что книга как будто

---

[195] Работники советского полпредства в Риге. – *Г. Р.*

[196] Россию. – *Г. Р.*

[197] *Литературные записки.* – *Г. Р.*

[198] Имеется в виду договор между Латвией и СССР. – *Г. Р.*

[199] Сталина. – *Г. Р.*

[200] Цензуры. – *Г. Р.*

совсем не предназначена для страны[201], представителям которой переданы лишь 15 экземпляров! Много раздумывал, как сохранить в безопасности Общество. Не могу думать: при других обстоятельствах мы вновь сможем открыть. Ведь что останется от физического и духовного нашего наследия? Также не забываю Ваше указание, что культурные очаги в наше время являются как бы спасительными якорями планеты.

В конце концов, почему всё осложнилось, когда основа сотрудничества так проста: именно – сердце. Но где граница этой меры сердца?

Шлю Вам и Н.К. мои самые чистые и светлые мысли и сердечные пожелания.

Искренне преданный Вам,

Р. Я.

———

Елена Рерих Рихарду Рудзитису

5-3-40

Доверительно.

Дорогой Рихард Яковлевич!

Вы, конечно, чуете, сколько огорчения принесли нам недоразумения, возникшие среди сотрудников в связи с непониманием происходящего строительства на общее благо. Десять лет изучаются заветы Живой Этики, пробил час показать, насколько кто усвоил их. Неужели все восхищения и готовность следовать этим заветам были только на словах? Несказанно больно было читать обвинения, бросаемые Карлом Оттоновичем против Гаральда. Сердце моё не может вместить, как могло у некоторых сотрудников зародиться такое недоброжелательство к сыну Феликса Денисовича. Феликса Денисовича, которому они столько обязаны и о котором сами же писали столь возвышенные страницы! Неужели никто не задумался о тех страданиях, которые они причиняют Феликсу Денисовичу? Сердце болит за такое жестокое и явно несправедливое осуждение Гаральда. Приближаются памятные дни 24 и 28 Марта, какими же глазами, с каким чувством будут обвинители смотреть на портреты Великого Владыки и Феликса Денисовича?! Мне больно, так больно, что и выразить не умею.

Мы знаем искреннее отношение Гаральда ко всему происходящему, и не от него самого, но из другого Источника. Не раз было повторено – «берегите Гаральда, охраните его». Знаю, что его нужно именно охранить, ибо он в своём рвении иногда не считается со своими возможностями. Пример мы имеем в его большой щедрости. Знаю также, что он слишком быстр в своих действиях и несдержан в выражениях. Но всё это искупается его редчайшим сердцем, незлобивостью, честностью и замечательною чертою: он всегда ищет ошибку прежде всего в себе самом. И хотя во все века можно видеть, как люди с широкими заданиями и подвижным сознанием постоянно были обвиняемы в честолюбивых замыслах, но всё же особенно прискорбно, когда подобные обвинения пускают корни среди людей, примкнувших к заветам Живой Этики. Пусть Карл Оттонович, обвиняющий Гаральда в честолюбии и диктаторстве, докажет на деле, что сам он не болеет тем, в чём упрекает друга.

Гаральд очень оплакивает свои неуместные выражения и особенно те, которые он употребил в разговоре с Вами. Знаю эти более чем неуместные выражения, и много придётся ему поработать над своею несдержанностью, но в сердце своём он чист. Он очень мучается за каждое произнесённое им жёсткое слово. Много людей, которые, как говорится, «мягко стелют, да жёстко спать», но Гаральд, именно, ценен тем, что действует как раз обратно. Пусть друзья в память Ф. Д. проявят добросердечие к сыну его, который исполнен такой готовности выполнить задание. Помогите и охраните его от несдержанности и слишком большой поспешности, которая бывает, как Вы пишете, «не далека от хаотичности».

Он молод, и ему можно простить ошибки, совершённые в избытке устремлённости к действию, этому тоже редкому качеству. Его стихия – огонь, и именно огненные люди отличаются жаждою деятельности.

Мне тяжко писать всё это, и должна просить Вас, дорогой Рихард Яковлевич, верить

---

[201] России. – *Г. Р.*

нам. Вы знаете из тома *Писем Махатм,* что Великие Учителя не отказывались высказывать своё суждение о тех или иных лицах, вступавших в Теософское общество. Вы знаете, как Они подвергали их испытаниям и, для вящей убедительности, очевидным для окружающих, и затем выносили свой приговор. Не раз Е.П.Блаватская была предупреждена об истинной природе подходивших к ней. Помните указания о Соловьёве, Хьюме и Ферне и пр.? Так и мы, в свою очередь, получали и получаем намёки или определённые предупреждения о тех или иных лицах. Потому прошу явить большую осторожность к Карлу Оттоновичу, он может стать очень вредным. Великий Владыка просит Вас проявить мужество и твёрдость и беречь Гаральда. Великие Учителя видят истинные побуждения. Они читают нашу ауру, как открытую книгу, они могут вызвать из нашего глубинного сознания скрытые силы или свойства, о которых мы и не подозреваем. Нет ничего скрытого для глаза великого Архата.

Также скорблю и об отношении Мисиня к Гаральду, это уже чисто американские приёмы, всю тяжесть которых мы испытали на себе. Мы тоже пострадали от таких выданных гарантий, истребованных для обеспечения общественного начинания, а на самом деле послуживших лишь личному благосостоянию Хорша и ограблению им всех сотрудников. Так и контррасписка была сделана так, что сейчас она оспаривается. Если Мисинь не доверяет Гаральду, то каким образом Гаральд может доверять ему? Доверие слагается лишь обоюдностью. Хочу надеяться, что ближайшие сотрудники найдут в себе силу духа посмотреть «шире широкого» на всё происходящее и почуют, что эпоха разъединения и всякого расчленения уходит и мы стоим у преддверия эпохи объединяющей, эпохи Великой Кооперации. Пусть для близоруких разъединения и обособления продолжаются, пусть хаос очевидности скрывает от них план космической Целесообразности, но современные рыцари Грааля должны обладать расширенным сознанием, не допускающим никаких предвзятостей и ограничений самости.

Итак, обращаюсь к Вам с мольбою, не допустите, чтобы ближайшие прошли мимо труда Великого и чем-либо затруднили строительство во имя светлого будущего. Пусть друзья перечтут во второй части *Листов Сада Мории* страницу 136, § 6 и страницу 98, § 14. «Рука, нанёсшая рану...»

Во времена человеконенавистничества полезно иметь и беседу из *Надземного.*

«635. Урусвати знает, что ненависть порождает худшие безумия. По счастью, полномерная ненависть встречается не часто. У ненависти вырастают силы и появляются лукавые, невидимые союзники. Такое безумие может стать весьма опасным, но карма ненависти ужасна. Такие безумцы и в Надземном Мире остаются ярыми ненавистниками. Такая карма может быть названа адскою, у неё мысли направлены лишь на удовлетворение зла. Мужество руководителя притупляется о злобу безумцев, таким образом, невозможно вернуть их к усовершенствованию. Но непреуспевающие поступают неправильно и быстро теряют накопленное раньше. Не может ненавистник оставаться в эволюции. И вы можете представить себе, что путь изверженного из эволюции может быть назван ужасным. Пусть скорей люди поймут, что ненависть плохой проводник.

Ненависть непримирима. По этому свойству её можно отличить от различных проявлений. Иногда её смешивают с суровостью. Люди говорят о ярых действиях великих преобразователей, но в сущности такие действия имели в виду суровость и были далеки от ненависти. Не будем судить о причинах суровости. Можно себе представить бездну невежества и вражды, которая встречала каждого преобразователя. Можно лишь удивляться, когда большой деятель не впадал в ненависть. Но это не свойственно великим деятелям. По мерилу ненависти можно распознавать уровень деятеля. Только негожий человек, самомнительный и презирающий всё ему неизвестное, делается жертвою пучины ненависти. Не мгновенно становится он ненавистником. Он отложил многие капли империла, вместо капель целебного пота труда.

Суровый преобразователь втайне горюет о каждом яром поступке, но ненавистник ликует о каждой своей жестокости. Эволюция предполагает, что ненависть будет сочтена позором человечества; тогда сотрутся многие преграды, воздвигнутые невежеством. Ненависть есть особый вид невежества. Просвещённый человек знает, что ненависть преградит ему продвижение. Не думайте, что ненавистник есть гигант зла, бывают и мелкие ненавистники, но и они несут карму ненависти, и в этом не пригодны весы земные. И знает ли ненавистник, чему препятствует он и что он мечтает разрушить? Многие ненавистники не

знают, что они хотят уявить. Они, как жалкие камни в потоке, поверх которых несётся мощное течение, но и камни могут сложиться в преграду.

Мыслитель говорил: “Прошу судьбу уберечь людей от безумия ненависти”».

Чтобы понять совершающееся сейчас, надо очень изучить историю многих народов, карма которых сворачивается на наших глазах. Но историю *правдивую,* ибо много земной шелухи накопилось вокруг каждого события, как сказано: «Не легко отбросить всю земную шелуху и усмотреть, где правда, которая лежит в основе событий». Земные суждения, земные весы резко отличаются от весов Надземных. Реже редкого можно услышать голос земной, правильно судящий о событиях, и конечно, такой голос, как глас вопиющего в пустыне. Никто не захочет прислушаться к нему, каждый почует себя оскорблённым. Но Высшая Справедливость действует согласно Космической Целесообразности. Потому не будем никого винить, но постараемся доброжелательством сложить себе лучшую карму.

Дорогой Рихард Яковлевич, Вы знаете, как мы верим Вам. Знаю, что Вы найдёте самые лучшие слова, чтобы договориться с Гаральдом и Иваном. Думаю, что и Екатерина Яковлевна в этом поможет Вам. Меня всегда трогала её забота и любовь к Гаральду. И недавно Гаральд так восторженно писал о ней и какой чудесный подарок она сделала ему, выписав для него все медицинские наставления из книг Учения. Он так ценит каждое внимание, каждое доброе отношение. Вряд ли буду отвечать Карлу Оттоновичу на его письмо. Что бы я ни написала ему, всё окажется для него неприемлемым. Также знаю, что он не пощадит меня. Но к этому мы уже привыкли. Вы уже знаете, что было сказано: «Рихард нужен, нужны Гаральд, Иван и Екатерина». Сейчас узнали, что аэроплан, вёзший почту от нас, погиб, потому сообщаю Вам даты моих прошлых писем. Вам было послано – 29.1, 1.2, 8.2 и 19.2, также Екатерине Яковлевне 12.2. Пожалуйста, подтвердите их получение. На днях получили том *Писем,* большое спасибо. Хотели бы иметь ещё хотя бы один экземпляр. Вышлю Вам статью о Брентоне (Brunton), она Вам пригодится, чтобы люди, читая книги этих авторов, не слишком бы доверяли им.

Родной Рихард Яковлевич, прилагаю Беседу из *Надземного,* которую следует прочесть всем сотрудникам. Может быть, она дойдёт до Вас к 24 Марта.

«492. Урусвати знает, что преданность ценна, лишь когда она проявляется в полной мере, в такой мере, что человек и не мог бы проявить её сильнее. Тогда слагается мощный благотворный химизм, который целителен на дальние расстояния. Но всякая половинчатость должна быть отнесена в область лукавства.

Человек обманывает и себя и других, тем он творит яды смертоносные. Человек должен сказать: “Предан, даже если это мне не выгодно”. Но какая же уродливая преданность будет, когда люди воскликнут: “Будем преданны, так будет очень выгодно”. Никто не сомневается, что каждая корыстная преданность заслуживает иного названия.

Наше Братство основано на взаимной преданности. Мы знаем, что не может быть таких обстоятельств, которые поколебали бы преданность. Могут сказать, что такая преданность получается от долгого сотрудничества. Правильно, но во многом люди сотрудничают, но преданность не крепнет. Так нужно испытывать преданность от самого малого, она укажет, как обойтись бережно, не создавая осложнений.

Преданность не есть порабощение, она есть улыбка понимания и сочувствия. Вдумайтесь в это прекрасное слово, оно выражает гармонию, основанную на созвучии чувств. Каждый человек мечтает о сочувствии, но часто он требует сочувствия лишь к себе, забывая, что само это понятие предполагает *обоюдность.* В этом недоразумении скрываются многие несчастья.

Мыслитель говорил: “Человек требует сочувствия, но где его ответное чувство? Он считает себя наиболее несчастным, но мерил ли он несчастья других?”»

«528. Урусвати знает, что из множества цветов можно сплести гирлянду или прекрасную, или безобразную, всё зависит от сочетания. Вот Мы учим говорить с каждым по сознанию. Мы не хотим унизить собеседника, но лишь предусматриваем многие земные специальности. Даже языки различны, ещё больше различаются познания.

В каждом хранилище может быть найден ценнейший предмет. Для такой находки придётся разобрать множество вещей. Может быть, придётся и запылиться, и загрязниться, придётся выслушать оскорбления и кощунства, но за всем этим может быть найдено сведение ценнейшее. Чтобы говорить по сознанию, нужно, прежде всего, *выслушать*

собеседника, ощутить его излучения и *понять его намерение.* Не забудем, что люди распались на бесчисленные специальности и спасительный синтез уже не принят в образовании. Люди иногда мечтают о физическом всемирном языке, но забывают, что прежде надо подумать о духовном взаимопонимании.

У людей сложился особый вид проповедников, который не считается с мышлением слушателей. Из-за такого высокомерия происходит непоправимый вред. Скудные проповедники не понимают запросов слушателей, они велят верить, забывая, что *вера есть следствие знания.* Но сами они лишены не только такого знания, но не имеют и магнетизма. Говорю не только о проповедниках, но и о школьных учителях. Простое указание о беседе по сознанию вызывает множество злотолкований. Печально, но нужно сказать, что нередко люди начинают говорить по своему сознанию, происходит это, прежде всего, от неумения выслушать.

Друзья, *научитесь выслушивать* и тем легче подойдёте к собеседнику. Конечно, при расширенном сознании легко понять особенности собеседника, но такая степень провидения может быть встречена редко, и потому воспользуйтесь обычными мерами человечности. Взаимоуважение близко живёт от сострадания.

Мыслитель учил плести цветочные гирлянды: “Нашедший прекрасное сочетание цветов найдёт и полезное сочетание людей”».

Может быть, эту беседу прочтёте отдельно.

Дайте радость Великому Владыке, помогите создать понимание. Оберегите Гаральда и от Мисиня. Поступок Мисиня очень некрасив.

Шлю всю мою веру в Вас. Сердечный привет Элле Рейнгольдовне и ласка девочкам Вашим.

Сердцем с Вами,

Е. Рерих

Разъединение между ближайшими отдалит многое суждённое. Просим новый адрес Ваш написать печатными буквами.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

7 марта 1940 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Екатерина Яковлевна получила 5 марта долгожданное Ваше письмо от 12. II. Глубочайшее Вам спасибо! Уже в тот же день она сообщила мне эту дорогую для нас весть, и мы вместе внимательно прочли и пережили письмо. Новый ритм приоткрылся. Ваши советы для нас убедительны и дороги. Тотчас же мы решили пригласить и обоих друзей, и вчера вечером вновь учредился наш нуклеус, где Е.Я. передала Слова. Было достигнуто взаимопонимание и единение. Главное, сердце радовалось увидеть вновь прежнего Гаральда, с улыбкою и спокойного. Решили поставить крест на всех прежних недоразумениях. Но как хотелось, чтобы это было окончательно, чтобы друзья были умеренны и принимали во внимание и соображения других! Я так рад тому, что Гаральд решил отправиться и к Карлу Оттоновичу и дружественно с ним поговорить. Я именно уже давно хотел спросить и Ваше мнение о К.О., и вот пришёл Ваш ответ. Сам же я получил только Ваше письмо от 19 февраля, с Вашими предостережениями. (Ваше письмо, высланное одновременно с письмом к Е.Я., должно быть, задержалось.) Понятно, Ваши советы применю немедленно. Надеюсь и верю, что К.О. через все переживания найдёт духовную стойкость, и он за всё это время немало страдал. Не знаю, для чего надо было поднимать такой шум. В сущности, как я уже писал, в прошлом году главными сотрудниками были Иван и Гаральд, но ведь они сами его вновь выдвинули в фокусе сознания своими категорическими требованиями. Отстаивая его, мне казалось, что отстаиваю скорее принцип и иную тактику. Ведь могли бы сговориться, если всё обсуждали бы вполне спокойно и дружественно. Я мысленно проверял членов и верю, что большинство активных, при их преданности и благожелательности, должны понять и понимают необходимость культурных мостов, но именно сами друзья должны

помочь устранить все недоумения.

Относительно нового сборника я был бы очень рад, если бы Вы и Н.К. знали подробности содержания и дали свой совет и одобрение, если не письмом, то хотя бы телеграммой. Иван сказал, что на днях послал Вам одну предполагаемую им вариацию содержания, в которое входили бы *Очевидность* и другие статьи, цель книги, по мнению Ивана, была бы поднять в сознании Щит. Получили ли Вы моё письмо от 26–27 февраля? Издание впечатляющее, но как посмотрят у главы? Также думал, как отнесётся часть членов. Собраны также прекрасные материалы по культурному творчеству народов, может быть, лучше издать сначала подобный сборник, или, м. б., к последнему присоединить статьи Н.К. из первой вариации *Общины* и пр. Но Вам виднее, Ваш совет разрешит вопрос. Я рад Вашему предложению в письме к Гаральду обождать Вашего одобрения относительно выбора содержания.

10 марта

Вчера пришёл ко мне Гаральд, вновь старый милый Гаральд, дал мне прочесть копию своего письма к Вам (от 7. III), которое меня глубоко тронуло. Понятно, я всегда понимал и ценил его сердечный огонь за великое дело, но я хотел лишь, чтобы его отношения изменились. Мы совместно решили отправить Вам телеграмму о взаимопонимании. Верю, что мы подошли к новой стадии. Простите и Вы за все мои 9 писем, за каждую мою строку. Я писал Вам столь подробно о всех своих переживаниях, ибо был убеждён, что и нас коснулась армагеддонная волна, чтобы Вы всё знали и могли дать свой совет. Но для нас эти два месяца послужили уроком на всю жизнь. Вижу теперь яснее и свои ошибки. Я рад также, что Гаральд вчера посетил К. О. и беседа у них велась дружественно, первый раз за полгода. Гаральд теперь согласен, и даже сам предполагает, что по условиям лучше оставить старое правление. Оба мы решили, что главное будет нуклеус, но в сердце всё же как-то тяжко – как возможно будет совместить оба начала? Об этом напишу Вам потом. Много думал, почему оба друга не достигли успеха[202]? Если бы они собрали вокруг себя единодушно всех старших, то и успех немедленно бы усилился. Ведь единодушие однажды спасло и самого Гаральда, и единодушием мы многое что провели.

Из *Надземного* до сих пор я получил от Вас до § 469. Второй том *Писем* не могли послать, так как, из-за замерзания моря, в последние месяцы принимали главным образом воздушную почту через Стокгольм. Сборника в магазине осталось около 160 экземпляров, кроме того, имеется в других магазинах, в провинции и в Таллине.

14-го у нас перевыборы, тогда напишу Вам.

Шлю Вам мои самые чистые мысли.

Сердечно преданный Вам,

Р.Р.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

15 марта 1940 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Прошёл наконец день нашего собрания! Часть членов ожидала этот день с большим напряжением и даже печалью. Были смущены и неизвестностью. Меня же, признаюсь, всё время беспокоило, что всё не получал Вашего письма, о котором Вы упоминаете сотрудникам. Прошло уже 11 дней, как Екатерина Яковлевна получила своё, значит, моё письмо пропало. Понимаю, как трудно будет получить копию, очень буду рад, если пришлёте хотя бы более важные места из этого письма. В старшей группе вчера сам Гаральд теперь отстаивал, что надо оставить старое правление. Потом он прочёл из Вашего письма к нему и всё время происходили беседы о благодетельных культурных мостах. Понятно, в общем было согласие и понимание, лишь о методах поднялось разномыслие, говорили, что разница лишь здесь и именно здесь должны найти согласие. Некоторыми произносились и упрёки о негативных качествах, вторгнувшихся в Общество, но, к счастью, это не вызвало

[202] Не получили визу для въезда Н.К. Рериха и его семьи в Россию. – *Г. Р.*

обиды и всё прошло спокойно. Начались выборы. Опасался закрытого голосования, чтобы не произошли случайности, думал о Гаральде, но помогли и частные беседы. Карл Оттонович подал официальное заявление о своём выходе из правления. Когда на собрании узнали о его отказе, многие искренно уговаривали его остаться, даже недоумевая о причине, но он стойко выдержал свою линию и своей речью оставил светлое впечатление. Вместо К.О., по моему предложению, был выбран Александр Иванович. Все остальные в правлении остались по-прежнему. Хотя для меня лично теперь будет труднее, потому что в правлении теперь стало ещё меньше людей с административными способностями, притом А.И. не знает латышского языка, но придётся кооптировать для работы и других. Нагнетение среди некоторых хотя и было заметно и после выборов, но теперь после частных бесед приходит успокоение. Скажу своё мнение: многие смотрели на культурное строительство через призму тактики, которая им порою казалась как будто несовместимой с Живой Этикой, и потому у некоторых фокус самого строительства сузился, и, не понимая тактики, иногда не понимали и самого дела, и происходили недоразумения. Оказывается, по этой причине и К.О. вначале относился не без критики, но, узнав из писем сотрудников, сказал мне, что своё собственное суждение оставляет и, уходя, благословляет дело, полагая, что те, другие, лучше умеют и знают. Так очень помог иным и Ваш отзыв. Все недоумения и смущения произошли от недоговорённости. Нужна терпеливость к сознаниям. Ведь понять значит и полюбить. Лично я думаю, что «терапия холодом» годится лишь в крайних случаях. Ещё сегодня я был свидетелем несказанно радостного случая, как после длительной беседы одно сознание совсем преобразилось. Итак, чувствую, что все переживания лишь углубили понимание. Чувствую также, что теперь вновь углубится и наше сотрудничество и единение. Да, если было бы единодушие и сплочённость и если в основу духовной батареи мы сумели бы класть взаимность и сердце, то это была бы сила, которая превозмогла бы всё. Ценю всё культурное строительство, тем более что знаю, «как трудно вмещаются большие задания в земные условия». Думаю лишь с любовью о сотрудниках, так хотелось бы, чтобы объединённость углубилась и возросла между нами, тогда усилится и огонь и удача.

Шлю Вам и Н.К. мои самые светлые и чистые мысли. Искренне преданный Вам,

Р.Р.

Посылаю это письмо лишь сегодня, 18 марта, когда отходит воздушная почта. Ваше письмо не получил.

———

Николай Рерих Рихарду Рудзитису

16-3-40

Родной Рихард Яковлевич, дорогие Друзья!

Глубоко нас порадовала Ваша телеграмма о согласии в Обществе. Иначе и быть не могло. Было бы совершенно недопустимо, если бы в сороковом году, в году десятилетия Общества, в году Армагеддона произошли бы какие-то склоки, которые были бы явным противоречием Живой Этике и Культуре. Заветы, усвоенные в течение Десятилетия, должны были войти во всю жизнь, и было бы потрясающе, если почитатели Живой Этики через десять лет оказались бы обыкновенными обывателями, точно бы до них ничто и не дошло. Итак, Вы встретите и 24 и 28 Марта в сердечном согласии и в желании преуспеяния. Пусть будут эти два дня залогом истинного Сотрудничества. Склока, взаимное непонимание именно антиподы сотрудничества. Они – именно те разлагающие ехидны, которые в шёпоте и в намёках подготовляют разрушение самого ценного. Давным-давно сказано: «Согласием даже малые дела растут, раздором и большие разрушаются». Да будет всё лишь обновлением и укреплением сотрудничества. Вот только что пришло письмо О.Мисинь; помимо многих соображений и грустных размышлений, возбуждаемых этим письмом, сейчас мне хочется остановиться на ясно выраженном намёке, что чьи-то труды недостаточно оценены. Покончим и с этим вопросом. Поистине, все приношения на пашню Культуры и Этики были нами глубоко приветствованы и оценены. Вспомните: когда в прошлом году г. Мисинь заявил о своём пожертвовании 20 тысяч латов на издательство Общества – это его

пожертвование было с признательностью нами приветствовано в письме к нему, и г. Мисинь в добром ответе принял эту нашу признательность. Так что и в этом случае О.Мисинь не права, намекая на недостаточность оценки. Все, кто читал наши письма, знают, как высоко мы ценили труды председателя Общества Р.Рудзитиса и как мы любим его литературные поэтические произведения. Каждое действие было и оценено, и приветствовано. И мы много раз выражали наше одобрение той тактичности и доброжелательству, которые постоянно горят в сердце нашего дорогого Рихарда Яковлевича. Мы горячо приветствовали и большие труды, понесенные достойным сыном своего славного отца, Лукиным. Мы радовались его широким размахом и исканием приложения к большой деятельности, без всякого честолюбия и самости. В письмах Гаральда постоянно звучит и незлобивость и желание добра. И сама его откровенность имеет в основе то же желание зажечь всех присутствующих устремлением к действию. Мы ценили труды Блюменталя – труды самоотверженные, ибо зачастую они не были поняты и их доброе устремление злотолковалось. О светлом будущем думает Блюменталь. Мы ценили и радовались книгам Клизовского, Зильберсдорфа и изданиям и лекциям Буцена. Много добрых осведомлении разошлось по свету благодаря их трудам. Мы сердечно радовались работам по Живой Этике и миротворчеству Драудзинь. Мы были рады получать работу Стребейко. Если перечислить все приношения на пользу Этики и Культуры, то, очевидно, придётся перечислить всех членов Общества, деятельно проявивших себя. Особенно же приветствована эта деятельность в трудные дни Армагеддона. У каждого появились свои особые трудности и даже сложились разные почти неразрешимые житейские проблемы. Тем драгоценнее, что деятели культуры и среди тяжких условий не падают духом и не опускают рук. Дело Этики и Культуры, так нужное для всей эволюции человечества, особенно неотложно в дни мировых переустройств. Если бы у кого-то где-то внутри осталось хоть малейшей подозрение, что его труды не оценены, это означало бы непонимание Основ Этики. Каждый работающий преуспевает не для оценок, а для высокой цели Эволюции и знает, что его труды взвешиваются не земными гирями, а непреложными мерилами кармы, или Высшей Справедливости. Также неприложимо и соображение о неосведомлённости. Ведь осведомлённость приходит не только через земную почту. Надземные мерила часто очень разнятся от наших земных, потому возникают иногда недоумения и подозрения о несправедливости и неосведомлённости. Вы печатали мои статьи о Латвии и знаете наши добрые пожелания Вашей мирной родине. И теперь Латвия, укреплённая мирными договорами, может с особым рвением устремиться к культурной и производительной деятельности. Кончим радостью о согласии в Обществе. Этот залог преуспеяния охраните всеми Вашими добрыми побуждениями. Уже давно мы писали, что каждый сочлен имеет какие-либо опытные накопления, которые он может приложить к общему делу. У каждого есть своя трудовая область, а в широкой пашне Культуры нужно всё овеянное добрыми мыслями. Живая Этика не есть отход от жизни и отвлечённое песнопение, но именно деятельное преображение всей жизни на Общее Благо. Это вмещает всё жизненное строительство. Да будет Свет и да укрепится истинное сотрудничество. Духом и Сердцем с Вами,

Н. Рерих

Елена и Николай Рерих Латвийскому обществу[203]

24 марта, 1940

Дорогие Друзья!

Этот День будет особенно памятным. Ровно 20 лет тому назад началась Живая Этика. Вы знаете, как полно это Учение Жизни вместило всё Бытие. Именно этот год протекает в грозе и молнии, в буре Армагеддона. И тем более каждый может применить основы нравственности среди происходящих смятений. Мировые события дают возможность выдержать испытание вместимости сознания. В тихое мирное время многое дремлет и люди забывают об основном начале Мироздания, о вечной борьбе с хаосом. Жить в опасности не

[203] Печатается по копии из архива Гунты Рудзите. Точная дата письма не установлена.

есть преувеличение. Хаос не отвлечённое понятие, но этот опасный химизм вторгается во всю земную жизнь. Безумие людское является сильнейшим проводником его. И не только способствуют ему люди, но и порождают его особую ядовитость.

Принявшие Учение Жизни тем самым возложили на себя великую ответственность как за себя, так и за окружающее. Лучший Щит не может защитить, если он не поднят. Немыслящим возникающие проблемы кажутся нерешимыми, но Вам в широком кругозоре уже показано и благое решение. Там, где царит смущение, Вы усмотрите истинное растущее строительство. И не для себя одних Вы осознаёте совершающееся, но и для молодых поколений. Только там, где существует глубокая забота о молодых поколениях, – там и верный залог прекрасного будущего. И поймём это значение прекрасного во всей его полноте, ибо нет такой жизни, в которой бы оно не могло быть выражено и приложено. И сколько из нас узнают себя в этих молодых поколениях и будут признательны самим себе!

Существует заблуждение, что во время войн и смятений культура должна быть отставлена и даже как бы забыта. Но ведь именно мировые напряжения требуют особо внимания к росту культуры. Возрождение и расцвет человечества происходили во времена высокой культуры. Не забудем, что эти эпохи не явились неожиданно, – но углубленно подготовлялись лучшими мыслителями. Потому и во время войн будем готовить истинный мир, во всей его просветлённой деятельности; пусть красота самоотверженного, неустанного труда будет щитом верным.

Будьте строителями прекрасных мостов. Повсюду найдите слова ободрения и призыва к напряжённому строительству. Не отгоните, не закройте дверей стучащимся. Там, где незнание, там знание может быть насаждено. Не огорчайтесь незнанием, но смотрите на него как на лучшую пашню. Незнание часто лучше кичливого малого знания; от незнания, минуя среднее знание, могут построиться мосты к Высшему.

Мы всегда говорили к 24 Марта о терпении и доброжелательстве. Вот и теперь пошлём всем друзьям привет на тех же основах. Но сейчас особенно добавим зов о доверии и преданности Великому Учителю.

Привет сердца всем Друзьям.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

23 марта 1940 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Обозреваю теперь яснее всё происшедшее, которое нас столькому научило и которое, несомненно, послужило к углублению нашего взаимопонимания. Вижу яснее и полюбил глубже и сердца своих друзей. Признаюсь, первая моя молитва всегда была о спасении Общества, вторая же – о моих друзьях и о сохранении дружбы, без чего немыслима никакая жизнь. За всё время написал Гаральду ряд самых сердечных писем. Теперь, когда мой друг совсем переменился, наше сотрудничество получит новую радостную тональность. Зато время, когда почти не слышал совершенно спокойного настроения, нередко это так смущало, что не знал, что и ответить. Но значение не столько в словах, как в сущности, – в этом и моя ошибка. Если была бы возможность избежать недоговорённости и скрытности, то избежали бы и многих недоумений. Горят и другие тем же, чем и оба моих друга, только у последних иной опыт в их строительстве. Ведь для чего же дыхание нашей жизни, если кто не понял бы простор мостов в Новый Мир. Можем ли мы даже жить без прозрения в динамику событий? Мучила меня всё время и мысль, чтобы где-нибудь не задержалось строительство. Подробное содержание сборника Вам послано лишь 8 марта. Мне прочли копию письма, но лишь теперь я ознакомился с уже набранным материалом. Вполне понимаю, почему и Екатерину Яковлевну многое что так поразило и озадачило и почему книга эта может быть связана и с судьбой нашей общины. Если книга была бы импортной[204], то не удивлялись бы. Больше всего затруднений также в песнях, в статье об эпизодах[205] и пр. Вы знаете главную

[204] Из России. – *Г. Р.*

[205] О событиях на озере Хасан. – *Г. Р.*

тему книги. В длинной статье о творчестве Шолохова, в передаче содержания романов, помимо тенденциозности, не мало и бранных слов, и мест против Живой Этики, например, «святая месть», «на кровь кровию» и пр. Гаральд решил после праздников начать печатать, ввиду спешности, не дожидаясь Вашего ответа. Возможно, что всё же кое-что и поправит, ради равновесия сговорились подыскать, если успеем, и из литературы других стран, но мало времени, и вообще книга будет не совсем похожа на первую. Это будет и самым ответственным изданием.

Вам уже писали, что Иван наконец отправился в больницу. Он собирался это сделать уже в декабре. Знаю, как часто мучили его боли и как нелегко ему было и в его строительстве. Всё глубже понимаю и его жертвенный огонь. Я был искренне рад, когда снова учредился наш нуклеус, в дружбе и взаимопонимании. На том заседании мы совместно решили, что останется старое правление, по условиям, даже предвидели кандидатов. Ведь главное – ядро. Когда в последнюю минуту Карл Оттонович отказался (Иван на собрании не был), мы с Гаральдом решили, что на его место пойдёт Александр Иванович, который прежде считался кандидатом, я так и предложил на собрании. Уже в декабре хотели кооптировать [Ивана] в правление, но сделаем, когда выздоровеет. Притом возможно, что и г-жа Мисинь уйдёт из правления. Да, иногда нелегко «усмотреть счастливое распределение частей» построения. Хочу всеми силами и сущностью своего сердца стремиться к укреплению единения в Обществе.

Кончая это своё письмо, я получил Радость – Ваше письмо от 5 марта и – от 8 февраля, письмо, которое я считал пропавшим, – это истинный Подарок к 24 Марта. Получил также от 19 февраля и 31.12 и 1.1, – посланы ли Вами ещё другие? Странно, что упомянутое письмо где-то задержалось на три недели, необходимо было, чтобы оно пришло не позже письма к Е.Я. (от 12.2), последней было трудно, так как близкие узнали о письме, но она не могла всё читать.

24 марта

Такой День мы давно не переживали! Несказанно благодарен я Великому Владыке за этот вечер. Ибо знаю, что без Его Помощи не было бы той удачи. С благодарностью знаю, что и в решительные и критические моменты нашей жизни придёт к нам Помощь. Сколько цветов, музыка. Прочёл я из Учения и Приветствие, Александр Иванович – свою статью о торжественности, потом прочли из Живой Этики об Учителе, о подвиге (Гаральд), о единении, из *Сердца Азии* и, наконец, из Вашего письма от 8.2. Главное, такого воодушевления и Света и сердечного единения не было давно. Гаральд сидел рядом с К.О., и сердечно говорили. (Он мне прочёл сегодня также место из письма к Вам о Мисине – что снова подружился с ним!) Разве дружба не есть высшая радость? Разве сердечная взаимность не есть ключ ко всякому успеху? Недаром Гаральд мне сегодня сказал: теперь эволюция нашей общины пойдёт «залпом». То же самое пережил и я. Ведь учились же мы на своих ошибках и испытаниях. Теперь некоторые приобрели и ясность, стали укрепляться и взаимность и доверие. С искренней преданностью и благодарностью шлю Вам и Н.К. свои сердечные мысли, искренне Ваш,

Р. Я.

Посылаю свою первую попытку на машинке[206].

Рихард Рудзитис Елене Рерих[207]

24 Марта 1940 г.

Дорогая Елена Ивановна!

Сегодняшний День для нас являлся днём истинного и радостного объединения. Сердце полно радости. Вчера получил Ваши письма от 8.II и 5.III. Сердечное Спасибо. Мой домашний адрес: AUSEKLA iela 3 dz. 71. Riga.

---

[206] Письмо отпечатано на пишущей машинке. – *Г. Р.*

[207] Почтовая карточка.

С сердечными и радостными мыслями, Ваш

Р. Рудзитис

Рихард Рудзитис Елене Рерих

Рига, 26. III.40

Дорогая Елена Ивановна!

Посылаю Вам дальнейшие соображения.

Понятно, выход сборника может встретить большие затруднения, должно быть, пойдёт через высшие отзывы, но, по мнению Гаральда, он пройдёт с помощью влияния друзей [из советского полпредства. – *Г. Р.*]. В таком виде он покажется как бы полным доказательством направления, и Общество к этому должно быть готово. Иван всё же опустил статью о хасанских эпизодах, кажется, одну песню или несколько строчек. Всё же главное – песни, статья о Шолохове, где не мало хаоса отражается, и пр. Иван утверждает, что сборник необходим во всём предлагаемом им виде, потому, понятно, дальнейшее наше размышление отпадает.

Мы опасались, что если будут радикальные перемены в правлении и будет выбран Иван, то он мог бы не быть утверждён. Особенно, если потребованные перемены произошли бы уже в январе и феврале, то могло произойти постороннее вмешательство и нами могли бы управлять посторонние. Потому и оставили старое правление – Екатерина Яковлевна могла бы быть настоящей матерью Гаральда, потому что она его любит и очень хотела бы, чтобы он поднялся на всю высоту, и потому было бы хорошо, если Вы при случае посоветовали бы ему больше прислушиваться и к её советам.

Постоянно думаю, как укрепить единение. Понятно, единение, прежде всего, возможно, если соглашаемся с суждениями друзей и если будем обоюдно выслушивать друг друга. Но хотелось бы утвердить сотрудничество.

Вновь сегодня приоткрылась страница взглядов моих друзей, и я был искренне рад. Или они после переживаний несколько переменились, или я не всё понимал? Если я, который столько говорил с друзьями, не всё даже кардинальное знал, то, понятно, тем более могли произойти некоторые недоразумения и среди других сотрудников. Спасибо и за указание о § 57[208], они хотя раньше и не обратили на параграф внимания, но, понятно, чувствуют то же самое. Нам когда-то поведал и Феликс Денисович. Значит, все в конце концов чувствуем одну вибрацию, у всех нас и любовь к Новому Миру, что же нас может разъединить? Надо лишь чутко приоткрыть сознание в беседах и в группах Учения.

В сборнике предполагается также много клише из внутренней жизни страны[209] и пр., а также репродукции картин Н.К. Не знаю, как отзовутся и наши писатели, ибо необходимо хотя бы несколько статей и из трёх [Прибалтийских. – *Г.Р.*] стран.

Шлю свои светлые мысли.

Преданный Вам,

Р. Я.

Рихард Рудзитис Елене Рерих

18 апреля 1940г.

Дорогая Елена Ивановна!

Не знаю, доберётся ли до Вас это письмо, так как из-за положения в Норвегии есть затруднения с почтой. С каким чувством должен я теперь писать, в связи с посланной телеграммой. Лишь Великий Владыка является свидетелем, что мы пережили и передумали за эти дни и почему у нас явилось подобное решение. Может быть, у нас не было тогда

---

[208] Из *Агни-Йоги.*

[209] России. – *Г. Р.*

сообразительности до конца, чувствую, мы поспешили, но если мы ошиблись и согрешили, хотим искупить нашу вину, ибо это делалось с единственным желанием, чтобы лучше процветало дело строительства и община. Знаю, что если и не теперь, то всё же ради общей пользы я когда-нибудь должен уйти, но если уйду, то я должен это делать с уверенностью, что мой уход послужит для Общества лишь к лучшему и, понятно, в благой для Общества час. Ведь могу остаться и в правлении или продолжать свой труд иначе. И для чего же существует наша жизнь, если не для Нового Мира? Екатерина Яковлевна, должно быть, писала о моём положении как водителя Общества. Понятно, не боюсь трудностей, повторяющихся раздражений или упрёков, но опасаюсь лишь не иметь сообразительности, чтобы строительство где-либо не нарушилось. Радуюсь, что имеются теперь и другие необходимые и устремлённые руководители, незаменимые в своём деле, но ожидаю лишь сотрудничества во всём. Так как именно их строительство теперь самое необходимое и для меня здесь многие шаги как бы впервые и так как Вы знаете здесь все мои ошибки и трудности, то, понятно, самое логическое, нормальное и прекрасное было бы, если кто-нибудь из них обоих [Гаральда и Ивана. – *Г.Р.*] (или если не они, то Б.Стипрайс, культурный ум) руководил Обществом, чтобы всё дело и ответственность были в одних, более опытных руках, тем более что они уже привыкли действовать во многом вполне самостоятельно, при этом они и руководят теперь главными делами. И если придёт на моё место кто-либо более опытный, соответствующий теперешнему положению, полагаю, что *помогая* ему всеми силами и всей любовью, я, м. б., лучше всего послужу делу, ибо моя цель лишь служить, где только могу, где и как умею. После всех переживаний я научился глубже понимать и ценить и обоих своих друзей, и верю, что наша дружба углубилась. Посещаю Ивана почти каждый второй день в больнице, ценю его за его стойкое мужество и за его веру. Был рад, где только мог, способствовать и ускорению книги. Лишь в конце марта узнал, что она отдана уже в печать и статьи одной страны уже набраны и не хватает других, которые мы с Фёдором Антоновичем и пытались собрать, о всех затруднениях расскажу впоследствии. Понимал необходимость издания, тем более что оно Одобрено, понимал и знал и всё значение Щита и всего в связи с ним, и если что и не понимаю, то доверяю, что Учитель предвидел в водовороте «камни под ногами». Всё же, признаюсь, трудно принять некоторые статьи, более чем фельетонного характера, и пр., не будут ли они бросать тень на культурное общество, которое преследовало всегда высшее качество? Также есть и некоторые места, противоречащие Живой Этике. Уже и так отмежёвываются от нас. Это меня тяжко озадачивало всё время. Ведь должен же только я отвечать перед всеми и за культурный уровень книги, и за вкус составителя. Мой друг [Иван] всегда решительно отказывался изменить хотя бы букву о Латвии [под давлением советского полпредства. – *Г. Р.*], говоря, что всё так нужно, и, понятно, я не мог возражать, ибо он как редактор должен знать. И, может быть, я ошибаюсь, м.б., прав Иван, говоря – теперь Армагеддон, переходное время, когда пройдёт, то будем думать о высшем качестве, ибо это даётся для народа. Но кто же явится её читателем? Знаю, теперь весь мир в огне и надо спешить всемерно. Хотя мне и видятся некоторые диссонансы в книге, но, зная всю необходимость её, я защищал её и буду утверждать всеми силами, и эта задача трудная, тем более что Иван не желает, чтобы дали осведомление, и Вы знаете теперешнее сознание некоторых членов, но буду всеми силами способствовать пониманию и единению. Притом Вы знаете, что решительные испытания наступают для многих, для всех нас. Живу меж двух огней, и всем надо давать логическое объяснение, но так как строительством ведают оба друга, то не могу мешать и их тактике, хотя иногда и больно; по моему мнению, все сознания надо чутко подготовить, но в этом именно оба друга должны помочь. Но, конечно, не из-за тех или иных трудностей послали телеграмму, хотя и мы с Е.Я. собирались когда-нибудь написать Вам общее письмо о моём и её положении, но – в связи с переживаниями последних дней.

Каждое мгновение думаю, что означает для меня Указание: проявить мужество и твёрдость. Также моя ежедневная молитва была: Даруй мне разумение! Моя супруга переживала в эти дни сильнейший нервный кризис. Она неделями по ночам почти не спала. Я был в постоянной тревоге за неё, опасался даже за её жизнь и пр. Она ужасно мучилась, случайно узнав о всей книге. Говорила, что признательна Щиту, но её приводил в смятение идефикс[210] о стремлении обоих к полной очевидности, что они совсем не думают, как Вы

[210] навязчивая мысль (от *франц.* idee fixe).

говорите в своём письме от 8 февраля, что перекладывают ответственность на других, что нечестно не поведать и другим, и пр., и я всем своим существом старался её разубедить, но не мог. Понятно, это лучше всего мог бы один из друзей, если б лишь один вечер терпеливо и спокойно побеседовал с ней, смущение могло бы рассеяться, ведь и здесь лишь громадные недоразумения! Моя супруга потом говорила и с другими друзьями и отчасти успокоилась, хотя её нервное состояние всё же вызывает тревогу. Жду, когда скоро поедем на взморье, надеюсь, что перемена подействует положительно.

Спасибо за письмо Н.К. от 16 марта, слова о Гаральде и Иване прочту и другим, чтобы утвердить в сознании; Иван, из-за некоторой своей скрытности, и не желая делиться, имеет и непонимающих. Уверен, что после волны наше взаимопонимание усилится. Переживаем самое нагнетённое время.

Шлю Вам мои сердечные мысли,

преданный Вам,

Р. Я.

———

Рихард Рудзитис Елене Рерих

28.IV.40

Дорогая Елена Ивановна!

Вы, должно быть, уже получили письмо Эллы Рейнгольдовны. Письмо это несказанно опечалило меня. Послал телеграмму вдогонку, но было уже поздно. Ведь каждый поймёт, что письмо это написано в нервном припадке; может быть, скоро она посмотрит на нечто уже через другую призму. Ведь сама пишет, что в её натуре, может быть, видеть в преувеличенном свете. Сказать ли мне, что с её мнением здесь я во многом совсем не могу согласиться. Откуда явились столь жуткие недоразумения? Кто может отрицать чистосердечие в общении обоих друзей и их пылкое горение? Всё её смятение основывается главным образом на убеждении, что, пока я на своём месте, мой «талант погибает», но нельзя ведь отрицать и то, что эти дни так весьма трудны для творческой работы, ибо, как сказано в *Надземном,* теперь даже мыслить трудно. Она пишет и о семье – повторить ли мне, что мои дети – мои лучшие друзья и наипрекраснейшая радость. Понятно, всему миру теперь трудно, и несравнимо труднее, чем отдельной личности. Наконец, она мучается и тем, чтобы при составлении сборника считались и с другими, так как «основа сотрудничества прежде всего во взаимной ответственности». Книга продвигается к концу. Некоторая задержка произошла оттого, что бывший сотрудник С[илинь] в последнюю минуту велел выкинуть свою статью о героизме в латышском искусстве, уже приготовленную к печати. Иван теперь полагает поставить в конце сборника своё имя.

3.V.40

Сегодня книга пошла в отдел прессы. Ответили, что в связи с известным содержанием, пойдёт на высшие отзывы. Ответ будет через несколько дней. Читаем в группе снова *Криптограммы Востока,* вновь сердце затрепетало от последних строк в *Звезде*[211]. Наступило величайшее время.

Получил *Надземное* §§ 470–502.

Через неделю уезжаем на взморье. Пишите на адрес службы.

Шлю Вам мои лучшие мысли.

Сердечно преданный Вам,

Р. Я.

———

[211] «Мы ушли, помня знак красной звезды на ладони. Тогда же было сказано помнить время красной звезды на лбу воина». – *Г. Р.*

Елена Рерих Элле Рудзите

май, 1940

Дорогая Элла Рейнгольдовна!

Спешу ответить на Ваше письмо, но не знаю, когда и как дойдёт мой ответ до Вас. Очень горюю о всех недоразумениях, возникших за последнее время среди некоторых сотрудников. Конечно, если бы основы Живой Этики жили бы в сердце, то при спокойном размышлении и дружественном обсуждении все недоумения тотчас же рассеялись бы. Каждому вступавшему в Общество предлагалось читать и изучать книги Учения по мере их выхода из печати. Внимательный читатель с первых же книг мог составить себе ясное представление об этом высоконравственном и *жизненном* Учении. Именно жизненном, ибо, как и все моральные Учения всех народов и всех веков, Учение Живой Этики есть, прежде всего, Учение Жизни, и потому, как и все они, оно имеет единую всеобъемлющую задачу научить людей мудро и достойно проходить земной путь, принеся труд и совершенствование на Общее Благо. Каждое Учение Жизни как таковое охватывает всё жизненное строительство, и потому Общее Благо есть цель его.

Для достижения этой великой цели необходимо приобретение мудрости, синонимом которой является ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ. Все величайшие Учителя человечества в своих заветах указывали на этот принцип целесообразности как на главенствующий во всей природе, во всём бытии. Каждая задача и план строится целесообразностью и утверждается великим законом и планом эволюции.

Если мы возьмём Евангелие, то увидим, что сам Христос неоднократно указывал на выявление целесообразности в её самом широком житейском применении. Такие Космические законы, как соизмеримость, соответствие и целесообразность, утверждаются во всех Учениях во всей их непреложности, и каждый вдумчивый человек знает, что все действия, лишённые этих качеств, осуждены на рушение.

Но имеются сознания, которые в проведении целесообразности усматривают лишь аналогию иезуитской формулы – «цель оправдывает средства». Такие сознания ещё не усвоили и первую аксиому Учения, именно, что единым мерилом каждого помысла и действия является общее благо или чистота побуждения. Лишь чистое сердце может отказаться от самости и подсказать верное направление каждого действия, так же как и понять истинное качество побуждения, стоящего за тем или иным проявлением.

Как пример целесообразного действия приведу место из Евангелия от Марка, гл. 12, ст. 14–17. «Они же пришедши говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь; позволительно ли давать подать кесарю, или нет? давать ли нам, или не давать? Но Он, зная лицемерие их, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чьё это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему». Также и из Евангелия от Матвея, гл. 17, ст. 24–27. «Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда вошёл он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины и подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Пётр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак, сыны свободны; но чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду и первую рыбу, которая попадётся, возьми; и, открыв у ней рот, найдёшь статир (4 драхмы); возьми его и отдай им за Меня и за себя».

Сколько снисхождения к условностям жизни, к малым сознаниям и сколько целесообразности в самом поступке и словах – «чтобы нам не соблазнить их»! Но, может быть, кто-то усмотрит в этих словах Христа иезуитский ответ? Всё Учение, все притчи Христа полны благой целесообразности, и потому полезно перечесть их с этой точки зрения.

Не Христос ли заповедал: «Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи». Также и Будда указывал, что мудрый уподобляется змее, которая идёт, извиваясь, обходя все неровности пути, но голова её устремлена в одном направлении.

Также и в Учении сказано: «Если волна несёт ценный предмет, то не безразлично ли построение волны, важно, чтобы она донесла ценный предмет». Отравленное и затемнённое сомнением сознание и здесь учует всё ту же иезуитскую формулу. Но спросим себя честно –

кто из нас будет задаваться вопросом, чисты ли руки спасающего жизнь близкого нам человека? Самый отъявленный преступник не явится ли для нас в этот момент лишь благим спасителем?

Так же точно и другое изречение – «джинны строят храмы» – будет, вероятно, отнесено к той же формуле. Но на самом деле, смотря с точки зрения целесообразности, мы увидим и поймём, что величие Высших Сил в том и проявляется, что они обращают всё худое на пользу и в конечном итоге заставляют противников добра служить Общему Благу. Не есть ли это великое достижение?

Итак, Учение Жизни, преподавая великие основы Мироздания и Этики, освещает их со всех углов и попутно расставляет вехи, иначе говоря, указует направление эволюции. Кто же может усомниться, что идти против ведущего закона эволюции – значит очутиться под пятою Гиганта?

Вы пишете – «на первом плане у нас Общество и жизнь по принципам Учения». Но так ли это? Ведь если бы Учение было усвоено и в сердце жило доверие к Учителю, то никаких тягостных недоумений, никаких душевных драм и не могло бы появиться. Правильно усвоенное Учение и любовь к Учителю приносят глубокую радость осмысленному жизненному пути и духовный восторг перед открывающимися беспредельными возможностями. Эта внутренняя тихая радость и есть наше единое неотъемлемое сокровище. Но почему так мало обладающих им? Ибо сознание и сердце, обольщённые и отягощённые земными миражами и преходящими ценностями, не могут воспринять вечных истин.

Без доверия невозможно никакое достижение, тем более духовное недоступно. Само бытие в основе своей имеет доверие, и ничто *<нрзб.>* не может создаться и развиваться без этого связующего элемента. Доверие есть синоним любви, и всё в мире держится лишь любовью.

Далее Вы возражаете: «Учение должно же освободить и радовать человека, но почему я измучилась этою жизнью?» На это отвечу – ибо в сердце Вашем угнездилось сомнение и Вы утеряли доверие. Во втором томе *Листов Сада Марии,* стр. 9, 10, сказано: «Пока дисциплина духа – оковы, заперты двери и по ступеням в оковах не подняться... Понимающий дисциплину духа поймёт направление огня и дойдёт до кооперации Общего Блага. Конец пути может быть освещён тысячью огней Общего Блага. Эта тысяча огней зажжёт радугу ауры. Дисциплина духа есть крылья».

Всем тяготящимся дисциплиною духа я советовала бы не насиловать себя и временно отложить книги Учения и вести ту жизнь, которая кажется легче и привлекательнее. Насилием ничего не достигается.

Ещё Вы говорите: «Я люблю ещё конкретную жизнь, хочу читать лучшие книги всех народов, следить за искусством всех стран, хочу встречаться с людьми, которые мне дают импульсы для более активной духовной жизни...» В этих вполне естественных и законных желаниях я не могу усмотреть никакого противоположения принципам Учения Жизни. Никакое осведомление или просвещение не только никогда не возбранялось Учением Жизни, но, наоборот, даже поощрялось, ибо культивированный ум, конечно, скорее оценит значение и красоту предлагаемого ему знания в книгах Учения. Потому не вижу, почему, живя по принципам Учения, кто-то должен отказаться от приобретения широкого осведомления? Учение прежде всего настаивает на расширении сознания и на приобретении точных знаний, само являясь неисчерпаемым кладезем истинного познавания. Сталкиваясь с разными сознаниями, зрелый дух утвердится в правильной оценке Учения, малоопытный же если соблазнится лёгким достижением и миражем, то пусть не страшится этого, ибо не имеет ли он перед собою беспредельность? Ошибки, отступления и страдания, порождаемые ими, часто являются лучшими учителями. Учение предлагает путь кратчайший, но если кто-то предпочтёт путь долгий, то кто может запретить ему испытать его? Кто может осудить его за это? Лишь сам он себе – судья. Но, следуя своим путём, пусть предоставит близким полную свободу выбора, пусть прекратит всякие настояния, упрёки и насилия. Каждый свободен и не может быть односторонней свободы. И в семье этот принцип должен быть соблюдён.

Так, Вы пишете: «Я думаю, что неправильно причинять человеку боль ради отвлечённой идеи, человек может развиваться постепенно». Под отвлечённой идеей, вероятно, предполагается «отвлечённость» Учения. На это должна ответить, что *реальность учения может проявиться, лишь когда люди применят его в жизни.* Именно беда в том, что

во все времена большинство, не имея желания и силы духа приложить Учение в жизни, принимали его как нечто отвлечённое и не доступное для жизни каждого дня. Но все Учения без исключения являлись и являются самыми конкретными наставлениями для такого же конкретного приложения, и лишь духовная незрелость заставляет людей видеть в них какую-то отвлечённость. Учение Живой Этики указует устои, которыми мир держится, неужели же основы жизни могут трактоваться как нечто отвлечённое и нежизненное? Не прожить долго в доме, построенном на зыбучих песках. В итоге в Учении неоднократно подчёркивается, что нет никаких отвлечённостей, но лишь самые реальные, самые конкретные и неотложные указания для применения в жизни, чтобы тем скорее оздоровить тяжкую атмосферу, окружающую нашу планету и не пропускающую целительных лучей, идущих от Высших Миров. Что может быть конкретнее такого совета? «Учение, которое ведёт к истокам действительности, люди обычно называют мечтаниями» *(Мир Огненный,* ч.1, §132).

С Высшего Плана Бытия так называемая реальная, конкретная земная жизнь является миражем или ограниченной очевидностью, но не действительностью. И, конечно, честно мыслящий человек понимает, что всё то, что сознание и ум наш не могут охватить или постичь, остаётся для нас в области отвлечённости. Потому можно сказать, что *УРОВЕНЬ СОЗНАНИЯ ДОЛЖЕН ИЗМЕРЯТЬСЯ ПО СТЕПЕНИ И КАЧЕСТВУ ПОНЯТИЙ, ПРИЗНАВАЕМЫХ ИМ КАК ОТВЛЕЧЁННОСТИ.*

Также правильно, что человек может развивать своё сознание лишь постепенно и никакое насилие в этом процессе недопустимо. Дары нового сознания приходят, когда дух готов к принятию их.

Не могу представить себе, чтобы Рихард Яковлевич был против высказанных Вами желаний. Всё лишь в Вас самих. Найдите возможность к осуществлению их. Никогда никто из нас не будет настаивать на Вашем посещении Общества или же на чтении книг Учения. Я даже советовала бы Вам реже видеться с членами Общества. Вам необходимо некоторое обновление и лучшее решение – это временно выйти из обычного окружения.

Конечно, самое огорчительное из всего, что Вы пишете, – это то, что временами вы чувствуете ненависть к Р.Я. и к Обществу. С этим нужно бороться, ибо чувство ненависти особенно сильно растёт и нет чувства страшнее по своему разрушительному действию на здоровье и на всё окружающее. Ненависть ослепляет, и человек, обуянный ею, совершает безумия.

Вы утверждаете, что «пока Р.Я. председатель, он не может писать. Да к тому же он, отошедший от жизни и литературы, потерял и стиль и путь к народу. Он обошёл все издательства, все журналы, но нигде его не печатают, то как рериховца, то как сектанта. Неужели он свой талант и творчество должен жертвовать Обществу?» На последний Ваш вопрос отвечу: конечно нет, ибо никакой талант не может быть заглушён приближением к светлой деятельности, связанной с Учением Жизни. Думается мне, что Ваша оценка положения грешит несправедливостью и, несомненно, сознание Р.Я. оплодотворилось многими идеями со времени его приближения к Истокам Вдохновения. Его последний труд о Граале полон большого значения. Труд этот увековечит его имя, хотя, может быть, придётся обождать некоторые сроки. Что же касается того, что какие-то издательства не печатают сейчас его труды, то и этому не приходится удивляться. Не находимся ли мы в самом разгаре Армагеддона, когда всё наиболее прекрасное, наиболее необходимое попирается царящей пошлостью и извращённым мышлением? Ведь и в прочих областях искусства наблюдается то же явление, когда искажённые формы и всякие «измы» диктуют моду. Наиболее честные среди таких творцов открыто называют свои творения искусством патологическим, но зато отвечающим запросам болеющих дегенерацией, давно затемнённых людей. Но также высказываемые Вами причины отказа издательств печатать труды Р.Я. [лишь][212] свидетельствуют о заболевании шовинизмом. Эта психическая эпидемия охватила сейчас многие страны, и с нею здоровые элементы должны бороться, ибо она приводит к опасным последствиям во всех смыслах.

Я горжусь, что принадлежу к стране, вмещающей бесконечное разнообразие народностей, свободно принимавшей и впитывавшей все особенности этих народностей и добровольно учившейся от своих соседей, широко и гостеприимно открывая перед ними все возможности. На все народности, населявшие нашу страну, я смотрела как на членов единой

[212] Текст письма повреждён.

семьи, и в позднейшие годы, когда судьба провела меня вокруг света и заставила жить в разных странах, я всюду чувствовала себя не чужой и от всего сердца полюбила страну, нас приютившую. Каждый должен любить свою родину, но любовь эта должна быть мудрой. Безрассудная любовь к родине так же опасна, как и безрассудная пристрастная любовь родителей к своим детям. Нужно стремиться настолько расширить свой умственный горизонт, чтобы понять, *где и в чём* лежит благосостояние страны и куда устремлена мировая эволюция, чтобы попасть в её непреложный ритм. Только тогда можем мы назваться истинными патриотами. В истории немало примеров гибели стран от шовинистически настроенных представителей её. Шовинизм близок к ненависти, но ненависть ослепляет, потому шовинизм самый плохой советчик.

В Вашей стране учреждено Общество Сближения. Каждое сближение должно поощряться. Мир разрушается от человеконенавистничества, корень которого опять-таки в шовинизме. Пора бы, где возможно, вносить ноту доброжелательства и сближения.

Вы сами хотите знакомиться с искусством всех стран и обмениваться различными мнениями, потому и придерживайтесь этого доброго намерения *всюду и во всём* и предоставьте каждому иметь свои воззрения и мнения. Разность в мировоззрении не есть преступление, тем более что все мировоззрения изменяются по мере роста нашего сознания, и вчерашний отрицатель завтра может стать ярым апологетом и обратно.

Всё это лишь волны одного Океана Жизни. Лишь лицемерие, нечестность, жестокость, самость, корыстолюбие, похоть и грубость должны быть порицаемы. И сейчас, может быть, особенно нужно посоветовать людям не искать сучка в глазу брата, пока не вытащат бревна из своего. Страшное лицемерие вползает *во всю жизнь* и разлагает мышление.

Вы пишете, что в Обществе вводится какая-то партийность. Не есть ли эта партийность просто следствие большой разности в сознании? Скажем, если в какой-то группе людей имеются заражённые шовинизмом, то, конечно, всякое более широкое строительство будет встречать противодействие и терпеть ущерб. Если трудно вложить малый меч в большие ножны, то ещё труднее в малые ножны вложить большой меч.

Также Вы пишете – «в своих письмах Вы говорили только о культуре и этике». Конечно, и сейчас буду говорить только о культуре и этике, ибо купол Культуры покрывает собою всё строительство жизни. Без культуры наша цивилизация являет собою зрелище дикарей, достаточно цивилизованных, чтобы уничтожать друг друга всеми новейшими техническими приспособлениями.

Благословение и помощь Учителей будут всегда с теми, кто, в широком сознании и в любви к своей родине, будет строить мосты её будущего роста и расцвета. В самых первых книгах Учения Вы имеете Указания о направлении и задачах эволюции, и потому нельзя сказать, чтобы нечто было сокрыто. Советуйте всем выйти скорее из своего скворечника. Океан Жизни испытать предлагается всем.

Также и о происходящем Армагеддоне имеются обильные предупреждения, потому все должны были бы быть на дозоре. Вместившие Учение поймут и смысл происходящего. Нужно явить некоторое терпение, и сами обстоятельства заставят многих взять обратно их суровые осуждения. *надземная* оценка *глубоко разнится от земной.* Перечтите историю народов, и Вы убедитесь, как обманчивы были суждения современников, слагавшиеся лишь на очевидностях и на местных условиях. Местные условия при мировых переустройствах имеют мало значения. Эволюция протекает потоком, захороненным глубоко под поверхностным течением. Если было бы иначе, то никакая эволюция не была бы возможна. Эволюцию строит не уходящее поколение, но нарождающееся. Потому мудр тот правитель, который предвидит, куда устремлены взоры и силы молодой силы.

Итак, любите Вашу страну всеми силами души, но любите её *мудро,* не отсекайте её возможностей, но радуйтесь расширению их. Грядущий Век есть Век Сотрудничества. Неужели начнёте его с разъединения? Думающие о всяких разграничениях и разъединениях закладывают причины для новых войн.

В заключение хочу сказать: не тревожьтесь, имейте терпение ещё некоторое время, всё сложится прекрасно, если изгоним раздражение, нетерпимость и злобу. Сознание многих просветится. Каждый принёсший камень на постройку Общего Блага благословен будет. Армагеддон силён, и неудивительно, если нервы людей содрогаются. Но всё же нужно хранить спокойствие, чтобы не утерять нить ведущую.

Вы заканчиваете Ваше письмо фразой: «Может быть, я нечто видела в преувеличенном виде, как это вообще в моём характере...» Это Ваше честное признание мне очень по душе. Именно, когда мы чего-то опасаемся, оно начинает принимать самые фантастические размеры и может совершенно лишить нас возможности *<нрзб.>* и спокойного рассуждения. Хаос мышления может породить и хаос последствий. Потому, зная за собою это свойство, мужественно боритесь с ним.

Рихард Яковлевич, следуя Учению Жизни, останется одним из самых достойных и прекрасных сынов своей страны. Истинно, имя его будет почитаться. Пусть временно завистники и малые сознания не могут оценить его, но он и его труды будут жить в будущем. Потому не печалуйтесь, но бодро несите ношу дней сих. Армагеддон не вечен.

Е.Р.

1945

Рихард Рудзитис Елене Рерих[213]

Дорогая, родная Елена Ивановна!

С глубочайшим переживанием всё время думаем о Вас. Я уже давно собирался писать Вам, только сомневался, живёте ли Вы в прежних местах. Да, за эти, уже ушедшие, лихие годы немецкой оккупации мы многое что пережили.

Но теперь уже всё идёт к лучшему... Наша Рига от военных действий пострадала сравнительно мало. Главное, лучшее в культуре спаслось. Из картин, к сожалению, несколько было увезено немцами.

Всё время мы радовались славным победам Великой Родины. Живу на старом месте; также и Рихард, и Гаральд, и Иван здоровы и работают на прежних поприщах.

Указатель имён и названий

The Animal Style Among the Nomad Tribes of Northern Tibet (Звериный стиль у кочевников Северного Тибета), статья Ю.Н.Рериха. – I: 378

Bouddha et les 16 Arhats (Будда и его 16 Архатов), статья Ю. Н. Рериха. – I: 378

Brockhaus (Брокгауз), энциклопедия. – I: 324

Briva Zeme (Свободная земля), латышская газета. – I: 386, 522

The Civil & Military Gazette, индийская газета. – I: 126

Combating Ignorance (Борьба с невежеством), статья Н.К. Рериха. – I: 241

Corason (Сердце), статья Н.К.Рериха. – I: 211

Dickens Charles. – I: 516

Die sieben Prinzipien (Семь принципов), книга А. Безант. – I: 90

Episodes from an Unwritten History (Эпизоды из незаписанной истории), книга К. Брэгдона. – II: 103

Essorof Orientalisme (Расцвет ориенталистики), статья Ю.Н.Рериха. – I: 378

L'Evolution de la mort dans le regne animal (Эволюция смерти в животном мире), книга С. И. Метальникова. – I: 341

Fiat Rex (Да будет благословен Владыка!), картина Н.К. Рериха. – I: 331

Five Years of Theosophy (Пять лет теософии), сборник статей. – II: 169

Foreign Prejudice, статья Дикмана. – I: 255

From the Mountain Top (С Горной Вершины), книга *Учения Храма.* – I: 45

---

[213] Вероятно, письмо не было отправлено. – *Г. Р.*

Guru R. P.-1:516
HaslettA.W.-II:280
Heart (Сердце), книга Учения Живой Этики. – I: 53
In Search of the Mahatmas of Tibet (В поисках Махатм Тибета), книга E.G.Schary. – II: 129
Inner Life (Внутренняя жизнь), книга Ч.Ледбитера. – I: 44
Jauna Laikmeta sievietes uidevumi (Задачи женщины Новой Эпохи), брошюра Ф.Лукина. – I: 26
Jaunakas Zinas (Новейшие известия), латышская газета. – I: 241, 386, 433, 512, 534; II: 114, 303
Jogenol, издатель индийского журнала *Yoga.* – I: 255
Keuchel, член парапсихологического общества. – I: 240 Klimas Petras. – I: 552
Kreuzzug gegen der Oral (Крестовый поход против Грааля), книга O. Rahn. – II: 129
Ladje. – II: 170
Latviju Kultura (Культура Латвии), типография. – I: 276
Legenden in Tibet (Легенды Тибета), книга Гильтона. – II: 169
Liber amicorum (Благородному другу), книга. – I: 273
The Lost Horizon (Потерянный горизонт), книга Гильтона. – II: 169, 362
Meyer (Мейер), энциклопедический словарь. – I: 324
Mira, индийский журнал. – I: 565; II: 229
N.K.Roerich: His Life and Creation during the past forty years, 1889–1929. (Н.К.Рерих: сорок лет жизни и творчества, 1889–1929), монография Ерёменко А. В. – I: 567; II: 174, 184, 240, 350, 406, 419
Nicholas Roerich. A Master of the Mountains (Николай Рерих. Мастер гор), монография Б. Конлана. – I: 565; II: 8, 143
Nicholas Roerich. – Trivandrum: *The Travancore Humanitarian Cooperative Society,* 1935. – Монография К.П.Тампи. – I: 675
Occult World (Оккульт Уорлд, Оккультный мир), книга А.П.Синнетга. – I: 314
OppertG.-II:89
Ossendowski und die Wahrheit (Оссендовский и истина), книга С. Гедина. – II: 426
Paewaleht, эстонский журнал. – I: 535; II: 120
Le Pakte Roerich (Пакт Рериха), брошюра. – I: 540
Par Reriha Muzejs (О Музее Рериха), статья Р. Рудзитиса. – I: 470
Pax Baltica. – II: 52
Peace, индийский журнал. – I: 565
The Poet's Religion (Религия поэта), статья Р.Тагора. – II: 131, 161
Rahn Otto. – II: 129
Resonans als Weltgesetz (Резонанс как всемирный закон), книга Буттерзака. – II: 292
Rigaesche Rundschau (Рижское обозрение), газета. – I: 526
Rita Daile (Красота утра), издательство Р. Рудзитиса. – I: 93
RTs (Утро), латышская газета. – I: 386
Roerich. Himalaya (Рерих. Гималаи), монография, изданная Брентано. – I: 525, 561, 565; II: 95, 540
Le role du systeme nerveux et des reflexes conditionnels dans I'immunite et I'anaphylaxie (Роль нервной системы и условных рефлексов в иммунитете и анафилаксии), книга С. И. Метальникова. – I: 341
Sejejs (Сеятель), латышский журнал. – I: 223, 245
Sadhana (Творчество жизни (Садхана)), произведение Р.Тагора. – II: 130
Sadhu Ikyananda, индийский философ, писатель. – I: 516
Schary E.G. – II: 129
Serencipity, статья Н.К. Рериха. – I: 241
Tejasingh, профессор. – I: 516
Thakur Singh, доктор. – I: 516
Tibetan Paintings (Тибетская живопись), книга Ю. Н. Рериха. – I: 378
Twentieth Century (Двадцатый век), индийский журнал. – I: 517
Ungeloste Problems der Wissenschaft (Нерешённые проблемы науки), книга A. W. Haslett. – II: 280

Upadesa Saram, книга Шри Рамани Махарши. – II: 243
Zarncke F. – II: 89
Ziemelstars (Северное сияние), издательство К. Стуре. – I: 93

А. И., см. Клизовский А. И.
А.М., см. Асеев А. М.
Абрамов Борис Николаевич (1897–1972), руководитель Харбинской группы Живой Этики в 30-х гг. – II: 276
Абрамов, член группы П.Ф. Беликова. – I: 406, 437, 462; II: 152
Абрамович Янис (1902–ок.1970), член Латвийского общества Рериха в 1933–39, в 1937 помощник казначея. Ведал почтовыми посылками, занимался распространением книг. Привёл в порядок библиотеку Общества. Был исключён за неуплату членских взносов. Возможно, поэтому избежал ареста во время репрессий членов Общества в 1945–48. После войны работал истопником, затем мастером ремесленного училища. Последние годы прожил в небольшом зелёном городке Икците, где сам построил дом. – I: 192, 278, 312, 323, 373, 394, 402, 424, 426, 451,459, 547, 561; II: 6, 87, 387, 399
Абхедананда, ученик Рамакришны. – II: 26–7
Агапов. – I: 474
Агни-Йога (Agni-Joga), издательство Латвийского общества Рериха. – I: 93, 95, 154, 183, 185, 203, 248, 300, 550; II: 262, 287, 323-4
Агни-Йога, книга Учения Живой Этики. – I: 17, 46, 49, 54, 56, 61, 70, 120, 136, 152, 170, 230, 250, 255, 265, 267, 271, 276, 279-80, 285-7, 289-91, 300, 302-3, 308, 317, 328, 335, 345-7, 350, 354, 365, 368, 385, 394, 400, 410, 414, 425, 429, 432, 434, 438, 447, 461, 468, 475, 562; II: 141, 184, 202, 217, 221, 262-4, 321, 377, 496
Аграфа, книга М.А.Таубе. – II: 254, 348
Адамович Фридрих Фрицис (1863–1933), теолог, педагог, поэт, преподаватель, с 1920 доцент теологического факультета Латвийского университета, президент Латвийского отдела Комитета интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций. – I: 357, 367
Д'Адемар, графиня, фрейлина Марии-Антуанетты, оставившая в своих мемуарах воспоминания о графе Сен-Жермене. – II: 433, 445–6
Академия художеств, статья Н.К.Рериха. – II: 226
Акбар Великий (1542–1605), правитель Могольской империи в Индии с 1556. – I: 304
Акель, министр иностранных дел Эстонии. – I: 364, 526, 540, 565
Акментынь, генеральный секретарь Латвийского Красного Креста. – I: 363
Алатас (Alatas), издательство Г.Д.Гребенщикова. – I: 261; II: 435, 455-6
Александр I (1777–1825), российский император. – II: 271
Александр I Карагеоргиевич (1888–1934), король Югославии. – I: 142
Александр Иванович, см. Клизовский А.И.
Александр Михайлович, см. Асеев А.М.
Александр Яковлев, статья Н.К.Рериха. – II: 118
Алексеевы Татьяна и Сергей, члены Латвийского общества Рериха. Увлекались астральными видениями. У их дочери (р. ок. 1920) тоже были астральные видения. В 1934 были исключены из Общества «за увлечение медиумизмом». – I: 170, 182, 399
Алкс Дзинтарс (1901–82), врач-хирург, гинеколог. Работал в департаменте здоровья Латвии, затем стал директором этого департамента. В 1941 был репрессирован. – II: 41, 43
Алтаир, издательство Р. Рудзитиса. – I: 19, 67
Алтай–Гималаи, книга Н.К. Рериха. – I: 11; II: 51, 62, 256, 276
Альпы, картина Н.К. Рериха. – II: 435
Аменхотеп IV (Эхнатон) (ок. 1418–1400 до н.э.), древнеегипетский фараон. – I: 109
Аморк (Amork), неорозенкрейцерский орден, основанный Луисом Спенсером. – I: 227,
Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.), великий древнегреческий философ. – II: 90, 100-1
Ананда, любимый ученик Будды. – I: 239
Андар М., участник рериховского движения в США. – I: 314
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель. – I: 411-2, 415-6, 456, 481, 488, 525-6, 536, 538, 546; II: 183, 206
Антоний Великий (ок. 250–356), основатель христианского монашества. – I: 266; II: 251

Антоний, митрополит Киевский. – I: 269
Аншевиц Эмилия, дочь Клементия Вайчулёниса. Член Латвийского общества Рериха. Некоторое время была директором книжного магазина при Обществе, ведала библиотекой. Работала в кассе Оперного театра, затем библиотекарем в консерватории. – II: 44–5, 230, 235, 384-5, 398, 405, 420, 471, 473, 486
Апокалипсис в оккультном освещении, книга. – I: 265
Аполлоний Тианский (I в.), великий древнегреческий философ. – I: 39, 108, 558; II: 89-91, 100, 102, 283, 302, 444
Апсит Герман (Apsitis Hermanis) (1893–1942), общественно-политический деятель, министр юстиции Латвии (1938). В 1940 репрессирован. – II: 44
Апситис (Apsitis) Александр, латышский художник. – II: 441–2, 462
Ари, журнал. – II: 333
Аринь Отилия (Anna Otflija) (1885–1945), латышская актриса. Работала в Московском латышском театре, в Новом рижском театре (1908–15), затем в Дайлес-театре. Член Латвийского общества Рериха. Старалась не только изучать, но и применять Учение Живой Этики. Р.Рудзитис называл её «преданным, реальным, помогающим человеком». «Её любили, уважали, ей можно было доверять», – вспоминала Э.Рудзите. Сердечная, душевная женщина. Она часто выступала на музыкальных вечерах Общества с чтением стихов и работ Н.К. Рериха, а также с докладами, в частности читала доклад Р. Рудзитиса о Братстве Грааля. Помогала в работе книжного магазина, продавала книги. Погибла, как и многие члены Общества, в трудные послевоенные годы от истощения организма и отсутствия лекарств. (Одним из первых приказов после установления советской власти в Латвии был: ликвидировать все немецкие лекарства в аптеках и больницах. Врачи были беспомощны при лечении больных.) – II: 184, 211, 241, 303, 466, 486
Аркадий, основатель секты *Беловодская Иерархия.* – II: 90
Армагеддон, картина Н.К.Рериха. – I: 315, 326, 332; II: 158, 543
Арнольдов. – I: 546
Аров, председатель Берлинского отдела общества *Божественная Жизнь,* сотрудник А. М.Асеева. – II: 389–90
Арсуна, художественная галерея. – I: 455, 494, 518; II: 117
Арундель (Arundale) Джордж, президент Теософского общества в Адьяре с 1933. – I: 271, 310, 483, 491, 499-500, 524; II: 18, 319, 392
Архангел Михаил. – I: 29, 115, 129, 269
Арчер (Archer), журнал. – I: 339
Асеев Александр Михайлович (1902/3 – ок. 1993), врач, издатель журнала *Оккультизм и Йога.* – I: 13, 25, 36, 38, 49, 109, 134, 159, 178, 180, 182, 212, 220, 230, 272, 284, 287, 290, 299, 413, 416, 429, 432, 438, 440, 446-7, 451, 454, 459, 465, 470-1, 474, 505, 517, 522, 532, 547, 550, 553, 555, 559, 563; II: 3, 11, 13-6, 24, 27, 29, 69, 78, 80-1, 83, 97, 113, 116, 135, 138, 189, 202, 204, 207, 257, 389
Аспазия (ок. 470 до н.э. – ?), жена Перикла. – II: 102
Атлантида, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Атпута (Atputa, Отдых), латышский журнал. – I: 76, 241, 451, 470, 481
Аум, книга Учения Живой Этики. – I: 136, 138, 152, 175, 177, 182, 208, 218, 221, 228-9, 230, 232, 237, 244, 248, 250, 252-4, 258, 264, 270, 275-8, 283, 289, 293, 297, 303, 306, 310, 323, 326, 328, 332, 334, 352, 363, 372, 385, 465, 468, 562, 568; II: 14, 97, 240
Аушкап Юлий (Auskaps Julijs), латышский химик, ректор Латвийского университета в 1933–37, министр образования Латвии в 1938–40. – I: 357
Ашрам, картина Н.К. Рериха. – II: 126, 274
Б., д-р. – I: 363; II: 40
Бабенчиков Михаил Васильевич (1890–1957), искусствовед, художественный критик. Был дружен с Н.К.Рерихом с 1914, переписывался с ним вплоть до 1947. – I: 339, 354, 411, 456, 506, 551; II: 157, 174, 225
Баженов. – I: 227, 230; II: 430
Байрон Джордж (1788–1824), английский поэт. – I: 77
Балакшин П. П., сотрудник журнала *Земля Колумба.* – I: 219, 554

Баллод (Балодис) Франсис (Balodis Francis) (1882–1947), археолог, доктор философии и истории. – I: 312, 332, 339, 351, 358, 367, 371, 412, 510, 513, 519, 547
Балод, космософ. – I: 213, 216, 222
Балтрушайтис Юргис (1873–1944), русский и литовский поэт. – I: 388, 513, 524; II: 254, 385
Бангерскис Рудольф (Bangerskis Rudolfs), генерал. – I: 360, 544
Банкей Бехари, издатель журнала *Храм Мистицизма* в Аллахабаде, Индия. – I: 497, 517
Барун Фёдор и Евгений, братья, члены Латвийского общества Рериха (Даугавпилсское отделение). – II: 197–8, 305–6, 362
Батурин К. В. – I: 302, 318, 413, 432, 438, 440, 446, 451, 454, 460–1, 470, 473, 476, 512, 533, 555; II: 3, 13, 69, 78, 83, 113, 116, 135, 276, 338, 347, 354, 366, 408, 409
Бебрис, полковник. – I: 510
Безант (Besant) Анни (1847–1933), президент Теософского общества в Адьяре с 1907 по 1933. – I: 90, 147, 310, 449, 468, 476; II: 168
Бейли Алиса(1880–1949), основательница общества *Arcane School.* – I: 342
Беликов Павел Фёдорович (1911–82), писатель, поэт, исследователь творчества Н.К.Рериха, переписывался с Н.К., Ю.Н. и С.Н.Рерихами; жил в Таллине. Работал в магазине *Международная книга,* где продавались советские книги, выполнял заказы Ю.Н. и Н.К.Рерихов. П.Ф.Беликов создал в Таллине свою группу изучающих Живую Этику и труды Рериха, которая стала основой Эстонского общества Рериха. Первую работу философского характера о Н.К.Рерихе Беликов написал ещё перед войной. В 60-х гг. жил в деревенском местечке Козе-Ууэмыйза, куда переехал из-за болезни (туберкулёз лёгких). После встреч с Ю.Н. и С.Н.Рерихами приступил к работе над биографией Н.К.Рериха для серии «ЖЗЛ», широко используя письма С.Н.Рериха и В.А.Шибаева. П.Ф.Беликов принимал участие в научных конференциях, посвящённых Рериху, в Москве, Ленинграде, Новосибирске, печатался в прессе. Готовил третью большую работу о семье Рерих, которая осталась незаконченной. Жена, Галина Васильевна, входила в эстонскую группу, руководимую мужем. – I: 532, 540,549, 554, 566; II: 7, 13, 19, 31, 60, 75, 82-3, 106, 108, 126, 133-4, 137, 140, 151, 153, 156-7, 176, 186, 236, 249, 256, 259, 271, 274, 296, 311, 315, 317, 320, 322, 336, 343-4, 348, 353, 355, 364, 377, 384-5, 404, 406-7
Белуха, картина Н.К. Рериха. – I: 526; II: 158
Вельский А. П., переводчик *Калевалы* на русский язык. – I: 401
Бёме Якоб (1575–1624), великий немецкий философ. – I: 116
Бенеш Эдуард (1884–1948), президент Чехословакии (1935–38, 1946– 48). –II:171
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), русский художник. С 1926 жил во Франции. – I: 313, 318, 332, 339; II: 125, 296, 312, 348, 350, 353, 364,369, 376, 378, 381-2, 386, 393, 396, 405, 408, 417, 423
Бенуа, статья Н.К. Рериха. – II: 352, 545
Бергис П., адвокат. – I: 397
Берзинь Артур (Berzins Arturs) (1882–1962), директор Латвийского телеграфного агентства, писатель. – I: 4, 360
Берзинып Альфред (Berzins Alfreds), министр общественных дел Латвии. – II: 226, 233
Беседы, книга. – II: 359
Беседы с Божественной Матерью, сборник стихов Я. Карклинь. – II: 303
Беспредельность, книга Учения Живой Этики в 2-х частях. – I: 25, 49, 54-5, 91, 111, 228, 236, 542; II: 6, 141, 283, 402
Бете (Bats). – I: 169
Бетховен Людвиг (1770–1827), великий немецкий композитор. – II: 483
Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), русский график и театральный художник. – II: 156, 381
Биография Е.П.Б., книга. – I: 500
Бирбал, советник Акбара Великого. – I: 304,499
Блаватская Елена Петровна (1831–91), великий русский философ, основательница Теософского общества. – I: 4, 14, 37, 44, 55, 116, 118, 147, 198, 281, 310, 314, 468, 472, 476, 478, 501-2, 543, 557; II: 16-7, 168, 284, 358, 360, 444, 491
Блок и Врубель, статья Н.К.Рериха. – II: 249

Блюменталь Иван (Янис) Георгиевич (Blumentals Janis) (1905–73), член Латвийского общества Рериха с конца 30-х гг., в 1940 входил в правление. Вырос в Сибири. В 30-х гг. вернулся в Латвию, работал истопником, потом мастером обувного цеха фабрики *Варонис,* занимался продажей продукции за рубежом. С 1937 – член коммунистической партии. В 1940–41 стал директором фабрики, редактором газеты *Русский голос.* Был женат на учительнице русского языка Евгении Александровне (1901–96), дочери священника, также состоявшей в Обществе. Имел двух дочерей: Марину и Наталию (ныне Виноградова). Переписывался с Е И. и Н.К.Рерих. Чтобы достать визы для въезда семьи Рерих в СССР, по настоянию советского полпредства в Латвии издал сборники *Мысль* и *Литературные записки.* Репрессирован одним из последних в 1950, отбывал заключение в Мордовии. Реабилитирован в 1954. Тяжело пережил арест, больше с друзьями из Общества не встречался. – I: 13, 362, 374, 376, 378, 384,387, 390-1, 395, 406, 426, 481, 518, 540, 549, 554, 566, 570; II: 3, 7, 13, 19-20, 34, 71-3, 75, 83, 94, 125, 147, 151-2, 173, 181, 185-6, 192, 210, 216, 226, 231, 238, 248, 251, 253, 256, 259, 261, 277, 279, 295-6, 298, 314, 318, 320-2, 325, 330, 334, 337-8, 348, 355-6, 366, 376-8, 380, 383-5, 387, 390-3, 396, 399, 400-1, 404-5, 407, 409-10, 420, 428, 433, 437, 439-40,471, 502, 518

Блюменталь Марина (ум. 1995), дочь И.Г.Блюменталя. – II: 337, 420

Блюменталь Наталия, дочь И.Г.Блюменталя. – II: 317, 420

Бобынин В. В. – I: 302-3, 365, 369, 438, 440, 461, 473-4

Богданов-Вельский Николай Петрович (1868–1945), русский живописец. С 1921 жил в Латвии. – I: 317; II: 12, 250, 316, 321, 353

Богдановы Людмила Михайловна (1904–61) и Ираида Михайловна (р. 1914), сестры. Члены Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха. Жили вместе с семьёй Рерих в Кулу, в 1957 переехали с Ю. Н. Рерихом в Москву. – I: 9, 28, 50

Богинский. – I: 440–1

Бодхичарьяватара, буддийский трактат. – I: 84

Божественная Жизнь (Дивайн Лайф, Divine Life), журнал.– II: 223, 230, 389-90, 409, 443

Божественная Жизнь, общество. – II: 230, 389

Боккаччо Джованни (1313–75), итальянский писатель. – II: 281

Бонча-Томашевский Андрей (псевдоним Эндрю Томас, Andrew Tomas), русский эмигрант, жил в Шанхае. Автор книги *Шамбала – оазис света.* В 1934–35 встречался с Н.К.Рерихом. – II: 14, 16, 24, 113–4, 116, 145-6, 200, 276, 318, 322, 347, 366

Борьба с невежеством, статья Н.К. Рериха. – I: 206, 213, 218, 241

Боссом Алфред, архитектор. – II: 61

Боттичелли Сандро (1444–1510), итальянский живописец. – I: 561

Боттомлей Гордон, английский поэт, почётный советник Музея Рериха в Нью-Йорке, член Британского общества Рериха. – I: 504

Боше (Bose) Джагадис (1858–1937), выдающийся индийский учёный, сотрудник института *Урусвати.* – I: 488, 543, 551–2

Брамапутра, картина Н.К. Рериха. – I: 294, 300, 304, 342, 486

Брамапутра, открытка. – I: 330 Брандт. – II: 35

Братство, ч. I и ч. II *(Надземное),* книги Учения Живой Этики. – I: 237, 353, 388, 396-8, 404, 413, 448, 466-9, 475, 487, 514, 524, 541, 544, 562, 566, 571; II: 4, 14, 45, 76, 90, 97, 115, 124, 180, 202, 204, 291, 347

Брентано, издатель монографии о Н.К.Рерихе (Grant F.R. a.o. *Roerich. Himalaya.* – N.Y.: *Brentano,* 1926). – I: 525, 546, 547

Брентон (Brunton) Паул, оккультный писатель. Писал книги на английском и немецком языках: *Таинственная Индия* (о Рамани Махарши) и др. – II:510

Бринтон Кристиан (1870–1942), американский художественный критик, лектор; автор ряда статей о творчестве Н.К.Рериха и предисловия к каталогу его первой выставки в Нью-Йорке. Автор книги *Духовный путь.* – I: 411, 456, 519, 551; II: 51, 174, 286, 323

Бродский Исаак Израилевич (1883/4–1939), русский живописец и график. С 1934 директор Всероссийской Академии художеств в Ленинграде. – II: 313

Бруно Джордано (1548–1600), великий итальянский философ. – I: 543

Брэгдон Клод (Bragdon Claude) (ум. 1945), американский художник и писатель, преподаватель Института объединённых искусств, написал предисловие к первому

изданию книги Н.К. Рериха *Алтай–Гималаи.* – I: 516; II:51, 103, 105
Будда. – I: 29, 82, 84-5, 86-7, 108,116, 172, 239; II: 45, 202, 283
Будда Дающий, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Буддист, цейлонский журнал. – I: 497
Буковский Алексей. – II: 93
Буковский Лев. – II: 93
Булгаков Валентин Фёдорович (1886–1966), русский литератор и мемуарист, секретарь Л.Н.Толстого. Основал Русский культурно-исторический музей в Праге, для которого Н.К.Рерих предоставил несколько своих картин, находящихся ныне в Третьяковской галерее в Москве. – I: 537, 552, 554; II: 7, 34-5, 69, 74, 81, 93, 97, 108, 125, 134, 143, 145, 182, 205, 215, 218-9, 226, 275, 287, 318, 321, 329, 338-9, 344, 348, 353, 355, 365, 386
Бумбер (Bumbiere) Елена Ивановна, член Латвийского общества Рериха с 1937, руководитель группы в г. Вентспилс. Переписывалась с Е.И Рерих и Р.Рудзитисом. К ней в группу приезжали читать лекции Б.Стипрайс и др. Муж – латышский политик Валдис Бумбиерис. Имела двоих детей: дочь (р. 1921) и сына (р. 1923). В 1944 вместе с семьёй уехала из Латвии. Проживала в Нью-Йорке. Издала книгу *О карме и реинкарнации* в 1956. Участвовала в издании альманаха А.М.Асеева *Оккультизм и Йога,* в котором было опубликовано её посвящение Е.И.Рерих. – I: 216, 273, 514; II: 193-4, 217-8, 321
Бурлюк Давид Давидович (Burliuk David) (1882–1967), русский поэт и художник, написал ряд статей и небольшую монографию о творчестве Н.К.Рериха: *Рерих: черты его жизни и творчества (1918-1930).* С 1920 в эмиграции – I: 339, 354, 484, 488, 496, 499, 506, 516, 525, 536, 538
Бутенек Екатерина Михайловна (Buteniece Katrina), член Латвийского общества Рериха. Швея по профессии. Искренний, правдивый человек. Состояла в группе К. Вайчулёниса. – I: 428, 543–4, 552, 557
Буттерзак, немецкий ученый. – II: 292
Буден Фёдор Антонович (Bucens Teodors) (1869–1942), член Латвийского общества Рериха с 1931, в правлении с 1939. Был казначеем Общества, одно время ведал библиотекой. Переписывался с Е.И.Рерих. Издал на свои средства книгу Оригена *О Началах* на русском языке. Имел четверых детей. Паул – латвийский офицер, замучен в 1941, в тюрьме в Москве; остальные трое уехали за границу: Даумант – в Австралию; Мирдза, пианистка – в Новую Зеландию; судьба четвертой – Лидии – неизвестна. Арестован 17 декабря 1940. Расстрелян в тюрьме в Астрахани. – I: 8, 138, 142, 152, 154, 156, 161-4, 168, 171, 183, 188–93, 203, 207, 213, 221-2, 227-9, 249, 251, 254-5, 258, 262-4, 266, 274, 285-7, 297, 305, 336, 385, 392, 401, 413, 421, 423-4, 431, 503, 515, 539, 542-4, 558; II: 23, 28, 65, 85, 87, 97, 205, 226, 230, 233, 238, 248, 277, 279-80, 284, 298, 302, 310, 320, 397, 466, 482-3, 502, 518
Бушман Николай, инженер. – II: 48, 154, 229
Бхавнани (Бхавани). – II: 138
Бхагавад-Гита, священная книга индуизма. – I: 217
Бхагаван, картина Н.К. Рериха. – I: 454
Бхаратбарса, индийский журнал. – II: 17
«Был ли Линкольн руководим Великими Учителями?», статья. – II: 448
Быстрое-Запольский. – I: 409
Бытие, первая книга Библии. – I: 174
Бялковский, член Латвийского общества Рериха. Ведал библиотекой и распространением книг. – I: 424,428,451; II: 6, 87
В мире символов, брошюра Ю.Н.Лукина. – I: 268
В недрах Космоса, статья Н.П. Рудниковой. – I: 46
В поисках правды, книга Е.И.Зильберсдорфа. I: 8; II: 401
Вавилов Николай Иванович (1887–1943), выдающийся русский учёный. Был репрессирован. – I: 301,480, 519, 524, 538, 546, 551
Вагнер Рихард (1813–83), великий немецкий композитор. – I: 48
Вайткус Стасис (ум. 1989), художник, скульптор. Член Литовского общества Рериха (Каунас). Был репрессирован. – I: 241, 246, 452, 548, 549
Вайчулёнис Клементий Станиславович (Voiculenas Klements) (1881 – 1940), член

Латвийского общества Рериха. По происхождению литовец, родился в Литве, область Паневежис. Меценат издательства. Имел небольшую обувную фирму, жертвовал значительные средства на издательство Общества. Был добрым, сердечным человеком. Похоронен на Лесном кладбище в Риге рядом с Ф.Лукиным. – I: 8,130,141, 163–4, 166, 192, 237, 326, 336, 421, 424, 539, 542-3, 550, 553, 556; II: 5, 23, 28, 32,44, 57, 128, 186-7, 202, 212, 227, 230, 238, 251, 259, 285, 289-90, 298, 309, 314, 317, 320, 332, 343, 346, 350, 357, 360, 385, 388, 393, 420, 436, 441, 453, 456, 462, 466, 469, 471, 473, 479

Валисинга Деваприя, секретарь общества *Маха-Бодхи.* – I: 491

Валковский Карл Оттонович (Valkovskis Karlis) (1891–1957), член Латвийского общества Рериха со дня его основания. Бухгалтер и секретарь правления Общества. Имел двоих детей: сына Роберта (р. 1932) и дочь Майю, которые эмигрировали в 1944. Был репрессирован в 1950–56, но остался верен своим убеждениям. – I: 57, 62, 70, 91, 110, 130, 132, 134, 139, 141-3, 145, 154-5, 158, 160-2, 164-5, 169-70, 175, 180-1, 184, 188-9, 191-3, 200, 202, 206, 213, 238, 264, 304-7, 314, 317, 330, 343-4, 350, 354-7, 362, 364, 366, 374, 376, 378, 383, 418, 420, 424, 431, 436, 503, 511, 513, 515, 530, 542-3, 566; II: 4, 6, 87-8, 134, 177, 208, 211, 213, 227, 241, 250, 252, 265, 273, 276-7, 285, 302, 306, 324, 360, 397, 417, 427, 435, 437, 465, 469, 481-2, 506, 515, 522

Вальтере и Panna (Valters un Kapa), самая крупная книгоиздательская и книготорговая фирма Латвии, основанная в 1912. – I: 306, 315, 412, 454

Вандалы, статья Н.К.Рериха. – II: 22, 75, 118

Варфоломеева М.Н., член Харбинской группы Живой Этики. – I: 220, 294

Васвани Т.Л., индийский писатель. – II: 229, 239

Вашингтон Джордж (1732–99), первый президент США (1789–97). – II: 452

Вашингтонская почта (Washington Post), газета. – II: 145

Ведринская Мария Андреевна (1882/3–1948), актриса Русского театра в Латвии. Член Латвийского общества Рериха с 1931. Основала драматическую студию в Обществе. Некоторое время (в 1937) жила в Югославии. В 1944 вместе с большинством латышской интеллигенции эмигрировала, сначала в Германию, затем в Австрию. Большим событием для неё в последние месяцы жизни было письмо, полученное от Е.И.Рерих. – I: 299, 344, 421, 428, 458-9; II: 214, 227, 241, 251, 278, 465, 477, 550

Ведущая, картина Н.К. Рериха. – I: 479

Вейдле. – II: 408

Великий Учитель Илларион. – I: 116; II: 292

Великий Учитель Кут Хуми. – I: 116, 349; II: 45, 59, 324

Великий Учитель Мориа (Великий Владыка, Владыка Шамбалы, Майтрейя). – I: 3, 12, 21, 27, 29, 33, 35-40, 44-8, 60, 62-5, 97-8, 102-6, 116, 118-21, 123, 128, 131, 138, 142, 145-6, 156-9, 162, 169, 175-6, 181, 194, 201-2, 204, 207-9, 224, 226, 237, 240, 252, 256-7, 298, 306, 310-1, 348, 353, 376, 396, 424, 427, 448, 468-9, 471-2, 527, 545, 554; II: 5, 10, 26-7, 45, 56, 58-60, 70, 90, 97-8, 100, 104, 129, 148, 175, 180, 204, 218, 229, 241, 265-6, 269, 271, 273, 288, 292, 303, 322, 324, 357-8, 369, 399, 425-7,432, 453, 461, 473, 477, 490-1, 493, 496-7, 501, 503, 506-7, 512, 522, 525

Великий Учитель Ракоци. – I: 116

Великий Учитель Ясон. – II: 445

Вестник, картина Н.К. Рериха. – I: 526

Вестник, теософский журнал, издаваемый А.А.Каменской в Женеве. – I: 45, 271, 293, 310, 313, 334, 532, 538; II: 365-6, 392, 443

Вестник Гауризанкара, журнал. – II: 366

Ветров Михаил, третий секретарь советского полпредства в Латвии в 1939-40. – II: 460

Виас (Виаса) Рай Бахадур Брадж Мохан, индийский учёный, президент Индийского исторического конгресса. – I: 502, 504; II: 52

Вивекананда (1863–1902), великий индийский философ. – I: 4, 6–7, 41

Виестур (Viesture) Эмилия (1891–1947), известная латышская актриса, играла в Дайлес-театре. Член Латвийского общества Рериха. Некоторое время заведовала драматической секцией в Обществе. – I: 92, 273, 428, 487

Виестур (Виестур-Принце) Аида (1911–95), биолог, окончила Латвийский университет. Член Латвийского общества Рериха с 1932. Вышла замуж за Яниса Принциса, но вскоре

развелась и стала женой врача Бергманиса, который погиб в последний год войны. В 1944 вместе с родителями уехала в Германию, затем в США, где некоторое время, по совету Е.И. Рерих, жила у Кэтрин Кэмпбелл. Её сын Юргис стал психологом. Получила в 1952–53 три письма от Е.И.Рерих. – I: 155, 164, 167, 170,177,224-6,245, 264,427,459
Вилцинь А., пастор, издавал в Латвии теологические труды австрийского пастора и музыканта Якоба Лорбера. – I: 246
Виндзорский, герцог. – II: 137, 551
Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938), русский живописец. – II: 12
Виолье А., ученик Школы Общества поощрения художеств. – II: 333
Вирк А., член Латвийского общества Рериха. – II: 277, 284
Витол Язеп (Vltols Jazeps) (1863–1948), известный латышский композитор, ректор Латвийской консерватории (Музыкальной академии). – I: 360
Витязь, журнал. – II: 337
Витязь, общество. – I: 408
Вифлеемская Звезда, журнал. – I: 522
Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931), русский востоковед. – II: 98, 104-5, 283
Внутренние приметы творчества Рериха, статья Ю.Балтрушайтиса. – I: 388
Во власти Кармы, книга К. Принца. – I: 186, 198, 201
Во Фалипо Мари де, председатель Французского общества Рериха и Европейского центра при Музее Рериха в Нью-Йорке. – II: 134
Воган Томас (XVIII в.), алхимик и философ. – II: 444
Возрождение, газета русской эмиграции, издававшаяся в Париже. – I: 108, 219
Возрождение Азии, журнал. – I: 148, 214
Волокут волоком, картина Н.К.Рериха. – I: 526; II: 22
Вольтер, русский писатель. – I: 354
Вопросы теософии, книга. – I: 314, 318
Воронецкий. – II: 157
Воспитание духа, книга Е.И.Зильберсдорфа. – I: 8, 142, 163; II: 195
Враги Вселенной, книга. – I: 302, 341, 432, 438, 440-1, 446, 451, 455, 474, 476; II: 4,69, 338, 347
Врата в Будущее, книга Н.К.Рериха. – I: 8, 159–60, 170–1, 177–9, 182, 184-5, 187, 203, 206, 209-12, 215, 218-21, 232, 240, 252, 259, 261, 263, 265, 291, 315; II: 14, 97, 140, 237, 445
Врачи, статья Н.К. Рериха. – II: 406
Вреде. – I:212, 261, 564
Вроблевский Константин Каэтонович (1868–ок.1939), русский художник-пейзажист. Учился вместе с Н.К.Рерихом в Академии художеств у А.И.Куинджи. После 1921 жил в Польше. – II: 21, 354
Вэтра Николай (1897–1955), доктор медицины. – II: 39–41
Г.Ф., см. Лукин Г.Ф.
Гагемейстер (Hagemeister) Екатерина Фёдоровна, член группы П.Ф.Беликова. – I: 483, 505, 555, 552
Галауне Паулюс (Galaune Paulius) (1890–1988), литовский художник, искусствовед, педагог, член Литовского общества Рериха, директор Ковенского музея. – I: 509
Галилео Галилей (1564–1642), великий итальянский астроном, физик и механик. – II: 229
Галлен-Каллела Аксели (1865–1931), финский живописец и график. – I: 408; II: 63
Гамалиил, раввин. – I: 348
Гаманн, адвокат. – I: 508
Ганголи, индийский культурный деятель. – I: 488
Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948), индийский общественный деятель. – II: 361
Гаральд Феликсович, см. Лукин Г.Ф.
Гарепляков. – II: 187
Гартман (Hartmann) Франц (1838–1912), врач, член Теософского общества. – I: 257, 264; II: 444
Гартнер (Gartner), участник рериховского движения в США, переводчик книг Учения Живой Этики. Муж Клайд Гартнер. – I: 278, 289, 316, 326, 328, 445, 518
Гартнер Клайд (Gartner Clyde), участница рериховского движения в США, одна из основателей художественной галереи *Арсуна.* – I: 518

Гедин Свен Андерс (1865–1952), известный шведский путешественник, исследователь Центральной Азии. – I: 522; II: 51,426
Гельмбольдт Цецилия (ум. 1937), член Российского теософского общества. – I: 271, 293, 296, 318, 334
Генисаретское озеро, картина Н.К. Рериха. – II: 158
Георгиев Борис (1888–1962), болгарский художник. Ученик Школы Общества поощрения художеств. В 1931–35 жил в Индии, посетил Кулу. – I: 13; II: 138, 326, 334, 369, 381, 392, 406, 418
Германова Мария Николаевна, русская актриса, член Французского общества Рериха. В 1931 отошла от Учения Живой Этики и пыталась оклеветать Е.И. и Н.К Рерих. – II: 17–8
Гермес Трисмегист. – I: 60
Гертруда Великая (XIII в.). – I: 174
Герц Генрих (1857–94), немецкий физик. – II: 293
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), великий немецкий поэт и учёный. – II: 235, 446
Гибель Атлантиды, картина Н.К. Рериха. – II: 237
Гильтон (Hilton). – II: 169, 362, 553
Гималаи, картина Н.К. Рериха. – I: 302, 313, 331, 347, 454; II: 121, 210, 318
Гималаи, монография. – II: 154
Гитлер Адольф (1889-1945). – I: 333, 440, 474; II: 166, 177
Глямжа Ионас (Glemzia Jonas) (1900–92), один из основателей Литовского общества Рериха. Работал в области книгоиздательства. Был репрессирован. – I: 374–5, 382–3
Говинда Анагарика (Эрнст Лотар Гоффман) (1898–1985), буддийский философ, писатель. – II: 17
Голенищев-Кутузов, см. Кутузов М.И.
Голлербах Эрик Фёдорович (1895–1942), русский искусствовед, художественный критик, литератор. – I: 496–7, 506, 525, 536, 538; II: 157, 191, 206, 314, 325, 327, 334, 367
Головин, статья Н.К.Рериха. – II: 356
Головин Александр Яковлевич (1863–1930), русский живописец. – II: 356
Голос Безмолвия, книга. – II: 337
Голос народа, газета. – I: 76
Голос Правды, издательство. – I: 302
Голос Риги, газета. – II: 75
Голоса Монголии, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Гонг, журнал. – II: 391
Гонец, картина Н.К.Рериха. – I: 261, 526; II: 93
Гонец, книга Г.Д. Гребенщикова. – II: 93
Гончарова Наталия Сергеевна (1881–1962), русский живописец, график и театральный художник. С 1915 жила в Париже. – II: 381
Гопперс Карл (Goppers Karlis) (1876–1941), генерал. – I: 360
Горное озеро. Тибет, картина Н.К.Рериха. – I: 454; II: 121
Горный Сергей (Corny Sergey), писатель. – I: 51, 250, 303, 315, 331, 412, 454, 516, 554; II: 15
Город строят, картина Н.К.Рериха. – I: 526
Горький, статья Н.К.Рериха. – I: 221, 243
Горький Максим (1868-1936), русский писатель. – I: 218, 221, 240, 415
Государственные ведомости, газета. – II: 226
Готама, см. Будда.
Гофмейстер Владимир Генрихович (Hofmeisters Vladimirs), член Латвийского общества Рериха. Репатриировался в Германию в 1939, основал группу Живой Этики. При его участии книги Живой Этики и *Письма Елены Рерих* были переведены и изданы на немецком языке
Леопольдом Бранштедтером в Мюнхене. – II: 324–5.
Грааль. – I: 10-1, 78, 158, 170, 172; II: 89, 98, 129, 166, 168, 227, 260, 279, 283, 295, 300, 302, 310, 314, 321, 323, 325, 328, 332, 358, 423-5, 433, 443-4, 495, 508, 534
Грабарь Игорь Эммануилович (1871 – 1960), русский живописец и искусствовед. – II: 125, 180, 183, 379, 423
Град обречённый, картина Н.К.Рериха. – I: 132, 508

Грамматчиков Николай, участник Маньчжурской экспедиции Н.К.Рериха. – II: 29
Грант Франсис (ок. 1892–1993), вице-президент Музея Рериха в Нью-Йорке. – I: 104, 354, 371, 411, 415, 450, 456, 474, 479, 482-3, 485, 502, 528, 539, 568; II: 174, 189, 192, 209, 221, 225, 240, 275, 286, 296, 311, 315, 329, 366, 383, 423
Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), русский писатель, сотрудник Музея Рериха в Нью-Йорке. – I: 4, 391, 419, 483, 518, 531, 554; II: 75, 93, 107, 117, 169, 173, 180-1, 187, 189, 208, 229, 254, 261, 277, 314, 320, 435, 456
Грёза вечности, стихотворение Ю. Балтрушайтиса. – I: 513
Гри Анри (наст. имя и фамилия Гарри Гиршфельд), журналист. – I: 243, 255
Григорович Дмитрий Васильевич (1822–99), русский писатель. – I: 341
Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939), русский живописец. После революции эмигрировал. – II: 31, 332
Гриднёв. – I: 461
Гринберг, лютеранский архиепископ. – I: 359, 540, 567
Гринберг Иоганн (Greenberg Johannes) (1887–1951), эстонский художник, график, скульптор, преподаватель Эстонского государственного художественного института. Принимал участие в петербургских выставках *Мира искусства.* Был знаком с Н.К.Рерихом. С 1920 жил в Таллине. Был официальным представителем от Эстонии на конгрессе Прибалтийских обществ Рериха в Риге в октябре 1937. Член инициативного комитета Пакта Рериха в Эстонии. – I: 511; II: 87, 155
Гриневич (Grinevic), член Литовского общества Рериха. – I: 382
Гроссе. – I: 556; II: 276, 321
Грус, домашний врач семьи Рерих в Петербурге. – II: 54
Грюнведель Альберт (1856–1935), немецкий ученый-востоковед и путешественник. – I: 44
Гуга- Чохан, картина Н.К.Рериха. – II: 64, 126
Гудков Н.Д. (1884-?), издатель. – I: 408, 412, 438, 447, 563; II: 138, 405, 554, 555
Гузик Ян. – II: 125
Гущик В., эстонский писатель. – I:408, 549, 553; II: 7, 31, 106, 127, 384, 406
Гэсэр-хан. – I: 107
Давидж (Дэвидж), редактор журнала Теософского общества. – I: 524
Дале Паул (Dale Pauls) (1889–1968), профессор Латвийского университета. Читал лекции в Латвийском обществе Рериха. – I: 240; II: 227, 245
Данилевский. – I: 369; II: 116, 138, 145-6, 318
Данте Алигьери (1265–1321), великий итальянский поэт. – II: 85, 235
Данце Ирма (Dance Irma) (1908–88), преподавательница Латвийского университета. В 1944 эмигрировала в Австралию. Руководительница организации *Даугавас ванадзес.* – II: 281
Дас-Гупта Кедарнат, индийский философ и историк культуры, профессор Калькуттского университета. – II: 10
Даугавинь, член Латвийского общества Рериха. – II: 46
Дворец, статья. – II: 430
Двукраев Александр Арсеньевич, домашний врач семьи Рерих в Петербурге. – II: 54
Девадатта, двоюродный брат и ученик Будды, впоследствии предавший его.-I: 118
Декада (Roerich Museum. A Decade of Activity), юбилейный сборник, посвященный 10-летию Музея Рериха в Нью-Йорке. – II: 92
Дела человеческие, картина Н.К.Рериха. – II: 14, 97
Дергачёв, член Даугавпилсского отделения Латвийского общества Рериха. – II: 308, 325, 348, 403
Держава Рериха, статья Л.Н.Андреева. – I: 415
Держава Света, книга Н.К.Рериха. – I: 265; II: 256
Держатели, статья Н.К.Рериха. – I: 171
Дефрис. – I: 566
Джагадисварананда, индийский философ. – I: 457
Джадж Уильям Куан (Judge W. Q.) (1851–96), один из основателей Теософского общества, генеральный секретарь Американской секции ТО с 1886. – II: 284
Джинараджадаса (1875–1953), вице-президент Теософского общества (Адьяр).-1:208, 271, 334

Дзенис Буркард (Dzenis Burkards) (1879–1966), латышский скульптор. – I: 360
Дидковский Н.Н. (1887-ОК.1941), издатель. – I: 412, 563; II: 96, 254, 256, 405, 556
Дикман (Dikman), председатель Латвийского отделения общества *Божественная Жизнь.* – I: 255, 263, 267, 271, 274, 564; II: 65, 230, 243, 389– 90, 409, 422, 443
Дионисий Ареопагит (I в.), первый афинский епископ. – II: 426
Для вас, журнал. – I: 72, 203, 331, 440, 480, 484; II: 143, 253, 427
Для всех, газета. – I: 330, 440, 480, 484; II: 244, 253, 295, 315, 339, 347, 427
Дмитрий Донской (1350–89), великий князь Московский. – I: 29
Добротолюбие, книга. – II: 251
Донов Пётр (1864–1944), болгарский философ. – I: 198, 433, 460
Достоевский Фёдор Михайлович (1821–81), великий русский писатель. – I: 536
Доуэр Уильям (ум. 1937), второй президент (Главный Хранитель) общества *Храм Человечества* (с 1922). – I: 45
Драудзинь Екатерина (Катрина) Яковлевна (Draudzina Katrina) (1882– 1969), одна из первых женщин-стоматологов со специальным образованием в Латвии. Член Латвийского общества Рериха, с 1938 – член правления. Руководила группой Женского единения при Обществе. Написала несколько работ на темы Живой Этики: община, о мыслях, о смерти и др. В течение всей жизни работала над индексом книг Живой Этики, переделывала его шесть раз. Хотя все материалы индекса были изъяты при аресте, впоследствии сумела восстановить их. Ю.Н.Рерих предложил назвать этот индекс «Словником Живой Этики». Единственный сын Е.Драудзинь пропал без вести во время Второй мировой войны. Репрессирована в 1949, реабилитирована в 1954 по ходатайству Р.Рудзитиса. – I: 130, 141, 164, 166-7, 264, 350, 373, 424, 430-1, 459, 542-3; II: 6, 28, 45, 57, 61, 72, 87, 89, 96-7, 147, 172, 178, 228, 241, 265, 280-1, 302, 321, 323, 368, 396, 397, 414-5, 436, 464, 467, 475-6, 487, 499, 509, 512, 515, 518, 524-5
Древний Новгород, картина Н.К Рериха. – I: 467
Древний Псков, картина Н.К.Рериха. – I: 467
Древняя жизнь, картина Н.К.Рериха. – I: 526
Дропси, профессор, член Французского общества Рериха. – I: 468
Друг человечества, статья Е. А. Москова. – II: 46
Друг человечества, статья Н.К. Рериха. – II: 331, 339, 347
Друзьям художникам, статья Н.К. Рериха. – II: 390, 409, 422, 428
Дузе Элеонора (1859–1924), итальянская актриса. – II: 145
Дукшта-Дукшинская Вера Александровна, участница рериховского движения в Югославии. – I: 185–6, 557
Духовный путь, книга К.Бринтона. – II: 36, 323
Духовный путь Толстого, книга В.Ф. Булгакова. – II: 36
Дуцман (Ducmanis) Карлис (1881 – 1943), сенатор, латышский публицист, общественный деятель. – I: 223, 245, 256, 348, 359, 436, 487, 513, 523, 534; II: 223, 275, 430
Дювернуа (Жан Дювернуа. *Рерих: Фрагменты биографии.* – Рига, 1932. – Книга Э.Лихтман, написанная под псевдонимом.) – I: 552; II: 11, 92, 180
Дягилев, статья Н.К.Рериха. – II: 249
Е.А., см. Зильберсдорф Е.А.
Е.Я., см. Драудзинь Е.Я.
Евгений Александрович, см. Зильберсдорф Е. А.
Евлогий, митрополит. – I: 266, 501
Екатерина Сиенская (1347–80). – I: 174
Екатерина Яковлевна, см. Драудзинь Е.Я.
Ерёменко А.В., автор монографии о Н.К.Рерихе *(N.K.Roerich: His Life and Creation during the past forty years, 1889–1929.* – N.Y.: *Central Book Trading Co.,* 1931). – I: 567; II: 174, 240, 350, 406, 419
Св. Ефрем.– II: 91
Жаков Калистрат (1866–1926), учёный, философ, писатель из России. В 20-х гг. жил в Латвии, основал философское движение *Лимитизм.* В Риге вышло большинство его книг. – I: 543
Жанна д'Арк (ок. 1412–31), народная героиня Франции. – I: 174, 526; II: 102, 174, 451

Жанна д'Арк, триптих Н.К.Рериха. – II: 174, 374
Жар-Птица, журнал, издававшийся в 1921–26 в Берлине и Париже. В журнале активно сотрудничали К.Д.Бальмонт, И.Я.Билибин, А.Н.Бенуа, М. В. Добужинский, Л. О. Пастернак, В. М.Ходасевич и др. – I: 415
Жар-Цвет, картина Н.К.Рериха. – II: 8, 20, 30
Же-де-Пом, парижский музей. – II: 253, 296
Желанный труд, статья Н.К.Рериха. – I: 221
Желиховская Вера Петровна, сестра Е.П.Блаватской. – I: 557
Жемчуг исканий, картина Н.К.Рериха. – I: 561; II: 8, 20, 30
Женщина, статья Н.К.Рериха. – I: 70
Жизнь, книга Н.К Рериха. – I: 111; II: 249, 276-7
Жизнь Аполлония Тианского, книга Флавия Филострата. – I: 541
Жизнь Братства, см. *Братство.*
Жил ли Иисус Христос на Земле, серия статей. – II: 26, 558
Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, како ходи в Рахмани, книга. – II: 90
Завидное положение искусства в Латвии, статья. – II: 235
Зайцев, владелец книжного магазина в Харбине. – I: 205, 213, 231, 251, 294
Залькалн Янис (Zalkalns Janis) (1892–1945), латышский литератор, переводчик. Работал делопроизводителем в министерстве. Член Латвийского общества Рериха, начинал в группе Ф.Лукина. В 1934 – член правления, казначей. Хорошо знал латышский литературный язык (в то время латыши больше знали немецкий и французский), много сделал для перевода книг Живой Этики на латышский язык. Умер в больнице, похоронен в г. Валмера. – I: 4, 164–5, 191, 216, 264, 426; II: 6
Зальцман, член Латвийского общества Рериха. – I: 168, 426; II: 65, 71, 73
Замки Майтрейи, картина Н.К.Рериха. – II: 191
Записки пилигрима (Svetcelotaja pieztmes), книга Р. Рудзитиса. – I: 6
Зарево, картина Н.К.Рериха. – II: 8
Зарождение легенд, статья Н.К.Рериха. – II: 382
Звезда, газета. – II: 528
Звёзды Маньчжурии, книга. – I: 263
Звенигород, картина Н.К.Рериха. – I: 467; II: 158, 235
Звери, люди и боги, книга Ф.Оссендовского. – I: 107; II: 426
Здор Раиса, сестра А.М.Асеева. – II: 29
Зеелер. – II: 334
Зелта Грамата (Zelta Gramata, Золотая Книга), книга. – I: 514–5, 522, 524-5, 535-6, 540, 550, 565; II: 92, 112, 116, 119, 122-4, 128, 134, 138-9, 142, 156-7, 208-9, 228, 239, 326, 330, 411
Земгалис Густав (Zemgalis Gustavs) (1871–1939), адвокат, мэр города Риги, президент Латвии в 1927–30. – I: 360
Земля Колумба, журнал. – I: 219, 314
Земля Колумба, статья. – I: 230
Земля Славянская (Terra Slavonica), картина Н.К.Рериха. – I: 526; II: 7, 256, 295, 374
Зенкевич Семён Иосифович (1895–?), писатель, участник рериховского движения на Дальнем Востоке. – I: 268, 284, 294, 302-3, 317-8, 332, 343, 350, 364, 368-9, 376, 433, 438, 446-7, 451, 461, 473; II: 15, 113, 116, 391, 407, 409
Зиедыня Минна (1870-1939), мать Эллы Рудзите. – II: 388
Зильберсдорф Евгений Александрович (ок.1880–1957), инженер, жил в Даугавпилсе. Член Латвийского общества Рериха. Писал книги на темы Живой Этики и православия и сам издавал их в Риге: *Воспитание Духа* (1936), *В поисках Правды* (1938). Переписывался с Е.И.Рерих. После Второй мировой войны уехал на Кавказ, впоследствии жил в г. Горьком (ныне Нижний Новгород), где основал группу Живой Этики. – I: 8, 91, 96, 129, 142, 156, 163, 168, 247, 318, 399, 407, 432, 452; II: 38, 195, 275, 309, 346-7, 354, 401, 405, 518
Зинаида Григорьевна, см. Лихтман З.Г.
Злата Прага, статья Н.К.Рериха. – I: 243
Златоглав, книга. – II: 330, 334, 336
Знак Эры, статья Н.К.Рериха. – I: 218, 243, 252

Знаки Майтрейи, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Знаки Христа, картина Н.К.Рериха. – I: 108
Знамя Мира, журнал. – II: 114
Знамя Преподобного Сергия Радонежского, книга. – I: 8, 19–20, 49, 67, 215, 303; II: 140
Зовущий, картина Н.К.Рериха. – II: 22
Зодчий, статья Н.К.Рериха. – II: 35
Зороастр. – I: 60, 116
Зохар, трактат по еврейским эзотерическим доктринам. – I: 114, 227, 324
И открываем, картина Н.К.Рериха. – II: 295
И. Г., см.Блюменталь И.Г.
Иван Георгиевич, см.Блюменталь И.Г.
Иванов, член группы П.Ф. Беликова. – II: 152
Иванов Василий Фёдорович. – I: 117, 120, 146, 180, 206, 263; II: 18, 35, 69, 83, 276
Иванов Всеволод Никанорович, писатель. – I: 206, 214, 263, 354, 411, 415-6, 439, 480, 482, 488, 495, 498, 502, 504, 506, 522, 524, 538, 546, 552; II: 13-4, 69, 74, 109, 133, 157, 376, 391, 392; II: 13, 69, 99, 191, 249, 259, 334, 367, 380, 392
Иерархия, книга Учения Живой Этики. – I: 49, 56, 61–2, 67, 91, 93, 105, 111, 127, 129, 139, 157, 170, 172, 178, 256-7, 276, 283, 299, 326, 334, 345, 449, 468; II: 5, 25, 112, 141, 377, 417, 426, 464, 473, 493
Иисус Неизвестный, книга Д. С. Мережковского. – I: 174
Иисус Христос. – I: 6, 30, 77, 91, 108-9, 116, 153, 173-4, 207, 223-4, 266, 269, 359, 376, 405, 442-3, 450, 461, 474, 501; II: 27, 45, 59–60, 80, 100, 250, 254, 282, 321, 370, 426, 529-30, 359
Икбал Музаммад (ок.1870-1938), индийский поэт. – II: 101 Икскюль, см. Рудникова Н. П. – I: 391, 511; II: 87
Иллион, путешественник. – I: 376
Илона, дочь Г.Лукина. – II: 74
Инге Екатерина Петровна, участница рериховского движения на Дальнем Востоке. Под руководством Е.И.Рерих занималась переводами теософской литературы (трудов Е.П.Блаватской, *Учения Храма* и др.) на русский язык. – I: 294, 299, 433, 462; II: 128, 145, 186, 195, 200, 225, 236, 245, 311, 346, 357, 376, 390, 392, 429, 433
Индар, сын Г.Лукина. – I: 253
Индусские рекорды о жизни Христа, серия статей. – II: 26
Иоанн, архиепископ Латвийский. – I: 142, 154
Иогансон (lohansone) Лидия Андреевна, учительница. Изучала медицину в Латвийском университете. Одна из основателей Латвийского общества Рериха, была заместителем председателя, руководила женской секцией. Переписывалась с Е.И.Рерих. Со временем от Общества отошла. Имела двух дочерей от первого брака. Вместе с мужем Куртом Иогансоном в 1939 репатриировалась в Германию. – I: 4, 191, 428; II: 302, 415, 436
Иогансон Курт, инженер. Член Латвийского общества Рериха. Во время председательства Ф.Лукина был членом ревизионной комиссии. После 1937 Общество не посещал. – I: 428; II: 436
Иозус Петер Паул (Jozuus Peteris Pauls) (1873–1937), латышский дирижёр, органист, директор Национальной оперы, один из основателей Латвийской консерватории, профессор, с 1935 – ректор. – I: 360
Ионов. – II: 380
Иродиада. – II: 396
Искусство, журнал. – II: 327
Искусство Средней Азии, книга. – II: 223
История латвийского искусства, книга. – II: 396
История Средней Азии, работа Ю. Н. Рериха. – II: 99
История Теософского общества, книга Г.Олькотта. – II: 358
Иуда. – I: 103, 147
Йога (Yoga), индийский журнал. – I: 255, 263, 267; II: 409
Йогананда, индийский религиозный деятель. – II: 65, 243
К.И., см. Стуре К.И.

К.О., см. Валковский К.О.
К.С., см. Вайчулёнис К.С.
Кавка. – I: 562
Казакова. – I: 159
Казенс Джеймс, английский искусствовед. Жил в Индии. Друг семьи Рерих, автор ряда статей о Н.К. Рерихе. – II: 18, 319, 363, 366, 375, 428
Кайгородов Анатолий Дмитриевич (1878–1945), русский живописец, пейзажист. После 1918 жил в Таллине, умер в Австрии. – I: 305, 368, 384, 391, 406, 505, 508, 511, 522, 526, 534, 537, 540, 548, 555, 565; II: 7, 12, 19, 21, 72-3, 82, 87, 120, 134, 152, 155, 176, 235, 259, 271, 274, 296, 327
Кайзер-и-Хинд, журнал. – II: 26
Калантаевские Маргарита Иосифовна и Григорий Матвеевич, участники рериховского движения на Дальнем Востоке. – I: 263, 455, 474, 479, 483, 546; II: 29, 138, 145, 186, 200, 249, 276, 376, 391-2
Калачакра, сокровенное учение Тибета. – I: 172
Калныныш Альфред (Kalnins Alfreds) (1879–1951), известный латышский композитор, органист. С 1927 по 1933 жил в США. Выступал в Нью-Йоркском Музее Рериха. – I: 360; II: 187
Каменный век, картина Н.К.Рериха. – I: 132
Каменская Анна Алексеевна (1867–1952), первый председатель Российского теософского общества, редактор и издатель журнала *Вестник теософии.* После революции возглавила Общество в эмиграции, издавала журнал *Вестник.* – I: 45, 208, 258, 278-80, 318, 322, 333-4, 352, 461, 474, 524, 532; II: 13, 17, 136, 252, 258, 273
Камень, статья Н.К. Рериха. – II: 445
Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ. – II: 235, 305
Канченджунга, картина Н.К.Рериха. – I: 312
Кардашевская (Кордашевская) Эвелина (Эмилия), жена Н.В.Кардашевского, журналистка Латвийского телеграфного агентства. Член группы Ф.Лукина с 1928. После его смерти ушла из Общества, создала свою группу, в которую входила Гертруда Лейтан-Сурвилло и др. – I: 4
Кардашевский (Кордашевский) Николай Викторович (1877–1945), полковник. Родился в Петербурге в семье потомственных военных, воспитывался в кадетском корпусе. Участвовал в Первой мировой войне, в 1917 был назначен военным атташе в Тегеран. Перешел на английскую службу, затем уехал на Дальний Восток, жил в Харбине и Шанхае. В 1922 переехал в Литву (замок *Раудонес* под Каунасом). После встречи с семьёй Рерих в Париже в 1923 сотрудничал с В.А.Шибаевым. Участник экспедиции Н.К.Рериха по Центральной Азии в 1926–28. Писал книги под псевдонимом Николай Декруа (Nicolas Decrois). Много путешествовал. В 1929 уехал в Тунис, затем в Иерусалим. Умер в Палестине в 1945, похоронен на православном кладбище на Елеонской горе. – I: 4-5, 412, 438, 442, 447; II: 456
Карклинь Янис, редактор газеты *Jaunakas Zinas.* – II: 303
Карл Иванович, см. Стуре К.И.
Карл Оттонович, см. Валковский К.О.
Каррель Алекс (1873–1944/5), французский учёный, лауреат Нобелевской премии (1912). – II: 255
Карсавин Лев Платонович (1882–1952), русский философ, историк. – I: 266
Картош. – I: 212
Каульбарс Майя, рижский антиквар. – I: 509
Каун Александр, профессор Калифорнийского университета, исследователь русской литературы, почётный член Рериховского общества. – I: 474
Качинский, член Литовского общества Рериха. – I: 246
Квиесис Альберт (Kviesis Alberts) (1881–1944), президент Латвии (1930– 36). – II: 410
Кезберг (Кесберг, Кезберг-Клодт, Kesberg) Екатерина, одна из старейших членов Латвийского общества Рериха, состояла в кружке В.А.Шибаева. При председательстве Ф.Лукина была членом правления. Вышла замуж за барона Клодта. В 1934/5 вместе с мужем уехала в Германию, жила в Берлине. – I: 93, 111, 191, 212; II: 435-6, 456

Кербер Дорис, участница рериховского движения в США. – I: 455
Кикер, член Латвийского общества Рериха. – I: 428
Ким. – I: 221
Клементий Станиславович, см. Вайчулёнис К. С.
Клечанда, генерал. – I: 566
Клизовский Александр Иванович (1874–1942), полковник. Родился в Польше, в г. Сувалки. Учился в военном училище, служил в полку в Риге, участвовал в Первой мировой войне. В 1918 вернулся в Ригу. Общался с В.А.Шибаевым, состоял в группе Ф. Лукина. Один из первых членов Латвийского общества Рериха. Занимался ремонтом старых домов, по ночам писал книги. Руководил группой. Переписывался с Е.И.Рерих (получил от неё 34 письма и 4 – от Н.К.Рериха). Главные его книги на темы Живой Этики: *Основы миропонимания Новой Эпохи, Правда о масонстве, Призыв к женщине* и др. Арестован 22 июня 1941, расстрелян в 1942 в Астрахани. Жена с дочерью Глафирой уехали в Германию в 1944. – I: 5, 8, 13, 25, 45, 73, 83, 91, 104, 108, 110-1, 142, 154, 156, 163-4, 167-8, 170, 179, 186-8, 191-3, 223-4, 240, 247, 251, 261-2, 264, 267, 274, 278, 287, 310, 326-7, 357, 362, 376, 378, 383, 399, 401, 422-3, 429-31, 448, 451, 454, 458, 474, 481-2, 484, 488, 498-9, 503, 515, 523, 528, 532, 540, 542-3, 550, 553, 560, 562-3; II: 6, 27-8, 44, 77, 96, 109-11, 113-4, 128, 164, 178, 195, 234, 254, 256, 277, 284, 302, 310, 338, 347, 354, 408, 439-40, 462, 483, 515, 518, 522
Клодт. – II: 35
Клопов. – I: 479, 518; II: 50, 65
Ключ к теософии, книга Е.П.Блаватской. – I: 90
Книга о Матери, книга Р.Рудзитиса. – I: 8, 17
Коган. – II: 222, 252
Комессати Д. – II: 294
Конев.-11:155
Кони счастья, картина Н.К.Рериха. – II: 158, 197
Конклинг. – II: 451
Конлан Барнет (ум. 1973), ирландский поэт, писатель и художественный критик. Член Французского общества Рериха. Переписывался с Н.К.Рерихом, написал книгу о его творчестве. – I: 568; II: 143, 157–8, 174, 225, 240-1, 252, 286, 311-2, 315, 318, 322, 328-9, 343, 352, 357, 363, 388, 400, 406, 419, 422, 428
Конфуций (ок. 551–479 до н. э.), великий древнекитайский философ. – I: 116-7
Конфуций, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Кончина Куинджи, статья Н.К. Рериха. – II: 249
Коровин Константин Алексеевич (1861–1939), русский живописец. С 1923 жил за границей. – II: 342, 355, 364
Король Альберт, статья Н К.Рериха. – I: 221
Король Тёмного Покоя, пьеса Р.Тагора. – I: 543
Корона Мунди (Corona Mundi, Венец Мира), организация. – I: 494
Кранфорд, переводчик *Калевалы* на английский язык. – I: 401
Красный Крест Культуры, статья Н.К.Рериха. – I: 18
Красный Путь в Шамбалу, книга. – II: 103
Крауклис Ольга Никаноровна (1890–1959), член Латвийского общества Рериха с 1934. Родилась в Даугавпилсе, жила в Риге. Состояла в группе А.И.Клизовского, переписывалась с Е.И.Рерих. Муж – латышский офицер Оскар Крауклис (в Обществе с 1939). Была репрессирована (1950-56). – I: 164, 168, 224, 264, 326, 398-9, 421, 425, 431, 471, 480, 542-3; II: 109, 130, 194, 238
Крейн (Крэн) Чарльз (1858–1939), американский государственный деятель, дипломат, почетный советник Музея Рериха в Нью-Йорке. Имел коллекцию картин Н.К.Рериха. – II: 139, 331
Крик пространства, статья Н.К.Рериха. – II: 406
Криптограммы Востока, книга. – I: 17, 103, 107–8, 113, 156, 164–5, 264, 558; II: 25, 27, 90, 141, 241, 282-3, 303, 400, 444, 528
Кришна. – I: 60, 116, 388, 561
Кришна, картина Н.К.Рериха. – I: 445

Кришнамурти Джидду (1895–1986), индийский философ и религиозный деятель. – I: 92, 147, 310, 460; II: 359, 370
Кронин Арчибалд Джозеф (1896–1981), английский писатель. – II: 34, 54
Крукс Уильям (1832–1919), английский физик и химик, президент Лондонского королевского общества (1913–15). – I: 41
Крыжановская Вера Петровна, писательница, автор оккультных романов. – I: 470-2
Куга Янис (Kuga Janis) (1878–1964), художник-декоратор, занимался монументальной живописью; с 1934 – ректор Академии художеств Латвии, был знаком с Н.К.Рерихом. – I: 272
Кузьмин (Кузмин) Михаил Алексеевич (1875–1936), русский писатель. – I: 339, 354
Куинджи Архип Иванович (1842–1910), выдающийся русский живописец, учитель Н.К.Рериха. – I: 97, 255, 407, 536, 568; II: 240, 337
Куломбы Эмма и Алекс, супруги, служившие при штаб-квартире Теософского общества в Адьяре. В мае 1884 были исключены из Общества за ложь и воровство. Будучи подкуплены иезуитами, пытались оклеветать Е.П.Блаватскую. – I: 147
Кулута, картина Н.К.Рериха. – I: 454, 551; II: 121
Культура (Cultura), брошюра Р.Рудзитиса на латышском, русском и английском языках. – I: 133, 242, 244, 256, 259, 265, 271, 273, 278-9, 283, 290, 316, 328, 337, 402, 410, 475, 485, 502, 504
Культура, статья Н.К.Рериха. – II: 479, 493
Культура Красоты, статья Р.Рудзитиса. – I: 21
Кундзинь Карлис (Kundzins Karlis) (1883–1967), теолог, профессор, декан факультета археологии Латвийского университета. – I: 6, 358
Купава, картина Н.К.Рериха. – II: 158, 350
Купер-Оклэй (Купер-Оукли) Изабель (1854–1914), член Теософского общества с марта 1884. – II: 433
Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель. После Октябрьской революции эмигрировал. – II: 381
Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), великий русский полководец. – I: 180, 478
Куэ, врач. – I: 309; II: 151, 156, 179
Л. В.-1:370
Л., председатель антропософского общества в Риге. – II: 166
Лагорио, ученица Школы Общества поощрения художеств. – II: 387, 408
Лазорайтис Стасис (Lazoraitis Stasys) (1898–1983), министр иностранных дел Литвы в 30-х гг. – I: 133, 362, 374, 377, 453
Ламаюра-Тибет, картина Н.К.Рериха. – I: 454
Ламрин, книга Цзонкапа. – I: 472
Лаодзин (Лао-Цзин), китайский учёный. – I: 44, 541; II: 444
Лао-цзы (VI в. до н.э.), великий древнекитайский философ. – I: 116
Лао-цзы, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Лапрадель Альберт Жоффр, доктор международного права, профессор Сорбонны. Принимал участие в разработке текста Пакта Рериха. – I: 551
Ларионов Михаил Фёдорович (1881 – 1964), русский живописец. С 1914 жил за границей. – II: 364, 381
Латвия, статья Н.К.Рериха. – I: 339, 365, 367, 483-4; II: 411
Леб., д-р.-11:323
Легенды о Христе, книга Я.Карклинь. – II: 303
Ледбитер Чарльз (1854–1934), англиканский священник, член Теософского общества с 1883. – I: 44, 61, 208, 465, 468, 471–2
Леинь Петерис (Lejins Peteris) (1909-60), доцент Латвийского университета, юрист, социолог. С 1940 жил в США, – II: 187, 244
Лейтан-Сурвилло Гертруда. – I: 4 *t-j*
Лель, картина Н.К.Рериха. – I: 467; II: 158, 350
Лель и Снегурочка, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Лентул, римлянин. – II: 27

Леонардо да Винчи (1452–1519), великий итальянский художник. – II: 85
Леонид Андреев, статья Н.К.Рериха. – II: 249
Лепиньш (Liepins) Александр (1885–1971), заведующий отделом обществ в Камере культуры. В 1937 министр общественных дел Латвии. Эмигрировал в Германию. – II: 213–4
Либерешен (Liberation), журнал. – II: 448
Либерт, жена Лудольфа Либерта, член Латвийского общества Рериха. – II: 297-8, 304-5, 307, 362-3, 402
Либерт Лудольф (Liberts Ludolfs) (1895–1959), известный латышский художник, декоратор оперного театра (с 1924). После присоединения Латвии к СССР преподавал в Академии художеств в Ленинграде. – I: 360, 445, 450, 485-8, 493, 502-4, 519, 525-6; II: 20, 30-1, 95, 122, 172, 175, 182, 295, 316, 353, 386
Ливас (Livas), член Литовского общества Рериха. – I: 382–3
Ливский Вацлав, участник рериховского движения в Польше. – I: 343– 4, 451, 470; II: 202
Лик Гималаев, картина Н.К. Рериха. – II: 158
Линкольн Авраам (1809–65), американский государственный деятель, президент США (1861-65).-11:451
Листы дневника, см. *Жизнь.*
Листы Сада Марии, ч. I *(Зов)* и ч. II *(Озарение),* книги Учения Живой Этики. – I: 568; II: 45, 57, 77, 87, 189, 254, 270, 283, 435, 443, 467, 502, 508, 532
Литва, статья Н.К.Рериха. – I: 388, 394, 439-40, 484, 524
Литературные записки, сборник. – II: 472
Лихтман (Фосдик) Зинаида Григорьевна (1889–1983), член правления Музея Рериха в Нью-Йорке, директор Института объединённых искусств. – I: 104, 132, 179, 183, 220; II: 37, 46, 50-1, 57, 130, 134, 189, 209, 240, 253, 255-6, 259, 275, 286, 311, 315, 318, 347, 363, 390, 406, 411, 455
Лихтман Морис (ум. 1948), вице-президент Музея Рериха в Нью-Йорке, первый муж З.Г. Лихтман. – I: 339, 571; II: 225, 411
Лихтман Эстер, член правления Музея Рериха в Нью-Йорке, сестра Мориса Лихтмана. В 1935 вступила в сговор с Луисом и Нетти Хорш с целью присвоения ценностей и здания Музея. В конце жизни стала полным инвалидом, умерла в доме престарелых в начале 80-х гг. – I: 45, 147, 479; II: 22, 117, 209
Лицис Милда (Мильда) (Riekstina-Lice Milda) (22.09.1891-27.02.1975), актриса Национального театра Латвии. Муж – офицер Латвийской армии Петрис Лицис, вынужден был эмигрировать. Воспитывала двух племянников мужа. Член Латвийского общества Рериха, начинала деятельность при Ф.Лукине. В военное время хранила картины и книги Общества у себя. Репрессирована в 1949–55, находилась в инвалидном лагере Абезь в Коми. – I: 4, 110, 141, 164, 166, 170, 264, 426, 542-3
Лобзанг Мингюр Дордже, лама, профессор Дарджилингского университета, сотрудник института *Урусвати.* – I: 403
Ловжель. – I: 314
Лорбер Якоб (1800–64), австрийский музыкант и педагог, теолог. – I: 246, 256, 359
Лосские. – I: 531
Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ. С 1922 жил за границей (Чехословакия, США). – I: 282
Лотос, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Лоэнгрин, сын Парсифаля. – II: 445
Лугис Карина, эстонская художница. – II: 152
Лукин Ариан (р. 1938), сын Г.Лукина, пульмонолог. – II: 453
Лукин Гаральд Феликсович (Lokins Haralds) (1906–91), врач-гомеопат, окончил Латвийский университет, перенял практику своего отца Ф.Лукина. Член Латвийского общества Рериха с 1935, секретарь правления, главный меценат издательства *Угунс.* Почётный член Института гималайских исследований *Урусвати.* Был женат на Магдалене Шнейдер. Имел четверых детей: дочерей Илону и Иларию, сыновей Индара и Ариана. Репрессирован в 1949–56, осуждён на смертную казнь, потом заменённую на 25 лет лагерей без права возвращения. Жена имела мужество навестить его в Воркуте.

Полностью реабилитирован. (Р. Рудзитис ходатайствовал о всех членах Общества: раз он, руководитель, реабилитирован, то должны быть реабилитированы и все остальные.) Встречался с Ю.Н. и С.Н.Рерихами. От С.Н.Рериха регулярно получал травы и корни гималайских лекарственных растений. – I: 8, 13, 110, 130, 137, 157, 168, 181, 185, 191-2, 210, 214, 229, 237, 290, 299, 338, 344, 350, 356, 360, 363, 376, 378, 380, 395, 407, 414, 416, 420, 425, 439, 447, 458, 467, 480, 498, 511, 525-6, 539, 550, 558, 563, 565. (Вследствие частого упоминания страницы второго тома не указываются.)

Лукин Ивар, сын Ф.Лукина. – II: 181

Лукин Индар (р. 1936), сын Г.Лукина, нейрохирург. – I: 253

Лукин Феликс Денисович (Lukins Felikss) (1875–1934), врач-гомеопат. Закончил университет в Тарту, пополнял знания в Кенигсберге, Берлине, Вене. Изучал иридодиагностику в Дании. Жена Антония – известный общественный деятель и писательница (псевдоним Иванде Кайя). Имел троих детей: дочь Сильвию, сыновей Гаральда и Ивара. Много путешествовал. Интересовался новейшими достижениями в философии, науке, теософии. Член кружка В.А.Шибаева, после его отъезда в 1928 руководил кружком; 17.10.1930 основал Латвийское общество Рериха. Переписывался с Е.И. и Н.К.Рерих. Почётный член Института гималайских исследований *Урусвати.* – I: 4–5, 7–8, 17–28, 33-7, 45, 47-9, 53-7, 70, 72, 77, 90, 93-4, 108-9, 112, 119, 142-4, 155-7, 160, 164-8, 170-1, 181-2, 192-3, 199, 204, 212-3, 216, 223-5, 227, 246, 261-2, 264, 266, 272, 276-7, 286, 299, 300, 304, 309, 313, 326, 332, 346, 348, 350-2, 355, 365, 367-8, 371, 373, 375, 380, 385, 389, 391-2, 395-6, 400, 414, 417, 420, 422-3, 425, 427, 430, 458, 513, 544, 556, 558, 569; II: 32, 35, 40-3, 45, 90, 130, 195, 211, 216, 228, 239, 262, 266, 300, 330, 358-9, 361, 378, 400, 415, 467, 473-4, 480, 504-6, 524

Лукин Юрий Николаевич. – I: 268–9; II: 276

Лукина Илона (1935–91), дочь Г.Лукина. – I: 181

Лукомский, художник. – II: 234

Лури.-11:451

М. И.-II: 346

Мабиль Пьер. – II: 181, 237-8, 260-1, 263, 285, 315, 383

Маваланкар Дамодар К. (Mavalankar Damodar K.) (1857–?), член правления Теософского общества с 1879. Весной 1885 уехал из Индии в Тибет.- II: 284

Мадонна Лаборис, картина Н.К.Рериха. – I: 454

Мадонна Мира, скульптура Д.Тарабильды. – I: 508, 571

Мадонна Орифламма (Орифламма), картина Н.К.Рериха. – I: 18, 535, 539; II: 158, 173, 196, 206, 331, 349, 374

Мадревич Артур (1901–75), латышский скрипач и композитор. – II: 187, 198, 211-2, 225, 243

Мажуранич. – I: 524

Маздаздана. – II: 243

Майтрейя, картина Н.К.Рериха. – II: 81

Майтрейя, серия картин Н.К.Рериха. – I: 526, 548

Макаренко Николай Емельянович (1877–1937), историк искусства, археолог. – I: 409

Макаров Анатолий Алексеевич (1917–96), член Латвийского общества Рериха. В Общество вступил в 1938 после посещения Музея, состоял в группе К.Валковского. В 1941 был призван в Красную Армию. Его отец, латвийский партизан, был замучен в гестапо. В 1948 А.А.Макаров был репрессирован, после реабилитации работал инженером. В 1988 стал членом правления возобновлённого Общества. – II: 241

Макаровский. – II: 155

Малдонис Вальдемар (Maldonis Valdemars) (1870–1941), профессор теологии, пастор, был репрессирован. – I: 359

Ман А., полковник. – II: 123

Мане Эдуар (1832–83), французский живописец. – I: 567

Ману Вайвасвата. – I: 468

Марина, см. Блюменталь М.

Марков, член Даугавпилсского отделения Латвийского общества Рериха. – II: 304, 306, 362, 403

Маркова Анастасия (ум. 1998), член Даугавпилсского отделения Латвийского общества

Рериха, дочь Ф.Баруна, жена Маркова. – II: 306
Маркони Гулъельмо (1874–1937), итальянский радиотехник и предприниматель, лауреат Нобелевской премии (1909). – II: 293
Маркс Адольф Фёдорович (1838–1904), русский издатель. – II: 145
Марпа (XI в.), буддийский святой Тибета. – II: 358
Масарик Томаш (1850–1937), философ, чехословацкий политический деятель, президент Чехословакии (1918–35). – I: 453, 560
Масперо Гастон (1846–1914), французский египтолог. – I: 307
Мастер Институт (Master Institute of United Arts), Институт объединённых искусств. – I: 494
Мастерская Куинджи, статья Н.К.Рериха. – I: 272, 295
Матерь Мира, картина Н.К.Рериха. – II: 274
Мать Чингиз-хана, картина Н.К.Рериха. – II: 122
Мауринь Зента (Maurina Zenta) (1847–1977), доктор филологических наук, писательница, литературовед. Читала лекции в Народном университете и в Латвийском обществе Рериха (в 30-х гг.). Эмигрировала в Германию. – II: 187, 198
Маха-Бодхи (Maha Bodhf), общество. Основано в Калькутте в мае 1891 членом Теософского общества Дхармапала Анагарика (1864–1933). – I: 491
Маха-Бодхи Журнал (Maha Bodhi Journal), журнал. – I: 497
Махабхарата, эпос народов Индии. – I: 116; II: 303
Махон, полковник. – II: 139, 375
Мелодии пчёл (Bisu melodijas), сборник стихов Р.Рудзитиса. – I: 6; II: 129
Мельников Алексей Петрович (иеромонах Иннокентий). – I: 268
Мемлинг Ханс (ок. 1440–94), нидерландский живописец. – I: 269
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), русский писатель и критик. В 1920 эмигрировал. – I: 174
Меснек Карлис (Miesnieks Karlis) (1887–1977), известный латышский живописец, ученик Школы Общества поощрения художеств. – I: 512
Метальников Сергей Иванович (1870–1946), биолог, профессор Института Пастера. – I: 341
Мехта, культурный и государственный деятель Индии. – I: 457, 485, 488, 522, 533
Микельсон (Микелсон), член Латвийского общества Рериха. – II: 368
Микула Селянинович, Великий Пахарь, картина Н.К.Рериха. – I: 467; 11:64
Миларепа (1052–1135), великий буддийский святой Тибета. – II: 280, 358
Милле Жан Франсуа (1814–75), французский живописец и график. – II: 21
Милленд.-II: 19, 155
Миллер К., участник рериховского движения в Эстонии. – I: 46, 349, 428, 540
Мильруд, сотрудник газеты *Сегодня.* – I: 512
Мильтон Джон (1608–74), английский поэт. – I: 129
Минерва (Minerva), немецкий справочник. – I: 254; II: 145
Минос, царь Крита. – II: 100
Мир, статья Н.К.Рериха. – I: 220, 243, 252, 274
Мир в маске, статья. – II: 393
Мир искусства, статья Н.К.Рериха. – II: 366, 408, 423, 427
Мир Личного, статья Р.Тагора. – II: 130
Мир Огненный, книга Учения Живой Этики в 3-х частях. – I: 25, 27, 49, 53, 60, 62, 65, 67, 69, 70, 74, 92, 98, 106-7, 111-2, 119, 121, 124, 127, 129, 134, 137-8, 140-1, 146, 149, 154-5, 163, 170, 179, 182, 200, 209, 212, 222, 229, 232, 237, 283, 310, 323; II: 10, 14, 141, 203, 284, 377, 533
Мисинь Ольга Яковлевна (Misina Olga) (1891 – 1944), член Латвийского общества Рериха со дня его основания, руководила группой, состояла в ревизионной комиссии. Муж – Янис Мисинь; имели сына Хария (1917–88), известного певца оперетты, режиссёра, и дочь Лауму (р. 1923), по мужу Розите. В ночь с 13 на 14.06.1941 вместе с мужем была вывезена в Сибирь. Перед арестом перенесла тяжёлую операцию, и дочь решила добровольно сопровождать её, но их разлучили. Лаума смогла вернуться лишь в 1957, Ольга Яковлевна умерла в Сибири. – I: 144, 164, 166-7, 191, 264, 425, 459, 543; II: 6, 85, 87, 109, 130, 280, 302, 397, 402, 441, 468, 517, 522

Мисинь Янис (Misins Janis, Zanis) (1891–1961), владелец небольшой строительной конторы, муж О.Мисинь. Член Латвийского общества Рериха. Любил музыку, пытался создать хор и небольшой оркестр в Обществе. Был сослан в Сибирь, вернулся в 1957. – I: 8, 130, 163, 425, 459; II: 27, 57, 91, 96, 109, 130, 212, 304, 397, 435-6, 441, 468, 484, 486, 499-500, 503, 507, 512, 517, 522
Миссия евреев, книга Сент-Ив д'Альвейдера. – I: 449
Мишеев И. И. (1878–?), писатель, драматург. – I: 411, 415–6, 488, 497, 525, 536, 538, 546, 563
Модерн ревю (Modern Revue), журнал. – I: 493
Мозес де Леоне (XIII в.), раввин, составитель *Зохара.* – I: 114
Моисей, библейский пророк. – I: 544; II: 135, 283
Монголы, статья Н.К.Рериха. – I: 211
Монгольский лама, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Монгольский Тцам, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Монтвидене (Монтвид) Юлия Доминиковна (Dvarionaite-Montvidiene Julija) (1893–1947), родилась в семье известных литовских музыкантов. Оперная певица, педагог. По рекомендации Е.И.Рерих была избрана председателем Литовского общества Рериха. Имеется обширная переписка Ю.Монтвидене с Е.И. Рерих, а также с Р.Рудзитисом. – I: 133, 257, 291-2, 294, 305, 357, 374, 377, 380-4, 388, 392, 432, 436-7, 445, 447, 452-3, 489, 509, 513, 552, 567; II: 4, 32, 68, 75, 94, 106, 110-2, 116, 120, 127, 130, 175-6, 234, 241, 260, 00, 321, 326, 331, 343, 359, 374, 385, 406
Монтессори Мария (1870–1952), итальянский педагог. – II: 109
Морозов Всеволод Александрович, харбинский издатель. – I: 262, 268
Москов Е.А., участник рериховского движения в США. – I: 268, 282, 547, 554; II: 15, 37, 46, 50, 57, 65, 96, 117, 186
Мост Величия, картина Н.К.Рериха. – I: 526
Моя поездка по Литве, статья Р.Рудзитиса. – I: 546
Мраморный сон, книга К.Принца. – I: 186
Музей Бёклина (Швейцария). – II: 365
Музей Бона (Франция). – II: 365
Музей Брангвина (Брюгге). – II: 365
Музей Виртса (Брюссель). – II: 365
Музей Мареса (Германия). – II: 365
Музей Моне (Франция). – II: 365
Музей Моро (Париж). – II: 245, 365
Музей Пурвита (Митава). – II: 365
Музей Родена (Париж). – II: 365
Музей Родена (Филадельфия). – II: 365
Музей Сегантини (Швейцария). – II: 365
Муравин. – II: 75
Муракин Ант (Murakins Ants) (1892–1975), эстонский художник, декоратор, иллюстратор книг. – I: 540
Мусоргский Модест Петрович (1839–81), великий русский композитор. – II: 400, 453
Мы, книга Всев. Иванова. – I: 206, 214
Мыслители и воители (Atzineji un cinitaji), книга Р. Рудзитиса. – I: 6, 69
Мысль, альманах. – II: 465
Мюллер Ида, участница рериховского движения в Австрии. Друг Е.И. и Н.К.Рерих, состояла с ними в переписке. – I: 297, 485–6; II: 143, 146, 165, 170, 175, 183, 188, 436
Н.К. Рерих. – М., 1923. – Книга М. А. Кузмина. – I: 339
Н.К. Рерих. – Петроград, 1918. – Монография А. А. Ростиславова. – I: 519
Н.К. Рерих. – Петроград, 1918. – Монография С. Р. Эрнста. – I: 493, 571
Н.К.Рерих. – Рига, 1935. – Сборник. – I: 95, 171, 255, 261, 265, 276, 282, 284, 291; II: 74, 180
Н.Н.-11:339, 347
Н. П., см. Серафинене Н. П.
Н.Ф.-11:12, 15, 73, 82
На высотах, картина Н.К.Рериха. – I: 454; II: 121
На страже Мира, статья Н.К.Рериха. – I: 567

Нагевичюс (Nagevicius) Нагюс Владас (1881–1954), литовский политический деятель, генерал, археолог. В 1941–44 директор Военного музея. Эмигрировал в США. – I: 513
Надежда Павловна, см. Серафинене Н.П.
Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император в 1804–14 и в марте–июне 1815. – I: 108, 113
Напутствие Вождю, книга Учения Живой Этики. – I: 397, 414, 428, 450, 467, 469, 488, 490-1; II: 32, 38, 112, 468, 473, 494, 502
Напутствие, статья Н.К.Рериха. – I: 211
Нарендра Нат Басу, индийский писатель. – II: 17
Наставление Вождю, см. *Напутствие Вождю.*
Настасья Микулишна, картина Н.К.Рериха. – II: 64
Наталочка, см. Блюменталь Н.
Натх Намавали, индийский манускрипт. – II: 26
Нерушимое, книга Н.К.Рериха. – I: 8, 206, 218, 221, 229-32, 241, 243, 248-9, 252, 254, 259, 261, 263, 265, 267-8, 271, 274-5, 277-8, 282-3, 291, 293, 303, 314-5, 372, 378, 409, 412
Нерушимое, статья Н.К.Рериха. – I: 243; II: 133, 140, 178, 391 Никитин М. – I: 46
Николай Рерих – Водитель Культуры (Nikolajs Rerihs – Kulturas Ce/ve-dis), книга Р.Рудзитиса. – I: 10–1, 242, 263
Николай Чудотворец – I: 269
Ниман (Nyman) Роман (1881 – 1951), первый эстонский профессиональный художник-декоратор в театре *Эстония* (Таллин). С 1920 преподавал в Государственной художественно-промышленной школе. Член инициативного комитета Пакта Рериха. – I: 508, 540
Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ. – II: 223, 464
Новая Заря, газета. – I: 159; II: 318
Новая Эра, статья Н.К.Рериха. – I: 221, 274
Новосадов. – II: 367, 404, 484
Нотович Николай Александрович (1858–?), русский журналист. В 1883–87 в качестве корреспондента *Нового времени* совершил поездку в Центральную Азию, Персию и Индию. В одном из крупнейших монастырей Ладака – Хеми – обнаружил буддийский манускрипт *Жизнь святого Иссы, лучшего из сынов человеческих.* – II: 26, 45
Нуссерваджи Джамшед, индийский архитектор. – I: 488
Няньшан, картина Н.К.Рериха. – I: 454
О влиянии Красоты, статья Р.Рудзитиса. – I: 46
О жизни Христа в Индии и Тибете (Неизвестная жизнь Иисуса Христа), книга Н.А.Нотовича. – II: 26
О Началах, книга Оригена. – I: 8, 154, 160, 200, 219, 229, 248, 270, 276, 292; II: 405
О Св. Граале, его легендах и символизме, книга А.Уайта. – II: 98
О силе и бессилии идей, реферат П.Юревича. – I: 375
О скрытом смысле жизни, книга Е.Ф.Писаревой. – II: 291
Оборона, статья Н.К. Рериха. – II: 428
Община, книга Учения Живой Этики. – I: 28, 36, 49, 70, 138, 142, 146, 150, 154, 157, 160, 163, 170, 177-9, 185, 187, 203, 205-6, 210, 212, 215, 219, 220, 228-9, 237, 248, 274, 276, 323, 332, 334, 343, 350, 352, 413, 424, 428, 468-70, 522; II: 77, 299, 399, 438, 440, 513
Община Культуры (Культура), бюлетень. – II: 343, 408
Огненные мысли, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Огонёк, см. Рудзите Г.
Огонь, журнал, издававшийся К.В.Батуриным в Шанхае. – I: 302; II:29, 113, 305, 338, 347
354
Озёрная деревня (Озёрная страна), картина Н.К.Рериха. – I: 72, 132; II: 196
Ойрот, картина Н.К.Рериха. – I: 479; II: 20
Оккультизм и Йога, альманах, издававшийся А.М.Асеевым. I:36, 40, 46, 49, 110, 212, 240 276, 432, 435, 454-5, 476, 483, 533, 550, 553, 559; II: 4, 11, 13-4, 16, 29, 113, 169
Олькотт Генри Стал (Olcott H. S.) (1832–1907), полковник американской армии, первый президент Теософского общества (1875–1907). – I: 277, 310; II: 284, 358
Омаршевский, болгарский министр. – I: 479

Ориген (ок. 185–253), великий христианский философ. – I: 8, 39, 60, 154, 160, 164, 171, 183, 200, 219, 266
Ориола, Сестра Белого Братства. – I: 174
Оружие Света, статья Н.К.Рериха. – I: 18
Орфей.-1:60, 116
Освобождённый Прометей, драма П.Б.Шелли. – I: 55
Основы буддизма, книга. I: 12, 81-3, 111, 120, 127, 350, 426; II: 92, 178, 181, 192, 196, 199, 202, 204
Основы миропонимания Новой Эпохи, книга А. И. Клизовского. – I: 8, 73, 142; II: 178
Оссендовский Фердинанд (1876–1940), польский путешественник и писатель. – I: 107, 113; II: 25, 426
Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – I: 336
Открытые врата, статья Н.К. Рериха. – I: 211; II: 7, 374
Отман М.И. – Н:18
Оттуда, картина Н.К.Рериха. – I: 318; II: 158
Охота, картина Н.К.Рериха. – I: 454
Очевидность, статья Н.К.Рериха. – II: 513
Ошибки истории, статья Н.К.Рериха. – II: 406
Пабсон. – II: 179
Павел, апостол. – I: 348; II: 271, 327
Павильон Марсан, парижский музей. – II: 253
Пакт Мира, Пакт Рериха. – I: 5, 9, 255, 292, 308, 358, 359, 366-7, 371, 383, 534; II: 13, 18, 73, 75, ПО, 113-4, 116, 127, 142, 144, 177, 185, 200, 220, 300, 319, 381
Парабола, издательство. – I: 109
Парапсихология, статья Н.К.Рериха. – II: 3, 52, 75, 93, 339, 382
Парацельс (наст, имя и фамилия – Филипп фон Гогенгейм) (1493–1541), философ, естествоиспытатель, врач. – I: 543; II: 151, 280, 402
Париж, статья Н.КРериха. – II: 382
Парсифаль, опера Р.Вагнера. – I: 48, 170, 237, 299, 346
Парсифаль, рыцарь Круглого Стола, хранитель св.Грааля. – II: 89–90, 98, 424, 445
Паскаль Блез (1623–62), французский философ и математик. – I: 380
Паскевич. – I: 562; II: 137
Пеаль Артур (ум. 1968), юрист. В начале 30-х гг. возглавлял в Таллине группу Живой Этики. Позднее состоял в группе П.Ф. Беликова. – I: 52, 57, 391, 498; II: 19, 31, 152, 245
Пейроннэ, издатель, член Французского общества Рериха. – I: 570
Пер Гюнт, драма-поэма Генрика Ибсена. – II: 35
Первобытные люди, картина Н.К.Рериха. – I: 132, 414
Перезвоны, журнал. – I: 415–6
Перикл (ок. 490–429 до н. э.), глава Афинского государства. – II: 60, 101
Перов. – I: 72, 150
Песни Монголии, статья Н.К.Рериха. – I: 211
Песни Человека (Cilveka dziesmas), сборник стихов Р. Рудзитиса. – I: 6, 55
Петерец. – I: 148
Пётр, апостол. – II: 530
Пётр Великий (1672–1725), российский император. – I: 69, 457
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), русский живописец. – I: 372
Пильский Пётр (1881–ок.1940), журналист, литератор и театральный критик. – I: 219-20, 232, 240, 245, 250, 259, 313, 330, 512, 519; II: 119, 183, 253, 259, 275, 309, 316, 318, 330-1, 405
Писарева Елена Фёдоровна, вице-президент Российского теософского общества, писательница, переводчица. В 1922 выехала из России. Жила в Удине (Италия). – I: 279, 296, 318, 326, 334, 340, 343, 352, 368, 408, 461, 474, 476, 499, 500, 504, 518, 531-2, 547; II: 13, 16-7, 60, 136, 145-6, 204, 239, 258, 271, 273, 290-1, 294, 311, 317, 319, 327, 337, 382, 392, 443
Письма Елены Рерих, книга. – I: 11, 14; II: 189, 205, 212, 227, 232, 285, 300, 308, 310, 324, 330, 346, 359, 361, 403, 411, 417, 442-3, 465, 472, 510
Письма Махатм (The Mahatma Letters to A.P.Sinnett), книга. – I: 37, 234, 314, 335; II: 284, 362,

507
Питтвуд Э., д-р. – II: 268
Пифагор (ок. 580–500 до н. э.), великий древнегреческий философ. – I: 109, 116, 230, 398; II: 150
Планетарная Доктрина, книга А.Бонча-Томашевского. – II: 24
Платов Матвей Иванович (1751 – 1818), войсковой атаман Донского казачьего войска. – I: 478
Платон (427–347 до н. э.), великий древнегреческий философ. – I: 116, 349; II: 100, 101, 282
Платон, митрополит. – I: 501
Плаудис, организатор рижского отделения общества *Божественная Жизнь.* – II: 223, 230, 243, 249, 389
По лицу Земли, статья Н.К.Рериха. – I: 221, 230, 241
По тропам Срединной Азии, книга Ю.Н.Рериха. – I: 11
Победа, картина Н.К.Рериха. – II: 64
Победа, эскиз Н.К.Рериха. – II: 68
Поволоцкий Я., парижский издатель. – II: 141
Подземные жители, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Подземный народ, картина Н.К.Рериха. – II: 174
Помни, картина Н.К.Рериха. – I: 561; II: 8, 20, 30
Понамарёв Аристарх. – I: 501; II: 18, 276
Понтий Пилат. – II: 27
Пополъ-Вух, эпос индейцев киче (Гватемала). – I: 332
Порадуемся, статья Н.К.Рериха. – II: 83
Пормалис Мета Яновна (Pormale Meta) (1897–1993), член Латвийского общества Рериха с 1930. Изучала английский язык в Латвийском университете, владела французским, немецким, русским и другими языками. В Обществе занималась переводами, переписывала на машинке письма и манускрипты, позднее – работы Р.Рудзитиса, руководила кружком английского языка. Любила серьёзную музыку, путешествия и горы, в 70 лет побывала на Кавказе. После войны много помогала Г.Лукину – изготовляла и хранила лекарства. Репрессирована в 1950–56 и сослана в Иркутскую область, Тайшетский район. Сторонилась общества из-за паралича лицевого нерва, хотя вокруг неё всегда были люди, любящие и уважающие её за свет, который она излучала, за сердечность, сильный характер, за помощь, которую она оказывала всем нуждающимся. Муж – Карлис Пормалис (1883–1968), член Латвийского общества Рериха. Служил в царской армии в Сибири и на Дальнем Востоке. После демобилизации работал садовником, был мастером на все руки. Репрессирован в 1950–56, сослан в Воркуту, потом в Мордовию. Вернувшись, переписал от руки множество важных документов для Р.Рудзитиса, книг Н.К.Рериха и Живой Этики. – I: 426, 428; II: 6, 88
Портрет Н.К. Рериха, картина С.Н.Рериха. – I: 454; II: 435
Последние новости, газета. – I: 306; II: 134, 257, 296, 387
Потёмкин Владимир Петрович (1874–1946), советский дипломат, заместитель наркома иностранных дел (1937-40). – II: 383, 393, 404, 407, 419
Потерянный рай, поэма Джона Мильтона. – I: 96, 129
Правда, газета. – I: 506
Правда о масонстве, брошюра А.И.Клизовского. – I: 8, 262
Православный мир и масонство, брошюра. – I: 201
Пранде Альберт (1893–1957), латышский художник-живописец, искусствовед. Ученик Школы Общества поощрения художеств. Эмигрировал в США. – I: 72, 220, 241, 250, 360-1, 387, 409, 418, 437, 445, 447, 450, 481, 484-7, 508, 513, 571; II: 8, 11, 16, 30-1, 34, 68, 96, 107, 122, 129, 175, 177-8, 182-3, 196, 206-7, 228, 239, 316, 321, 326, 331, 353, 374, 386
Прекрасной душе (Dailajai dveselei), сборник стихов Р. Рудзитиса. – I: 6
Прелль (Proll), профессор. – II: 169, 196, 362
Преображенский, участник рериховского движения в Польше. – II: 203
Пресвитер Иоанн. – II: 89-90, 98, 105, 302, 444-5

Пресс (Roerich Museum Press), издательство. – I: 494
Приданое китайской принцессы, картина Н.К.Рериха. – II: 174, 237
Призыв к женщинам всего мира, доклад А.И.Клизовского. – II: 77
Приказ Ригден Джапо, картина Н.К.Рериха. – I: 479; II: 7
Приказ Учителя, картина Н.К.Рериха. – II: 7
Принц Конрад (наст, фамилия Рыбаков) (ум. 1938), автор псевдооккулътных романов, проживал в Вентспилсе, Латвия. – I: 90, 155, 186–7, 198, 201-2, 205-6, 213, 216; II: 194-5, 206, 218
Принцис Янис (Princis Janis), член Латвийского общества Рериха. Первый муж Аиды Виестур. В 1944 уехал в Германию, потом в США. – I: 155, 222, 224-6, 245, 427
Прокопий Праведный отводит тучи от Устюга Великого, картина Н.К.Рериха. – I: 72, 132, 508, 526; II: 196
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), русский композитор. – II: 381
Пророк, картина Н.К.Рериха. – II: 8
Пророки, статья А.П.Хейдока. – I: 129, 261
Прочная работа, статья Н.К.Рериха. – II: 406
Пурвит Вильгельм (Purvitis Whelms) (1872–1945), латышский живописец-пейзажист, ректор Латвийской Академии художеств. Учился с Н.К.Рерихом в Петербургской Академии художеств в мастерской Куинджи. В 1944 эмигрировал. – I: 272, 278, 290, 360, 371, 511, 518, 535, 568; II: 232, 240, 335, 388
Пути Благословения, книга Н.К.Рериха. – I: 4, 209, 229, 261, 305, 552; II: 237, 435, 455
Пути и предначертания Божий, книга Баженова. – I: 227
Путь, картина Н.К.Рериха. – I: 454, 526; II: 121, 325
Путь в Шамбалу, книга А.Грюнведеля. – II: 103
Путь к Учителям, книга Ч.Ледбитера. – I: 468, 471
Путь на Кайлас, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт. – I: 77, 180
Пушкин, книга. – I: 480
Пяте, жена В. Пятса. – II: 155
Пяте Владимир (Pats Voldemar) (1878–1958), вице-президент, министр просвещения Эстонии. Брат Константина Пятса, президента Эстонии. Высоко ценил Н.К. Рериха, помог собрать подписи под меморандумом Пакта Рериха. Эмигрировал в Канаду. – I: 133, 349, 363, 384, 390, 426, 511, 540, 551, 555; II: 82
Пять лет теософии, книга. – II: 104
Раггис, теософ. – II: 17, 271, 317, 327
Радосавлевич Павел, профессор Нью-Йоркского университета, участник рериховского движения в США. – II: 16, 52, 65, 71, 74
Радость, статья Н.К.Рериха. – II: 249
Радость о книге, статья Н.К.Рериха. – I: 184
Райнис Янис (1865–1929), латышский поэт. – I: 6
Рама, герой древнеиндийского эпоса *Рамаяна.* – I: 116
Рамакришна (1836–86), великий индийский подвижник и святой. – I: 7, 91; II: 26
Раман. – I: 428, 488
Рамани Махарши. – II: 243
Рамасвамир (Ramaswamier) С. (ум. 1893), член Теософского общества с 1881.-II: 284
Рамзес II (1317–1251 до н.э.), египетский фараон. – II: 100
Ранние звоны, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Раннит (Долгашев) Алексей (1914–85), эстонский поэт, искусствовед. Эмигрировал в США. – II: 19, 31, 37, 60, 65, 72-3, 75, 82-3, 93, 120, 126, 137, 152-3, 155, 156-7, 235, 254, 337, 367
Рапа, заместитель председателя Камеры литературы и художеств Латвии. – II: 242
Раппа, издатель – II: 383–4, 401
Рассвет, газета. – I: 159, 295, 314; II: 15, 318, 393
Рассказы странника (Откровенные рассказы странника духовному своему отцу), книга. – I: 336
Раудиве Константин (Raudive Konstantins) (1909–74), философ и писатель, парапсихолог. Муж Зенты Мауринь. Выступал с лекциями в Латвийском обществе Рериха.

Эмигрировал в Германию. – I: 508
Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор. – II: 171
Рая, см. Богдановы.
Рейно Поль. – I: 528
Река Жизни, картина Н.К. Рериха. – II: 158
Реландер К.А., педагог, фольклорист, ректор Сортаваловской семинарии. В его доме в Карелии жила семья Рерих во время Гражданской войны. – I: 408
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), русский писатель. В 1921 эмигрировал. – I: 551; II: 318, 334, 337, 387
Ренкуль Капитолина (ум. 1956), член Латвийского общества Рериха с 1931, членом Общества был и её муж Оскар Ренкуль. Они имели небольшой двухэтажный дом в Межапарке. Муж, агент по экспорту сливочного масла, умер от болезни сердца в 1935. К.Ренкуль была репрессирована в 1949 и выслана в Абезь, Коми, где и умерла от астмы и болезни сердца. – I: 200, 214, 414, 426; II: 442, 457, 475
Ренцис (Rencis), член Латвийского общества Рериха. В 1939 вместе с мужем Алексеем, тоже членом Общества, репатриировалась в Германию. Алексей Ренц впоследствии жил в Австрии, принял участие в переводе и издании книг Живой Этики и *Писем Елены Рерих* на немецком языке. Получил несколько писем от Е.И.Рерих. – I: 170
Репин Илья Ефимович (1844–1930), русский живописец. – II: 21, 180, 183
Репин Юрий Ильич, сын И.Е.Репина. – II: 12, 145
Рерих. – Петроград: *Свободное искусство,* 1916. – Альбом репродукций. – I: 132, 339, 487, 493, 519, 539, 565; II: 8, 95, 197, 356
Рерих. Ч. I. – Riga: *Izdevis Reriha Muzejs,* 1939. – Монография (альбом). – I: 8, 11, 339, 350, 354, 371, 390, 406, 409, 412, 414-7, 437, 439, 447, 454, 456, 467, 469, 479, 481-2, 484-7, 489, 493-4, 497, 499, 502, 504-5, 517, 519, 525–6, 528, 535-8, 540, 548, 561, 565-7, 571. (Вследствие частого упоминания страницы второго тома не указываются.)
Рерих Борис Константинович (1885–1945), брат Н.К.Рериха. – I: 484, 493, 504, 519, 524, 546, 562, 567
Рерих: черты его жизни и творчества (1918–1930). – Нью-Йорк: *Бурлюк,* 1930. – Книга Д. Д. Бурлюка. – I: 339, 499
Рерих – Жизнь – Творчество, статья Д.Д.Бурлюка. – I: 484
Рерих Святослав Николаевич (1904–93). – I: 8, 15, 295, 301, 313, 314, 336, 338, 372, 419, 466, 480, 488, 490, 497, 508, 525, 540, 552-3, 560-1; II: 3, 5, 52, 70, 75, 85, 93, 126, 139, 173, 180, 183, 189, 197, 221, 224, 225, 315-6, 330, 344, 435
Рерих Юрий Николаевич (1902-60). – I: 4-5, 11, 14-5, 378, 403, 519, 540; II: 89-90
Рерих. Художник. Мыслитель, книга Всев. Иванова. – I: 415
Ритер. – I: 428
Rutu (Riti), рижская типография. – I: 292, 300
Розендорф. – I: 222
Рой Артур, председатель Общества веданты в Нью-Йорке. – II: 26
Роллан Ромен (1866–1944), французский писатель. – I: 7
Роот Николай Фёдорович (1870–1960), живописец и керамист. Преподавал в Школе Общества поощрения художеств. – I: 407, 520, 525; II: 12, 15, 19-20, 61, 72, 87, 145, 155, 345
Россул М. –II: 100
Ростиславов Александр Александрович (1860–1920), русский искусствовед. – I: 519
Ростов Великий, картина Н.К.Рериха. – I: 467
Рудзите Гунта (Gunta) (р. 1933), старшая дочь Р.Рудзитиса, искусствовед, президент Латвийского общества Рериха. – I: 60, 64, 67, 128, 239, 248, 258, 308, 434-5, 447; II: 452, 479
Рудзите Илзе (Ильзе) (Ilze) (р. 1937), средняя дочь Р.Рудзитиса, художница. В настоящее время живёт на Алтае. – I: 434, 447; II: 479
Рудзите Мария (р. 1939), младшая дочь Р. Рудзитиса, врач. – II: 326, 479
Рудзите Элла Рейнгольдовна (1900–1993), актриса Национального театра Латвии, жена Рихарда Рудзитиса. В Латвийское общество Рериха вступила в 1930, руководила группой, читала лекции, подготовленные мужем. 1 июня 1949 была арестована и

сослана в инвалидный лагерь в Карагандинскую область. Вернулась после реабилитации в июле 1955. Работала почтальоном, воспитывала внуков. Всю жизнь стремилась к познанию, занималась переводами с немецкого языка. После смерти мужа переписала и привела в порядок многие его работы, написала воспоминания. – I: 14, 182, 201, 209, 216, 239, 245, 258, 289, 308, 311, 329, 338, 353, 404, 413, 473, 558, 560; II: 80, 103, 205, 221, 267, 388, 414, 452, 512

Рудзитис Давид (Rudzitis Davids) (1881 – 1939), государственный канцлер и министр, общественно-политический деятель Латвии. – II: 226

Рудникова (Рудникова-Икскюль) Нина Павловна, поэтесса и философ. – I: 46, 355, 391, 498, 511, 550, 553, 555; II: 19, 313

Рузвельт Теодор (1858–1919), американский государственный деятель, президент США (1901-09). – I: 462

Рукмини, член Теософского общества. – I: 271

Руманов А.В., русский писатель, эмигрант. Жил в Париже. Выписал из Латвии в 1936–37 книги Н.К.Рериха и Р.Рудзитиса. – I: 13, 409; II: 252, 334

Руми (1207–72), таджикский поэт. – I: 6

Румкорф Г., немецкий механик. В 1852 сконструировал индукционную катушку – прибор для преобразования прерывистого тока низкого напряжения в прерывистый ток высокого напряжения. – I: 41

Русская слава (Шведская слава, Слава), статья Н.К.Рериха. – II: 409, 422, 428

Русское искусство за рубежом, книга. – II: 287, 355, 386

Рущиц Фердинанд (1870–1936), польский живописец, график и педагог. Учился в Академии художеств вместе с Н.К.Рерихом. – I: 290

Рущиц – Вроблевский, статья Н.К.Рериха. – II: 376

Рылов Аркадий Александрович (1870–1939), русский живописец. Учился в Академии художеств вместе с Н.К.Рерихом, преподавал в Школе Общества поощрения художеств. – I: 278, 295, 317, 332

Рынкевич С. (Rynkevicz S.), участница рериховского движения в Польше. – I: 516; II: 199, 202-3, 276, 309, 310, 354, 367, 376, 381

Саади (1184–1291), персидский поэт. – I: 6

Сааринен, архитектор. – I: 408

Савицкий. – I: 272, 278, 364-5

Садананда. – I: 499; II: 249

Саломея, библейский персонаж. – II: 396

Сальников А., генерал, эмигрант, руководитель русской группы розенкрейцеров в Шанхае, председатель организации легитимистов. – I: 227, 350, 438, 443, 460-1; II: 78, 80-1, 83, 391

Саратх Кумар Саркар, доктор философии. – II: 26

Саржент Джон (1856–1925), американский художник. – II: 21

Сведенборг Эммануил (1688–1772), шведский учёный и теософ-мистик. – II: 142, 235

Свет, газета. – I: 159, 268; II: 318

Светлой памяти Ф.Д.Лукина, статья Н.К.Рериха. – I: 262

Святая Покровительница, картина Н.К.Рериха. – I: 269

Святилище, рисунок Н.К.Рериха. – I: 509

Святогор, картина Н.К.Рериха. – II: 64

Святой Сергий, картина Н.К.Рериха. – II: 34–5, 274

Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна (ум. 1942), княгиня, сподвижница известной русской просветительницы княгини М.К.Тенишевой. Принимала участие в работе Центра русской культуры в Талашкино. После революции жила в Париже, сотрудничала с Европейским центром при Музее Рериха в Нью-Йорке. – II: 219

Святые Борис и Глеб, картина Н.К.Рериха. – I: 132

Святые Борис и Глеб, рисунок Н.К.Рериха. – I: 509

Священная Гора (*The Holy Mountain),* книга. – I: 491; 545

Священный Дозор, книга Н.К.Рериха. – I: 141–2, 153, 159, 183–4, 186-7, 198, 202, 205, 213, 221, 251, 290, 294, 306, 315, 412, 474, 477, 532; II: 140, 257, 336

Северянин Игорь (1887–1941), русский поэт. С 1917 жил в Эстонии. – II: 61, 137, 254, 328,

337, 406
Сегодня, газета. – I: 74, 129, 150, 185, 213, 220-1, 240, 243, 245, 272, 276-8, 292, 310, 318, 330, 351, 355, 394, 439-40, 455, 480, 484, 511-2, 523-4, 526, 567; II: 3, 93, 126-8, 134, 180, 183, 186-7, 191, 226, 235, 238, 249, 275, 314, 347, 357, 366-7, 380, 393, 400, 405, 408, 419, 422-3, 427-8, 454
Сегодня вечером, газета. – I: 142
Селиванова Нина, искусствовед, автор монографии *Мир Рериха: биография* (Selivanova N. *The World of Roerich: A Biography.* – N.Y.: *Corona Mundi,* 1922). – II: 435, 455
Сен Биресвар (1897–1960), индийский художник. – II: 139, 375
Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.–65 н. э.), римский философ. – II: 451
Сен-Жермен (XVIII в.), граф. «Был величайшим Адептом Востока, какого Европа видела за последние столетия» (Е.П.Блаватская). – I: 116, 118, 198, 376, 416; II: 90, 102, 433, 445 6
Сент-Ив д'Альвейдер Александр (1842–1909), автор оккультных романов. – I: 449, 470-1; II: 25
Сеплевенко (Seplevenko) Виктор Михайлович, председатель Болгарского отделения общества *Божественная Жизнь.* – I: 271, 277, 326–7, 335, 348, 413, 438, 451, 479, 505, 516, 518, 522, 532; II: 50, 65, 134, 389-90, 409
Серафинене (Серафинина) Надежда Павловна (Serafiniene) (ум. ок.1958), врач, жила в г.Скуодас (Литва). Увлекалась теософией и астрологией. По совету Ф.Лукина в мае 1935 основала в Ковно Литовское общество Рериха, была его первым председателем. Переписывалась с Е.И.Рерих. Была репрессирована. – I: 182, 208, 224, 241, 246, 257-8, 286, 299, 375, 381, 396, 429, 432-3, 435, 452, 464, 490, 513; II: 65-6, 94, 111, 115, 146, 241, 321
Сергиева Пустынь, картина Н.К.Рериха. – I: 331, 454, 512
Сергий Радонежский (ок. 1319–92). – I: 29, 147, 197-8, 269, 391
Сергий Строитель, картина Н.К.Рериха. – I: 479, 526; II: 8
Сердце, книга Учения Живой Этики. – I: 27, 53, 62, 107, 110-1, 137, 334, 350, 372, 374, 424, 428, 463; II: 77, 141, 283, 377, 439
Сердце Азии, книга Н.К.Рериха. – I: 108, 209; II: 25, 92, 99, 103, 256, 283, 522
Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884–1967), русская художница. После революции жила в Париже. – II: 417
Серов Валентин Александрович (1865–1972), русский живописец. – I: 452, 472, 543, 552; II: 125
Сея Лудвиг (Seja Ludvigs) (1885–1962), посол Латвии в Литве. – I: 379
Сидлецкий, издатель. – I: 302
Силинь Янис (1896–1993), латышский искусствовед, доцент Латвийского университета. Читал лекции в Латвийском обществе Рериха. В 1944 эмигрировал. – II: 227, 528
Силы Небесные, картина Н.К.Рериха. – I: 467
Синнетт Альфред Перси (Sinnett A. P.) (1840–1921), английский журналист, редактор аллахабадской газеты *Пионер* (Индия), вице-президент Теософского общества. – I: 54, 314, 557; II: 284
Сипавичюс Владимир (Sipavicius Vladimir), режиссёр Клайпедского театра (Литва). Член Литовского общества Рериха. Принимал активное участие в жизни Общества, читал лекции. – I: 246, 382, 513, 567; II: 16
Сирдс Гаисма (Sirds Gaisma, Свет сердца), книга. – I: 346, 372, 410; II: 19, 108, 122, 210, 330
Сиривардхан П.П., художественный критик, историк культуры, редактор индийского журнала *Маха-Бодхи.* – I: 497; II: 15
Сказ о Кришне, книга. – II: 330
Склодовская-Кюри Мария (1867–1934), физик и химик, лауреат Нобелевской премии (1903, 1911). – II: 255, 270
Скаляр (The Scholar), индийский журнал. – I: 339, 565
Скрябин Александр Николаевич (1871–1915), великий русский композитор. – II: 408
Скуенек Маргерс (Skujenieks Margers) (1886–1941), политический деятель Латвии. – I: 397
Скулме Ото (Skulme Oto) (1889–1967), известный латышский живописец, сценограф. – II: 244
Скунмэкер Чайка Андреевна, участница рериховского движения в США. – I: 551
Слётов Александр (1902 – ок. 1980), член Латвийского общества Рериха. Муж Л.Слётовой.

Репрессирован в 1949–55, отбывал ссылку в Тюменской области и Воркуте. – I: 140, 168; II: 6, 402
Слётова Людмила Борисовна (1902–81), член Латвийского общества Рериха со дня его основания. В группе Ф.Лукина с 1928. Одна из наиболее преданных членов, но доставляла немало беспокойства и Ф.Лукину, и Р. Рудзитису. Родом из Латгалии, отец – военный врач. Имела двоих детей. Репрессирована в 1949–55 (Абезь, Коми). После возвращения организовала свою группу. – I: 4, 92, 110, 140, 167, 177, 200, 214, 227, 247-8, 264, 428-31, 462-3, 515, 542
Слово о полку Игореве, книга. – I: 480
Служба Преподобному Сергию Игумену Радонежскому Чудотворцу, книга. – I: 269
Сметона (Smetona) Антанас (1874–1944), литовский политический деятель. В 1897–1902 изучал право в Петербурге. В 1926–40 – президент Литвы. – I: 384
Снежная Дева, картина Н.К.Рериха. – II: 119
Содружество, статья Е.Н.Туркиной. – I: 440
Сознание Красоты спасёт, книга Р.Рудзитиса. – I: 11, 133, 253, 256, 265, 271, 273, 279, 282, 286, 293, 303, 310, 332, 372, 386; II: 140, 424
Сокол. – I: 342
Сократ (ок. 470–399 до н.э.), великий древнегреческий философ. – II: 101
Сокровище Мира, картина Н.К.Рериха. – II: 20
Солнечная культура, эссе Р.Рудзитиса. – I: 6
Солнечный дикарь, книга. – II: 61
Солнцев, священник. – I: 408, 501
Соловская, член Российского теософского общества. – I: 341, 352; II: 392
Соловьёв Всеволод Сергеевич (1849–1903), писатель, брат известного философа Вл. Соловьёва. Познакомившись с Е.П.Блаватской в Париже весной 1884, просил принять его в чела, и когда ему в этом было отказано, пытался оклеветать её и Теософское общество. – II: 507
Соломон, великий царь Израиля. – I: 109, 114–5, 227
Сонк, д-р. – II: 62
Сострадание, картина Н.К.Рериха. – I: 329, 419, 454, 503, 507, 526, 551, 562; II: 8
Софийский собор, статья Н.К.Рериха. – I: 295
София Премудрость, картина Н.К.Рериха. – II: 184
Спас Нередицкий, картина Н.К.Рериха. – I: 467
Спасский Георгий, священник. – I: 501; II: 17–8
Спенсер Луис, организатор неорозенкрейцерского ордена *Аморк.* – I: 238
Сталин (1879-1953). – I: 14; II: 504
Старкопф Антон (1889–1966), скульптор. Учился в Мюнхене и Париже. Декан и директор Тартуского государственного художественного института, член инициативного комитета Пакта Рериха. – II: 153
Старые годы, статья Н.К.Рериха. – I: 243
Стипрайс (Stiprais) Борис (1894–?), родился в г. Салдус, жил в Елгаве. Работал учителем. Принят в Латвийское общество Рериха 24.02.1934, в 1940 был кандидатом в члены правления. Имел в Елгаве свою группу, читал лекции в Риге и Вентспилсе. Наиболее близко общался с М.Стребейко, Г.Лукиным, И. Блюменталем. – II: 194, 467, 525
Сто вершин Гималаев, картина Н.К.Рериха. – II: 119
Стойлов В., художник. – II: 489
Стокман, владелец книжного магазина. – II: 324
Стокс Фредерик, майор, председатель Нью-Йоркского общества Рериха. Издал книги Н.К.Рериха *Altai–Himalays: A Travel Diary* (1929) и *Shambhala* (1930). – I: 179, 518; II: 208-9
Стомбровский. – I: 140
Сторк Уортон (1881–?), американский писатель и поэт, почётный советник Музея Рериха в Нью-Йорке. – I: 551; II: 51, 225
Стоюнина М.Н. (1846–?), педагог, известная общественная деятельница.-I: 282, 531
Страж пустыни, картина Н.К.Рериха. – II: 174
Страздыныд Якоб (Strazdins Jekabs) (1905–58), известный латышский живописец и

художественный критик, педагог. – I: 512
Странник Светлого Града, картина Н.К. Рериха. – I: 467
Стратфорд. – II: 256
Стребейко Мейнгардт (1904–?), родился в Елгаве, жил в Риге. Член Латвийского общества Рериха. Печатал на ротапринте книги Живой Этики на латышском языке *(Листы Сада Марии,* ч. II, *Сердце, Беспредельность, ч.* I, и др.). Репрессирован в 1950. После освобождения жил обособленно. – I: 398, 428, 543; II: 6, 234, 243, 253, 273, 518
Стрекалова, член Латвийского общества Рериха. – I: 92; II: 399–400
Стрела Сарахи (Сараха), картина Н.К.Рериха. – I: 479; II: 8
Стриндберг Аугуст (1849–1912), шведский драматург. – II: 62–3
Строганов. – II: 446
Строение, статья Н.К.Рериха. – I: 154
Струнке. – I: 445
Струны водопада, картина Н.К.Рериха. – II: 158, 173
Студио, журнал. – II: 322, 329, 419, 422
Стуране (Стуран, Sturane) Марта (ум. 1951), член Латвийского общества Рериха с 1935 по 1937. Перед входом советских войск в 1944 эмигрировала из Латвии в Германию, потом в Америку. Оттуда поехала в Индию, в Калимпонг, к Е.И.Рерих. Жила вместе с Ингеборг Фричи неподалёку от дома Е.И.Рерих. Умерла в Индии. – I: 428
Стуре Карл Иванович (Store Karlis, литературный псевдоним Andris) (1877–1961), учитель немецкого языка в гимназии (г. Вентспилс). Член Латвийского общества Рериха, после смерти Ф.Лукина стал председателем Общества (1934–36). Много сделал для принятия Пакта Рериха в Латвии. Написал и издал несколько брошюр на темы Живой Этики. Имел двоих сыновей и дочь от первой жены. Вторая жена – Термина – была воспитательницей в детском саду. Сын Ольгерд и его жена Лайма, внучка Гита пошли по стопам Карла Ивановича, им близки идеи Рериха. – I: 5, 8, 21-2, 27, 35, 48-52, 57, 62, 64, 67, 74, 77, 91-3, 95, 104, 120, 127, 130, 137-8, 140, 142-6, 150, 153-5, 158, 160-2, 165-7, 169-70, 178, 183, 186, 188-9, 191, 193, 201, 203, 213, 215-6, 222-3, 225, 233, 247, 283, 291, 332, 413, 420, 425, 427, 429, 459; II: 112, 162, 177, 179, 194, 201, 205, 210, 217, 242, 246, 302, 338, 412, 420, 473, 489
Суворин Борис. – II: 83, 94
Судрабкалн Янис (наст, имя и фамилия Арвид Пейне) (1894–1975), известный латышский поэт, журналист. – I: 142, 150, 182, 185, 232, 243
Сундар Синг, индийский культурный деятель. – I: 349
Сытин Иван Дмитриевич (1851 –1934), русский издатель. – II: 145
Тагор Рабиндранат (1861 – 1941), великий индийский поэт и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии (1913). Вёл переписку с Н.К.Рерихом. – I: 6, 8, 55, 167, 219, 241, 273, 310, 350, 389, 437, 485, 489, 492, 499, 543; II: 125, 130–2, 138, 159-61, 179, 330
Тайная Доктрина, книга Е.П.Блаватской. – I: 14, 44, 55, 60, 79, 90, 100, 106, 109, 116, 143, 165-6, 208, 229, 237, 248-50, 257-8, 263, 265, 268, 270, 275-8, 283-4, 286-7, 290, 292, 295-6, 299, 304, 309, 311, 316-7, 321-3, 327, 331-3, 335-6, 301, 307-8, 314, 328, 340, 344, 347, 350-3, 355, 363, 365, 368, 375-6, 385, 389-90, 396, 400, 403, 409, 412-4, 422-3, 425-7, 431, 434, 438, 445, 450-1, 459, 469, 475, 483, 490, 530, 542, 568; II: 6, 16-7, 36, 46, 51, 57, 76-7, 108, 112, 117-9, 122-4, 130, 135-6, 168, 184, 227-8, 234, 236, 239, 241, 257-8, 260, 271, 273, 281, 285, 290-1, 300, 310-1, 317, 319, 326, 329-30, 343, 346, 364-5, 376, 424-5, 429
Тайная Мудрость, см. *Тайная Доктрина.*
Тамм Альфред (Tamm Alfred), эстонский журналист, секретарь инициативного комитета Пакта Рериха в Эстонии. – I: 362; II: 152
Тампи К.П. Падманабхан, индийский писатель, участник рериховского движения. – II: 420
Тандан Рам Чандра, индийский писатель, участник рериховского движения. – I: 456-7, 485, 493, 502, 504, 517, 524; II: 17, 52
Тарабильда Домицеле (Tarabildiene Domicele) (1912–85), член Литовского общества Рериха. Художница, скульптор, больше известна как график, иллюстратор книг. Жена П.Тарабильды. Её скульптуры – бюст Н.К. Рериха и *Мадонну Мира* – высоко оценили Е.И. и Н.К.Рерих. – I: 275, 375, 384, 387, 571; II: 51, 118
Тарабильда Петрас (Tarabilda Petras) (1905–77), литовский художник, член Литовского

общества Рериха. – I: 213, 247, 257, 310, 312, 316, 330, 380-1, 383-4, 452, 456, 485, 508; II: 75, 111, 115, 120, 127, 137, 163
Тарасов Мирон Емельянович, русский эмигрант. – I: 209, 479; II: 29, 94, 157, 220
Тарло-Мазинский. – II: 202
Таска Эдуард (1890–1942), эстонский художник, ученик Школы Общества поощрения художеств. Владелец магазина художественных изделий в Таллине. Председатель Таллинского инициативного комитета Пакта Рериха. – I: 349, 356, 362-3, 481, 505, 540; II: 31, 82, 153, 156, 176, 235, 387
Таубе Михаил Александрович, барон, профессор международного права, председатель Французского комитета Пакта Рериха. – II: 254, 348
Твердыня Пламенная, книга Н.К.Рериха. – I: 159, 182, 210, 243; II: 256
Твердыня Тибета, картина Н.К.Рериха. – I: 487; II: 11, 63
Тебе Я Дарую, книга. – I: 227, 230, 238, 451
Темпль Артизан (The Temple Artisan), журнал. – I: 45
Тентелис Аугуст (Tentelis August) (1876–1942), историк, профессор, ректор Латвийского университета, министр просвещения, директор Исторического института Латвии. – I: 361
Теософикэл Уорлд(Пе Teosophical World), журнал. – I: 524
Теософист (The Theosophist, Теософ), журнал. – I: 277, 416, 502
Теософский вестник, журнал. – II: 346
Тереза Авильская (1515-82),- I: 174, 543
Тибет, серия картин Н.К.Рериха. – II: И, 26, 31, 45, 63, 64, 81, 129, 158, 169, 295, 361
Тибетец, картина С.Н.Рериха. – II: 435
Тибетика(Tibetica), книга. – I: 254, 343; II: 92
Тибетский лама, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Тибетский стан, картина Н.К.Рериха. – I: 454; II: 121
Тибетское Евангелие, книга. – II: 45
Тигерстедт С.В., теософ. – II: 62, 256-7, 276, 324, 333, 336, 354, 356, 436
Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90–1576), выдающийся итальянский живописец. – I: 336
Тичингс оф тхе Тэмпль (Teachings of the Temple, Учение Храма), книга. – II: 292
Толстой Алексей Константинович (1817–75), русский поэт, писатель, драматург. – II: 381
Толстой и Тагор, статья Н.К.Рериха. – I: 290, 401
Толстой Лев Николаевич (1828–1910), великий русский писатель. – I: 6, 180, 310, 537; II: 36, 183, 361, 373, 403
Тревога, картина Н.К.Рериха. – II: 119
Третьяков Виктор (1901–?), латвийский журналист, эмигрант из России. – II: 198, 387-8, 400
Третьяковская галерея. – II: 125
Три Радости, картина Н.К.Рериха. – II: 22
Тураев Борис Александрович (1868–1920), русский востоковед, египтолог. – I: 307
Туркина (Turkina) Евгения Николаевна, участница рериховского движения на Дальнем Востоке. – I: 171, 187, 202, 221, 231, 294, 315, 331, 342, 439-40, 546; II: 418
Тцам, картина Н.К.Рериха. – I: 479
Тюльпинк Камилл, президент Международного совета Пакта Рериха. Организовал два конгресса, посвящённых Пакту. – II: 196
Уайт Артур (Wake). – II: 98
Угунс (Uguns), издательство Латвийского общества Рериха. – I: 8, 14, 213, 242, 251, 259, 268, 300, 306, 315, 372, 385, 389, 396, 402, 412, 438, 446-7, 454, 492, 517, 522, 532, 534; II: 14, 34, 61-2, 66, 81-2, 96, 144, 182, 226, 245, 256, 323-4, 332, 383, 405, 428
Уельш Эми. – II: 138
Уитмен Уолт (1819–92), американский поэт. – I: 543
Ульманис Карлис (Ulmanis Karlis) (1877–1942), агроном, образование получил в США. Президент Латвии (1934–40). Репрессирован, расстрелян в СССР. – II: 112
Унгерн фон Штернберг (1886–1921), барон, один из руководителей белогвардейских войск в Забайкалье и Монголии в годы Гражданской войны. В 1921 являлся фактическим правителем Монголии. Был расстрелян войсками Красной Армии. – II: 426
Ункрада, картина Н.К.Рериха. – I: 571; II: 22

Уоллес Генри (1888–1965), министр сельского хозяйства США (1933– 40), вице-президент (1941–45). Покровительствовал Луису Хоршу. – I: 291
Урусвати, журнал. – I: 217, 237, 249-50, 253, 265, 301; II: 92
Урусвати, институт. – I: 36, 214, 494
Утро, картина Н.К.Рериха. – II: 84
Ф.А., см. Буцен Ф.А.
Ф. Д., см. Лукин Ф.Д.
Фёдор Антонович, см. Буцен Ф.А.
Фейзак-Смирнова, член Виндавского отделения Латвийского общества Рериха.-11:194
Фейшнер, композитор. – II: 152
Феликс Денисович, см. Лукин Ф.Д.
Фелпс-Стокс, см. Стокс Фредерик.
Фелыпоу (Фельшов, Felshaw) Василий Фёдорович, архитектор. – I: 516; II: 145, 188, 199
Ферн Эдмунд, секретарь Эклектического теософского общества Симлы. Был исключён из Теософского общества (ок. 1882). – II: 507
Фидий (ум. ок. 431 до н.э.), великий древнегреческий скульптор. – II: 59
Филоктет, ученик Платона. – II: 100, 129
Флавий Филострат, автор книги *Жизнь Аполлония Тианского.* – II: 90, 283
Фламма (Flamma), журнал. – I: 432; II: 116-9, 128, 139, 143-5, 185, 188, 192, 199, 206-7, 209, 225, 237, 245, 252, 260-1, 263-4, 295, 321, 328, 334, 336, 346-7, 356, 367, 382, 388, 393, 406-7, 418, 428, 432, 434, 443, 488
Фламма, организация. – I: 402, 455, 466, 475, 494; II: 117, 186
Флетчер (Fletcher) Гораций (1849–1919), американский врач-физиолог. – II: 151
Форман М., американский писатель, председатель общественного комитета Пакта Рериха в Нью-Йорке. Принимал участие в переводах книг Живой Этики на английский язык. – I: 342
Фосдик Дедлей (ум. 1957), сотрудник музея Рериха в Нью-Йорке, активный участник рериховского движения. Второй муж З.Г.Лихтман. – I: 316, 328; II: 86
Фосдик Джин (Fosdick Gene), сотрудник Музея Рериха в Нью-Йорке, президент ассоциации *Фламма.* Брат Дедлея Фосдика. – I: 316, 328, 518; II: 434
Франциск Ассизский (1182–1226), – II: 209
Франчиа (Франческа) Ла Дью (1849–1922), основательница общества *Храм Человечества. – I:* 45; II: 230
Фрейман Карл (Freimanis Karlis), один из членов-основателей Латвийского общества Рериха, состоял в кружке Ф.Лукина. Руководил группой, был членом правления, кассиром. В конце войны уехал в Германию. Умер от сердечной астмы. – I: 4, ПО, 141, 156, 164–5, 189, 264, 426, 431, 515, 542
Фрицберг Евгения (Эйжения) (Fricberge-Peile Eijenija) (1908–79), родилась в Москве. Член Латвийского общества Рериха. В августе 1928, ещё студенткой I курса экономико-юридического факультета Латвийского университета, пришла в кружок Ф.Лукина, где было тогда около 10 человек. Самый молодой, но активный член Общества, она читала лекции, занималась переводами, редакторской работой. Посещала Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) в 1939–40. Вышла замуж за эстонца А.Пеаля из группы П.Ф. Беликова, развелась (муж пил). Имела дочь Еву. Работала библиографом и редактором в библиотеке Академии наук. Репрессирована не была. – I: 168, 364, 429-30, 462, 480, 542
Фричи (Fritche) Гизелла Ингеборг (1899–1996), сотрудница Музея Рериха в Нью-Йорке. – II: 411
Фролов Владимир Александрович (1874–1942), профессор, руководитель мозаичной мастерской при Академии художеств. – II: 380
Фудзияма, картина Н.К. Рериха. – I: 454
Хальдар (Халдар) Асит Кумар (1890–?), индийский живописец и график, общественный и культурный деятель Индии. – I: 488, 517
Харбинское время, газета. – I: 262; II: 69
Хейдок Альфред Петрович (1893–1990), активный участник рериховского движения на Дальнем Востоке. Перевёл на русский язык ряд основных работ Е.П.Блаватской

(Тайная Доктрина, т. III, *Разоблачённая Изида),* а также *Письма Махатм.* – I: 129, 133, 227, 261, 263, 294, 314, 462, 546
Хиллард Екатерина. – I: 44
Хинд, мадрасская газета. – II: 366, 428
Хирьяков (Hirjakow) Александр Модестович, автор статей о Н.К.Рерихе в варшавской газете *Русское слово.* – I: 546; II: 15, 138, 259, 331
Холл (Holl) Мэнли Палмер (1901–90), писатель, автор книг по вопросам религии и философии, основатель Общества философских исследований (1934) в Лос-Анджелесе. – II: 417, 449
Холм К. – II: 324-5, 333
Хорш Луис (наст, фамилия Леви), президент Музея Рериха в Нью-Йорке. В 1935, в сговоре со своей женой и Эстер Лихтман, на основании подложных документов объявил Музей своей собственностью. В конце 30-х гг. вместе с Э.Лихтман посетил фашистскую Германию. Умер в 1979. – I: 142, 146-7, 154, 179, 183, 186, 203, 479, 498, 532; II: 10, 117, 209, 286, 329, 507
Хорш Нетти, жена Л.Хорша, секретарь Музея Рериха в Нью-Йорке. Участвовала в фальсификации документов и клеветнической кампании вместе со своим мужем. В конце жизни страдала слабоумием. – I: 147, 179, 479; II: 46, 117, 209
Храм Мистицизма, индийский журнал. – I: 497
Хувер (Гувер) Герберт (1874-1964), президент США (1929-33). – II: 66
Хьюм Аллан Октавиан, высокопоставленный чиновник английской администрации в Индии, президент Эклектического теософского общества Симлы. В 1882 ушёл с этого поста, изменил свои взгляды и обратился в ярого врага Теософского общества. – II: 507
Цветы художества, статья Н.К.Рериха. – I: 486
Цейдлер Клара Фёдоровна (1870–1952), художник-акварелист. Училась в Штиглице, преподавала в Школе Общества поощрения художеств. С 1918 жила и работала в Эстонии. Преподавала в Таллинской художественно-промышленной школе. В 1940 уехала за границу. – I: 505, 525; II: 12, 19, 73, 345
Цейлон, картина Н.К. Рериха. – II: 158
Цепь причин, книга К.Принца. – II: 196
Церковь Св. Духа в Талашкине, статья Н.К. Рериха. – II: 126
Цзонкапа, картина Н.К. Рериха. – I: 479; II: 435
Циснерос, д-р. – I: 565
Цитадель, роман А.Д.Кронина. – II: 34
Цитроен (Цитрон) Марк, владелец типографии в Париже. – I: 354, 409, 411, 415, 494; II: 345
Цома де Керёз (Чома де Кёрёш) (1784–1842), венгерский путешественник и востоковед. – II: 444
Цукурс в гостях у Белого Братства, статья. – I: 433
Цукурс (Cukurs) Герберт (1900–65), латышский лётчик. – I: 433
Чайковский Пётр Ильич (1840–1893), великий русский композитор. – II: 400
Час последний, статья Н.К.Рериха. – I: 433
Чаттерджи Сунити Кумар (1890–?), индийский писатель и учёный, филолог, профессор Калькуттского университета. – I: 488, 493
Чаша Востока, книга. – I: 50, 53-5, 59, 152, 177, 182, 201, 227, 318, 376; 11:131, 141, 254, 283, 400, 431
Чаша неотпитая, статья Н.К.Рериха. – II: 75, 237, 272, 428, 475, 479
Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936), русский общественный деятель, издатель, друг Л.Н.Толстого. – I: 479, 546
Чингиз-хан (ок. 1155–1227), основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206). – II: 283
Чингиз-хан, книга Б.Я.Владимирцова. – II: 64, 99, 105, 173
Чудо, картина Н.К.Рериха. – I: 128, 139, 411; II: 325
Чюрленис Микалоюс (1875–1911), литовский живописец и композитор. – I: 378, 508
Шабас Поль, председатель Парижского отделения Лиги Культуры, издал *Агни-Йогу* на французском языке. – II: 263
Шамбала, книга Н.К. Рериха. – II: 25, 62, 256, 303

Шангрила (Shangri-La), американский фильм по роману *The Lost Horizon.* – II: 268
Шанти, индийская девочка, помнившая свои воплощения. – I: 124
Шауб-Кох Эмиль, профессор Академии художеств в Женеве (Швейцария). Участник рериховского движения. – II: 16, 23, 37, 74
Шаховской Иван. – I: 501
Шекспир Уильям (1564–1616), великий английский поэт. – I: 368, 404
Шелли Перси Биши (1792–1822), английский поэт. – I: 55
Шено. – I: 456; II: 37
Шеффелис Эрнест. – I: 4
Шибаев Анатолий Семенович, отец В А. Шибаева. – I: 377
Шибаев Владимир Анатольевич (1898–1975), окончил Коммерческую школу в Риге. После встречи с Е.И. и Н.К.Рерих в Лондоне зимой 1919/20 основал в Риге группу изучающих Живую Этику, а также книготорговую фирму *World Service* и филиал издательства *Алатас.* В 1928 уехал в Индию, работал секретарём у Н.К.Рериха. Вёл переписку с Латвийским обществом Рериха, присылал фотоснимки о жизни в Кулу. Написал Р.Рудзитису около 150 писем и получил от него примерно столько же. В 1939 за недостойное поведение был уволен со службы, уехал в Дели, затем в Лондон. Последние годы жизни провёл в Кардиффе, переписывался с П.Ф.Беликовым. – I: 3–4, 9, 12, 27, 49, 51, 67, 70, 111, 132-4, 138-9, 141, 153, 155, 157, 176, 181, 202-3, 212, 221, 230-1, 240-2, 253, 258, 272, 274, 284, 301, 308, 314, 319, 347, 360, 373, 377, 384, 390, 394, 406, 418, 428, 432, 437-9, 459, 468, 475, 479, 482, 484, 486, 515, 522, 531, 540, 546-7, 565; II: 6, 11, 13-5, 21, 34, 37, 45, 47, 50-1, 54, 81, 85, 94, 97, 104-5, 107, 116, 118, 128-9, 141, 143, 145, 158, 174, 181, 184, 186, 191, 196, 220, 222, 235, 240, 244, 252-3, 257, 260-1, 263, 275-6, 286, 288, 296, 299-300, 310-1, 315-6, 318, 329, 333-4, 343-4, 347, 350, 365-6, 375, 382, 385, 391, 406, 408, 420, 429-30, 433-6, 455, 479
Шивананда Сарасвати. – II: 389
Шикшасамуччая, книга. – I: 89
Шимонис (Simonis) Казис (1887–1978), известный литовский живописец и график, ученик М.Чюрлёниса. – I: 508
Шия, член Латвийского общества Рериха. – II: 304
Шклявер Георгий Гаврилович (ум. 1970), юрист, профессор, генеральный секретарь Французского комитета Пакта Рериха и Европейского центра при Музее Рериха в Нью-Йорке (с 1929). – I: 37, 120, 206, 212, 220, 272, 284, 291, 296, 312-3, 315, 354, 362, 364, 366-8, 371, 374, 377, 384, 388, 391, 411, 415, 456, 475, 479, 492, 494-5, 498, 503, 516, 524, 531, 552, 562, 565; II: 220, 240, 253, 296, 330, 334, 343, 375
Шмидт П., профессор Латвийского университета. – I: 203, 206, 261, 262, 274, 302, 352, 510, 519, 564; II: 123, 195, 206
Шмит-Юргенс, член Общества психических исследований в Таллине. – I: 349
Шолохов Михаил Александрович (1905–84), знаменитый советский писатель. – II: 521, 523
Шпак, член Латвийского общества Рериха. – II: 28
Шуазёль Этьенн (1719–85), герцог, французский государственный деятель. В 1758–70 фактический руководитель всей политики Франции, занимал посты министра иностранных дел (1758–61, 1766–70), военного (1761–70) и морского министра (1761–66). В 1764 изгнал иезуитов из страны. – II: 446
Шюре Эдуард, писатель. – I: 470–1
Щербов П. – П: 125
Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939), русский архитектор и театральный художник. – II: 331, 351
Щусев Алексей Викторович (1873–1949), русский архитектор. – I: 392, 394, 402, 409, 480, 484, 524
Эйдук Янис (Eiduks Janis) (ум. 1931), латышский врач-психотерапевт, жил и работал в Риге. – I: 102
Эккартгаузен К. (XVIII в.), немецкий мистик. – I: 319
Элкан (Элькан), адвокат. – I: 508
Эль Греко (1541–1614), испанский живописец. – II: 255
Энтузиасты-рериховцы, статья. – I: 146

Эпизоды из американской истории, статья. – II: 448
Эпизоды из жизни Блаватской, книга А.П.Синнетта. – I: 557
Эрманис (Эрмане) Алма, жена П.Эрманиса. – I: 428, 459
Эрманис Петерис (Ermanis Peteris) (1893–1969), латышский поэт, писатель, литературовед. В 1944 эмигрировал в Германию. – I: 428
Эрнст Сергей Ростиславович (1895–1980), русский искусствовед. С 1925 жил в Париже. – I: 493, 571
Эстония, статья Н.К.Рериха. – I: 566–7; II: 94
Эттингер Эстер (Ettingere Estere), владелец книжных магазинов в Риге, в 30-х гг. имел книжный магазин и библиотеку на ул. Бривибас, 3. – I: 515
Ю.Д., см. Монтвидене Ю.Д.
Юлия Доминиковна, см. Монтвидене Ю.Д.
Юн-Канг, картина Н.К.Рериха. – II: 158
Юпатов Алексей (1911–75), латвийский художник. – II: 34, 126, 182, 187, 198, 207, 254, 287, 296, 316, 321, 329, 335, 338-9, 342, 344, 350, 353, 355, 357, 363-4, 368, 375, 378, 386, 390, 392, 394, 396, 404-5, 408, 416-7
Юревич Паул (Jurevics Pauls) (1891–1981), философ, профессор Латвийского университета. Автор работ о Платоне, Сократе, софистах. Читал лекции в Латвийском обществе Рериха, был членом группы профессоров. В 1944 эмигрировал, жил в Австралии. – I: 359, 375
Юшкевич, участник рериховского движения в Польше. – I: 451
Якобсон Бруно (Jakobsons Bruno) (1906–85), член Латвийского общества Рериха с 1937. Учился на экономико-юридическом факультете Латвийского университета и в консерватории. На тексты *Листов Сада Марии* писал песни, которые вместе с женой Каролиной пел друзьям. Таких песен было больше 10 томов. Был арестован 4 июня 1949 и осуждён на смертную казнь, которую затем заменили 25 годами заключения с пожизненной ссылкой в Сибири. Работал в Воркуте. Вернулся в Ригу после реабилитации в 1956. – II: 88, 91, 241, 481
Якобсон Каролина Яновна (1902–91), член Латвийского общества Рериха с 1937. В гимназии училась вместе с будущей женой Г.Лукина М.Шнейдер. В 1941 закончила экономико-юридический факультет Латвийского университета. Работала библиотекарем, занималась в скульптурной студии. Репрессирована в 1950–56. Отбывала срок в Воркуте, потом в Мордовии. Последние годы провела в пансионате *Межциемс,* где помогала больным и умирающим. Её комната с репродукциями картин Н.К.Рериха была словно небольшой оазис. Свою библиотеку она передала возобновлённому Латвийскому обществу Рериха. – II: 88, 91, 233
Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938), русский художник. С 1914 жил за границей. – II: 317
Янг Билдер (Young Builder, Молодой строитель), американский журнал. – I: 259
Янек (Janeks) Александр (1891 – 1970), латышский химик. Работал в области коллоидной химии. Доктор наук, профессор Латвийского университета. Исследовал также религиозно-философские проблемы. Написал книги *Основы учения Будды, Жизнь и религия* и др. – II: 107
Янсен (Янсон) Мартин (Jansons Martins Guastavs) (1896–?), директор Департамента прессы и обществ Латвии. Был репрессирован. – I: 508; II: 180, 213-4, 228, 242-3, 303, 323
Янушкевич Антон, участник рериховского движения в Польше. – I: 335, 343, 346, 470, 518; II: 16, 70, 145, 200, 203, 318, 408
Яхт, член Латвийского общества Рериха. – I: 309
Яшвиль, княгиня. – II: 219
Яшвиль, княжна. – II: 219